3 1761 05388612 3

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1964

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ

МАКАРІЯ,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ТОМЪ VII.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

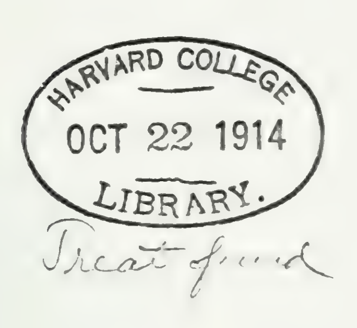
ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ЕЯ НА ДВѢ МИТРОПОЛИИ.

МАКАРІЯ,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

КНИГА II

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литогр. Р. Голике. Троицкая улица, № 18.
1891.



От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ. Іюля 9 дня 1891 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

МОНАСТЫРИ.

ГЛАВА V.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЛАВА IV.

МОНАСТЫРИ.

Въ предшествовавшій, такъ-называемый монгольскій, періодъ нашей церковной жизни, продолжавшійся два слишкомъ столѣтія, у насъ возникло болѣе 180-ти монастырей. Но какъ изъ этихъ монастырей до тридцати находились въ юго-западной Россіи: то значитъ, что собственно въ тѣхъ епархіяхъ, которыя вошли теперь въ составъ московской митрополіи, появилось тогда всего около 150-ти обителей ([1]). Въ настоящій же періодъ, обнимающій менѣе даже полутораста лѣтъ, вновь основано въ этой послѣдней митрополіи, какъ увидимъ, около трехсотъ монастырей. Слѣдовательно умноженіе ихъ въ сѣверо-восточной Россіи совершалось теперь не только не въ меньшей, но даже гораздо въ большей пропорціи, чѣмъ совершалось оно при монголахъ. А если при этомъ взять во вниманіе, что почти всѣ монастыри монгольскаго періода продолжали существовать и въ настоящій вмѣстѣ съ вновь возникшими: то окажется, что теперь общее число ихъ было у насъ выше четырехсотъ.

([1]) Нашей Истор. Русск. Церкви IV, гл. 3.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что нѣкоторые монастыри, неизвѣстно кѣмъ и когда основанные, дѣлаются только извѣстными въ настоящій періодъ, а могли существовать и прежде. Зато несомнѣнно, что другіе монастыри, напримѣръ, Соловецкій, Пафнутіевъ-боровскій, были едва основаны подъ конецъ прошлаго періода, но получили даже первоначальное устройство уже въ настоящій, и что самые ихъ основатели или устроители значительнѣйшею долею своей дѣятельности принадлежали настоящему періоду.

Къ сожалѣнію, о большей части нашихъ тогдашнихъ монастырей, какъ въ Руси восточной или, точнѣе, въ средней полосѣ Россіи, такъ и въ Руси сѣверной, сохранились крайне скудныя свѣдѣнія, такъ что намъ приходится почти только ихъ перечислить. Несравненно менѣе такихъ обителей, о которыхъ мы имѣемъ возможность сказать, кѣмъ и когда онѣ основаны и каковы были ихъ устройство и состояніе.

I.

Москва, мѣстопребываніе русскаго митрополита, считала уже въ себѣ до 15-ти монастырей и между ними: Чудовъ, Андрониковъ, Симоновъ, Алексѣевскій. Теперь дѣлаются въ Москвѣ извѣстными еще 16 монастырей.

Изъ числа ихъ ко второй половинѣ XV вѣка относятся: а) *Богоявленскій на Троицкомъ подворьѣ*: это подворье находилось въ Кремлѣ близъ великокняжескаго дворца и подарено было еще Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ препод. Сергію радонежскому; въ 1460 г. здѣсь сооружена каменная церковь Богоявленія и около того же времени образовался монастырь подъ управленіемъ игумена и въ зависимости отъ Сер-

гіевой лавры (²): б) *Новоспасскій:* устроенъ въ 1462 г. на возвышенномъ берегу Москвы-рѣки, въ четырехъ верстахъ отъ Кремля, по волѣ в. к. Іоанна Васильевича III, взамѣнъ монастыря Спасскаго, который еще со временъ Іоанна Даниловича Калиты помѣщался въ Кремлѣ на самомъ великокняжескомъ дворѣ, а теперь переведенъ со всѣмъ своимъ штатомъ въ монастырь Новоспасскій (³): в) *Воскресенскій на Высокомъ* въ Бѣломъ городѣ, упоминаемый въ 1479 г., и — г) *Покровскій въ Садѣхъ*, великокняжескій, въ которомъ Іоаннъ Васильевичъ въ томъ же году приказалъ построить новую деревянную церковь (⁴); д) *Спасскій въ Чигасахъ* за Яузою: здѣсь въ 1483 г. игуменъ Чигасъ заложилъ каменную церковь; е) *Николаевскій на Угрѣши* близъ Москвы, упоминаемый съ 1488 года, и ж) *Козьмодемьянскій на Вражкахъ* за Яузою, упоминаемый въ 1498 году (⁵).

Въ продолженіе XVI столѣтія въ первый разъ упоминаются въ Москвѣ монастыри: а) *Покровскій Лыщиковъ* на Лыщиковой горѣ, который в. к. Іоаннъ III завѣщалъ въ 1504 г., какъ свой великокняжескій, сыну своему Василію; б) *Георгіевскій* — дѣвичь въ Бѣломъ городѣ, основанный въ первой половинѣ XVI в. дочерью именитаго боярина и воеводы Юрія Захарьевича Романова — Өеодосіею, теткою добродѣтельной Анастасіи, первой

(²) Собр. Русск. Лѣт. VI. 181; VIII. 149; Ник. Лѣт. V, 287; Истор. Росс. Іерарх. III, 406.

(³) Истор. Р. Іерарх. II, 269; VI, 260; *Карамз.* VI. примѣч. 629, стр. 101, *Эйнерлинг.*

(⁴) Ник. Лѣт. VI, 108; *Мартыновъ.* Москва, I, стр. 22, М. 1865; *Карамз.* VI, примѣч. стр. 95. 98; Собр. Лѣт. VIII, 201.

(⁵) Собр. Лѣт. VI, 234. 238; Собр. Госуд. Грам. I, 337; *Карамз.* VI. примѣч. стр. 96. 98; Истор. Р. Іерарх. VI. 259. 464. 707.

супруги Іоанна Грознаго ([6]); в) *Новодѣвичій* на Дѣвичьемъ полѣ, созданный в. кн. Василіемъ Іоанновичемъ въ 1525 г., по обѣту, вслѣдствіе покоренія Смоленска; г) *Савинъ* на томъ же Дѣвичьемъ полѣ, существовавшій уже при построеніи Новодѣвичьяго монастыря и считавшійся въ числѣ домовыхъ монастырей митрополита; д) *Введенскій*—дѣвичь на Хлыновѣ, въ Бѣломъ городѣ, упоминаемый въ 1536 г. ([7]); е) *Крестовоздвиженскій* на Островѣ, въ Бѣломъ городѣ; ж) *Ильинскій* на Ильинскомъ Крестцѣ въ Китай-городѣ и—з) *Николаевскій* на Драчахъ въ Земляномъ городѣ, подвергшіеся пожару въ 1547 году ([8]); и) *Іоанновскій*—дѣвичь на Кулижкахъ въ Бѣломъ городѣ, основанный, по преданію, царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV ([9]).

Но не въ Москвѣ, столицѣ русскаго государства, явились тогда самыя замѣчательныя обители Руси восточной, а въ трехъ незначительныхъ городахъ, находившихся въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы: Боровскѣ, Волоколамскѣ и Переяславлѣ-Залѣсскомъ, изъ которыхъ только второй нѣсколько времени не находился въ епархіи митрополита. Основателемъ обители въ Боровскѣ былъ препод. Пафнутій, въ крещеніи Пароеній. Онъ родился къ концу XIV вѣка въ сельцѣ Кудиновѣ близъ Боровска отъ благочестивыхъ родителей, и по отцу происходилъ изъ татаръ. Дѣдъ его былъ нѣкогда баскакомъ въ Боровскѣ, и, во время случившагося возстанія русскихъ противъ

([6]) Собр. Госуд. Грам. I, 390; *Мартынов.* Москва, I, 27; Истор. Іерарх. III, 690.

([7]) Собр. Госуд. Грам. I, 416; Собр. Лѣт. VI, 264; Ник. Лѣт. VI, 231; Степ. кн. II, 203; *Мартын.* Москва, I, 24. 28.

([8]) Ник. Лѣт. VII, 55. 57; Степ. кн. II, 246. Изъ этихъ монастырей Крестовоздвиженскій упоминается еще въ 1504 г. (Собр. Госуд. Грам. I, 363), а Ильинскій—въ 1519 г. (*Мартын.* Москв., I, 24).

([9]) Ист. Іерарх. IV, 307; *Мартын.* Москв. I, 24.

татаръ, принялъ крещеніе съ именемъ Мартина, чтобы спасти свою жизнь. Двадцати лѣтъ Пафнутій вступилъ въ боровскій Покровскій монастырь, называвшійся Высокимъ, и, къ счастію, съ самаго начала отданъ былъ подъ ближайшее руководство ученику препод. Сергія радонежскаго Никитѣ, который, послѣ игуменства своего въ серпуховской Зачатіевской обители, проживалъ теперь здѣсь на покоѣ. Проведши семь лѣтъ подъ руководствомъ такого старца, пока онъ снова не отошелъ въ прежнюю свою обитель, Пафнутій настолько утвердился въ добромъ направленіи, что уже самъ продолжалъ болѣе и болѣе возвышаться въ духовной жизни. Съ теченіемъ времени своими добродѣтелями онъ пріобрѣлъ общее уваженіе и любовь между братіею, такъ что, когда настоятельское мѣсто въ обители сдѣлалось празднымъ, то и иноки и самъ боровскій князь Семенъ Владиміровичъ, считавшій эту обитель своею, упросили его принять санъ игумена. Посвященный митрополитомъ Фотіемъ (слѣдовательно не позже 1431 г.), Пафнутій еще ревностнѣе предался иноческимъ подвигамъ, подавая примѣръ своей духовной паствѣ, и дни проводилъ въ монастырскихъ службахъ и работахъ, а ночи въ молитвѣ. Но на тринадцатомъ году игуменства его посѣтила продолжительная болѣзнь: онъ принялъ схиму (и съ того времени уже не священнодѣйствовалъ до конца своей жизни, за исключеніемъ одного случая), отказался отъ начальствованія надъ обителію и въ двухъ верстахъ отъ нея избралъ для себя уединенное мѣсто въ лѣсу между двумя рѣками, гдѣ и поселился съ однимъ изъ братій. Это было въ 1444 году. Скоро начали стекаться къ нему сюда иноки изъ разныхъ монастырей и съ его согласія строили себѣ келліи. Когда число собравшихся значительно возросло, онъ позволилъ имъ соорудить деревянную церковь, которая и

освящена во имя рождества Пресвятыя Богородицы, по благословенію митрополита Іоны (слѣд. не прежде 1448 г.). Съ этого времени дѣйствительно образовался или устроился *боровскій — Пафнутіевъ* монастырь, который еще при жизни своего основателя сдѣлался славнымъ во всей землѣ русской. Пафнутій управлялъ имъ около тридцати лѣтъ и свѣтилъ для всѣхъ своими добродѣтелями. Онъ обыкновенно въ понедѣльникъ и пятницу ничего не кушалъ, въ среду ѣлъ только хлѣбъ, въ прочіе дни трапезовалъ вмѣстѣ съ братіею. Всегда трудился въ тяжелыхъ работахъ: сѣкъ и носилъ дрова, копалъ землю для ограды, носилъ воду для поливки растеній, и никто прежде него не приходилъ ни на работу, ни на соборное правило. Въ зимнее же время болѣе предавался молитвѣ и чтенію и плелъ сѣти для ловли рыбы. Женщинъ не только не дозволялъ впускать въ обитель, но не хотѣлъ видѣть и издалека и запрещалъ даже говорить объ нихъ. Во всемъ любилъ скудость и нищету и о внѣшности своей вовсе не заботился. Сильныхъ людей не боялся, бѣдныхъ не презиралъ; гордымъ не очень былъ доступенъ, а къ нищимъ всегда ласковъ и милостивъ. Однажды, во время голода, онъ пропиталъ всѣхъ окрестныхъ жителей, которые собирались къ нему ежедневно по тысячѣ человѣкъ и болѣе, такъ что въ обители изъ запасовъ ничего не осталось. Относительно догматовъ вѣры имѣлъ такую ревность, что если кто начиналъ говорить что-либо несогласное съ божественнымъ писаніемъ, то не только не хотѣлъ слушать такого человѣка, но изгонялъ изъ обители. «Мы пожили съ нимъ довольно лѣтъ, говоритъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ Пафнутія, видѣли его труды и злостраданія, подвиги и посты, худость одежды, твердую вѣру и любовь къ Богу, несомнѣнную надежду на пречистую Богородицу. За то и сподобился

онъ благодати Божіей, такъ что прозиралъ будущее, видѣлъ и объявлялъ сокровенные помыслы братіи, исцѣлялъ болѣзни и получалъ все, чего ни просилъ у Господа Бога и Пречистой Богородицы. Былъ воистину далекъ отъ людей нынѣшняго вѣка всѣми своими обычаями» ([10]). Сказанія о высокихъ подвигахъ препод. Пафнутія привлекали къ нему многихъ со всѣхъ сторонъ, и обитель его расширялась болѣе и болѣе. Это расположило его воздвигнуть новый, болѣе обширный и каменный, храмъ, для котораго онъ самъ, вмѣстѣ съ учениками, носилъ камень, воду и другіе матеріалы. А чтобы украсить храмъ, пригласилъ самыхъ лучшихъ иконописцевъ того времени, старца Митрофана и Діонисія. Вмѣстѣ съ церковію преподобный воздвигъ въ своей обители и всѣ прочія необходимыя строенія. Уваженіе къ нему простиралось до такой степени, что когда онъ подъ конецъ жизни сдѣлался боленъ и сталъ изнемогать, то не только бояре, но и князья и княгини изъ всѣхъ удѣловъ, даже самъ великій князь и митрополитъ многократно присылали навѣщать его и просить его благословенія и молитвъ. Св. старецъ скончался въ 1477 г., восьмидесяти двухъ лѣтъ съ половиною, оставивъ обитель свою вполнѣ благоустроенною, въ которой при смерти его находилось уже 95 иноковъ и изъ которой вышли достойные основатели и другихъ обителей ([11]).

Таковъ былъ, прежде всѣхъ, препод. Іосифъ, основатель *Волоколамскаго монастыря*, названнаго его именемъ. Не ста-

---

([10]) *Пр. Іосиф. Волокол.* Духовн. Грам. гл. X (Велик. Четн-Минеи *Макар.*, Сент. 9, стр. 559, Спб. 1868).

([11]) *Вассіаново* Житіе преп. Пафнутія, въ Сборн. нашей библ. № 100; *Иннокент.* Записка о послѣдн. дняхъ пр. Пафнутія, напеч. въ прилож. къ книгѣ г. *Ключевскаго*—Древне-Русск. Житія, стр. 439—453, М. 1871.

немъ повторять здѣсь біографіи этого великаго подвижника и ревнителя православія, изложенной нами въ другомъ мѣстѣ (т. VI, 106 и слѣд.), а припомнимъ только, что онъ основалъ свою Волоколамскую обитель въ 1479 г. и ввелъ въ нее общежительный уставъ, когда число братій возросло въ ней до ста, и скажемъ здѣсь, какъ объ этой обители, такъ и о самомъ Іосифѣ, лишь то, чего тамъ не сказали. По уставу Іосифова монастыря пища иноковъ была самая простая и умѣренная, одежда грубая и худая, обувь изъ лыкъ, несмотря на всѣ средства монастыря. Въ келліяхъ не держалось ничего, кромѣ иконъ, книгъ и бѣдныхъ одеждъ, а потому не было и запоровъ. Въ монастырскихъ работахъ должны были участвовать всѣ братія одинаково, безъ всякаго различія, былъ ли кто прежде нищимъ или богачемъ, рабомъ или вельможею. Въ церковь приходили всѣ по первому звону и въ ней стояли и молились благоговѣйно; послѣ литургіи шли въ трапезу и, вкушая пищу, безмолвно внимали назидательному чтенію. Послѣ повечерія каждый шелъ въ свою келлію и потомъ исповѣдывалъ отцу духовному свои грѣхи протекшаго дня. Никто не могъ выйти за ворота обители безъ благословенія настоятеля. А женщинамъ и дѣтямъ вовсе запрещенъ былъ входъ въ обитель. Были иноки, которые, не ограничиваясь точнымъ исполненіемъ общихъ монастырскихъ правилъ, рѣшались, съ благословенія настоятеля, на нѣкоторые особенные подвиги: одинъ носилъ на своемъ тѣлѣ острую власяницу, другой — тяжелыя вериги, третій клалъ ежедневно по тысячѣ, даже по двѣ и по три тысячи поклоновъ; нѣкоторые проводили почти всю ночь въ молитвѣ и предавались сну на самое короткое время, и то сидя или стоя. Старецъ Герасимъ Черный, постоянно отличавшійся строгимъ постничествомъ, жилъ, наконецъ, какъ отшель-

никъ, внѣ обители. Другой старецъ Кассіанъ, по прозванію Босой (потому что никогда не носилъ обуви, даже зимой), пользовался за свои высокіе подвиги такимъ уваженіемъ, что самъ великій князь Василій Іоанновичъ избралъ его въ воспріемника своему сыну Іоанну. Впрочемъ, оба эти старца пришли съ Іосифомъ еще изъ Пафнутіевой обители. Изъ постриженниковъ самого Іосифа замѣчательны были: Іона Голова, бывшій въ мірѣ воспитателемъ сыновей волоколамскаго князя Бориса; Діонисій—изъ рода князей звенигородскихъ и Арсеній Голенинъ—изъ рода князей ростовскихъ. Первый непрестанно пребывалъ въ трудахъ и молитвѣ и служилъ образцемъ смиренія и сокрушенія о своихъ грѣхахъ. Второй, кромѣ того, что исправлялъ послушаніе въ пекарнѣ за двоихъ, каждый день прочитывалъ по 77 псалмовъ и полагалъ по три тысячи поклоновъ. Онъ поразилъ всѣхъ самымъ поступленіемъ въ монашество. Однажды, будучи еще мірянипомъ, онъ отправился со множествомъ своихъ слугъ на охоту; но, проѣзжая мимо обители Іосифовой, зашелъ въ церковь, во время службы, и, внезапно упавъ къ стопамъ игумена, неотступно просилъ себѣ немедленнаго постриженія. И тутъ же удостоившись получить желаемое, отпустилъ своихъ слугъ и отдалъ имѣніе свое на монастырь. Потомъ съ безусловнымъ послушаніемъ несъ труды въ поварнѣ, хлѣбопекарнѣ и уходѣ за больными, не отличаясь ничѣмъ отъ прочихъ братій ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ ([12]).

Заботясь объ устроеніи своей обители и о снабженіи ея всѣми необходимыми средствами, препод. Іосифъ никогда не отказывалъ въ помощи и обращавшимся къ нему бѣднымъ по-

---

([12]) Житіе пр. Іосифа Волок., составл. *Саввою Крутиик.*, стр. 25—27; Житіе того же препод., составл. *неизвѣстнымъ*, стр. 45—53, Москв. 1865.

селянамъ: инымъ отпускалъ сѣмена для посѣва, другимъ давалъ деньги для покупки земледѣльческихъ орудій и домашняго скота. Однажды, во время страшнаго голода, когда многіе въ отчаяніи посносили дѣтей своихъ къ обители и побросали, преподобный поспѣшилъ построить для нихъ домъ при входѣ въ обитель и принялъ всѣхъ (болѣе 50-ти) на ея призрѣніе *Бога ради*. Домъ этотъ съ устроенною въ немъ церковію введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы обратился въ постоянную страннопріимницу подъ названіемъ *Богараднаго монастыря*, гдѣ находили себѣ пристанище и готовую пищу бѣдные и странники, болящіе и страждущіе, такъ что обитель ежедневно кормила по шестисотъ и семисотъ человѣкъ, и издерживала какъ на свои нужды, такъ и на бѣдныхъ ежегодно по три тысячи четвертей хлѣба и все, что пріобрѣтала. А для прокормленія вообще голодавшихъ, которые тогда, во время голода, приходили къ обители, Іосифъ отворилъ всѣ монастырскія житницы и когда свои запасы истощились, то, несмотря на ропотъ братіи, дѣлалъ еще займы. Великій князь Василій Іоанновичъ, при личномъ посѣщеніи монастыря, замѣтивъ его оскудѣніе, приказалъ отпустить ему изъ собственныхъ селъ столько разнаго хлѣба, сколько было нужно; а затѣмъ прислали въ обитель свои пожертвованія и братья великаго князя и многія другія лица. Кромѣ Богараднаго или богадѣльнаго монастыря, назначеннаго для призрѣнія бѣдныхъ, Іосифъ устроилъ еще небольшой монастырь, также Введенскій, въ своемъ родовомъ имѣніи Спиридоновѣ, въ трехъ верстахъ отъ своей главной обители, получавшій отъ нея все содержаніе. Въ этомъ монастырѣ, въ которомъ число братій простиралось до двѣнадцати, устроенъ былъ при главной церкви особый молитвенный домъ, съ глубоко-ископанною могилою, называвшійся боже-

домьемъ (т. е. Божіимъ домомъ), гдѣ погребали всѣхъ странныхъ, безвѣстною и нужною смертію скончавшихся православныхъ христіанъ, и Бога ради въ извѣстные дни года поминали ихъ и служили по нихъ обѣдни и панихиды ([13]).

Волоколамскій монастырь, основанный препод. Іосифомъ, процвѣталъ и послѣ его смерти (9 сент. 1515 г.), и, по своему значенію для Церкви, долгое время занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ монастырей русскихъ. Отсюда вышли, только въ продолженіе какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ настоящаго періода, іерархи: Даніилъ, митрополитъ московскій, архіепископы: ростовскій Вассіанъ II, братъ препод. Іосифа, новгородскій Ѳеодосій II, казанскіе: Гурій, Германъ, Лаврентій, Тихонъ и Іеремія, епископы: смоленскій Савва Слѣпушкинъ, полоцкій Трифонъ, коломенскій Вассіанъ Топорковъ, тверскій Акакій, крутицкіе: Савва Черный, Нифонтъ, Галактіонъ и Симеонъ, рязанскій Леонидъ и другіе ([14]).

Другой постриженникъ Пафнутіева монастыря, основавшій свой собственный монастырь, былъ препод. Даніилъ переяславскій, въ мірѣ Димитрій. Родившись (1453 г.) въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, куда родители его незадолго предъ тѣмъ переселились изъ Мценска, онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ почувствовалъ въ себѣ влеченіе къ иночеству и, проживъ нѣсколько времени въ переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ у родственника своего, игумена Іоны, тайно ушелъ въ Пафнутіевъ монастырь. Здѣсь, хотя не засталъ уже въ живыхъ самого Пафну-

---

([13]) *Пр. Іосиф. Волок.* Посл. къ княгинѣ Голениной (напеч. въ Изслѣд. о сочин. пр. Іосифа г. *Хрущова*, стр. 258—259); *Савв.* Житіе пр. Іосифа, 50—53; *Неизв.* Жит. пр. Іосифа, 73—74; *Досиф. Топорков.* Надгробн. Слово пр. Іосифу, 23, Моск. 1865; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 401—402.

([14]) Акт. Истор. I. № 216, стр. 411.

тія, но принялъ постриженіе и подвизался десять лѣтъ подъ руководствомъ благочестиваго старца Левкія, съ которымъ прожилъ потомъ еще два года въ основанной имъ пустыни. По возвращеніи въ свой родной городъ, Даніилъ поселился-было въ Никитскомъ монастырѣ, но вскорѣ перешелъ въ Богородичный-Горицкій. Удостоившись получить санъ священства, ежедневно совершалъ божественную службу и съ любовію принималъ всѣхъ, иноковъ и мірянъ, приходившихъ къ нему для духовнаго назиданія; особенно же заботился объ упокоеніи странниковъ и о тѣхъ несчастныхъ, которые умирали какою-либо безвѣстною или нужною смертію: такихъ онъ отыскивалъ, своими руками относилъ въ общую могилу или усыпальницу, существовавшую въ городѣ, и отпѣвалъ по-христіански. Не довольствуясь этимъ, онъ пожелалъ еще построить надъ общею усыпальницею храмъ Божій и, получивъ благословеніе отъ митрополита Симона, при соучастіи нѣкоторыхъ добрыхъ людей, дѣйствительно построилъ во имя всѣхъ Святыхъ. А какъ нашлись и такіе, которые возревновали построить себѣ тутъ же, вокругъ храма, келліи и постричься въ иноки: то преподобный согласился на это и основалъ (въ 1508 г.) *монастырь*, который по имени его названъ впослѣдствіи *Даниловымъ*. Оставаясь самъ въ Горицкой обители, онъ ежедневно посѣщалъ свой «божедомскій» монастырь, отправлялъ здѣсь церковную службу, наставлялъ иноковъ въ подвижничествѣ и утѣшалъ, подкрѣплялъ ихъ среди нуждъ, какія они на первыхъ порахъ терпѣли. Братія Горицкаго монастыря упросила преподобнаго быть ихъ настоятелемъ и архимандритомъ; но онъ черезъ девять мѣсяцевъ оставилъ настоятельство и продолжалъ, по-прежнему, трудиться для своей новой обители. Великій князь Василій Іоанновичъ, посѣтивъ ее, нашелъ въ ней скромную простоту во всемъ, по-

рядокъ и благочиніе, а въ инокахъ благоговѣйность и умиленіе; былъ очень доволенъ и опредѣлилъ для нея ежегодное вспоможеніе. А при второмъ посѣщеніи повелѣлъ самому преподобному переселиться въ эту обитель и ввести въ ней общежитіе, обѣщавшись оказывать ему всякое пособіе. Старецъ исполнилъ волю государя, переселился (1511 г.) въ свой любимый монастырь и управлялъ имъ еще около тридцати лѣтъ. Скоро обитель Даніила начала процвѣтать: ея средства увеличивались отъ разныхъ пожертвованій; онъ построилъ въ ней каменный храмъ во имя Пресвятыя Троицы, каменную трапезу и многія другія палаты; число братства въ обители, возрастая постепенно, простиралось выше семидесяти; уставъ общежительный соблюдаемъ былъ въ ней со всею строгостію. Средства обители преподобный употреблялъ и на пособія мірянамъ, и однажды, во время голода, онъ пропиталъ всѣхъ приходившихъ къ обители въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, пока не настала новая жатва. Чтя особенно Даніила, великій князь Василій Іоанновичъ приглашалъ его въ воспріемника обоихъ своихъ дѣтей: Іоанна и Юрія. Но несмотря на такую честь, старецъ не переставалъ пребывать въ глубокомъ смиреніи и наравнѣ со всѣми иноками раздѣлялъ самыя простыя и черныя работы въ обители. Достигнувъ глубокой старости, онъ почувствовалъ изнеможеніе, оставилъ настоятельство, принялъ схиму и 7 апрѣля 1540 г. скончался на 87 году своей жизни ([15]). Обитель Даніилова, подобно Пафнутіевой, какъ увидимъ, послужила разсадникомъ и для нѣкоторыхъ другихъ обителей.

([15]) Житіе пр. Даніила, написанное вскорѣ по смерти его, встрѣчается въ рукописяхъ (Моск. Синод. библ. № 926; *граф. Толст.* Отд. II, № 296) и съ небольшими сокращеніями напечатано въ Степ. кн. II, 218—236. Въ 1549 г. братство въ Даниловомъ монастырѣ сократилось до 55 человѣкъ (Акт. Эксп. I, № 191).

Были и еще монастыри въ Боровскѣ, Волоколамскѣ и Переяславлѣ-Залѣсскомъ, кромѣ тѣхъ трехъ, о которыхъ мы сказали. Въ Боровскѣ — *Рождество-богородицкій*, женскій, который въ 1452 году супруга знаменитаго князя Владиміра Андреевича Храбраго завѣщала внуку своему князю боровскому Василію Ярославичу и надѣлила разными угодіями ([16]). Въ Волоколамскѣ — *Кресто-воздвиженскій*, въ которомъ препод. Іосифъ волоколамскій учился грамотѣ и письму; *Возмицкій*, гдѣ приготовлялся онъ, въ качествѣ послушника, къ постриженію въ монашество; *Власіевскій*, гдѣ постриглась его мать, и *Левкіевъ* или Левкіева Успенская пустынь, основанная въ волоколамскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Рузѣ преп. Левкіемъ, постриженникомъ Пафнутіева-боровскаго монастыря и бывшимъ наставникомъ преп. Даніила переяславскаго ([17]). Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ — *Христорождественскій*, гдѣ въ 1540 г. числилось братіи только шесть человѣкъ, и *Ѳеодоровскій*, въ трехъ верстахъ отъ города, основанный царемъ Іоанномъ IV по случаю рожденія сына его Ѳеодора въ 1557 году: въ монастырѣ этомъ съ самаго начала не только церковь во имя Ѳеодора Стратилата, но и всѣ прочія зданія воздвигнуты были каменныя ([18]).

Обращаясь къ другимъ городамъ, находившимся въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, изъ которыхъ одни относились къ московской, а другіе къ коломенской епархіи, встрѣчаемъ

([16]) Собр. Госуд. Грам. I, стр. 189—190.

([17]) О первыхъ трехъ монастыряхъ—въ *Савв.* Житіи пр. Іосифа, 5, 11. Въ частности, о Возмицкомъ, въ которомъ настоятели были архимандриты,—въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 183; Ист. Росс. Іер. III, 577; о Власьевскомъ—Ист. Росс. Іер. III, 577. А о четвертомъ Левкіевомъ монастырѣ—Ист. Росс. Іерарх. V, 10; Степ. кн. II, 219.

([18]) Акт. Эксп. I, №№ 191, 259; Ист. Росс. Іер. VI, 841.

въ нихъ и ихъ уѣздахъ довольно ограниченное число новыхъ монастырей. Таковы были: а) близъ Сергіевской лавры—*Введенскій*, называвшійся, по своему положенію на Подолѣ, *Подольнымъ* и состоявшій въ зависимости отъ лавры (уп. 1547 г.); б) въ Дмитровѣ и его уѣздѣ: *Ильинскій* на Ворѣ, принадлежавшій непосредственно митрополиту (уп. 1465), и *Троицкій на Березникахъ*, который дмитровскій князь Юрій Васильевичъ передалъ въ 1471 г., какъ свой, въ завѣдываніе Сергіевой лавры; в) въ клинскомъ уѣздѣ: *Зосиминъ* или Зосимина пустынь на рѣкѣ Малой Сестрѣ (уп. 1525—1540 г.): г) въ звенигородскомъ уѣздѣ: *Онуфріева пустынь* (уп. 1504 г.) и монастырь *Медвѣдевъ* на Тростнѣ (уп. около 1575 г.) (19): д) въ Коломнѣ: *Брусенскій Успенскій*, дѣвичь, основанный въ 1552 г.: е) въ серпуховскомъ уѣздѣ: *Давидова Вознесенская* пустынь, основанная постриженникомъ Пафнутіева-боровскаго монастыря, старцемъ Давидомъ въ 1515 году; ж) близъ Коширы: *Троицкій Песоцкій* или на Пескахъ, которому покровительствовали. одинъ за другимъ, три казанскіе царя, Магмедъ-Аминь, Абдылъ-Летифъ и Шигъ-Алей, владѣвшіе, по сверженіи своемъ съ престола, Коширою на правахъ удѣльныхъ (уп. 1498—1532 г.): з) близъ Калуги: *Христорождественскій* или *Лаврентіевскій* (уп. 1565 г.). гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Лаврентія, Христа-ради юродиваго (1515 г.) (20).

Не много также извѣстно новыхъ обителей во владимірскомъ, нижегородскомъ и костромскомъ краяхъ, которые всѣ принад-

---

(19) Опис. Серг. лавры. 166—167; Акт. Эксп. I, №№ 75, 88, 189 и стр. 350; Собр. Госуд. Грам. I. стр. 366; *Карамз.* VII, примѣч. 343.

(20) Ист. Росс. Іер. III. 458. 477; IV, 1; VI, 1019; Акт. Эксп. I, №№ 135. 154, 175; Калуж. епарх. Вѣдом. 1862 г., 1—5. 85. 102.

лежали преимущественно къ московской или митрополичьей епархіи, а частію къ суздальской.

Въ первомъ мы можемъ указать только на три митрополичьихъ извѣчныхъ монастыря въ самомъ владимірскомъ уѣздѣ: *Сновицкій*, *Николаевскій-Волосовъ* и *Преображенскій* на св. озерѣ (уп. 1504 г.); да еще на два монастыря: *Архангельскій*, построенный въ 1560 г. иждивеніемъ князя Михаила Ивановича Кубенскаго въ Юрьевѣ Польскомъ, и *Козьминъ* въ уѣздѣ этого города на рѣкѣ Яхромѣ, основанный къ концу XV вѣка препод. Косьмою яхромскимъ, постриженникомъ Кіево-печерской лавры (21).

Въ нижегородскомъ краѣ около половины XVI столѣтія упоминаются монастыри: въ Балахнѣ—*Покровскій*, основанный іеромонахомъ Пафнутіемъ, и *Христорождественскій* женскій, и въ Арзамасѣ—*Спасскій* (22).

Въ костромскихъ предѣлахъ явились монастыри: *Преображенскій* въ городѣ Кинешмѣ (уп. около 1452 г.); *Благовѣщенскій съ Унорожа* въ костромскомъ уѣздѣ (уп. около 1500 г.); *Николаевскій* иначе *Тихонова* пустынь близъ города Лухова, устроившійся (1503) вскорѣ по смерти преп. Тихона лухомскаго на мѣстѣ его пустынныхъ подвиговъ; *Преображенскій* на Сурскомъ озерѣ, получившій начало (около 1530 г.) отъ преп. Корнилія комельскаго, а потомъ устроенный ученикомъ его — преп. Геннадіемъ костромскимъ и любимскимъ, который въ 1549 г. удостоился быть воспріемникомъ первой дочери царя Іоанна Васильевича IV; *Воздвиженскій* въ Костромѣ, гдѣ принялъ

---

(21) Акт. Эксп. I, № 139, стр. III; Акт. Юрид. I, № 16; Ист. Росс. Іер. III, 332; IV, 423—424. 567.

(22) *Макар.* Памятн. Нижегор. епарх., въ Записк. Археол. Общ. X. 277. 284; Ист. Росс. Іер. III, 260.

постриженіе, и *Благовѣщенскій* на рѣкѣ Монзѣ, гдѣ скончался въ 1591 г. преп. Ѳерапонтъ монзенскій ([23]).

Бо́льшая часть монастырей рязанской епархіи сосредоточивались въ самой Рязани, ея окрестностяхъ и уѣздѣ. Въ самой Рязани находились: *Духовъ*, которому послѣдняя рязанская княгиня Агриппина подарила въ 1506 г. одно село съ разными угодіями, и *Спасопреображенскій*, получившій такой же подарокъ отъ рязанскаго князя Ѳеодора Васильевича (1503). Въ окрестностяхъ Рязани: *Троицкій* и *Богоявленскій*, восходящіе еще къ XV вѣку. Въ уѣздѣ рязанскомъ: *Зачатіевскій*, существовавшій не только во второй, но, вѣроятно, даже въ первой половинѣ XV вѣка: *Аграфенинскій Покровскій*—дѣвичь, устроенный рязанскою княгинею Агриппиною въ 1507 г. и называющійся пустынью; *Богословскій*, основанный прежде 1533 г., и *Воскресенскій Тереховъ*, получившій еще въ 1520 году жалованную грамоту отъ в. к. Василія Іоанновича ([24]).

Изъ монастырей рязанской епархіи, болѣе отдаленныхъ отъ Рязани, извѣстны: *Николаевскій Радовицкій*, построенный при озерѣ Радовицкомъ въ 65 верстахъ отъ Рязани при царѣ Іоаннѣ IV; два монастыря муромскихъ: *Благовѣщенскій*, основанный въ 1563 г. по взятіи Казани царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, вслѣдствіе обѣта, надъ могилою муромскихъ князей Константина и его чадъ, и *Николаевскій Бутылицкій*, упо-

---

([23]) Акт. Ист. I, стр. 491; Акт. Юрид. I, стр. 15; Ист. Росс. Іер. IV, 870; Опис. Луховск. монастыря, Моск. 1836; Пролог. и Чети-Мин., Январ. 23—о пр. Геннадіи любимскомъ; Ник. Лѣт. VII, 65—66; *Филар*. Русск. Свят. Январ. 12—о преп. Ѳерапонтѣ Монзенскомъ.

([24]) Ист. Росс. Іер. III, 69. 397; IV, 69; V, 735. 736; *Иловайск*. Ист. Рязан. княж. 249. 251. 253. М. 1858; *Пискарев*. Древн. граматы и акты Рязанск. края, №№ 18. 19. Спб. 1854; Акт. Ист. I. №№ 80, 134; Акт. Эксп. I, № 386; Акт. Юрид. I, № 24.

минаемый въ 1574 г.; наконецъ *Чернѣевъ Николаевскій* на рѣкѣ Цнѣ, въ 20 верстахъ отъ Шатска, построенный въ 1584 г., по благословенію рязанскаго епископа Леонида, іеромонахомъ Матөеемъ ([25]).

Смоленская епархія была небогата новыми обителями. Въ самомъ Смоленскѣ и близъ него съ начала XVI столѣтія упоминаются три монастыря: *Спасскій*, *Троицкій* (1506 г.) и *Святодуховскій*, котораго игуменъ Аѳанасій присутствовалъ на Виленскомъ соборѣ 1509 года ([26]). Еще четыре монастыря въ первой половинѣ того же вѣка основаны были въ разныхъ мѣстахъ епархіи преп. Герасимомъ болдинскимъ. Этотъ Герасимъ, въ мірѣ Григорій, родился въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и съ ранняго возраста принялъ постриженіе въ обители препод. Даніила переяславскаго, подъ руководствомъ котораго и провелъ болѣе двадцати лѣтъ. Утвердившись въ духовной жизни, онъ отправился искать себѣ уединенія, и сначала поселился въ дорогобужскомъ уѣздѣ, въ самой глухой и лѣсистой пустынѣ, гдѣ скрывались по временамъ разбойники, отъ которыхъ много терпѣлъ и которыхъ напрасно старался вразумить. Здѣсь на берегу рѣки Болдины въ 15 верстахъ отъ Дорогобужа, старецъ поставилъ 25 марта 1528 г. церковь Пресв. Троицы съ нѣсколькими келліями, и потомъ мало-по-малу устроилъ свою первую *Святотроицкую Болдину* обитель, въ которой подъ конецъ его жизни считалось до 140 братій. Чрезъ нѣсколько времени онъ пошелъ искать себѣ новаго уединенія и поселился близъ Вязьмы въ глухомъ лѣсу, гдѣ также было приволье ворамъ и разбойникамъ. Чтобы и здѣсь разсѣять недобрыхъ

([25]) Ист. Росс. Іер. III, 358; V, 662; VI, 700; Акт. Юрид. I, стр. 249.
([26]) Акт. Западн. Росс. I, стр. 270; II, стр. 26; Акт. Ист. I, стр. 525.

людей и освятить мѣсто, преподобный построилъ въ 1535 г. церковь во имя св. Предтечи и затѣмъ *Предтечевъ* монастырь, въ который собралось братіи до 40 человѣкъ. Поставивъ надъ ними игуменомъ ученика своего Симеона, Герасимъ удалился за триста верстъ отъ своего Болдина монастыря въ брянскій уѣздъ, и здѣсь, на берегу рѣки Жиздры въ Брынскомъ лѣсу, расчиствивъ мѣсто, основалъ третій свой монастырь, *Введенскій*, и собралъ также до 40 человѣкъ братіи. Поручивъ управленіе этою обителію ученику своему Петру Коростелеву, преподобный возвратился въ Болдинъ монастырь и неподалеку отъ него и отъ Дорогобужа, при мѣстечкѣ Свирковыхъ Лукахъ, основалъ, около 1545 года, четвертый монастырь, *Рождество-богородицкій Свирколуцкій*. Во всѣ эти четыре монастыря Герасимъ ввелъ одинъ и тотъ же общежительный уставъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, старецъ созвалъ къ себѣ изъ всѣхъ своихъ монастырей до 127 иноковъ, преподалъ всѣмъ наставленія и скончался 1-го мая 1554 г. на 65 году своей жизни ([27]).

Должно однакожъ сказать, что одинъ изъ монастырей, основанныхъ преп. Герасимомъ, именно Предтечевъ-вяземскій, принадлежалъ тогда не къ смоленской епархіи, а къ крутицкой, иначе сарской и подонской: такъ какъ Вязьма, будучи присоединена къ русскому государству отъ Польши гораздо прежде Смоленска, еще въ 1494 году, съ того времени поступила со всѣмъ своимъ округомъ въ вѣдѣніе крутицкаго епископа. Въ крутицкой же епархіи состоялъ и монастырь *Спасо-преображенскій*, построенный въ городѣ Бѣлевѣ, при бѣлевскихъ

([27]) Историко-статист. Опис. Смоленск. епархіи, 291—295. 302, Спб. 1864.

князьяхъ Солнцовыхъ-Засѣкиныхъ, еще до временъ царя Іоанна Васильевича Грознаго ([28]).

Въ тверскомъ краѣ первое мѣсто между новыми монастырями, по справедливости, принадлежитъ монастырю *Троицкому Колязинскому*, основанному неподалеку отъ города Кашина. Въ Кашинѣ существовали уже обители: *Срѣтенская* женская, и *Николаевская Клобукова*. Въ этой-то послѣдней и принялъ постриженіе сынъ славнаго боярина Василія Кожи, родоначальника дворянъ Кожиныхъ, жившаго въ восьми верстахъ отъ Кашина, по имени Матвѣй. Съ раннихъ лѣтъ онъ чувствовалъ въ себѣ влеченіе къ иноческой жизни, но, по волѣ родителей, долженъ былъ вступить въ бракъ. Черезъ годъ послѣ того родители Матвѣя скончались, а черезъ три скончалась и его жена. Тогда не стѣсняемый ничѣмъ, онъ роздалъ имѣніе нищимъ, а самъ поступилъ въ помянутый монастырь, гдѣ при постриженіи и названъ Макаріемъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ, вмѣстѣ съ семью другими иноками, удалился изъ монастыря въ пустыню и избралъ для себя уединенное мѣсто въ 18-ти верстахъ отъ Кашина между двумя озерами вблизи Волги. Тутъ на первыхъ порахъ старцу угрожала большая опасность. Владѣлецъ сосѣдней земли, бояринъ Иванъ Коляга, опасаясь, чтобы у него не отняли этой земли и не отдали новой обители, если она оснуется, возненавидѣлъ Макарія и рѣшился его умертвить. Но, внезапно подвергшись тяжкой болѣзни, со слезами исповѣдалъ свой грѣхъ предъ старцемъ, испросилъ у него прощенія, подарилъ ему свою землю для обители и даже самъ, по его убѣжденіямъ, принялъ отъ него монашескій образъ. По имени этого-то Коляги основанная здѣсь преп. Макаріемъ обитель, съ цер-

---

([28]) Тамъ же 5; Ист. Росс. Іер. I. 25, изд. 2; VI, 206.

ковію во имя Св. Троицы, и названа Колязинскою. Когда число иночествующихъ въ ней умножилось, они упросили Макарія быть ихъ начальникомъ, и тверскій епископъ Моисей (1453—1460 г.) посвятилъ его во іеромонаха и игумена. Въ новомъ санѣ преподобный нимало не измѣнился: по-прежнему, онъ принималъ участіе во всѣхъ монастырскихъ трудахъ наравнѣ съ другими иноками, носилъ самую грубую и худую одежду, нерѣдко съ заплатами; а своимъ смиреніемъ, подвигами поста, самоумерщвленія, молитвы превосходилъ всѣхъ братій. Не только простые люди, но и вельможи стремились къ нему въ обитель, чтобы видѣть его и послушать его наставленій. Достойные были у него и помощники въ дѣлѣ нравственнаго устроенія обители. «Когда я пришелъ на это мѣсто,—говорилъ онъ самъ препод. Іосифу волоколамскому при свиданіи съ нимъ,—со мной пришли семь старцевъ изъ Клобукова монастыря. Они такъ были совершенны въ добродѣтеляхъ, въ постническомъ и иноческомъ житіи, что всѣ прочіе братія приходили къ нимъ принимать наставленія и назиданія. И они всѣхъ просвѣщали и поучали полезному: живущихъ въ добродѣтеляхъ утверждали, а уклонявшимся въ безчиніе запрещали, возбраняли и не дозволяли ходить по своимъ волямъ». Препод. Іосифъ посѣтилъ эту обитель около 1478 г., слѣд. лѣтъ за пять до кончины препод. Макарія, и вотъ что передаетъ намъ: «тогда въ ней были благоговѣніе и благочиніе и все совершалось по отеческимъ и общежительнымъ преданіямъ, такъ что даже великій старецъ Митрофанъ Бывальцевъ тому дивился. Онъ возвратился тогда съ св. горы Аѳонской, проживъ на ней девять лѣтъ, и говорилъ братіи: я напрасно трудился и совершалъ такой дальній путь въ св. гору мимо Колязинскаго монастыря: можно и въ немъ спастись, потому что здѣсь творится все по-

добно киновіямъ, находящимся на св. горѣ». Препод. Макарій колязинскій скончался на 83 году своей жизни, 17-го марта 1483 года ([29]).

Въ 15-ти верстахъ отъ Твери существовала пустынь *Савватіева,* которую также посѣтилъ препод. Іосифъ волоколамскій во время своего путешествія по русскимъ монастырямъ. Здѣсь онъ увидѣлъ, по его собственному выраженію, святаго старца Евфросина изъ роду князей Теприпскихъ, который 60-ть лѣтъ прожилъ «во отходѣ», т. е., внѣ обители, какъ отшельникъ, и никуда не выходилъ изъ своей пустыни. Къ нему приходили многіе, иноки и міряне, князья и бояре, и нарушали его безмолвіе. Это заставило его удалиться въ новгородскіе предѣлы и поселиться на одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера, гдѣ и провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Но какъ и здѣсь, услышавъ о немъ, начали посѣщать его поселяне съ женами и дѣтьми: то онъ предпочелъ возвратиться въ прежнюю свою пустыню. Тутъ онъ вскорѣ уврачевалъ своими молитвами отъ тяжкой болѣзни дочь тверскаго князя Бориса Александровича, бывшую потомъ супругою великаго князя Іоанна III. Въ XVI столѣтіи упоминаются въ Твери и ея уѣздѣ еще три монастыря: *Перемѣрскій* (1549 г.), *Вознесенскій Туганскій*, который въ 1571 г. поступилъ въ управленіе Сергіевой лавры, и *Спасскій* на рѣкѣ Созѣ, получившій въ 1582 г. жалованную грамоту отъ тверскаго князя Симеона Бекбулатовича ([30]).

([29]) Акт. Эксп. I, №№ 35, 68; *Преп. Іосиф. Волок.* Дух. Грам. гл. X (*Макар.* Чети-Мин., Сент. 9, стр. 558—559); Житіе пр. Макарія коляз., въ Сборн. нашей библ. № 3, л. 240—252.

([30]) *Пр. Іосиф. Волок.* Дух. Грам. гл. X (— стр. 556. 557); Ист. Росс. Іер. VI, 1; Акт. Эксп. I, стр. 213. 378; Опис. Серг. лавры, 169.

Въ другихъ городахъ и уѣздахъ тверскаго края появились монастыри—а) *Николаевскій Антоніевъ* близъ Краснаго Холма: основанъ въ 1461 году іеромонахомъ Антоніемъ, который черезъ двадцать лѣтъ воздвигъ въ немъ и каменный храмъ, при содѣйствіи мѣстнаго владѣльца, боярина Нелединскаго; б) *Успенскій* въ Старицѣ: построенъ въ началѣ XVI столѣтія старицкимъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ; в) *Преображенскій* въ селѣ Присѣкахъ бѣжецкаго уѣзда, которое числилось въ новгородской епархіи, но принадлежало Сергіевой лаврѣ (уп. 1561 г.); г) *Троицкій Селижаровъ* при сліяніи рѣки Селижаровки съ Волгой въ осташковскомъ уѣздѣ: въ 1513 г. этому монастырю волоцкій князь Ѳеодоръ Борисовичъ завѣщалъ одну изъ своихъ вотчинъ; д) *Воскресенскій*—дѣвичь въ Торжкѣ, имѣвшій жалованную грамоту отъ царя Ивана Васильевича Грознаго ([31]).

Въ ростовскомъ краѣ къ прежнимъ монастырямъ, насколько извѣстно, присоединилось семь новыхъ. Одинъ близъ Ростова: *Троицкій Варницкій* при бывшихъ соляныхъ варницахъ, существовавшій еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Четыре въ Угличѣ и его уѣздѣ: *Алексѣевскій* въ самомъ городѣ, построенный въ 1492 г. княземъ Ѳомою-Димитріемъ; *Христорождественскій* на Прилукѣ, считавшійся (1448—1454 г.) въ числѣ подвѣдомыхъ Сергіевой лаврѣ; *Покровскій* въ трехъ верстахъ отъ Углича, основанный около 1476 года препод. Паисіемъ, племянникомъ и постриженникомъ препод. Макарія колязинскаго, по желанію углицкаго князя Андрея Васильевича, давшаго къ тому всѣ средства; *Кассіановъ Учемскій* въ 15 верстахъ отъ Углича на рѣкѣ Учмѣ, основанный при содѣйствіи

([31]) Ист. Росс. Іер. IV, 807; VI, 79, 293; Опис. Серг. лавры, 166; Акт. Эксп. I, №№ 296, 344.

того же князя (не позже 1491 г.) преп. Кассіаномъ, который былъ роду княжескаго изъ Мореи, пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Софіею, невѣстою великаго князя Іоанна III, и постригся въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ на Бѣлѣ-озерѣ. Два въ пошехонскомъ уѣздѣ: *Севастьяновъ Преображенскій* (пустынь) на рѣкѣ Сохотѣ, основанный препод. Севастіаномъ въ началѣ XVI вѣка, и *Адріановъ Успенскій* на рѣкѣ Вотхѣ, построенный въ 1543 г. препод. Адріаномъ, по благословенію митрополита Макарія ([32]).

Двѣ новыя области, пріобрѣтенныя царству русскому и вмѣстѣ русской Церкви во второй половинѣ XVI вѣка, казанская и астраханская, вскорѣ начали украшаться св. обителями. Въ Казани самъ царь Іоаннъ Васильевичъ, вдругъ по взятіи ея (1552 г.), положилъ начало первому монастырю *Успенскому* на мѣстѣ погребенія русскихъ воиновъ, павшихъ при осадѣ города. Монастырь этотъ,—такъ какъ мѣстность его оказалась слишкомъ низменною и ежегодно заливалась полою весеннею водою,—перенесенъ въ 1560 году на сосѣднюю гору Зилантъ, отъ которой и началъ называться *Зилантовымъ*, и тамъ устроенъ попеченіемъ святителя Гурія. Два архимандрита, прибывшіе вмѣстѣ съ Гуріемъ, устроили также по монастырю: Варсонофій въ Казани—*Спасопреображенскій* (1556 г.), а Германъ въ Свіяжскѣ—*Богородицко-успенскій* (1562 г.). При святителѣ Германѣ основаны монастыри: *Троицкій* въ Чебоксарахъ (въ 1566 г.) и *Іоанно-предтечевъ* въ Казани (1667 г.) иждивеніемъ самого Германа и нѣкоторыхъ гражданъ. Тогда же, если не прежде, возникъ въ Казани монастырь *Троицкій*,

([32]) Ист. Росс. Іер. III, 70. 91. 500; IV, 357; V, 585; VI, 1. 190; Акт. Эксп. I, №№ 43, 102, 171; Пролог., Мая 21—о Кассіанѣ Угличскомъ.

въ которомъ погребенъ былъ въ 1576 г. пятый казанскій архіепископъ Тихонъ I. А чрезъ два года, по случаю явленія Казанской иконы Божіей Матери, основанъ въ Казани первый монастырь дѣвичій, *Богородицкій-Казанскій* (33).

Что же касается до Астрахани, то въ ней мы знаемъ, въ настоящій періодъ, только одинъ монастырь—*Троицкій*, который былъ устроенъ игуменомъ Кирилломъ, присланнымъ сюда въ 1568 г. по указу царя Іоанна Васильевича (34).

II.

Въ сѣверной полосѣ Россіи находились только двѣ епархіи: новгородская и вологодско-пермская, съ двумя, тремя городами и уѣздами епархіи ростовской. Но въ этихъ двухъ обширныхъ епархіяхъ явилось теперь больше иноческихъ обителей, чѣмъ во всѣхъ восьми епархіяхъ московской митрополіи, которыя мы доселѣ обозрѣвали. На сѣверѣ было больше мѣстъ безлюдныхъ и пустынныхъ, больше простора и удобства для развитія строго-монашеской жизни, нежели въ средней полосѣ Россіи. Въ глубь сѣвера влекла иноковъ и заставляла тамъ селиться и св. ревность просвѣтить словомъ Евангелія грубыхъ дикарей, зырянъ, кореловъ, жителей Лапландіи, и научить ихъ благочестивой жизни.

Великій Новгородъ, хотя былъ уже переполненъ монастырями отъ прежняго времени, не переставалъ обогащаться и новыми. Пять такихъ монастырей мы видимъ на Софійской

---

(34) Ист. Росс. Іер. I, 216 (изд. 2); III, 382; IV, 182. 309; V, 627; VI, 53. 519. 528. 653; Акт. Эксп. I, №№ 322, 328; Акт. Ист. I, № 191.
(34) Акт. Ист. I, №№ 184, 193.

сторонѣ его: *Благовѣщенскій* на Гончарскомъ концѣ, *Воскресенскій* тамъ же, *Вознесенскій* въ Загородскомъ концѣ, *Николаевскій* на Легощей улицѣ и другой *Николаевскій* на Розважей улицѣ, основанный въ 1552 году. Еще четыре—на Торговой сторонѣ: *Воскресенскій* на Запольской улицѣ, *Воскресенскій* на Никитиной улицѣ, *Воскресенскій* на Павловой улицѣ и *Рождество-Богородицкій Арсеньевъ* на Михайловской улицѣ. Послѣдній названъ по имени своего основателя, препод. Арсенія, въ мірѣ Амвросія, который родился во Ржевѣ Володимеровой отъ ремесленниковъ и, постригшись въ 1562 г. въ монашество, построилъ свою обитель при содѣйствіи одного новгородскаго боярина дьяка Өедора Дмитріевича Сыркова, отличался самою строгою жизнію, носилъ вериги и послѣдніе годы свои провелъ въ затворѣ (ум. 12 іюля 1570 г.) ([35]).

Для обозрѣнія многочисленныхъ монастырей области новгородской считаемъ за лучшее держаться раздѣленія ея на пятины, т. е., на пять частей, которое дѣлается извѣстнымъ съ конца XV вѣка и оставалось въ силѣ впродолженіе всего XVI-го и послѣ. И начнемъ съ тѣхъ пятинъ, которыя соприкасались областямъ средней полосы Россіи, только что нами обозрѣннымъ.

Бѣжецкая пятина, простиравшаяся на востокъ, сѣверовостокъ и юго-востокъ отъ Новгорода, между рѣками Мдою и Мстою, заключала въ себѣ, судя по описанію ея 1581—1583 г., тринадцать монастырей. Но всѣ эти монастыри были крайне

([35]) *Неволин.* О пятинахъ и погостахъ Новгородск., въ Прилож. Писцовыя книги пятинъ, стр. 22. 194. 196. 199. 203. 211. 262. 263. 264 (по изд. въ Записк. Русск. Географ. Общ., кн. VIII, Спб. 1853); *Карамз.* VII, примѣч. 712; IX, примѣч. 398; Ист. Росс. Іер. III, 297; IV, 158; V, 673. 712. О дьякѣ Өедорѣ Сырковѣ упомин. въ Дополн. Акт. Ист. I, №№ 54—61.

незначительны и малолюдны. Такъ, въ Никольскомъ погостѣ въ Шереховичахъ (въ нынѣшнемъ боровицкомъ уѣздѣ) стоялъ на Черномъ лѣсу «монастырь царевъ и великаго князя», называвшійся *Никандровою пустынью*: здѣсь было только одиннадцать келлій, изъ которыхъ семь оставались пусты. Въ Богородицкомъ погостѣ въ Сопинахъ (въ томъ же уѣздѣ) *Никольскій* монастырь на рѣкѣ Оадрицѣ имѣлъ только три келліи: для игумена, дьячка и пономаря. Въ Козьмодемьянскомъ погостѣ въ Кушевѣрѣ (того же уѣзда) *Никольскій* «царевъ и великаго князя монастырь на чорномъ лѣсу» имѣлъ также три келліи. Въ Петровскомъ и Борисоглѣбскомъ погостѣ въ Боровичахъ *Рождество-Богородицкій* монастырь въ Передкахъ имѣлъ четыре келліи, но получалъ руги на двѣнадцать старцевъ, кромѣ игумена. Въ томъ же погостѣ въ Боровичахъ на рѣкѣ Мстѣ *Свято-Духовскій* монастырь, вновь устроенный (прежде 1572 г.) по случаю явленія мощей св. Іакова боровицкаго, заключалъ въ себѣ одиннадцать келлій и четырнадцать братій. Въ Никольскомъ погостѣ въ Морткиничахъ на рѣкѣ Мстѣ былъ *Никольскій* монастырь съ двумя только келліями, получавшій руги на десять человѣкъ. Въ Никольскомъ погостѣ Вышняго-Волочка у Столпа на рѣкѣ Тверцѣ *Никольскій* монастырь имѣлъ восемь келлій и старцевъ. Въ Воскресенскомъ погостѣ въ Осѣчнѣ (вышневолоцкаго уѣзда) *Троицкій* монастырь на рѣкѣ Илемнѣ имѣлъ двѣнадцать келлій. Въ Никольскомъ Подлубскомъ погостѣ у села Еванова (того же уѣзда) вновь устроенъ въ 1582 году какимъ-то Клементіемъ Милюковымъ монастырекъ *Никитскій* съ тремя келліями. Въ *Троицкомъ* монастырѣ на озерѣ Удомлѣ было девять келлій, изъ которыхъ шесть оставались не занятыми, а въ четырехъ келліяхъ при монастырѣ жили нищіе. Въ монастырѣ *св. Пара-*

скевы у озера Песвы находилось пять келлій для старицъ-инокинь да двѣ для нищихъ. Въ монастырькѣ *св. мученицы Евѳиміи*, у озера Кремони, жилъ одинъ іеромонахъ, а три келліи заняты были нищими. Въ *Спасскомъ монастырѣ* на рѣкѣ Мологѣ жили два старца въ двухъ келліяхъ; а при монастырѣ въ четырехъ келліяхъ жили нищіе ([36]). Къ этимъ 13-ти монастырямъ Бѣжецкой пятины надо присовокупить еще два, упоминаемые въ посланіи новгородскаго владыки Ѳеодосія (1545 г.) въ Желѣзноборскую Устюжну, именно: *Пречистенскій* и *Ильинскій* ([37]).

Сосѣднею съ Бѣжецкою пятиною по рѣкѣ Мстѣ была пятина Деревская, лежавшая на юго-востокъ отъ Новгорода между озеромъ Ильменемъ и рѣками Мстою и Ловатью. Въ этой пятинѣ, по описанію ея составленному около 1495 г., упоминаются монастыри: *Спасскій* при озерѣ Селигерѣ: тутъ жилъ одинъ игуменъ; *Рождество-Богородицкій* въ Молвятицкомъ погостѣ (нынѣ деманскаго уѣзда) съ двѣнадцатью келліями; *Введенскій* на рѣкѣ Моятѣ во Влажинскомъ погостѣ (въ сорока верстахъ отъ Новгорода); *Рождество-Богородицкій* въ Устьволмскомъ погостѣ (нынѣ крестецкаго уѣзда); *Успенскій* въ городкѣ Дѣмани (нынѣ Деманскъ) и *Петровскій* отъ Бѣлаго Костра. По описанію той же пятины 1581—1582 г., въ ней существовали еще монастыри: *Вознесенскій* или *Воскресенскій*, подъ Лютовою горою на рѣкѣ Нишѣ, съ двѣнадцатью келліями, *Никольскій* на озерѣ Едровѣ съ четырьмя келліями,

---

([36]) *Неволин.* О Пятин. Новгор. 190. 191. 194; приложен. 281. 285. 294. 299. 301. 313. 323. 326. 331. 334. 335. 339. 345; П. Собр. Русск. Лѣт. III, 168; Временник. Моск. Истор. Общ. XXIV, отд. III—О ружныхъ церквахъ и монастыр. въ Новгор., стр. 39.

([37]) Акт. Ист. I, № 298.

Спасскій на озерѣ Городолюблѣ съ семью келліями и *Никольскій* на озерѣ Боровнѣ также съ семью келліями ([38]).

Третья пятина—Шелонская, простиравшаяся на югъ, юго-западъ и сѣверо-западъ отъ Новгорода, между рѣками Ловатью и Лугой, хотя по объему была нѣсколько менѣе какъ Бѣжецкой, такъ и Деревской пятины, но заключала въ себѣ болѣе монастырей, нежели каждая изъ нихъ. Только почти всѣ эти монастыри были разорены и опустошены войскомъ Баторія предъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ составлено (1581—1582) описаніе ихъ и всей Шелонской пятины, до насъ дошедшее.

Въ первомъ погостѣ Шелонской пятины, Паозерскомъ, ближайшемъ къ Новгороду, находился монастырь *Николаевскій Перекомскій* или Перекопскій. Основателемъ его былъ препод. Ефремъ, который, постригшись въ обители препод. Саввы вышерскаго, провелъ подъ руководствомъ его 25 лѣтъ, а вскорѣ послѣ его кончины (1462 г.) удалился на западный берегъ озера Ильменя къ устью рѣки Веренды и на берегу рѣчки Черной поставилъ себѣ келлію. Съ умноженіемъ числа братій, онъ принялъ на себя санъ священства и игуменства, построилъ храмъ Богоявленія и каменный во имя святителя Николая, а чтобы доставить своей обители чистую воду, *перекопалъ* мѣстность и провелъ протокъ изъ Веренды въ озеро, отчего и названа обитель *Перекопскою*. Въ началѣ XVI вѣка она перенесена на другое, болѣе возвышенное мѣсто неподалеку отъ прежняго. Съ 1581 г., послѣ разоренія ея литовцами, въ ней жили только два старца, а 13-ть келлій оставались пусты и

(38) *Неволин.* Тамъ же, прилож. 205. 207. 216—227. 262—265. 276; Новгор. Писцовыя книги, I, стр. 740—743, Спб. 1859; Ист. Росс. Іер. V, 557—559.

церкви стояли безъ служенія. Но вскорѣ затѣмъ (около 1585 г.) монастырю этому выдавалась годовая руга на игумена и 18 человѣкъ братіи. Въ томъ же, вѣроятно, погостѣ существовали еще два монастыря Шелонской пятины въ окрестностяхъ самаго Новгорода, получавшіе ругу: женскій *Николаевскій*, что въ Голинахъ, и мужескій *Пятницкій-Козьмодемьянскій* на Ивань-городской дорогѣ, въ которомъ числилось, кромѣ игумена, 15 старцевъ (39).

Во второмъ погостѣ той же пятины, Сутоцкомъ, было два монастыря, оба разоренные литовцами: *Троицкій* на Видогощи и *Спасскій* на Верендѣ, въ которомъ жили только два старца, а тринадцать келлій были выжжены. Точно такъ же были разорены литовцами монастыри: *Покровскій*—дѣвичь на рѣкѣ Лугѣ въ Передольскомъ погостѣ съ четырьмя келліями: *Іоанно-Богословскій* на озерѣ Черменцѣ въ Петровскомъ погостѣ съ 16 келліями; *Введенскій*—дѣвичь на Шелони въ Скнятинскомъ погостѣ съ 20 келліями; *Успенскій* «новыя печеры» на рѣкѣ Черной въ Хмерскомъ погостѣ съ 8 келліями; *Троицкій* на озерѣ Черномъ въ Щирскомъ погостѣ; *Спасскій* на озерѣ Сяберѣ въ Бѣльскомъ погостѣ съ семью келліями; наконецъ *Христорождественскій* на рѣкѣ Демянкѣ въ Михайловскомъ погостѣ: здѣсь жили только три старца (40).

Извѣстны еще монастыри Шелонской пятины: старорусскіе — *Николаевскій* въ урочищѣ Кречевѣ (уп. 1572 г.) и *Спасскій* въ урочищѣ Взвадѣ; въ городѣ Порховѣ — *Спасо-Преображенскій* на посадѣ, съ четырьмя иноками, и *Рожде-*

---

(39) Ист. Росс. Іер. III, 741; V, 466—474; *Неволин.* Тамъ же, прилож. 71; Времен. М. Истор. Общ. XXIV, отд. III, 38; VI, отд. II—Писцовыя Новгор. книги, стр. 117; *Макар.* Опис. церковн. древн. въ Новгор., I, 651.

(40) *Неволин.* Тамъ же, прилож. 72—93. 97. 114. 118.

ство-Богородицкій — женскій за посадомъ; въ Опоцкомъ погостѣ—*Ильинскій* на Шелони съ тремя иноками, да два ружные — *Успенскій* иначе *Ѳеофилова пустынь* на рѣкѣ Омучѣ въ порховскомъ уѣздѣ и *Покровскій Пустошскій* на юго-западномъ берегу Ильменя, близъ села Пустоши, съ 24-мя братіями (41).

Вотская пятина, простиравшаяся на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Новгорода между рѣками Лугою и Волховомъ и затѣмъ Ладожскимъ озеромъ, была втрое обширнѣе Шелонской пятины и почти настолько же Деревской и Бѣжецкой. Потому не удивительно, если превосходила каждую изъ нихъ и числомъ своихъ монастырей.

Два изъ этихъ монастырей находились близъ самаго Новгорода и оба пользовались ругою, именно: *Сплавскій* во имя св. Симеона Богопріимца на рѣкѣ Сплавѣ или Плавѣ и *Сырковъ* въ честь срѣтенія чудотворной иконы Пресв. Богородицы Владимірской на рѣкѣ Веряжи, основанный около 1548 г. новгородскимъ бояриномъ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ Сырковымъ, который, будучи отправленъ предъ тѣмъ въ качествѣ дьяка при нашемъ посольствѣ въ ливонскій городъ Колывань (нынѣ Ревель), далъ обѣтъ построить этотъ монастырь, если совершитъ путь свой благополучно, и дѣйствительно построилъ съ дозволенія самого государя Іоанна Васильевича IV. Другіе монастыри лежали дальше отъ Новгорода, но въ новгородскомъ же уѣздѣ: *Никольскій* въ деревнѣ Клинскѣ Тесовскаго погоста. *Троицкій* надъ озеромъ Тесовымъ въ томъ же погостѣ, *Покров-*

---

(41) Акт. Ист. I, № 181; *Неволин.* Тамъ же. прилож. 81. 102. 103. 116. 229; Времен. М. Ист. Общ. XXIV, отд. III, 38. 39; Ист. Росс. Іер. V, 649; VI, 848.

скій въ Городенскомъ погостѣ, *Троицкій* надъ озеромъ Верхутномъ въ Бутновскомъ погостѣ и *Никольскій* на лѣвомъ берегу Волхова въ Полишскомъ погостѣ. Два предпослѣдніе монастыря назывались монастырьками ([42]).

Въ Старой Ладогѣ существовали монастыри: *Николаевскій* на посадѣ, *Христорождественскій* тамъ же, *Богородичный* или Пречистенскій — женскій, *Іоанновскій* и *Симеоновскій*. Близъ Старой Ладоги на правомъ берегу Волхова: *Васильевскій*. Въ староладожскомъ уѣздѣ: *Медвѣдскій Николаевскій* на устьѣ рѣки Волхова, получавшій ругу на игумена и 30 человѣкъ братіи. *Николаевскій на Стороженскомъ* или Стороженская пустынь у Ладожскаго озера съ 30-ю человѣками братства и *Троицкій Сѣнной* или на сѣнномъ у того же озера, считавшійся въ числѣ ружныхъ ([43]).

Въ городѣ Орѣшкѣ (нынѣ Шлиссельбургъ) были два монастыря: *Рождество-Богородицкій* на Лопской сторонѣ и *Николаевскій* на островкѣ. Въ городѣ Корелѣ—четыре: *Воскресенскій*, *Николаевскій*, *Юрьевъ* и *Іоанно-Предтечевъ* на устьѣ рѣки Узервы. Въ городѣ Копорѣ и его уѣздѣ — три: *Богородицкій* на посадѣ города, *Богородицкій* или Елисѣева пустынь на рѣкѣ Систи въ Каргальскомъ погостѣ и *Николаевскій*— женскій на рѣкѣ Сундѣ въ Сундовскомъ погостѣ. Наконецъ, въ городѣ Ямѣ (нынѣ Ямбургъ)—одинъ: *Спасскій* на посадѣ ([44]).

([42]) Времен. М. Ист. Общ. VI, отд. II, 20. 21; XXIV, отд. III, 37. 38; *Макар.* Опис. церк. древн. Новг. I, 602. 652; Ист. Росс. Іер. IV, 158; *Неволин.* Тамъ же, прилож. 19—24. 139.

([43]) *Неволин.* Тамъ же, прилож. 45. 142—148; Времен. М. Ист. Общ. VI, отд. II, 39, XI, отд. II—переписн. окладная книга по Новугороду, стр. 29—39. 84. 85. 463; XXIV, отд. III, 37; Акт. Ист. I, № 210; Дополн. Акт. Ист. I, №№ 54, 130, 132; Ист. Росс. Іер. III, 502; V, 60.

([44]) Времен. М. Истор. Общ. XI, отд. II, 85. 196. 197. 232. 234. 253; XII,

Обширнѣйшею изъ всѣхъ новгородскихъ пятинъ и самою богатою монастырями была пятина Обонежская, тянувшаяся на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Новгорода, съ одной стороны, между рѣкою Волховымъ и Ладожскимъ озеромъ, а съ другой — между озеромъ Ильменемъ, рѣками Мстою и Мдою и вокругъ всего Онежскаго озера.

Въ этой пятинѣ вблизи Новгорода и въ недальнихъ разстояніяхъ отъ него находились монастыри: *Козьмодемьянскій* близъ Антоніева монастыря на Вспольѣ, съ пятью келліями, изъ которыхъ двѣ (въ 1582 г.) были пусты; *Николаевскій* на Холопьемъ городкѣ, получавшій ругу на 13-ть братьевъ; *Коломецкій Троицкій* на озерѣ Ильменѣ, также получавшій ругу, въ которомъ въ 1526 г. построена каменная церковь посадникомъ Филиппомъ Бобровниковымъ; *Николаевскій* на рѣкѣ Вышерѣ, на островкѣ, съ 12-ю келліями, изъ которыхъ восемь были пусты, и *Горнитскій* или *Горнечный* на озерѣ Горнечнѣ, въ Коломенскомъ погостѣ на Волховѣ ([45]).

Въ погостахъ, болѣе отдаленныхъ отъ Новгорода и близкихъ къ нынѣшнему городу Тихвину, равно какъ въ самомъ Тихвинѣ, существовали монастыри: *Спасскій* на рѣкѣ Пшовжѣ въ Петровскомъ погостѣ, получавшій ругу на восемь человѣкъ братіи; *Стефановскій Середокороткій* на той же рѣкѣ въ Никольскомъ погостѣ, получавшій ругу на 22 человѣка; *Троицкій* на рѣкѣ Ругуѣ въ Воскресенскомъ Липенскомъ погостѣ, съ десятью келліями, изъ которыхъ пять были пусты; *Спасскій*

отд. II, 30—32. 74. 117—120. 142. 143. 179; *Неволин*. Тамъ же, прилож. 31. 34. 37. 44.

([45]) *Неволин*. Тамъ же, прилож. 134. 139; П. Собр. Русск. Лѣт. VI, 298; Времен. VI, отд. II, 120; XXIV, отд. III, 36. 37; Акт. Экеп. I, стр. 301; Ист. Росс. Іер. III, 746; IV, 567. 576.

на озерѣ Оксуѣ или Оксуйская пустынь; *Тихвинскій Успенскій*, основанный, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича, въ 1560 г. на мѣстѣ явленія Тихвинской чудотворной иконы Богоматери и вмѣщавшій въ себѣ въ 1582 г. сорокъ человѣкъ братіи, въ томъ числѣ трехъ іеромонаховъ и двухъ іеродіаконовъ; *Тихвинскій Введенскій* — дѣвичь, получавшій ругу на игуменью и десять старицъ; *Тихвинскій Николаевскій*, старая пустынь близъ Тихвина, получавшій ругу на 17 человѣкъ; *Тихвинскій Николаевскій*, новая пустынь, получавшій ругу на семь человѣкъ; наконецъ *Троицкій* въ новой пустыни на Тихвинской дорогѣ, получавшій ругу на игумена и 10-ть братій ([46]). Впрочемъ этотъ послѣдній монастырь былъ едва ли не одинъ и тотъ же съ Троицкимъ монастыремъ на рѣкѣ Ругуѣ.

Ближе къ Ладогѣ и Ладожскому озеру лежали монастыри: *Гостинопольскій Николаевскій* на правомъ берегу Волхова у Ладожскихъ пороговъ, съ тридцатью келліями, изъ которыхъ 25-ть были пусты; *Зеленецкій Троицкій* или Зеленая пустынь у тѣхъ же пороговъ, на островѣ, называвшемся *Зеленымъ*, основанный препод. Мартиріемъ, который, при помощи извѣстнаго новгородскаго боярина Ѳедора Сыркова († 1570 г.), построилъ въ своей пустыни первый деревянный храмъ, а въ 1582 г. еще игуменствовалъ въ ней надъ двѣнадцатью старцами; *Троицкій* на рѣкѣ Златынѣ; *Введенскій* на рѣкѣ Ояти, который въ 1581 г. совершенно выжгли «нѣмецкіе люди», такъ что шесть человѣкъ братіи жили за монастыремъ въ пустоши на острову; *Ильинскій* на Ояти, въ которомъ всѣ 16

([46]) Времен. VI, отд. II, 61—68. 109; XXIV, отд. III, 34—36; *Неволин.* Тамъ же, 160; Дополн. Акт. Ист. I, стр. 126; Ист. Р. Іер. V, 374; VI, 367. 396; Тихвин. монастыри, стр. 13, С. п. б. 1854.

келлій были оставлены старцами, по случаю набѣга тѣхъ же нѣмецкихъ людей; *Никольскій* на Ояти, гдѣ десять келлій заняты были иноками, а пять нищими, стариками и старухами; *Троицкій* «монастырекъ владыченъ» на озерѣ Сянзѣ или Сяндомѣ въ Олонецкомъ погостѣ, основанный инокомъ Аѳанасіемъ на Софійской землѣ, по благословенію новгородскаго владыки Пимена (1553—1570), и потомъ принятый (1577 г.) подъ особое покровительство владыкою Александромъ; *Андрусовъ Николаевскій* или Андреева новая пустынь на берегу Ладожскаго озера въ томъ же погостѣ, выжженный нѣмцами, но около 1585 г. получавшій ругу на 15 человѣкъ братіи ([47]). Самымъ же замѣчательнымъ монастыремъ въ олонецкомъ краѣ былъ монастырь *Троицкій Александро-Свирскій* или Александрова пустынь, основанный препод. Александромъ свирскимъ, который родился въ этомъ же краѣ въ селѣ Мандерѣ на рѣкѣ Ояти. На 26 году своего возраста онъ постригся въ Валаамской обители, провелъ тамъ тринадцать лѣтъ и, возвратившись на родину въ 1487 г., поселился въ шести верстахъ отъ рѣки Свири при озерѣ Рощинскомъ. Семь лѣтъ онъ подвизался въ совершенномъ уединеніи; потомъ, когда начали собираться къ нему братія, онъ въ 130 саженяхъ отъ своей хижины основалъ монастырь и построилъ церковь во имя Пресвятой Троицы, сперва деревянную, освященную въ 1508 г., потомъ каменную, освященную въ 1526 г., и скончался 85 лѣтъ отъ рожденія въ 1533 году. Въ обители препод. Александра, хотя и она была разорена шведами въ 1581 г., вскорѣ затѣмъ числилось 86 человѣкъ братства, въ томъ числѣ шесть іеромонаховъ и два

([47]) *Невол.* Тамъ же, прилож. 142—156; Времен. VI, отд. II, 98; XXIV, отд. III, 34; Акт. Ист. I, № 197; Ист. Росс. Іер. III, 98, 752; IV, 128, 155.

іеродіакона, а около 1585 г. въ нее отпускалось руги на игумена и на 59 старцевъ ([48]).

Еще до семнадцати монастырей Обонежской пятины находились ближе къ Онежскому озеру, на немъ и вокругъ него. Это было монастыри: *Николаевскій* на рѣкѣ Шакшѣ, построенный игуменомъ Корниліемъ, который въ 1583 г. еще начальствовалъ надъ одиннадцатью чернорizцами; *Вознесенскій* на устьѣ рѣки Свири съ 20 келліями, которыя всѣ пожгли нѣмецкіе люди; *Ильинскій* въ Рождественскомъ погостѣ на рѣкѣ Сарѣ, съ девятью келліями и 15-ю братіями; *Благовѣщенскій* на озерѣ Яшѣ съ девятью иноками; *Николаевскій* на озерѣ Онегѣ, считавшійся еще новымъ въ 1583 г. и имѣвшій одиннадцать братій; *Николаевскій* на рѣкѣ Шуѣ, въ которомъ и церкви и всѣ десять келлій пожгли нѣмецкіе люди; *Климецкій Троицкій* на Климецкомъ островѣ Онежскаго озера, основанный препод. Іоною въ 1532 г. и получавшій руги на игумена и 19 старцевъ; *Палеостровскій Рождество-Богородицкій*, общежительный, на Палеѣ островѣ Онежскаго озера, основанный препод. Корниліемъ и получавшій руги на игумена и 45 человѣкъ братіи; *Машеозерскій* или Машина пустынь на островѣ озера Маше, въ 15 верстахъ отъ западнаго берега Онежскаго озера, построенный при царѣ Іоаннѣ IV; *Николаевскій* на островѣ озера Котка къ сѣверо-западу отъ Онежскаго озера, имѣвшій 22 келліи, изъ которыхъ въ пяти жили семь старцевъ, а въ 17-ти двадцать пять старицъ; *Покровскій* на рѣкѣ Вытегрѣ за Онежскимъ озеромъ, женскій, съ двадцатью

([48]) Житіе пр. Александра свирскаго, нап. *игум. Иродіономъ*, Сборн. нашей библ. № 2, л. 224 об. — 295; Акт. Ист. I, № 135; *Невол.* Тамъ же, прил. 150; Времен. XXIV, III, 35.

келліями: *Троицкій* на озерѣ Лужандѣ съ одиннадцатью келліями, построенный старцемъ Герасимомъ; *Николаевскій* на рѣкѣ Андомѣ, женскій, въ которомъ въ пятнадцати келліяхъ жили инокини, а въ другихъ пятнадцати нищіе, старики и старухи; *Спасскій* на рѣкѣ Шалѣ: здѣсь въ монастырѣ было десять келлій для черноризцевъ, а за монастыремъ жили въ пяти келліяхъ черноризицы; *Александровскій Ошевенскій* на рѣкѣ Чурьягѣ, въ 44 верстахъ отъ Каргополя, основанный препод. Александромъ Ошевенскимъ, который родомъ былъ земледѣлецъ, сдѣлался инокомъ въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, получилъ благословеніе на устроеніе своей обители и санъ игуменства отъ новгородскаго архіепископа Іоны (1459—1471) и, создавъ въ ней церковь во имя святителя Николая, учредивъ общежитіе, скончался на 52 году своей жизни въ 1479 г.; *Кенскій Спасопреображенскій* или Пахоміева пустынь близъ озера Кени, въ 50 верстахъ отъ Каргополя, основанный старцемъ Пахоміемъ къ концу XV вѣка: *Кожеозерскій Богоявленскій* на Кожеозерѣ, на Лопскомъ островѣ, въ каргопольскомъ уѣздѣ, устроенный на правилахъ общежитія старцемъ Серапіономъ около 1560 года ([49]).

Пятины новгородскія не обнимали, однакожъ, всѣхъ древнихъ владѣній Новгорода и всего пространства новгородской епархіи. Внѣ пятинъ находились: къ юго-западу — псковскій край, къ сѣверу—бѣломорскій, къ сѣверо-востоку — бѣлоезерскій, въ которыхъ также было довольно монастырей новгородской епархіи.

Въ самомъ Псковѣ, въ продолженіе настоящаго періода, упо-

([49]) *Невол.* Тамъ же, прилож. 159—180; Времен. XXIV, III, 36; Акт. Ист. I, №№ 202, 246; Ист. Р. Іер. IV. 361. 530; V, 59. 422. 450.

минаются до 14-ти новыхъ монастырей. Восемь изъ нихъ были мужескіе: *Покровскій* въ Углу (1465 и 1544 г.), *Христорождественскій* (1466 г.), *Пантелеймоновъ* на Красномъ дворѣ или на Красной улицѣ (1468 г.), *Дмитріевскій* въ Полѣ (1534 г.), *Златоустовъ Медвѣдевъ* на Сокольей улицѣ (1539 и 1543 г.), *Алексѣевскій* въ Полѣ (1540 г.), *Стефановскій* съ Лугу надъ Великою рѣкою (1546 г.) и *Николаевскій* на Лубятовѣ (1570 г.). А шесть женскихъ: *Воскресенскій* со Стадища на Запсковьѣ (1458 г.), *Ильинскій* на Запсковьѣ (1465 г.), *Параскевинскій Пятницкій* въ Бродахъ на рѣкѣ Псковѣ (1534 г.), *Іоакима и Анны* съ Полонища (1544 г.), *Варваринскій* изъ-за Петровскихъ воротъ (1566 г.) и *Срѣтенскій Александровъ* (1566) ([50]).

Въ области псковской, во второй половинѣ XV вѣка, возникло нѣсколько монастырей, извѣстныхъ и не по одному только имени. Первымъ между ними по времени былъ *Трехсвятительскій Елеазаровъ*, такъ названный по имени основателя своего препод. Евфросина, въ мірѣ Елеазара. Этотъ преподобный родился отъ поселянъ недалеко отъ Пскова, принялъ пострижепіе въ Снѣтогорскомъ монастырѣ, откуда чрезъ нѣсколько времени переселился въ пустынное мѣсто, въ 25 верстахъ отъ Пскова, на берегу рѣки Толвы близъ Псковскаго озера (въ 1425 г.). Сначала Евфросинъ подвизался здѣсь одинъ, потомъ съ инокомъ Серапіономъ, а когда число братій умножилось, то построилъ для нихъ келліи и храмъ во имя трехъ Святителей (около 1450 г.), ввелъ въ своей обители общежитіе, поручилъ управленіе ею ученику своему Игнатію, не желая самъ

(50) П. Собр. Русск. Лѣт. IV, 217. 229—231. 298—306. 313; *Карамз.* IX, 90. 195, примѣч. 297; Истор. Княж. Псков. III, 120—125.

быть игуменомъ, и скончался 95-ти лѣтъ отъ роду, 15 мая 1481 года. Подъ руководствомъ препод. Евфросина воспитались достойные его ученики, которые основали особыя обители. Одинъ изъ нихъ препод. Иларіонъ основалъ монастырь *Покровскій Озерскій* на берегу рѣки Желчи въ уѣздѣ города Гдова, тогда пограничной крѣпости псковской, и скончался въ 1476 году. Другой, препод. Досиѳей основалъ монастырь *Петропавловскій Верхнеостровскій* на Псковскомъ озерѣ и скончался въ 1482 году. Третій, препод. Савва основалъ монастырь *Іоанно-Богословскій Крыпецкій*, въ 15-ти верстахъ отъ рѣки Толвы и монастыря Елеазарова, въ урочищѣ Крыпцы, учредилъ въ своей обители строгое общежитіе и скончался въ 1487 году. Около того же времени получилъ начало и монастырь *Псково-Печерскій* въ 56 верстахъ отъ Пскова на границѣ Лифляндіи. Здѣсь въ горѣ надъ потокомъ Каменцемъ, покрытой лѣсомъ, случайно открыли дровосѣки пещеру, въ которой оказался гробъ отшельника Марка, еще прежде въ ней подвизавшагося и не разъ видѣннаго вблизи этихъ мѣстъ звѣроловами. Слухъ объ открытой «богозданной пещерѣ» распространился быстро, и многіе приходили видѣть ее. Въ числѣ другихъ приходилъ и нѣкто Іоаннъ, который два съ половиною года былъ священникомъ православной церкви св. Николая въ Юрьевѣ Ливонскомъ, но потомъ вслѣдствіе притѣсненій отъ латинянъ нашелся вынужденнымъ удалиться въ Псковъ. Іоанну очень понравилось уединеніе пещеры, и онъ, взявъ изъ Пскова жену и двухъ дѣтей своихъ и пріютивъ ихъ у владѣльца земли, на которой находилась пещера, самъ началъ раскапывать въ ней мѣсто для церкви. Вскорѣ затѣмъ похоронивъ въ пещерѣ жену свою, которая передъ смертію постриглась въ монашество подъ именемъ Вассы, Іоаннъ поспѣшилъ и самъ принять

постриженіе съ именемъ Іоны и совсѣмъ переселился въ пещеру. Церковь его пещерная, по благословенію новгородскаго владыки Ѳеофила, освящена 15 Августа 1477 г. въ честь успенія Божіей Матери, а чрезъ три года онъ мирно почилъ о Господѣ. Дѣло, начатое Іоною, продолжалъ священноинокъ Мисаилъ: онъ построилъ другую церковь, не въ пещерѣ, а на горѣ, во имя препод. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ и вокругъ церкви келліи для братій Но эта юная обитель скоро была разорена лифляндцами, и не прежде, какъ съ 1519 г., начала устрояться вновь, благодаря усердію псковскаго великокняжескаго дьяка Мисюря Мунехина. Онъ, своею казною. раскопалъ горы по обѣ стороны потока, построилъ на расчищенномъ мѣстѣ между горами новыя монастырскія келліи, распространилъ и углубилъ самую пещеру и создалъ въ ней, кромѣ существовавшей – Успенской, другую, великую церковь во имя препод. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, взамѣнъ бывшей на горѣ. Съ того времени введены въ монастырь общежитіе и порядокъ по образцу Кіево-печерской лавры; въ монастырь этотъ начало стекаться ежегодно на праздники множество богомольцевъ, и онъ сдѣлался славнымъ не только во всей Литвѣ, но и въ странахъ сосѣднихъ ([51]).

Въ XVI столѣтіи мы видимъ въ псковскомъ краѣ еще слѣдующіе монастыри: *Троицкій Сергіевъ* въ предмѣстіи Великихъ Лукъ, неизвѣстно когда основанный, но теперь, послѣ долго-

---

([51]) Житіе пр. Евфросина Псков. (въ Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 67 и дал.); А. Э. I, № 108; Ист. Р. Іер. III, 512. 528; IV, 877; V, 365. 543. 581; *Евген.* Истор. княж. Псковскаго, III, 82. 103. 121; Повѣсть о началѣ Псков. печер. мон., 1 — 8. 107, Псков. 1849; Акт. Эксп. I, стр. 251; Дополн. Акт. Ист. I, № 85; *Карамз.* VII, примѣч. стр. 61—62; П. Собр. Русск. Лѣт. IV, 293. 295.

временнаго запустѣнія, возстановленный (около 1550 г.) инокомъ Козьмодаміанскаго монастыря Боголѣпомъ, при помощи благочестивыхъ людей; *Николаевскій* близъ Себежа, сожженный ливонцами въ 1559 г.; *Николаевскій* въ Опочкѣ (упомин. около 1560 г.); *Николаевскій* на рѣкѣ Зарѣзницѣ въ Прудской Засадѣ и *Троицкій Кудинъ* въ погостѣ Кудинѣ торопецкаго уѣзда, которые оба упоминаются въ 1566 г.; *Святогорскій Успенскій* въ сорока верстахъ отъ города Опочки, основанный по случаю явленія чудотворной иконы Божіей Матери (въ 1569 г.) на высокомъ хребтѣ горъ, которыя издревле назывались *Синичьими*, а теперь прозваны *Святыми; Демьянскій Рождественскій* на устьѣ рѣки Демьянки, упомин. около 1570 г.; *Крестовоздвиженскій* въ пригородѣ Выборѣ и *Варваринскій* женскій въ томъ же пригородѣ, разоренные войсками Баторія въ 1581 году. Упомянемъ, наконецъ, и о *пустыни Никандровой Благовѣщенской* въ порховскомъ уѣздѣ, гдѣ долгое время подвизался только одинъ пустынникъ, препод. Никандръ, постриженникъ Крыпецкой обители, а уже по смерти его началъ съ 1585 г. устрояться монастырь трудами инока Исаіи ([52]).

Въ бѣломорскомъ краѣ первое мѣсто между обителями занимала обитель *Соловецкая*. Основаніе ей положили, еще къ концу прошлаго періода (1429—1436), два св. старца—Германъ и Савватій; но только жъ основаніе. А истиннымъ создателемъ ея должно признать, по всей справедливости, препод. Зосиму, который, особенно въ продолженіе 26-лѣтняго игуменства своего (1452—1478), умножилъ въ ней число братства,

---

([52]) П. Собр. Р. Лѣт. IV. 311. 317; Ист. княж. Псков. III, 106—110. 123. 124; Ист. Р. Іер. III, 510; V, 181; VI, 65.

устроилъ новыя и болѣе обширныя церкви, келліи и прочія монастырскія службы, учредилъ общежитіе и весь внутренній порядокъ, обезпечилъ средства для ея содержанія. Потомъ лучшимъ временемъ для этой обители было время 18-лѣтняго игуменства (1548—1566) св. Филиппа, впослѣдствіи митрополита московскаго, котораго труды, какъ для внутренняго ея устройства, такъ и для внѣшняго благосостоянія, намъ уже извѣстны. Вскорѣ послѣ Соловецкой обители основана обитель *Богословская* на рѣкѣ Вагѣ, въ 15-ти верстахъ отъ нынѣшняго Шенкурска, новгородскимъ посадникомъ Василіемъ Степановичемъ Своеземцевымъ, который въ 1452 г. пожертвовалъ ей три своихъ села, а затѣмъ и самъ постригся въ ней подъ именемъ Варлаама и скончался въ 1462 году. Впослѣдствіи, съ 1543 г. она начала получать отъ царя ругу и имѣла до 30 человѣкъ братства. Съ XV-го же вѣка дѣлается извѣстнымъ монастырь *Николаевскій* на сѣверной Двинѣ около Холмогоръ въ Чухченемской волости, продолжавшій существовать и въ 1582 году ([53]).

Въ первой четверти XVI столѣтія получилъ начало монастырь *Антоніевъ Сійскій*. Строителемъ его былъ препод. Антоній, въ мірѣ Андрей, сынъ земледѣльца двинской волости, деревни Кехты. Въ 1508 г., будучи тридцати лѣтъ, онъ принялъ постриженіе въ Кенской Пахоміевской пустыни отъ самого Пахомія, и чрезъ нѣсколько времени, съ благословенія его, основалъ-было (1513 г.) свою небольшую пустынь на рѣкѣ Шелексѣ, гдѣ и прожилъ съ шестью братами семь лѣтъ. Но,

---

([53]) *Досиѳ.* Опис. Соловецк. монаст., I, 52—61. 71—78; Ист. Р. Іер. III, 393; VI, 719; Акт. Юрид. I, стр. 145. 433; Акт. Ист. I, стр. 403; Дополн. Акт. Ист. I, № 33.

вслѣдствіе притѣсненій отъ сосѣднихъ поселянъ, оставилъ это мѣсто и перешелъ со всею своею братіею на рѣку Сію, въ Холмогорскій уѣздъ, и поселился (1520 г.) близъ озера Михайлова. Когда число иноковъ увеличилось, Антоній испросилъ у в. кн. Василія Іоанновича дозволеніе построить на занятомъ мѣстѣ обитель и, получивъ отъ князя не только грамоту, но и церковную утварь, соорудилъ на острову обширный храмъ Св. Троицы и келліи, согласился принять на себя начальство надъ обителію и, въ продолженіе 37 лѣтъ игуменства, своими трудами и особенно высокимъ примѣромъ своего подвижничества утвердилъ въ ней строгій порядокъ и благочестіе (ум. 1556 г.). Чрезъ 20 лѣтъ послѣ смерти преподобнаго въ монастырѣ его обитало до 8-ми человѣкъ братіи въ двадцати келліяхъ. Около половины XVI вѣка, какъ мы знаемъ, устроены два монастыря просвѣтителями лопарей: преп. Ѳеодоритомъ—*Троицкій* на устьѣ рѣки Колы и преп. Трифономъ—*Троицкій* на рѣкѣ Печенгѣ. По благословенію митрополита Діонисія (1581—1587) открыта *Чирцова* пустынь въ 53 верстахъ отъ города Мезени. Около того же времени существовали еще два монастыря на самомъ дальнемъ сѣверѣ у Бѣлаго моря: *Кокуевъ* или *Кукуевъ* при устьѣ рѣки Порьи и *Кандалажскій* на восточномъ берегу Кандалажской губы при устьѣ рѣки Нивы ([54]).

Бѣлозерскій край, гдѣ процвѣтала лавра препод. Кирилла бѣлоезерскаго, украсился теперь новыми обителями, болѣе или менѣе замѣчательными. Въ этой самой лаврѣ постригся нѣкто

([54]) Житіе пр. Антонія Сійск. (въ Сборн. нашей библ. № 51, л. 133); Книга Больш. Чертеж., 160. 165. 175—176. Москв. 1846; Акт. Эксп. I, стр. 410; Ист. Р. Іер. IV, 342. 569; VI. 114. 123. 709.

Нилъ, по фамиліи Майковъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ отправился на востокъ съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ и, посѣтивъ многія обители на Аѳонѣ, въ странахъ цареградскихъ и другихъ мѣстахъ, наиболѣе полюбилъ «скитское житіе». А потому рѣшился, по возвращеніи въ отечество, подвизаться и самъ по-скитски. Сначала онъ устроилъ-было себѣ уединенную келлію вблизи Кириллова монастыря; но вскорѣ удалился на рѣку Сору или Сорку, въ 25 верстахъ отъ Бѣлозерска, на мѣсто низменное и болотистое, и тамъ поставилъ для себя небольшую хижину и часовню. Приходившихъ къ нему для сожительства принималъ, но съ условіемъ, чтобы и они жили скитниками. Для пропитанія ихъ онъ построилъ на Сорѣ мельницу; для того, чтобы они, подвизаясь ежедневно только въ своихъ келліяхъ, могли во дни воскресные и праздничные собираться вмѣстѣ на молитву, построилъ деревянный храмъ, сдѣлавъ для него высокую насыпь; а для руководства братіи въ духовной, подвижнической жизни написалъ подробный «Уставъ скитскаго иноческаго житія» по образцамъ восточныхъ скитскихъ уставовъ. Такимъ-то образомъ основался *Ниловъ скитъ* или пустынь преп. Нила сорскаго, прославившійся не богатствомъ или многолюдствомъ братіи, а строгостію устава и высотою отшельническихъ подвиговъ своего основателя. Братіи здѣсь было немного: вскорѣ по смерти преп. Нила (1508 г.) мы видимъ въ его скитѣ только одного іеромонаха, одного іеродіакона и 12 старцевъ. Кромѣ Нилова скита въ бѣлозерской странѣ къ концу XV вѣка упоминается еще новый монастырь *Никитскій*, находившійся на правомъ берегу рѣки Шексны, въ десяти верстахъ отъ города Кириллова ([55]).

([55]) Ист. Р. Іер. V, 186. 210; Акт. Эксп. I, №№ 157, 161, 173; Дополн. Акт. Ист. I, № 227; Акт. Юрид. I, стр. 135.

Въ XVI столѣтіи появилось въ той же странѣ шесть обителей, и между ними три одолжены были бытіемъ своимъ тремъ ученикамъ преп. Корнилія комельскаго. Одинъ изъ нихъ—Кириллъ происходилъ изъ города Галича отъ дворянъ, по фамиліи Бѣлыхъ, принялъ постриженіе отъ самого Корнилія, подъ руководствомъ котораго и проходилъ разныя послушанія въ обители; потомъ нѣсколько лѣтъ странствовалъ по пустынямъ сѣвера и подвизался въ уединеніи; наконецъ, въ 1517 г., въ тридцати верстахъ отъ Бѣлозерска, на Красномъ островѣ Нова-озера основалъ монастырь, извѣстный подъ именемъ *Кириллова-Новоезерскаго*, гдѣ послѣ многолѣтнихъ трудовъ и скончался (1532 г.). Другой Филиппъ, въ мірѣ Ѳеофилъ, также постриженникъ самого Корнилія, проведши 15 лѣтъ въ его обители и нѣсколько времени въ странствованіяхъ по пустынямъ, избралъ себѣ мѣсто для подвиговъ въ 45 верстахъ отъ Череповца на рѣкѣ Андогѣ, въ красномъ бору, между большимъ и малымъ Ираномъ, и положилъ начало пустыни, которая по смерти его (1538 г.) начала называться *Красноборскою, Филиппо-иранскою.* Третій—Иларіонъ, послѣ кончины своего наставника Корнилія (1537 г.), перешелъ въ бѣлозерскую страну къ Илу-озеру въ 30 верстахъ отъ Бѣлозерска и, купивъ у одного поселянина островъ, находившійся на этомъ озерѣ и называвшійся Озадскимъ, построилъ на немъ келліи и храмъ въ честь рождества Богоматери, и тѣмъ положилъ начало пустыни, названной по смерти его (1544 г.) *Иродіоновою, Илоезерскою, Озадскою.* Три остальныя обители XVI вѣка въ бѣлозерской странѣ были: *Воронина, Успенская* пустынь въ 13 верстахъ отъ Череповца, основанная въ 1524 г., по благословенію митрополита Даніила, монахомъ Маркомъ Вороною, на мѣстѣ явленія чудотворной иконы

Божіей Матери, и состоявшая постоянно въ вѣдѣніи московскихъ митрополитовъ; монастырь *Горицкій, Воскресенскій*, дѣвичь, на лѣвомъ берегу Шексны, въ шести верстахъ отъ города Кириллова, построенный въ 1544 г. иждивеніемъ удѣльнаго князя Андрея Ивановича старицкаго и его супруги Евфросиніи Владиміровны, въ иночествѣ Евдокіи; наконецъ, *Мирзинъ, Покровскій*, упоминаемый въ одной духовной грамотѣ 1570 года ([56]).

Намъ остается обозрѣть края вологодскій и пермскій, которые съ 1492 г. составили уже одну епархію. И въ прежнее время мы видѣли здѣсь до 20-ти обителей: теперь ихъ появилось еще болѣе. Кромѣ *Печерской Троицкой* пустыни, устроенной на рѣкѣ Печорѣ пермскими епископами въ XV вѣкѣ, но неизвѣстно въ какомъ году, и монастыря *Рабангскаго-Преображенскаго*, основаннаго препод. Филиппомъ въ 32 верстахъ отъ Вологды на рѣкѣ Рабангѣ въ 1447 г., т. е., предъ самымъ началомъ настоящаго періода, — во второй половинѣ XV столѣтія возникли въ этихъ краяхъ слѣдующіе монастыри и пустыни: *Борисоглѣбскій*, существовавшій въ вологодскомъ уѣздѣ прежде 1479 года; *Рябинина* пустынь, основанная около 1485 г. въ 60 верстахъ отъ Вологды на правомъ берегу рѣки Масляны; *Печенгскій-Спасскій* на рѣкѣ Печенгѣ, въ 20 верстахъ отъ Вологды, основанный въ 1492 г. препод. Авраамiемъ и Копріемъ; *Устюжскій-Преображенскій*, упоминаемый въ Устюгѣ въ 1493 г.; *Борисоглѣбскій* въ Сольвычегодскѣ, построенный до 1498 г.; *Перцова* или Персова-Троицкая

([56]) Житіе пр. Кирилла Новоезерск. (въ Сборн. нашей библ. № 8, л. 101—181); Ист. Р. Іер. III, 612. 741; IV, 290. 507; VI, 594; Акт. Юрид. I, стр. 444. 456. 457; Акт. Ист. I, № 217; *Карамз.* IX, 27, примѣч. 86.

пустынь въ 35 верстахъ отъ Вологды, основанная въ 1499 г. преп. Авксентіемъ и Онуфріемъ; *Иннокентіевъ-Преображенскій*, названный по имени преп. Иннокентія, который былъ изъ фамиліи бояръ Охлѣбининыхъ, постригся въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, долго странствовалъ съ преп. Ниломъ сорскимъ по восточнымъ обителямъ, жилъ потомъ нѣсколько времени въ его Сорскомъ скитѣ и, наконецъ, въ послѣдніе годы XV столѣтія основалъ свой общежительный монастырь на рѣкѣ Едѣ въ 50 верстахъ отъ Вологды ([57]).

Къ концу XV-го, а болѣе въ началѣ XVI-го вѣка устроился и самый замѣчательный изъ тогдашнихъ монастырей вологодскаго края—*Корниліевъ-Комельскій*. Препод. Корнилій происходилъ изъ Ростова отъ богатыхъ и знатныхъ родителей, по фамиліи Крюковыхъ. Съ юныхъ лѣтъ постригся и проходилъ разныя послушанія въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, потомъ странствовалъ по другимъ обителямъ, жилъ въ какой-то пустыни близъ Новгорода, въ пустыни Савватіевой близъ Твери, и наконецъ въ 1497 г. пришелъ въ Комельскіе лѣса, тогда еще глухіе и непроходимые, и здѣсь, въ 45 верстахъ отъ Вологды, поселился въ случайно найденной разбойничьей хижинѣ для уединенныхъ подвиговъ. Черезъ четыре года мы видимъ на этомъ мѣстѣ уже «пустыньку» и въ ней храмъ введенія Пресв. Богородицы, для котораго митрополитъ Симонъ рукоположилъ (1501 г.) во священника самого Корнилія. Когда число братій умножилось, онъ построилъ (1517 г.) для нихъ новый храмъ, болѣе обширный, и новыя келліи, на-

([57]) Ист. Росс. Іер. V, 550. 655; Доп. Акт. Ист. I, стр. 14; *Евген.* Списокъ Вологод. монастырей, въ Вологод. Епарх. Вѣдом. за 1865, стр. 75; Ист. Росс. Іер. III, 415; IV, 299; V, 517. 543. 753; VI, 590; *Карамз.* VI, прим. стр. 100; Акт. Ист. I, стр. 547.

писалъ для своей обители весьма подробный общежительный уставъ, завелъ въ ней строгій порядокъ, а для больныхъ и странниковъ поставилъ больницу и страннопріимный домъ. Послѣ этого, поручивъ управленіе монастыремъ двѣнадцати старцамъ, избраннымъ изъ среды братства, самъ отошелъ съ однимъ ученикомъ своимъ Геннадіемъ въ костромскіе лѣса на Сурское озеро и положилъ тамъ основаніе новому монастырю, который впослѣдствіи началъ называться Геннадіевымъ. Въ 1531 г. великій князь убѣдилъ-было преп. Корнилія снова принять начальство надъ Комельскою обителію, но онъ вскорѣ оставилъ ее въ другой разъ и переселился на покой въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь. И хотя комельскіе иноки упросили старца возвратиться къ нимъ, но онъ уже не принялъ на себя игуменства, а подвизался уединенно до самой своей кончины (въ 1537 г.). Послѣ кончины преподобнаго въ основанной имъ обители было до 90 человѣкъ братіи, и нѣкоторые изъ его учениковъ, какъ мы видѣли, сдѣлались основателями другихъ обителей ([58]).

Въ первой половинѣ XVI вѣка появились еще въ вологодскомъ краѣ монастыри — а) *Озерскій Николаевскій Комельскій*—въ 35 верстахъ отъ Вологды на восточномъ берегу озера Комельскаго: основанъ преп. Стефаномъ комельскимъ по благословенію митрополита Даніила (1522—1539); б) *Ефремовъ Спасо-николаевскій* —въ 80 верстахъ отъ Тотьмы при сліяніи рѣкъ Рѣжи и Ваги: построенъ старцемъ Ефремомъ, по разрѣшительной грамотѣ в. князя Василія Іоанновича (1505—1533) и съ благословенія ростовскаго архіепископа, къ епархіи ко-

---

([58]) Житіе пр. Корнилія Комельск. въ Сборн. нашей библ. № 51, л. 79—85; Ист. Росс. Іер. IV, 651—660.

тораго Тотьма тогда принадлежала; в) *Сямскій Рождественскій*—въ 60 верстахъ отъ Вологды на западномъ берегу Кубенскаго озера: построенъ жителями Сямской волости въ 1524 г. по благословенію вологодскаго епископа Пимена; г) *Арсеніева* пустынь—въ 40 верстахъ отъ Вологды на рѣкѣ Маслянѣ и—д) *Арсеніевъ* монастырь въ 25 верстахъ отъ Вологды при сліяніи рѣкъ Лежи и Кохтыжи: обѣ эти обители, одна за другою, основаны около 1530 г. преп. Арсеніемъ Сухарусовымъ, который прежде былъ игуменомъ Сергіевой лавры (1525—1527); е) *Катромскій Николаевскій* при озерѣ Катромскомъ въ 104 верстахъ отъ Вологды: основанъ, неизвѣстно когда, преп Онуфріемъ, но упоминается въ 1532 году; ж) *Коряжемскій Николаевскій* близъ устья рѣки Коряжмы въ 15 верстахъ отъ Сольвычегодска: основанъ въ 1535 г. препод. Логгиномъ и Симономъ; з) *Сойгинская Преображенская* пустынь при устьѣ рѣки Сойги въ 75 верстахъ отъ Сольвычегодска: основана въ 1540 г. тѣмъ же самымъ преп. Симономъ, который былъ сотрудникомъ препод. Логгину при устроеніи Коряжемскаго монастыря; и) *Черниговскій Предтечевъ* на устьѣ рѣчки Черныя, въ бывшемъ городкѣ Черниговѣ близъ Сольвычегодска: въ 1546 г. сгорѣлъ, а въ 1586 г. въ немъ жили только одинъ іеромонахъ и два монаха ([59]).

Изъ монастырей второй половины XVI вѣка въ обозрѣваемыхъ нами мѣстахъ извѣстны—а) *Телеговъ Троицкій* въ 70 верстахъ отъ Устюга къ сѣверу по Двинѣ: построенъ въ 1553 г. преп. Ипфонтомъ: б) *Тотемскій Спасо-Суморинъ* близъ го-

---

([59]) Ист. Росс. Іер. III, 279. 280; IV, 88. 358. 778; V, 362; VI, 170. 358. 698; *Евген.* Списокъ Вологод. мон., въ Волог. Епарх. Вѣд. за 1865, стр. 104; Акт. Эксп. I, № 337.

рода Тотьмы: основанъ преп. Θеодосіемъ Суморинымъ въ 1554 г., по просьбѣ мѣстныхъ жителей, съ разрѣшенія царя Іоанна Васильевича и благословенія митрополита Макарія, и имѣлъ предъ кончиною своего основателя только девять келлій: в) *Христофорова Богородицкая* пустынь въ 27 верстахъ отъ Сольвычегодска въ верховьѣ рѣчки Коряжемки: открыта около 1555 г. преп. Христофоромъ, постриженцомъ Коряжемскаго Николаевскаго монастыря; г) *Пыскорскій Преображенскій* при устьѣ рѣчки Пыскорки, впадающей въ Каму, и д) *Сольвычегодскій Введенскій* въ самомъ городѣ Сольвычегодскѣ: первый построенъ въ 1560 г. знаменитымъ родоначальникомъ фамиліи Строгановыхъ, Іоанникіемъ Θедоровичемъ, въ монашествѣ Іоасафомъ; а послѣдній—дѣтьми этого Іоанникія, Іаковомъ, Григоріемъ и Симеономъ въ 1563 году, съ благословенія ростовскаго архіепископа Никандра; е) *Кобылкинъ Дмитріевскій* въ Вологдѣ или близъ Вологды, упомин. въ 1568 году; ж) *Маркушевскій Николаевскій* на рѣкѣ Маркушѣ въ 100 верстахъ отъ Тотьмы къ сѣверо-востоку: основанъ въ 1578 г. препод. Агапитомъ, спостникомъ преп. Логгина коряжемскаго, испросившимъ у царя Іоанна Васильевича нѣсколько земли на содержаніе своей обители, а у митрополита Кирилла—благословеніе на освященіе въ ней двухъ церквей; з) *Трифоновъ Успенскій* при городѣ Вяткѣ на берегу рѣки того же имени: построенъ въ 1580 г. постриженникомъ Пыскорскаго монастыря, преп. Трифономъ на иждивеніе мѣстныхъ гражданъ, которые исходатайствовали для того грамоту у царя Іоанна Васильевича ([60]).

([60]) Ист. Росс. Іер. II, 604; VI, 180. 363. 412. 437. 606; *Савваитов.* Опис. Тотемск. Спасо-Сумор. монастыря, стр. 4—9, С. п. б. 1850 г.; *Карамз.* IX, 222, примѣч. 651; Акт. Юрид. I, стр. 91; Акт. Эксп. I, № 305.

III.

Изъ сдѣланнаго нами подробнаго обозрѣнія монастырей московской митрополіи довольно уже ясно открывается, какія были главныя причины основанія этихъ монастырей и отъ чего зависѣла ихъ поразительная многочисленность.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ монастырей, впрочемъ весьма немногіе, были вызваны къ бытію сознаніемъ ихъ потребности и пользы для извѣстнаго края и мѣстности. Просвѣтители лопарей, Өеодоритъ и Трифонъ, основали каждый по монастырю съ тою цѣлію, чтобы эти обители служили не только для поддержанія, но и для дальнѣйшаго распространенія христіанства между дикарями. Съ тою же самою цѣлію, по распоряженію самого правительства, устрояемы были монастыри въ царствѣ казанскомъ и астраханскомъ, когда они были покорены Россіи. Жители города Тотьмы, а потомъ жители Вятки писали къ царю Ивану Васильевичу, что у нихъ вовсе нѣтъ монастырей и если кто пожелаетъ постричься, особенно въ старости и при смерти, то постричься негдѣ, а потому у нихъ настоитъ въ монастырѣ великая нужда, и вслѣдствіе этой нужды царь разрѣшилъ построить монастыри—въ Тотьмѣ Спасо-Суморинъ, а въ Вяткѣ Трифоновъ-Успенскій ([61]).

Другіе монастыри были воздвигнуты въ благодарность Богу за Его милости, иногда по обѣту, и въ память явленія чудотворныхъ иконъ. Такъ великій князь Василій Іоанновичъ основалъ Новодѣвичій монастырь по взятіи Смоленска; царь Іоаннъ Васильевичъ — монастыри: Өеодоровскій въ Переяславлѣ-За-

---

([61]) Акт. Эксп. I, № 305; Ист. Росс. Іер. VI, 414.

лѣсскомъ по случаю рожденія сына Ѳеодора и Благовѣщенскій въ Муромѣ по взятіи Казани; новгородскій бояринъ Сырковъ построилъ монастырь, извѣстный подъ его именемъ, послѣ благополучно совершеннаго путешествія въ Колывань; именитый Строгановъ соорудилъ монастырь Пыскорскій въ знакъ благодарности Богу за полученныя отъ царя Іоанна Васильевича вотчины. Тихвинскій Успенскій монастырь основанъ въ память явленія чудотворной иконы Божіей Матери Тихвинской; Святогорскій Псковскій—по случаю явленія иконы Божіей Матери на горѣ Синичьей; Воронина пустынь близъ Череповца—также по случаю явленія чудотворной иконы Божіей Матери на томъ самомъ мѣстѣ.

Довольно монастырей было основано благочестивыми иноками единственно по чувству благочестія, по ревностному желанію найти себѣ и дать другимъ надежный пріютъ для строгой монашеской жизни и подвиговъ. Припомнимъ монастыри Пафнутія боровскаго, Іосифа волоколамскаго, Даніила переяславскаго, Макарія колязинскаго, Герасима болдинскаго, монастыри — Александра свирскаго, Елеазара псковскаго, Зосимы соловецкаго, Антонія сійскаго, Нила сорскаго, Корнилія комельскаго и другихъ св. мужей, которые самою своею жизнію и трудами, самымъ устройствомъ и нравственнымъ процвѣтаніемъ своихъ обителей доказали, что не имѣли въ виду, при устроеніи ихъ, ничего другаго, кромѣ благочестія.

Но самая бо́льшая часть нашихъ тогдашнихъ обителей были основаны едва ли не потому только, что устроять ихъ было такъ легко и никому не возбранялось; едва ли не по одному увлеченію основателей примѣромъ другихъ, не по одному господствовавшему направленію въ монашескомъ мірѣ. Всякій инокъ, вскорѣ послѣ своего постриженія въ какомъ-либо мо-

настырѣ, уже начиналъ мечтать, какъ бы удалиться въ пустыню, какъ удалялись другіе, какъ бы основать свой особый, небольшой монастырекъ или пустыньку. И дѣйствительно, едва представлялась возможность, уходилъ въ дремучій лѣсъ или другое безлюдное мѣсто,—а такихъ мѣстъ тогда, особенно на сѣверѣ Россіи, было весьма много,—ставилъ себѣ небольшую келлію и часовню. Къ нему присоединялись иногда еще два-три инока, строили себѣ келліи, иногда небольшую церковь— и вотъ являлся монастырекъ или пустынь. Случалось, что первый жаръ и увлеченіе проходили, и строители монастырей отправлялись скитаться по міру съ иноками для собиранія милостыни на свою обитель, обращались къ самому царю просить земли и руги, и все собранное издерживали на свои прихоти, а церкви, ими основанныя, оставались пусты, безъ пѣнія. Случалось, что подобные монастыри существовали годъ, два, три или закрывались со смертію своихъ основателей. Случалось, что иноки заботились объ устроеніи себѣ отдѣльныхъ пустынь для того только, чтобы жить на своей волѣ, не подчиняться никакимъ монастырскимъ правиламъ, каковъ былъ, напримѣръ, старецъ Александръ, на котораго вынуждены были жаловаться царю братія Кирилло-бѣлозерскаго монастыря ([62]). Эта страсть нашихъ черноризцевъ уходить въ пустыни и открывать новые монастыри замѣтна была еще въ монгольскій періодъ, но не доходила до крайностей, какъ теперь. И не удивительно, если даже поселяне и землевладѣльцы, при всемъ тогдашнемъ уваженіи къ монашеству, не всегда дружелюбно относились къ такимъ пустынникамъ, напротивъ старались вы-

---

([62]) Стоглав., гл. 5, вопр. 19; Акт. Ист. I, № 212 и примѣч. 91; Ист. Росс. Іер. IV, 95. 703; VI, 607.

тѣснять, удалять ихъ изъ своихъ мѣстъ, а иногда даже умерщвляли ([63]).

Много у насъ числилось монастырей; но что это были за монастыри? Въ большей части изъ нихъ жило по два, по три, по пяти и до десяти иноковъ; въ другихъ — отъ десяти до двадцати ([64]); а такихъ, въ которыхъ число братій простиралось отъ 20-ти до 50-ти, мы можемъ указать едва десять ([65]). Такихъ же, гдѣ число это восходило выше 50-ти, намъ извѣстно еще менѣе. И именно: въ Боровскомъ Пафнутіевомъ, при жизни основателя, находилось до 95 иноковъ; въ Іосифо-вомъ-Волоколамскомъ—иногда 100, а иногда 130; въ Даніиловомъ Переяславскомъ — отъ 55 до 70; въ Болдиномъ-Герасимовомъ, при жизни основателя, до 140; въ Александро-Свирскомъ—отъ 59 до 86; въ Антоніевомъ Дымскомъ – до 55; въ Корниліевомъ Комельскомъ—до 90 и въ Антоніевомъ Сійскомъ—до 73 ([66]). Не знаемъ, насколько справедливы свидѣ-

---

([63]) Ист. Росс. Іер. V, 52; *Филар.* Русск. Свят. Авг. 24, стр. 89. 90; Дек. 7, стр. 354.

([64]) Даже въ старыхъ монастыряхъ, наприм., Сковородскомъ было только три инока, Ксенофонтовомъ — шесть, Саввы-Вышерскомъ — девять, Передицкомъ — десять (*Неволин.* О пятин. Новгор., прилож. 135. 137; Времени. М. Истор. Общ. VI, отд. II, 119).

([65]) И именно: въ Покровскомъ Пустошскомъ—24. Медвѣдскомъ Ладожскомъ—30, Николаевскомъ Стороженскомъ—20, Тихвинскомъ-Успенскомъ—40, Стефановскомъ-Середокоротнемъ—22, Гостинопольскомъ-Николаевскомъ—25, Палеостровскомъ — 45, Муромскомъ — 35, Богословскомъ на Вагѣ — 30 (См. объ этихъ монастыряхъ выше въ самомъ текстѣ и еще—*Неволин.* О пятин. Новг., прилож. 174; Дополн. Акт. Ист. I, стр. 35), Успенскомъ-женскомъ во Владимірѣ—33 сестры (Акт. Эксп. I, № 155).

([66]) О Дымскомъ—Времени. М. Ист. Общ. VI, отд. II, 89; о Сійскомъ—Ист. Росс. Іер. VI, 123; о прочихъ—выше въ самомъ текстѣ. Въ монастырѣ Іосифа волоколамскаго было въ 1584 г.—90 келлій, изъ которыхъ 17 тогда сгорѣло, и 130 иноковъ. (Опись книгъ Іосиф. монастыря, въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, VII, отд. IV, 9. 14).

тельства иностранцевъ о Троице-Сергіевой лаврѣ, будто въ первой четверти XVI вѣка въ ней находилось 300 иноковъ, а подъ конецъ настоящаго періода даже до 700, кромѣ слугъ ([67]). Но въ монастырѣ Кирилло-бѣлозерскомъ, одномъ изъ самыхъ главныхъ и богатѣйшихъ нашихъ монастырей того времени, число братій едва ли не ограничивалось иногда лишь нѣсколькими десятками ([68]). Потому-то многіе монастыри, вслѣдствіе своей малолюдности и скудости во всемъ, не въ состояніи были существовать самостоятельно, а считались только *приписными* къ другимъ монастырямъ, большимъ, отъ которыхъ получали и настоятелей и нерѣдко самыя средства къ жизни, а нѣкоторые иногда доходили до совершеннаго упадка ([69]). Значитъ, при множествѣ монастырей, нельзя сказать, чтобы у насъ было тогда слишкомъ много и монаховъ. Вмѣсто 400 тогдашнихъ обителей, ихъ оказалось бы, можетъ быть, сорокъ или пятьдесятъ, если бы всѣ ихъ жильцы были соединены въ такія общежительныя обители, какія существуютъ нынѣ, въ сто, двѣсти, триста человѣкъ и болѣе.

Къ сожалѣнію, общежитіе какъ-то мало прививалось въ

([67]) Ioann. Fabri Moscovit. religio, pag. 7 (apud Starczevski — Hist. Ruthen. scriptores exteri, vol. I); Ioann. Cobencell. De legat. ad Moscovit., pag. 15 (apud Starczev. ibid. vol. II); Fletcher, La Russie au XVI siècle, II, p. 97, Paris 1864.

([68]) По крайней мѣрѣ, въ одной челобитной, поданной въ 1582 г. отъ лица всего Кирилло-бѣлозерскаго монастыря царю Іоанну, перечислены въ началѣ по именамъ только до 48-ми братій (въ томъ числѣ даже хлѣбникъ, колачникъ, чашникъ и два пономаря), хотя затѣмъ и прибавлено: «и всѣ служебники, и больничные, и вся братія бьютъ челомъ...» (Акт. Ист. I, № 212).

([69]) Такихъ *приписныхъ* монастырей наиболѣе было у Троицко-Сергіевой лавры (Опис. ея, 168; Акт. Ист. I, стр. 200, 282, 403) и у Кирилло-бѣлозерскаго монастыря (Акт. Ист. I, стр. 308).

нашихъ монастыряхъ. Когда преп. Іосифъ волоколамскій (въ 1478 г.) обходилъ эти монастыри, то замѣтилъ, что даже лучшіе изъ нихъ, основанные преп. Сергіемъ радонежскимъ и его учениками на правилахъ общежительныхъ, уже клонились «къ лаврскому обычаю», т. е., обычаю, по которому каждый инокъ живетъ особо, самъ собою. Въ монастырѣ Саввы тверскаго, по смерти его, избранъ былъ такой игуменъ, который самъ ниспровергалъ его общежительные уставы къ прискорбію братіи. Даже въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, котораго обычаи болѣе всѣхъ понравились преп Іосифу, было нѣсколько игуменовъ сряду, нарушавшихъ преданія и законы преп. Кирилла, вопреки всѣмъ прещеніямъ достойныхъ иноковъ. Изъ новыхъ монастырей преп. Іосифъ упоминаетъ только объ одномъ общежительномъ, о монастырѣ преп. Макарія колязинскаго (70). Любя всею душою общежительный порядокъ въ обителяхъ, самъ Іосифъ основалъ свой монастырь на началахъ строгаго общежитія; но въ другихъ мѣстахъ нашелъ себѣ немного подражателей. Намъ извѣстны общежительные монастыри (не говоримъ о многихъ, прежде основанныхъ) только: въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ—Даніиловъ, гдѣ введено было общежитіе по волѣ великаго князя Василія Іоанновича, въ смоленскомъ краѣ—основанные преп. Герасимомъ болдинскимъ, въ псковскомъ—Елеазаровъ, Печерскій и Саввы Крипецкаго, въ вологодскомъ—Иннокентіевъ-Преображенскій и Корнилієвъ-Комельскій, въ пятинѣ Обонежской—Александро-Свирскій и Александровскій Ошевенскій, на Бѣломъ морѣ—Соловецкій. О дру-

(70) Житіе пр. Іосифа волок., сост. неизвѣстнымъ, стр. 16; Духовн. Грамота того же пр. Іосифа гл. X (*Макар.* Велик. Чети-Мин., Сент. 9, стр. 553—558).

гихъ монастыряхъ настоящаго періода, по крайней мѣрѣ. не сохранилось прямыхъ извѣстій, что они были общежительными, хотя это очень вѣроятно въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Особенно замѣтенъ былъ недостатокъ общежитія въ новгородскихъ монастыряхъ, при ихъ многочисленности. Тамъ, по словамъ мѣстнаго лѣтописца, только «великіе монастыри», и всего только четыре: Юрьевъ, Хутынь, Вяжецкій и Отенскій существовали общинами и по чину, а въ прочихъ монастыряхъ иноки жили каждый особо, и ѣли каждый въ своей келліи, и обременены были всякими житейскими попеченіями. Вслѣдствіе чего даже въ лучшихъ монастыряхъ было лишь по шести и по семи чернецовъ, а въ другихъ по два и по три. И вотъ архіепископъ Макарій обратился къ великому князю Василію Ивановичу съ просьбою показать ревность о честныхъ монастыряхъ новгородскихъ и, получивъ отъ князя повелѣніе, созвалъ (въ 1528 г.) къ себѣ настоятелей монастырей, гдѣ не было общины, и убѣждалъ завести ее. Слова архипастыря подѣйствовали: игумены начали съ того времени устроять общежитіе каждый въ своей обители, не только въ Новгородѣ, но и по окрестнымъ городамъ новгородской архіепископіи. А вслѣдъ за устроеніемъ общежитія начало увеличиваться въ обителяхъ и число братіи: гдѣ было прежде два или три, тамъ явилось теперь 12 и 15, а гдѣ было шесть или семь, тамъ— 20, 30, даже 40 и болѣе. Лѣтописецъ перечисляетъ вокругъ одного Новгорода шестнадцать монастырей, которые приняли тогда общежитіе, и монастырей извѣстнѣйшихъ, въ томъ числѣ — Антоніевъ, Деревяницкій, Аркажъ. Колмовъ, Волотовъ, Сковоротскій, Нередицкій. Перынь. Впрочемъ даже теперь. несмотря на всѣ убѣжденія владыки Макарія. нашлись два игумена «именитыхъ монастырей»—Николаевскаго въ Неревскомъ концѣ и

Христорождественскаго на Полѣ, которые не захотѣли устроить у себя общины, хотя имѣли къ тому полную возможность ([71]). А съ другой стороны и въ монастыряхъ, принявшихъ теперь общежитіе, едва ли во всѣхъ утвердилось оно надолго: по крайней мѣрѣ, о Сковоротскомъ извѣстно, что въ 1582 г. въ немъ было только три келліи и жило три старца ([72]). Надобно присовокупить, что не въ одномъ Новгородѣ и новгородской епархіи, а и въ самой Москвѣ и во всѣхъ городахъ, какъ свидѣтельствовалъ царь Іоаннъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ, существовали такіе же малолюдные монастыри съ двумя, тремя черноризцами, называвшіеся *особными* или *особь сущими* въ противоположность *общимъ* или общежительнымъ ([73]). И сохранилось посланіе къ этому самому государю какихъ-то неизвѣстныхъ иноковъ, которые умоляли его завести общежитіе въ монастыряхъ, находившихся въ окрестностяхъ Москвы по образцу монастырей Кирилло-бѣлозерскаго, Іосифо-волоколамскаго и Колязина ([74]).

Уставы общежитія, существовавшіе въ тогдашнихъ нашихъ монастыряхъ (а такихъ уставовъ дошло до насъ пять), всѣ сходны между собою въ общихъ чертахъ, равно какъ и съ прежними такими же уставами. Они говорятъ о поведеніи иноковъ въ церкви, трапезѣ, въ келліяхъ, на послушаніяхъ, объ одеждѣ иноковъ, ихъ отношеніи къ игумену, судѣ надъ ними и подоби. Но при всемъ сходствѣ съ другими, каждый уставъ имѣетъ и свои особенности. Самый древній изъ этихъ уставовъ

([71]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 284 — 285; Акт. Ист. I. № 292; Дополн. Акт. Ист. I, № 25.

([72]) *Неволин.* О пятин. Новг., прилож. 135.

([73]) Стоглав. гл. 5, вопр. 37. гл. 49. 50, стр. 37. 247, Казан. 1862.

([74]) Опис. Румянц. Муз. стр. 780.

написанъ около половины XV вѣка препод. Евфросиномъ псковскимъ для основанной имъ обители, и написанъ не въ формѣ краткихъ и сухихъ правилъ, а въ формѣ обширнаго наставленія, въ которомъ старецъ отъ собственнаго лица обращается къ своей братіи и подтверждаетъ или раскрываетъ излагаемыя правила то текстами св. Писанія, то постановленіями соборовъ, то изреченіями св. отцевъ-подвижниковъ ([75]). Мы изложимъ сущность этихъ правилъ съ возможною краткостію. «Вотъ я, грѣшный инокъ Евфросинъ,—такъ начинаетъ онъ собственно уставъ свой послѣ довольно обширнаго предисловія, — пишу вамъ, братія мои: со времени построенія нашей церкви да будетъ у насъ монастырь общій. Монахи не должны имѣть ничего своего, но все свое должны отдать во власть монастырю. Не должно ни ѣсть, ни пить, какъ только въ трапезѣ, кромѣ случаевъ тяжкой болѣзни. Въ игумена изберите себѣ человѣка благоразумнаго, духовнаго и «богараднаго», который бы желалъ служить единственно Богу и св. церкви, а не заботился имѣть что-либо лишнее противъ братіи, ни ризъ болѣе свѣтлыхъ и мягкихъ, ни пищи болѣе вкусной. Игуменъ пусть будетъ не только учителемъ, но и образцемъ для своего стада по святости жизни. Игумену предавайтесь и покоряйте свою волю: послушаніе есть вторая лѣстница на небо и выше поста и пустыннаго подвига. Со смиреніемъ и любовію служите игумену и своей братіи и ни въ чемъ не лѣнитесь. Пьянства безмѣрнаго и всякаго безчинія отнюдь да не будетъ между вами. Женщины да не входятъ никогда въ нашу обитель. Равно не

([75]) Въ заглавіи этого устава, по списку нашей библ. въ Сборн. № 100, сказано, что онъ написанъ при державѣ государей великихъ князей Василія Васильевича (÷ 1462) и сына его Іоанна Васильевича, по благословенію митрополита Θеодосія (1461—1464).

принимайте въ обитель и дѣтей и вообще «голоусыхъ» подъ предлогомъ—учить ихъ книгамъ или имѣть своими прислужниками, а трудитесь сами. Бани вовсе не должно быть въ обители, чтобы никто изъ иноковъ, кромѣ великой болѣзни или нужды, не обнажалъ своего тѣла и даже самъ не видѣлъ его. Одежду и обувь получайте отъ игумена или отъ иконома, кто будетъ держать монастырскую казну: одежду имѣйте обыкновенную серьмяжную, а не изъ нѣмецкихъ суконъ, и шубы носите бараньи, безъ пуха. Въ церковь спѣшите тотчасъ, какъ только услышите клепаніе, чѣмъ бы кто ни занимался, и поспѣвайте къ самому началу службы: ибо если и цѣлую ночь простоишь на молитвѣ въ кельѣ своей, это не сравняется одному «Господи помилуй» на общей молитвѣ. И не выходите изъ церкви до самаго отпуста, кромѣ нужды. Да поютъ же въ церкви съ тихостію и разумно, а не козлогласованіемъ. На службу ли куда пошлетъ игуменъ какого-либо инока: пусть идетъ безъ всякаго ослушанія, съ молитвою и благословеніемъ. А безъ благословенія игумена не ходить никуда даже по своимъ дѣламъ. Если кто начнетъ противорѣчить игумену и воздвигать свары, такого запереть въ темницу, пока не покается. А непокорливаго мниха, по первомъ, второмъ и третьемъ наказаніи, изгонять вонъ изъ обители и не отдавать ему ничего, что было внесено имъ въ обитель: такъ какъ онъ, по своей волѣ, отдалъ имѣніе свое Богу, и церкви, и братіи, и оно уже не его, но церковное. Смотрите, чтобы въ нашей обители не было вкупа, ни урока, какъ бываетъ въ другихъ обителяхъ, когда, дѣлая вкладъ на обитель, говорятъ: я свое ѣмъ и пью, и не хотятъ ни въ церковь ходить, ни въ кельѣ своей молиться прилежно. Игуменъ долженъ смотрѣть, какого человѣка принимать въ обитель: принимайте смиреннаго, кроткаго, ти-

хаго и терпѣливаго, и то не вдругъ, а послѣ трехъ лѣтъ искуса или болѣе; такой человѣкъ дороже золота и серебра. Когда придутъ къ вамъ странники, иноки ли или міряне, заботьтесь ихъ принять и упокоить. Каждый странникъ можетъ оставаться у васъ три дня, и не принуждайте его ни на какое дѣло, ни скажите ему тяжкаго слова. А, отпуская, дайте страннику милостыню по силѣ. Придетъ ли кто изъ мірскихъ властей къ вамъ, воздадите всякому свое. Придетъ ли какой ловецъ или работникъ и станетъ просить хлѣба: дайте сколько потребуетъ; а захочетъ купить на деньги, денегъ отнюдь не берите. О прочихъ же добродѣтеляхъ,—такъ заключаетъ свой уставъ преп. Евфросинъ,—смотрите въ уставахъ—Василія Великаго, равностоятеля апостоловъ, Аѳанасія святаго, Божія жилища, Григорія богослова, непобѣдимаго воина Христова, велегласнаго Лѣствичника, духовныхъ степеней утвердителя, и въ преданіяхъ многихъ другихъ богоносныхъ отцевъ нашему иноческому чину». По началу Евфросинова устава можно догадываться, что онъ написанъ преподобнымъ вскорѣ послѣ основанія имъ обители, какъ только построена была въ ней церковь. Подъ конецъ жизни тѣ же правила старецъ повторилъ вкороткѣ и въ своемъ завѣщаніи братіи ([76]). Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыми чертами этотъ уставъ напоминаетъ правила Снѣтогорскаго монастыря, въ которомъ Евфросинъ былъ постриженъ ([77]).

Другой общежительный уставъ составленъ преп. Іосифомъ волоколамскимъ, который назвалъ его своею «Духовною граматою», потому что написалъ уже подъ конецъ своей жизни въ видѣ завѣщанія братіи, какъ показываютъ слѣдующія самыя

([76]) Акт. Эксп. I. № 108.
([77]) Снес. нашей Ист. Русск. Церк. IV, (изд. 1). 215, (изд. 2), 218.

начальныя слова предисловія: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, завѣщеваю и являю духовному настоятелю, иже по мнѣ сущему, и всѣмъ, яже о Христѣ, братіямъ моимъ, отъ перваго дажь до послѣдняго, азъ окаянный и недостойный Іосифъ игуменъ противу моея силы, Христовы ради любве и спасенія моего и всѣхъ о Христѣ братій моихъ; и еще живъ сый изложихъ сіа написана, яко да, и сущу ми и по моемъ отшествіи, хранити сіа. Лѣта убо къ старости приближишася и смертная чаша уготовляется; впадохъ убо во многіа и различныя болѣзни...» и проч. Уставъ Іосифа—сочиненіе весьма обширное, раздѣленъ на 14 главъ, не равной величины, и заключаетъ въ себѣ три отдѣльные устава или завѣщанія. Первое завѣщаніе—всей братіи, т. е., и настоятелю и всѣмъ инокамъ обители: оно состоитъ изъ девяти наставленій, которыя въ первыхъ девяти главахъ изложены обширно, въ видѣ поученій, съ свидѣтельствами изъ св. Писанія, изъ правилъ соборныхъ, изъ св. отцевъ, особенно подвижниковъ, изъ патериковъ и под., а потомъ въ главѣ 12-й повторены кратко въ видѣ правилъ. Эти поученія и правила говорятъ: а) о благочиніи въ церкви и соборной молитвѣ; б) о благочиніи въ трапезѣ, о пищи и питіи; в) объ одеждѣ, обуви и другихъ вещахъ монастырскихъ; г) о томъ, что не должно инокамъ бесѣдовать послѣ повечерницы и ходить изъ келліи въ келлію; д) не должно имъ исходить изъ монастыря безъ благословенія; е) объ общихъ монастырскихъ трудахъ и особыхъ послушаніяхъ иноковъ; ж) о томъ, что не должно быть въ обители питію и пьянству; з) не должно входить въ обитель женскому полу; и) не должно жить въ обители и даже въ монастырскихъ дворахъ отрокамъ. Второе завѣщаніе—собственно настоятелю: оно изложено въ 11-й главѣ и убѣждаетъ настоятеля со всею ревностію заботиться о ввѣ-

ренныхъ ему инокахъ и учить ихъ словомъ и дѣломъ. Третье завѣщаніе—соборнымъ и вообще старѣйшимъ братіямъ, которымъ ввѣрено было, вмѣстѣ съ настоятелемъ и въ отсутствіе его, управлять обителію: это завѣщаніе изложено въ двухъ послѣднихъ главахъ, и именно въ 13-й, послѣ общихъ наставленій, содержитъ девять *преданій*, объясняющихъ, какъ соборные старцы должны наблюдать за исполненіемъ каждаго изъ девяти правилъ общаго монастырскаго устава, даннаго Іосифомъ, а въ главѣ 14-й излагаетъ девять запрещеній или епитимій, изъ которыхъ ту или другую должны были соборные старцы возлагать на иноковъ за нарушеніе того или другаго изъ девяти правилъ общаго устава. Кромѣ трехъ отдѣльныхъ завѣщаній—всей братіи, игумену, соборнымъ старцамъ, преп. Іосифъ помѣстилъ въ своемъ уставѣ еще особую, десятую главу подъ названіемъ: «Отвѣщаніе любозазорнымъ и сказаніе вькратцѣ о св. отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Рустѣй земли сущихъ». Тутъ преподобный, сначала, какъ бы защищаетъ себя противъ тѣхъ, которые говорили, что св. отцы еще въ прежнія времена изложили въ письмени общежительныя преданія, а нынѣ не слѣдуетъ такъ поступать, но должно учить только словомъ, и доказываетъ свидѣтельствами прежнихъ учителей — Никона черногорца, Лѣствичника, Златоуста и другихъ, что, напротивъ, настоятель обязанъ учить свою братію не только словомъ, но и писаніемъ. Затѣмъ, чтобы кто-либо не сталъ утверждать, будто, по крайней мѣрѣ, русскіе св. отцы не писали иноческихъ преданій, а учили только словомъ, преп. Іосифъ излагаетъ краткое Сказаніе о св. отцахъ русской земли и, въ частности, говоритъ о преп. Антоніи и Өеодосіи печерскихъ, Сергіи радонежскомъ, Кириллѣ бѣлозерскомъ, Саввѣ тверскомъ, Макаріи колязинскомъ, Пафнутіи бо-

ровскомъ и другихъ, не объясняя впрочемъ, давали ли они или не давали письменные уставы своимъ инокамъ. Наконецъ, обращается къ современному иночеству и собственно къ своей обители и замѣчаетъ, что нынѣ благочестіе между иноками крайне упало, что для возбужденія ихъ необходимо употреблять не одни словесныя, а и письменныя наставленія, что если они забываютъ и въ письмени изложенныя предъ ними иноческія преданія, то еще скорѣе забудутъ безъ письмени и проч. По составу своему уставъ преп. Іосифа есть сочиненіе оригинальное; но по содержанію мало отличается отъ другихъ того же рода монастырскихъ уставовъ. Многія правила и у Іосифа тѣ же, какія мы видѣли въ уставѣ преп. Евфросина псковскаго, хотя и излагаются подробнѣе. Напримѣръ: въ трапезу иноки должны поспѣвать «къ благословенію» и садиться тамъ каждый на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ; до начала общаго стола никто не долженъ ѣсть, въ продолженіе стола не долженъ ничего брать изъ пищи своего сосѣда и давать ему изъ своей. Обѣдъ начинается благословеніемъ игумена или служащаго священника, совершается при чтеніи правоучительныхъ книгъ и оканчивается молитвословіемъ. Послѣ обѣда изъ трапезы выходятъ всѣ вмѣстѣ, молча, и немедленно расходятся по келліямъ. Къ вечернему столу никто, кромѣ однихъ служащихъ, не допускается. Пища для всѣхъ полагается одна (глав. 2). Все, принесенное инокомъ съ собою, при поступленіи его въ обитель, обращается въ монастырскую собственность; а здѣсь все его имущество состоитъ только изъ двухъ свитокъ, старой и новой, двухъ скуфій, двухъ паръ сапоговъ и другихъ самыхъ необходимыхъ вещей, которыя выдаются ему отъ монастырскаго казначея. И этихъ вещей инокъ не смѣетъ ни продать, ни промѣнять кому-либо, ни замѣнить другими, полученными

со стороны (гл. 3). Въ келліи инокъ долженъ проводить время въ постоянной молитвѣ, чтеніи и списываніи душеполезныхъ и богослужебныхъ книгъ и въ другихъ занятіяхъ на пользу обители. На общую работу долженъ приходить во-время и оставлять ее не прежде другихъ (гл. 6). Съ особенною обстоятельностію излагаются въ уставѣ преп. Іосифа волоколамскаго статьи о внутреннемъ управленіи монастыря и говорится: главный начальникъ монастыря есть игуменъ. Онъ избирается всѣмъ братствомъ и непремѣнно изъ среды самихъ же братій, чтобы и его всѣ знали, и онъ былъ знакомъ со всѣми обычаями своей обители. Въ своихъ распоряженіяхъ онъ обязанъ строго слѣдовать существующему въ ней уставу и не вводить ничего новаго. Но игуменъ управляетъ монастыремъ не иначе, какъ при соучастіи келаря, казначея и старѣйшей братіи или соборныхъ старцевъ. Послѣдніе, числомъ двѣнадцать по числу двѣнадцати апостоловъ, избираются общимъ голосомъ братіи и утверждаются игуменомъ. Одни изъ этихъ старцевъ днемъ и ночью обходятъ монастырь черезъ каждый часъ времени, чтобы всѣ иноки находились въ своихъ келліяхъ и занимались своими трудами, а не бродили безъ дѣла. Другіе наблюдаютъ за благочиніемъ въ столовой. Третьи во время богослуженія обходятъ всю церковь, чтобы видѣть, всѣ ли иноки присутствуютъ въ ней и каждый ли стоитъ на своемъ мѣстѣ. Четвертые становятся въ притворѣ и у церковныхъ дверей, чтобы стоящіе въ притворѣ не разговаривали и не смѣялись и не выходили изъ церкви въ продолженіе службы. Дѣла неважныя рѣшаетъ самъ игуменъ по совѣщаніи только съ келаремъ и казначеемъ. Дѣла болѣе важныя рѣшаются совѣтомъ игумена, келаря, казначея и соборныхъ старцевъ. Наконецъ, дѣла особенно важныя объявляются всѣмъ инокамъ и рѣшаются ихъ общимъ голо-

сомъ. Въ отсутствіе настоятеля монастыремъ управляетъ соборъ старцевъ. Если инокъ согрѣшитъ невольно и ненамѣренно, онъ оставляется безъ епитиміи. Если намѣренно и не разъ, не два; то подвергается разнымъ епитиміямъ, судя по винѣ своей, каковы: поклоны, сухоядепіе, отлученіе отъ церковной святыни. За великое преступленіе виновный иногда заключается въ оковы, а въ крайнихъ случаяхъ даже вовсе изгоняется изъ монастыря (гл. 11, 13 и 14). Почти всѣ главныя мысли своего обширнаго устава преп. Іосифъ кратко выразилъ въ своемъ «Наказѣ одному изъ братіи»; а главу устава о неупотребленіи въ монастырѣ хмѣльныхъ напитковъ повторилъ въ своей «Наказной граматѣ соборнымъ и прочимъ братіямъ» ([78]). Впослѣдствіи какъ бы въ дополненіе къ Іосифову уставу, частію по указаніямъ его, а частію на основаніи монастырскаго обычая, написанъ былъ, по порученію братіи, подробный *Обиходникъ* или уставъ въ 6-ти главахъ, о церковномъ звонѣ во всѣ дни, о пѣніи молебновъ, о возжиганіи и раздаваніи свѣчей въ церкви, о погребеніи братій и мірянъ, о поминовеніяхъ ихъ и пѣніи панихидъ, о пищѣ братіи во св. Четыредесятницу и другіе дни. Этотъ трудъ совершенъ былъ инокомъ Евѳиміемъ Турковымъ, бывшимъ затѣмъ игуменомъ Іосифова монастыря (1573—1586) ([79]).

Съ уставомъ преп. Іосифа волоколамскаго имѣетъ весьма близкое сходство, даже въ подробностяхъ, уставъ преп. Корнилія комельскаго, изложенный въ 15 главахъ ([80]). Можетъ

([78]) Дополн. Акт. Ист. I, №№ 211, 213. Самый же Уставъ или «Духовная грамата» пр. Іосифа напеч. въ Велик. Минеяхъ Чет. *Макарія*, Сент. 9, стр. 499—615.

([79]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 392—402; Чтен. М. Ист. Общ. 1847, отд. IV—Опись книгъ Іосифо-Волок. монаст., стр. 9.

([80]) Напечатанъ въ Ист. Р. Іер. IV, 661 и слѣд.

быть, оба св. старца, устрояя свои обители и составляя свои уставы, имѣли въ виду одинъ и тотъ же образецъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, обычаи котораго, какъ мы знаемъ, болѣе всѣхъ понравились преп. Іосифу и въ которомъ преп. Корнилій не только принялъ постриженіе, но и проходилъ первыя свои послушанія. А можетъ быть, Корнилій имѣлъ подъ руками и самый уставъ Іосифовъ, хотя ссылается только на древнихъ—Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Өеодора Студита и другихъ ([81]). Какъ бы то ни было, только излагать всѣ правила Корниліева устава мы считаемъ излишнимъ, а приведемъ изъ него лишь нѣкоторыя, болѣе характеристическія мысли. Пища въ монастырѣ,—говоритъ этотъ уставъ, бываетъ простая, скромная, легко пріобрѣтаемая и за малую цѣну, а отнюдь не излишняя: больше трехъ блюдъ не должно быть. Въ великій постъ по вторникамъ и четверткамъ бываетъ одно вареное кушанье и другое сухояденіе, а въ понедѣльники, среды и пятки не давать даже квасу, но всѣмъ пить одну воду (гл. 3). Если къ какому брату придетъ кто-либо изъ внѣшнихъ, міранинъ ли или инокъ, родственникъ или знакомый: то братъ, безъ благословенія настоятеля, не можетъ не только допустить пришедшаго въ свою келлію, но даже бесѣдовать съ нимъ гдѣ-либо (гл. 4). Занимающіеся рукодѣліемъ не должны, безъ благословенія настоятеля, работать ни для кого и даже отдавать свою работу въ видѣ милостыни но должны все сдѣланное приносить въ казну монастырскую: ибо милостыня и нищепитательство въ монастыряхъ общи

([81]) Легко примѣтить, что Корнилій пользовался и уставомъ Нила сорскаго въ предисловіи и въ главѣ объ исходѣ изъ монастыря, хотя и не говоритъ о томъ (Сравн. Ист. Р. Іер. V, 215. 217. 223).

(гл. 5). Если инокъ получилъ отъ кого-либо письмо, то долженъ, не распечатавъ, его показать настоятелю, или если получитъ подарокъ или какую вещь, малую или большую, долженъ также показать настоятелю и дѣлать все съ его благословенія (гл. 7). Никто да не приписываетъ ничего въ книгѣ безъ благословенія настоятеля или уставщика или книгохранителя: ибо отъ этого бываетъ мятежъ и смущеніе (гл. 8). Когда бываетъ отъ кого-либо милостыня на монастырь, братія отнюдь не должны принимать ее по рукамъ, какъ это вошло въ обычай въ нѣкоторыхъ общихъ монастыряхъ. А если принесшій милостыню скажетъ: мнѣ велѣно раздать ее по рукамъ, иначе я не дамъ вамъ ничего; въ такомъ случаѣ лучше совсѣмъ отказаться отъ милостыни, нежели принять ее на разореніе общаго чина (гл. 12).

Новгородскій архіепископъ Макарій, вводя общежитіе въ монастыри своей епархіи, давалъ имъ отъ себя уставныя грамоты, какъ можно судить по одной такого рода грамотѣ, данной имъ Святодухову монастырю. Здѣсь архипастырь заповѣдывалъ: имѣть игумену въ своемъ монастырѣ одного іеромонаха, одного іеродіакона, да девять братовъ, такъ чтобы всѣхъ съ игуменомъ было двѣнадцать. Совершать въ монастырѣ всѣ церковныя службы не только въ воскресные и праздничные дни, но и ежедневно, а въ понедѣльники, среды и пятки, равно въ воскресенья и праздники пѣть еще молебны о государѣ великомъ князѣ и его княгинѣ, о устроеніи земскомъ и о всемъ православномъ христіанствѣ, и поминать преставльшихся великихъ князей, архіепископовъ и создателей обители. Въ трапезу ходить игумену всякій день и ѣсть вмѣстѣ съ братіею; а трапезу не во всѣ дни имѣть одну и ту же: иначе устроять ее въ дни воскресные и праздничные, иначе

во вторники, четвертки и субботы и иначе въ понедѣльники, среды и пятки. Игумену въ келліи у себя не ѣсть и гостей у себя не кормить и не пировать съ ними, а кормить ему и потчевать гостей въ трапезѣ или въ келарской. Одеждою и обувью и всякими келейными вещами снабжать братію по общежительному преданію. Держать игумену келаря и казначея и трехъ или четырехъ соборныхъ старцевъ, и съ ними вмѣстѣ исполнять всякій чинъ, имѣть попеченіе о прочихъ братіяхъ, вѣдать доходы и расходы монастырскіе и виновныхъ подвергать наказаніямъ. Жить игумену по-чернечески и имѣть любовь ко всей братіи, а не выситься властительски; братіи же имѣть игумена своимъ отцемъ и учителемъ, слушаться его во всемъ и къ нему приходить для исповѣди, а не держать себѣ духовныхъ отцевъ въ городѣ, или на посадѣ, или по селамъ. Мірскимъ людямъ, женщинамъ и отрокамъ, отнюдь не входить въ келліи къ старцамъ и питья имъ въ келліяхъ не держать. Игумену держать у себя келейникомъ чернеца или двухъ чернецовъ, а мірянина у себя въ келліи не держать и молодымъ ребятамъ ни у игумена, ни у старцевъ не жить. Если какіе христолюбцы пожелаютъ дѣлать вклады на монастырь: игумену съ братіею принимать отъ нихъ вклады въ казну на монастырское строеніе; а если захотятъ вкладчики постричься въ монастырѣ, постригать ихъ, хотя бы число братій—двѣнадцать было полное. Если игуменъ начнетъ нерадѣть о своихъ обязанностяхъ: братіи отнюдь не молчать, а напомнить ему со смиреніемъ и любовію: а если не исправится, то донесть архіепископу (82). Подобныя *уставныя грамоты* въ общежитель-

---

(82) Акт. Ист. I, № 292.

ные монастыри даваемы были и другими нашими святителями, и сохранилась даже общая формула такой грамоты отъ начала XVI вѣка, излагающая, впрочемъ, дѣло въ самыхъ общихъ чертахъ ([83]).

Препод. Герасимъ болдинскій, основавшій четыре монастыря, далъ имъ одинъ и тотъ же общежительный уставъ, сущность котораго заключается въ слѣдующихъ немногихъ правилахъ, почти ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ подобныхъ правилъ: у братіи все должно быть общее. Всякое дѣло монастырское исполнять безропотно и на всякое послушаніе ходить съ благословенія настоятеля. Одежду носить ту, какую уставилъ онъ самъ (т. е., Герасимъ), устрояемую на монастырскую казну. А если кто не захочетъ, то игумену, священнику и діакону давать въ годъ на одежду по два рубля. Хмѣльнаго питья въ обители не имѣть, кромѣ квасу: то же и для гостей. Ни пищи, ни какого-либо сокровища въ келліяхъ не держать. Питаться всѣмъ обще въ трапезѣ, съ безмолвіемъ, что Богъ подастъ, и при этомъ слушать житія святыхъ и поученія. Пища должна быть всѣмъ равная, игумену и братіи: тою же кормить и гостя. Брата, впавшаго въ какое-либо прегрѣшеніе, смирять монастырскимъ послушаніемъ, но изъ монастыря не изгонять, развѣ только когда не послушаетъ наказанія. Странниковъ и нищихъ не оскорблять и подавать имъ на путь, что Богъ въ обители умножитъ. Игуменовъ избирать себѣ не изъ чужихъ монастырей, а изъ своихъ братій, какъ знакомыхъ съ мѣстнымъ уставомъ. Игуменовъ чтить о Господѣ во всемъ. Если же какой игуменъ начнетъ жить не по волѣ Божіей и

([83]) Акт. Эксп. I, № 381.

не по правиламъ монастырскимъ, то послать къ нему нѣсколько братовъ въ келлію, чтобы они побесѣдовали съ нимъ со смиреніемъ духовнымъ. Во всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ, безъ совѣта соборныхъ старцевъ, которыхъ должно быть двѣнадцать, и безъ воли игумена ничего не предпринимать. Игуменъ своихъ постриженчиковъ въ другіе монастыри да не отпускаетъ (⁵⁴).

Легко примѣтить, что всѣ уставы общежитія, нами разсмотрѣнные, занимаются непосредственно внѣшнею дѣятельностію и поведеніемъ иночествующаго братства и стараются опредѣлить ее съ большею или меньшею подробностію. Но они опредѣляютъ и направляютъ эту дѣятельность такъ, чтобы способствовать вмѣстѣ и внутреннему усовершенствованію иноковъ, исполненію ими всѣхъ трехъ коренныхъ обѣтовъ иноческой жизни. Правила общежительныхъ уставовъ, какъ мы видѣли, имѣютъ въ виду—утвердить и возвысить иноковъ: одни—въ самоотверженіи, въ отреченіи отъ собственной воли, смиреніи и послушаніи; другія—въ отреченіи отъ всѣхъ благъ міра, отъ всякой собственности, въ нестяжательности; третьи—въ обузданіи плоти, самоумерщвленіи и цѣломудріи. Не надобно забывать, что, кромѣ этихъ правилъ, каждый инокъ въ общежительномъ монастырѣ пользовался для своего внутренняго самоусовершенствованія—наставленіями своего духовнаго старца, наставленіями и поученіями игумена, поученіями и житіями древнихъ св. подвижниковъ, которыя постоянно читались и во храмѣ, и за трапезой, и самими иноками въ келліяхъ. И мы поймемъ, что, живя при такихъ условіяхъ въ обще-

---

(⁵⁴) Завѣщаніе пр. Герасима, въ Опис. Смоленск. епархіи, 293. 294.

жительномъ монастырѣ, каждый инокъ не имѣлъ нужды заботиться ни о чемъ, кромѣ собственной души, и имѣлъ полную возможность постепенно усовершаться въ духовной жизни.

Совсѣмъ другое представляютъ намъ монастыри необщежительные или особные, какими были тогда большая часть нашихъ монастырей и пустынь, называвшихся нерѣдко, по малолюдности своей, монастырьками и пустыньками. Тамъ каждый инокъ долженъ былъ помышлять прежде всего о житейскомъ: о пищѣ для себя, объ одеждѣ, иногда даже о келліи и о другихъ вещахъ и неизбѣжно долженъ былъ имѣть частыя сношенія съ міромъ въ ущербъ своимъ духовнымъ занятіямъ. Безъ сомнѣнія, и въ этихъ монастыряхъ братія обязаны были исполнять общія правила монашеской жизни, завѣщанныя древними отцами Церкви, и отъ начала XVI вѣка сохранился образецъ *наказной граматы*, какую давали наши святители особнымъ монастырямъ. Здѣсь, прежде всего, заповѣдуется, чтобы настоятель имѣлъ совершенную духовную любовь къ попамъ, діаконамъ и чернецамъ своей обители и попеченіе о ихъ спасеніи, а священники и старцы воздавали своему настоятелю честь съ повиновеніемъ и послушаніемъ, безъ его повелѣнія и благословенія никуда не выходили изъ монастыря, и во всемъ жили по чину и уставу иноческаго житія. Если же какой попъ, діаконъ, или чернецъ начнетъ не слушаться этой грамоты и производить безчиніе въ обители, то такого настоятель долженъ вразумить и поучить духовно при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ; а въ случаѣ неисправленія и упорства, можетъ и выслать изъ монастыря. Затѣмъ преподаются правила о раздѣлѣ монастырскихъ доходовъ: половина всякаго жита или зерна, доставляемаго монастырскими селами, равно и денегъ за отдаваемыя въ наемъ монастырскія земли, должна

итти настоятелю; четверть — попамъ и діаконамъ и остальная четверть — чернецамъ. А изъ доходовъ за годичныя поминовенія, сорокоусты и молебны половина — настоятелю и вся другая половина — попамъ и діаконамъ; чернецы же въ эти доходы совсѣмъ не вступаются (85). Но легко понять, что наказная грамата, изложенная въ такихъ общихъ чертахъ, оставляла еще слишкомъ много простора для иноковъ особныхъ монастырей, и неудивительно, если эти иноки, не направляемые и не ограждаемые подробными правилами и порядками общежитія, могли удобно предаваться своеволію, распущенности и иногда даже совсѣмъ забывать о своихъ обязанностяхъ. Оттого-то необщежительныя обители мало соотвѣтствовали своему назначенію быть пріютами и разсадниками иноческой жизни и далеко не могли сравняться въ этомъ отношеніи съ обителями общежительными.

Препод. Нилъ сорскій желалъ насадить и утвердить въ Россіи особый видъ монашескаго житія, издавна процвѣтавшій на Аѳонѣ и извѣстный подъ именемъ *житія скитскаго.* Св. отцы раздѣляли монашеское житіе на три вида: первый видъ, – когда многіе иноки живутъ и подвизаются вмѣстѣ; второй видъ — отшельничество, когда подвизается одинъ инокъ въ уединеніи; третій видъ—скитничество, когда инокъ живетъ и подвизается съ двумя или тремя братами, при общей пищѣ и одеждѣ, при общемъ трудѣ и рукодѣліи. Этотъ-то послѣдній видъ, какъ бы средній между двумя первыми, который св. Нилъ называлъ потому царскимъ путемъ, и хотѣлъ онъ осуществить въ своемъ скитѣ. По внѣшнему устройству

---

(85) Акт. Эксп. I, № 381, стр. 483—484.

скитъ Ниловъ не отличался отъ прочихъ монастырей, у насъ существовавшихъ. Онъ имѣлъ сходство и съ монастырями нашими необщежительными, которые очень часто состояли изъ двухъ и трехъ иноковъ, и иногда изъ пяти и десяти, тогда какъ въ немъ подъ конецъ жизни преп. Нила число скитниковъ возросло даже до двѣнадцати; имѣлъ сходство и съ монастырями общежительными: ибо у скитниковъ общіе были и труды, и одежда, и пища, для чего Нилъ устроилъ для нихъ мельницу. Но отличался Ниловъ скитъ отъ всѣхъ другихъ нашихъ обителей по внутреннему своему направленію, по тому *умному дѣланію*, которое должно было составлять главнѣйшій предметъ заботъ и усилій для всѣхъ скитниковъ. Это умное дѣланіе преп. Нилъ изучилъ въ писаніяхъ древнихъ подвижниковъ, наблюдалъ въ образцахъ на св. горѣ Аѳонской и въ Греціи, извѣдалъ самъ на собственномъ опытѣ и старался изобразить для себя и для другихъ въ своемъ уставѣ, который назвалъ «Преданіемъ о жительствѣ скитскомъ». Въ предисловіи къ уставу старецъ еще касается внѣшняго поведенія иноковъ, говоритъ кратко о ихъ повиновеніи настоятелю, о трудахъ тѣлесныхъ, о пищѣ и питіи, о принятіи странниковъ, заповѣдуетъ соблюдать бѣдность и нищету не только въ келліяхъ, но и въ украшеніи храма, такъ чтобы въ немъ ничего не было ни изъ серебра, ни изъ золота, запрещаетъ выходить изъ скита безъ воли настоятеля, впускать въ скитъ женщинъ, держать въ немъ отроковъ. Но потомъ въ самомъ уставѣ разсуждаетъ уже исключительно объ умномъ или мысленномъ дѣланіи, подъ именемъ котораго разумѣетъ внутреннее, духовное подвижничество. Сказавъ предварительно словами отцевъ о превосходствѣ этого внутренняго дѣланія предъ внѣшнимъ, о недостаточности од-

ного внѣшняго дѣланія безъ внутренняго, о необходимости послѣдняго не только для отшельниковъ, но и для живущихъ въ общежительныхъ монастыряхъ, преп. Нилъ раздѣляетъ свой уставъ на одиннадцать главъ, которыя, впрочемъ, удобно подвести подъ три отдѣла. Въ первыхъ четырехъ главахъ старецъ говоритъ вообще о сущности внутренняго подвижничества или нашей внутренней борьбы съ помыслами и страстями и о томъ, какъ вести намъ эту борьбу, чѣмъ подкрѣплять себя въ ней, какъ достигать побѣды. Въ пятой главѣ, самой важной и обширной, показываетъ въ частности, какъ вести намъ внутреннюю брань противъ каждаго изъ восьми грѣховныхъ помысловъ и страстей, отъ которыхъ раждаются всѣ прочіе, именно: противъ чревообъяденія, противъ помысловъ блуда, противъ страсти сребролюбія, противъ страсти гнѣва, противъ духа печали, противъ духа унынія, противъ страсти тщеславія, противъ помысловъ гордостныхъ. Въ остальныхъ шести главахъ излагаетъ общія средства, необходимыя для успѣшнаго веденія духовной брани, каковы: молитва къ Богу и призываніе Его святаго имени, памятованіе о смерти и о страшномъ судѣ, внутреннее сокрушеніе и слезы, охраненіе себя отъ злыхъ помысловъ, устраненіе себя отъ всякихъ попеченій, безмолвіе и, наконецъ, соблюденіе для каждаго изъ исчисленныхъ занятій и дѣйствій — приличнаго времени и способа. Начертавъ свой уставъ, преп. Нилъ не представилъ въ немъ собственно ничего новаго: онъ почти ничего не говоритъ своего и отъ себя, а постоянно приводитъ изреченія древнихъ св. отцевъ и подвижниковъ: Василія Великаго, Макарія Великаго, Іоанна Лѣствичника, Кассіана римлянина, Симеона новаго богослова, Нила, Григорія и Филоѳея синайскихъ, Варсонофія, Никиты Стиѳата и многихъ дру-

гихъ. Скажемъ болѣе: своимъ уставомъ преп. Нилъ не привнесъ ничего новаго и въ Россію, въ міръ русскаго монашества,—потому что русскіе иноки давно уже знакомы были съ твореніями исчисленныхъ подвижниковъ, перечитывали ихъ и руководствовались ими въ жизни ([86]). Заслуга Нила только въ томъ, что онъ собралъ мысли отцевъ о внутреннемъ подвижничествѣ, разсѣянныя въ ихъ твореніяхъ, свелъ въ одно стройное цѣлое и, для удобнѣйшаго руководства, предложилъ русскимъ инокамъ въ возможно-сжатомъ видѣ. Онъ не отвергалъ важности и внѣшняго дѣланія иноковъ, опредѣленіемъ котораго занимались общежительные уставы монастырей, но онъ желалъ напомнить нашимъ инокамъ, что однимъ внѣшнимъ дѣланіемъ ограничиваться не должно, что оно одно не можетъ привести ихъ къ цѣли и что гораздо важнѣе и существеннѣе для нихъ внутреннее подвижничество, которое необходимо соединять съ внѣшнимъ. Такимъ образомъ уставъ Ниловъ только какъ бы дополнилъ другіе монастырскіе уставы, у насъ существовавшіе, и составилъ съ ними одинъ уставъ, обнимавшій всецѣло обѣ стороны подвижничества, внѣшнюю и внутреннюю. Написанный непосредственно для скитниковъ, уставъ преп. Нила весьма былъ пригоденъ и необходимъ и для подвизавшихся въ общежительныхъ монастыряхъ. Потому-то извѣстный ученикъ Нила—Иннокентій, основавшій общежительный монастырь недалеко отъ Вологды, заповѣдалъ, чтобы тамъ постоянно слѣдовали уставу учителя его, старца Нила ([87]).

([86]) Уставъ Ниловъ напеч. въ Ист. Р. Іер. V, 215 — 336, и въ книгѣ: «Пр. Нилъ Сорскій», С. п. б. 1864. Снес. — Опись книгъ Іосифо-Волок. монаст., въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, IV, 3. 4; Опись Корельск. Николаев. монаст., въ Акт. Ист. I, стр. 284.

([87]) Преп. Нилъ сорскій, стр. XXXIX; Ист. Р. Іер. IV, 299—302.

Кромѣ устава преп. Нила, сохранился еще, по рукописямъ XVI вѣка, другой уставъ скитскаго житія, писанный неизвѣстнымъ, можетъ быть, даже однимъ изъ учениковъ того же преподобнаго, на основаніи его преданій и порядковъ, заведенныхъ имъ въ его скитѣ. Ибо въ самомъ предисловіи къ этому уставу, составитель, сказавъ, что древніе скитники, подвизавшіеся въ пустыняхъ и другихъ уединенныхъ мѣстахъ, не имѣли себѣ устава «по преданію соборьному, рекше церковному», и что потому одни изъ нихъ сами уставляли себѣ правило, а другіе слѣдовали преданію своихъ отцевъ, сколько могли вмѣстить, присовокупляетъ: «сего ради, противу своей немощи, *сіа отъ отца нашего пріяхомъ дръжати въ нашемъ пребываніи*, еже да и здѣ изложихомъ произволяющимъ и любящимъ ихъ». Впрочемъ, кто бы ни изложилъ этотъ уставъ, одинъ ли изъ учениковъ преп. Нила сорскаго или другой скитникъ, надобно замѣтить, что настоящій уставъ касается уже не внутренняго дѣланія и подвижничества,—чему исключительно посвященъ уставъ самого Нила,—а внѣшняго дѣланія, или точнѣе, внѣшняго богослуженія подвизавшихся въ скитахъ ([88]). Въ изложеніи этого устава представляются двѣ различныя по содержанію части, и собственно уставъ изложенъ только въ первой. Главнѣйшія правила устава можно выразить въ слѣдующихъ краткихъ статьяхъ: 1)

([88]) Уставъ этотъ, подъ заглавіемъ: «Преданіе по уставу пребывающимъ инокомъ скитскаго житіа, правило о келейномъ трезвѣніи и о дневномъ пѣніи, еже мы пріяхомъ отъ отецъ нашихъ»,—находится въ Рукописи нашей библ. XVI в., № 88, л. 425 об.—503, и въ Сборникѣ Моск. Синод. библ. XVI в. № 330, л. 9—39, гдѣ, впрочемъ, уставъ неискусно раздѣленъ на главы и связанъ съ послѣдующими главами или статьями вовсе къ нему не относящимися (Опис. этой библ. II, 3, 730—732).

Каждую недѣлю совершается дважды всенощное бдѣніе: въ среду подъ четвертокъ и въ субботу подъ воскресеніе. Если же въ продолженіе недѣли случится праздникъ Господскій или великихъ Святыхъ, на который положено всенощное бдѣніе, тогда бдѣніе въ среду подъ четвертокъ отмѣняется: «и се убо и мы, иже отъ *отца нашего* навыкохомъ, тако исповѣдаемъ», замѣчаетъ при этомъ составитель устава. 2) Для такихъ всенощныхъ скитники, если они имѣютъ пребываніе вблизи монастыря, собираются въ монастырскую церковь и тамъ, вмѣстѣ съ братіями обители, выстаиваютъ всенощную по церковному уставу. 3) А если скитники живутъ вдали отъ монастыря, то собираются всѣ вмѣстѣ въ какую-либо келлію или церковь, если есть, и сами совершаютъ сперва вечерню, потомъ всенощную и, наконецъ, утреню по особому чину, изложенному въ настоящемъ уставѣ (изъ котораго, между прочимъ, видно, что послѣ вечерни скитники вкушали мало пищи, кто желалъ, и затѣмъ проводили время въ духовныхъ бесѣдахъ и чтеніи св. книгъ, а по окончаніи первой части всенощной, раздѣлявшейся на три части, иные предлагали свои вопросы прочимъ братіямъ для разъясненія того, что было предъ тѣмъ читано въ собраніи, а другіе публично предъ всѣми, повергаясь ницъ, исповѣдывали грѣхи свои и просили себѣ прощенія и молитвъ). 4) Если же скитниковъ, живущихъ вдали отъ монастыря, слишкомъ мало, два или три брата, и они не могутъ совершать всенощную по изложенному чину, то да проводятъ они ночь въ чтеніи и пѣніи псалтыри; а если не умѣютъ пѣть псалтыри, то пусть поютъ, по крайней мѣрѣ, трисвятое и повторяютъ молитву Іисусову, и такимъ образомъ проводятъ ночь въ бдѣніи и трезвеніи по Богѣ. 5) Во всѣ прочіе дни года, на которые всенощной не положено, скитники отпѣваютъ

полисалтыри, съ опредѣленнымъ числомъ молитвъ и поклоновъ въ своихъ келліяхъ, а изъ соборныхъ службъ — часы, обѣдницу, вечерню, повечерницу и полунощницу, въ церкви или общемъ собраніи; впрочемъ могутъ сокращать службы и число молитвъ и поклоновъ по своему произволенію, какъ указано въ этомъ уставѣ, и затѣмъ каждый, находясь въ своей келліи проводитъ время въ чтеніи книгъ и рукодѣліи, чтобы соблюсти себя отъ праздности и скверныхъ помысловъ, и безъ нужды отнюдь не исходятъ изъ келлій. 6) Не умѣющіе читать, взамѣнъ псалтыри, совершаютъ опредѣленное число молитвъ и поклоновъ и должны посѣщать соборныя службы, гдѣ читаютъ и поютъ другіе братія, искусные въ чтеніи и пѣніи. При этомъ уставъ замѣчаетъ, что, по заповѣди скитской, всѣ скитники, старые и юные, не умѣющіе читать и пѣть, должны научиться тому, сколько могутъ, и знать, по крайней мѣрѣ, трисвятое, 50-й псаломъ, символъ вѣры, и предлагаетъ самое краткое правило или чинъ службы, который должны изучить эти скитники и совершать повсюду, гдѣ бы они ни находились. 7) Каждый братъ долженъ имѣть въ келліи своей иконостасъ и предъ нимъ пѣть уставленный канонъ въ келліи своей и во время пѣнія кадить этотъ иконостасъ. Во второй части изложенія настоящаго устава содержатся не самый уставъ, а только наставленія и вразумленія соблюдать его. Здѣсь писатель обращается къ скитникамъ лѣнивымъ и нерадивымъ, которые или вовсе не исполняютъ устава, или исполняютъ его небрежно, подробно объясняетъ имъ, какъ гибельно такое поведеніе для нихъ самихъ и для другихъ, какой тяжкой отвѣтственности подлежатъ они, и убѣждаетъ ихъ съ усердіемъ хранить преданіе скитское, не исходить безвременно изъ своей келліи, соблюдать положенное правило всякій день

въ пѣніи, молитвахъ, колѣнопреклоненіяхъ, въ чтеніи св. писаній, въ рукодѣліи и во всемъ прочемъ, а относительно того, чего не изложено въ этомъ уставѣ, искать себѣ руководства въ божественныхъ правилахъ и особенно въ главизнахъ св. отцевъ о трезвеніи. Въ заключеніи авторъ говоритъ, что онъ изложилъ скитскій уставъ не по своему желанію, не славы ради, не по человѣкоугодію, а по настоятельнымъ просьбамъ многихъ не только иноковъ, но и мірянъ, ищущихъ спасенія, и еще болѣе благовѣрныхъ женъ, боящихся Бога, и изложилъ не для монастырей, которые имѣютъ свои правила и уставы, а для скитниковъ, предоставляя притомъ ихъ собственному произволенію слѣдовать или не слѣдовать этому уставу, и, наконецъ, дѣлаетъ особое замѣчаніе относительно инокинь, что и онѣ, если только какая изъ нихъ пожелаетъ, могутъ руководствоваться этимъ же уставомъ въ келліи и церкви, по мѣрѣ своихъ силъ и крѣпости, и что «вся, елика суть о инокахъ речена, тожде преданіе и симъ да есть».

Много было у насъ монастырей мужескихъ, несравненно менѣе женскихъ; но были и монастыри мужеско-женскіе, а равно и такіе женскіе, которые, по крайней мѣрѣ, управлялись не игуменьями, а игуменами. Мы уже видѣли (т. VI (1 изд.), 122—123, (2 изд.), 123—124) что московскій соборъ 1503 г. по этому поводу постановилъ: «впредь чернецамъ и черницамъ въ однихъ монастыряхъ не жить; если въ какомъ монастырѣ начнутъ жить чернецы, тамъ служить игумену, а черницамъ въ томъ монастырѣ не жить; если же въ какомъ монастырѣ начнутъ жить черницы, тамъ служить попамъ-бѣльцамъ, а чернецамъ въ томъ монастырѣ не жить». Въ Новгородѣ это правило старался осуществить архіепископъ Макарій: въ 1528 г. онъ отдалъ исключительно черницамъ семь монастырей, въ которыхъ прежде

жили черницы и игумены, управлявшіе ими, и назначилъ туда игуменій, а игуменовъ перевелъ въ мужескіе монастыри ([89]). Но въ другихъ епархіяхъ, вѣрно, не вездѣ поступили такимъ образомъ. На Стоглавомъ соборѣ царь Іоаннъ Васильевичъ указывалъ отцамъ (гл. 5, вопр. 37), что въ иныхъ монастыряхъ чернецы и черницы живутъ вмѣстѣ, — и соборъ вновь подтвердилъ приведенное нами правило собора 1503 года (гл. 82). Несмотря на это, и въ 1582 г. мы встрѣчаемъ еще два мужеско-женскихъ монастыря въ новгородской епархіи, въ Обонежской пятинѣ ([90]).

Давній обычай нашихъ князей имѣть у себя *свои*, княжескіе монастыри сохранился и теперь. Таковы были монастыри: въ Москвѣ—Покровскій въ Садѣхъ и Покровскій Лыщиковъ, въ Боровскѣ—Покровскій Высокій и Рождество-Богородицкій, въ Дмитровѣ—Троицкій на Березникахъ, въ Рязани—Аграфенинскій Покровскій и другіе. Монастыри эти князья считали какъ бы своею собственностію, которую они иногда передавали другимъ еще при своей жизни, а предъ смертію отказывали въ завѣщаніяхъ своимъ наслѣдникамъ. У митрополита также издавна были свои извѣстные монастыри, и число ихъ въ настоящій періодъ еще увеличилось. Прежде за митрополитомъ числилось пять монастырей: Чудовъ и Новинскій въ Москвѣ, Константиноеленскій и Борисоглѣбскій во Владимірѣ и Благовѣщенскій въ Нижнемъ Новгородѣ. Теперь, какъ мы видѣли, къ нимъ присоединилось еще шесть: Саввинъ въ Москвѣ, считавшійся домовымъ митрополичьимъ; Сновидскій, Николаевскій Волосовъ и Преображенскій на Святомъ озерѣ—владимірскіе,

---

([89]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 285.
([90]) *Неволин*. О пятин. Новг., прилож. 165. 171.

Ильинскій на рѣкѣ Ворѣ въ дмитровскомъ уѣздѣ и Воронина Успенская пустынь въ бѣлозерскомъ краѣ. Кромѣ того въ настоящій періодъ мы встрѣчаемъ примѣры, какихъ не встрѣчали прежде, что великій князь бралъ отъ князей удѣльныхъ ихъ монастыри подъ свое непосредственное вѣдѣніе и покровительство. Это происходило по винѣ самихъ же удѣльныхъ князей и по просьбѣ иноковъ. «Случалось,—говоритъ преп. Іосифъ волоколамскій,—князю Василію Ярославичу боровскому (внуку знаменитаго Владиміра Храбраго) бывать у Св. Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ, который находился тогда подъ его державою. Князь, имѣя подъ своею рукою монастырь, не оказывалъ надлежащаго почтенія игумену и старцамъ. Они возвѣстили о томъ великому князю Василію Васильевичу, и послѣдній, негодуя, взялъ монастырь въ свое государство, а Василію Ярославичу запретилъ владѣть Сергіевымъ монастыремъ. Князь Александръ Ѳеодоровичъ ярославскій, приходя въ *свой* монастырь на Каменное, приказывалъ приводить за собою и псовъ, даже въ трапезу, и когда ѣлъ самъ, то приказывалъ кормить и ихъ тою же пищею. Игуменъ Каменскій и старцы много о томъ печалились и, отправившись въ Москву, молили великаго князя Василія Васильевича, чтобы онъ взялъ ихъ монастырь въ свою державу, и князь, по ихъ просьбѣ, взялъ монастырь подъ свою руку. У князей Засѣкиныхъ находился въ отчинѣ монастырь Пречистыя Толгскій; они нечестно держали тотъ монастырь, и великій князь Василій Васильевичъ взялъ его въ свое государство, а князьямъ Засѣкинымъ не велѣлъ вступаться ни во что въ томъ монастырѣ» ([91]). Такой же случай повторился и

([91]) *Пр. Іосиф.* Посл. къ Ив. Ивановичу Третьякову. въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, VII, отд. IV, 16—17; VIII, отд. IV, 8—9.

надъ монастыремъ самого преп. Іосифа. Волоколамскій князь Θедоръ Борисовичъ очень нечестно держалъ монастыри, находившіеся въ его княженіи: онъ бралъ съ нихъ поборы и въ монастыряхъ — Возмицкомъ, Селижаровомъ и Левкіевомъ «не оставилъ ничего въ казнѣ». Дошла очередь и до монастыря Іосифова. «Князь Θедоръ Борисовичъ, — разсказывалъ самъ Іосифъ,—вступается во все: что пошлетъ намъ Богъ, въ томъ не даетъ намъ воли; иное проситъ себѣ даромъ, другое беретъ за полцѣны, а гдѣ не послушаемъ его, онъ хочетъ чернецовъ бить кнутомъ, а на меня бранится. Изъ страха мы отдавали ему, что ни поступало въ монастырь, коней, доспѣхи, платье, и онъ все бралъ, какъ хотѣлъ. Да захотѣлъ еще брать деньги и другія вещи, началъ присылать къ намъ за деньгами, и мы послали ему шестьдесятъ рублей; прислалъ вновь, — мы дали еще сорокъ рублей, и когда черезъ десять лѣтъ послали просить у него возврата тѣхъ денегъ, онъ хотѣлъ посланнаго инока бить кнутомъ, а денегъ не далъ. Что ни пришлютъ на милостыню и по усопшихъ, все требуетъ себѣ. Купили мы на полтораста рублей жемчугу для ризъ и епитрахиля: князь Θедоръ прислалъ просить жемчугу для своего шлема и вѣнца...» и проч. Все это вынудило, наконецъ, Іосифа просить своему монастырю покровительства у великаго князя Василія Іоанновича, который, по совѣщаніи съ митрополитомъ и епископами, дѣйствительно и взялъ Іосифовъ монастырь изъ-подъ власти Θеодора Борисовича въ свое непосредственное вѣдѣніе ([92]).

Въ 1539 г. преп. Даніилъ, основатель и настоятель Троицкаго монастыря въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, чувствуя слабость

([92]) *Пр. Іосиф.* Посл. къ Борису Вас. Кутузову, въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 178. 180. 183. 188.

своихъ силъ, просилъ великаго князя Іоанна Васильевича дать монастырю новаго архимандрита Иларіона. Великій князь исполнилъ эту просьбу и «повелѣлъ Иларіону въ службахъ церковныхъ ходить за Горицкимъ архимандритомъ, а протопопу и игуменамъ переяславскихъ монастырей ходить за Троицкимъ архимандритомъ Иларіономъ по своему чину, какъ прежде ходили въ церковныхъ службахъ» ([93]). Это показываетъ, что между нашими монастырями существовали *степени*, что существовалъ чинъ, которымъ опредѣлялось свое мѣсто каждому изъ настоятелей, когда они собирались вмѣстѣ для церковныхъ службъ, а равно и для другихъ церковныхъ цѣлей ([94]). Къ сожалѣнію, не прежде, какъ уже во второй половинѣ XVI вѣка, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя данныя, по которымъ можемъ судить объ этихъ степеняхъ нашихъ монастырей и ихъ настоятелей. Въ 1561 г., когда игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря, соборнымъ опредѣленіемъ, возведенъ въ санъ архимандрита, ему предоставлено первенство предъ всѣми архимандритами ([95]). Въ земскомъ приговорѣ 1566 г. о войнѣ противъ Польши участвовали четырнадцать настоятелей, и они помѣщены тамъ вслѣдъ за владыками въ такомъ порядкѣ: архимандриты—Новоспасскій, Чудовскій, Симоновскій, Богородицкій изъ Свіяжска, Андрониковскій, игумены — Хутынскій и Кирилло-бѣлозерскій, архимандритъ Лужецкій изъ Можайска, игумены — Богоявленскій-московскій, Іосифо-волоколамскій, Антоніевскій изъ Новгорода, Псково-печерскій, архимандритъ Борисоглѣбскій изъ Смоленска

([93]) Акт. Эксп. I, № 186.

([94]) Въ Описи царскаго архива 1575—1584 г., между прочимъ, значится— «Имянной списокъ архимандритовъ и игуменовъ, *которые подъ которыми сидятъ*». Акт. Эксп. I, стр. 547.

([95]) Опис. Троицко-Серг. лавры, 87.

и игуменъ Колоцкій изъ Можайска. Въ соборномъ опредѣленіи 1572 г. о четвертомъ бракѣ царя Іоанна Васильевича участвовали архимандриты—Троице-Сергіевскій, Новоспасскій, Чудовскій, Симоновскій, Андрониковскій, Лужецкій, игумены—Богоявленскій, Пафнутіевскій, архимандритъ Солотчинскій, игумены — Колязинскій, Колоцкій, архимандритъ Даниловскій и игуменъ Угрѣшскій. На соборѣ 1580 г., разсуждавшемъ о предметѣ, весьма близкомъ для монастырей, именно о церковныхъ имуществахъ, присутствовало гораздо болѣе настоятелей со всѣхъ концовъ Россіи (до 38), а потому въ актѣ этого собора степени нашихъ главныхъ обителей представляются гораздо полнѣе. Тутъ находились: архимандриты — Троице-Сергіевскій, Владиміро-рождественскій, Новоспасскій, Юрьевскій изъ Новгорода, Чудовскій, Симоновскій, Свіяжскій, Андрониковскій, Спасскій изъ Казани, Печерскій нижегородскій, игумены — Хутынскій, Кирилло-бѣлозерскій, архимандриты — Горицкій, Лужецкій, игуменъ Богоявленскій-московскій, архимандриты—Богоявленскій изъ Ростова, Спасо-ярославскій, игумены—Пафнутіевскій, Іосифо-волоколамскій, Антоніевскій изъ Новгорода, Соловецкій, Псково-печерскій, архимандриты — Спасскій изъ Суздаля, Отрочевскій, Возмицкій, Даніиловскій изъ Переяславля, Каменскій изъ Вологды, игумены—Ѳерапонтовскій, Борисоглѣбскій съ Устья, архимандритъ Солотчинскій изъ Рязани, игумены—Прилуцкій вологодскій, Троицкій Павлова монастыря, Глушицкій, Колязинскій, Корниліевскій, Никитскій изъ Переяславля, Колоцкій и Вяжицкій изъ Новгорода. Черезъ три года былъ еще соборъ въ Москвѣ, разсуждавшій о тѣхъ же церковныхъ имуществахъ, въ грамотѣ котораго присутствовавшіе на немъ настоятели монастырей записаны въ слѣдующемъ порядкѣ: архимандриты—Троице-Сергіевскій, Рожде-

ственскій изъ Владиміра, Новоспасскій, Симоновскій, Андрониковскій, игуменъ Кирилло-бѣлозерскій, архимандриты — Горицкій, Лужецкій, игуменъ Богоявленскій-московскій, архимандриты—Богоявленскій изъ Ростова, Спасскій изъ Ярославля, игумены — Пафнутіевскій, Іосифо-волоколамскій, Соловецкій, архимандриты—Спасскій изъ Рязани, Отрочевскій изъ Твери, Даниловскій изъ Переяславля, игумены — Борисоглѣбскій съ Устья, Колязинскій, Никитскій изъ Переяславля, архимандритъ Солотчинскій, игуменъ Колоцкій изъ Можайска ([96]). Что же показываютъ представленные нами списки настоятелей? Прежде всего то, какіе монастыри считались тогда у насъ важнѣйшими: ибо на соборы обыкновенно приглашаемы были настоятели самыхъ главныхъ и именитыхъ обителей; во-вторыхъ,—то, какіе изъ этихъ главныхъ нашихъ монастырей управляемы были архимандритами и какіе игуменами ([97]); въ-третьихъ—то, что хотя вообще санъ архимандрита предпочитался у насъ сану игумена, но игумены нѣкоторыхъ монастырей занимали высшія степени предъ архимандритами нѣкоторыхъ другихъ обителей; наконецъ, что степени нашихъ монастырей измѣнялись, и одни монастыри съ высшей степени переходили иногда на низшую, а другіе съ низшей восходили на высшую. Если обратимъ вниманіе на происхожденіе этихъ главнѣйшихъ нашихъ монастырей: то увидимъ, что большая часть изъ нихъ основаны еще въ монгольскій періодъ или даже прежде, и только какихъ-нибудь восемь, девять относятся къ настоящему періоду, именно:

([96]) Собр. Госуд. Грам. I, №№ 192, 200, 202; Акт. Эксп. I, № 284, стр. 330; Ист. Росс. Іер. II, предисл. LXVI—LXVIII.

([97]) Надобно присовокупить, что нѣкоторые изъ нашихъ незначительныхъ монастырей управлялись также *строителями*, о которыхъ нерѣдко упоминаетъ Стоглавъ (стр. 225. 227. 229. 234. 240, изд. Казан.).

Пафнутіевъ, Іосифовъ-волоколамскій. Даниловъ переяславскій, Соловецкій, Колязинъ, Псково-печерскій, Корниліевъ-Комельскій, Богородицкій-свіяжскій и Спасскій-казанскій.

IV.

Нравственная сторона нашихъ тогдашнихъ обителей и иноковъ представляетъ не мало недостатковъ. И недостатки эти тѣмъ менѣе могутъ подлежать сомнѣнію, что главные изъ нихъ засвидѣтельствованы самимъ царемъ предъ лицемъ Стоглаваго собора и признаны соборомъ, который счелъ нужнымъ сдѣлать противъ нихъ надлежащія постановленія. Первый, болѣе всего бросавшійся въ глаза, недостатокъ состоялъ въ скитальничествѣ или бродяжничествѣ иноковъ. Оно зависѣло отъ разныхъ причинъ. У насъ никому не запрещалось удалиться въ пустыню, построить себѣ келійку и часовню, открыть монастырекъ. И такихъ монастырьковъ и пустынекъ являлось множество, а средствъ для содержанія ихъ часто не было никакихъ. И вотъ мнимые пустынники отправлялись въ міръ собирать пожертвованія и нерѣдко служили соблазномъ для мірянъ. «Старецъ поставитъ въ лѣсу келью, говорилъ царь Іоаннъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ, или срубитъ церковь да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у меня земли и руги проситъ, а что соберетъ, пропьетъ, да и въ пустынѣ совершаетъ не по Богѣ» (глав. 5. вопр. 19). И не только чернецы, но и черницы скитались по міру съ иконами, собирая на сооруженіе церквей и обителей, и просили милостыни на торжищахъ и улицахъ, по селамъ и дворамъ, чему дивились иноземцы (— вопр. 13). Другіе иноки, хотя были пострижены и въ общежительныхъ монастыряхъ, имѣвшихъ средства для

жизни, но, не желая подчиняться строгимъ правиламъ общежитія, оставляли свои обители и бродили по городамъ и селамъ, по пустынямъ и монастырямъ, и нѣкоторые поселялись, наконецъ, въ какомъ-либо монастырѣ, а нѣкоторыхъ, особенно бѣдныхъ, чернецовъ и черницъ, не принимали ни въ какой монастырь, и они не имѣли себѣ покою нигдѣ (— вопр. 37 и глав. 85). Оттого встрѣчались и такіе чернецы и черницы, скитавшіеся по міру, которые какъ бы не знали, что такое монастырь: черницы жили при церквахъ приходскихъ просвирицами, а чернецы служили при тѣхъ же церквахъ попами (гл. 5, вопр. 9). Для искорененія всѣхъ такого рода несообразностей Стоглавый соборъ постановилъ: 1) мелкія, существовавшія дотолѣ, пустыни сносить въ одну, въ которой иноки могли бы жить вмѣстѣ и по чину, а впредь пустыни устроять не иначе, какъ съ благословенія мѣстныхъ епископовъ, которые отнюдь не должны позволять этого инокамъ скитающимся и неискуснымъ (гл. 85). 2) Чернецовъ и черницъ, скитающихся по міру, собрать, переписать и разослать по общежительнымъ монастырямъ; здѣсь здоровыхъ раздать старцамъ или старицамъ подъ начало для наученія и, если исправятся, посылать на монастырскія службы и послушанія; а старыхъ и больныхъ помѣщать въ монастырскихъ больницахъ, кормить и покоить, и также руководить къ покаянію и молитвѣ; для содержанія же этихъ немощныхъ чернецовъ и черницъ благочестивому царю и владыкамъ «достоитъ» давать въ монастыри, мужескіе и женскіе, вклады изъ своей казны (гл. 71). 3) Впередъ инокамъ отнюдь не отлучаться изъ своихъ монастырей, развѣ только для нужныхъ монастырскихъ дѣлъ, или для своихъ, но не иначе, какъ по благословенію архимандрита или игумена (гл. 49): кромѣ того на будущее время надобно «учинить царскую за-

повѣдь», чтобы чернецы и черницы не скитались безчинно по городамъ, селамъ и деревнямъ съ иконами для собиранія подаяній; если же крайне нуждаются въ милостынѣ, то пусть просятъ ее у боголюбцевъ, безъ иконъ, однимъ именемъ Божіимъ: а которые и послѣ царевой заповѣди начнутъ безчинно скитаться со св. иконами, у тѣхъ иконы отнимать и ставить по церквамъ, а самихъ прогонять изъ городовъ (гл. 74). 4) Принимать въ обители и бѣдныхъ иноковъ, приходящихъ изъ другихъ монастырей «Бога ради, ничтоже отъ нихъ истязующе», причислять ихъ къ братству и смотрѣть за ихъ поведеніемъ; если иноческое житіе ихъ будетъ безъ зазору и безпорочно, въ такомъ случаѣ назначать ихъ и на монастырскія службы, по ихъ достоинству (гл. 50).

Внутри монастырей существовали безпорядки своего рода. «Въ нашемъ царствѣ,—говорилъ царь.—на Москвѣ и во всѣхъ городахъ есть монастыри *особные:* живетъ игуменъ да два или три чернеца, или и болѣе, гдѣ какъ случится: да тутъ же въ монастырѣ живутъ міряне съ женами и дѣтьми; равно и въ женскихъ монастыряхъ живутъ иногда міряне съ женами и холостые; въ иномъ же монастырѣ живутъ вмѣстѣ чернецы и черницы, а въ иномъ попы и діаконы, дьячки и пономари съ женами живутъ вмѣстѣ съ черницами» (гл. 5, вопр. 37). Въ общежительныхъ монастыряхъ, гдѣ все подчинено было правиламъ устава, дѣло не могло простираться до такихъ крайностей; однакожъ и тамъ иногда, по небрежности, въ келліи приходили лица женскаго пола, а молодые ребята даже невозбранно жили по келліямъ (—вопр. 8). Еще болѣе жаловался царь на другой порокъ, господствовавшій въ обителяхъ, на нетрезвость и на «безмѣрное упиваніе» (—вопр. 17). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ не соблюдались правила относительно

трапезы: для настоятелей и даже соборныхъ старцевъ готовилась особая лучшая пища, и они вкушали ее въ своихъ келліяхъ, а не въ трапезѣ. Иные настоятели принимали и угощали гостей также въ келліяхъ, а не въ трапезѣ (гл. 49), Отъ желавшихъ поступить въ монастырь требовались вклады; отчего дѣйствительно поступали только люди достаточные и богатые. Послѣдніе, иногда сдѣлавъ значительное пожертвованіе на обитель, пользовались въ ней льготами, не подчинялись монастырскому уставу, жили въ довольствѣ и покоѣ. Имѣя это въ виду, «нѣкоторые,—какъ свидѣтельствовалъ царь на соборѣ,—постригались только покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и ѣздить по селамъ для прохлады» (гл. 5, вопр. 8). Противъ всего этого отцы Стоглаваго собора опредѣлили: 1) Лицамъ женскаго пола не входить въ монастырь, развѣ только для моленія въ церкви, и то или съ мужемъ, или съ братомъ, или съ сыномъ, и послѣ службы тотчасъ выходить изъ монастыря; въ келліи же женщинъ вовсе не принимать; а у которыхъ поповъ (монастырскихъ) или діаконовъ или священноиноковъ увидятъ въ келліи женщину, тѣмъ быть изверженнымъ отъ священства, а простымъ инокамъ быть отлученнымъ отъ всякой святыни. 2) Ни настоятели, ни старцы и никто изъ братій не должны держать у себя въ келліи «молодыхъ ребятъ голоусыхъ», а кому изъ старцевъ невозможно будетъ обходиться безъ служителя по немощи и старости, тѣмъ настоятели могутъ посылать на службу одного или двухъ братовъ или и мірскаго человѣка въ совершенномъ возрастѣ, «имущаго браду». 3) Горячаго вина по монастырямъ не курить и не пить и хмѣльнаго пива и меда не держать, а пить только квасъ житный и медовый; фряжскія же вина не возбраняются, если испивать ихъ во славу Божію, а не въ

пьянство: ибо нигдѣ не написано, чтобы не пить вина, но только написано, чтобы не пить вина въ пьянство (гл. 49 и 52). 4) Архимандриты, игумены, строители и соборные старцы ѣли бы въ трапезѣ вмѣстѣ съ братіею, а не по кельямъ, и пища для всѣхъ ихъ была бы въ трапезѣ общая съ братіею и равная, а особыхъ брашенъ для нихъ не готовилось бы; исключенія могутъ быть только ради старости и немощи. Такъ же гостей настоятели по своимъ кельямъ не кормили бы, а кормили бы въ трапезѣ или въ келарской: законъ этотъ не простирается на одинъ Троицко-Сергіевъ монастырь, гдѣ гости бываютъ безпрестанно день и ночь (гл. 49 и 52). 5) Въ монастыри принимать всѣхъ православныхъ, хотящихъ сподобиться ангельскаго образа, и не требовать отъ нихъ за это ничего, развѣ что дадутъ сами по своей силѣ; опредѣлить срокъ для ихъ испытанія, и если желаніе ихъ окажется искреннимъ и неизмѣннымъ, то постригать ихъ и отдавать подъ начало духовнымъ старцамъ, которые и должны поучать ихъ всему иноческому житію. Равно принимать не только вѣрныхъ, но и невѣрныхъ, желающихъ сподобиться крещенія и ангельскаго образа, и за то не требовать отъ нихъ ничего. А если какой игуменъ или игуменья будутъ требовать за постриженіе злата и серебра, то игуменъ да извержется, а игуменья должна быть сослана въ другой монастырь подъ начало (гл. 50). Сдѣлавъ такія постановленія о пищѣ и питіи въ монастыряхъ и о пріемѣ въ монастыри новыхъ иноковъ, соборъ однакожъ присовокупилъ слѣдующее: «такъ какъ въ великихъ честныхъ монастыряхъ постригаются князья, и бояре, и великіе приказные люди, въ немощи или при старости, и даютъ великіе вклады и вотчины,— то на нихъ, за немощь и слабость, закона не простирать относительно хожденія въ трапезу и употребленія пищи въ кел

ліяхъ, а покоить ихъ пищею и питіемъ по разсужденію, и держать для нихъ квасы сладкіе, и черствые, и кислые, кто какого потребуетъ, также и яствы; или если у нихъ случится свой покой или присылка отъ родителей, о томъ ихъ не спрашивать» (гл. 52). Это послабленіе для знатныхъ и богатыхъ, сдѣланное самимъ соборомъ, скоро принесло горькіе плоды. Князья и бояре, которые въ послѣдующіе годы царствованія Іоаннова стали чаще, нежели прежде, поступать въ монастыри, чтобы укрыться тамъ отъ подозрѣній и преслѣдованій грознаго царя, а нерѣдко постригаемы были и насильно, по его волѣ, не подчинялись въ монастыряхъ никакимъ правиламъ, вели совершенно мірскую жизнь и соблазняли своимъ примѣромъ прочихъ иноковъ. Спустя какую-нибудь четверть столѣтія послѣ Стоглаваго собора, самъ Іоаннъ въ извѣстномъ посланіи своемъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь къ игумену Космѣ горько жаловался, что отъ бояръ пало благочестіе въ монастыряхъ, рѣзко укорялъ Кирилловскихъ монаховъ за то, что они поблажали и вмѣстѣ подражали Шереметеву, Собакину и другимъ, постригшимся въ ихъ обители, и указывалъ на другіе монастыри, также пострадавшіе отъ подобныхъ постриженниковъ. «Есть у васъ, писалъ царь между прочимъ, Анна и Каіафа — Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилатъ — Варлаамъ Собакинъ и есть Христосъ распинаемый—это преданіе чудотворца Кирилла, вами преобидимое. Такъ-то отъ вашего послабленія Шереметеву и Хабарову учинилась у васъ слабость и нарушеніе чудотворцева преданія. Всякій чернецъ даетъ обѣтъ отречься міра и быть въ повиновеніи игумену и братіи: а Шереметеву какъ назвать монаховъ братіею, когда у него и десятый холопъ, живущій при немъ въ кельѣ, ѣстъ лучше братіи, которые ѣдятъ въ трапезѣ? Великіе свѣтильники — Сергій, Кириллъ,

Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ русской землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надобно спастись; а бояре, пришедши къ вамъ, ввели свои любострастные уставы, какъ будто не они у васъ постриглись, а вы у нихъ, не вы имъ учители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ: держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ: оставьте его. Нынче одинъ бояринъ введетъ одну слабость, завтра другой другую, и такимъ образомъ мало-по-малу испразднится весь монастырскій обиходъ и будутъ всѣ обычаи мірскіе Вѣдь, по всѣмъ монастырямъ сперва начальники установили крѣпкое житіе, да впослѣдствіи разорили его любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и каковъ законъ былъ, прочтите въ житіи чудотворца. Да тотъ небольшую слабость ввелъ, за нимъ иные побольше, и теперь что̀ вы видите въ Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, прочіе только по одеждѣ иноки, а все мірское совершается. Вассіанъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ низпровергъ постническое житіе: такъ и сынъ его Іона старается погубить послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, хочетъ и въ Кирилловѣ монастырѣ искоренить постническое житіе. Нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру. А Шереметевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иныя пряныя составныя овощи; а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе, — и вы ему молчите о такомъ великомъ монастырскомъ безчиніи! Пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быть, какъ Іоасафъ, бывшій митрополитъ, у Троицы пировалъ съ клирошанами, или какъ Мисаилъ Сукинъ въ Никитскомъ монастырѣ и по другимъ

мѣстамъ, словно какой вельможа, жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и многіе другіе такіе же живутъ, не желая подчиниться монастырскому началу? Іона Шереметевъ хочетъ такъ же безъ начала жить, какъ жилъ безъ начала отецъ его; но отцу его еще то оправданіе, что онъ постригся не волею, отъ бѣды. А Іону Шереметева никто не принуждалъ: зачѣмъ же онъ безчинствуетъ? Не говорите: если намъ съ боярами не знаться, то и монастырь безъ подаянія оскудѣетъ. Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и многіе другіе святые не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространялись: ибо благочестіемъ монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ благочестіе изсякло, и монастырь оскудѣлъ: не пострижется никто и не дастъ никто ничего. А на Сторожахъ до чего допили? И затворить монастыря некому, по трапезѣ трава растетъ. А прежде и мы видѣли, братій до осьмидесяти бывало. Если же кто скажетъ, что Шереметевъ безъ хитрости боленъ и нуждается въ послабленіи: такъ пусть ѣстъ въ кельѣ, одинъ съ келейникомъ. А сходиться къ нему да пировать на что? А дворъ за монастыремъ и запасы на что? То все беззаконіе, а не нужда.....» и проч. (⁹⁸). Нельзя не чувствовать, что посланіе царя къ игумену Косьмѣ написано въ раздраженіи противъ Шереметева и другихъ постригшихся бояръ и что Іоаннъ придавалъ слишкомъ много важности отступленіямъ отъ монастырскихъ правилъ насчетъ трапезы, пищи и питія, и въ этомъ преимущественно поставлялъ упадокъ благочестія въ нашихъ обителяхъ.

Были еще недостатки и безпорядки въ монастырской жизни.

(⁹⁸) Акт. Ист. I, № 204, стр. 376—386.

которые происходили собственно отъ настоятелей и по поводу монастырскихъ имуществъ. «Нѣкоторые архимандриты и игумены, говорилъ царь на Стоглавомъ соборѣ, власти докупаются, а потомъ службы Божіей не служатъ, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ келліи и съ гостьми, да племянниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастырѣ и доволятъ всѣмъ монастырскимъ, такъ же и по селамъ; всѣмъ распоряжаются сами безъ соборныхъ старцевъ и монастыри и села монастырскія опустошаютъ съ своими племянниками, тогда какъ бѣдные братія остаются алчны и жадны, терпятъ всякую нужду и не имѣютъ никакого покоя. Весь покой монастырскій и богатство и всякое изобиліе *во властѣхъ*, которое истощаютъ они съ своими родственниками, боярами, гостьми и друзьями» (гл. 5, вопр. 8). «Въ монастыри боголюбцы даютъ вотчины и села на поминъ своихъ родителей, а иныя вотчины и села прикупаютъ сами монастыри, еще иныя угодья выпрашиваютъ у меня. Между тѣмъ братіи во всѣхъ монастыряхъ по старому, индѣ и меньше; ѣдятъ и пьютъ братія скуднѣе прежняго, и строенія въ монастыряхъ новаго не прибавляется и старое опустѣло. Гдѣ жъ прибытки, кто ими корыстуется? Чернецы живутъ по селамъ да въ городахъ тяжутся о земляхъ» (— вопр. 15). «Казну монастырскую отдаютъ въ росты, тогда какъ божественное писаніе и мірянамъ возбраняетъ рѣзоимство» (— вопр. 16). Въ отвѣтъ на эти жалобы царя даны соборныя опредѣленія: 1) Архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ отнынѣ впредь власти не докупаться и по мздѣ не ставиться. Избирать настоятелей въ монастыри митрополиту, архіепископамъ и епископамъ, каждому въ своемъ предѣлѣ, по слову и совѣту цареву и по прошенію братій; послѣ чего избранный посылается къ царю и, если будетъ угоденъ Богу

и царю, то поставляется. Но только святители должны избирать и поставлять не по страсти и не по мздѣ, но Бога ради и по священнымъ правиламъ. А если какой настоятель докупится власти и святитель завѣдомо поставитъ по мздѣ: то оба они низвергаются. Если же какіе-либо настоятели тайно докупятся власти, безъ вѣдома святителя, и будутъ обличены уже послѣ своего поставленія: такихъ святители низвергаютъ и посылаютъ въ великіе монастыри подъ начало до исправленія (гл. 49 и 86). 2) Настоятели, безъ соборныхъ старцевъ, безъ келаря и казначея, не должны владѣть и распоряжаться ничѣмъ монастырскимъ; равно и соборные старцы, келари и казначеи не должны ничего дѣлать въ монастыряхъ безъ настоятелей; всѣ должны сходиться вмѣстѣ на трапезу и питаться одинаковою пищею; тамъ же принимать и гостей. 3) Дѣтей своихъ и племянниковъ настоятелямъ у себя въ монастырѣ и по кельямъ не держать и по селамъ ихъ не посылать. Да и самимъ настоятелямъ и старцамъ, безъ царскаго велѣнія и безъ святительскаго благословенія, по городамъ и селамъ не скитаться, кромѣ великой нужды или праздничнаго выѣзда съ освященною водою. Такъ же чернецовъ въ посельскіе не посылать, а посылать по селамъ и въ посельскіе добрыхъ слугъ. Если будутъ какія-либо дѣла монастырскія земскія, напримѣръ, досмотрѣть монастырскій хлѣбъ или учинить управу между крестьянами: то посылать добрыхъ старцевъ, но на время, а не въ посельскіе. Если же случится великая нужда земская, чего старцы управить не могутъ: для такихъ дѣлъ не возбраняется и самимъ настоятелямъ выѣзжать однажды или дважды въ годъ, но вскорѣ они должны возвращаться въ монастырь; а въ объѣзды по селамъ имъ никогда не ѣздить, и пировъ и даровъ отъ крестьянъ не требовать (гл. 49). 4) Всѣ

настоятели, каждый въ своемъ монастырѣ, должны сами пѣть молебны ежедневно съ своими священниками и діаконами, а литургію служить во всѣ воскресные и праздничные дни; такъ же должны сами отправлять вселенскія и прочія панихиды, соборнѣ, за упокой тѣхъ, по комъ даны вотчины въ монастыри и доставляются годовые кормы (гл. 41, вопр. 31). 5) Всѣмъ монастырямъ, какъ и святителямъ, давать, по своимъ селамъ, своимъ крестьянамъ деньги «безъ росту» и хлѣбъ «безъ присыпа», чтобы крестьяне «за ними жили» и села ихъ были не пусты; не возбраняется давать и другимъ, нуждающимся людямъ, деньги и хлѣбъ взаймы, но такъ же безъ росту и присыпа, только «съ поруками и съ крѣпостями» (гл. 76).

Несправедливо было бы думать, будто только во дни Стоглаваго собора появились въ нашемъ монашескомъ мірѣ всѣ эти недостатки, которые соборъ желалъ исправить. Нѣтъ, существовали они у насъ по мѣстамъ и прежде, хотя, быть можетъ, не въ такой степени. Еще препод. Іосифъ волоколамскій, обходя общежительные монастыри, замѣчалъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отступленія отъ правилъ касательно трапезы, отлучки иноковъ изъ монастырей, посѣщенія монастырей женщинами. Препод. Нилъ сорскій возставалъ противъ монаховъ, «кружающихъ стяжаній ради», и въ самой его пустыни, вскорѣ послѣ смерти его, селились иногда такіе «безчинные» старцы, что братія не знала, какъ ихъ выслать, и обращалась за помощью къ свѣтской власти. Въ переяславскомъ Горицкомъ монастырѣ, въ началѣ XVI вѣка, иноки, безъ благословенія настоятеля, отлучались на торжище, ходили въ мірскіе домы и тамъ пировали и даже ночевали по нѣскольку сутокъ; а въ праздники и въ свои именины созывали къ себѣ родныхъ, друзей, знакомыхъ съ женами и дѣтьми,

которые всѣ оставались въ ихъ келліяхъ по нѣскольку дней и ночей. Въ этихъ недостаткахъ сознались сами иноки Горицкаго монастыря, когда избрали себѣ въ настоятели препод. Даніила переяславскаго, и дали ему обѣтъ исправиться ([99]). Князь-инокъ Вассіанъ, изъ рода князей Патрикеевыхъ, и Максимъ Грекъ, ратовавшіе еще въ первой половинѣ XVI вѣка противъ монастырскихъ имуществъ, весьма невыгодно отзывались о современныхъ имъ инокахъ. Первый укорялъ ихъ за то, что они «на соблазнъ въ мірѣ бродятъ и скитаются всюду и смѣхъ творятъ всему міру»; что они «строятъ каменныя ограды и палаты, позлащенные узоры съ травами многоцвѣтными, украшаютъ себѣ царскіе чертоги въ келліяхъ, и покоятъ себя піанствомъ и брашнами отъ труждающихся» на нихъ поселянъ; что они «иноки, да только не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу». А по словамъ Максима, наши иноки были заняты только дѣлами житейскими и своими имѣніями, морили своихъ бѣдныхъ крестьянъ всякими работами и «истязаніемъ тягчайшихъ ростовъ»; а игумены достигали своего сана дарами злата и сребра, приносимыми «народнымъ писаремъ», и затѣмъ проводили жизнь въ пьянствѣ и всякомъ безчиніи, оставляя порученную имъ братію въ совершенномъ пренебреженіи, тѣлесномъ и духовномъ, и проч. Просвѣтитель лопарей Ѳеодоритъ, насколько можно вѣрить Курбскому, былъ съ безчестіемъ изгнанъ своими собственными учениками-иноками изъ основанной имъ обители единственно за то, что старался утвердить между ними строгій общежительный уставъ.

([99]) *Пр. Іосиф.* Дух. грам. гл. 10; Преп. Нилъ сорскій, стр. 196, С. п. б. 1864; Акт. Эксп. I, №№ 157, 161; Житіе пр. Даніила переясл. (*Филар.* Русск. Свят., Апрѣл. 7, стр. 27).

которому они не хотѣли подчиниться (100). Съ другой стороны, нельзя думать, будто послѣ Стоглаваго собора, вслѣдствіе его постановленій, русское монашество вполнѣ освободилось отъ своихъ прежнихъ недостатковъ. Извѣстное намъ посланіе Іоанна IV въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь писано уже спустя болѣе четверти столѣтія послѣ Стоглаваго собора, — а между тѣмъ какими красками изображаетъ царь нѣкоторыя наши обители! Въ частности, мы знаемъ, что, несмотря на распоряженіе Стоглаваго собора, чтобы всѣ мелкіе монастырьки и пустыни были сносимы вмѣстѣ и соединены въ большія обители, пятины Новгородскія и въ 1580—1583 г. были переполнены такими пустынями и монастырьками, и несмотря на запрещеніе Стоглава требовать вклады отъ поступающихъ въ монастыри, обязательность такихъ вкладовъ оставалась въ силѣ, и люди богатые должны были вносить, при своемъ поступленіи, не менѣе трехсотъ или четырехсотъ рублей, а иногда вносили до тысячи (101).

Но если исторія не должна скрывать зла, какъ бы оно прискорбно для насъ ни было, то не должна и преувеличивать его и умалчивать о добрѣ, которое въ данное время служило злу какъ бы противовѣсомъ. Царь Іоаннъ на Стоглавомъ соборѣ указывалъ на одни недостатки въ нашемъ монашествѣ, какъ и во всемъ духовенствѣ и народѣ; но это не потому, будто у насъ тогда уже ничего добраго не было, а потому,

---

(100) *Вассіан.* О неприличіи монастырямъ владѣть отчинами (Чтен. Ист. М. Общ. 1859, отд. III, 7. 9),—впрочемъ сочиненіе это приписывается Вассіану только гадательно (нашей Ист. VI (изд. 1), 139—140, (изд. 2), 141—142); *Максим. Грек.* Сочин. II, 105; III, 187; *Курбск.* Сказан., стр. 132, изд. 2.

(101) *Неволин.* О пятин. Новг., см. Приложенія; Fletsher La Russie au XVI siècle, II, 96, Paris, 1864.

что царь имѣлъ въ виду обратить вниманіе собора собственно на существовавшіе недостатки и пороки и желалъ, чтобы соборъ нашелъ средства къ ихъ исправленію или искорененію. Да и надобно быть внимательнымъ къ указаніямъ царя. Нѣкоторые недостатки и безпорядки онъ приписывалъ почти исключительно монастырямъ особнымъ, малолюднымъ, какъ — бродяжничество иноковъ для выпрашиванія подаяній и свободное пребываніе въ этихъ монастыряхъ людей стороннихъ, даже женщинъ. Въ общежительныхъ же монастыряхъ, владѣвшихъ значительными имѣніями, всѣ злоупотребленія царь усвоялъ преимущественно настоятелямъ и отчасти соборнымъ старцамъ, а о всѣхъ братіяхъ свидѣтельствовалъ, что они, бѣдные, и алчутъ, и жаждутъ, и не имѣютъ покоя, и терпятъ всякія нужды. Притомъ самихъ этихъ настоятелей Іоаннъ осуждалъ за злоупотребленія далеко не всѣхъ, а говорилъ только: «архимандриты и игумены *нѣкоторые* власти докупаются...» и проч. Равно и объ инокахъ вообще, которые искали себѣ въ монастыряхъ только покоя, царь выразился: «въ монастыряхъ чернецы и попы стригутся спасенія ради души своея, *нѣціи же* отъ нихъ стригутся покоя ради тѣлеснаго...» (Стогл. гл. 5, вопр. 8). Ошиблись бы мы, если бы и прочія свидѣтельства, приведенныя нами, о худой сторонѣ нашего монашества вздумали распространять не на нѣкоторыя только, а на всѣ обители и на всѣхъ иноковъ. Нѣтъ, были у насъ и иноки, были и монастыри, впродолженіе всего настоящаго періода, которые вполнѣ соотвѣтствовали своему призванію. Припомнимъ, прежде всего, Пафнутія боровскаго, Зосиму соловецкаго, Елеазара псковскаго, Макарія колязинскаго: какимъ глубокимъ подвижничествомъ отличались они, какъ строго держали и вели устроенныя ими обители, какое

вліяніе имѣли на самихъ мірянъ и какимъ уваженіемъ пользовались отъ нихъ! Къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтій явились новыя свѣтила въ русскомъ монашескомъ мірѣ — Іосифъ волоколамскій, Нилъ сорскій, Иннокентій вологодскій, Александръ свирскій, Корнилій комельскій, которые такъ же, если даже не болѣе, благодѣтельно дѣйствовали и на своихъ учениковъ, и на все русское монашество, и на всю отечественную церковь. Вслѣдъ за ними и отчасти вмѣстѣ съ ними, втеченіе всей первой половины XVI вѣка, подвизались и освѣтили для всѣхъ своимъ высокимъ благочестіемъ другіе основатели и устроители монастырей — Даніилъ переяславскій, Кириллъ новоезерскій, Герасимъ болдинскій, Арсеній комельскій, Антоній сійскій. Даже во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ того, какъ на Стоглавомъ соборѣ наше монашество подверглось такимъ приговорамъ, въ средѣ его отнюдь не прекращался рядъ строгихъ подвижниковъ и настоятелей монастырей, каковы были: Филиппъ соловецкій, впослѣдствіи митрополитъ, Трифонъ кольскій—просвѣтитель лопарей, Ѳеодосій тотемскій, Арсеній новгородскій. Словомъ, мы могли бы поименовать до пятидесяти черноризцевъ, и преимущественно настоятелей, которыхъ воспитали наши тогдашнія обители и которые за свое благочестіе или причислены Церковію къ лику святыхъ, или доселѣ чтутся мѣстно. Справедливость требуетъ присовокупить, что въ числѣ этихъ достойныхъ черноризцевъ находились не одни, жившіе въ монастыряхъ, но и пустынники, между которыми особенно замѣчательны два постриженника Крыпецкаго монастыря: препод. Нилъ столбенскій, подвизавшійся 27 лѣтъ въ пещерѣ близъ Осташкова († 1555), и препод. Никандръ псковскій, проведшій много лѣтъ, и до

постриженія и послѣ постриженія своего, въ глубокой пустынѣ между Порховомъ и Псковомъ на рѣкѣ Демьянкѣ ([102]).

Самъ царь Іоаннъ Грозный, подъ конецъ своей жизни и въ томъ самомъ посланіи, гдѣ такъ рѣзко осудилъ нѣкоторые наши монастыри, не отказался помянуть ихъ и добромъ. Онъ говоритъ, что и въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, пока не поступили туда Василій Шереметевъ и бывшій митрополитъ Іоасафъ (слѣд. почти до половины XVI в.), «было крѣпкое житіе», какъ видѣлъ онъ самъ; что тамъ находились старцы, которые хотя весьма усердно угощали его и его свиту, равно какъ и другихъ бояръ и вельможъ, посѣщавшихъ обитель, но сами не касались ни къ чему; что тамъ всѣ иноки дотолѣ считались равными и братьями, изъ какого бы званія кто ни происходилъ; бывшій князь и бывшій холопъ стаивали на одномъ клиросѣ и ѣдали изъ одного блюда. Про Кирилло-бѣлозерскій монастырь царь разсказываетъ, что когда онъ пріѣхалъ туда въ первый разъ, еще юношею, и, опоздавъ къ ужину, позвалъ подкеларника и началъ требовать для себя стерлядей и другой рыбы, то подкеларникъ отвѣчалъ: «мнѣ о томъ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ, то я и приготовилъ къ ужину; государя боюся, а Бога надо бояться еще больше». Такова, замѣчаетъ при этомъ Іоаннъ, была тогда крѣпость въ той обители. И вслѣдъ за тѣмъ припоминаетъ, что Кирилловъ монастырь «многія страны пропитывалъ въ голодныя времена», и что иноки его, до поступленія въ число ихъ Іоны Шереметева, даже «иглы и нити лишней въ келліяхъ не держали, не только что иныхъ вещей». Въ Чудовѣ монастырѣ, по словамъ царя,

---

([102]) *Филар.* Русск. Святые: см. о всѣхъ поименованныхъ по Указателю, прилож. въ концѣ этого соч.

было въ его царствованіе нѣсколько плохихъ архимандритовъ сряду, и монастырь сдѣлался при нихъ какъ бы однимъ изъ убогихъ; но при архимандритѣ Левкіи (упом. 1555 г.) онъ «сравнялся всякимъ благочиніемъ съ великими обителями и духовнымъ жительствомъ мало чѣмъ отсталъ отъ нихъ». Еще о двухъ обителяхъ Іоаннъ сказалъ слѣдующее: «вотъ предъ нашими глазами у препод. Діонисія на Глушицахъ и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не стригутся, и монастыри, Божіею благодатію, процвѣтаютъ постническими подвигами» ([103]). Съ особенною рѣзкостію, какъ мы видѣли, нападали на поведеніе нашихъ иноковъ старцы Максимъ Грекъ и Вассіанъ князь; но эти нападки отчасти объясняются цѣлію, какую имѣли въ виду оба старца. Они отстаивали мысль о необходимости отобрать у монастырей села и деревни, и чтобы сильнѣе доказать свою мысль, не стѣснялись порицать иноковъ, безъ всякихъ ограниченій, за разные пороки, которые будто бы происходили отъ обладанія имѣніями. А когда противная сторона одержала верхъ и недвижимыя имущества остались за монастырями, тогда Максимъ и Вассіанъ, какъ побѣжденные, уже не безъ озлобленія продолжали повторять свои порицанія противъ стяжательныхъ иноковъ и монастырей. Одинъ изъ учениковъ самого Максима Грека, инокъ Зиновій, хорошо знавшій своего учителя и князя Вассіана, свидѣтельствуетъ, что Максимъ въ своихъ нападеніяхъ на «любостяжательные» монастыри и иноковъ, не различалъ «чистаго отъ нечистаго». и все, что ни писалъ, «писалъ отъ раздраженія по ревнію»; что оба эти старца не испытали сами и не могли близко знать того, за что осуждали чернорызцевъ монастырей,

([103]) Акт. Ист. I, № 204, стр. 380. 385. 393.

владѣвшихъ имѣніями: потому что Максимъ жилъ тогда еще при дворѣ великаго князя и пользовался пищею отъ его княжеской трапезы и всѣми удобствами; а Вассіанъ, хотя жилъ въ Симоновомъ монастырѣ, однакожъ не хотѣлъ вкушать той простой и скудной пищи и того убогаго пива, какія предлагались инокамъ, но получалъ роскошныя и разнообразныя яства со стола великаго князя, пилъ изысканныя вина и ѣлъ, когда хотѣлъ, что хотѣлъ и сколько хотѣлъ, – между тѣмъ какъ иноки «мнимаго стяжательнаго монастыря ядятъ, когда имъ подадутъ, а не когда хотятъ, и ядятъ не то, чего хотятъ, а что имъ представятъ; въ постъ же довольствуются и однимъ брашномъ неизвѣстнаго качества и количества». «У меня выступаютъ слезы отъ жалости сердца, прибавляетъ Зиновій, когда я вспоминаю видѣнныхъ мною мниховъ нѣкоторыхъ монастырей, осуждаемыхъ ради деревень Вассіаномъ и Максимомъ», и описываетъ, какія страданія переносили эти мнихи, въ какой находились бѣдности, какую грубую и скудную вкушали пищу и въ какой жалкой и грязной ходили одеждѣ ([104]). Слова Зиновія тѣмъ болѣе заслуживаютъ вѣры, что они подтверждаются извѣстнымъ уже намъ свидѣтельствомъ царя Іоанна, который на Стоглавомъ соборѣ осуждалъ собственно власти нѣкоторыхъ владѣтельныхъ монастырей за разныя злоупотребленія, а иноковъ называлъ бѣдными и терпящими всякую нужду.

Если мы обратимся къ иностранцамъ, посѣщавшимъ Росію въ XVI вѣкѣ или только писавшимъ о ней, то и у нихъ найдемъ отзывы о нашихъ монастыряхъ, хотя бѣглые и краткіе, но большею частію благопріятные. Герберштейнъ, бывшій

([104]) *Зинов.* Истины показаніе, 894. 898—901. 904. 906. 909, Казан. 1863.

у насъ въ 1516 и 1526 г., говоритъ: «они (русскіе монастыри) имѣютъ весьма строгіе законы и правила, которые впрочемъ, мало-по-малу будучи ослаблены, остаются безъ дѣйствія.... Многіе удаляются изъ монастырей въ пустыню и тамъ строятъ себѣ хижинки, гдѣ живутъ по-одиночкѣ или съ товарищами; пищу достаютъ себѣ изъ земли и съ деревъ, коренья и плоды. Называются столпниками: потому что имѣютъ тѣсныя помѣщенія на высокихъ столпахъ.... Главная забота иноковъ состоитъ въ томъ, чтобы обращать другихъ людей къ своей вѣрѣ. Монахи-пустынники еще прежде привлекли ко Христу значительную часть идолопоклонниковъ, между которыми долго и усердно сѣяли слово Божіе. И нынѣ отправляются они въ разныя страны къ сѣверу и востоку, достигаютъ туда съ величайшими трудами и опасностію жизни и, не ища для себя никакой выгоды, имѣютъ въ виду только одно, чтобы сдѣлать угодное Богу, призвать на правый путь и привлечь ко Христу души многихъ заблудшихъ, при чемъ иногда запечатлѣваютъ ученіе Христово своею смертію». У Павла Іовія, который впрочемъ самъ не былъ въ Россіи, а собралъ свѣдѣнія о ней отъ нашего посла Димитрія Герасимова, приходившаго въ 1526 г. къ папѣ Клименту, читаемъ слѣдующее: «люди, отрекшіеся отъ мірскихъ удовольствій и посвятившіе себя созерцанію вещей божественныхъ, раздѣляются (въ Московіи) на два класса: тотъ и другой классъ живетъ въ монастыряхъ. Но одинъ классъ составляютъ иноки скитающіеся и нѣсколько свободной жизни (разумѣются, очевидно, монастыри особные), какъ у насъ Францискане и Доминикане. А другой классъ состоитъ изъ монаховъ болѣе святой жизни, живущихъ по чину св. Василія (это—монастыри общежительные): имъ не позволяется выходить изъ

обителей даже въ случаѣ крайней нужды. Вдали отъ глазъ мірскихъ людей, они ведутъ самую суровую жизнь въ своихъ сокровенныхъ келліяхъ и высоко уважаются, какъ умертвившіе свою плоть и утвердившіеся духомъ въ благочестіи». Іоаннъ Фабръ, писавшій о Россіи со словъ нашихъ пословъ, возвращавшихся въ 1524 г. изъ Испаніи, передаетъ о нашихъ монахахъ такія извѣстія: «всѣ, и монахи и монахини, живутъ дотого благочестиво, что возбуждаютъ къ себѣ не только удивленіе, но и величайшее уваженіе. Они не считаютъ своихъ обѣтовъ дѣломъ маловажнымъ, и кто поступилъ въ монастырь, тотъ уже никогда не рѣшится выйти изъ него и не сложитъ съ себя даннаго обѣта» (105). Изъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, одинъ (Гваньини) какъ бы повторяетъ слова Герберштейна: «всѣ монахи здѣсь имѣютъ самые строгіе и суровые законы и правила, и имъ не дозволяется никакого рода развлеченіе и удовольствіе; многіе изъ нихъ удаляются изъ монастырей въ пустыню и тамъ проводятъ жизнь въ тѣсныхъ хижинахъ одиноко или съ товарищами, питаясь корнями деревъ и разными плодами земли». Другой (Кобенцель) говоритъ: «всѣ эти монахи (Тройце-Сергіева монастыря) принадлежатъ къ ордену св. Василія и живутъ благочестиво и примѣрно, равно какъ и иноки другихъ монастырей; а монастыри здѣсь весьма часты, такъ что на пространствѣ двухъ или трехъ миль всегда встрѣтишь монастырь». Третій (Антоній Поссевинъ) дѣлаетъ общее

---

(105) Herberstein. Rerum Moscov. Comment., apud Starczewsk. Hist. Ruthen. Script. exteri vol. I, 21. 22. 30; *Гербершт.* Записки о Московіи, перев. *Анонимовымъ*. 47. 48. 68. Спб. 1866; Pauli Jovii De legat. Moscov., apud Starczewsk. ibid. p. 10; Ioann. Fabr. Moscovit. relig., apud Starczewsk. ibid. pag. 7.

замѣчаніе, что «русскіе монастыри далеко отстоятъ по благочинію и строгости отъ нашихъ», т. е., римско-католическихъ. Наконецъ, четвертый (Флетчеръ), пишетъ, что число монаховъ въ Россіи гораздо болѣе, нежели въ какой-либо папистической странѣ; что многіе въ Россіи идутъ въ монастыри не только вслѣдствіе господствующаго суевѣрія, но и съ цѣлію найти въ нихъ спокойствіе и безопасность отъ притѣсненій и преслѣдованій, какимъ подвергается народъ; что много въ Россіи и женскихъ монастырей и есть между ними такіе, которые принимаютъ только вдовъ и дочерей знати, когда царь, желая прекращенія ихъ рода, возбраняетъ имъ вступать въ бракъ, и что о лицемѣріи и нечистой жизни монахинь нѣтъ нужды и говорить, такъ какъ сами русскіе выражаются о томъ крайне неблагопріятно ([106]). Очевидно, что всѣ, приведенные нами, отзывы иностранцевъ о нашихъ монастыряхъ не прибавляютъ почти ничего къ тому, что гораздо подробнѣе извѣстно намъ изъ нашихъ домашнихъ свидѣтельствъ.

([106]) Gvagnin. Moscov. descriptio, apud Starczewsk. vol. I, p. 18; Cobencel. De legat. ad Moscovit., ibid. vol. II, p. 15; Possevin. De Moscovia, ibid. vol. II. p. 276; Fletcher, La Russie au XVI siècle, II, p. 95. 99.

ГЛАВА V.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Первый взглядъ на духовное просвѣщеніе и литературу настоящаго періода въ нашемъ отечествѣ не встрѣчаетъ почти ничего утѣшительнаго: всѣ средства къ просвѣщенію находились у насъ въ жалкомъ состояніи.

Школы, по мѣстамъ, еще продолжали существовать; но что это были за школы? Въ новгородской епархіи, по словамъ архіепископа Геннадія, обученіемъ грамотѣ занимались мужики-невѣжи, называвшіеся *мастерами*, которые только портили рѣчь дѣтей. Эти мастера брались научить ребенка сначала вечернѣ за условную плату, потомъ заутренѣ за новую плату, наконецъ часамъ еще за особую плату, и вели дѣло такъ, что дитя, по отходѣ отъ мастера, едва могло бродить по книгѣ, а церковныхъ службъ вовсе не знало. Оттого прихожане разныхъ церквей часто приводили къ архіепископу для поставленія на священническія степени простыхъ мужиковъ, малограмотныхъ или даже совершенно безграмотныхъ, и оправдывались тѣмъ, будто во всемъ краѣ негдѣ было добыть ставленниковъ, гораздыхъ грамотѣ. Это заставило Геннадія бить челомъ великому государю, чтобы онъ велѣлъ завести училища, и митрополиту Симону (около 1496—1504), чтобы онъ печаловался

о томъ предъ государемъ. Немногаго желалъ Геннадій для новыхъ училищъ: онъ давалъ совѣтъ обучать въ нихъ сначала азбукѣ сполна и потомъ слѣдованной псалтыри «накрѣпко», выражая мысль, что когда дѣти изучатъ это, то уже въ состояніи будутъ и канонархать и читать всякія книги ([107]). Но были ли заведены даже хоть такія училища, достовѣрныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. Одинъ только иностранецъ, писавшій со словъ русскихъ пословъ, возвращавшихся въ 1524 г. изъ Испаніи, говорилъ, что у насъ были тогда «гимназіи, впрочемъ немногія, въ которыхъ обучались дѣти бояръ добрымъ наукамъ, преимущественно священнымъ, на русскомъ языкѣ», хотя дальнѣйшія слова этого иностранца невольно возбуждаютъ къ нему недовѣріе ([108]). На Стоглавомъ соборѣ царь Іоаннъ Васильевичъ заявилъ, что «ученики учатся граммагѣ небрегомо», т. е., что ихъ обучаютъ небрежно (гл. 5, вопр. 6). А отцы собора свидѣтельствовали: «ставленники, хотящіе ставиться въ діаконы и попы, граматѣ мало умѣютъ, и святителямъ ставить ихъ — противно священнымъ правиламъ, а не ставить—святыя церкви будутъ безъ пѣнія и православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія. Когда святители спрашиваютъ ставленниковъ, почему они мало умѣютъ граматѣ, они даютъ отвѣтъ: мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ негдѣ учиться; сколько они знаютъ, тому же учатъ и насъ. А отцы

([107]) Акт. Ист. I, № 104.

([108]) Онъ именно говоритъ далѣе, будто тогда у насъ хотя иностранными языками занимались весьма немногіе, но *греческимъ языкомъ прилежно занимались многіе* (Graecae plerique incumbunt), между тѣмъ какъ у насъ не встрѣчается тогда ни одного человѣка, знающаго хоть нѣсколько этотъ послѣдній языкъ. Joann. Fabr. Moscov. relig. apud Starchewsk. Hist. Ruthen. Scriptor., vol. I, p. 11.

ихъ и мастера сами также мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ. А прежде въ россійскомъ царствѣ, на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали (не разумѣются ли здѣсь тѣ, которыя въ началѣ XVI вѣка могли быть заведены вслѣдствіе ходатайства архіепископа Геннадія?), граматѣ и писать и пѣть и читать учили, и потому много было тогда гораздыхъ граматѣ и писать и пѣть и читать, и были пѣвцы, чтецы и добрые писцы, которые славились по всей землѣ и до днесь» (гл. 25). Высказавъ такую исповѣдь, соборъ постановилъ: а) чтобы въ Москвѣ и по другимъ городамъ мѣстное духовенство, съ благословенія своего святителя, избрало достойныхъ священниковъ, діаконовъ и женатыхъ дьячковъ, способныхъ обучать грамотѣ и письму, и въ домахъ ихъ открыло училища; б) чтобы въ эти училища не только мѣстное духовенство, но и всѣ православные христіане въ каждомъ городѣ отдавали своихъ дѣтей для обученія грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и чтенію налойному; в) чтобы избранные учители учили дѣтей страху Божію, соблюдали ихъ нравственную чистоту и цѣломудріе, пріучали ихъ въ церквахъ ко всякому пѣнію, чтенію и канонарханію, и вообще обучали ихъ грамотѣ, пѣнію и письму столько, сколько сами умѣютъ, ничего не скрывая и сказывая имъ силу писанія (гл. 26). Невысокія, очевидно, училища думалъ завести и Стоглавый соборъ; но если на этотъ разъ они и были заведены, то едва ли поддерживались постоянно и какъ слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ, одинъ иностранецъ, посѣтившій Россію въ 1576 г., говоря о нашихъ монастыряхъ, замѣчаетъ: «во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ самихъ монастыряхъ; потому изъ тысячи людей едва най-

дется одинъ, умѣющій читать или писать» ([109]). А извѣстный Антоній Поссевинъ, бывшій у насъ въ 1581 г., свидѣтельствуетъ: «нѣтъ здѣсь ни коллегій, ни академій, а есть только кое-какія школы, въ которыхъ учатся дѣти читать и писать» ([110]). Царь Иванъ Васильевичъ помышлялъ, еще прежде Стоглаваго собора, вызвать изъ-за границы разныхъ ученыхъ, вмѣстѣ съ художниками и ремесленниками, и посланный имъ для этого въ Европу саксонецъ Шлиттъ успѣлъ-было собрать болѣе ста двадцати такихъ людей, въ томъ числѣ четырехъ богослововъ, и готовился отплыть съ ними изъ Любека въ Ливонію и Россію; но по проискамъ Ганзы и Ливонскаго ордена, опасавшихся просвѣщенія Россіи, былъ задержанъ въ Любекѣ и заключенъ въ темницу, а собранные имъ всѣ разсѣялись ([111]).

Сохранились свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ нашихъ библіотекахъ. Но важнѣйшая изъ нихъ, великокняжеская, оставалась безъ всякаго употребленія. Въ Сказаніи о Максимѣ Грекѣ повѣствуется, что когда в. к. Василій Іоанновичъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, «отверзе царская сокровища древнихъ великихъ князей, прародителей своихъ», то «обрѣте въ нѣкоторыхъ палатахъ безчисленное множество греческихъ книгъ», а когда библіотека эта была показана Максиму Греку, прибывшему въ Россію, то онъ съ изумленіемъ сказалъ государю: такого книжнаго богатства нѣтъ ни

([109]) Joann. Cobencel. De legat. ad Moscovit., apud Starszew. ibid. II, p. 15. А пріѣзжавшіе къ намъ около того же времени англичане говорятъ о русскихъ: humaniores literas omnino respuunt; cognitionis vel latinae, graecae, aut hebraicae linguae penitus sunt ignari (Anglorum navigat. ad Moscovit., ibid. vol. I, p. 12).

([110]) Anton. Possev. De rebus Moscovit., ibid. vol. II, 277.

([111]) Histor. Russiae monum. I, № 130; *Карамз.* VIII, 70, примѣч. 206. 207.

въ Греціи, ни въ Италіи ([112]). При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ видѣлъ эту библіотеку (ок. 1565 г.) одинъ Дерптскій пасторъ, Іоаннъ Веттерманъ. По его словамъ, она состояла изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ, которыя еще въ давнія времена получены были нашими князьями изъ Константинополя отъ патріарха, и хранилась подлѣ княжескихъ покоевъ подъ двумя каменными сводами, какъ драгоцѣнное сокровище. Государь приказалъ открыть эти своды, не открывавшіеся цѣлыя сто лѣтъ, взять изъ-подъ сводовъ нѣсколько книгъ и отдать для просмотра Веттерману, который встрѣтилъ въ нихъ нѣкоторыя творенія извѣстныхъ древнихъ писателей, не встрѣчавшіяся уже тогда на западѣ Европы. Затѣмъ книги опять были отнесены подъ своды и тщательно сокрыты. Очевидно, Веттерманъ, видѣвшій только нѣсколько книгъ княжеской библіотеки и помѣщеніе ея, могъ передавать о ней все прочее лишь на основаніи слышаннаго отъ другихъ. Гораздо вѣроятнѣе извѣстія о ней другаго нѣмца, который около того же времени довольно подробно разсматривалъ ее и сдѣлалъ о ней свои замѣтки. Здѣсь онъ говоритъ, что у царя всѣхъ рукописей съ востока до 800, частію купленныхъ, частію полученныхъ въ даръ; что между ними бо̀льшая часть греческія, но много и латинскихъ; что нѣкоторые манускрипты, писанные на тонкомъ пергаменѣ, въ золотыхъ переплетахъ, достались царю отъ самого императора, и перечисляетъ по именамъ болѣе двадцати пяти рѣдкихъ рукописей, латинскихъ и греческихъ, относящихся къ древней литературѣ и юриспруденціи ([113]).

([112]) Выписка изъ этого сказанія напеч. въ статьѣ: «Максимъ Грекъ». Москвитян. 1842, № 11, стр. 47.

([113]) *Клоссіусъ*, Библіотека в. к. Василія Іоанновича и Іоанна IV. въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1834, II, отд. 2, стр. 401—414. Отъ Веттермана

Такая библіотека, если бы она находилась на западѣ, гдѣ уже существовали тогда академіи и университеты, могла бы быть весьма полезною для ученыхъ; но у насъ она оставалась совершенно мертвымъ капиталомъ. Изъ нея взяты были только толковая псалтырь, переведенная Максимомъ Грекомъ для русскихъ, и, вѣроятно, прочія двѣ-три книги, имъ же переведенныя: толкованіе на Дѣянія апостольскія и бесѣды Златоустовы на Евангелія отъ Матѳея и отъ Іоанна ([114]). Были у насъ другія библіотеки, которыя не оставались безъ употребленія и приносили свою долю пользы: разумѣемъ библіотеки монастырскія. Напримѣръ, въ библіотекѣ корельскаго Николаевскаго монастыря, одного изъ самыхъ малолюдныхъ и бѣднѣйшихъ, находилось, по описи 1551 года, до 57 книгъ, въ томъ числѣ 45 богослужебныхъ и 12, назначенныхъ для назидательнаго чтенія, каковы: толковое Евангеліе, Прологи, Лѣствица, Патерикъ Скитскій, книги аввы Дороѳея, Симеона новаго богослова, Петра Дамаскина, два сборника и проч. Нѣкоторыя рукописи XV и XVI в., принадлежавшія библіотекамъ Троицко-Сергіева и Кирилло-бѣлозерскаго монастырей, сохранились доселѣ: въ первой изъ этихъ библіотекъ, между прочимъ, находились 29 рукописей, пожертвованныхъ митрополитомъ Іоасафомъ, и 12, пожертвованныхъ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ, бывшими постриженниками и игуменами Троицкаго монастыря и впослѣдствіи здѣсь скончавшимися ([115]). А о библіотекѣ

слышалъ весь разсказъ о нашей библіотекѣ рижскій бургомистръ *Францъ Ніенштедтъ*, который и помѣстилъ этотъ разсказъ въ своей хроникѣ, изданной въ Monument. Livoniae antiqu. 1839, II, 67.

([114]) *Максим. Грек.* Сочин. II, 299, Казан. 1859.

([115]) Акт. Истор. I, № 158; Опис. Троицко-Серг. лавры, 150 — 162 Нѣсколько рукописей XVI в. Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ, вошедшія впослѣдствіи въ составъ новгородской Соф.

Іосифова волоколамскаго монастыря можемъ судить по описи ея, составленной въ 1573 году. Всѣхъ книгъ библіотека заключала 1150 и между ними печатныхъ только 15-ть. Большая часть книгъ были церковно-богослужебныя, а не богослужебныхъ было лишь до 354. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находились: полная библія и нѣсколько отдѣльныхъ библейскихъ книгъ; толковыя—псалтыри, евангелія, апостолы; писанія многихъ св. отцевъ и учителей церкви: Кирилла іерусалимскаго, Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія богослова, Іоанна Златоустаго, Григорія папы римскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ; многія житія святыхъ, въ томъ числѣ и русскихъ, и патерики: азбучный, синайскій, египетскій, скитскій, печерскій; многіе сборники безъименные, содержавшіе въ себѣ разныя статьи, переводныя и русскія, и извѣстные подъ именами: Пчелы, Златой Чепи, Зерцала и проч. Нѣкоторыхъ книгъ, вѣроятно, наиболѣе употреблявшихся, библіотека заключала по нѣскольку экземпляровъ, напримѣръ: Григорія богослова пять экземпляровъ, Лѣствицы — девять, Ефрема Сирина — десять, Исаака Сирина—тринадцать. Достойно замѣчанія, что почти до половины книгъ Іосифова монастыря были вклады разныхъ лицъ, преимущественно же постригшихся или подвизавшихся въ немъ: митрополита Даніила, архіепископовъ и епископовъ — Акакія тверскаго, Вассіана коломенскаго, Галактіона крутицкаго, Вассіана ростовскаго. Лаврентія казанскаго, многихъ архимандритовъ, игуменовъ и простыхъ иноковъ ([116]). Нельзя

библіотеки, подробно описаны въ «Лѣтоп. занятій Археограф. Коммиссіи». 1864 г., вып. III, отд. III, стр. 1—107.

([116]) Опись книгъ Іосифо-Волок. монастыря, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, VII, отд. IV, 1—16. Весьма любопытна статья г. *Невоструева*: «Библіотека Іосифова Волок. монастыря времени самого преп. Іосифа», показы-

не сознаться, что если и въ другихъ знатнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ монастыряхъ были такія же или подобныя библіотеки, какъ въ Іосифовомъ-волоколамскомъ, то наши иноки не могли жаловаться на недостатокъ книгъ для чтенія и нравственнаго назиданія. Но монастырскія книгохранилища оставались недоступными для бѣлаго духовенства и мірянъ; а о библіотекахъ при приходскихъ церквахъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Въ XV вѣкѣ изобрѣтено книгопечатаніе; къ концу того же вѣка явились славянскія типографіи въ Краковѣ, Венеціи, Цетиньѣ; въ 1525 г. открыта такая же типографія и въ западной Россіи, въ Вильнѣ. Но въ Москвѣ не прежде, какъ уже около половины XVI столѣтія начали помышлять о заведеніи книгопечатни. Саксонецъ Шлиттъ, по порученіи царя Ивана Васильевича, собиравшій по Европѣ разныхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ для Россіи, приговорилъ-было къ намъ, въ числѣ другихъ, и одного типографщика; но предпріятіе Шлитта, какъ мы уже замѣтили, не удалось. Въ 1550 г. царь Иванъ отнесся къ датскому королю Христіану III съ просьбою прислать въ Москву типографщиковъ. Но Христіанъ черезъ два года прислалъ только одного Ганса Мессингейма Бокбиндера (переплетчика) съ лютеранскою библіею и двумя другими книгами, содержавшими лютеранское исповѣданіе, и вмѣстѣ съ предложеніемъ, что если русскіе согласятся принять это исповѣданіе, то Гансъ переведетъ на ихъ языкъ и напечатаетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ принесенныя имъ книги, а наконецъ просилъ, чтобы нашъ государь съ возможною скоростію отпустилъ Ганса въ оте-

вающая, что и тогда уже библіотека эта была довольно богатою. (Разсмотрѣніе книги *И. Хрущева*: «Изслѣдованіе о сочин. Іосифа Санина», стр. 85—103, Спб. 1870).

чество. И какъ въ Москвѣ лютеранства не приняли, и Гансъ, безъ сомнѣнія, былъ отпущенъ изъ нея скоро: то нѣтъ никакого основанія предполагать, будто онъ участвовалъ въ заведеніи у насъ типографіи ([117]). Въ самой Россіи нашлись люди, которымъ можно было поручить это дѣло: въ 1553 г., по повелѣнію царя Ивана Васильевича и благословенію митрополита Макарія, оно поручено діакону церкви Николы Гостунскаго Ивану Өедорову да Петру Тимоөееву *Мстиславцу* (можетъ быть прозванному такъ потому, что онъ или былъ родомъ или былъ приглашенъ въ Москву изъ города *Мстиславля*, находившагося тогда въ предѣлахъ Польши). Царь велѣлъ построить на свой счетъ домъ для типографіи и не щадилъ своихъ сокровищъ, какъ «для составленія печатному дѣлу», такъ и для самихъ «дѣлателей». Составленіе дѣла, однакожъ, подвигалось очень медленно, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и дѣлатели то подготовляли или пріискивали себѣ помощниковъ, каковъ былъ «мастеръ печатныхъ книгъ» Маруша Нефедьевъ, по указанію котораго вызванъ былъ въ 1556 г. изъ Новгорода въ Москву рѣзчикъ Васюкъ Никифоровъ, вѣроятно, для вырѣзки буквъ, то производили попытки печатать книги «малыми нѣкими и неискусными начертаньми». Наконецъ, выписали печатный станокъ и буквы изъ Польши (всего вѣроятнѣе, изъ Вильны, которая находилась тогда подъ властію Польши и уже имѣла у себя типографію именно съ славянскими, а не съ римскими или польскими буквами) и въ 19 день апрѣля 1563 г. начали печатать первую книгу—

([117]) *Снегирев.* О сношеніяхъ Датск. короля Христіана III съ царемъ Іоанн. Вас. касательно заведенія типографіи въ Москвѣ, Русск. Истор. Сборн. IV, 117—131, М. 1840.

Апостолъ, которая 1 марта слѣдующаго года вышла изъ друкарни, уже при новомъ митрополитѣ—Аѳанасіи. Вслѣдъ за Апостоломъ напечатаны были еще *Часословъ* (оконч. 29 окт. 1565 г.) и, какъ нѣкоторые догадываются, *Евангеліе;* но затѣмъ дѣло остановилось. Какъ ни благоволилъ къ нашимъ первымъ типографщикамъ самъ государь, но они много терпѣли, по ихъ собственнымъ словамъ, «презельнаго озлобленія отъ многихъ начальникъ и священно-начальникъ и учитель, которые, зависти ради, умышляли на нихъ многія ереси, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити». Вскорѣ печатный домъ подожженъ былъ ночью и станокъ съ буквами совершенно сгорѣлъ, о чемъ, какъ полагали, будто бы позаботилось духовенство. Діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и его товарищъ нашлись вынужденными оставить Москву и удалились въ Вильну, гдѣ продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Черезъ два-три года, по волѣ государя, возобновилось книгопечатаніе въ Москвѣ, а потомъ открылось въ Александровской слободѣ; но въ томъ и другомъ мѣстѣ, сколько доселѣ извѣстно, до самаго конца настоящаго періода издана была только Псалтырь по одному разу ([118]). Вообще же книгопечатаніе, начавшееся у насъ такимъ образомъ, не могло оказать въ то время ни малѣйшаго вліянія на распространеніе просвѣщенія въ нашей церкви.

Что же оставалось дѣлать русскимъ, желавшимъ дать своему уму хоть какое-либо образованіе и обогатить себя познаніями? Оставалось одно средство — списывать книги и чи-

---

([118]) Опис. старопеч. книгъ Толстова, стр. 27. 33; Дополн. Акт. Ист. I, № 96; Fletcher, La Russie au XVI siècle, II, 91; *Сахаровъ.* Обозр. Славяно-Русск. библіогр. 15. 18—20; Anton. Possevin. De Moscovia, apud Starczew. vol. II, 278.

тать. И русскіе пользовались этимъ средствомъ съ большимъ усердіемъ: отъ XV и особенно отъ XVI столѣтія дошло до насъ множество рукописей учительнаго, нравственнаго, историческаго и смѣшаннаго содержанія, даже больше, нежели отъ всѣхъ въ совокупности предшествовавшихъ вѣковъ (не говоримъ о книгахъ богослужебныхъ). Но средство это представляло и большія невыгоды. Наши рукописныя книги, заключавшія въ себѣ преимущественно переводы съ греческаго, черезъ частое переписываніе ихъ въ продолженіе вѣковъ, людьми, большею частію, невѣжественными, переполнены были тогда разными погрѣшностями, ненамѣренными и намѣренными, и могли вести читателей, какъ къ познаніямъ, такъ и къ заблужденіямъ. А исправлять эти погрѣшности, за незнаніемъ греческаго языка, у насъ не умѣли. И приходилось, при списываніи книгъ, дѣйствовать наугадъ даже такимъ лицамъ, каковъ былъ митрополитъ Іоасафъ, помѣстившій въ нѣкоторыхъ сборникахъ, имъ переписанныхъ, слѣдующее предисловіе: «писахъ съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правы, и обрѣтохъ въ спискахъ онѣхъ многа неисправлена. И елика возможна моему худому разуму, сія исправляхъ; а яже невозможна, сія оставляхъ, да имущія разумъ больше насъ, тіи исправятъ неисправленная и наполнятъ недостаточная. Азъ же что написахъ, и аще кая обрящутся въ тѣхъ несъгласна разуму истины, и азъ о сихъ прощенія прошу» ([119]). Не менѣе важно и то, что въ наши рукописныя книги, наряду съ подлинными сочиненіями древнихъ отцевъ и другихъ писателей, мало-по-малу и незамѣтно внесены были сочиненія подложныя и апокрифическія. И хотя наши архипастыри нерѣдко обнародывали списокъ этихъ

([119]) Опис. Троицко-Серг. лавры, 157.

ложныхъ книгъ и запрещали ихъ читать ([120]); но иногда и сами давались въ обманъ, по незнакомству съ подлинною греческою литературою, и не умѣли избѣгнуть того, отъ чего предостерегали другихъ. Самъ Стоглавый соборъ пользовался подложными сочиненіями. Самъ митрополитъ Макарій помѣстилъ въ своей Четп-минеи нѣкоторые апокрифы и счелъ нужнымъ замѣтить въ предисловіи къ ней: «да и гдѣ буду погрѣшилъ отъ своего неразумія, или будетъ гдѣ посредѣ тѣхъ св. книгъ написано ложное и отреченное слово св. отцы, а мы того не возмогохомъ исправити и отставити, и о томъ отъ Господа Бога прошу прощенія».

Выходитъ, что съ половины XV вѣка и втеченіе всего XVI русскіе не имѣли другихъ средствъ къ своему просвѣщенію, кромѣ тѣхъ, которыми пользовались и въ прежнее время. Въ школахъ они могли научиться только чтенію и письму, но не получали никакого разсудочнаго образованія, никакого развитія мыслительныхъ силъ. Изъ рукописныхъ книгъ, правда, теперь весьма умножившихся по числу, но зато и болѣе повредившихся, могли пріобрѣтать разнородныя познанія, но смѣшанныя съ заблужденіями, къ которымъ не въ состояніи были относиться критически. Понятны послѣ этого свидѣтельства иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію, что не только между мірянами, но и въ духовенствѣ господствовало у насъ крайнее невѣжество, что между русскими не было ни одного, который зналъ бы латинскій и греческій языки, и былъ знакомъ съ какими-либо науками; что не только священники, но сами епископы не знали ничего, даже священ-

---

([120]) Опис. рукоп. М. Синод. библіот. II, 3, 600. 640. 679. 736. 743; Лѣтоп. занятій Археогр. Комм., вып. I. 1.

наго Писанія, а ограничивались умѣньемъ читать и пѣть при богослуженіи, и что они не имѣли ни обыкновенія, ни способности говорить въ церквахъ собственныя проповѣди и поученія народу, а только читали готовыя поученія древнихъ учителей и житія святыхъ ([121]). Могли тогда появляться у насъ, вслѣдствіе умноженія книгъ, люди болѣе начитанные и съ бóльшимъ запасомъ свѣдѣній, чѣмъ въ прежнія времена, но характеръ всей этой начитанности и этихъ свѣдѣній неизбѣжно оставался прежній.

Зато, съ другой стороны, новыя обстоятельства времени, новыя и весьма важныя событія, рядъ которыхъ начался въ Россіи съ митрополита Іоны, событія церковныя и гражданскія, и между ними особенно появленіе ереси жидовствующихъ, имѣли весьма сильное вліяніе на пробужденіе у насъ умовъ, произвели замѣтное оживленіе и движеніе въ нашей духовной литературѣ и не разъ вызывали нашихъ пастырей и другихъ православныхъ на такіе литературные труды, какихъ прежде у насъ не бывало: настоящій періодъ въ этомъ отношеніи явно преимуществуетъ предъ всѣми предшествовавшими.

I.

Въ первые тридцать пять лѣтъ настоящаго періода, до начала борьбы съ ересію жидовствующихъ, главными событіями были: въ нашей церкви—независимость ея отъ цареградскаго

([121]) Cobencel. De legat. ad Moscov., apud Starczew. vol. II, 15; Possevin. De Moscovia, ibid. 276 — 280; Fletcher, La Russie au XVI siècle, II, 89—91; *Пав. Іовія* Книг. о посольствѣ в. к. Василія Іоанн. стр. 43, въ Библіотек. иностранн. писат. о Россіи, т. I, Спб. 1836.

патріарха (неполная) и раздѣленіе на двѣ митрополіи, а въ нашемъ отечествѣ — покореніе удѣловъ великимъ княземъ московскимъ и сверженіе монгольскаго ига. На всѣ эти событія отзывалась наша духовная литература цѣлымъ рядомъ посланій. Мы только перечислимъ здѣсь эти посланія, а не станемъ разсматривать ихъ вновь: такъ какъ мы уже познакомились съ ними при изложеніи самыхъ событій, къ которымъ они относились.

По поводу самостоятельнаго возведенія на престолъ митрополита Іоны русскими іерархами, великій князь Василій Васильевичъ писалъ посланія къ цареградскому патріарху и греческому императору, а самъ митрополитъ Іона писалъ къ патріарху и объяснялъ это событіе въ своемъ окружномъ посланіи ко всѣмъ сынамъ Россіи ([122]).

Чтобы предотвратить отдѣленіе западной или литовской митрополіи отъ московской, а потомъ, когда оно совершилось, чтобы предохранить православныхъ отъ совращенія къ папизму и покорности лжемитрополиту Григорію, присланному въ Литву изъ Рима, митрополитъ Іона писалъ посланіе къ польскому королю Казиміру и другое къ кіевскому князю Александру Владиміровичу; два посланія къ литовскимъ князьямъ, боярамъ и всѣмъ міринамъ; два—къ литовскимъ епископамъ и въ частности посланія къ епископамъ—смоленскому, черниговскому и другимъ, каждому порознь; одно посланіе въ Новгородъ и одно во Псковъ. Всѣ русскіе епископы соборнѣ писали о томъ же къ епископамъ литовскимъ, а литовскіе присылали свои посланія къ митрополиту Іонѣ, хотя не дошедшія до насъ. Преемники митрополита Іоны Ѳеодосій и Филиппъ писали, одинъ

([122]) Акт. Ист. I, №№ 39, 41, 43, 262, 263.

за другимъ, въ Новгородъ и внушали жителямъ не измѣнять православію, а владыкѣ—охранять ихъ отъ литовскаго лжемитрополита ([123]).

Желая оказать нравственное содѣйствіе великому князю московскому въ его борьбѣ съ удѣлами, наши первосвятители разсылали посланія, въ которыхъ убѣждали всѣхъ покориться его власти и не держать стороны его враговъ. Такъ, во время борьбы Василія Васильевича съ Шемякою, митрополитъ Іона писалъ окружное посланіе ко всѣмъ русскимъ и еще отдѣльныя посланія къ жителямъ Новгорода и Вятки, поддерживавшимъ Шемяку. Митрополитъ Филиппъ писалъ къ новгородцамъ, чтобы они не отлагались отъ московскаго князя и не вступали въ союзъ съ королемъ польскимъ, а митрополитъ Геронтій повторилъ посланія Іоны къ вятичамъ о покорности великому князю всея Россіи ([124]).

Когда великій князь Василій Васильевичъ отправлялся въ походъ противъ казанскихъ татаръ, митрополитъ Іона написалъ (1451—1452) къ тверскому епископу Евѳимію, чтобы онъ настоятельно докучалъ своему князю—послать вспомогательное войско князю московскому для борьбы съ безбожными «за святыя Божія церкви и за все православное христіанство». А когда пришло время для Россіи окончательно свергнуть съ себя иго монгольское, и великій князь московскій Іоаннъ III, выступившій уже съ своими войсками противъ татаръ, остановился на Угрѣ и колебался; тогда къ нему присланы были изъ Москвы два посланія: одно отъ духовника его — ростовскаго ар-

---

([123]) Акт. Ист. I, №№ 45, 47, 60, 62, 63, 65, 66, 260, 272, 273, 275, 281.
([124]) Акт. Ист. I, №№ 43, 53, 97, 98, 261, 280; Акт. Эксп. I, № 372.

хіепископа Вассіана, а другое отъ митрополита Геронтія и отъ лица всего духовенства ([125]).

Кромѣ всѣхъ этихъ посланій, относившихся къ главнѣйшимъ событіямъ времени, извѣстны еще нѣкоторыя посланія, равно какъ и другія однородныя произведенія, нашихъ тогдашнихъ іерарховъ. Мы имѣемъ въ виду посланія ихъ собственно учительныя, а не посланія и грамоты дѣловыя, администра тивныя: такъ какъ эти послѣднія и, по содержанію своему, представляютъ мало литературнаго, и сочинялись, по всей вѣроятности, не самими святителями, а ихъ дьяками, святителями же только подписывались ([126]).

Отъ митрополита Іоны дошли до насъ слѣдующія учительныя посланія: а) къ новгородскому архіепископу Евѳимію, б) ко всѣмъ новгородцамъ, в) къ новгородскому князю Юрію Семеновичу Лугвеніеву, г) въ Боголюбовъ монастырь, д) къ дѣтямъ, непокорнымъ своей матери, и е) къ жителямъ Вятки ([127]).

Въ посланіи къ новгородскому владыкѣ (1448—1458) святитель Іона пишетъ, что до него дошли вѣсти о несогласіяхъ, раздорахъ, междоусобіяхъ, кровопролитіяхъ и убійствахъ, совершающихся между жителями Новгорода; потомъ, на основаніи св. писанія, правилъ соборныхъ и ученія отцевъ, убѣждаетъ владыку заботиться о своей духовной паствѣ и въ заключеніе говоритъ: «благословляю тебя, своего сына и брата, наставляй и научай и самъ своими словами, заповѣдуй и всѣмъ священ-

---

([125]) Акт. Ист. I, №№ 51, 90.

([126]) Наприм. у митроп. Іоны дьякомъ былъ Родіонъ Кожухъ, который извѣстенъ, какъ сочинитель или писатель (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 182).

([127]) Акт. Ист. I, №№ 44, 46, 265, 267; Дополн. Акт. Ист. I, № 11.

никамъ, чтобы каждый изъ нихъ наставлялъ и училъ дѣтей своихъ духовныхъ отступить отъ всякаго злаго дѣла. Пусть такія вещи, о которыхъ я говорилъ, отъ сего времени прекратятся и въ конецъ истребятся, и предадутся забвенію, и даже не именуются между православными христіанами въ вашей паствѣ, да поживутъ всѣ въ послѣдующія лѣта во славу Божію и въ свою духовную пользу. И самъ ты за то воспріимешь отъ Бога многосторичную мзду, и отъ людей честь, похвалу и славу, а отъ нашего смиренія благословеніе и молитву. Если же кто ослушается въ чемъ твоего учительства и запрещенія, и священническихъ поученій, и станетъ ходить по своимъ душевреднымъ желаніямъ нераскаянно, ты въ томъ, нашъ сынъ и братъ, будешь неповиненъ, а злый злѣ самъ и погибнетъ, если не обратится къ покаянію».

Вмѣстѣ съ тѣмъ и по тому же случаю написано посланіе митрополита Іоны и къ новгородцамъ. Упомянувъ здѣсь о своемъ писаніи къ ихъ владыкѣ, которое имѣетъ быть прочитано предъ ними самимъ владыкою, и о своемъ святительскомъ долгѣ имѣть попеченіе о ихъ душахъ, Іона сначала вооружается противъ ихъ вражды и ярости, потомъ призываетъ ихъ къ покаянію, наконецъ учитъ ихъ покоряться своему архипастырю. «И прежде изречемъ слово о ярости. Когда найдетъ на тебя напасть и прекословіе или раздраженіе подвигнуться на кого-либо яростію, то вспомни молитву, которой научилъ Господь Іисусъ Христосъ своихъ учениковъ, говоря: *остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*,—и безчинное движеніе тотчасъ въ тебѣ утихнетъ.... Ярость и гнѣвъ— изчадія одной матери, которую зовутъ безуміемъ. Ибо сказано: всю ярость свою износитъ безумный, и безуменъ въ первый день исповѣсть гнѣвъ свой.... И апостолъ учитъ: отложите

всякъ гнѣвъ, и ярость, и злобу, и хуленіе, въ миръ бо призва насъ Богъ.... И самъ владыка нашъ Господь сказалъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ.* Еще же, дѣти, скажу вамъ и о блаженномъ покаяніи, и о послушаніи, и о преслушаніи. О, какъ сладко, чада мои, покаяніе! Оно— корень жизни. Сладкій нашъ и незлобивый, единый благій и щедрый, человѣколюбецъ Богъ и строитель нашего спасенія постоянно жаждетъ нашего покаянія, и веселится о слезахъ кающихся, и радуется о исповѣди нашей, и со многимъ терпѣніемъ ожидаетъ обращенія нашего, умоляя, наблюдая, призывая каждаго изъ насъ обратиться къ Нему отъ дѣлъ непріязненныхъ.... И потому молю васъ, чада мои, обратимся къ Господу Богу нашему и начнемъ дѣлать правду въ послѣдующіе дни жизни нашей, и Онъ сотворитъ исцѣленіе прежнимъ согрѣшеніямъ нашимъ.... Добро, чада мои, послушать божественнаго писанія и поспѣшить къ покаянію, а не преслушать, не отчаяваться. Послушаніе на благое есть жизнь, а преслушаніе творитъ смерть. Свидѣтель моему слову—первый, созданный рукою Божіею. человѣкъ: если бы онъ не преслушалъ заповѣди Творца, то не лишился бы древа жизни; но, изгнанный изъ рая, онъ осужденъ на смерть вмѣстѣ съ своими потомками.... Еще же и на то благословляю васъ, дѣтей моихъ, чтобы вы во всемъ были послушны нашему сыну и брату, а своему отцу и учителю, боголюбивому архіепископу Евоимію, по слову Господа: слушаяй васъ, мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, мене отметается и пославшаго мя.... Онъ, дѣти, отъ Бога поставленъ въ святителя, и учителя, и пастыря душамъ христіанскимъ; онъ есть намѣстникъ самого Владыки нашего Христа, и молитвенникъ о душахъ человѣческихъ, и имѣетъ апостольскую власть вязать и рѣшить. И потому воздавайте

ему честь и повиновеніе, какъ самому Христу, и за то получите мзду отъ Бога...».

Въ посланіи къ новгородскому князю Юрію Семеновичу святитель Іона утѣшаетъ его по случаю кончины его супруги и, между прочимъ, говоритъ: «слышалъ я, сынъ мой, о приключившейся тебѣ, по божественному повелѣнію, скорби, о преставленіи благородной и благовѣрной княгини твоей Софіи. Видитъ Богъ, что и наше смиреніе глубоко скорбитъ о томъ, вспоминая ея добрый нравъ и благую покорность Богу и церкви Божіей. Но ты самъ вѣдаешь, что, еще съ прародителя нашего Адама, по нашему преступленію, всѣ мы осуждены на смерть, и одна чаша всѣмъ уготована повелѣніемъ Божіимъ, единъ есть мостъ общій, котораго не миновать никому, великому и малому, нищему и богатому, праведному и грѣшному. И благословляю тебя, сына моего, не вводи себя въ безмѣрную скорбь, но болѣе благодари человѣколюбіе Божіе...., и получишь отъ Бога отраду для души своей.... А то ты весьма хорошо сдѣлалъ, что велѣлъ положить ее (княгиню) у себя, въ своемъ городѣ. Конечно, какъ и самъ знаешь, не мѣсто спасаетъ человѣка или осуждаетъ, а наши дѣла: какія дѣла сотворимъ, такую и мзду и получимъ за нихъ. Но, имѣя всегда (усопшую княгиню) у себя предъ твоими очами, ты можешь всячески творить пользу душѣ ея молитвами священниковъ, всегдашними поминовеніями, приношеніемъ безкровной жертвы и милостынями нищимъ...».

Въ посланіи въ Боголюбовъ монастырь святитель Іона писалъ къ священноинокамъ и инокамъ: «Билъ мнѣ челомъ, дѣти, вашъ игуменъ Веніаминъ и сказывалъ, что вы не слушаете его ни въ чемъ и что въ вашей честной обители много чинится безчинія и убытковъ между братіею: все это происходитъ по

изначальной гордости нашего общаго супостата и врага, діавола. Вы знаете, какъ вы умерли для міра и пожертвовали всѣмъ временнымъ для будущаго: слѣдуетъ вамъ, дѣти, имѣть попеченіе о томъ, повинуясь своему духовному настоятелю, игумену, по данному вами Богу обѣту. Посему пишу къ вамъ, дѣти, съ моимъ благословеніемъ и мольбою, чтобы вы понудили себя исполнять всячески дарованное вамъ общежитіе.... Пьянства да не будетъ въ васъ и въ міръ не выходите безъ благословенія игуменова.... Имѣйте попеченіе о своемъ спасеніи, о устроеніи мира и тишинѣ нашего великаго православія, другъ друга превосходя любовію и направляя на путь спасенія.... Игумену вашему я также приказалъ держать васъ въ любви и духовномъ согласіи, заботиться о вашихъ безсмертныхъ душахъ и завѣдывать всѣмъ монастырскимъ порядкомъ. Если же кто изъ васъ начнетъ не слушаться игумена, вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ, и производить смятеніе въ честной обители, такого я приказалъ игумену вразумить съ любовію, духовно; а не послушаетъ, я велѣлъ выслать его изъ монастыря, какъ и всякаго разорителя и нарушителя закона Божія: ибо таковый самъ себя изринулъ изъ стада Христова».

Къ какимъ-то молодымъ князьямъ, не повиновавшимся своей матери, святитель писалъ: «Била мнѣ челомъ ваша мать, а моя дочь, княгиня, жалуясь на васъ, своихъ дѣтей: по своей ли оплошности, или по дьявольскому навожденію, или по своей молодости вы живете съ нею недружно, да еще и обижаете ее во всемъ. Чѣмъ пожаловалъ ее вашъ отецъ, а ея мужъ, что далъ ей въ удѣлъ для жизни, то все вы поотнимали у ней, у своей матери, хотя и васъ отецъ пожаловалъ особо и подавалъ вамъ ваши удѣлы. Это, дѣти, вы дѣлаете богопротивно

на свою душевную погибель, временную и вѣчную. Развѣ не помните словъ Господа: иже злословитъ отца и матерь, смертію умретъ?.... Благословляю васъ, дѣтей моихъ, чтобы вы испросили себѣ прощеніе у своей матери, оказывали ей родительскую честь во всемъ, по Божію повелѣнію, и были ей всячески послушны; а обиды ей не чинили ни въ чемъ и возвратили ей всю ея часть, довольствуясь тѣмъ, чѣмъ васъ благословилъ отецъ вашъ. Когда же съ своею матерью, а нашею дщерію, управитесь: отпишите къ намъ, и мы за васъ помолимся Богу, по своему святительскому долгу, а по вашему чистому предъ Богомъ покаянію...». Затѣмъ святитель объявляетъ князьямъ, что если они не исправятся и не перестанутъ обижать свою мать, то онъ вынужденъ будетъ разсмотрѣть ихъ дѣло соборнѣ, въ присутствіи ихъ епархіальнаго владыки, и положитъ на нихъ церковную епитимію, пока не покаятся, и угрожаетъ имъ проклятіемъ отъ ихъ матери.

Въ посланіи къ вятчанамъ митрополитъ Іона сначала изображаетъ ихъ нравственные недостатки, потомъ убѣждаетъ всѣхъ мірянъ покаяться и исправиться, наконецъ обращается съ наставленіями къ духовенству. «Слышу, дѣти —писалъ святитель, — что тамъ у васъ, на Вяткѣ, чинится весьма много дѣлъ, ненавистныхъ Богу, къ погибели христіанской: многіе христіане живутъ съ женами незаконно безъ вѣнчанія; а иные, хотя и вѣнчаются, но незаконно, четвертымъ и пятымъ бракомъ; а иные шестымъ и седьмымъ даже до десятаго. И духовные отцы ихъ, игумены и попы, будучи неискусны въ божественномъ писаніи и не зная священныхъ правилъ, совокупляютъ ихъ тѣми мерзкими браками; а къ нашему смиренію, по небрежности о своихъ дѣтяхъ духовныхъ и лѣности, не могутъ прислать какого-либо своего брата, священника, ради

благословенія и наставленій для душевной пользы врученной имъ Христовой паствы: именуются священниками и христіанскими правителями но это—губители человѣческихъ душъ, а не пастыри. Слышно, что, будучи недостойными Божія священства, они безстудно священствуютъ, и потому суть хуже еретиковъ: нѣкоторые изъ міранъ принявъ ангельскій образъ, потомъ оставляютъ чернечество и женятся, а тѣ недостойные священники ихъ на то благословляютъ.... О всемъ этомъ напоминаю и пишу къ вамъ, дѣти, съ горькимъ рыданіемъ, желая избавить мою безсмертную душу отъ осужденія: ибо если я не напомню о семъ любви вашей, Творецъ мой и Владыка Христосъ взыщетъ того отъ руки моей. Вотъ уже почти пришелъ конецъ времени, и Судія ждетъ насъ съ воздаяніемъ, и потому молю васъ показать силу чистаго покаянія. И благословляю васъ, чада мои о Святомъ Духѣ, бояре, и воеводы, и атаманы, и всѣ православные христіане земли той, чтобы вы, съ моимъ десятильникомъ, имѣли о томъ великое смотрѣніе и ни за какого лихаго сопротивника закону Божію и нашему православію предъ десятильникомъ не стояли: и онъ, по нашему наказу, какое дѣло можно, тамъ съ вами управить, а чего нельзя тамъ управить, о томъ отпишетъ мнѣ, или, какъ Богъ дастъ, самъ у насъ будетъ, то разскажетъ. А вы бы, дѣти, тѣхъ великихъ грѣховъ на себя не принимали...., и всячески старались удалять себя отъ такихъ беззаконниковъ, именуясь истинными и православными христіанами.... Скажу немного и вамъ, Господии священники: знаете ли, въ какой санъ вы облеклись и какъ поручено вамъ блюсти стадо Христа, искупленное Его честною кровію? А между тѣмъ, какъ слышно здѣсь, ни о себѣ, ни о врученной вамъ Богомъ паствѣ никакого попеченія не имѣете, забывъ страхъ Господень.... Молю

васъ, испытайте себя всячески и содрогнитесь, воспряньте отъ сна и воздерживайте себя отъ безчиннаго пьянства, которое служитъ не на здравіе душѣ и тѣлу, а скорѣе на погибель души и на отгнаніе дѣйствующей въ васъ благодати Святаго Духа.... Прибѣгайте къ святымъ Божіимъ церквамъ съ сокрушеніемъ сердца, безъ лѣности, а своихъ духовныхъ чадъ наставляйте и отводите отъ всего богопротивнаго, напоминая имъ часъ смертный и безконечныя муки....».

Митрополиту Өеодосію, сколько доселѣ извѣстно, принадлежатъ: одно учительное посланіе—въ Пѣсношскій монастырь и три слова: а) на Рождество Пресвятыя Богородицы, б) похвальное святымъ апостоламъ Петру и Павлу, и в) похвальное по случаю чуда отъ мощей святителя Алексія. Но изъ названнаго посланія дошли до насъ, судя по напечатанному списку, только начало и конецъ, который притомъ, по содержанію, имѣетъ сходство съ концомъ такого же посланія митрополита Іоны въ Боголюбовъ монастырь ([128]), а слово на Рождество Пресвятыя Богородицы извѣстно намъ по одному имени и начальнымъ словамъ ([129]), такъ что намъ остается разсмотрѣть только два послѣднія слова.

Слово похвальное верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу уцѣлѣло подъ именемъ Өеодосія въ современномъ ему спискѣ, и потому, естественно, должно быть признано подлиннымъ ([130]). Но это слово не есть оригинальное, а представляетъ только сокращеніе и, по мѣстамъ, даже буквальное повтореніе болѣе

([128]) Акт. Ист. I, № 276. Снес. № 265.

([129]) Упоминается только въ Прибавл. къ Твор. Св. отц. XVI, 213.

([130]) Заглавіе: «Слово похвально святымъ верховнымъ апостоломъ Петру и Павлу, твореніе *Өеодосія* архіепископа всея Руси». И затѣмъ выписки изъ этого слова см. въ Извѣст. II-го отд. Академіи Наукъ, II, 325—328.

обширнаго слова митрополита Григорія Самвлака въ честь тѣхъ же апостоловъ. Вотъ какъ, напримѣръ, Ѳеодосій восхваляетъ св. апостола Петра: «Петръ, камень вѣры, послѣдовалъ Учителю болѣе всѣхъ, оставилъ корабль и воспріялъ церковь, повергъ мрежу и распространилъ Евангеліе, покинулъ море и удержалъ вселенную, презрѣлъ ловитву рыбъ и научился ловить людей (все это буквально заимствовано изъ слова митрополита Григорія Самвлака).... Моисей былъ начальникомъ одному израильскому народу, а Петръ сдѣлался предстателемъ всей вселенной. Тотъ съ однимъ Фараономъ, а Петръ боролся за людей съ діаволомъ и побѣдилъ его, не море раздѣляя жезломъ, какъ Моисей, но потребляя идоловъ словомъ. Моисей во мракѣ бесѣдовалъ съ Богомъ, и видѣлъ задняя Его, и принялъ законъ на скрижаляхъ и преподалъ его людямъ каменносердечнымъ; Петръ видѣлъ Предвозвѣщеннаго пророками и сдѣлался Его ученикомъ, послѣдуя Ему все время, даже до креста и смерти, и отъ лицезрѣнія Божія получилъ неизреченныя блага, и названъ камнемъ церковнымъ и ключаремъ обѣщаннаго царства.... Петръ изъ малаго городка Виѳсаиды въ великомъ городѣ Іерусалимѣ витійствовалъ откровеннымъ лицемъ и благодерзостнымъ языкомъ. Фарисеи молчали и разступались, Саддукеи уходили, книжники затыкали уста, — рыбарь Петръ говорилъ одинъ. Народы веселились, забывали о праздникѣ, оставляли службы, — у всѣхъ было одно желаніе и тщаніе слышать Петра, благовѣствующаго. И смотри, вдругъ отъ ученія Петрова увѣровали пять сотъ и три тысячи и безчисленное множество народа: отъ силы, бывшей въ Петрѣ, исполнялось сказанное Господомъ: *вѣруяй въ мя дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ больша сихъ*». Еще болѣе витіевато говоритъ проповѣдникъ о святомъ апостолѣ Павлѣ: «Что же Павелъ, этотъ

небесный человѣкъ, риторъ церковный, Христовы уста, учитель языковъ, высокопарный орелъ, церковная труба, вострубившій всей вселенной избавленіе, усердный въ законѣ и ревнитель въ благодати, — Павелъ, который больше всѣхъ показалъ подвигъ въ благочестіи, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ, — Павелъ, который заградилъ безстудныя уста іудеямъ, — Павелъ, безстрашный воинъ посреди рати, обтекшій, какъ бы на крылахъ, всю окрестность отъ Іерусалима даже до Иллирика, сосудъ избранный, скрывавшійся прежде въ сѣни законной, а потомъ явившійся въ свѣтлости новаго завѣта: прежде гонитель, а нынѣ благовѣстникъ, прежде разорявшій церковь, нынѣ же созидающій?... Ищу умомъ, обращаясь повсюду, и разсматривая всѣхъ святыхъ прежде закона и въ законѣ, судей, царей, пророковъ, этихъ чудныхъ и великихъ мужей, не нахожу, кому уподоблю добродѣтель Павла: Онъ съ избыткомъ превосходитъ всѣхъ и достоинства всѣхъ совмѣщаетъ въ себѣ.... Его ревности удивлялись ангелы, устыдились мучители, уступили цари, вострепетали бѣсы.... Скажи, какой цвѣтъ такъ прекрасенъ, какъ церковь Павловыми посланіями? Какой царскій вѣнецъ такъ сіяетъ камнемъ и бисеромъ, какъ церковь Павловыми трудами и потомъ? Какой корабль, носимый сильнымъ вѣтромъ, такъ скоро идетъ, какъ церковь многочадная и многоплодная Павловыми молитвами? Кто слышалъ о такой любви, какую имѣлъ этотъ блаженный?.... И что много говорить? Христосъ похвала Павлу, намъ же Павелъ по Христѣ...». Въ заключеніе проповѣдникъ взываетъ къ обоимъ апостоламъ: «О блаженная двоица, верховная апостоламъ! Церковь, которую вы составили многими трудами, освятили своею кровію, украсили своими преданіями, усладили своимъ ученіемъ, содѣлали необоримою своими молитвами, назирайте свыше и укрѣ-

пляйте отъ всякой ереси и соблюдайте неоскверненною до скончанія вѣка, какъ имѣющіе большое дерзновеніе и предстоящіе животворящей и нераздѣльной Троицѣ, Ей же слава и держава и поклоненіе въ безконечные вѣки». Вообще это слово, и по содержанію, и по ораторскимъ пріемамъ, и по слогу, болѣе принадлежитъ Самвлаку, нежели Ѳеодосію ([131]).

Совсѣмъ не такіе пріемы и слогъ въ другомъ похвальномъ словѣ митрополита Ѳеодосія, сказанномъ въ день особаго торжества въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, совершавшагося въ память одного чуда отъ мощей святителя Алексія. Первая часть этого слова, общая, вступительная, отличается высокопарностію, многословіемъ, безпорядочностію, повтореніями и выраженіями неточными, въ которыхъ иногда трудно добиться смысла. «Свѣтлое у насъ нынѣ позорище и чудное торжество, просвѣщенное и собранное, – такъ начинается эта часть, — радостный нынѣ праздникъ, исполненный чуда, праздникъ, потребный душевному спасенію и превосходящій всякій умъ и слово. Никто не можетъ, по достоинству, восхвалить его: ибо недостижимо и преестественно чудо святаго отца нашего, Алексія митрополита, чудотворца русскаго. Посему постараемся, возлюбленные, со всѣмъ тщаніемъ.... извести на свѣтъ сіе дѣло Божіе и показать вѣрнымъ людямъ, приходящимъ съ вѣрою къ цѣльбоносному гробу чудотворца Алексія.... (опускаемъ не вразумительное и многословное). Нынѣ, послѣ многихъ, прежде бывшихъ, его чудесъ, мы удостоились видѣть достовѣрно своими очами сіе нынѣшнее преславное чудо.... Мы всѣ прославили Бога: ибо увидѣли ходящимъ хромца, не

([131]) Самвлаково слово св. Ап. Петру и Павлу — см. нашей Ист. Русск. Церк. V (изд. 1), 449, (изд. 2), 457.

владѣвшаго много лѣтъ ногою, которая была искорчена и изсохшая, какъ дерево; увидѣли и избранника на враги, видимые и невидимые, и побѣдителя, церкви Божіей неусыпнаго предстателя, избавляющаго и заступающаго отъ всякаго треволненія и приражения вражія, и нахожденія еретическаго, и развращенія, и раздранія, и граду нашему Москвѣ твердаго поборника, и всѣмъ православнымъ христоименитымъ людямъ скораго помощника, и въ печаляхъ утѣшителя, который предваряетъ милостію прежде прошенія, никого не оставляетъ и милостивно присѣщаетъ всѣхъ, приходящихъ съ вѣрою во св. церковь къ честной его ракѣ.... Я, Θеодосій, смиренный митрополитъ, былъ прежде архимандритомъ того монастыря великаго архистратига Михаила, правилъ тамъ церковь Божію и былъ предстатель общему житію, и вручена мнѣ была паства стада того Іоною митрополитомъ и господаремъ моимъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, и пребылъ я тамъ десять лѣтъ, и въ тѣ времена видѣлъ многія чудеса, творимыя святымъ великимъ чудотворцомъ Алексѣемъ у гроба его: нынѣ же сподобилъ меня Богъ видѣть своими очами сіе преславное чудо о хромцѣ, исцѣлѣвшемъ у гроба святаго.... Я постарался представить вамъ сладкую трапезу слова, которая неоскудно подаетъ наслажденіе и утѣшеніе причащающимся ей, къ ревности душевной пользы... Мы вѣнчаемъ похвалами сего святителя, непостыднаго совершителя чудесъ, скорбящимъ душамъ сладкаго утѣшителя, недужнымъ неоскудное исцѣленіе, въ бѣдахъ скораго помощника, въ напастяхъ твердаго заступника... и проч. Во второй и главной части изложенъ самый разсказъ о хромцѣ, поселянинѣ Наумѣ, имѣвшемъ отъ юности одну ногу скорченную и изсохшую, какъ онъ упросился въ число братіи Чудова монастыря, одушевленный живою вѣрою полу

чить исцѣленіе отъ святителя Алексія, какъ проходилъ въ обители послушанія, сперва въ хлѣбницѣ, потомъ въ поварницѣ, какъ, по истеченіи семи лѣтъ, въ одну ночь, когда боли въ ногѣ его увеличились до крайности, онъ поспѣшилъ со слезами къ ракѣ святителя и взывалъ къ нему о помощи, какъ внезапно исцѣлѣла больная нога хромца и сдѣлалась здравою, подобно другой, и какъ въ ту же ночь вся обитель возрадовалась и восторжествовала: разсказъ веденъ просто, правильно, удобопонятно, безъ всякой высокопарности. «И была въ ту ночь, —заключаетъ свой разсказъ проповѣдникъ, —радость великая въ той честной обители, возсылали благодарственныя пѣсни Богу, и Его пречистой Матери, и великому архистратигу Михаилу, и великому чудотворцу Алексѣю митрополиту.... Была та ночь днемъ радости, свѣтомъ, а не тьмою; ночь, исполненная духовнаго веселія; былъ тамъ шумъ чина празднующихъ и гласъ радованія въ кровѣхъ праведныхъ. Не въ тайнѣ и не въ молчаніи мы совершаемъ это чудное торжество, но съ восклицновеніемъ вездѣ и повсюду: ибо чудо сіе совершилось съ цѣлію ради вѣрующихъ и невѣрующихъ, да вѣрующіе сдѣлаются еще тверже въ вѣрѣ, а невѣрные будутъ вѣрнѣе о Господѣ....» ([132]).

Между посланіями митрополита Филиппа, доселѣ извѣстными, только одно можно назвать учительнымъ, на которомъ мы и остановимся: это небольшое посланіе къ игумену Троицкаго Сергіева монастыря Спиридону. Преподавъ, прежде всего, благословеніе игумену, святитель продолжаетъ: «Твердо помни, сынъ мой, какъ ты, по благодати Божіей и по волѣ сына моего, великаго князя Ивана Васильевича, и по моему благословенію,

([132]) П. Собр. Р. Лѣт VI, 325—330.

вошелъ дверьми въ великую ограду такого, Богомъ собраннаго, Христова стада и, съ благословеніемъ нашимъ, устроилъ себя, яко добрый пастырь словесныхъ его овецъ. Ихъ, сынъ мой, ты долженъ учить о Христѣ святымъ заповѣдямъ съ великимъ назиданіемъ и пасти съ любовнымъ смиренномудріемъ, какъ благій и учительный, управляя самого себя по евангельскимъ заповѣдямъ совершенными дѣлами предъ Богомъ и имѣя твердое попеченіе, духовное и тѣлесное, о богособранномъ стадѣ святыя ограды препод. игумена Сергія чудотворца. Ты долженъ, по св. Евангелію, глашать всѣхъ по имени, да познаютъ гласъ твой и послѣдуютъ за тобою, и такимъ образомъ привлекать всѣхъ къ духовному разумѣнію удицею благихъ словъ, а не свирѣпствомъ и не жестокостію пасти словесныхъ овецъ..., и показывать со смиреніемъ умъ тихій и кроткій, и цѣломудріемъ совокуплять во едину чреду, а не оскорблять, по слову Господа: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, и еще: *будите милосерди...*, *оставите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпуститъ и вамъ согрѣшенія ваша*. Многіе согрѣшили явно, но чрезъ покаяніе получили прощеніе грѣховъ: такъ и мы, если видимъ согрѣшающихъ своими очами, должны съ милостію судъ творить согрѣшившему. Посему пишу къ тебѣ, сынъ мой, о согрѣшившемъ предъ вами старцѣ Павлѣ, который по грѣхамъ своимъ впалъ предъ вами въ укоризну и въ великую нужду: сами знаете, отъ кого. Нынѣ же благословляю тебя, сына моего, да сотворишь надъ нимъ милость во славу Божію, и ради меня повели разрѣшить его отъ узъ и дай ему прощеніе...., и съ своею братіею, съ старцами, смири его, ради меня, да не будутъ въ роптаніи о согрѣшеніи его и да сотворятъ съ нимъ, государи, дѣло прощенія. А что взято у него изъ его рухляди или ло-

шадка, вы бы, чада, ради меня, пожаловали его, отдали ему все, что его» ([133]).

Если посланія составляли тогда у насъ самый употребительный и господствующій видъ духовной литературы: то второе мѣсто послѣ посланій, безспорно, занимали *житія Святыхъ*, въ томъ числѣ разумѣемъ и отдѣльныя сказанія о чудесахъ ихъ. И если мы почти не встрѣчаемъ составленныхъ тогда у насъ словъ и поученій, догматическихъ и нравственныхъ, которыя бы произносились въ церквахъ, зато встрѣчаемъ *похвальныя слова*, которыя читались и въ церквахъ и въ обителяхъ нашихъ во дни памяти Святыхъ. Сочинять слова и поученія о возвышенныхъ истинахъ вѣры и нравственности было не подъ силу нашимъ тогдашнимъ пастырямъ, по степени ихъ образованія, и они предпочитали произносить въ церквахъ готовыя слова древнихъ св. отцевъ и учителей: но составлять похвальныя слова святымъ, при помощи ихъ житій, не представляло большихъ трудностей, даже для людей невысокаго образованія. Не упоминаемъ здѣсь еще объ одной, довольно важной, отрасли духовной литературы,—о литературѣ *церковныхъ службъ, каноновъ, пѣснопѣній*, которая начала тогда замѣтно усиливаться у насъ на ряду и какъ бы нераздѣльно съ литературою житій и похвальныхъ словъ: ибо всѣ эти церковныя пѣснопѣнія будутъ разсмотрѣны нами при обозрѣніи богослуженія нашей церкви.

Человѣкъ, болѣе всѣхъ потрудившійся тогда въ Россіи во всѣхъ трехъ названныхъ нами родахъ литературы, былъ не русскій, а сербъ — Пахомій. Онъ пришелъ съ святой горы аѳонской, въ санѣ іеромонаха, къ нашему великому князю Ва-

---

([133]) Акт. Ист. I, № 278.

силію Васильевичу, неизвѣстно когда и по какому побужденію, по приглашенію ли отъ князя или только по собственному желанію ([134]). Вѣроятнѣе, что Пахомій былъ приглашенъ къ намъ, какъ уже извѣстный своею способностію и искусствомъ сочинять житія Святыхъ, похвальныя слова имъ и каноны: по крайней мѣрѣ, на него постоянно возлагались у насъ такія порученія. Около 1440 г. появился у насъ первый его литературный трудъ — житіе препод. Сергія радонежскаго, такъ какъ оно находится уже въ Сборникѣ, написанномъ по волѣ игумена Троицко-Сергіева монастыря Зиновія (1432—1443) и разсказываетъ о чудесахъ преподобнаго, совершившихся въ 1438 году. Въ это и послѣдующее время Пахомій жилъ въ Троицкой-Сергіевой лаврѣ, гдѣ доселѣ сохранились списки книгъ, писанныхъ рукою его въ 1443, 1445 и 1459 годахъ. Вторымъ его литературнымъ трудомъ было житіе св. митрополита Алексія, вмѣстѣ съ канономъ ему, написанное по волѣ великаго князя Василія Васильевича, благословенію митрополита Іоны и опредѣленію собора святителей: къ этому труду Пахомій приступилъ, какъ есть основаніе думать, еще около 1450 г., но привелъ его къ концу въ 1459 г. ([135]). Тогда же видимъ Пахомія въ Новгородѣ, сперва у владыки Евѳимія (†1458 г.), потомъ у преемника его Іоны, который далъ Пахомію помѣ-

---

([134]) Въ заглавіи житія преп. Никона, игумена Сергіев. лавры, по списку XVI в., замѣчено: «твореніе священноинока Пахомія, иже пріиде изъ Сръбьскыа земли къ вел. кн. Василію Васильевичу всеа Руси» (Рукоп. *Царскаго*, стр. 51). Въ другихъ подобныхъ заглавіяхъ говорится: «твореніе Пахомія Сербина», или: «сотворено священноинокомъ Пахоміемъ», или: «преписано бысть отъ священноинока Пахомія святыя горы» и под. (тамъ же 59. 62. 63 и др.).

([135]) *Ключевск.* Древне-русск. Житія Святыхъ, Москв. 1871, стр. 113—128, гдѣ изложены о Пахоміи и его дѣятельности у насъ довольно подробныя соображенія и замѣчанія.

щеніе у себя, одарилъ его множествомъ серебра, кунами и соболями и поручалъ ему сочинять житія и каноны Святымъ. Но Пахомій, исполнивъ нѣсколько порученій святителя, отказался отъ исполненія другихъ, несмотря на всѣ его обѣщанія, и возвратился «въ Московскія страны» ([136]). Побужденіемъ къ тому было, вѣроятно, состоявшееся повелѣніе великаго князя Василія Васильевича и новаго митрополита Өеодосія (слѣд. въ 1461—1462 г.), чтобы Пахомій отправился въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь и собралъ тамъ свѣдѣнія о препод. Кириллѣ бѣлозерскомъ для начертанія житія его ([137]). Составленію этого обширнаго житія, вмѣстѣ съ канономъ преподобному, а можетъ быть, и другимъ своимъ сочиненіямъ, неизвѣстно когда написаннымъ, Пахомій, вѣроятно, посвятилъ нѣсколько послѣдующихъ лѣтъ, въ которые не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ его. Только въ 1472 г. онъ снова является предъ нами «мнихомъ Сергіева монастыря» и пишетъ, по порученію великаго князя Іоанна III и митрополита Филиппа, похвальное слово святителю Петру, по случаю перенесенія мощей его, и два канона ему, а потомъ составляетъ канонъ св. Стефану пермскому «повелѣніемъ» пермскаго владыки Филоөея (1472—1501) ([138]). Вообще же всѣхъ сочиненій, напи-

---

([136]) О пріѣздѣ своемъ въ Новгородъ при владыкѣ Евөиміи упоминаетъ самъ Пахомій въ предисловіи къ составленному имъ житію Варлаама хутынскаго А о пребываніи Пахомія у владыки Іоны повѣствуетъ біографъ послѣдняго святителя (Памятн. старинн. Русск. Литер. IV, 31—33).

([137]) «Повелѣнъ бывъ тогда, говоритъ Пахомій въ житіи пр. Кирилла, самодержъцемъ, великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ и благословеніемъ Өеодосія митрополита всея Руси прийтти во обитель святаго и тамъ своими ушима слышати бывающая чудеса отъ богоноснаго отца...» (Сборн. нашей библ. № 2, л. 102 обор.).

([138]) П. Собр. Р. Лѣт VI, 196; Сборн. нашей библ. № 39, л. 130; Опис Румянц. Муз. стр. 595.

санныхъ Пахоміемъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ по порученію отъ властей, такъ, можетъ быть, и по собственному желанію, извѣстно до тридцати пяти: въ томъ числѣ — шестнадцать, или даже, по нѣкоторымъ догадкамъ, восьмнадцать церковныхъ службъ и каноновъ, девять житій, три особыхъ сказанія о святыхъ, вошедшія, потомъ, въ сокращенномъ видѣ или цѣликомъ въ самыя житія ихъ, и четыре похвальныхъ слова. Впрочемъ, нѣкоторыя житія Пахоміевы написаны такъ, что ихъ можно назвать и похвальными словами, а нѣкоторыя похвальныя слова — такъ, что могутъ быть названы и житіями или вообще историческими сказаніями.

Въ Пахоміевомъ житіи препод. Сергія радонежскаго надобно различать, во-первыхъ, собственно житіе и, во-вторыхъ, сказаніе объ открытіи мощей преподобнаго и о послѣдующихъ чудесахъ его. Первое не есть сочиненіе оригинальное, а есть только передѣлка того житія препод. Сергія, которое прежде составлено было Епифаніемъ Премудрымъ. Пахомій лишь сократилъ по мѣстамъ, особенно въ первой половинѣ, а по мѣстамъ (наприм., въ статьяхъ о изведеніи источника пр. Сергіемъ, о воскрешеніи отрока, о составленіи общежитія, о явленіи преподобному Богоматери и др. почти буквально переписалъ названное житіе Епифаніево, и нѣкоторыя сказанія въ немъ опустилъ, другія переставилъ, не заботясь о хронологическомъ порядкѣ, а третьи, немногія, даже измѣнилъ въ подробностяхъ ([139]).

([139]) Потому-то въ самомъ заглавіи Пахоміева житія пр. Сергія обыкновенно прибавляется замѣтка «прежде списано бысть отъ духовника, мудрѣйшаго Епифанія, послѣжде преписано бысть отъ священноинока Пахомія святыя горы» (Опис. рукоп. Царскаго, стр. 59; Опис. 24-хъ рукоп. Сборник. XVI в. Новг. Соф. библ., въ Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис., вып. III. отд. III, стр. 64).

Надобно присовокупить, что за передѣлку эту Пахомій принимался два раза и оставилъ ее въ двухъ видахъ или редакціяхъ. Первоначальная редакція, появившаяся около 1440 г., представляетъ менѣе сокращеній труда Епифаніева, менѣе перемѣнъ, какъ въ слогѣ, такъ и въ порядкѣ и самомъ содержаніи статей, менѣе пропусковъ, нежели вторая редакція, окончательная, относящаяся ко времени между 1449 и 1459 г. и, судя по количеству сохранившихся списковъ, вошедшая въ наибольшее употребленіе. Что же касается до сказанія объ открытіи мощей препод. Сергія и послѣдовавшихъ затѣмъ чудесахъ, то это сочиненіе оригинальное и вполнѣ принадлежитъ Пахомію. Изъ рукъ автора оно вышло также въ двоякомъ видѣ: пространномъ и сокращенномъ. Пространное сказаніе онъ составилъ особо, какъ бы въ дополненіе къ пространному житію Епифаніеву, вслѣдъ за которымъ оно обыкновенно и помѣщается въ рукописяхъ. А краткое сказаніе соединилъ въ одно цѣлое съ своимъ, сокращеннымъ, житіемъ, по обѣимъ его редакціямъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣдней редакціи, кромѣ двѣнадцати чудесъ, описанныхъ и въ спискахъ первой, равно какъ и въ пространномъ сказаніи, описаны еще три чуда, совершившіяся въ маѣ 1449 года (140). Пахоміево житіе препод. Сергія имѣетъ характеръ похвальнаго слова, которое читалось въ обители на праздники въ честь преподобнаго, какъ можно видѣть изъ слѣ-

(140) *Ключевск.* Древне-русск. Житія Святыхъ, 115—119. 129—132. Замѣтимъ, однакожъ, что въ принадлежащемъ нашей библ. спискѣ Епифаніева житія преп. Сергія (№ 42) пространное сказаніе, приложенное къ житію, повѣствуетъ не о двѣнадцати, а только о восьми первыхъ чудесахъ, а затѣмъ прямо слѣдуетъ, подъ особымъ заглавіемъ, похвальное слово пр. Сергію, составленное Епифаніемъ (л. 245—269).

дующаго приступа этого житія. «Пріидите, честное и святое сословіе постниковъ; пріидите, отцы и братія; пріидите духовныя овцы: пріидите, именитое стадо.... Вотъ къ намъ свыше призваніе; вотъ предлежитъ духовная трапеза; вотъ хлѣбы неистощимой пищи и масло милости; вотъ цѣломудренная пшеница и вино, веселящее души и тѣла...; вотъ русская, а болѣе вселенская похвала. Пріидите жъ и насладимся добраго нынѣшняго торжества, воздавая достойную честь преподобному, какъ ученики учителю, составляя праздникъ и свѣтлое торжество въ нарочитомъ праздникѣ, какъ чада отцу.... Сама святая и животворящая Троица подвигла насъ къ ликованію и устроила для ангеловъ праздникъ съ нами и сотворила общее для всѣхъ веселіе, въ память своего угодника, просвѣтившаго міръ своимъ житіемъ, отогнавшаго бѣсовъ отъ стада Христова, исполнившаго радостію землю и самый воздухъ равноангельнымъ своимъ житіемъ, наставившаго ввѣренное ему иноческое стадо на духовныя пажити... Да увѣдаемъ достовѣрно, откуда возсіялъ таковый свѣтильникъ: не отъ Іерусалима ли, не отъ Синая ли? Нѣтъ. Но отъ Русской великой земли: она много лѣтъ оставалась непросвѣщенною, но удостоилась превзойти страны, просвѣтившіяся прежде ея, и процвѣла православною вѣрою и честными монастырями, въ которыхъ возсіяли многіе свѣтильники, просвѣщающіе, можно сказать, вселенную. Въ числѣ ихъ былъ и св. Сергій, о которомъ намъ предлежитъ нынѣ слово». А въ заключеніи своего литературнаго труда о преп. Сергіи Пахомій такъ разсказываетъ о побужденіи, расположившемъ его заняться этимъ трудомъ. «Я смиренный таха іеромонахъ Пахомій, пришедши въ обитель святаго и видя чудеса часто совершающіяся отъ раки богоноснаго отца, а особенно узнавъ о немъ отъ самого ученика его Епифанія, который съ ранней

юности много лѣтъ жилъ со святымъ, былъ духовникомъ въ великой лаврѣ всему братству и написалъ по порядку о рожденіи и возрастѣ блаженнаго, о его чудотвореніяхъ, житіи и преставленіи, слыша также свидѣтельства о преподобномъ многихъ иныхъ братій, наиболѣе же видя своими очами бывающія отъ него чудеса, сильно удивился. Потому, испросивъ помощи отъ Бога и надѣясь на молитву святаго, дерзнулъ написать, что слышалъ и видѣлъ, изъ многаго немногое, что было возможно для меня смиреннаго.... Я написалъ это, да не будутъ преданы забвенію чудеса святаго» и проч. (141).

Въ самомъ заглавіи Пахоміева житія св. Алексія митрополита московскаго, какъ и въ заглавіи Пахоміевой службы тому же угоднику, замѣчено, что составлены они «по благословенію господина преосвященнаго архіепископа Іоны, митрополита кіевскаго и всея Русіи и проразсужденіемъ, *иже о немъ*, честнаго собора святительска» (142). Здѣсь разумѣется, по всей вѣроятности, соборъ 1448 г., бывшій для поставленія митрополита Іоны (соборъ, *иже о немъ*): такъ какъ этотъ соборъ, между прочимъ, установилъ праздновать митрополиту Алексію въ память преставленія его 12-го февраля и въ память открытія мощей его 20-го мая; а чтобы праздновать святому, требуется служба ему и житіе его для чтенія въ церкви на праздникъ. Правда, одна служба святителю Алексію тогда же была со-

---

(141) Списокъ нашей библіотеки (№ 1, л. 31 об. — 83), которымъ мы пользовались, относится къ спискамъ послѣдней или окончательной редакціи Пахоміева житія пр. Сергія, но содержитъ въ себѣ сказаніе только о двѣнадцати чудесахъ его.

(142) «*Иже о немъ*»... Такъ въ спискѣ нашей библіотеки № 66, л. 194 об. Въ другихъ спискахъ стоитъ: «еже о немъ». Опис. Румянц. Муз. 204 и др.

ставлена присутствовавшимъ на соборѣ Питиримомъ, епископомъ пермскимъ, и существовало уже краткое житіе св. Алексія, написанное тѣмъ же Питиримомъ, когда онъ былъ еще архимандритомъ, и прежде открытія мощей святителя, о которыхъ потому она и не упоминаетъ ([143]). Но Питиримова служба угоднику назначена была на 20 мая: нужна была еще другая служба — на 12 февраля. А Питиримово житіе, кромѣ того, что было слишкомъ кратко, вовсе не говорило объ открытіи мощей святаго и послѣдовавшихъ затѣмъ чудесахъ. И сохранилось извѣстіе, что Пахомій, исполняя возложенное на него соборомъ порученіе, прежде всего, приблизительно въ 1448—1449 г., составилъ особое сказаніе или повѣсть объ открытіи мощей святителя Алексія и послѣдовавшихъ чудесахъ, въ которой наиболѣе чувствовалась нужда. Затѣмъ уже, неизвѣстно когда, составилъ и службу ему на 12 февраля. Самое же житіе угодника началъ не прежде 1455 г.,—ибо въ началѣ его упоминаетъ о кончинѣ епископа пермскаго Питирима, послѣдовавшей въ этомъ году,—а окончилъ только въ 1459 году. Къ житію Пахомій присовокупилъ въ сокращенномъ видѣ и свое

([143]) Объ установленіи соборомъ 1448-го года означенныхъ праздниковъ въ честь св. Алексія и о составленіи Питиримомъ тогда же службы ему на 20-е мая говоритъ повѣсть объ обрѣтеніи мощей этого святителя, написанная неизвѣстнымъ, вѣроятно, къ концу XV в. и помѣщенная въ Макарьевской Чети-минеи, мая 20-го, по Успенск. списку, л. 1150 (*Ключев*. Древнерусск. Житія, 133—134). Если бы тогда же, вмѣстѣ съ службою, составлено было епископомъ Питиримомъ и житіе св. Алексія, а не гораздо прежде (*Ключев*. Тамъ же 135): то, во-первыхъ, какъ и съ какою цѣлію Пахомій, пользовавшійся этимъ житіемъ, вздумалъ выразиться, что онъ пользовался «*писаніемъ архимандрита* Питирима, иже *послѣди* бысть въ Перми епископъ»? А во-вторыхъ, какъ могъ Питиримъ, составляя въ это время житіе Алексія, не сказать ни слова ни объ открытіи мощей его, ни объ установленіи въ честь его праздниковъ?

сказаніе, прежде написанное, объ открытіи мощей св. Алексія и чудесахъ его ([144]).

Въ приступѣ къ житію св. Алексія Пахомій сперва излагаетъ мысли, что составлять повѣсти о святыхъ и похвалы имъ полезно для людей и угодно Богу, а потомъ, какъ бы въ оправданіе себя, объясняетъ, что хотя онъ иноземецъ и не зналъ святителя Алексія, но воспользовался свидѣтельствами о немъ достовѣрныхъ мужей и въ особенности писаніемъ архимандрита Питирима. Мы представимъ этотъ небольшой приступъ сполна и въ подлинномъ текстѣ, чтобы показать, какъ несвободно и неясно выражался Пахомій въ своихъ приступахъ къ житіямъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда излагалъ общія какія-либо мысли, а не историческій разсказъ. «Елма убо, — говоритъ авторъ,—божественнымъ мужемъ, хотящимъ повѣсти написати и вѣнца отъ нихъ похвальныя сплести, полезно есть и зѣло успѣшно; не яко они таковая требующи, но яко ихъже сами ангелы похвалиша, ихъже имена написана суть въ книгахъ на небесѣхъ, но инѣхъ въздвизати къ тѣхъ зѣлному преизящству и любви къ Богу, не тѣхъ токмо похвалъ послушающихъ и богоподражаніемъ внимающихъ, отсюду приходящимъ боголюбезныхъ и въ самѣхъ тѣхъ похвалъ произволяющихъ прибытокъ обильный и мздовоздаяніе не мало. Не сія бо токмо едина, но и таковыми угождаемъ есть Богъ: святымъ похвала обаче на самаго Бога въсходити и превозноситися влѣпоту. Ибо и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ рече: *прославляю-*

([144]) Въ упомянутомъ извѣстіи именно сказано, что «по преставленіи св. Алексія (1378 г.) минувшимъ лѣтомъ *мало мнье седмидесятимъ*.... составися повѣсть сія (объ открытіи мощей его) ермонахомъ Пахоміемъ...., благословеніемъ Іоны митрополита». *Ключевск.* Тамъ же, 120. 133. 136.

щая мя, рече, *прославлю*, и паки о апостолѣхъ: *пріемляй васъ мене пріемлетъ.* Узаконоположено бысть, таже къ торжеству възведе человѣки, глаголетъ пророкъ: *похваляему праведнику*, *възвеселятся людіе.* Яже бо похвалы и славы о святыхъ, ничтоже о земныхъ прибыточно, иже извѣстно, стяжавшихъ, но отъ вышнихъ божественныхъ промыслъ и присно тожде имущихъ, отнюдуже въ истинну нынѣ похвальнѣе мы всесвѣтлую намъ вину настоящаго слова предлежитъ, и основанію начало пріяти хощетъ, похваламъ достойный Алексѣе да глаголется. И да не възнепщуетъ ми кто, яко иноя земли суща и невѣдуща и правду; не бо своима очима видѣхъ, что таково бываемо, но отъ великихъ и достовѣрныхъ мужъ слышавъ, яже глаголютъ, иже своима очима видѣша самаго святаго, о немъже намъ повѣсть предлежитъ, не зѣло бо предъ многими лѣты бѣяше, иная же отъ слышанія; прочая же и достовѣрнѣйшая навыкъ отъ самаго того писанія *архимандрита Питирима*, иже послѣди бывъ Перми епископъ. Сей убо епископъ же и мученикъ не токмо пострада о вѣрѣ, но отъ невѣрныхъ, но и отъ мнящагося быти вѣрна нѣкоего князя, его же должно есть нарещи невѣрныхъ горша, иже братоубійственною кровію руцѣ осквернившаго; и отъ сего многа и люта подъятъ, но ничтоже возможе злоба противу благодати: невѣсть бо злое предпочитати полезное, ни зависть оставляетъ познати истину, но о таковомъ здѣ конецъ да пріиметъ. Сей убо предреченный епископъ, нѣчто мало о святѣмъ списа, и канонъ тому въ похвалу изложивъ, слышавъ извѣстно о его житіи, паче же и отъ самѣхъ чюдесъ, бывающихъ отъ раки богоноснаго отца; прочая же непоспѣ, времени тако зовущу. Глаголетъ же ся, яко по еже пѣти канонъ той святому, явися святый тоя нощи нѣкоему священноиноку тоя же обители,

благодареніе о сихъ въздающи, и обители тоя не оскудѣти. Сія же азъ прочетъ, и разсудихъ неподобно быти святаго чюдесемъ на многи части глаголатися, и яко цвѣтцы собравше отъ многихъ въ едино, да не умолчано будетъ праведное святаго же и приснопамятнаго, боговѣщательныхъ молитвъ надѣяся, подостижному ко иже по Бозѣ живущимъ, и истиннѣ дѣлателемъ опаснымъ, слово устремихъ къ повѣсти».

Въ самомъ житіи святителя Пахомій, пользуясь Питиримовымъ житіемъ, иное опустилъ, другое неудачно измѣнилъ или исказилъ, третье такъ же неудачно прибавилъ. У Питирима въ первой части житія, обнимающей жизнь св. Алексія до возведенія его на митрополитскую каѳедру, говорится, что родители его переселились изъ Чернигова въ Москву и у нихъ родился сынъ—Симеонъ въ то время, когда Іоаннъ Даниловичъ Калита, воспринимавшій его отъ купели, еще не былъ великимъ княземъ; что двадцати лѣтъ Симеонъ принялъ монашество съ именемъ Алексія, потомъ своими добродѣтелями сталъ извѣстенъ великому князю Семену Ивановичу и митрополиту Ѳеогносту, сдѣланъ намѣстникомъ послѣдняго и впослѣдствіи епископомъ владимірскимъ, наконецъ, при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ, поставленъ въ митрополита цареградскимъ патріархомъ Филоѳеемъ: все это согласно съ исторіею. А Пахомій написалъ, будто родители Алексія переселились въ Москву уже въ дни великаго князя Іоанна Даниловича (т. е., 1328 — 1340 г.), будто Алексій поступилъ въ монастырь пятнадцати лѣтъ и будто онъ сдѣлался извѣстенъ по своимъ добродѣтелямъ великому князю Ивану Ивановичу, при которомъ и рукоположенъ въ Царьградѣ патріархомъ на митрополію; о томъ же, что Алексій былъ воспринятъ отъ купели Іоанномъ Даниловичемъ, былъ намѣстникомъ митрополиту Ѳеогносту и епископомъ владимір-

скимъ, равно какъ объ имени патріарха, вовсе умалчиваетъ. Последняя часть житія св. Алексія у Питирима очень кратка: въ ней только перечисляются имена епископовъ, рукоположенныхъ Алексіемъ и говорится объ основаніи имъ Чудовской обители, а затѣмъ о его смерти и погребеніи. Пахомій гораздо обильнѣе въ этой части: не перечисляя именъ означенныхъ епископовъ, онъ повѣствуетъ, что митрополитъ Алексій прежде всего путешествовалъ въ орду къ царю Бердибеку для утоленія его гнѣва, по возвращеніи изъ орды основалъ монастыри—Андрониковъ въ Москвѣ, Благовѣщенскій въ Нижнемъ-Новгородѣ, Константиноеленскій во Владимірѣ; потомъ вновь путешествовалъ въ орду для исцѣленія царицы Тайдулы, по возвращеніи—основалъ Чудовъ монастырь, бесѣдовалъ съ препод. Сергіемъ радонежскимъ, желая имѣть его своимъ преемникомъ, и вскорѣ затѣмъ скончался. Но и тутъ не обошлось безъ ошибокъ: Пахомій изображаетъ, будто св. Алексій путешествовалъ для утоленія царя Бердибека гораздо прежде, чѣмъ для исцѣленія царицы Тайдулы, а на дѣлѣ было совсѣмъ наоборотъ; будто Алексій основалъ нижегородскій Благовѣщенскій монастырь гораздо прежде, нежели Чудовъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ последній основалъ за пять лѣтъ прежде Благовѣщенскаго нижегородскаго; говоритъ еще, будто именно великій князь Иванъ Ивановичъ задумалъ основать Андрониковъ монастырь, хотя далѣе самъ же разсказываетъ, что монастырь этотъ основанъ митрополитомъ Алексіемъ по данному имъ прежде обѣту. Нельзя не замѣтить, что въ своихъ разсказахъ объ основаніи монастырей Андроникова и Чудова и о последней бесѣдѣ митрополита Алексія съ препод. Сергіемъ Пахомій несомнѣнно пользовался житіемъ послѣдняго, которое составлено Епифаніемъ, хотя умалчиваетъ о томъ. Вообще же весь этотъ біогра-

фическій трудъ Пахомія, совершенный въ честь святителя Алексія, нельзя не назвать крайне несовершеннымъ.

Въ Новгородѣ, или по порученію новгородскаго владыки Іоны, Пахомій написалъ, прежде всего, сказаніе о чудѣ препод. Варлаама хутынскаго, совершившемся въ 1460 г. надъ постельникомъ великаго князя Василія Васильевича Григоріемъ, потомъ — житія того же препод. Варлаама, великой княгини Ольги, препод. Саввы вишерскаго и новгородскаго архіепископа Евѳимія, вмѣстѣ съ канонами имъ ([145]). Препод. Варлаамъ скончался еще въ 1193 году: потому устныхъ извѣстій о жизни его, вполнѣ достовѣрныхъ, Пахомій, конечно, не могъ въ свое время услышать ни отъ кого. Но существовало уже житіе Варлаама, кѣмъ-то написанное, очень краткое и крайне скудное по содержанію, съ описаніемъ и чудесъ преподобнаго ([146]). Этимъ-то готовымъ житіемъ, по обычаю своему, и воспользовался Пахомій, частію переписавъ его почти дословно, а частію измѣнивъ въ немъ только слогъ болѣе витіеватыми оборотами рѣчи. Отъ себя же прибавилъ въ началѣ житія—предисловіе, въ которомъ говоритъ о поѣздкѣ своей въ Хутынь монастырь, по порученію владыки Евѳимія, для собиранія свѣдѣній о преподобномъ, а въ концѣ житія свое сказаніе объ упомянутомъ чудѣ—1460 г., прежде написанное, и похвальное

([145]) Повѣсть о Іонѣ архіеп. новг., въ Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 31.

([146]) Это житіе, вмѣстѣ съ канономъ и похвальнымъ словомъ пр. Варлааму, помѣщено еще въ минеи мѣсячной за ноябрь, пис. въ 1438 г. (Обозр. пергаменн. рукоп. Новг. Соф. библ., въ Извѣст. II-го Отд. Акад. Наукъ, VI, 294 – 295); потомъ упоминается въ 1460 г. (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 321). А впослѣдствіи встрѣчается въ разныхъ рукописяхъ (нашей библ. № 51, л. 272 и № 65, л. 149) и напечатано, подъ 6-мъ числомъ ноября, несполна въ Прологѣ и сполна въ Чети-минеи, только съ измѣненіемъ слога.

слово препод. Варлааму ([147]). Еще менѣе могъ слышать Пахомій устныхъ достовѣрныхъ сказаній о равноапостольной княгинѣ Ольгѣ, скончавшейся въ X вѣкѣ; да и письменныхъ могъ найти весьма немного, только въ древней лѣтописи и у мниха Іакова. И какое бы изъ двухъ извѣстныхъ житій блаженной Ольги, встрѣчающихся въ рукописяхъ XV — XVI в., мы ни приписали нашему автору: оба эти житія очень кратки ([148]). А можетъ быть, ни одно изъ нихъ не принадлежитъ ему и подлинное сочиненіе Пахомія объ Ольгѣ, если только оно дѣйствительно было имъ написано, до насъ не дошло. Но нельзя не удивляться, что почти столько же скуднымъ вышло у Пахомія житіе препод. Саввы вишерскаго, его современника. Савва подвизался неподалеку отъ Новгорода и умеръ въ 1460 году, или нѣсколько прежде: о немъ можно было собрать самыя свѣжія и подробныя свѣдѣнія. А Пахомій ограничился лишь тѣмъ, что воспользовался готовымъ житіемъ Саввы, написаннымъ въ 1464 г. однимъ изъ его преемниковъ въ обители Геласіемъ, прибавивъ отъ себя къ житію только приступъ и заключеніе, въ которомъ упоминаетъ, что писалъ по порученію архіепископа Іоны и, вѣроятно, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія въ слогѣ ([149]). Болѣе усердія показалъ Пахомій при составленіи житія новгородскаго архіепископа Евѳимія (1458). Житіе это удачнѣе всѣхъ, написанныхъ тѣмъ же авторомъ въ Новгородѣ. Подъ конецъ предисловія къ житію, изложеннаго, впрочемъ, очень невразумительно, Пахомій замѣчаетъ, что дерзнулъ описывать жизнь Евѳимія не по своему мудрованію, но по по-

---

([147]) *Ключевск.* Тамъ же, 140—143.

([148]) См. нашей Ист. Русск. Церкв. I (изд. 2), 87, (изд. 3), 82—83, прилож. №№ 1 и 5.

([149]) Опис. рукоп. *Царск.*, стр. 63; *Макар.* Минеи-Чет., изд. Арх. Комм., окт. 1, стр. 25—39; *Ключев.* 156—158.

велѣнію владыки новгородскаго Іоны, бывшаго искреннимъ другомъ Евѳимія, пока онъ былъ живъ, и потомъ сдѣлавшагося его преемникомъ на каѳедрѣ. Въ самомъ житіи довольно подробно разсказываетъ, что Евѳимій родился въ Новгородѣ, обучился грамотѣ, постриженъ въ Вяжицкомъ монастырѣ, былъ казначеемъ при владыкѣ Симеонѣ, игуменомъ въ монастырѣ на Лисичьей горѣ, избранъ во архіепископа и рукоположенъ въ Смоленскѣ митрополитомъ Герасимомъ; затѣмъ такъ же подробно говоритъ о милосердіи и постничествѣ Евѳимія, о построеніи и украшеніи имъ храмовъ, о его кончинѣ и погребеніи, о его чудесахъ по смерти и оканчиваетъ все краткою ему похвалою. Біографія эта всецѣло принадлежитъ самому Пахомію и составлена имъ по свѣжимъ преданіямъ и разсказамъ современниковъ о святителѣ, а отчасти, можетъ быть, и по собственнымъ наблюденіямъ: такъ какъ авторъ лично зналъ святителя въ послѣдніе годы его жизни (150).

Тѣ же главныя мысли, какія изложилъ Пахомій въ приступѣ къ житію святителя Алексія, и такъ же неудобопонятно, раскрываетъ онъ и въ приступѣ къ житію препод. Кирилла Бѣлозерскаго († 1427), только длиннѣе и подробнѣе, а въ оправданіе себя, что, будучи иноземцемъ, рѣшился описывать жизнь неизвѣстнаго ему подвижника, говоритъ слѣдующее: «Помыслитъ ли кто, что я изъ иной земли и не знаю хорошо о святомъ,—правда: я не видѣлъ блаженнаго моими очами; но, еще будучи далеко, я слышалъ о святомъ, какія чудеса творитъ Богъ ради его, и весьма удивился. А когда, по повелѣнію самодержца, вел. князя Василія Васильевича, и по благословенію Ѳеодосія, митрополита всея Руси, я долженъ былъ итти

(150) Напеч. въ Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 16—21.

въ обитель святаго и тамъ своими ушами слышать о чудесахъ, бывающихъ отъ богоноснаго отца, я предпринялъ великій трудъ, по дальнему разстоянію того мѣста, и, влекомый усердіемъ и любовію къ святому, какъ бы нѣкіимъ длиннымъ ужемъ, совершилъ путь и достигъ обители святаго. Тамъ я видѣлъ настоятеля обители, именемъ Кассіана, мужа, достойно игуменствовавшаго много лѣтъ и состарѣвшагося въ трудахъ постническихъ. Онъ еще болѣе началъ мнѣ говорить, чтобы я написалъ нѣчто о святомъ: ибо имѣлъ великую вѣру къ блаженному Кириллу и былъ самовидцемъ блаженнаго и истиннымъ сказателемъ многихъ его чудесъ. Нашелъ я тамъ и многихъ другихъ учениковъ его, которые много лѣтъ жили со святымъ и во всемъ ревновали своему учителю.... Я вопросилъ ихъ о святомъ, и они начали бесѣдовать со мною о житіи святаго и о чудесахъ, бывающихъ отъ него.... Особенно же я слышалъ о житіи его отъ самовидца достовѣрнѣйшаго, отъ самого ученика его Мартиніана, бывшаго игумена Сергіевой обители, который съ малаго возраста жилъ со св. Кирилломъ и зналъ о немъ истинно. Онъ сказалъ мнѣ о святомъ все по порядку, и я, слушая, удивился и, сильнѣе огня, воспалялся желаніемъ и любовію ко святому. Хотя я и грубъ и ненаученъ нынѣшней мудрости, но, исполняя данное мнѣ повелѣніе,... и собравъ воедино все, слышанное мною,... я простеръ руку мою къ повѣсти». Въ этой повѣсти или житіи препод. Кирилла Пахомій разсказываетъ по порядку о его рожденіи и постриженіи въ иноки, о его послушаніяхъ и настоятельствѣ въ Симоновой обители, о переселеніи его на Бѣло-озеро и основаніи тамъ новой обители; описываетъ его монастырскій уставъ и чудеса, совершенныя имъ еще при жизни; излагаетъ его духовное завѣщаніе и обстоятельства его кончины; повѣствуетъ о его чу-

десахъ, совершенныхъ по смерти, при чемъ мимоходомъ упоминаетъ о всѣхъ трехъ его преемникахъ на игуменствѣ до четвертаго—Кассіана; помѣщаетъ краткую «похвалу» препод. Кириллу, начинающуюся тѣми же словами, какъ и похвала святителю Алексію («такова бяху Кириллова исправленія и произволенія, такова...»), снова говоритъ о самомъ себѣ и о томъ, что заставило его написать настоящее житіе и оканчиваетъ свою повѣсть молитвою къ преподобному. Не станемъ дѣлать извлеченій изъ этой повѣсти, которыя уже сдѣланы были нами въ иномъ мѣстѣ; но замѣтимъ, что, по богатству содержанія и достовѣрности свѣдѣній, въ ней передаваемыхъ со словъ очевидцевъ, она, безъ сомнѣнія, есть самое лучшее изъ сочиненій Пахомія Логоѳета (151).

Остаются еще три житія, приписываемыя Пахомію, которыя составилъ онъ, неизвѣстно въ какое время, именно: житія препод. Никона, игумена Троицко-Сергіевой лавры и новгородскихъ архіепископовъ Моисея и Іоанна. Но всѣ эти сочиненія невысокаго достоинства. Первое, при начертаніи котораго авторъ пользовался частію заимствованіями изъ своего же житія препод. Сергія, а частію разсказами старцевъ, бывшихъ учениками и современниками Никона, очень кратко и не обнимаетъ всѣхъ случаевъ изъ жизни преподобнаго. Второе, по-видимому, обширнѣе. Но если отдѣлить отъ него, въ началѣ, предисловіе, которое почти дословно то же, какое помѣстилъ Пахомій и при житіи архіепископа Евѳимія, а въ концѣ — «похвальное слово», составляющее цѣлую половину сочиненія,

(151) Нашей Ист. Русск. Церк. IV, прилож. № XXI. Самое житіе пр. Кирилла, встрѣчающееся во многихъ рукописяхъ, есть и въ Сборн. нашей библ. № 2, л. 101—156.

и, можетъ быть, принадлежащее другому автору, то увидимъ, что Моvсеево житіе даже короче и бѣднѣе по содержанію, нежели Никоново. Наконецъ, третье житіе—св. Іоанна новгородскаго, хотя дѣйствительно обширно и нескудно содержаніемъ, но большею частію основано на устныхъ преданіяхъ и сказаніяхъ, иногда если неизмышленныхъ, то разукрашенныхъ и даже искаженныхъ въ подробностяхъ народною фантазіею, а кромѣ того не чуждо и нѣкоторыхъ хронологическихъ несообразностей (152).

Изъ похвальныхъ словъ Пахомія Логоѳета извѣстны: препод. Варлааму хутынскому, на покровъ Пресвятой Богородицы, св. Михаилу, князю черниговскому, и на перенесеніе мощей митрополита Петра. Мы остановимся только на трехъ послѣднихъ словахъ, такъ какъ первое знаемъ по одному заглавію (153).

«Если родъ человѣческій обыкъ праздновать памяти святыхъ съ похвалами, — такъ начинается похвальное слово на покровъ Пресвятыя Богородицы, — тѣмъ болѣе мы должны съ любовію почитать праздники святѣйшей всѣхъ царицы, пречистой владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и, какъ Высшей святыхъ, приносить Ей и высшую похвалу, какъ Царицѣ и Владычицѣ, родившей Царя и Владыку всѣхъ. Еще недавно мы праздновали праздникъ рождества пречистыя Богоматери: тогда, рождествомъ Ея, праматерняя клятва потребилась, и Адамъ освободился отъ вѣчныхъ узъ, и Богъ примирился съ нами; тогда утверждалась лѣствица Іаковля, по

---

(152) Первое житіе указано въ Опис. рукоп. *Царск.*, стр. 51. 59. Второе напеч. въ Памятн. стар. Русск. Литер. IV, 10. Третье — въ *Макар.* Мин.-Чет., Сент. 7, стр. 327. О всѣхъ трехъ—*Ключев.* 147. 152. 161.

(153) Опис. рукоп. *Толст.* 501; Опис. Румянц. Муз. 206; Библ. Моск. Истор. Общ. 21.

которой Богъ хотѣлъ снизойти къ людямъ, а людямъ указать путь на небо.... Тогда пророки возрадовались, видя исполненіе своихъ пророчествъ, и Давидъ, видя родившуюся отъ сѣмени его правнуку, бряцая въ гусли и играя духомъ, восклицалъ: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и возжелаетъ царь доброты твоея.* Тогда не только пророки, но и вся тварь, небесная и земная, праздновала. А нынѣ насталъ новѣйшій честный праздникъ покрова Владычицы-Богородицы, да познаютъ всѣ, что Она не только ходатайствовала за насъ предъ своимъ Творцемъ и Сыномъ, когда находилась на земли съ нами, но еще болѣе, по преставленіи своемъ отъ земли на небо, непрестаетъ посѣщать насъ своею милостію, какъ показываетъ нынѣшній праздникъ». Затѣмъ кратко разсказано извѣстное видѣніе св. Андрея юродиваго и ученика его Епифанія, послужившее поводомъ къ установленію праздника покрова Пресв. Богородицы. Послѣ этой, такъ сказать, исторической части слова слѣдуетъ нравственная, и проповѣдникъ говоритъ: «Будемъ же воздавать достойную честь Царицѣ и Владычицѣ, не потому чтобы Она отъ насъ требовала похвалъ или славы, но болѣе, чтобы намъ Ею прославиться. Священники и цари, и всѣ племена человѣческія, богатые и нищіе, и всѣ люди да воспоютъ праздничную хвалу, и да прославятъ Матерь Божію и нашу помощницу, и каждый да принесетъ Ей въ благодарность, одинъ смиреніе съ благоговѣніемъ, другой—постъ и молитву, иные же да простираютъ руки къ раздаянію требующимъ пособій, еще иный да отпуститъ брату его согрѣшеніе. Такія приношенія будутъ пріятны Богородицѣ; такими дѣлами мы Ее возвеличимъ, а не тимпанами, не гуслями, не пьянствомъ, какъ творятъ язычники.... Она украшена чистотою, какъ царскою багряницею, и съ Царемъ, какъ Мать,

соцарствуетъ: воспоемъ Ее, какъ честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую серафимъ. если еще скажу, какъ высшую неба и земли и всѣхъ бывшихъ тварей отъ Адама, то не погрѣшу.... Сами ангелы и архангелы, со страхомъ и благоговѣніемъ, приносятъ Ей пѣніе, какъ Царицѣ и Матери ихъ Творца: а мы, грѣшные, какими устами восхвалимъ Ее, пречистую?....». Обращаясь въ частности къ предмету праздника, проповѣдникъ продолжаетъ: «кто исповѣдаетъ бывшее нынѣ преславное чудо Владычицы, Ея явленіе своимъ угодникамъ и молитвенное предстательство предъ Сыномъ своимъ и Богомъ о согрѣшающихъ? Какое благодареніе воздадимъ за Ея благодѣяніе, или какое воспоемъ пѣніе? Развѣ только скажемъ Ей ангельское привѣтствіе: *радуйся, благодатная, Господь съ Тобою*, а чрезъ Тебя и съ нами; радуйся, словесный рай, въ которомъ насаждено было божественное древо—Христосъ, а не то древо, что умертвило Адама...; радуйся, архангельское ликованіе, и ангельское веселіе, и земнородныхъ обновленіе...; радуйся пресвѣтлое свѣтило незаходимаго свѣта, освящающаго всю тварь и отгоняющаго тьму невѣрія!... Радуйся и ты, блаженный и преблаженный Андрѣе, отче нашъ, бывшій таинникомъ и зрителемъ неизреченныхъ видѣній! Радуйся и ты, блаженный Епифаніе, удостоившійся именоваться ученикомъ такого учителя! Блаженны и всѣ люди, которые празднуютъ пречестные праздники твои, Владычице!...». Слово оканчивается молитвою къ Богородицѣ, да не престаетъ Она покрывать своимъ честнымъ омофоромъ всѣхъ вѣрующихъ ([154]).

Въ похвальномъ словѣ св. Михаилу, князю черниговскому,

([154]) Сборн. нашей библ., № 65, л. 98; *Макар.* Мин. - Чет., Окт. 1. стр. 17.

и боярину его Θеодору, которое въ нѣкоторыхъ рукописяхъ называется «твореніемъ іеромонаха Пахомія св. горы», ему принадлежитъ почти только одинъ слѣдующій, неискусный, приступъ: «Что скажу и о чемъ буду бесѣдовать? Прежде всего о мужествѣ и доблести, о подвигахъ и страданіи достохвальнаго великаго князя Михаила, воспоминая древнюю память сего приснопамятнаго мужа, который отъ юнаго возраста соблюлъ чистоту тѣлесную и душевное незлобіе, любовь къ Богу и непорочную вѣру, и сохранилъ чистое исповѣданіе, кротость нрава и милосердіе къ нищимъ: о всемъ этомъ изъявитъ далѣе писаніе, а болѣе сама истина. Когда сей преждереченный князь Михаилъ, о которомъ намъ нынѣ предлежитъ слово, держалъ великое княженіе черниговское, въ то время прошелъ слухъ о нашествіи безбожныхъ варваровъ, и всѣ православные находились въ великомъ страхѣ. Такъ попускаетъ Богъ за грѣхи наши и направляетъ людей къ исправленію то гладомъ, то смертоносною язвою, то междоусобными бранями. А если люди отъ того не исправляются, то наводитъ на нихъ тягчайшее наказаніе, каково нашествіе иноплеменныхъ, да уцѣломудрятся хоть отъ него и обратятся отъ грѣховъ своихъ.... Сначала наказываетъ малыми казнями, а потомъ на непослушавшихъ наводитъ великія, какъ сказалъ пророкъ: *аще хощете и послушаете мене, благая земли снъсте, аще ли не послушаете мене, мечь вы поястъ: уста бо господня глаголаша сія*». Далѣе пересказывается, отъ начала до конца, почти безъ всякихъ перемѣнъ, извѣстная уже намъ повѣсть отца Андрея о мученической кончинѣ князя Михаила и боярина его Θеодора, сочиненная еще во второй половинѣ XIII в. ([155]). И

(155) Нашей Ист. Р. Церк. V, прилож. № 5.

только въ заключеніи повѣсти прибавлена краткая молитва: «но о мученики великоименитые и исповѣдники! Исповѣдавъ Христа, истиннаго Бога предъ злочестивымъ царемъ и мучителемъ, молите за насъ непрестанно, да сохранится безъ вреда отечество наше, и князья наши да получатъ помощь на враговъ, а мы да обрѣтемъ милость и оставленіе грѣховъ въ день суда отъ Господа нашего Іисуса Христа, которому слава...» и проч. Если, по началу своему, сочиненіе это имѣетъ характеръ слова, то, по главному содержанію, справедливѣе можетъ быть названо житіемъ, какъ и называется въ нѣкоторыхъ рукописяхъ ([156]).

Похвальное слово на перенесеніе мощей святителя московскаго Петра есть, въ точномъ смыслѣ, произведеніе іеромонаха Пахомія. Приступая къ этому слову, проповѣдникъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ мыслей, неразъ повторенныхъ имъ и въ другихъ сочиненіяхъ, что прославлять святыхъ похвалами — дѣло полезное и богоугодное, продолжаетъ: «ктожъ изъ людей возможетъ достойно похвалить сего великаго іерарха, пріявшаго власть апостоловъ и бывшаго ревнителемъ ихъ божественнаго житія? Если и древніе писатели затруднялись описывать и восхвалять жившихъ по Богѣ, ради ихъ жестокаго житія и любви къ Богу: то еще труднѣе въ нынѣшнее, послѣднее время хотящимъ восхвалить такого великаго мужа, хотя бы они имѣли ангельскіе языки. Но я покусился на это великое дѣло, превышающее мои силы, не на разумъ свой уповая, но по повелѣнію самодержца всея Руси, а еще болѣе и самого архіерея, держащаго высокій престолъ того великаго Петра. Посему, воз-

([156]) Сборн. нашей библ., № 65, л. 78; *Макар.* Мин.-Чет., Сент. 20, стр. 1298.

лагая всю надежду на всесильнаго Бога, могущаго умудрить меня на божественное дѣло, и призвавъ на помощь молитвы святаго и дивнаго въ архіереяхъ митрополита Петра, я хочу, насколько возможно мнѣ, худѣйшему, простереть къ вашему благочестивому слуху бесѣду о перенесеніи честныхъ мощей того блаженнаго отца, какъ и когда и по какой винѣ случилось это перенесеніе. Ты же, пречудный и дивный въ архіереяхъ и превеликій въ чудесахъ.... Петре, да не оскорбишься моимъ дерзновеніемъ, что я моею недостойною рукою осмѣливаюсь отчасти коснуться твоему величеству.... Знаю, что хотя бы я и много глаголалъ, но невозможно постигнуть и повѣдать силу твоего величества. Но ты помощь мнѣ ниспошли и разрѣши недоумѣнія». Въ самомъ словѣ можно различать какъ бы двѣ половины, хотя не совсѣмъ равныя. Въ первой проповѣдникъ повѣствуетъ, какъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ и митрополитъ Филиппъ рѣшились воздвигнуть въ Москвѣ новую церковь успенія Пресвятыя Богородицы, взамѣнъ устарѣвшей, построенной еще св. Петромъ—митрополитомъ: какъ, при разобраніи старой церкви, открыли сперва и перенесли въ новую мощи митрополитовъ — Кипріана, Фотія и Іоны, «мало предъ симъ лѣтъ,—замѣчаетъ авторъ,—блаженнымъ сномъ въ вѣчный покой уснувша»,—при чемъ, въ видѣ отступленія, разсказываетъ о двухъ чудесахъ отъ Іоны,—какъ потомъ митрополитъ собралъ всѣхъ архіереевъ и вмѣстѣ съ ними открылъ и перенесъ въ новую церковь мощи святителя Петра, въ присутствіи государя и безчисленнаго народа, и установилъ по этому случаю праздникъ ([157]). Въ послѣдней части слова проповѣд-

---

([157]) Здѣсь въ Словѣ, по нашему списку, сдѣлана перемѣна. Вмѣсто того, чтобы сказать, что праздникъ установленъ 1-го іюля, какъ дѣйствительно и

никъ то прославляетъ Бога, дивнаго во святыхъ, то восхваляетъ святителя и говоритъ: «сей божественный Петръ, о которомъ намъ предлежитъ нынѣ слово, пришелъ въ виноградъ Христовъ не въ одиннадцатый часъ, но отъ самаго юнаго возраста день и ночь работалъ Господу, и не какъ наемникъ, но какъ наслѣдникъ, много увеличилъ отцовское наслѣдіе, и данный ему талантъ закопалъ не въ землю, но въ сердца вѣрующихъ, и принесъ Христу многую куплю... Но что еще говорить?... Чудеса твои, святителю, уподобились рѣчнымъ потокамъ, которые исходятъ изъ земли и напаяютъ землю, и сколько ни текутъ, не умаляются отъ своего теченія: такъ и твои честныя мощи, сколько ни пріемлютъ отъ нихъ люди, все болѣе преизобилуютъ, подавая всѣмъ не только тѣлесное, но и душевное здравіе...». Перечисливъ затѣмъ еще разныя высокія достоинства и дѣянія святителя Петра, хотя болѣе общими чертами, съ частыми повтореніями одного и того же и безъ всякаго порядка, проповѣдникъ оканчиваетъ слово довольно длинною молитвою къ угоднику Божію, чтобы онъ предстательствовалъ за всѣхъ, чтущихъ его память и празднующихъ перенесеніе его честныхъ мощей ([158]).

Литературная дѣятельность у насъ серба Пахомія всего

было при перенесеніи мощей святителя въ 1472 г. (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 196), которое въ словѣ и описано, здѣсь сказано, что праздникъ установленъ 24 августа, какъ было уже при второмъ перенесеніи тѣхъ же мощей въ 1479 г., которое въ настоящемъ словѣ вовсе даже не упомянуто. Ошибка, вѣроятно, произошла оттого, что, послѣ этого вторичнаго перенесенія мощей, празднованіе въ честь перенесенія ихъ перемѣщено было съ 1 іюля на 24 августа.

([158]) Сборн. нашей библ., № 39, л. 130. Въ печатномъ прологѣ помѣщено подъ 24 августа сокращеніе этого слова, а по мѣстамъ и повтореніе буквальное.

яснѣе показываетъ, какъ невысоко было тогда образованіе даже въ болѣе образованныхъ слояхъ нашего общества. Пахомія признавали чѣмъ-то необыкновеннымъ по уму, мудрости и разнороднымъ познаніямъ и считали самымъ искуснымъ, если не единственнымъ составителемъ житій и службъ церковныхъ ([159]). Ему поручали это дѣло самъ великій князь и митрополитъ съ соборомъ епископовъ, его просили о томъ же епархіальные іерархи. И «творенія» Пахомія охотно переписывались, входили въ церковное употребленіе и даже дѣлались образцами для послѣдующихъ писателей. Почти всѣ его житія и похвальныя слова во второй четверти XVI вѣка удостоились быть внесенными въ Макарьевскія Четиминеи. А между тѣмъ каковы эти послѣднія творенія, нами разсмотрѣнныя? Изъ десяти житій и четырехъ похвальныхъ словъ, которыя также содержанія преимущественно историческаго, только два житія и два слова можно назвать твореніями или произведеніями самого Пахомія. А всѣ прочія сочиненія болѣе чужія, которыя онъ то передѣлалъ наскоро, то сократилъ и измѣнилъ, не вездѣ удачно, то по мѣстамъ цѣликомъ переписалъ, то дополнилъ иногда сказаніями объ открытіи мощей, о чудесахъ, а чаще своими предисловіями и заключеніями. И во всѣхъ этихъ предисловіяхъ, какъ и вообще во всѣхъ его сочиненіяхъ, гдѣ только онъ разсуждаетъ, а не повѣствуетъ только, замѣтна скудость мысли, отсутствіе изобрѣтательности и повтореніе одного и того же; не видно ни силы ума, ни богатства познаній. Слогъ у Пахомія, когда онъ

([159]) Одинъ изъ современниковъ Пахомія изображаетъ его, какъ «мужа благочестива..., отъ юности съвершена въ божественномъ писаніи и во всякомъ наказаніи книжномъ и въ философскомъ истинномъ ученіи.... яко превзыти ему мудростію и разумомъ всѣхъ книгчій» (Сборн. М. Синод. библ. № 630, л. 146; *Ключев.* 154).

ведетъ разсказъ, большею частію, простъ и довольно понятенъ, хотя не вездѣ правиленъ; но въ приступахъ къ житіямъ и похвальнымъ словамъ, гдѣ обыкновенно излагаются общія мысли, напыщенъ, растянутъ, не точенъ и мало вразумителенъ.

Достойно замѣчанія, что Пахомій писалъ житія не только святыхъ, уже прославленныхъ и признанныхъ всею церковію (святителя Алексія и преп. Сергія радонежскаго), но и святыхъ, еще не признанныхъ церковію, а мѣстно чтимыхъ (Моисея новгородскаго, Никона радонежскаго) и даже лицъ, недавно скончавшихся (Евѳимія новгородскаго, Саввы вышерскаго). Это, впрочемъ, было тогда у насъ довольно обычно. Мы уже упоминали о житіи Саввы вышерскаго и похвальномъ словѣ въ честь его, написанныхъ, вдругъ по смерти его, преемникомъ его Геласіемъ, которыми и воспользовался Пахомій. Равно и другіе наши тогдашніе писатели то описывали чудеса или цѣлыя житія святыхъ, уже прославленныхъ, то составляли сказанія о мужахъ, еще мѣстно чтимыхъ и недавно скончавшихся.

Дьякъ митрополита Іоны, Иродіонъ Кожухъ написалъ «сказаніе» о чудѣ препод. Варлаама хутынскаго, случившемся въ 1460 году, которое, какъ мы упоминали, тогда же описано было и Пахоміемъ. Въ свитѣ великаго князя Василія Васильевича, посѣтившаго тогда Новгородъ, находился отрокъ—постельникъ князя, по имени Григорій. Онъ подвергся тяжкой и мучительной болѣзни, и въ продолженіе восьми сутокъ оставался безъ всякой пищи. Во время болѣзни онъ имѣлъ видѣніе: ему представился препод. Варлаамъ, который обнадежилъ его въ своей помощи и благословилъ его своимъ крестомъ. Вслѣдствіе этого видѣнія отрокъ упросилъ везти его въ Хутынь монастырь и, если скончается, по крайней мѣрѣ, похоронить тамъ. На пути, дѣйствительно, больной скончался: но

когда привезли его ко гробу препод. Варлаама, тотчасъ ожилъ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, иноковъ и мірянъ. Вскорѣ пріѣхали въ обитель великій князь съ своими двумя сыновьями и затѣмъ архіепископъ Іона, разспрашивали воскресшаго отрока и свидѣтелей, и прославили Бога и Его угодника. Составитель «Сказанія» объ этомъ чудѣ находился самъ въ числѣ свидѣтелей его, очевидцевъ, и потому-то понудилъ себя написать о немъ. Въ заключеніи сказанія онъ помѣстилъ краткую похвалу препод. Варлааму, въ которой, между прочимъ, взывалъ: «радуйся пресвѣтлый свѣтильниче, возсіявый во тьмѣ невѣдѣнія...; радуйся стражъ крѣпокъ земли нашей и великаго Новагорода....; радуйся всѣмъ православнымъ окормителю; радуйся предстателю и помощниче святѣй сей обители, въ ней же чудотворныя твоя положени суть мощи....» ([160]).

По благословенію митрополита Филиппа (1464 — 1473) и по волѣ великаго князя Ивана Васильевича, іеромонахъ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ Антоній написалъ житіе смоленскаго и ярославскаго князя Ѳеодора Ростиславича (1299). Поводомъ къ составленію житія, безъ сомнѣнія, послужило совершившееся тогда открытіе мощей князя Ѳеодора и двухъ его сыновъ Константина и Давида. Это житіе, помѣщенное въ Макарьевской Четиминеи и съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями въ Степенной книгѣ, содержитъ любопытныя свѣдѣнія, какъ нашъ князь смоленскій служилъ, еще въ первый періодъ монгольскаго ига, при дворѣ монгольскаго хана, какъ женился на его дочери, принявшей крещеніе, какъ за разрѣшеніемъ этого брака посылали въ Царьградъ къ патріарху и проч. Не менѣе любопытенъ въ житіи разсказъ объ откры-

([160]) П. Собр. Русск. Лѣт. VI, 320—325.

тіи мощей: въ Ярославлѣ оно совершено еще въ 1463 г. одними мѣстнымъ духовенствомъ, а епархіальному архіепископу Трифону дали знать о томъ въ Ростовъ уже спустя немало времени. Трифонъ сначала не повѣрилъ чудесамъ новоявленнаго чудотворца и послалъ своего протоіерея освидѣтельствовать мощи. Посланный приступилъ къ освидѣтельствованію также съ полнымъ невѣріемъ и дерзостію; но былъ пораженъ невидимою силою и повергся на землю, какъ бы мертвый. Самъ архіепископъ, при вѣсти объ этомъ чудѣ, впалъ въ разслабленіе, и, раскаиваясь въ своемъ невѣріи, поспѣшилъ въ Ярославль къ мощамъ новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ, пѣлъ предъ ними молебны, и получилъ исцѣленіе. Житіе написано уже послѣ 1468 года, т. е., по смерти архіепископа Трифона, о которой упоминаетъ, но прежде 1473 г., когда скончался митрополитъ Филиппъ. Сочинитель воспользовался, между прочимъ, двумя краткими записками о князѣ Ѳеодорѣ, прежде составленными, — запискою о жизни и преставленіи его и запискою объ открытіи мощей его, а въ предисловіи къ житію переписалъ, съ небольшими перемѣнами, предисловіе Пахомія Логоѳета къ житію митрополита Алексія ([161]).

Новгородскій архіепископъ Іона скончался въ 1470 году (5 ноября). Чрезъ два года по смерти его, кто-то изъ новгородцевъ написалъ «Воспоминаніе» о немъ или его житіе Въ началѣ этого сочиненія неизвѣстный говоритъ: «хорошо воспомянуть, хотя краткимъ словомъ, и блаженнаго нашего пастыря Іону....; онъ возсіялъ предъ нашими очами, и всѣ мы были

([161]) *Макар.* Великія Минеи-Четіи, Сент. 19, л. 1261, Спб. 1869; Опис. Румянц. Муз. 433; Библ. М. Истор. Общ. 142; Степ. кн. I, 392 — 401; *Ключевск.* 171—173.

свидѣтелями его добродѣтелей и благодѣяній». А въ концѣ житія замѣчаетъ: «вотъ уже второе лѣто исходитъ по успеніи святителя, и никто до днесь не обонялъ смрада отъ гроба его, хотя вокругъ гроба постоянно находятся молящіеся люди, а мѣсто мокро и сыро». Самое «Воспоминаніе», если и не чуждо двухъ-трехъ хронологическихъ неточностей, какъ это нерѣдко бываетъ въ воспоминаніяхъ даже современниковъ о какихъ-либо событіяхъ, — зато сообщаетъ довольно подробныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія о пастырской дѣятельности святителя Іоны, о его порученіяхъ Пахомію Логоѳету, отношеніяхъ къ митрополиту Іонѣ и великимъ князьямъ — Василію Васильевичу и Іоанну III. «Московскіе князья много любили его, — пишетъ авторъ, — и часто посылали къ нему писанія, и *желанно* получали отъ него отвѣты. Ибо онъ былъ разуменъ и благъ въ словахъ, а иногда говорилъ какъ бы пророчески.... И не только московскіе великіе князья, но и тверскіе, и литовскіе, и смоленскіе, и полоцкіе, и нѣмецкіе, и всѣ окрестныя страны, во всѣ лѣта его епископства, имѣли твердую любовь къ нему, а съ великимъ Новгородомъ имѣли великій миръ, и страна наслаждалась глубокою тишиною и неслышно было рати во всѣ дни его. Поученіемъ его, граждане имѣли между собою любовь и никогда не воздвигали междоусобной брани: земля была плодоносна больше прежняго во всей новгородской и псковской области и обильна всѣми овощами. Такое благословеніе, по молитвамъ его, Господь Богъ даровалъ граду нашему, и многими благами всѣ мы насладились, всѣмъ была радость и веселіе, и не было вражды, ни мятежа, а были тихость, миръ, любовь во всѣ лѣта его епископства» (162).

(162) Сборн. нашей библ. № 14, л. 46—58; Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 27—35; *Ключевск.* 184—188.

Къ концу XV-го столѣтія, и именно въ 1495 г., составлено житіе препод. Діонисія глушицкаго—инокомъ Глушицкой обители Иринархомъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что принялся за этотъ трудъ, по порученію соборныхъ старцевъ, и написалъ о преподобномъ «то́, что слышалъ отъ блаженныхъ Амфилохія, Макарія и Михаила, жившихъ при св. Діонисіи» (1437), изъ которыхъ два первые, одинъ за другимъ, были и преемниками Діонисія на игуменствѣ. Но, кромѣ устныхъ разсказовъ современниковъ, авторъ несомнѣнно пользовался и существовавшими въ монастырѣ записями или замѣтками о разныхъ событіяхъ, къ нему относящихся, а на записки Макарія, ученика Діонисіева, даже двукратно ссылается. Все это придаетъ достоинство труду Иринарха въ историческомъ отношеніи. А чтобы составить нѣкоторое понятіе о литературныхъ качествахъ этого житія, приведемъ изъ него, для примѣра, разсказъ объ удаленіи препод. Діонисія изъ Покровскаго-Глушицкаго монастыря въ пустыню и основаніи тамъ новаго монастыря—Сосновскаго. «Такъ какъ многіе, пишетъ Иринархъ, приходили къ нему (Діонисію) и нарушали его безмолвіе, то онъ скорбѣлъ и помышлялъ, какъ бы безмолвствовать одному, что̀ и сотворилъ. Онъ вышелъ изъ обители такъ, что никто не зналъ, кромѣ Вѣдающаго тайныя помышленія сердца, и удалился въ пустыню на полуденную страну отъ большой лавры. Пустыня та имѣла болота и дебри непроходимыя.... Онъ походилъ по многимъ мѣстамъ въ той пустынѣ и нашелъ мѣсто на рѣкѣ Глушицѣ, весьма красивое и возвышавшееся надъ другими. На мѣстѣ томъ находилось большое дерево — сосна, отчего и самое мѣсто называлось Сосновецъ. Преподобный возлюбилъ мѣсто это и началъ на немъ трудиться и подвизаться, непрестанно молясь Богу. Имѣлъ же препо-

добный обычай по временамъ возвращаться въ монастырь. Тамъ однажды увидѣли его братія и, пришедши къ нему, умоляли его, чтобы онъ не отлучался отъ нихъ, и жилъ съ ними. И онъ, какъ отецъ чадолюбивый, не презрѣлъ моленія ихъ, но сказалъ: «братіе, я хочу въ той пустынѣ поставить церковь, если Богъ изволитъ; тамъ будетъ положено и тѣло мое». И началъ созидать церковь во имя св. пророка, предтечи и крестителя Господня Іоанна. И вскорѣ, благодатію Божіею, создалъ церковь и, принявъ благословеніе отъ ростовскаго епископа Діонисія, освятилъ олтарь и церковь. Создалъ тамъ и келліи по чину и нѣкоторыхъ изъ братій переселилъ туда на жительство, и завѣщалъ имъ принимать все потребное изъ большой лавры. Они же, принявъ отеческій уставъ и заповѣди, хранятъ ихъ до сего дня, по подобію монастыря». Слѣдуетъ, однакожъ, присовокупить, что въ предисловіи къ біографіи Діонисія, которое авторъ заимствовалъ отчасти изъ послѣсловія Пахомія къ житію препод. Сергія, и въ похвальномъ словѣ препод. Діонисію, которое помѣстилъ въ концѣ этой біографіи, слогъ сочиненія не имѣетъ простоты и ясности, а отличается витіеватостію и туманною напыщенностію ([163]).

Не останавливаясь на другихъ немногихъ житіяхъ и повѣствованіяхъ, появившихся въ послѣдней половинѣ XV вѣка и имѣющихъ мало достоинства историческаго и литературнаго, мы скажемъ еще нѣсколько словъ только о сочиненіи извѣстнаго Паисія Ярославова: «Сказаніе о каменномъ монастырѣ». Здѣсь сообщаются извѣстія не только о самомъ монастырѣ: о его началѣ, о бывшемъ въ немъ пожарѣ (3 сентября 1476 г.)

([163]) Сборн. нашей библ. № 50, л. 26 — 53; Опис. Румянц. Муз. 600; Библ. М. Истор. Общ. 144; *Ключев.* 193—195.

и о созданіи въ немъ новой каменной церкви (1481), но и о замѣчательныхъ его игуменахъ — Діонисіи цареградскомъ и Кассіанѣ, и о замѣчательныхъ его постриженникахъ—Діонисіи глушицкомъ, Александрѣ куштскомъ и князѣ-инокѣ Іоасафѣ каменскомъ. Почти всѣ эти извѣстія очень кратки и отрывочны, но они послужили источниками для послѣдующихъ біографовъ. Въ заглавіи «Сказанія» замѣчено о Паисіи: «той собра отъ многихъ, отъ старыхъ книгъ, послѣ пожара Каменскаго монастыря». Но, по всей вѣроятности, авторъ пользовался и устными преданіями, сохранявшимися въ обители. Потому не удивительно, если въ Сказаніе его вкрались нѣкоторыя неточности и ошибки историческія. Достойно замѣчанія, что въ одномъ мѣстѣ, говоря, какъ препод. Діонисій глушицкій приходилъ въ Ростовъ къ архіепископу Діонисію-цареградцу «благословеніе пріяти» и получилъ отъ него икону Богоматери и разную церковную утварь, Паисій выражается буквально тѣми словами, какими изложено это обстоятельство въ житіи препод. Діонисія глушицкаго Иринархомъ: знакъ, что или одинъ изъ названныхъ писателей имѣлъ подъ руками сочиненіе другаго, или, что̀ еще вѣроятнѣе, у обоихъ находились однѣ и тѣ же прежнія записки. Сказаніе Паисія не могло быть составлено раньше 1482 года: потому что созданіе новаго храма въ обители—послѣднее событіе, о которомъ оно упоминаетъ, случилось въ 1481 г. ([164]).

Въ 1466 году какой-то гость Василій посѣтилъ св. мѣста Палестины и описалъ свое путешествіе. Описаніе это весьма кратко и отзывается всею дѣтскою простотою вѣры, какъ можно видѣть и изъ слѣдующаго небольшаго отрывка: «Мы

([164]) Правосл. Собесѣдн. 1861, I. 197; *Ключев.* 189—192.

видѣли то мѣсто, гдѣ распяли Христа, и гора разсѣлась отъ страха Его, и *изыде кровь и вода* до главы Адамовой. Оттуда сошли мы, гдѣ лежала Адамова голова, и поклонились тамъ. И близъ того мѣста гробъ Мелхиседековъ. Среди церкви пупъ земли, и туда пришелъ Христосъ съ учениками своими и сказалъ: содѣяхъ спасеніе посреди земли. И въ большой церкви вокругъ Божія гроба совершаются службы — греческая, иверская, сербская, фряжская, сирская, яковитская, мелфедская, куфинская, несторіанская, и службы тѣ не престаютъ совершаться ежедневно и до сего дня» ([165]). Другаго сочиненія въ этомъ родѣ мы тогда у насъ не встрѣчаемъ.

II.

Если со второй половины XV вѣка, подъ вліяніемъ совершавшихся событій, наша духовная литература нѣсколько оживилась и какъ бы усилилась,—все же она не произвела ничего новаго и особеннаго. Посланія и житія святыхъ, съ похвальными словами имъ, писались у насъ и прежде, хотя не въ такомъ количествѣ, и иногда писались не только не хуже, а даже лучше, чѣмъ теперь. Эти же роды словесныхъ произведеній, особенно житія, оставались у насъ господствующими и въ послѣдующее время, въ продолженіе почти всего XVI вѣка. Появленіе въ русской церкви ереси жидовствующихъ подѣйствовало на нашу литературу гораздо глубже, нежели всѣ другія событія времени, и вызвало въ ней труды новые, небывалые, нимало не измѣняя и не затрудняя ея обычнаго, прежде установившагося, теченія.

---

(165) *Буслаев*. Истор. Христом. 750—752.

Геннадій, архіепископъ новгородскій (съ конца 1485 г.), первый возсталъ противъ этой ереси, существовавшей и распространявшейся въ Новгородѣ и Москвѣ уже около пятнадцати лѣтъ. Онъ же первый пришелъ потомъ къ убѣжденію, что для успѣшной борьбы съ нею, кромѣ внѣшняго преслѣдованія еретиковъ, необходимо еще дѣйствовать тѣмъ духовнымъ оружіемъ, какимъ дѣйствовали они. А жидовствующіе, для распространенія своего лжеученія между русскими, пользовались преимущественно свящ. книгами ветхаго завѣта; между тѣмъ, какъ у православныхъ, даже у него самого, владыки великаго Новгорода, не оказалось этихъ книгъ.... И вотъ Геннадій рѣшился добыть себѣ нужныя книги, и въ февралѣ 1489 г., между прочимъ, писалъ къ ростовскому архіепископу Іоасафу: «да есть ли у васъ въ Кириловѣ, или Фарафонтовѣ (Ферапонтовѣ), или на Каменномъ, книги: Селивестръ папа римскый, да Аѳанасій Александрійскый, да слово Козмы прозвитера на появльшуюся ересь — на Богумилы, да посланія Фотѣя патріарха ко князю Борису болгарскому, да *Пророчьство*, да *Бытья*, да *Царство*, да *Притчи*, да Менандръ, да *Іисусъ Сираховъ*, да Логика, да Діонисій ареопагитъ? Занеже тѣ книги у еретиковъ есть». Изъ этихъ словъ можно догадываться, что книги ветхаго завѣта, какія имѣли у себя жидовствующіе, были, подобно всѣмъ другимъ, здѣсь исчисленнымъ, въ славянскомъ или русскомъ переводѣ, хотя книги эти, какъ замѣчаетъ Геннадій въ томъ же посланіи къ Іоасафу, были извращены по переводамъ древнихъ іудействовавшихъ еретиковъ: Аквилы, Симмаха и Ѳеодоціона ([166]). Не знаемъ, оты-

---

([166]) «Ино нынѣшніе Жидова еретическое преданіе дрьжатъ, Псалмы Давидовы или пророчества испревращали потому, какъ имъ еретицы предали

скались ли для Геннадія въ монастыряхъ ростовской епархіи тѣ книги, о которыхъ онъ спрашивалъ; но только онъ остался непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи, и плодомъ его пастырскихъ усилій было собраніе въ одинъ составъ всѣхъ книгъ св. писанія, ветхаго и новаго завѣта, въ славянскомъ переводѣ — событіе величайшей важности, составляющее эпоху въ исторіи нашей церкви и, въ особенности, нашей духовной литературы. Ибо только теперь та и другая, благодаря ревности архіепископа Геннадія, обогатились полнымъ спискомъ божественной книги, т. е., Библіи. Что мы видѣли у себя доселѣ? Несомнѣнно, что еще въ IX вѣкѣ славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій перевели на славянскій языкъ съ греческаго всѣ книги свящ. писанія, кромѣ Маккавейскихъ, и что, по обращеніи Россіи къ христіанству, книги эти перенесены были и къ намъ и употреблялись у насъ еще въ XI вѣкѣ, судя по литературнымъ памятникамъ того времени. Есть даже свидѣтельство, что во второй половинѣ XI вѣка у насъ извѣстны были всѣ книги ветхаго завѣта, хотя свидѣтельство довольно позднее и поэтому недовольно рѣшительное ([167]). Но чтобы всѣ эти книги существовали тогда у насъ въ одномъ составѣ, вмѣстѣ съ книгами новаго завѣта, чтобы всѣ эти книги переписывались вмѣстѣ и употреблялись у насъ въ последующіе вѣка, на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Напротивъ, извѣстно, что у насъ постоянно переписывались

Акгила и Симмахъ и Ѳеодоціонъ по Христовѣ пришествіи и по плѣненіи. а не якожъ намъ предали св. апостоли истино тѣхъ 70 мудрыхъ, еже превели жидовскый законъ на еллинскый, за 300 лѣтъ прежде Христова пришествія» (Посл. къ Іоасафу Ярослав., стр. 5, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, VIII, отд. IV).

([167]) Разумѣемъ извѣстное свидѣтельство Поликарпа, писавш. ок. 1230 г., о Никитѣ затворникѣ.

только тѣ свящ. книги, которыя считались необходимыми для богослуженія и для домашняго чтенія, именно — изъ ветхозавѣтныхъ Псалтырь съ нѣсколькими чтеніями изъ другихъ книгъ или пареміями, а изъ новозавѣтныхъ — Евангеліе и Апостолъ. Прочія же книги списывались лишь изрѣдка и отдѣльно одна отъ другой или по нѣскольку вмѣстѣ, и притомъ нѣкоторыя списывались и употреблялись въ одномъ текстѣ безъ толкованій (наприм., Пятокнижіе), другія — съ краткими толкованіями (шестнадцать пророковъ). А нѣкоторыхъ книгъ (наприм., Ездры, Товіи, Юдиѳи) мы вовсе не встрѣчаемъ у себя и слѣдовъ ([168]). Наконецъ, отъ XV вѣка дошелъ до насъ Сборникъ, заключающій въ себѣ даже значительное число библейскихъ книгъ, безъ раздѣленія ихъ на главы, и писанный несомнѣнно до появленія библіи Геннадіевой, хотя, быть можетъ, незадолго. Тутъ находятся книги: Моусея — всѣ пять, Іисуса Навина, Судей, Руѳи, Царствъ — всѣ четыре, Есѳири—до 3-го стиха 10-й главы, Пѣснь пѣсней— сначала съ толкованіемъ Филона карпаѳійскаго, а далѣе въ одномъ текстѣ безъ толкованій, Екклесіастъ, Притчей—до 5-го стиха 24-й главы, притомъ съ пропусками, и Апокалипсисъ съ толкованіемъ Андрея кесарійскаго. Но, очевидно, что въ этомъ Сборникѣ недостаетъ еще болѣе двухъ третей библейскихъ книгъ: нѣтъ въ немъ всѣхъ книгъ новозавѣтныхъ, кромѣ одного Апокалипсиса; а изъ ветхозавѣтныхъ нѣтъ книгъ: Паралипоменонъ—двухъ, Ездры—трехъ, Нееміи, Товита, Іудиѳи, Іова, Псалтыри, Премудрости Соломоновой, Премудрости Си-

---

([168]) Подробнѣе см. въ нашей Истор. Христіанства въ Россіи 183 — 192 (изд. 2); Истор. Русск. Церкви, I, 116 — 117 (изд. 2), 112—113 (изд. 3); II, 206—207 (изд. 2), 197 (изд. 3); V, 244—247 (изд. 1), 249—252 (изд. 2).

раховой; нѣтъ всѣхъ шестнадцати книгъ пророческихъ и трехъ книгъ Маккавейскихъ. Съ другой стороны, въ этомъ Сборникѣ содержатся не однѣ книги библейскія, а вмѣстѣ съ ними и даже между ними помѣщены и многія другія писанія, напримѣръ, житіе Александра македонскаго, выписки изъ хронографовъ, изъ патерика, слово св. Златоуста, уставъ объ избраніи епископовъ и др. Знакъ, что у составителя Сборника вовсе не было мысли отдѣлить библейскія книги отъ всѣхъ писаній человѣческихъ и составить изъ этихъ книгъ одинъ священный кодексъ ([169]). Библія архіепископа Геннадія представляетъ у насъ первый опытъ такого отдѣленія библейскихъ книгъ и такого соединенія всѣхъ ихъ въ одинъ священный кодексъ.

Книги, вошедшія въ составъ этой библіи, по отношенію къ переводу и тексту, раздѣляются на нѣсколько классовъ. Первый классъ: Пятокнижіе Моисеево и Псалтырь помѣщены здѣсь въ древнѣйшемъ, можетъ быть, первоначальномъ, Кирилло-меѳодіевскомъ переводѣ, а книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь, четыре—Царствъ, Притчей, Екклесіастъ и Премудрости Іисуса сына Сирахова — въ переводѣ, хотя также носящемъ слѣды древности, но менѣе или болѣе измѣненномъ и поновленномъ. Можно думать, что всѣ эти книги, въ такихъ именно переводахъ и найдены архіепископомъ Геннадіемъ ([170]). Второй

([169]) Сборникъ этотъ принадлежалъ извѣстному библіографу ***Ундольскому*** и имъ самимъ описанъ (Славяно-Русск. рукописи В. М. Ундольскаго, 1—9, Моск. 1870). Еще свѣдѣнія объ этомъ Сборникѣ можно найти въ статьѣ г. *Невоструева:* «Разсмотрѣніе рецензій, явившихся на Описаніе рукописей Синодальной библіотеки», Спб. (напеч. въ Сборн. статей, читанн. во II-мъ отд. Акад. Наукъ, т. VII).

([170]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ., I, введен. стр. V—VI. Въ помянутомъ (примѣч. 169) Сборникѣ Ундольскаго Пятокнижіе Моисеево и книги Іисуса Навина, Судей, Руѳи, Царствъ и Екклесіаста находятся. дѣйстви-

классъ: книги—Іова, Пѣснь пѣсней, шестнадцать пророческихъ и Апокалипсисъ извлечены изъ толкованій на эти книги, заключавшихъ въ себѣ и самый текстъ ихъ, и именно: книга Іова—изъ толкованія на нее Олимпіодора александрійскаго, въ переводѣ древнемъ (толкованіе это извѣстно нынѣ въ спискѣ 1394 г.); Пѣснь пѣсней—изъ толкованія на нее Филона карпаѳійскаго, въ переводѣ также древнемъ (извѣстно нынѣ по списку XIV в.); шестнадцать книгъ пророческихъ, кромѣ нѣсколькихъ главъ (гл. 1—25 и 46—51), книги пророка Іереміи — изъ толкованія на пророковъ по списку попа Упиря, 1047 года, въ переводѣ древнѣйшемъ, вѣроятно, первоначальномъ; наконецъ Апокалипсисъ—изъ толкованія на него Андрея кесарійскаго, которое извѣстно по спискамъ XIII и XIV в., въ переводѣ древнемъ. Слѣдуетъ предположить, что Геннадій или не нашелъ всѣхъ этихъ книгъ въ одномъ текстѣ, безъ толкованій, или если какія-либо и нашелъ въ одномъ текстѣ, то почему-либо предпочелъ этому тексту другой, извлеченный изъ толкованій на нихъ ([171]). Третій классъ: всѣ Евангелія, Дѣянія и Посланія Апостольскія помѣщены здѣсь въ переводѣ не древнемъ, но исправленномъ и очень близкомъ къ нынѣшнему печатному тексту, вѣроятно, въ томъ самомъ, въ какомъ тогда у насъ употреблялись. Геннадій, конечно, счелъ излишнимъ отыскивать древнѣйшіе списки новозавѣтныхъ книгъ въ

тельно, въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ вошли въ библію Геннадіеву (*Невостр.* Разсмотр. реценз. на Опис. рукоп. Синод. библ., стр. 5 — 6). Не послужилъ ли этотъ Сборникъ однимъ изъ пособій для составителей или редакторовъ библіи Геннадіевой?

([171]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. I, 57. 74. 87. 157. Въ Сборникѣ Ундольскаго книга — Пѣснь пѣсней есть и въ одномъ лишь текстѣ; но этотъ текстъ также извлеченъ изъ толкованія Филона карпаѳійскаго и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поправленъ (*Невостр.* Разсм. реценз., 7. 19).

славянскомъ переводѣ, неоспоримо существовавшіе, имѣя подъ руками готовые списки, общеупотребительные ([172]). Четвертый и послѣдній классъ: тогда какъ всѣ, доселѣ исчисленныя, книги первыхъ трехъ классовъ помѣщены въ библіи Геннадіевой въ переводѣ съ греческаго, двѣ книги Паралипоменонъ, три Ездры, книги Товіи, Юдиои, Премудрости Соломоновой, до тридцати главъ книги пророка Іереміи (гл. 1—25 и 46—51), которыхъ ни текста, ни толкованій нѣтъ въ Уппревомъ спискѣ толкованія на пророковъ и двѣ книги Маккавейскія переведены съ латинской Вулгаты, и, надобно замѣтить, переведены недовольно искусно, безъ достаточнаго знанія, какъ латинскаго, такъ и русскаго языка, а книга Есоирь въ первой своей части (гл. 1—9), существующей и на еврейскомъ языкѣ, переведена съ еврейскаго, во второй же части (гл. 10—11), извѣстной только на греческомъ языкѣ и въ переводѣ латинскомъ, переведена съ Вулгаты,—и всѣ переведены не прежде, какъ во второй половинѣ XV вѣка. Видно, Геннадій не могъ найти этихъ книгъ въ прежнемъ переводѣ съ греческаго: или онѣ въ этомъ переводѣ были у насъ уже затеряны. И мало того, что нѣкоторыя книги переведены съ латинской Вулгаты, для библіи Геннадіевой,—въ этой послѣдней и распорядокъ всѣхъ свящ. книгъ и раздѣленіе ихъ на главы сдѣланы по Вулгатѣ и согласно съ Вулгатою, а равно и предварительныя сказанія о свящ. книгахъ или предисловія къ нимъ заимствованы въ переводѣ изъ той же Вулгаты и отчасти даже изъ нѣмецкой библіи, которыя обѣ существовали уже тогда въ печати ([173]).

([172]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. I. 140. 153. 284. 332.

([173]) Тамъ же, I, 6. 127. 128. 135. 163. 164 и др. Такъ какъ въ Вулгатѣ вовсе нѣтъ *третьей* Маккавейской книги, то понятно, почему одна

Причина, почему нѣсколько книгъ для библіи Геннадіевой переведено съ латинскаго, а не съ греческаго, какъ слѣдовало бы ожидать, и почему вообще въ этомъ дѣлѣ за главное руководство принята была Вулгата, а не греческая библія, всего скорѣе могла заключаться въ томъ, что Геннадій не отыскалъ ни списка греческой библіи, ни,—главное,—переводчиковъ съ греческаго языка, между тѣмъ какъ и латинская библія, уже печатная, и переводчики съ латинскаго нашлись. Таковъ былъ именно пресвитеръ Веніаминъ «родомъ Словѣнинъ, а вѣрою латинянинъ», монахъ доминиканскаго монастыря, знавшій латинскій языкъ и отчасти греческій и фряжскій. Этотъ Веніаминъ несомнѣнно перевелъ Маккавейскія книги, по повелѣнію Геннадія, въ 1493 г., какъ свидѣтельствуетъ современная запись. А сравненіе перевода Маккавейскихъ книгъ съ переводомъ всѣхъ прочихъ книгъ, переведенныхъ съ латинскаго для библіи Геннадіевой, удостовѣряетъ, что переводчикъ всѣхъ ихъ былъ одинъ и тотъ же, слѣд. пресвитеръ Веніаминъ, котораго потому едва ли не должно признать главнымъ лицомъ, трудившимся при составленіи библіи Геннадіевой ([174]). Въ числѣ помощниковъ его могъ находиться Димитрій Герасимовъ, человѣкъ близкій архіепископу Геннадію, и знавшій языки латинскій и нѣмецкій: по крайней мѣрѣ, замѣчательно, что нѣкоторыя латинскія слова въ переводахъ, дѣйствительно принадлежащихъ Димитрію, переводятся точно такъ же. произвольно и неправильно, какъ они переведены съ Вулгаты въ библіи Геннадіевой, и извѣстно, что опущенное въ этой библіи подробное

только эта книга изъ всѣхъ библейскихъ не переведена и для библіи Геннадіевой и не помѣщена въ ней.

([174]) Тамъ же, I, 127—128; Опис. Румянц. Музеум. 164.

оглавленіе книги Псалмовъ было замѣнено впослѣдствіи надписаніями Псалмовъ, переведенными съ нѣмецкаго языка Димитріемъ Герасимовымъ въ 1502 г. ([175]).

Что же касается до книги Есоирь, переведенной частію съ еврейскаго, а частію съ греческаго: то послѣдняя ея половина переведена съ латинскаго тѣмъ же лицомъ, которое переводило и всѣ прочія книги съ латинскаго для библіи Геннадіевой, а первая половина переведена съ еврейскаго другимъ, какъ показываетъ слогъ ([176]). Кто же былъ этотъ другой? Извѣстно, что около того времени, какъ въ библію Геннадія внесена была книга Есоирь въ переводѣ съ еврейскаго, у насъ съ еврейскаго же переведена была Псалтырь и, по мѣстамъ, исправлено было Пятокнижіе Моусеево. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ книгахъ переводъ съ еврейскаго одинаковъ: въ немъ, между славянскими рѣчами, встрѣчаются слова и выраженія изъ русскаго народнаго языка XV вѣка, а, что еще важнѣе, встрѣчаются слова и выраженія изъ литовско-русскаго и польско-малороссійскаго языка того же вѣка ([177]). Естественно заключить, что переводъ всѣхъ этихъ книгъ сдѣланъ въ XV в. въ Россіи или для русскихъ однимъ или нѣсколькими лицами, вышедшими изъ Литвы или Малороссіи и знавшими еврейскій языкъ. А такими точно и были тогда основатели ереси жидовствующихъ, которые дѣйствительно пришли изъ Кіева и Литвы въ

([175]) Тамъ же. I. 7. Подобно переводчику книгъ въ библіи Геннадіевой Герасимовъ въ своихъ переводахъ часто переводитъ слова: quia—иже, pro—про и т. п. (Тамъ же II. 1, 109).

([176]) Тамъ же I, 55. 57.

([177]) Тамъ же I. 55—56. Объ означенной Псалтыри – въ Учен. Записк. II-го отд. Акад. Наукъ. V, отд. III. 43. 46. Объ означенномъ Пятокнижіи—въ Прибавл. Тв. Св. Отц. XIX. 134. 166.

Новгородъ и для распространенія своего лжеученія между русскими имѣли у себя свящ. книги въ русскомъ переводѣ, какъ свидѣтельствуетъ Геннадій. Итакъ не этимъ ли ересеначальникамъ слѣдуетъ приписать переводъ Псалтыри и Есөири и исправленіе Пятокнижія съ еврейскаго языка, намъ нынѣ извѣстные? Переводчикъ означенной Псалтыри помѣстилъ въ концѣ ея слѣдующую замѣтку: «милостію Божію и здоровіемъ осподаря своего, великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, и *благословеніемъ и приказаніемъ святаго Филипа* митрополита всея Руси, докончалъ я двадцать каөиземь и девять пѣснь *Псалтыри Давида пророка*, што привелъ отъ еврейска языка на Рускыи языкъ». Тутъ скрывается ложь и обманъ. Ибо, при чтеніи этой мнимой Псалтыри оказывается, что она вовсе не Псалтырь Давида пророка, содержитъ въ себѣ не его псалмы, а какіе-то другіе очень краткіе, и не 150 псалмовъ, а только 74, хотя и подраздѣленныхъ на двадцать каөизмъ: содержитъ также не девять пѣсней библейскихъ, которыя употребляются въ православной церкви, а пѣсни совершенно другія. И такъ какъ эти псалмы и пѣсни, помѣщенные въ мнимой Псалтыри, переведены съ еврейскаго: то они, всего вѣроятнѣе, были изъ числа тѣхъ, какіе составлены самими евреями по образцу псалмовъ Давидовыхъ и пѣсней библейскихъ и употребляются у нихъ въ синагогахъ. Кому же нужно было у насъ въ то время переводить такую Псалтырь на русскій языкъ да еще употребить при этомъ обманъ, назвать ее именемъ царя Давида какъ не евреямъ, первымъ проповѣдникамъ ереси жидовствующихъ между православными русскими? Митрополитъ Филиппъ, при которомъ ересь эта у насъ только-что начиналась (съ 1471 г.), не могъ благословить для перевода такой Псалтыри, вовсе не Давидовой и ему совер-

шенно неизвѣстной, а его именемъ и будто благословеніемъ хотѣли только прикрыться ересеучители, чтобы удобнѣе обманывать тѣхъ же православныхъ русскихъ и легче привлекать ихъ къ своей Псалтыри и вообще къ своему лжеученію. Съ этою же, вѣроятно, цѣлію еретики раздѣлили свои псалмы, въ русскомъ переводѣ, на каѳизмы и на славы, по образцу того, какъ раздѣлены наши псалмы для церковнаго употребленія ([178]). Невольно возникаетъ вопросъ: не есть ли эта Псалтырь, переведенная съ еврейскаго, та самая, по которой жидовствующіе отправляли у насъ свое богослуженіе и экземпляръ которой добылъ Геннадій и отослалъ, при дѣлѣ о жидовствующихъ, къ митрополиту Геронтію ([179])? Во всякомъ случаѣ трудно, кажется, не согласиться, что Псалтырь эта переведена кѣмъ-либо изъ евреевъ, основателей у насъ ереси жидовствующихъ. Точно такъ же, кѣмъ-либо изъ нихъ, если не самимъ даже ученымъ Схаріею, могли быть сдѣланы и исправленія по еврейскому тексту въ древнемъ славянскомъ переводѣ Пятокнижія. Ибо эти исправленія, какъ удостовѣряетъ внимательное разсмотрѣніе ихъ, дѣлалъ несомнѣнно еврей или человѣкъ съ еврейскими убѣжденіями и знакомый съ раввинскими толкованіями на Писаніе. Онъ исправлялъ не всѣ мѣста по порядку, а преимущественно тѣ, которыя имѣютъ наибольшую важность по понятіямъ евреевъ. Нѣкоторыя мѣста исправлялъ не по тексту еврейскому, а по истолкованію ихъ раввинами и по переводамъ Аквилы и Симмаха. Всего же важнѣе, — тѣ мѣста, въ которыхъ, по разумѣнію христіанъ, говорится о богоявленіяхъ, исправилъ согласно съ разумѣніемъ іудеевъ, т. е.

([178]) Учен. Записки II-го отд. Ак. Наукъ, V, отд. III, 43—47.
([179]) Нашей Ист. Русск. Церкв. VI, 90—91.

имя Бога въ этихъ мѣстахъ отнесъ то къ ангеламъ, то даже къ судіямъ и князьямъ. И если исправитель намѣренно не испортилъ пророческихъ мѣстъ о Мессіи, то это ничего не доказываетъ: такъ какъ и жидовствующіе отнюдь не отвергали пророчествъ о Мессіи, а говорили только, что Мессія еще не пришелъ и Христосъ не есть Мессія ([180]). Предполагать же, не сдѣланы ли эти исправленія въ Пятокнижіи по порученію архіепископа Геннадія, совершенно не основательно: Геннадій не уважалъ еврейскаго текста библіи, а исключительно уважалъ текстъ семидесяти, и имѣя у себя древній славянскій переводъ Пятокнижія, сдѣланный съ греческаго текста семидесяти, не имѣлъ ни малѣйшей нужды въ исправленіяхъ по еврейскому тексту; а о жидовствующихъ именно говоритъ, что у нихъ книги низвращены по преданію Аквилы и Симмаха ([181]). Остается допустить мысль, что и книга Есѳирь, хотя она и внесена въ библію Геннадіеву, переведена съ еврейскаго, вѣроятно, тѣми же евреями: ибо въ переводѣ ея, какъ мы уже замѣтили, находятся такія же точно особенности, какія встрѣчаются и въ переводѣ мнимой Псалтыри и въ исправленіяхъ Пятокнижія съ еврейскаго. По всему видно, что Геннадій и его сотрудники прежде всего старались отыскать готовые переводы священныхъ книгъ, и какія книги нашли въ готовыхъ переводахъ, тѣ и внесли въ свою библію, а какихъ не нашли, тѣ перевели вновь съ латинскаго. Въ числѣ другихъ книгъ могла попасться собирателямъ въ готовомъ переводѣ и книга Есѳирь, и они, не зная сами по-еврейски, не могли и дога-

---

([180]) Приб. Тв. Св. Отц. XIX, 134—168.

([181]) Посл. къ Іоасафу Ярослав., въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, VIII, отд. IV, 4—5.

даться, что она переведена съ еврейскаго ([182]). А не находя въ славянскомъ переводѣ ея, какъ книги исторической, ничего, противнаго христіанскому ученію и несогласнаго съ ея латинскимъ переводомъ, охотно приняли ее въ свое собраніе библейскихъ книгъ, прибавивъ только къ ней недостававшія главы, которыя и перевели съ латинскаго.

Собираніе библіи Геннадіевой окончилось, вѣроятно, въ 1493 г., когда переведены для нея послѣднія книги изъ числа вновь переведенныхъ съ латинскаго,—книги Маккавейскія. Но древнѣйшій списокъ ея, переписанный при дворѣ архіепископа Геннадія, по приказанію его архидіакона Герасима, и дошедшій до настоящаго времени, относится къ 1499 году. Кромѣ того, уцѣлѣли донынѣ еще два полные списка этой библіи: одинъ писанъ въ 1558 г., по повелѣнію царя Ивана Васильевича, въ монастырѣ препод. Іосифа волоколамскаго инокомъ Іоакимомъ; другой принадлежалъ рязанскому епископу Сергію (упом. 1570—1572). Еще извѣстны два полные списка той же библіи, до насъ не дошедшіе: списокъ, принадлежавшій Іосифову волоколамскому монастырю, писанный монастырскимъ слугою Никитою Лапшинымъ (прежде 1573 г.), и списокъ посланный царемъ Иваномъ Васильевичемъ князю острожскому Константину, по просьбѣ послѣдняго (ок. 1580 г.). Очень вѣроятно, что списываемы были полные списки Геннадіевой библіи и для другихъ нашихъ архипастырей, какъ для рязанскаго, и богатѣйшихъ обителей, какъ для Іосифовой; а нѣкоторые, если не списывали для себя всей этой библіи, то

([182]) Дѣйствительно, въ вышеупомянутомъ Сборникѣ Ундольскаго находится книга Есоирь въ этомъ самомъ переводѣ съ еврейскаго: оттуда и могли позаимствовать ее составители библіи Геннадіевой (*Невоструев.* Разсмотр. реценз..., 5).

переписывали изъ нея по нѣскольку книгъ, то историческихъ, то пророческихъ, то собственно тѣхъ, которыя переведены для библіи Геннадіевой съ латинскаго языка, и такимъ образомъ знакомство съ свящ. книгами болѣе и болѣе распространялось въ нашей церкви. Библія Геннадіева не только была у насъ, въ московской митрополіи, единственною въ продолженіе XVI вѣка до изданія Острожской библіи (1580—1581 г.), но и послужила основаніемъ при изданіи этой послѣдней. Ибо издатели послѣдней, получивъ полный списокъ Геннадіевой библіи отъ царя Ивана Васильевича, хотя подвергли ее новому пересмотру и сличенію съ текстами греческимъ и латинскимъ и болѣе или менѣе исправили ея переводъ, но во многихъ мѣстахъ воспользовались имъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, дотого, что кое-гдѣ удержали даже ошибки писцовъ ([183]).

Архіепископъ Геннадій сознавалъ, что для борьбы съ жидовствующими или новгородскими еретиками необходимо имѣть подъ руками книги священнаго Писанія, которыми и они пользовались для своихъ цѣлей,—и вслѣдствіе этого сознанія позаботился собрать въ одинъ составъ полную славянскую библію и дать ее для употребленія православнымъ. Но самъ Геннадій не дѣйствовалъ этимъ духовнымъ оружіемъ противъ еретиковъ, не отражалъ ихъ нападеній на православіе, не поражалъ самой ихъ ереси. Правда, онъ написалъ, по поводу ереси жидовствующихъ, нѣсколько извѣстныхъ посланій, какъ-то: къ Прохору, епископу сарскому (въ концѣ 1487 г.), къ

([183]) Опис. Рукоп. М. Син. библ. I, Введ. VIII, 1. 2. 180. 202 и др.; Опись книгъ Іосифо-Волок. монастыря (въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847. VII, отд. IV, 2); *Невоструев*. Разсм. рецензій..., 11—13.

Нифонту, епископу суздальскому, и Филоѳею пермскому (генв. 1488 г.), къ Іоасафу, архіепископу ростовскому (февр. 1489 г.), къ митрополиту Зосимѣ (окт. 1490) и къ собору владыкъ, собравшихся тогда въ Москвѣ. Но всѣ эти посланія имѣютъ характеръ историческій: въ нихъ говоритъ Геннадій о еретикахъ, ихъ ученіи и дѣйствіяхъ, проситъ разсмотрѣть ихъ дѣло, принять противъ нихъ мѣры, но отнюдь не входитъ въ опроверженіе самаго ихъ лжеученія ([184]). Для такой борьбы съ жидовствующими выступилъ другой ревнитель православія — преп. Іосифъ волоколамскій. Есть и у него два-три посланія, въ которыхъ онъ говоритъ только о еретикахъ, о необходимости возстать на нихъ, обуздать ихъ, преслѣдовать ихъ, или проситъ себѣ защиты противъ ихъ покровителей ([185]). Зато въ другихъ своихъ посланіяхъ Іосифъ не ограничивается уже однимъ этимъ, а вмѣстѣ опровергаетъ, болѣе или менѣе подробно, тѣ или другія мнѣнія лжеучителей и ихъ заступниковъ ([186]). Но самое важное состоитъ въ томъ, что Іосифъ, не довольствуясь посланіями къ частнымъ лицамъ, по поводу ереси жидовствующихъ, и опроверженіемъ только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ихъ мыслей, рѣшился написать и написалъ, для руководства всѣмъ православнымъ, возможно-полное опроверженіе всѣхъ главнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ мнѣній этихъ еретиковъ и ихъ защитниковъ: сочиненіе, которое,

---

([184]) Содержаніе всѣхъ этихъ посланій нами показано въ «Исторіи Русск. Церкви», т. VI, стр. 90—98, Спб. 1870 и 1887.

([185]) Таковы посланія: къ в. к. Іоанну III о еретикѣ Клеповѣ, второе посланіе къ в. к. Василію Іоанновичу и къ боярину Челядину. (См. въ той же Исторіи VI (изд. 1), 135. 154. 155; (изд. 2), 137. 156. 157).

([186]) Таковы посланія: къ Нифонту, епископу суздальскому, къ Митрофану, архимандриту андрониковскому и особенно посланіе къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію (Тамъ же, VI (изд. 1), 112. 134. 137; (изд. 2), 113. 136. 139).

по обширности своей и достоинству, представляетъ явленіе, дотолѣ небывалое въ русской духовной литературѣ. Оно написано не разомъ, а писалось постепенно, въ продолженіе почти всей борьбы Іосифа съ еретиками (ок. 1493—1515 г.). Въ составъ этого сочиненія вошли и нѣкоторыя изъ посланій Іосифа, по поводу той же ереси, одни только частями и мыслями, а другія почти цѣликомъ и дословно. Самъ Іосифъ не далъ своему произведенію особаго названія, а называетъ его по мѣстамъ только *книгою*; но впослѣдствіи оно справедливо названо *Просвѣтителемъ* ([187]).

«Просвѣтитель» состоитъ изъ краткаго «Сказанія о появившейся ереси новгородскихъ еретиковъ», и изъ шестнадцати «Словъ на ересь новгородскихъ еретиковъ». Въ Сказаніи, которое служитъ самымъ естественнымъ введеніемъ въ сочиненіе, преподобный предварительно знакомитъ читателей съ происхожденіемъ ереси жидовствующихъ, съ ея ученіемъ, распространеніемъ и характеромъ; но доводитъ исторію ереси не до конца, а только до митрополита Зосимы, который представляется еще занимающимъ свой престолъ и преслѣдующимъ ревнителей православія. Во время этихъ-то гоненій, говоритъ вслѣдъ затѣмъ Іосифъ, когда нѣкоторые начали собирать отъ божественныхъ писаній и разсылать обличительные отвѣты

([187]) «Просвѣтитель» изданъ казанскою Дух. Академіею съ довольно обстоятельными свѣдѣніями о немъ, изложенными въ предисловіи къ изданію (Казань, 1855). Затѣмъ о Просвѣтителѣ, болѣе или менѣе подробно, писали: 1) авторъ статьи: Просвѣтитель преп. Іосифа Волоцкаго (Правосл. Собесѣдн. 1859, III, 153); 2) *Проф. Шевыревъ* въ Исторіи Русской Словесности (IV, 148—175, Москв. 1860); 3) *священникъ И. А. Булгаковъ* въ сочиненіи: Преп. Іосифъ волоколамскій (стр. 95—145, Спб. 1865), и—4) г. *Хрущевъ* въ своемъ «Изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго» (стр. 133—162. 189—192, Спб. 1868).

противъ еретиковъ, «таковые ради бѣды, и азъ мало нѣчто събрахъ отъ божественныхъ писаній, съпротивно и обличительно еретическымъ речемъ: аще и невѣжа и грубъ есмь. по обаче должно ми есть о сихъ не нерадити противу моея силы». Отсюда можно заключать, что Іосифъ написалъ свое Сказаніе о ереси и началъ писать опроверженіе ея еще до удаленія Зосимы съ митрополитскаго престола (17 мая 1494), хотя впослѣдствіи, когда довелъ до конца все сочиненіе, несомнѣнно сдѣлалъ и въ Сказаніи нѣкоторыя дополненія ([188]). Оканчивая Сказаніе, Іосифъ ясно обозначаетъ цѣль своей книги: «собрахъ же во едино отъ различныхъ писаній божественныхъ, яко да вѣдящеи божественная писанія, прочетше, да вспомянутъ себѣ не вѣдущеи же прочетше да разумѣютъ; и аще кому что потребно будетъ противу еретическымъ речемъ, и благодатію Божіею обрящетъ готово, безъ труда, въ коемждо словѣ, яже суть сія»,—и излагаетъ по порядку оглавленіе и краткое содержаніе самыхъ словъ, въ однихъ спискахъ только четырехъ, въ другихъ десяти или одиннадцати, а въ большей части списковъ—и всѣхъ шестнадцати.

Всматриваясь внимательно въ содержаніе этихъ словъ, не можемъ не замѣтить, что авторъ расположилъ ихъ въ самомъ естественномъ порядкѣ: въ первыхъ четырехъ онъ опровергаетъ основанія или начала ереси жидовствующихъ, въ слѣдующихъ шести—опровергаетъ главнѣйшія слѣдствія, выте-

---

([188]) Такъ, при изложеніи въ Сказаніи ученія жидовствующихъ, онъ перечисляетъ всѣ предметы, о которыхъ писалъ не въ первыхъ только, а во всѣхъ 16-ти своихъ словахъ, и говоритъ: «уже *тысяща и пятьсотъ лѣтъ* прейде по рождествѣ Христовѣ», — чего при митрополитѣ Зосимѣ (1491 — 1494), не могъ бы сказать (Просвѣтит. стр. 45—48).

кавшія изъ этихъ началъ ереси жидовствующихъ; наконецъ, въ послѣднихъ пяти—дѣлаетъ какъ бы практическіе выводы и объясняетъ, какъ православные должны смотрѣть на еретиковъ жидовствующихъ и какъ относиться къ нимъ.

Основные члены ереси жидовствующихъ, которые они проповѣдывали, опираясь исключительно на ветхій завѣтъ, тѣ же самые, какіе и нынѣ проповѣдуютъ іудеи вопреки христіанамъ: 1) Богъ—единъ, а не троиченъ, не имѣетъ ни Сына, ни Св. Духа, Себѣ единосущныхъ. 2) Обѣтованный Богомъ Мессія, который будетъ Сыномъ Божіимъ только по благодати, подобно Моисею и другимъ, еще не пришелъ; а Христосъ, въ котораго вѣруютъ христіане, не есть Мессія и Богъ, но простый человѣкъ, распятый, умершій и не воскресшій. Потому — 3) должно держать законъ Моисеевъ, іудейскій, какъ данный Богомъ, а не законъ христіанскій, данный простымъ человѣкомъ. Въ опроверженіе этихъ основныхъ членовъ ереси Іосифъ написалъ первыя свои четыре слова: въ первомъ онъ доказываетъ, что въ Богѣ, единомъ по существу, три Лица: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; во второмъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Мессія и Богъ, что на Немъ исполнились ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи; въ третьемъ, что законъ Моисеевъ данъ былъ только на время, до пришествія истиннаго Мессіи—Христа, а по пришествіи Его пересталъ, и жертвы и обрѣзаніе упразднены; въ четвертомъ, которое можно назвать какъ бы дополненіемъ перваго и втораго слова, объясняетъ, что воплощеніе Бога для спасенія человѣка, хотя Богъ могъ спасти насъ и иначе, сообразно съ Божіею премудростію и благостію. Во всѣхъ этихъ четырехъ словахъ, какъ преимущественно догматическихъ, порядокъ одинъ и тотъ же, отличающій ихъ отъ послѣдующихъ словъ: прежде всего,

на основаніи одного или нѣсколькихъ текстовъ новаго завѣта и ученія св. отцевъ, Іосифъ излагаетъ кратко, какъ вѣруютъ православные христіане о данномъ догматѣ или предметѣ, изрекаетъ проклятіе на еретиковъ—Алексѣя протопопа, Дениса попа и Ѳедора Курицына съ ихъ единомышленниками и опредѣляетъ сущность ихъ лжеученія о данномъ предметѣ, а затѣмъ уже подробно разсматриваетъ и опровергаетъ ихъ мнѣнія и возраженія, въ первыхъ трехъ словахъ—на основаніи только ветхаго завѣта, а въ четвертомъ словѣ, по самому характеру вопроса, на основаніи богословскихъ соображеній и здраваго разсужденія.

Въ первомъ своемъ словѣ, послѣ православнаго исповѣданія вѣры о Пресвятой Троицѣ, которое буквально заимствовано изъ книги преподобнаго Никона Черногорца ([189]), сущность лжеученія жидовствующихъ относительно этого догмата препод. Іосифъ выражаетъ такъ: «Богъ Отецъ Вседержитель не имѣетъ ни Сына, ни Св. Духа, единосущныхъ и сопрестольныхъ Себѣ, и Св Троицы нѣтъ. А если Писаніе говоритъ, что Богъ имѣетъ слово и духъ, то разумѣетъ, что Онъ имѣетъ слово, произносимое чрезъ уста духомъ и расходящееся въ воздухѣ; равно если пророки предсказали о Сынѣ Божіемъ—Мессіи, то нарекли Его Сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати, какъ Моусея, Давида и другихъ, и если пророки пишутъ о Св. Духѣ, то называютъ Его не Богомъ по существу и личности, а духомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ и разливающимся въ воздухѣ». Изложивъ

([189]) Снес. Просвѣтит. стр. 74—77 и *Предисловіе* «Книги преподобнаго и богоноснаго отца нашего Никона, игумена Черныя горы», напеч. въ Почаевской типографіи въ 1795 году.

это лжеученіе, Іосифъ дѣлаетъ замѣчаніе, что въ ветхомъ завѣтѣ таинство Пресв. Троицы открыто было не вполнѣ ясно, по удобопреклонности іудеевъ къ многобожію и идолопоклонству, и что хотя много есть свидѣтельствъ яснѣйшихъ о Пресв. Троицѣ въ писаніяхъ св. апостоловъ и св. отцевъ, но такъ какъ жидовствующіе свидѣтельствъ апостольскихъ и отеческихъ не принимаютъ, а принимаютъ только пророческія, то онъ и представитъ одни послѣднія. Эти свидѣтельства раздѣлены въ словѣ на двѣ части. Въ первой изложены свидѣтельства (болѣе тридцати) то о Пресв. Троицѣ, то о божествѣ Сына Божія—Мессіи, попеременно; во второй свидѣтельства (до пятнадцати) о личности и божествѣ Св. Духа. Какъ на свидѣтельства о Пресв. Троицѣ, Іосифъ, между прочимъ, указываетъ на слова Божіи: а) предъ сотвореніемъ человѣка: *сотворимъ человѣка по образу нашему* (Быт. 1, 26); б) по паденіи человѣка: *се Адамъ бысть, яко единъ отъ насъ* (—3, 22); в) предъ смѣшеніемъ языковъ: *пріидите и сошедше смѣсимъ тамо языкъ ихъ* (—11, 6. 7) (¹⁹⁰); г) на явленіе Бога Аврааму у дуба мамврійскаго въ видѣ трехъ мужей (—18, 1—3); д) на серафимскую пѣснь: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (Ис. 6, 3). Въ числѣ свидѣтельствъ о божествѣ Сына Божія, обѣтованнаго Мессіи, приводитъ слова: а) *отроча родися намъ сынъ, и дадеся намъ, и нарицается имя его велика совѣта ангелъ, Богъ крѣпкій, отецъ будущаго вѣка* (Ис. 9, 6); б) *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене..., изъ чрева прежде денницы родихъ тя* (Пс. 109, 1. 3):

(¹⁹⁰) При изъясненіи этихъ трехъ текстовъ Іосифъ несомнѣнно пользовался мыслями св. Василія Великаго, хотя и не ссылается на него (Снес. Просвѣтит. стр 81—86 и Творен. Св. Отцевъ въ русск. переводѣ. т. V, 171—173; VII, 216.

в) *Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя* (—2,7); г) *се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ* (Ис. 7, 14); д) *и ты Виѳлееме, доме Ефрафовъ.... изъ тебе изыдетъ Старѣйшина...*, *исходи же его изъ начала отъ дней вѣка* (Мих. 5, 2). Наконецъ, между свидѣтельствами о личности и божествѣ Св. Духа встрѣчаемъ слѣдующія: а) *и почіетъ на немъ* (Мессіи) *Духъ Божій*, *Духъ премудрости и разума* и проч. (Ис. 11, 2. 3); б) *Духъ Божій, сотворивый мя* (Іов. 33, 4); в) *Господь посла мя и Духъ его* (Ис. 48, 16); г) *Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя* и проч. (—61, 1); д) *и будетъ въ послѣднія дни, излію отъ духа моего на всяку плоть* и проч. (Іоил. 2, 28). Всѣ эти свидѣтельства, дѣйствительно, относятся къ подтвержденію тѣхъ догматовъ, которые защищалъ Іосифъ и доселѣ употребляются православными богословами въ подобныхъ трактатахъ. Притомъ, приводя эти свидѣтельства, Іосифъ старался объяснять ихъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія, показывалъ ихъ смыслъ и силу, и ниспровергалъ ложные толки еретиковъ. Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что многія другія свидѣтельства, приведенныя Іосифомъ, мало соотвѣтствуютъ его цѣли или даже совсѣмъ не имѣютъ того значенія, какое онъ имъ приписываетъ и что бо̀льшая часть изъ нихъ приведены безъ всякаго объясненія и толкованій. Вопросъ, которымъ занимался Іосифъ въ первомъ своемъ словѣ, для него не былъ новъ. Еще до игуменства Іосифа (1 мая 1479 г.) какой-то архимандритъ Вассіанъ просилъ его написать о Пресв. Троицѣ на основаніи ветхаго завѣта. Почему родилось у архимандрита такое желаніе, неизвѣстно; но онъ могъ уже слышать о лжеученіи жидовствующихъ, которые начали дѣйствовать у насъ съ 1471 года. Какъ

бы то ни было, только Іосифъ, еще вовсе не знавшій тогда о жидовствующихъ, исполнилъ желаніе архимандрита, хотя неохотно, и въ посланіи къ нему изложилъ ученіе ветхаго завѣта о Пресв. Троицѣ. Впрочемъ, это посланіе Іосифа несравненно короче его слова и, представивъ пять-шесть ветхозавѣтныхъ свидѣтельствъ собственно о Пресв. Троицѣ, вовсе не касается свидѣтельствъ о божествѣ Сына Божія и о божествѣ Св. Духа ([191]).

Во второмъ словѣ, опровергая лжеученіе еретиковъ, будто Мессія еще не пришелъ и не родился, а Христосъ, признаваемый христіанами за Бога, есть простой человѣкъ, который распятъ іудеями и истлѣлъ во гробѣ, а не воскресъ, не вознесся на небо и не придетъ судить людей, преп. Іосифъ приводитъ ветхозавѣтныя пророчества сперва о пришествіи и рожденіи Мессіи, потомъ, одни за другими, о Его распятіи, о Его воскресеніи, о Его вознесеніи на небо и о Его второмъ пришествіи. Изъ пророчествъ перваго рода Іосифъ останавливается только на двухъ: на пророчествѣ патріарха Іакова о неоскудѣніи князя отъ Іуды пока не придетъ Примиритель (Быт. 49, 10), и на пророчествѣ пророка Даніила о седмидесяти седминахъ (Дан. 9, 25), и разсматривая то и другое, одно кратко, другое довольно подробно, доказываетъ, что время пришествія Мессіи давно уже исполнилось, что Іисусъ Христосъ родился именно тогда, когда надлежало родиться Мессіи по этимъ пророчествамъ, а потому есть истинный Мессія. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ, о распятіи Іисуса Христа, воскресеніи, вознесеніи и второмъ пришествіи, предлагаются пророчества въ значительномъ числѣ, но предлагаются почти

([191]) Посланіе это напечатано въ Древней Росс. Вивліоѳ. XIV, 218.

безъ всякихъ объясненій и примѣчаній со стороны автора. можетъ быть, потому что исполненіе этихъ пророчествъ на Іисусѣ Христѣ само собою казалось очевиднымъ для всякаго. Надобно прибавить, что нѣкоторыя изъ нихъ выбраны и предложены несовсѣмъ удачно.

Третье слово направлено противъ ученія жидовствующихъ, будто и нынѣ должно держать и хранить Моисеевъ законъ, должно приносить жертвы и обрѣзываться. Съ этою цѣлію представлено до пятнадцати пророчествъ и, между ними, классическія (Іер. 31, 31. 32; Мал. 1, 11; Дан. 9, 22—27), изъ которыхъ одни выражаютъ болѣе или менѣе ясно, что законъ Моисеевъ прейдетъ, или будетъ отмѣненъ съ пришествіемъ Мессіи, а другія, что тогда данъ будетъ всему роду человѣческому новый законъ, совершеннѣйшій. Въ частности Іосифъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что законъ Моисеевъ былъ какъ бы привязанъ къ Іерусалиму и его храму, что только въ Іерусалимѣ іудеи могли совершать свои праздники, пасху, пятидесятницу, только въ іерусалимскомъ храмѣ могли приносить свои жертвы, и что слѣд. съ паденіемъ Іерусалима и разрушеніемъ іерусалимскаго храма, совершившимися по пришествіи Іисуса Христа, Моисеевъ законъ неизбѣжно долженъ былъ упраздниться и уже не можетъ быть исполняемъ нынѣ. При раскрытіи этихъ мыслей Іосифъ несомнѣнно пользовался сочиненіемъ св. Златоуста противъ іудеевъ, по мѣстамъ даже буквально, не указывая на источникъ ([192]).

Поводомъ къ написанію четвертаго слова послужили умствованія жидовствующихъ: «Развѣ Богъ не могъ спасти

([192]) Снес. Просвѣт. стр. 157. 163—164, и *св. Златоуста* Слова, перев. съ греческаго при Спб. Дух. Акад., т. III, 534—537. 584—585, Спб. 1850.

Адама отъ ада, не могъ послать небесныя силы, пророковъ и праведниковъ, чтобы они исполнили Его хотѣніе? Зачѣмъ же Онъ самъ нисшелъ въ уничиженіи, вочеловѣчился, пострадалъ и тѣмъ *прехитрилъ* діавола? Богу не подобаетъ такъ творить». Въ отвѣтъ на это Іосифъ сначала говоритъ: «мы имѣемъ свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, что Богу все возможно, и никто не можетъ противиться Его власти; но Онъ, по безконечной своей премудрости и человѣколюбію, ради нашего спасенія, благоизволилъ самъ воплотиться, и пострадать, и сойти во адъ, и извести изъ ада Адама и бывшихъ съ нимъ, и такимъ образомъ, божественною своею мудростію, *прехитрилъ* діавола и спасъ весь міръ и донынѣ спасаетъ». А въ доказательство того, что въ такомъ образѣ дѣйствій нѣтъ ничего недостойнаго Бога, Іосифъ указываетъ нѣсколько случаевъ въ ветхомъ завѣтѣ, когда Богъ, хотя могъ бы все совершить своею силою и властію, употреблялъ однакожъ хитрыя средства, напримѣръ, Моисею повелѣлъ *прехитрить* Фараона, да отпуститъ евреевъ въ пустыню, а Самуилу—*прехитрить* Саула при помазаніи Давида на царство. Затѣмъ, желая объяснить, въ чемъ же выразились премудрость и благость въ таинствѣ воплощенія, Іосифъ излагаетъ кратко весь планъ божественнаго домостроительства, какъ Богъ сотворилъ міръ, духовный и вещественный, какъ одинъ изъ духовъ палъ, соблазнилъ нашихъ прародителей и пріобрѣлъ власть надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, какъ усилилось нечестіе между людьми до потопа и послѣ потопа, и какъ не могли остановить зла ни законъ, ни пророки. Что же оставалось дѣлать? Насильно исторгнуть человѣка изъ-подъ власти діавола, однимъ могуществомъ своимъ, Богъ не хотѣлъ: ибо Онъ праведенъ и не можетъ творить неправды; да и діаволъ

тогда возроптал бы на неправду Божію и стал бы говорить: «я сам побѣдил человѣка, а меня побѣдил не человѣк, а Бог насиліем». И вот Сын Божій содѣлался человѣком и в образѣ человѣческом вступил в борьбу с діаволом. Діавол воспалился на Него яростію, считая Его только за одного из святых людей, и научил архіереев и книжников осудить Его и распять на крестѣ. Но Он, по смерти, нисшел во ад не только душею своею, но и яко Бог, разрушил ад и извел оттуда Адама и всѣх узников; потом воскрес, вознесся на небеса с плотію, послал оттуда Св. Духа на своих учеников, которые возвѣстили всѣм людям слово спасенія, и таким образом *перехитрил* діавола своею мудростію. Благость же и человѣколюбіе воплотившагося для нас Сына Божія видны особенно из того, что Он даровал нам таинство крещенія для очищенія нас от грѣхов и благодатныя силы для совершенія нами добрых дѣл; а если мы вновь согрѣшаем, то прощает нам грѣхи в таинствѣ покаянія, спасает нас ради одной живой вѣры в Него, пред нашею кончиною и даже по смерти нашей дал нам возможность спасаться от ада по молитвам церкви, чрез приношеніе безкровной жертвы и чрез милостыни, — так что нынѣ, в новом завѣтѣ, и благодатных дарованій и св. людей, спасающихся, несравненно болѣе, нежели было в ветхом завѣтѣ. В словѣ этом приведены многія краткія изреченія св. отцев под их именами, а в концѣ слова — даже довольно обширныя выписки из слова о усопших в вѣрѣ — св. Іоанна Дамаскина ([193]).

([193]) Снес. Просвѣт. стр. 194 — 200 и *св. Дамаск.* Слово о умерших в вѣрѣ, Хр. Чтен. 1827, XXVI, 324 и слѣд.

Слѣдствія, вытекавшія изъ основныхъ началъ ереси жидовствующихъ, сами собою очевидны. Отвергая троичность Лицъ въ Богѣ и божество Іисуса Христа, а вмѣстѣ и божественность христіанской вѣры, и утверждая, что должно держать только законъ іудейскій, ветхозавѣтный, жидовствующіе неизбѣжно отвергали въ христіанствѣ все, что только въ немъ есть собственно-христіанскаго, — отвергали: а) всякое христіанское почитаніе и поклоненіе, какое оказываютъ христіане тріипостасному Богу, Христу—Сыну Божію, Его пречистой Матери, Его угодникамъ, а вмѣстѣ св. иконамъ, св. кресту, св. Христовымъ тайнамъ, св. Евангелію, св. мощамъ и проч.; б) всякое христіанское ученіе, слѣд. писанія св. апостоловъ и св. отцевъ; в) всякое христіанское установленіе или учрежденіе: таинства, обряды, праздники, посты, монашество и проч. Болѣе же всего изъ числа этихъ предметовъ жидовствующіе нападали, къ соблазну православныхъ, на св. иконы, на писанія апостольскія и отеческія и на монашество. Потому и препод. Іосифъ счелъ нужнымъ остановиться преимущественно на этихъ трехъ предметахъ и написалъ: въ защиту св. иконъ три слова, пятое, шестое и седьмое; въ защиту писаній св. апостоловъ и св. отцевъ три слова, восьмое, девятое и десятое; въ защиту монашества одно, но весьма обширное слово, одиннадцатое.

Три слова объ иконахъ Іосифъ написалъ по просьбѣ какого-то брата-инока, котораго самъ называетъ «началохудожникомъ божественныхъ и честныхъ иконъ живописанію». Въ посланіи къ этому неизвѣстному иконнику, препровождая къ нему самыя слова, преподобный говоритъ, что первое и третье написаны для отраженія нападеній на св. иконы со стороны жидовствующихъ, а второе написано для руководства право-

славнымъ христіанамъ, особенно не имѣющимъ многихъ книгъ или не вѣдающимъ божественныхъ писаній, чтобы они знали, какъ и почему мы должны покланяться св. иконамъ и вообще въ чемъ должны состоять и на чемъ основываются разные виды христіанскаго поклоненія. Вслѣдъ за тѣмъ дѣлаетъ замѣчаніе о значеніи препровождаемыхъ словъ: «обаче да вѣдаетъ твое боголюбіе, яко *не моея мысли суть сія, но отъ многихъ божественныхъ писаній избрахъ и вмалехъ многое насовокупивъ*, тебѣ послахъ» ([194]). Эти три слова, очевидно, написанныя особо отъ первыхъ четырехъ словъ Просвѣтителя, Іосифъ внесъ потомъ въ составъ Просвѣтителя и размѣстилъ нѣсколько иначе, и именно третье назвалъ здѣсь пятымъ, первое шестымъ, а второе седьмымъ.

Въ пятомъ словѣ Іосифъ опровергаетъ частную мысль еретиковъ относительно св. иконъ, будто «не должно изображать на честныхъ иконахъ святую и животворящую Троицу потому, что Авраамъ принялъ и угостилъ Бога съ двумя ангелами, а не Троицу». Для сего преподобный сначала разсматриваетъ сказаніе Моисея о явленіи Бога Аврааму и объясняетъ, что патріархъ удостоился видѣть и принять у себя единаго Бога въ трехъ Лицахъ, которыя всѣ сидѣли въ кущи Авраамовой на одномъ мѣстѣ, какъ сопрестольные и равночестные, и равно принимали отъ Авраама поклоненіе и служеніе; потомъ цѣлымъ рядомъ текстовъ, преимущественно изъ ветхаго завѣта, доказываетъ, что сопрестольными и равночестными Богу Отцу представляются въ Писаніи только Сынъ и Св. Духъ, но отнюдь не ангелы; наконецъ, такъ какъ св. отцы выражались

([194]) Посланіе это напечатано въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, I, отд. IV, стат. 1.

иногда, что Авраамъ принялъ Святую Троицу, а иногда, что онъ принялъ Бога съ двумя ангелами, иногда же, что принялъ трехъ ангеловъ, Іосифъ приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ ветхаго и новаго завѣта, которыя кажутся несогласными, даже противорѣчащими между собою, но, при правильномъ истолкованіи, легко примиряются, и въ частности изъясняетъ, что нѣтъ ни разнорѣчія, ни противорѣчія и въ означенныхъ выраженіяхъ св. отцевъ, что въ нихъ подразумѣвается одна и та же мысль о явленіи тріѵпостаснаго Бога Аврааму. Заключеніе изъ всего сказаннаго выводится то, что христіане справедливо изображаютъ на св. иконахъ Пресв. Троицу, какъ Она явилась Аврааму. Въ словѣ представлены свидѣтельства Златоуста, Іоанна Дамаскина, Андрея критскаго, Іоанна Лѣствичника, Іосифа пѣснописца и другихъ.

Въ шестомъ словѣ опровергается общее лжеученіе жидовствующихъ относительно св. иконъ и другихъ священныхъ предметовъ. Еретики говорили: «не должно покланяться вещамъ, сотвореннымъ руками человѣческими», какъ-то: иконамъ, кресту, Евангелію, Христовымъ тайнамъ, освященнымъ сосудамъ, мощамъ святыхъ и церквамъ,—и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылались на извѣстные тексты ветхаго завѣта: *не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, да не поклонишися имъ* (Исх. 20, 4—5); *не сотворите себѣ сами боговъ сребряныхъ и боговъ златыхъ* (— 23) и проч. Іосифъ перебираетъ эти тексты, одинъ за другимъ, истолковываетъ смыслъ ихъ и показываетъ, что самъ Богъ, заповѣдавшій чрезъ Моусея: *не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, да не поклонишися имъ*, повелѣлъ однакожъ Моусею сотворить многія подобія и священныя вещи, даже изваянныя и истуканныя, которыя чтили іудеи: скинію или храмъ, кивотъ завѣта, скри-

жали, херувимовъ въ скиніи; что самъ Моисей и пророкъ Давидъ даже покланялись скиніи и простирали къ ней руки, а другіе пророки и вообще іудеи покланялись храму Соломонову и второму храму, и что есть величайшее различіе между идолами и христіанскими иконами и между поклоненіемъ и тѣмъ и другимъ. Опровергнувъ возраженія жидовствующихъ противъ иконъ, преподобный начинаетъ излагать новозавѣтныя свидѣтельства объ иконопочитаніи, но вскорѣ останавливается и даетъ обѣщаніе поговорить объ этомъ подробнѣе въ слѣдующемъ словѣ. Все шестое слово написано подъ вліяніемъ извѣстныхъ словъ св. Іоанна Дамаскина о св. иконахъ: оттуда заимствованы сюда главныя мысли, хотя выражены нѣсколько иначе и изложены въ другомъ порядкѣ ([195]).

Въ седьмомъ словѣ, которое обширностію своею превосходитъ всѣ другія, каждое порознь, Іосифъ дѣйствительно съ подробностію объясняетъ, какъ и почему христіане должны покланяться: а) иконѣ Пресв. Троицы, б) иконѣ Христа Спасителя, в) иконѣ пресв. Богородицы, г) честному и животворящему кресту, д) св. Евангелію, е) св. Христовымъ тайнамъ, ж) освященнымъ сосудамъ, въ которыхъ тайны совершаются, з) иконамъ св. Іоанна Предтечи, св. ангеловъ и св. людей, мужей и женъ, и) св. мощамъ и—і) св. церквамъ. Мысли о всѣхъ этихъ предметахъ заимствованы преимущественно изъ сочиненій св. Іоанна Дамаскина, частію изъ его словъ объ иконахъ, а частію изъ его Богословія или Изложенія вѣры, но только изложены въ другомъ порядкѣ, однѣ въ сокращеніи, другія въ распространенномъ видѣ, а третьи, весьма немногія,

---

([195]) Самое важное слово объ иконахъ св. Дамаскина, именно III-е, напеч. въ Хр. Чтен. 1823, ч. XI и 1828, ч. XXX.

даже безъ всякаго измѣненія ([196]). Не довольствуясь раскрытіемъ христіанскаго ученія о поклоненіи иконамъ и другимъ священнымъ вещамъ, Іосифъ раскрываетъ далѣе въ томъ же словѣ, какъ христіане должны покланяться и служить другъ другу (буквально изъ Изложенія вѣры св. Іоанна Дамаскина), какъ они должны покланяться и служить царямъ и князьямъ (—изъ словъ того же отца о св. иконахъ), и какъ должны покланяться и служить Господу Богу. Приступая къ этой послѣдней и обширнѣйшей части слова, авторъ замѣчаетъ: «истинному христіанину надобно предварительно знать, что̀ есть Богъ и какъ мудрствовать о Немъ, чтобы научиться, какъ покланяться и какъ служить Ему». А потому сначала излагаетъ, уже на основаніи новаго завѣта, довольно подробное ученіе о Богѣ, единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ, и въ частности о Сынѣ Божіемъ Іисусѣ Христѣ и Его двоякомъ естествѣ, божескомъ и человѣческомъ, и о Св. Духѣ и Его исхожденіи отъ одного Отца противъ латинянъ, при чемъ приводитъ весьма многія свидѣтельства учителей церкви. Потомъ преподаетъ наставленія, какъ покланяться Богу, т. е., какъ истинно молиться Ему, чѣмъ возбуждать въ себѣ молитвенное расположеніе, и говоритъ о силѣ и благотворности молитвы, о превосходствѣ молитвы общественной предъ частною, церковной предъ домашнею, о благовременномъ хожденіи во храмъ, о надлежащемъ присутствованіи при богослуженіи и о молитвѣ внѣ храма. Наконецъ, объясняетъ, какъ христіанину должно служить Богу. Тутъ изложенъ цѣлый рядъ нравственныхъ правилъ и убѣжденій, обнимающихъ всю область христіанскаго

([196]) Снес. Просвѣт. 289—299 и *св. Дамаск.* Точное Изложеніе правосл. вѣры, кн. IV, гл. 2 и 13, Москв. 1844.

благочестія, внутренняго и внѣшняго, и христіанскаго благоразумія. Правила написаны кратко, афористически, безъ всякаго раздѣленія на классы, но ясно, съ глубокимъ чувствомъ и силою. Статья эта—одна изъ лучшихъ во всемъ сочиненіи, если не самая лучшая.

На писанія св. отцевъ жидовствующіе нападали преимущественно по тому случаю, что въ 1492 г. исполнилось семь тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра и окончилась пасхалія, а кончины міра не послѣдовало, будто бы вопреки ученію св. отцевъ. «Святые отцы написали, — говорили еретики, — что седмь тысячъ лѣтъ назначено для здѣшняго житія, а осмая тысяча для будущаго вѣка; но нынѣ седмь тысячъ лѣтъ прошло, а конца міру нѣтъ; слѣд. писанія отеческія ложны и ихъ слѣдуетъ сжечь». «Мы же,—отвѣчаетъ на это препод. Іосифъ,—имѣемъ свидѣтельства, что писанія св. отцевъ истинны, потому что согласны съ писаніями пророческими и апостольскими». И вслѣдъ за тѣмъ въ восьмомъ словѣ раскрываетъ слѣдующія мысли: а) св. отцы отнюдь не учили, будто для міра назначено седмь *тысячъ* лѣтъ, а выражались только, на основаніи словъ Екклесіаста: *даждь часть седмимъ и осмимъ* (—11, 2), что для настоящей жизни опредѣлено седмь *вѣковъ*, восьмой же *вѣкъ* для жизни будущей: но слово *вѣкъ* имѣетъ въ писаніи неопредѣленное и обширнѣйшее значеніе; б) время кончины міра намъ не открыто Богомъ и всѣ попытки опредѣлить эту кончину суетны и безполезны; в) пасхаліи до перваго вселенскаго собора совсѣмъ не было; а послѣ того, какъ отцы собора установили міротворный кругъ въ 532 г., нѣкоторые написали пасхалію до шести тысячъ лѣтъ, затѣмъ еще нѣкоторые продолжили ее до седми тысячъ лѣтъ, — продолжили по своему умышленію, а не отъ св. апостоловъ, не отъ

св. отцевъ; вообще по міротворному кругу пасхалія можетъ быть продолжаема безконечно. Въ словѣ приведено много свидѣтельствъ св. отцевъ и въ частности мыслей изъ Богословія св. Іоанна Дамаскина ([197]).

Противъ писаній св. апостоловъ жидовствующіе возражали: «Почему доселѣ нѣтъ втораго пришествія Христова? Ему уже время быть. Апостолы написали, что Христосъ родился *въ послѣдняя лѣта;* но по рождествѣ Христовѣ прошло уже тысяча пятьсотъ лѣтъ, а втораго пришествія Христова нѣтъ: значитъ, писанія апостольскія ложны». Отвѣтъ препод. Іосифа въ девятомъ словѣ, которое, очевидно, написано не прежде 1500 года, таковъ: Писанія св. апостоловъ истинны, потому что изречены отъ Духа Святаго. Если апостолы написали, что Христосъ родился *въ послѣдняя лѣта* (1 Петр. 1, 20), т. е., спустя 5500 лѣтъ отъ сотворенія міра, то этимъ выразили только мысль, что Онъ родился не въ прежнее время, не черезъ тысячу, не черезъ двѣ тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра Но нигдѣ въ писаніяхъ апостольскихъ не сказано, что когда отъ перваго пришествія Іисуса Христа пройдетъ опредѣленное число лѣтъ—тысяча или двѣ, тогда будетъ второе Его пришествіе: ибо объ этомъ *никтоже вѣсть, ни ангели небесніи.* Даже если бы Господь чрезъ апостоловъ и съ точностію предвозвѣстилъ намъ, что второе пришествіе Его будетъ чрезъ тысячу или двѣ тысячи, и потомъ не пришелъ въ опредѣленное время: и тогда мы не имѣли бы права истязать Его, почему Онъ не пришелъ: ибо Онъ могъ отложить свое пришествіе по долготерпѣнію и милости къ намъ, чтобы мы успѣли покаяться. Доискиваться, когда настанетъ время втораго при-

([197]) Особенно изъ кн. I, гл. 1, 2 и 4 и кн. IV, гл. 23.

шествія Христова, намъ не открытое, и требовать, почему Христосъ доселѣ не приходитъ, есть дѣло величайшей дерзости со стороны ничтожной твари, человѣка. Раскрытіе этой последней мысли составляетъ наибольшую часть слова.

Нападая вообще на писаніе св. отцевъ, жидовствующіе нападали, въ частности, на писанія св. Ефрема Сирина и говорили: «Ефремъ написалъ: уже пророчества и писанія окончились; не остается болѣе ничего, какъ быть второму пришествію Господа нашего І. Христа. Но вотъ уже тысяча сто лѣтъ прошло со временъ Ефрема, а втораго пришествія нѣтъ: значитъ, писанія его ложны...». Въ отвѣтъ на это препод. Іосифъ въ десятомъ словѣ утверждаетъ, что св. Ефремъ писалъ о второмъ пришествіи Христовомъ и будущемъ судѣ точно такъ же, какъ прежде писали о томъ пророки и апостолы, которые нерѣдко представляли будущія событія какъ бы настоящими, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ цѣлый рядъ относящихся къ этому предмету изреченій, сперва пророческихъ, потомъ евангельскихъ и апостольскихъ, далѣе изреченій св. Ефрема, показывая согласіе ихъ съ пророческими и апостольскими, и, наконецъ, такихъ изреченій свящ. писанія, въ которыхъ будущія событія представляются какъ бы настоящими.

Одиннадцатое слово Іосифъ раздѣлилъ на четыре главы соотвѣтственно четыремъ возраженіямъ жидовствующихъ противъ монашества. Въ первой доказываетъ, что монашество, вопреки мнѣнію еретиковъ, отнюдь не есть изобрѣтеніе и преданіе человѣческое, несогласное съ свящ. писаніемъ, а изобрѣтено и существуетъ по заповѣди Божіей и по пророческому, евангельскому и апостольскому писанію, что слѣды монашества были еще въ ветхомъ завѣтѣ до закона и во дни закона,

а въ новомъ завѣтѣ оно ведетъ свое начало отъ самого Христа Спасителя и апостоловъ. Во второй главѣ, опровергая умствованіе еретиковъ: «если бы иноческое житіе было богоугодно, то Христосъ и апостолы были бы и писались бы на иконахъ въ иноческомъ образѣ»,—объясняетъ подробно, что весь иноческій образъ, во всѣхъ его принадлежностяхъ, есть образъ покаянія и плача, а потому не могъ приличествовать ни Христу Богу, ни Его св. апостоламъ. Въ третьей главѣ доказываетъ, что ангелъ, предавшій Пахомію иноческій образъ — схиму, хотя явился ему не свѣтлымъ, а чернымъ, посланъ былъ однакожъ не отъ бѣса, какъ утверждали еретики, а отъ Бога; что онъ явился чернымъ, имѣя на себѣ одѣяніе великаго иноческаго образа, т. е., схимы, сообразно съ цѣлію, для которой былъ посланъ, и что вообще ангелы являлись св. людямъ въ разныхъ видахъ, какъ угодно было Господу. Наконецъ, въ четвертой главѣ раскрываетъ, что слова апостола *о возбраняющихъ женитися и удалятися отъ брашенъ* (1 Тим. 4, 3) относятся совсѣмъ не къ инокамъ, какъ думали жидовствующіе, а къ еретикамъ манихеямъ, маркіонитамъ, считавшимъ бракъ прелюбодѣяніемъ, а брашна скверною, и что иноки только предпочитаютъ дѣвство браку, но не возбраняютъ никому брака, только воздерживаются отъ пищи, но не называютъ ее скверною. Въ этомъ обширномъ словѣ приводится множество свидѣтельствъ изъ писаній св. отцевъ, изъ житій святыхъ и изъ другихъ духовныхъ книгъ, съ указаніемъ на источники или на имена писателей.

Въ первыхъ одиннадцати словахъ своего Просвѣтителя препод. Іосифъ опровергъ все лжеученіе жидовствующихъ или всѣ тѣ части этого лжеученія, какія признавалъ необходимымъ опровергнуть. Оставалось опредѣлить, какъ же смотрѣть православ-

нымъ на новыхъ еретиковъ, какъ относиться къ нимъ. Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ было необходимѣе, что сами еретики вызывали къ тому своими умствованіями и разглагольствіями.

Еще митрополитъ Зосима говорилъ, а за нимъ повторяли и другіе жидовствующіе, что «если даже еретикомъ будетъ святитель и не благословитъ или проклянетъ кого-либо изъ православныхъ, то суду его послѣдуетъ судъ Божій» (198). Это смущало православныхъ и заставляло ихъ бояться анаѳемы отъ еретика-митрополита. Самъ епископъ суздальскій Нифонтъ спрашивалъ по этому случаю мнѣнія препод. Іосифа, и Іосифъ, въ посланіи къ нему (около 1493 г.), цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ церковной исторіи, правилъ соборныхъ, свидѣтельствъ св. Писанія и отеческихъ, доказывалъ, что проклятіе отъ святителя-еретика не имѣетъ никакой силы, что оно не сопутствуется судомъ Божіимъ, и что православнымъ такого проклятія не слѣдуетъ бояться (199). Тѣ же самыя мысли Іосифъ изложилъ и въ двѣнадцатомъ своемъ словѣ на новгородскихъ еретиковъ, только въ другомъ порядкѣ и съ большею подробностію, для вразумленія всѣхъ православныхъ. Замѣчательно, что двѣнадцатое слово во многихъ спискахъ Просвѣтителя не встрѣчается (200).

Равнымъ образомъ еще митрополитъ Зосима началъ учить, что «не должно осуждать ни еретика, не отступника» (201). Эта мысль, естественно, съ радостію подхваченная жидовствующими, нашла себѣ, по крайней мѣрѣ, въ дальнѣйшемъ

---

(198) Просвѣт. 61. 515.
(199) Посланіе это напеч. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847. I, отд. IV, стат. 1.
(200) Предисловіе къ Просвѣт. стр. 15.
(201) Просвѣт. 61.

своемъ развитіи, сочувствіе и въ нѣкоторыхъ православныхъ, особенно послѣ собора 1504 года, когда главнѣйшіе изъ еретиковъ казнены были страшною смертію. Препод. Іосифъ немедленно возсталъ и противъ этого ученія и въ посланіи къ Нифонту суздальскому уже объяснялъ довольно подробно, что еретиковъ не только велѣно судить и осуждать судомъ церковнымъ, но что благочестивые цари и князья должны подвергать еретиковъ и гражданской казни, посылать ихъ въ заточеніе, а иногда даже предавать смерти,—для чего ссылался на слова св. апостола Павла (Евр. 10, 28. 29), на постановленіе греческаго царя Ираклія, на примѣры омиритскаго царя Авраамія, греческихъ — Іустина, Тиверія, Ѳеодоры и сына ея Михаила и др. Потомъ эти же мысли съ нѣкоторыми дополненіями Іосифъ повторилъ въ посланіи (около 1503 г.) къ духовнику великаго князя Ивана Васильевича, андрониковскому архимандриту Митрофану; кратко выразилъ въ посланіи (послѣ 1504 г.) къ великому князю Василію Ивановичу и, когда послѣднее подверглось возраженіямъ со стороны заволжскихъ старцевъ, изложилъ со всею обстоятельностію въ посланіи къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію ([202]). Наконецъ, раскрытію этихъ самыхъ мыслей Іосифомъ посвящены четыре послѣднія слова въ его Просвѣтителѣ.

Говоря, что не должно осуждать ни еретика, ни отступника, жидовствующіе ссылались на слова Спасителя: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. 7, 1), и на слова Іоанна Златоуста: «недостоитъ никогоже ненавидѣти или *осуждати*, ниже невѣрнаго, ниже еретика, и не убо достоинъ *убивати* еретика». Приступая къ опроверженію этого ученія въ три-

---

([202]) См. нашей Истор. Русск. Церкви VI, 134—138 (изд. 1), 135—140 (изд. 2).

надцатомъ словѣ, Іосифъ сначала замѣчаетъ: «желающій правильно уразумѣть сказанное Господомъ: *не судите, да не судими будете,* пусть прочтетъ свидѣтельства св. отцевъ — Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Аѳанасія Великаго и многихъ другихъ, которыя собралъ въ своей великой книгѣ препод. отецъ нашъ Никонъ (черногорецъ), въ 39 словѣ». Затѣмъ обращаетъ все свое вниманіе на вышеприведенныя слова Златоуста и даетъ на нихъ два отвѣта. Въ первомъ отвѣтѣ говоритъ, что еретиковъ, по ученію Златоуста, только тогда не должно ненавидѣть, осуждать и творить имъ зла, напротивъ должно обходиться съ ними съ кротостію, когда они живутъ спокойно и не творятъ намъ — вѣрнымъ никакого душевнаго вреда; а если они, какъ волки, устремляются на стадо Христово, чтобы его расхитить и погубить, и прельщаютъ православныхъ, тогда пастыри церкви обязаны вооружаться противъ еретиковъ и не только осуждать ихъ, но и проклинать и вредить имъ. А что дѣйствительно таково ученіе Златоуста и такъ вообще надобно поступать съ еретиками, Іосифъ — а) приводитъ два новыя свидѣтельства изъ Златоуста, въ которыхъ св. отецъ точно заповѣдуетъ запрещать и заграждать уста еретикамъ, открыто враждующимъ противъ вѣры Христовой, свидѣтельствовать на нихъ предъ судомъ, какъ на хулителей Христовыхъ, даже язвить ихъ рукою и тѣмъ освящать ее, и не имѣть съ ними ни въ дружбѣ, ни въ любви, ни даже въ пищѣ и питіи никакого общенія; б) указываетъ на апостоловъ — Петра, Іоанна, Филиппа и Павла и на отцевъ церкви—Іоанна Златоустаго, Порфирія епископа газскаго, Льва катанскаго и Ѳеодора едесскаго, которые не осуждали еретиковъ и невѣрныхъ и не творили имъ зла, пока они не причиняли вреда православнымъ и ихъ вѣрѣ, а какъ только ере-

тики начинали вредить православію, то осуждали ихъ и проклинали. «Такъ, заключаетъ преподобный, слѣдуетъ поступать и намъ съ нынѣшними еретиками, которые сотворили намъ столько душевнаго вреда и пагубы и увлекли въ жидовство столько православныхъ, что и перечесть невозможно». Во второмъ отвѣтѣ Іосифъ объясняетъ, что Златоустъ сказалъ только: не подобаетъ *намъ* убивать еретиковъ, т. е., разумѣлъ епископовъ, священниковъ, иноковъ и вообще лица духовныя, но не сказалъ: не подобаетъ царямъ, князьямъ и судіямъ убивать еретиковъ. И потомъ въ доказательство мысли, что цари, князья и судіи обязаны дѣйствовать противъ еретиковъ гражданскими мѣрами—а) ссылается на слова апостола Петра, что царямъ и князьямъ дана отъ Бога власть *во отмщеніе злодѣемъ* (1 Петр. 2, 14), относя къ числу злодѣевъ и еретиковъ, какъ причиняющихъ величайшее зло православнымъ: б) приводитъ градскіе (гражданскіе) законы изъ Кормчей, въ которыхъ отступники и еретики признаются «повинными конечнѣй муцѣ и казни» ([203]); в) напоминаетъ объ отцахъ вселенскаго собора, просившихъ царя Іустиніана, чтобы онъ искоренилъ остатки еретической злобы; г) указываетъ вообще на царей греческихъ, бывшихъ во дни вселенскихъ соборовъ, Константина, Өеодосія Великаго, Өеодосія Младшаго, Маркіана.

([203]) Закона градск. грань 39, гл. 31—33, въ Славянск. Кормч. ч. II. А надобно замѣтить, что преп. Іосифъ считалъ эти градскіе законы, какъ помѣщенные въ Кормчей вмѣстѣ съ правилами соборовъ и отцевъ, совершенно наравнѣ съ этими послѣдними за *писанія божественныя* и училъ: «аще ли кто речетъ: се суть градстіи законы, а не св. отецъ писанія, таковый о семъ да прочтетъ третіенадесять слово, иже въ сей книзѣ написано, и тогда увѣсть *о градскихъ законахъ, яко подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніемъ*» (Просвѣт. стр. 588. Спес. Слов. XIII. стр. 537—538).

Іустиніана, Константина и царицы Ирины, которые посылали еретиковъ въ заточеніе и подвергали другимъ казнямъ, и вмѣстѣ на то, что св. отцы того имъ не возбраняли; д) указываетъ также на примѣры пророковъ и царей въ ветхомъ завѣтѣ, апостоловъ и отцевъ церкви въ новомъ, которые то мечемъ, то еще чаще молитвою убивали отступниковъ и еретиковъ, и замѣчаетъ, что если бы не подобало отступниковъ и еретиковъ предавать казнямъ и смерти, то апостолы и отцы не умерщвляли бы ихъ и силою своей молитвы. Послѣ этого Іосифъ останавливается еще на слѣдующемъ возраженіи жидовствующихъ, очевидно, направленномъ лично противъ него: «если и подобаетъ судить или осуждать еретиковъ или отступниковъ, то царямъ, князьямъ, святителямъ и судіямъ земскимъ, а не инокамъ, отрекшимся міра, которые должны только внимать себѣ и никого не осуждать, ни еретика, ни отступника», — и указываетъ на Антонія Великаго, Пафнутія исповѣдника, Пахомія, Макарія, Ефрема, Евѳимія и многихъ другихъ иноковъ и пустынниковъ, которые то сами возставали на еретиковъ и осуждали ихъ, то участвовали на соборахъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, въ осужденіи и проклятіи еретиковъ. А въ заключеніе всего слова говоритъ: «итакъ, для всякаго очевидно, что и святителямъ, и священникамъ, и инокамъ, и простымъ людямъ, и всѣмъ, по-христіански мудрствующимъ, подобаетъ осуждать и проклинать еретиковъ и отступниковъ, а царямъ, и князьямъ, и судіямъ земскимъ подобаетъ посылать ихъ въ заточеніе и предавать лютымъ казнямъ».

Въ четырнадцатомъ словѣ, самомъ короткомъ изъ всѣхъ, Іосифъ разсматриваетъ мнѣніе жидовствующихъ (которое отстаивали во второмъ своемъ посланіи заволжскіе старцы): «не подобаетъ много искати или истязати или испытовати о ере-

тицѣхъ и о отступницѣхъ, аще сами не исповѣдаютъ своея ереси и отступленія», — и утверждаетъ, что, напротивъ, всякій православный долженъ всячески, съ ревностію, употребляя даже «богопремудростныя коварства», разузнавать, искать, истязать о еретикахъ и отступникахъ и, узнавши истинно, долженъ свидѣтельствовать на нихъ, а не скрывать ихъ. Въ доказательство своихъ мыслей преподобный—а) указываетъ на Флавіана, патріарха антіохійскаго, который «богопремудростнымъ художествомъ» (хитростію) и ласковою бесѣдою вывѣдалъ отъ начальника ереси мессаліанъ Аделфія о ихъ ереси и удалилъ ихъ отъ предѣловъ антіохійскихъ, и на Амфилохія, епископа иконійскаго, который, также «благопремудростнѣ» разузнавъ о тѣхъ же еретикахъ, отогналъ ихъ отъ своей паствы; б) приводитъ градскія узаконенія изъ Кормчей, по которымъ, если православные знаютъ о еретикахъ и не донесутъ на нихъ, не предадутъ ихъ властямъ, то признаются сами «повинными конечнѣй муцѣ» ([204]); в)—свидѣтельство Златоуста, которое выражаетъ, что христіане, когда услышатъ или увидятъ ученіе или дѣйствія еретиковъ, должны доносить на нихъ, быть на нихъ свидѣтелями истинными и не покрывать, не таить ихъ; если же кто покроетъ, то вмѣстѣ съ ними преданъ будетъ огню вѣчному.

Въ пятнадцатомъ словѣ, изложивъ мнѣнія жидовствующихъ (а равно и заволжскихъ старцевъ, высказанное во второмъ ихъ посланіи): «если еретикъ или отступникъ обратится къ покаянію, то ему немедленно слѣдуетъ входить въ церковь и причащаться божественныхъ таинъ», — препод. Іосифъ отвѣчаетъ, что приводимыя жидовствующими (а равно и старцами) сви-

---

([204]) Закон. градск. гран. 39, гл. 28, въ Слав. Кормч. ч. II.

дѣтельства въ опору этого мнѣнія изъ толковаго Евангелія, изъ Іоанна Лѣствичника и изъ священныхъ правилъ относятся только къ еретикамъ, а не къ отступникамъ отъ христіанской вѣры, да и къ еретикамъ не ко всѣмъ. Ибо были еретики, павлиніане, савеліане, евноміане и другіе, которые не вѣровали во святую и единосущную Троицу, въ божество Іисуса Христа и Его воплощеніе: такимъ, если они обращаются къ православной вѣрѣ, свящ. правила повелѣваютъ прежде поститься довольное время и стоять внѣ церкви, а потомъ повелѣваютъ крестить ихъ, какъ язычниковъ, и затѣмъ уже удостоивать божественнаго причащенія. И были еретики, новаціане, донатисты и подобные, которые вѣровали во св. единосущную Троицу, а равно въ божество и вочеловѣченіе Іисуса Христа: такихъ, если они захотятъ приступить къ православной вѣрѣ и проклянутъ свою ересь, правила повелѣваютъ принимать вскорѣ и удостоивать святаго причащенія: къ нимъ-то и относятся свидѣтельства приводимыя жидовствующими. Но если и еретиковъ не всѣхъ подобаетъ вскорѣ принимать и сподоблять св. таинъ, тѣмъ болѣе нельзя этого дѣлать для отступниковъ отъ вѣры. Да и отступники неравны между собою по виновности. Одни, родившись въ христіанской вѣрѣ, отступили отъ нея или въ младенчествѣ, или по невѣдѣнію, или ради нужды, или въ плѣну, и не прельстили никого изъ православныхъ: такихъ отступниковъ, когда они приступаютъ къ православной христіанской вѣрѣ, божественныя правила, хотя и съ опасеніемъ, сподобляютъ милости. А есть отступники, которые и родились и возросли въ христіанской вѣрѣ, и не въ плѣну, не ради мукъ, а самовольно отверглись Христа: такіе, если обратятся къ христіанству, должны, по 73-му правилу Василія Великаго и 30-му

Григорія нисскаго, всю жизнь свою проводить въ покаяніи и молиться не вмѣстѣ съ вѣрными, а особо отъ нихъ, и только предъ кончиною своею могутъ быть удостоены св. причастія. Есть, наконецъ, еще отступники худшіе и первыхъ и вторыхъ: это явившіеся нынѣ отступники новгородскіе, которые не во младенчествѣ, не въ плѣну, не ради нужды, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ, самохотѣніемъ и самопроизвольно, отверглись отъ православной христіанской вѣры, и изрекли многія хулы на св. единосущную Троицу и на пресв. Богородицу, и на всѣхъ святыхъ, и сотворили многія «скверненія» на св. церковь, и на св. иконы, и на св. кресты, и на свящ. мощи святыхъ, и многихъ православныхъ прельстили и отвели въ жидовство. Эти отступники хуже всѣхъ еретиковъ и отступниковъ, бывшихъ въ древніе, средніе и послѣдніе роды. Чтобы оправдать такой свой отзывъ о жидовствующихъ, Іосифъ совѣтуетъ прочитать помѣщенное въ началѣ его книги «Сказаніе» объ нихъ, представляющее исторію ихъ до митрополита Зосимы; потомъ описываетъ дальнѣйшія ихъ дѣйствія, въ высшей степени оскорбительныя для православнаго христіанства, продолжая эту исторію до собора 1504 года, и замѣчаетъ, что прошло тридцать четыре года со времени отступленія жидовствующихъ (значитъ, слово это писано въ 1505 г.), и ни одинъ изъ нихъ не покаялся; когда же обличили ихъ на соборѣ и начали предавать казни, они начали каяться не по доброй волѣ, а по нуждѣ.

Такимъ образомъ Іосифъ приблизился къ послѣднему вопросу относительно жидовствующихъ, рѣшеніемъ котораго онъ окончилъ свою книгу и изъ-за котораго преимущественно подвергался многимъ пререканіямъ и въ свое время, а еще болѣе подвергается въ наши дни, къ вопросу: должно ли при-

нимать и миловать кающихся еретиковъ или отступниковъ если они начнутъ каяться уже послѣ того, какъ будутъ обличены въ своей ереси или отступничествѣ и осуждены? Не только сами жидовствующіе отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, но и многіе православные, какъ сознается Іосифъ, и даже нѣкоторые владыки, какъ свидѣтельствуютъ его біографы, увидѣвъ казнь еретиковъ послѣ собора 1504 года, начали «скорбѣть и тужить» о нихъ и говорили, что надобно принимать ихъ покаяніе и удостоивать ихъ помилованія ([205]). И этотъ-то вопросъ былъ главнѣйшимъ предметомъ несогласія между Іосифомъ и заволжскими старцами, да и самимъ княземъ-старцемъ Вассіаномъ Косымъ. И они соглашались, что еретиковъ, пока они еретики, т. е., «еретиковъ, некающихся и непокоряющихся, велѣно заточать», и слѣд. соглашались, болѣе или менѣе, съ содержаніемъ тринадцатаго слова Іосифа; но утверждали только въ первомъ своемъ посланіи, что кающихся еретиковъ и проклинающихъ свою ересь должно принимать въ церковь съ отверстыми объятіями и миловать, не объясняя, впрочемъ, каются ли они добровольно или по нуждѣ ([206]). И самъ князь-старецъ Вассіанъ училъ: «яко подобаетъ еретиковъ святителемъ и всему священному събору *проклинати*, аще которіи не каются или паче наплююще съпротивляются; царемъ же и княземъ сихъ *подобаетъ заточати и казнити*..., а кающихся повелѣваютъ святая писанія пріимати на покаяніе» ([207]). Приступая къ рѣшенію этого

([205]) Просвѣтит. 588; *Савв. Крутиик.* Житіе преп. Іосифа Волок. стр. 36, Москв. 1865.

([206]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XVI, 424.

([207]) Полемическія сочиненія инока-князя Вассіана Патрикѣева, въ Правосл. Собесѣдн. 1863, III, 201. То же говоритъ Вассіанъ и въ другомъ мѣстѣ—на стр. 199.

вопроса въ 16-мъ словѣ своемъ, преподобный говоритъ, что. какъ принимать еретиковъ и отступниковъ, добровольно кающихся, онъ показалъ въ предыдущемъ словѣ отъ священныхъ правилъ и отъ другихъ божественныхъ писаній; но какъ принимать новгородскихъ отступниковъ, кающихся уже по осужденіи ихъ, не своею волею, объ этомъ не написано ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ книгъ, ни въ свящ. правилахъ, ни въ другомъ какомъ-либо божественномъ писаніи. А потому предлагаетъ всѣмъ — и князьямъ, и судіямъ, и святителямъ, и вообще православнымъ христіанамъ усердно молиться Богу, да просвѣтитъ и вразумитъ и научитъ Онъ самъ, какъ принимать покаяніе еретиковъ или отступниковъ, кающихся не волею. Послѣ такого, однакожъ, приступа, Іосифъ прямо и не колеблясь высказалъ слѣдующія свои мысли: 1) Если бы жидовствующіе сами начали, прежде обличенія, каяться и исповѣдали свое отступничество, тогда покаяніе ихъ было бы пріятно; но они этого не сдѣлали, а уже когда были обличены и осуждены на смерть, тогда начали каяться: потому ихъ покаяніе не можетъ быть пріятно (т. е., принято). Ибо Богъ сказалъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26), и Адамъ, Каинъ, Гіезій, хотя по обличеніи ихъ покаялись, не были помилованы, а осуждены Богомъ. 2) Если покаяніе новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ, кающихся по обличеніи и осужденіи ихъ, будетъ принято, въ такомъ случаѣ надобно принимать и покаяніе татей. разбойниковъ, убійцъ и другихъ злодѣевъ, которые, по обличеніи и осужденіи ихъ на смерть, обыкновенно каются. Но ихъ покаяніе однакожъ не принимается; а еретики и отступники, по своимъ преступленіямъ, гораздо виновнѣе всякихъ злодѣевъ. И нельзя не удивляться, какъ православные, видя

единовѣрныхъ своихъ братій, осужденныхъ за какіе-либо тяжкіе грѣхи и ведомыхъ на смерть, не сѣтуютъ о нихъ, считаютъ ихъ достойными казни, и даже гнушаются ими; а о еретикахъ и отступникахъ, которые самовольно отверглись Христа, поругались Ему и старались все православное христіанство отвесть въ жидовство, скорбятъ и тужатъ, узнавши объ ихъ осужденіи на смерть, и говорятъ, что нужно ихъ миловать, какъ будто св. отцы и благочестивые цари были немилосерды, установивши правила о наказаніи еретиковъ и отступниковъ. 3) Правда, Богъ *не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іез. 34, 11), и Сынъ Божій приходилъ *призвати не праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. 9, 13); но здѣсь разумѣется обращеніе и покаяніе истинное, а не лестное, не притворное. Кто же можетъ знать и доказать, что истинно, а не лестно, каются нынѣ жидовствующіе? Кто осмѣлится принимать ихъ, какъ истинно кающихся и творить имъ ослабу, и чрезъ то принять на себя страшную отвѣтственность предъ Богомъ за все то зло, какое произведутъ они, увлекши еще множество православныхъ въ жидовство? 4) Если въ писаніяхъ нѣтъ ничего о томъ, какъ принимать такихъ еретиковъ и искушать ихъ покаяніе: то мы должны, послѣ молитвы къ Богу о вразумленіи насъ, обращаться къ примѣрамъ прежнихъ временъ и смотрѣть, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ православные цари и св. отцы. А они, по проклятіи еретиковъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, хотя то были иногда не простые христіане, а сами патріархи и святители, осуждали ихъ на заточеніе и держали въ темницахъ до конца ихъ жизни, боясь, чтобы они не прельстили православныхъ: ибо кто захочетъ каяться, тотъ можетъ каяться и въ темницѣ, и Богъ слышитъ такого рода

покаяніе, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные примѣры. 5) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, по осужденіи еретиковъ, ихъ отсылали въ заточеніе и держали въ темницахъ до самой ихъ смерти, ересь ихъ прекращалась и искоренялась, какъ искоренена была и у насъ ересь стригольниковъ. Но когда цари и святители, по проклятіи еретиковъ, давали имъ ослабу, вѣря ихъ покаянію, ересь ихъ не только не искоренялась, но еще усиливалась, и они совращали вновь многихъ православныхъ, какъ случилось и у насъ съ самими жидовствующими, которые, когда в. к. Иванъ Васильевичъ повѣрилъ ихъ покаянію и далъ имъ ослабу, произвели неисчислимое зло и увлекли множество православныхъ въ жидовство. А потому, если и нынѣ помилуютъ этихъ вѣроотступниковъ и не ввергнутъ ихъ въ темницу до самой ихъ смерти, церковь Божія не умирится и ихъ жидовское ученіе не угаснетъ. 6) Тамъ, гдѣ цари и святители дѣлали ослабу еретикамъ и отступникамъ, они погубили своими ересями не только села и грады, но и цѣлыя страны и царства, каковы Армянское, Ефіопское и Римское. Потому подобаетъ всѣмъ, любящимъ Христа, показать великое тщаніе и подвигъ, да не погибнемъ и мы — русскіе такъ же, какъ погибли царства Армянское, Ефіопское и Римское по небреженію тогдашнихъ православныхъ царей и святителей... и проч.

Довольно подробно мы изложили содержаніе «Просвѣтителя» съ тою цѣлію, чтобы яснѣе увидѣть не только достоинства сочиненія, но и самого автора. Преподобный Іосифъ является здѣсь предъ нами богословомъ съ обширными познаніями въ священномъ Писаніи и въ писаніяхъ св. отцевъ и учителей церкви, — съ такими познаніями, какихъ доселѣ мы не встрѣчаемъ у себя ни въ комъ. Онъ приводитъ безчисленное мно-

жество текстовъ и преимущественно изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, хотя нельзя не сознаться, что употребляетъ и изъясняетъ ихъ не всегда удачно. Приводитъ также безчисленное множество свидѣтельствъ почти изъ сорока св. отцевъ, учителей церкви и другихъ писателей, равно изъ житій святыхъ, патериковъ и подобныхъ книгъ, хотя отсюда не слѣдуетъ, чтобы Іосифъ перечиталъ всѣ сочиненія этихъ людей, или чтобы всѣ эти сочиненія существовали тогда въ славянскомъ переводѣ. Наиболѣе Іосифъ пользовался тремя писателями — св. Іоанномъ Златоустымъ, св. Іоанномъ Дамаскинымъ и Никономъ черногорцемъ: сочиненія двухъ первыхъ, хотя не всѣ, издавна переведены были на славянскій языкъ; сборники последняго — Тактиконъ и Пандекта встрѣчаются у насъ въ славянскомъ переводѣ съ XIII—XIV вѣка. Можно насчитать еще до двѣнадцати писателей, приводимыхъ Іосифомъ, сочиненія которыхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, также употреблялись у насъ въ славянскихъ переводахъ еще до Іосифа и могли быть имъ перечитаны ([28]). Свидѣтельства же остальныхъ писателей, приводимыя Іосифомъ, онъ могъ заимствовать не изъ ихъ сочиненій, а изъ готовыхъ сборниковъ, существовавшихъ на славянскомъ языкѣ, каковы: извѣстные сборники Святославовы (въ списк. XI и XV), сборники поученій изъ разныхъ св. отцевъ и учителей на дни воскресные и праздничные (XII, XIII и XV в.), Златая Цѣпь (XIV — XV) и особенно

([28]) Таковы именно: Антіохъ, Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій богословъ, Григорій двоесловъ, Діонисій ареопагитъ, Ефремъ сиринъ, Исаакъ сиринъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Кириллъ іерусалимскій, Максимъ исповѣдникъ и Никита ираклійскій. Самыя сочиненія ихъ, какія употреблялись у насъ въ славянскомъ переводѣ еще до Іосифа, показаны въ нашей Истор. Русск. Церкви II, 208 (изд. 2), 198—199 (изд. 3); III, 218—219 (изд. 2 и 3); V, 247—248 (изд. 1), 252—254 (изд. 2).

два обширные, названные нами сборника Никона черногорца, изъ которыхъ Іосифъ дѣйствительно приводилъ свидѣтельства разныхъ учителей церкви, даже Златоуста. Такимъ образомъ, вовсе не перечитывая цѣлой библіотеки отцевъ, а только имѣя подъ руками два-три десятка книгъ и сборниковъ, Іосифъ могъ выбрать изъ нихъ всѣ тѣ свидѣтельства, какія представилъ въ своемъ Просвѣтителѣ. Но мало того, что въ авторѣ Просвѣтителя мы видимъ человѣка начитаннаго и многосвѣдущаго, въ немъ нельзя не признать свѣтлаго, обширнаго и образованнаго ума: въ немъ возбуждена и значительно развита мыслительность; онъ разсуждаетъ логически, послѣдовательно и знакомъ съ пріемами здравой діалектики; онъ не только выражаетъ свои мысли, но и доказываетъ ихъ, разъясняетъ, входитъ въ подробное изслѣдованіе предметовъ и свои изслѣдованія излагаетъ въ связи, даже въ нѣкоторой системѣ, такъ что книгу «Просвѣтитель» можно, по справедливости, назвать первымъ опытомъ у насъ собственно ученаго богословскаго сочиненія.

Самъ препод. Іосифъ неоднократно сознается, что онъ свои слова на новгородскихъ еретиковъ «собралъ отъ многихъ и разныхъ божественныхъ писаній»,—и сознается, какъ мы удостовѣрились, вполнѣ справедливо. Тѣмъ не менѣе эти слова составляютъ его собственное оригинальное сочиненіе въ богословскомъ смыслѣ. Всякое православное сочиненіе о догматахъ вѣры и вообще объ истинахъ положительныхъ неизбѣжно должно заимствовать свой матеріалъ изъ свящ. писанія и изъ писаній отеческихъ или общѣе—изъ преданія церкви. Все достоинство сочинителя заключается здѣсь въ томъ, если онъ сумѣетъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, этимъ богатымъ матеріаломъ, сумѣетъ извлечь изъ данныхъ источниковъ надле-

жащія свидѣтельства, усвоить ихъ себѣ и распорядиться ими, какъ бы своею собственностію, сочетать и расположить по извѣстной идеѣ, объединить, оживить, восполнить собственными соображеніями и изъясненіями и представить въ своемъ произведеніи, какъ одно стройное цѣлое. Такъ пишутся православныя богословскія системы и частныя богословскія изслѣдованія, и никто не называетъ ихъ не оригинальными за то одно, что главное, основное содержаніе ихъ составляютъ тексты библіи и свидѣтельства отцевъ церкви. Такъ написалъ свое «Точное изложеніе вѣры», первый опытъ православнаго Догматическаго Богословія, св. Іоаннъ Дамаскинъ, который не только приводитъ многія свидѣтельства прежнихъ отцевъ подъ ихъ именами, но нерѣдко пользуется ихъ мыслями, даже цѣлыми выдержками изъ ихъ сочиненій и говоритъ буквально ихъ словами (особенно св. Григорія богослова), не обозначая источника. Такъ же написалъ свои слова на новгородскихъ еретиковъ и препод. Іосифъ: всѣ безчисленныя свидѣтельства и другія заимствованія изъ разныхъ св. писаній онъ умѣлъ подчинить собственной мысли, расположить по своимъ предначертаніямъ, проникнуть собственнымъ духомъ, обставить и усилить множествомъ собственныхъ разсужденій и размышленій. Оттого-то въ «Просвѣтителѣ» и отразился весь Іосифъ съ своимъ сильнымъ умомъ, съ своею твердою и живою вѣрою, съ своею пламенною, неукротимою ревностію за православіе. По содержанію своему Просвѣтитель касается, болѣе или менѣе, почти всѣхъ догматовъ вѣры и афористически излагаетъ всѣ правила нравственности; но обстоятельно разсматриваетъ только нѣкоторые догматы: о Пресв. Троицѣ, о божествѣ Сына Божія — Іисуса Христа, о Его воплощеніи, о св. иконахъ, и разсматриваетъ почти исключительно на основаніи ветхаго завѣта.

а не новаго, на которомъ они преимущественно утверждаются,—слѣд. никакъ не можетъ быть названъ систематическимъ изложеніемъ всѣхъ православныхъ догматовъ и христіанскаго нравоученія и не могъ служить для православныхъ полнымъ руководствомъ вообще въ дѣлахъ вѣры. Но православные весьма дорожили этою книгою, часто списывали ее, цѣликомъ и по частямъ, и искали въ ней для себя «просвѣщенія» потому особенно, что въ ней основательно опровергнуты еретическія умствованія, которыми подрывались самыя основанія христіанства и которыя не умирали у насъ въ продолженіе почти всего XVI вѣка, а потомъ возобновились, подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, и въ XVII столѣтіи ([209]).

Остается сказать о четырехъ последнихъ словахъ Просвѣтителя, служащихъ предметомъ соблазна и пререканій для многихъ. Мысли, которыя излагаетъ Іосифъ въ словахъ XIII и XV, не могутъ быть ему вмѣняемы: тутъ онъ правъ. Онъ доказываетъ въ тринадцатомъ словѣ, что еретиковъ и отступниковъ, нераскаянныхъ и непокорныхъ, церковь имѣетъ право осуждать и отлучать, или что то же—анаѳематствовать, проклинать: и это право церкви основывается на свящ. писаніи и неоспоримо ей принадлежитъ. Доказываетъ, что, по осужденіи такихъ еретиковъ и отступниковъ церковію, гражданская власть имѣетъ право подвергать ихъ гражданскимъ наказаніямъ, даже смертной казни, — и справедливо ссылается на царскія правила или законы объ этомъ, которые, точно, находились въ составѣ Кормчей, дѣйствовавшей въ нашей церкви, а равно на примѣръ вселенскихъ соборовъ и греческихъ императоровъ.

([209]) О спискахъ Просвѣтителя—въ Предисл. къ Просвѣтит. 33—37 и въ Изслѣд. г. *Хрушова* X—XI.

Потому-то противъ мыслей, изложенныхъ въ XIII словѣ, никто изъ православныхъ у насъ тогда не возставалъ. Съ ними соглашались и заволжскіе старцы, писавшіе, что нераскаянныхъ еретиковъ велѣно заточать; соглашался и князь-старецъ Вассіанъ Косой, говорившій, что такихъ еретиковъ *подобаетъ заточати и казнити*. Соглашался и самъ Іоаннъ III, который въ 1488 г. вслѣдъ за тѣмъ, какъ митрополитъ Геронтій съ соборомъ епископовъ, по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, осудилъ и анаѳематствовалъ первыхъ еретиковъ жидовствующихъ, присланныхъ Геннадіемъ изъ Новгорода, предалъ ихъ, по царскимъ правиламъ, градской казни, и написалъ Геннадію, ссылаясь на тѣ же царскія правила, чтобы онъ и другихъ упорныхъ еретиковъ, которые не раскаются, передавалъ воеводамъ для такихъ же градскихъ наказаній (210). Если же впослѣдствіи Іоаннъ выражалъ опасеніе Іосифу, не грѣхъ ли казнить еретиковъ: то это могло произойти отъ долговременнаго вліянія на него нѣкоторыхъ жидовствующихъ. Можно не соглашаться съ мыслями XIII слова; можно, если кто желаетъ, осуждать и порицать ихъ, но въ такомъ случаѣ порицаніе должно падать не на Іосифа, а на самые законы и систему, издревле дѣйствовавшіе въ православной церкви, или должно падать не на одного Іосифа, а равно и на заволжскихъ старцевъ, и на князя-старца Вассіана Косаго, и вообще на всѣхъ, которые еще прежде Іосифа держались у насъ тѣхъ же мыслей, слѣдовали той же системѣ (211). Равнымъ образомъ и въ XV словѣ

(210) Акт. Истор. I, стр. 521—522.

(211) Припомнимъ, для примѣра, слова святителя Іоны, митрополита московскаго, объ Исидорѣ митрополитѣ, бѣжавшемъ изъ Москвы: «благовѣрный князь великій Василій Васильевичъ не посла за нимъ възвратити его, ни въсхотѣ держати его, яко несмыслена и богомерзъска, зане бо *святая*

Іосифъ совершенно справедливо доказываетъ, что жидовствующіе суть не еретики, а отступники, и что, по правиламъ св. Василія Великаго и св. Григорія нисскаго, которыя приняты вселенскою церковію, такого рода отступниковъ кающихся не слѣдуетъ тотчасъ допускать во храмъ наравнѣ съ вѣрующими и удостоивать св. причастія, а можно удостоивать св. причастія только подъ конецъ ихъ жизни, которую они должны провести въ покаяніи. Но что касается до мыслей, которыя отстаиваетъ Іосифъ въ XIV и XVI своихъ словахъ, то эти мысли должны быть вмѣняемы уже ему лично. Въ четырнадцатомъ словѣ онъ старается доказать, что всѣ православные обязаны всячески, даже употребляя хитрость, испытывать, искать и истязать скрывающихся еретиковъ,—и ссылается на два примѣра изъ древней исторіи церкви, которые, однакожъ, не вполнѣ подтверждаютъ эту мысль и, какъ частные, не могутъ быть обязательными для всѣхъ христіанъ; ссылается потомъ на царскія правила и на слова Златоуста, которыми, однакожъ, только запрещается христіанамъ скрывать еретиковъ, уже извѣстныхъ, молчать объ нихъ, когда они явно богохульствуютъ или дѣйствуютъ противъ православія, а отнюдь не повелѣвается разыскивать еретиковъ, еще неизвѣстныхъ, и разыскивать всѣми возможными мѣрами. Въ шестнадцатомъ же словѣ, утверждая, что даже кающихся еретиковъ и отступниковъ, каковы жидовствующіе, если только они начнутъ каяться уже по осужденіи ихъ, слѣд. не своею волею, принимать и миловать не должно, Іосифъ самъ сознается, что прямаго сви-

---

правила божественнаго закона св. апостолъ *повелѣваютъ таковаго церкви развратника огнемъ сжещи или живаго въ землю засыпати*» (Посл. къ Литовскимъ епископамъ, въ нашей Истор. Р. Церкви VI, Прилож. № 1, стр. 367 изд. 1, стр. 371 изд. 2).

дѣтельства и основанія для этой мысли онъ не нашелъ въ книгахъ, и потомъ доказываетъ ее одними своими соображеніями. Надобно, однакожъ, замѣтить, что Іосифъ отнюдь не учитъ въ шестнадцатомъ словѣ, чтобы еретиковъ новгородскихъ, недобровольно кающихся, предавать смерти или жечь на кострахъ, а говоритъ только, что, для предохраненія православныхъ отъ ихъ пагубнаго вліянія, ихъ слѣдуетъ заключать въ темницы, ссылать въ заточеніе, гдѣ бы они могли каяться до конца своей жизни и лишены были всякой возможности распространять свою ересь и вредить православію: этого только, отнюдь не болѣе, Іосифъ требовалъ и во второмъ посланіи своемъ (въ 1511 г.) къ великому князю Василію Ивановичу, и по этой именно мысли Василій Ивановичъ, наконецъ, и поступилъ съ жидовствующими для пресѣченія ихъ ереси ([212]). Такое строгое отношеніе преподобнаго къ новгородскимъ еретикамъ, даже кающимся, едва ли справедливо объяснять духомъ времени, когда извѣстно, что многіе другіе православные, въ томъ числѣ и нѣкоторые владыки, относились тогда къ нимъ совсѣмъ иначе и желали ихъ помилованія: а вѣрнѣе можно объяснить духомъ самого Іосифа и его убѣжденій, которыя и выразилъ онъ въ своемъ XVI словѣ. Онъ считалъ жидовствующихъ злѣйшими изъ всѣхъ вѣроотступниковъ, когда-либо бывшихъ; до глубины души былъ возмущенъ ихъ дерзкими хулами, ихъ кощунственными дѣйствіями противъ всего святаго и чтимаго въ христіанствѣ; онъ видѣлъ и сознавалъ, что они уже причинили неисчислимый вредъ отечественной церкви, что они никогда не каялись искренно въ своей ереси, и когда получали снисхожденіе отъ властей, то еще усиливали свою дѣятель-

---

([212]) Нашей Истор. Р. Церкви, VI. 155—156 (изд. 1), 157—158 (изд. 2).

ность для совращенія православныхъ; онъ былъ убѣжденъ, что если повѣрить покаянію жидовствующихъ, помиловать ихъ, оставить ихъ жить на полной волѣ, то они совершенно могутъ погубить и церковь русскую и самое государство. — и, воодушевленный безграничною ревностію по православію и пламенною любовію къ отечеству, говорилъ и настаивалъ, что покаянію этихъ вѣроотступниковъ вѣрить не должно, что для прекращенія ихъ пагубной ереси средство одно — разослать ихъ для покаянія въ отдаленныя мѣста на заточеніе или заключить всѣхъ въ темницы по самый конецъ ихъ жизни.

Кромѣ «Просвѣтителя» и разныхъ посланій, написанныхъ препод. Іосифомъ по поводу и для опроверженія ереси жидовствующихъ, онъ оставилъ не мало и другихъ сочиненій. Въ однихъ онъ говоритъ о самомъ себѣ, оправдываетъ себя, проситъ себѣ защиты, правды, по поводу спора его съ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ: это уже извѣстныя намъ посланія: а) къ митрополиту Симону, б) къ великому князю Василію Ивановичу, в) къ Борису Васильевичу Кутузову — очень обширное, и г) къ Ивану Ивановичу Третьякову, также обширное. Въ другихъ—говоритъ о монашествѣ и въ частности о своемъ монастырѣ или о томъ, что имѣло къ нимъ отношеніе. Таковы: а) монастырскій уставъ или «Духовная грамата», которая, по своему объему и внутреннему достоинству, занимаетъ второе мѣсто въ ряду сочиненій препод. Іосифа, послѣ «Просвѣтителя»; б) наказъ одному старцу о соблюденіи монастырскаго устава; в) наказъ соборнымъ и прочимъ братіямъ не держать хмѣльныхъ напитковъ въ гостинницѣ: и съ этими сочиненіями мы уже имѣли случай познакомиться ([213]). Сюда

([213]) Въ глав. II-й и IV-й настоящаго періода.

же относятся: а) два посланія къ какому-то вельможѣ или князю о постригшемся въ чернецы рабѣ его, б) посланіе къ четыремъ лицамъ о разстригшемся чернецѣ, в) посланіе къ княгинѣ-вдовѣ о монастырскихъ поминовеніяхъ и г) двѣ грамоты къ великому князю Василію Ивановичу, въ которыхъ Іосифъ передаетъ монастырь свой подъ его защиту, предъ своею кончиною.

Въ первомъ посланіи къ вельможѣ или князю Іосифъ проситъ его не гнѣваться за постриженіе раба его; напоминаетъ ему объ обязанности господъ заботиться о спасеніи своихъ рабовъ; убѣждаетъ вельможу даже радоваться, что «отъ домочадцевъ его обратилась душа на покаяніе» и что онъ, въ лицѣ постригшагося раба, «послалъ даръ Богу и пречистой Богородицѣ наче всѣхъ земныхъ приношеній»: приводитъ правило св. отцевъ: «аще будетъ отрокъ 15 лѣтъ, а отроковица 12, ино ихъ пытати государю и, аще хотятъ, пострищися: аще же не восхотятъ, ино отрока женити, а отроковицу за мужъ дати....» и проч. Но когда вельможа, прочитавъ грамоту Іосифа, выразилъ предъ его слугою свое неудовольствіе, тогда Іосифъ счелъ нужнымъ послать вельможѣ другую, болѣе обширную, грамоту, въ которой повторяя прежнія свои мысли, между прочимъ, писалъ: «такъ, господинъ, неприлично поступать твоему благородію. Божественное писаніе повелѣваетъ всякому человѣку, любящему Христа, имѣть попеченіе о рабахъ, какъ о чадахъ, и наставлять ихъ всегда на благія дѣла, на Божій путь спасеный.... Ибо всѣ мы созданы рукою Божіею, и всѣ— плоть едина, и всѣ крестились единымъ крещеніемъ, и всѣ равно искуплены кровію Христовою.... Хотя здѣсь и попустилъ Господь на малое время одному господствовать, а другому работать, но на страшномъ судѣ Христовомъ не будетъ ни раба,

ни свободнаго, а каждый приметъ по дѣламъ своимъ. И если окажется, что князь или властелинъ былъ благъ, и праведенъ, и милостивъ, и имѣлъ рабовъ своихъ, какъ чадъ, и пекся о душахъ ихъ, то онъ пріиметъ за это наслѣдіе царства небеснаго.... Божественное писаніе повелѣваетъ всякому боголюбивому человѣку подавать Богу десятину отъ имѣнія, и отъ чадъ, и отъ рабовъ, если кто изъ нихъ захочетъ работать Господу, оставить мірскую прелесть. И вотъ у васъ изъ множества рабовъ во многія лѣта одинъ захотѣлъ работать Господу Богу, а ты и то возбраняешь.... Если самъ не хочешь шествовать этимъ путемъ, не возбраняй хотящимъ, особенно же своимъ рабамъ... А, можетъ быть, ты помыслишь, что, постригшись, они начнутъ жить не такъ, какъ слѣдуетъ чернецамъ? Но, вѣдь, за это Богъ съ тебя не взыщетъ...; да если такъ разсуждать, то не слѣдуетъ никому ни креститься, ни постригаться въ чернецы. У Спасителя было двѣнадцать учениковъ, да семьдесятъ два добрыхъ, да и многіе иные ученики ходили вслѣдъ Его, а потомъ оставили Его, говоря: жестоко есть слово Его; кто можетъ Его послушать? Іуда же предалъ Его іудеямъ.... И у св. Павла много было учениковъ, но одни до смерти послѣдовали ему, а другіе развратились и убѣжали.... Кто хулитъ монастыри или св. иноческій образъ за то, что многіе облекаются въ иноческій образъ, а не всѣ спасаются, таковые хулятъ и Господа нашего Іисуса Христа: ибо и Онъ имѣлъ многихъ учениковъ, которые не всѣ спаслись; хулятъ и св. апостола Павла и всѣхъ св. апостоловъ, имѣвшихъ также многихъ учениковъ, которые не всѣ спаслись.... Затѣмъ мы начнемъ хулить и св. крещеніе: такъ какъ многіе крещаются, но не всѣ спасаются.... Потому-то Господь нашъ Іисусъ Христосъ, хотящій спасти всякаго человѣка, зная, что и по кре-

щеніи мы будемъ грѣшить, и повелѣлъ св. апостоламъ и преподобнымъ и богоноснымъ св. отцамъ нашимъ предать намъ второе крещеніе, т. е., св. ангельскій образъ, которымъ очищаются всѣ грѣхи, совершенные нами отъ младенчества.....» ([214]).

Посланіе о разстригшемся чернецѣ адресовано Іосифомъ къ четыремъ лицамъ: архимандриту Макарію, протопопу Ивану, игумену Троицкому Іоакиму и игумену Іоакимо-аннинскому Іоакиму. Это, вѣроятно, были главныя духовныя особы, какъ можно догадываться изъ посланія, въ томъ городѣ, гдѣ проживалъ разстригшійся чернецъ. Извѣщая ихъ, что сынъ какого-то Неровнаго зимою со слезами упросилъ постричь его въ монашество и потомъ, спустя немного, бѣжалъ изъ обители и бѣльцомъ живетъ у отца, Іосифъ проситъ означенныя лица, чтобы они не пускали бѣглеца въ свои церкви, да и самого отца его, который «одного сына разстригъ, а другому возбраняетъ ходить въ церковь», и чтобы приходскій священникъ не ходилъ даже къ нимъ на домъ. Въ объясненіе своей просьбы преподобный приводитъ слова цареградскаго патріарха Никифора-исповѣдника: «аще инокъ отложитъ свой иноческій образъ, сей есть проклятъ, якоже еретикъ, по божественнымъ правиламъ»,—и затѣмъ разсматриваетъ нѣкоторыя другія правила, относящіяся къ тому же предмету, Халкидонскаго собора, Василія Великаго и Никона черногорца ([215]).

Въ посланіи къ княгинѣ Маріи Ивановнѣ, вдовѣ князя Андрея Ѳедоровича Голенина, препод. Іосифъ объясняетъ обычаи своего монастыря относительно поминовенія умершихъ.

([214]) Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 205; *Хрущов.* О сочин. пр. Іосифа Волоцк. 90, Спб. 1868.

([215]) *Хрущов.* Тамъ же. 86—88.

Эта княгиня, впродолженіе пятнадцати лѣтъ, посылала, по-временамъ, въ монастырь разныя пожертвованія, прося поминать ея скончавшихся родныхъ: отца, потомъ сына, потомъ мужа и еще сына,—и всѣ они поминались, вмѣстѣ съ другими покойниками, на общихъ панихидахъ и службахъ. Наконецъ, она выразила желаніе, чтобы родственники ея поминались еще отдѣльно отъ другихъ, на особыхъ панихидахъ, и внесены были въ вѣчный помянникъ. Когда же ей дали знать, что для вѣчнаго поминовенія ея родныхъ ей нужно внести въ обитель особый вкладъ, она крайне огорчилась, и въ письмѣ къ Іосифу назвала это грабежемъ и перечислила всѣ прежнія свои жертвы его обители. Іосифъ написалъ княгинѣ отвѣтъ, что всѣ ея родные, за ея пожертвованія, записаны «въ годовомъ поминаніи монастыря и поминаются на каждой заупокойной обѣднѣ, бывающей въ монастырѣ ежедневно, по три раза; на каждой изъ трехъ панихидъ, бывающихъ еженедѣльно, по три раза, и на каждой изъ девяти литій заупокойныхъ, бывающихъ еженедѣльно, по одному разу; да кромѣ того поминаются въ синодикѣ и на большихъ панихидахъ, бывающихъ по пятницамъ, по четыре раза. Объяснилъ затѣмъ, что пѣть, кромѣ соборныхъ панихидъ, еще особыя панихиды и литургіи по всякомъ усопшемъ, и слѣд. по родственникахъ княгини, нѣтъ никакой возможности для братіи и того не дѣлается и въ другихъ монастыряхъ. Наконецъ, съ подробностію раскрылъ княгинѣ, что если ей предложили внесть за вѣчное поминовеніе ея родныхъ, котораго она желаетъ, еще новый вкладъ въ монастырь, то тутъ нѣтъ никакого грабежа: съ нею хотятъ вступить въ свободный договоръ, и она можетъ изъявить свое согласіе или несогласіе; а монастырь, съ своей стороны, считаетъ необходимымъ такой вкладъ за труды священнослужа-

щихъ и на немалыя издержки при такихъ священнослуженіяхъ и проч. ([216]).

Два краткія посланія Іосифа о его монастырѣ къ великому князю Василію Ивановичу, изъ которыхъ одно извѣстно подъ именемъ «Духовной грамоты», написаны преподобнымъ въ тяжкой болѣзни, вѣроятно, незадолго предъ его кончиною. Въ томъ и другомъ посланіи св. старецъ проситъ, чтобы и по смерти его вел. князь жаловалъ и «поберегъ» его обитель, которую восприиялъ еще прежде подъ свое покровительство, чтобы не назначалъ въ нее игумена изъ иныхъ монастырей и чтобы, какъ будущій игуменъ, такъ и вся братія строго исполняли данный имъ Іосифомъ общежительный уставъ, а тѣ, кто не станетъ исполнять устава, были изгоняемы изъ обители ([217]).

Послѣдній классъ сочиненій препод. Іосифа составляютъ его посланія, содержащія въ себѣ духовные совѣты, наставленія и убѣжденія мірянамъ. Таковы: а) два посланія къ дмитровскому князю Юрію Ивановичу, б) посланіе къ вельможѣ о милованіи рабовъ и в) четыре посланія объ эпитиміяхъ къ вельможамъ—духовнымъ дѣтямъ.

«Ты велѣлъ мнѣ,—такъ начинаетъ Іосифъ свое первое посланіе къ брату великаго князя Василія Ивановича, Юрію дмитровскому,—навѣщать тебя граматами и духовными поученіями, такъ какъ ты живешь посредѣ сѣтей многихъ, и ходишь посредѣ огня, и часто пріемлешь грѣховныя язвы. Но я, человѣкъ грѣшный и неразумный, не смѣлъ писать тебѣ. А какъ ты прислалъ нынѣ грамоту свою о томъ же, то я уже не смѣлъ ослушаться твоего повелѣнія и дерзнулъ написать

([216]) Посланіе это напечатано сполна у *Хрущова*, тамъ же, 255—260.
([217]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 147. 296; Акт. Ист. I. № 217.

тебѣ нѣчто отъ божественныхъ писаній, которыя ты и самъ вѣдаешь болѣе всѣхъ своимъ царскимъ остроуміемъ». Въ посланіи этомъ Іосифъ излагаетъ двѣ, какъ выражается, великія заповѣди: въ первой поучаетъ князя быть милостивымъ, прощать согрѣшенія людямъ, покоряться «богодарованному царю» и вмѣстѣ съ нимъ промышлять и заботиться о народѣ; во второй убѣждаетъ князя бѣгать блуда и плотской нечистоты, показываетъ гибельныя послѣдствія этого грѣха и даетъ совѣты, какъ предохранять себя отъ него ([218]).

Другое посланіе къ дмитровскому князю Юрію Іосифъ написалъ по случаю голода, бывшаго въ 1512 году. Здѣсь преподобный умолялъ князя именемъ Бога и пречистой Богородицы промыслить о православныхъ христіанахъ: говорилъ, что обязанность его не только заботиться о себѣ и о своихъ, но и спасать отъ нужды и скорби всѣхъ, находящихся подъ его властію; указывалъ на примѣры прежнихъ православныхъ царей и князей—Константина, Ѳеодосія Великаго и другихъ, которые во дни великой нужды и голода пеклись о своихъ подданныхъ и, если имѣли много жита, раздавали его неимущимъ, или приказывали продавать недорого и уставляли цѣну. «Такъ и нынѣ, — присовокупилъ Іосифъ, — сотворилъ братъ твой, великій князь всея Россіи Василій Ивановичъ. Если, подобно тому, поступишь и ты, государь, въ своемъ государствѣ, то оживишь нищихъ и убогихъ людей: ибо уже многіе нынѣ умираютъ отъ голода. А кромѣ тебя, государя, некому той бѣдѣ пособить...» ([219]).

Въ посланіи къ вельможѣ о милованіи рабовъ препод. Іо-

([218]) Памятн. стар. Русск. Литер. IV, 192.
([219]) Дополн. Акт. Ист. I, № 216.

сифъ писалъ: «Доходитъ до меня слухъ про твое благородство, будто далеко твое немилосердіе и нежалованіе къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, велика имъ тѣснота и скудость въ удовлетвореніи потребностей тѣлесныхъ, недовольно имъ пищи и одежды, и они гладомъ таютъ и наготою страждутъ. Посему и дерзнулъ я, грѣшный, напомнить о томъ тебѣ, моему господину, вспомнивъ твою вѣру къ пречистой Богородицѣ, а къ намъ, нищимъ, великое твое жалованье и любовь о Христѣ... Божественныя писанія повелѣваютъ имѣть рабовъ, не какъ рабовъ, но, какъ братію, миловать ихъ, питать и одѣвать ихъ довольно, пещися о спасеніи душъ ихъ и учить ихъ добрымъ дѣламъ, чтобы они не творили убійства, не грабили, не крали, подавали пособіе нищимъ.... А если, сынъ мой, вѣренъ слухъ, что у тебя нынѣ твои рабы и сироты въ такой тѣснотѣ: то они не только не могутъ совершить добрыхъ дѣлъ и творить милостыню другимъ, когда сами истаеваютъ отъ глада, но не въ состояніи удерживаться отъ злыхъ обычаевъ, не имѣя пищи и одежды для тѣла и испытывая скудость во всякихъ необходимыхъ потребностяхъ». Сказавъ затѣмъ, что божественное писаніе угрожаетъ страшными муками господамъ, которые не заботятся о своихъ рабахъ, а тѣснятъ ихъ и морятъ голодомъ, забывая, что «всѣ мы созданіе Господне, всѣ плоть едина, всѣ помазаны единымъ мvромъ и всѣ въ руцѣ Господней», преподобный продолжаетъ: «и ты, господинъ, Бога ради побереги себя, ибо и малое небреженіе бываетъ иногда причиною великихъ бѣдствій, а особенно бойся страшнаго онаго божественнаго прещенія къ немилостивымъ и немилосердымъ.... Вотъ Богъ показалъ на тебѣ свою милость, и государь, великій князь, тебя пожаловалъ: слѣдуетъ и тебѣ пожаловать твоихъ клевретовъ,

показать къ нимъ милость, удоволить ихъ пищею и одеждою, упокоить всякими нужными потребами и учить ихъ всегда на благія дѣла, да пріимешь за то отъ Господа милость въ семъ вѣкѣ, а въ будущемъ царство безконечное....» ([220]).

Четыре посланія объ эпитиміяхъ Іосифъ написалъ собственно къ дѣтямъ своимъ духовнымъ, какимъ-то вельможамъ. Тутъ онъ учитъ ихъ, какъ исполнять возложенныя на нихъ эпитиміи, преподаетъ правила относительно пищи и питія въ тѣ или другіе дни, относительно постовъ, молитвъ, поклоновъ, раздаянія милостыни и под...... Въ посланіяхъ этихъ между прочимъ, достойны замѣчанія слова препод. Іосифа, выражающія его понятія о важности поста въ среду и пятокъ: «кто не постится въ среду и пятокъ, таковый равенъ есть людямъ, которые Христа распяли», а равно слова о важности монашества: «аще ли восхощеши вскорѣ пріяти всѣмъ грѣхомъ прощеніе, и ты облечися во святый ангельскій иноческій образъ», и въ другомъ мѣстѣ: «а кто пострижется въ черницы, ино тому съ тѣхъ мѣстъ впредь эпитиміи нѣсть» ([221]).

Не всѣ сочиненія препод. Іосифа имѣютъ одинаковое достоинство; но всѣ показываютъ въ немъ человѣка высокаго ума и глубокаго благочестія; знатока свящ. книгъ, правилъ церковныхъ и твореній отеческихъ; писателя, которому равнаго не было между его современниками.

Изъ числа этихъ, современныхъ Іосифу, писателей, естественно, прежде всего останавливаютъ наше вниманіе тѣ, которые или дѣйствовали заодно съ нимъ, были его сторонниками, или противодѣйствовали ему, были его противниками.

([220]) Дополн. Акт. Ист. I, № 213.
([221]) *Хрущов.* Тамъ же. 88—89.

Къ числу первыхъ принадлежали, кромѣ новгородскаго архіепископа Геннадія: Димитрій Герасимовъ и Илъ Полевъ; къ числу послѣднихъ: князь-старецъ Вассіанъ Косой. попъ Георгій Скрипица и архіепископъ новгородскій Серапіонъ.

Димитрій Герасимовъ, неизвѣстно гдѣ родившійся, еще въ дѣтствѣ обучался въ Ливоніи или Лифляндіи, гдѣ и пріобрѣлъ познанія въ языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ. Почему и состоялъ впослѣдствіи переводчикомъ или *толмачемъ* при посольскомъ дворѣ въ Москвѣ и неразъ былъ отправляемъ въ качествѣ нашего посла въ Швецію, Данію, Пруссію, Вѣну и Римъ. Имѣлъ умъ здравый и гибкій, который еще болѣе образовалъ во время своихъ путешествій, постоянно вращаясь въ кругу образованнаго общества. Былъ весьма искусенъ какъ въ дѣлахъ человѣческихъ, такъ особенно въ свящ. книгахъ. Въ 1526 г. его называли *шестидесятилѣтнимъ старцемъ* (sexagenarius senex), хотя это, конечно, не значитъ, что онъ имѣлъ тогда ровно 60-ть лѣтъ, а не болѣе ([222]). Литературная дѣятельность Димитрія относилась преимущественно ко времени препод. Іосифа волоколамскаго и новгородскаго архіепископа Геннадія и обращена была на тѣ же самые пред-

---

([222]) Всѣ эти свѣдѣнія сообщаетъ о Димитріи близко знавшій его Павелъ Іовій (De legat. Moscovit apud Starczew. I, 1. 5; и въ Библіот. иностран. писат. о Россіи, I, 14. 21). Подъ именемъ *толмача* Димитрій извѣстенъ былъ еще въ 1501 г. Въ концѣ одной, переведенной имъ тогда съ латинскаго, книги, замѣчено: «повелѣніемъ архіепископа Геннадія, преложилъ сіе на русскій языкъ *Митя толмачь*, лѣта 7009» (Опис. рукоп. Царскаго, стр. 574). А лѣтопись, говоря о переводѣ Димитріемъ другой книги уже въ 1536 году, выражается: «съ Божіею помощію преложи се и написа *Дмитрей, зовемый толмачь*, въ старости маститѣ сія потрудися» (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 299) Эта-то *маститая старость* Димитрія, вѣроятно, и послужила поводомъ къ тому, что его начали называть *Димитріемъ старымъ*, какъ и зовется онъ иногда, еще съ половины XVI в., въ оглавленіяхъ его посланій (Опис. рукоп. Толстова, стр. 417; Опис. рук. Царск. стр. 576).

меты, какими занимались они. По порученію Геннадія, заботившагося собирать необходимыя книги и свѣдѣнія для противодѣйствія жидовствовавшимъ еретикамъ, Димитрій, еще въ молодыхъ годахъ, отправлялся въ Римъ и Венецію, гдѣ и провелъ «два лѣта нѣкихъ ради нужныхъ взысканіихъ» и прислалъ оттуда Геннадію, при своемъ *посланіи*: какую-то «осмочастную книгу», Міротворный кругъ и Повѣсть о бѣломъ клобукѣ ([223]). Первая книга была, вѣроятно, грамматика, можетъ быть, св. Іоанна Дамаскина, переведенная еще Іоанномъ экзархомъ на славянскій языкъ, подъ заглавіемъ: *книга... о осми частѣхъ слова* ([224]). Міротворный кругъ—это, безъ сомнѣнія, пасхалія, которая нужна была Геннадію особенно тогда, когда онъ самъ занимался продолженіемъ пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ и объяснялъ значеніе Міротворнаго круга или Алфы, именно въ 1491—1492 году: въ это-то время, какъ увидимъ далѣе, Димитрій, вѣроятно, и находился въ Римѣ и Венеціи. Что же касается до повѣсти о бѣломъ клобукѣ, то хотя Димитрій разсказываетъ въ своемъ посланіи, будто она написана первоначально на греческомъ языкѣ и потомъ переведена на латинскій, и будто онъ Димитрій едва могъ

([223]) Посланіе это помѣщается предъ Повѣстію о бѣломъ клобукѣ (Опис. Румянц. Муз. 159—160; Памятн. старин. Русск. Литер. 287). А въ концѣ этой повѣсти, по крайней мѣрѣ, какъ издана она въ одномъ Сборникѣ раскольническомъ ок. 1787 г. (Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова, № 273, стр. 495) приложено слѣдующее Написаніе *архіепископа Геннадія*: «Сія же написанія азъ, архіепископъ Генадіе извѣстно увѣдавъ и зѣло возрадовахся великою радостію, яко сподобихся, при своемъ мнѣ первопрестольствѣ великаго архіерейства, извѣщеніе пріятъ о святѣмъ бѣломъ клобукѣ, гдѣ сотворенъ бысть и како пріиде въ великій Новъградъ... Димитрій же онъ толмачь въ Римѣ и во Флоренцы градѣ бѣ два лѣта нѣкихъ ради нужныхъ взысканіихъ. Егдаже пріиде оттуду, азъ, смиренный Генадіи архіепископъ, даровавъ ему имѣнія многа, одежами и пищами удоволихъ» (л. 183 об.—184).

([224]) Опис. Румянц. Муз., 238. 239.

съ великимъ заклинаніемъ выпросить ее у римскаго книгохранителя Іакова и «подлинно» списалъ, но гораздо вѣроятнѣе, что повѣсть выдумана и сочинена самимъ Димитріемъ. Въ ней повѣствуется, съ величайшими странностями и несообразностями, будто этотъ бѣлый клобукъ вначалѣ пожалованъ былъ папѣ Сильвестру императоромъ Константиномъ Великимъ по наставленію явившихся ему апостоловъ Петра и Павла; Сильвестръ поставилъ клобукъ въ церкви на особомъ мѣстѣ, оказывалъ клобуку великую честь и надѣвалъ его только въ Господскіе праздники. По смерти Сильвестра, папы и епископы также оказывали этому клобуку великую честь, пока, при царѣ Карлѣ и папѣ Формозѣ, латыняне не измѣнили православію; тогда клобукъ заложенъ былъ въ стѣнѣ, въ одномъ церковномъ придѣлѣ. Спустя много лѣтъ какой-то злочестивый папа вздумалъ открыть стѣну, чтобы посмотрѣть на клобукъ, и отъ клобука разлилось великое благоуханіе. Папа хотѣлъ сжечь этотъ клобукъ, но убоялся народа: послалъ клобукъ въ заморскія страны, чтобы тамъ его истребили, но отъ клобука на кораблѣ совершились чудеса, корабль разбило, всѣ, бывшіе на немъ, погибли: спасся чудесно только одинъ человѣкъ вмѣстѣ съ клобукомъ, который потомъ и возвратилъ папѣ. Устрашенный папа не зналъ, что дѣлать; но явившійся ему грозный ангелъ повелѣлъ, чтобы онъ отослалъ этотъ клобукъ въ Константинополь къ патріарху. А патріарху Филоөею въ то же время явился свѣтлый юноша и заповѣдалъ, чтобы онъ, когда принесутъ къ нему отъ папы бѣлый клобукъ, отослалъ его въ Русскую землю, въ великій Новгородъ, архіепископу Василію (хотя, какъ извѣстно, Василія уже не было въ живыхъ, когда Филоөей сдѣлался патріархомъ). Филоөей принялъ клобукъ съ великою честію, самъ получилъ отъ него исцѣ-

леніе отъ глазной болѣзни, поставилъ его на особомъ мѣстѣ въ великой церкви и думалъ удержать у себя. Но во снѣ явились патріарху царь Константинъ Великій и папа Сильвестръ, открыли ему, что Константинополь скоро падетъ подъ власть агарянъ и что царскій вѣнецъ будетъ переданъ изъ него русскому царю, а бѣлый клобукъ нынѣ же долженъ быть отданъ архіепископу новгородскому. Филоѳей немедленно послалъ бѣлый клобукъ къ новгородскому архіепископу Василію, повелѣвая ему и всѣмъ его преемникамъ носить этотъ клобукъ на главѣ. А Василію, между тѣмъ, явился во снѣ ангелъ въ бѣломъ клобукѣ, кратко разсказалъ владыкѣ исторію бѣлаго клобука, объяснилъ, что онъ «прообразуетъ свѣтлое тридневное воскресеніе», и заповѣдалъ съ честію встрѣтить этотъ клобукъ и потомъ носить на главѣ. Василій дѣйствительно встрѣтилъ клобукъ съ величайшимъ церковнымъ торжествомъ, внесъ въ Софійскій соборъ, и когда распечаталъ здѣсь ковчежецъ, въ которомъ клобукъ находился, то возсіялъ въ церкви пречудный свѣтъ, и разлилось неизреченное благоуханіе. Чудились, изумлялись, торжествовали всѣ новгородцы, а Василій семь дней питалъ священниковъ и церковниковъ города многими брашнами, равно и монаховъ, нищихъ и заключенныхъ въ темницахъ. Потомъ же «отъ многихъ градъ и царствъ приходяще людіе въ великій Новградъ, аки на нѣкое чудо дивное зряще, видяще архіепископа въ бѣломъ клобукѣ ходяща, и дивляхуся, и во всѣхъ царствахъ и странахъ о семъ повѣдающе» ([225]). Повѣсть, очевидно, направлена къ одной цѣли — всячески

(225) Повѣсть напеч. въ Памятн. старинн. Русск. Литер. I, 288—300, и въ Сборн. раскольническомъ ок. 1787 года (Опис. старопеч. книгъ Толстова 495—496).

возвеличить значеніе бѣлаго клобука, а чрезъ то и новгородскаго владыки, и слѣд. могла быть написана только человѣкомъ, который находился почему-либо въ близкихъ отношеніяхъ къ новгородскому владыкѣ и хотѣлъ ему угодить: таковъ и былъ самъ Димитрій толмачъ. А его еще молодые годы въ то время и умственная незрѣлость даютъ возможность объяснить ту крайнюю необдуманность и легкомысліе, съ какими повѣсть эта составлена. Составленіе же ея кѣмъ-либо въ Греціи или въ Римѣ, не имѣвшимъ никакихъ отношеній къ Новгороду и его владыкѣ, представляется совершенно неестественнымъ и непонятнымъ (226). Достойно замѣчанія, что

---

(226) Академикъ Гамель полагаетъ, что эту повѣсть прислалъ Геннадію изъ Рима *Димитрій Ивановичъ Ралевъ* или *Ларевъ*, грекъ, который въ 1485 г. прибылъ съ своими родителями изъ Константинополя въ Москву, въ 1488 г. былъ отправляемъ изъ Москвы въ посольствѣ въ Римъ, Венецію и Миланъ, въ 1493 г. къ королю датскому, а въ 1499 году—опять въ Италію (Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ Записк. Импер. Акад. Наукъ. VIII, кн. I, Прилож. стр. 175 — 176). Но — 1) этотъ Димитрій прибылъ въ Москву, когда Геннадій уже не жилъ въ Москвѣ, а святительствовалъ въ Новгородѣ, и слѣд. едва ли имѣлъ возможность даже познакомиться съ Геннадіемъ. 2) Составитель повѣсти прямо говоритъ въ своемъ посланіи, что онъ былъ отправленъ въ Римъ архіепископомъ Геннадіемъ, какъ слуга его, и дѣйствовалъ тамъ по его приказу, а Димитрій Ралевъ былъ отправленъ въ Римъ и Италію московскимъ великимъ княземъ, а не Геннадіемъ. 3) Возможно ли допустить, чтобы знатный грекъ, вовсе не имѣвшій нужды заискивать въ новгородскомъ владыкѣ, рѣшился придумать и выслать ему изъ Рима такую повѣсть, какова повѣсть о бѣломъ клобукѣ? 4) Геннадій свидѣтельствуетъ, что Димитрій толмачъ, приславшій ему изъ Рима эту повѣсть, возвратился оттуда чрезъ два года въ Новгородъ и былъ здѣсь щедро награжденъ (см. примѣч. 223): какъ приложить это къ Димитрію Ралеву и откуда извѣстно, что онъ назывался *толмачемъ*? 5) Правда, въ надписаніяхъ посланія, при которомъ прислана эта повѣсть Димитріемъ толмачемъ, какъ и въ надписаніяхъ другаго его посланія къ Геннадію объ аллилуіи и проч., Димитрій нерѣдко называется *грекомъ*. Но эти надписанія сдѣланы не самимъ авторомъ, а переписчиками, и встрѣчаются, сколько намъ извѣстно, съ прибавленіемъ слова: *грекъ*, только въ рукописяхъ XVII и XVIII в. (Опис. рукоп. Толстова, 63. 433. 569; Опис. рук. Царскаго, 490. 505. 551.

московскій соборъ 1564 г., разсуждавшій о бѣломъ клобукѣ и предоставившій право носить его русскому митрополиту, въ своемъ опредѣленіи, между прочимъ, выразился: «богомолецъ нашъ Пиминъ, архіепископъ великаго Новограда и Пскова, носитъ бѣлый клобукъ, и прежніе архіепископы новгородскіе носили бѣлые клобуки, а *писанія тому нѣтъ, котораго для случая* архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки носятъ» ([227]). Отсюда можно заключать, что или повѣсть Димитрія толмача о бѣломъ клобукѣ была только неизвѣстна отцамъ собора, хотя и существовала, оставаясь со временъ Геннадія въ архивѣ новгородскаго владыки, или она еще вовсе не существовала тогда, а составлена кѣмъ-либо послѣ собора подъ именемъ Димитрія. Черезъ столѣтіе новый московскій соборъ (1667 г.) приводитъ эту повѣсть уже подъ именемъ Димитрія толмача, впрочемъ не входя въ разборъ ея подлинности, а слѣдуя только, можетъ быть, господствовавшему мнѣнію, даже ссылается на нее въ одномъ мнѣніи своемъ объ употребленіи у насъ бѣлаго клобука, но въ другомъ мѣстѣ называетъ ее вообще писаніемъ «лживымъ и неправымъ», которое написалъ Димитрій толмачъ «отъ вѣтра главы своея», и запрещаетъ ей вѣрить ([228]).

Вѣроятно, изъ Рима же прислалъ Димитрій и другое свое посланіе къ Геннадію. Оно написано по приказанію Геннадія

---

576); въ рукописи же первой половины XVI вѣка, писанной игуменомъ Іосифова волоколамскаго монастыря (1523 — 1541) Нифонтомъ, который былъ современникомъ Димитрія толмача, и могъ знать его лично въ его старости, посланіе этого Димитрія объ аллилуіи надписано только: «посланіе Геннадію архіепископу новгородскому отъ Дмитрія стараго», а не прибавлено: *грека* (Опис. рукоп. Толстова, 417).

([227]) Акт. Ист. I, № 173, стр. 332.

([228]) Дополн. Акт. Ист. V № 102, стр. 472; *Карамз.* IV, примѣч. 360.

и содержитъ въ себѣ отвѣты на его запросы: объ аллилуіи, о седми тысячахъ лѣтъ и проч. ([229]). Отвѣтъ объ аллилуіи краток и ясенъ: «велѣлъ еси, господине, — говоритъ Димитрій, — отписати къ себѣ о трегубномъ аллилуіи. Высмотривъ въ книгахъ, и здѣся не описано, како говорити, — трегубно ли, сугубно ли. Но мнѣ ся помнитъ, что у насъ о томъ споръ бывалъ межъ великихъ людей, и они обое едино судили. Занеже трегубное аллилуіа, а четвертое — слава Тебѣ, Боже, являетъ тріv постаснаго Божества и единосущнаго; а сугубное аллилуіа являетъ въ двѣ естествѣ едино Божество (т. е., Богочеловѣка). Ино какъ не молвитъ человѣкъ тою мыслію, такъ добро...». Несравненно обширнѣе отвѣтъ о седми тысячахъ лѣтъ и кончинѣ міра и вовсе не отличается ни ясностію, ни опредѣленностію. Здѣсь излагаются мысли, что Писаніе говоритъ о седми вѣкахъ, а не седми тысячахъ, и что ошибочно нѣкоторые признали вѣка за тысящелѣтія; что «числа вѣку» не знаетъ никто, кромѣ Бога, точно такъ же, какъ никто не знаетъ и времени кончины міра, кромѣ Бога: несомнѣнно однакожъ, что эта кончина послѣдуетъ «въ седмомъ числѣ». Въ срединѣ посланія, по древнѣйшему списку, авторъ отвѣчаетъ еще на одно изъ требованій Геннадія: «Да писалъ еси господине, о словѣ томъ, что̀ Юрьи переводитъ, его къ тебѣ ранѣе отслати: ино, господине, тому толь вскорѣ нелзѣ быти, занеже переводъ медленъ, а еще Юрью мало досугу, и ты бы пожаловалъ, о томъ не бранилъ». Значитъ, Димитрій не одинъ исполнялъ гдѣ-то

([229]) Это посланіе въ древнѣйшемъ спискѣ, писанномъ игум. Нифонтомъ, и въ другихъ представляется, какъ *одно* цѣлое (Опис. рукоп. Толстова, стр. 63. 417). Но впослѣдствіи изъ него сдѣлали *два* отдѣльныя посланія, съ особыми заглавіями, какъ и издано оно въ Правосл. Собесѣдн. 1861. I. 100—112.

порученія Геннадіевы, а при немъ находился еще какой-то Юрій, занимавшійся переводами ([230]). Это посланіе написано въ 1491 году, слѣд. въ то самое время, когда, какъ мы замѣтили, Димитрій долженъ былъ находиться въ Римѣ, чтобы вовремя прислать Геннадію Міротворный кругъ ([231]).

([230]) Академикъ Гамель думаетъ, что это посланіе написалъ къ Геннадію грекъ *Димитрій Мануиловичъ Траханіотъ*, который въ 1472 и 1474 г. пріѣзжалъ изъ Рима въ Москву на короткое время, но послѣ навсегда поселился у насъ (Англич. въ Россіи, въ Записк. Акад. Наукъ, VIII, кн. I. Прилож. стр. 173). Но—1) повторяемъ, авторъ посланія въ древнѣйшемъ спискѣ его, писанномъ въ первой половинѣ XVI вѣка, названъ только Димитріемъ старымъ, а не названъ *грекомъ*, и это имя прибавлено въ оглавленіи посланія уже позднѣйшими переписчиками (см. примѣч. 226). 2) Авторъ выражается въ посланіи: «мнѣ ся помнитъ, что *у насъ* о томъ споръ бывалъ межъ великихъ людей». Такъ могъ выразиться русскій, жившій въ епархіи новгородскаго владыки, гдѣ, особенно во Псковѣ, около половины XV вѣка дѣйствительно былъ великій споръ объ аллилуіи, двоить ли ее или троить, какъ извѣстно изъ житія препод. Евфросина псковскаго. Но не могъ того же сказать грекъ о своей родинѣ, — гдѣ вовсе не происходило тогда подобнаго спора объ аллилуіи, какъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ то же житіе Евфросина, нарочно предпринимавшаго путешествіе въ Грецію, чтобы удостовѣриться, двоятъ ли или троятъ тамъ аллилуію. 3) Прибавимъ, что и посланіе съ повѣстію о бѣломъ клобукѣ и посланіе объ аллилуіи написаны такимъ слогомъ, такимъ складомъ рѣчи, какимъ могъ владѣть только грамотей русскій и едва ли могли владѣть греки, прибывшіе къ намъ почти къ концу XV вѣка и вскорѣ будто бы уже писавшіе къ Геннадію такимъ языкомъ, и что достаточно было одному позднѣйшему переписчику, по какой-либо случайной ошибкѣ, прибавить въ оглавленіи посланій Димитрія толмача слово — *грека*, чтобы прибавка эта перешла и во всѣ послѣдующіе списки тѣхъ же посланій.

([231]) Въ посланіи Димитрій говоритъ, что всѣхъ лѣтъ отъ созданія міра до рождества Христова прошло 5506 (извѣстное мнѣніе св. Епифанія, бл. Іеронима и Евсевія), а всѣхъ лѣтъ отъ созданія міра до того «нынѣшняго» лѣта, когда онъ писалъ, прошло 6997. Если первое число вычесть изъ послѣдняго, то и выйдетъ 1491 годъ. Кромѣ того въ посланіи говорится, что лѣта седьмой тысячи проходятъ, т. е., оканчиваются, но не прошли, какъ слѣдовало бы сказать послѣ 1492 г. (Правосл. Собесѣдн. 1861, I. 106, 108). Потому и нельзя принять мнѣнія, будто посланіе это написано въ 1493 г. (Опис. рукоп. Толстова, 63; *Евген.* Истор. Слов. дух. писат., стат. о Димитріи толмачѣ).

Наконецъ, по порученію Геннадія, изыскивавшаго всѣ средства для пораженія жидовствующихъ, Димитрій перевелъ съ латинскаго двѣ книги: въ 1501 году—Состязанія *Николая Делира* съ іудеями, за ихъ невѣріе и хулы противъ православной вѣры, и въ 1504 году—Обличеніе *Самуила Евреина* противъ іудеевъ на основаніи ветхозавѣтныхъ пророчествъ ([232]). Оба эти сочиненія, особенно послѣднее, прозванное за свои достоинства золотымъ, какъ написанныя въ защиту христіанской вѣры и въ обличеніе іудеевъ вообще, естественно, могли имѣть силу и противъ нашихъ жидовствующихъ, хотя, безъ сомнѣнія, не могли равняться въ этомъ отношеніи съ сочиненіями препод. Іосифа волоколамскаго, которыя направлены были прямо противъ нашихъ жидовствующихъ, противъ ихъ дѣйствій и лжемудрованій.

О послѣдующихъ литературныхъ трудахъ Димитрія толмача, уже по смерти Геннадія и Іосифа, извѣстно немногое. При митрополитѣ Варлаамѣ, когда прибылъ къ намъ Максимъ Грекъ и принимался переводить толковую Псалтырь, содержавшую въ себѣ толкованія многихъ отцевъ и учителей греческихъ, въ помощь ему даны были Димитрій толмачъ и Власъ, такъ что Максимъ переводилъ книгу съ греческаго на латинскій языкъ, а Димитрій съ Власомъ переводили ее съ латинскаго на русскій (знакъ, что Димитрій самъ не зналъ по-гречески). Въ это же время Димитрій написалъ *посланіе* во Псковъ къ дьяку Мисюрю-Мунехину, пожелавшему узнать черезъ Димитрія мнѣніе мудрыхъ людей объ одной странной иконѣ, употреблявшейся во Псковѣ. На иконѣ изображался

([232]) Опис. рукоп. Царскаго, стр. 574. Переводъ послѣдняго сочиненія, впрочемъ, приписывается Димитрію толмачу только по догадкѣ.

Господь Іисусъ въ троякомъ видѣ: въ видѣ царя - Давида, въ святительской одеждѣ, съ царскимъ вѣнцемъ на главѣ; въ видѣ «отрока млада» на верху креста въ царской одеждѣ и вѣнцѣ, и въ видѣ бѣлаго серафима, пригвожденнаго ко кресту и будто бы представлявшаго собою душу Іисуса. Димитрій отвѣчалъ дьяку, что спрашивалъ мнѣнія объ иконѣ у Максима Грека, мужа ученаго и знающаго обычаи многихъ земель, что, по словамъ Максима, такой иконы онъ не видѣлъ ни въ какой землѣ, что Іисусъ, Сынъ Божій — одинъ и не должно писать многихъ Іисусовъ на одной иконѣ подъ разными образами, что душа Іисусова и серафимъ безплотны, а безплотное не можетъ пригвождаться, что такія иконы могутъ служить на соблазнъ и проч. «Да бывала, прибавилъ отъ себя Димитрій, объ этомъ образѣ великая рѣчь и при Геннадіи архіепископѣ. Посадники потребовали объясненія отъ иконниковъ; иконники отвѣчали, что пишутъ иконы съ старыхъ образцовъ, но письменнаго свидѣтельства не представили. И псковичи послушали тогда иконниковъ, а не архіепископа» ([233]). Другую *толковую Псалтырь* перевелъ уже самъ Димитрій, одинъ, по порученію новгородскаго архіепископа Макарія и при державѣ царя Іоанна Васильевича IV. Эта Псалтырь заключала въ себѣ толкованія отцевъ и учителей латинскихъ: Іеронима, Августина, Григорія Великаго, Беды и Кассіодора, и собрана была въ XI вѣкѣ Брюнономъ, епископомъ Вирцбургскимъ. Къ чести Димитрія и архіепископа Макарія нельзя здѣсь не замѣтить, что они не чуждались совершенно и латинскаго запада, не отказывались воспользоваться и тѣмъ, что тамъ находили для себя пригоднаго, а Димитрій назвалъ даже собирателя этой толковой

([233]) Напеч. въ Приб. Твор. св. Отц. XVIII, 189—192.

Псалтыри, латинскаго епископа Брюно — *блаженнымъ*. Настоящій трудъ свой Димитрій окончилъ въ 1536 г., будучи уже семидесятилѣтнимъ старцемъ ([234]).

Нилъ Полевъ, происходившій изъ рода князей смоленскихъ и въ мірѣ служившій у князя волоцкаго, потомъ у дмитровскаго, принялъ иноческое постриженіе отъ препод. Іосифа въ его обители, а впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другимъ постриженникомъ Іосифа Діонисіемъ—изъ рода князей звенигородскихъ, подвизался на Бѣлѣозерѣ, гдѣ оба старца имѣли свои пустыньки или скиты неподалеку отъ Кириллова монастыря. Но когда Діонисій донесъ препод. Іосифу, что встрѣтилъ слѣды жидовской ереси между бѣлозерскими пустынниками, а князь-старецъ Вассіанъ Косой замучилъ на пыткѣ священника, на котораго Діонисій указывалъ, какъ на свидѣтеля, тогда великій князь Василій Ивановичъ, недовольный такимъ исходомъ дѣла, прогнѣвался на Діонисія и вмѣстѣ на Нила, велѣлъ сжечь ихъ пустыньки, а самихъ ихъ взять въ Кирилловъ монастырь подъ начало. Тамъ испытали они великую нужду и многія скорби, пока не были отпущены, по волѣ великаго князя, въ свою родную обитель, Волоколамскую. Отъ Нила Полева дошли до насъ два письма къ какому-то старцу Герману, который осуждалъ препод. Іосифа и его постриженниковъ по случаю извѣстныхъ споровъ Іосифа съ новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ. «Былъ у меня нынѣ старецъ Діонисій звенигородскій, — писалъ Нилъ, когда жилъ еще въ Бѣлозерской пустыни,—и сказывалъ мнѣ, что ты приказываешь къ намъ, будто отецъ нашъ игуменъ Іосифъ и мы всѣ, его постриженники, отлучены архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ

([234]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. I, 1. 101. 104. 107 и д.

отъ святыхъ и животворящихъ таинъ Христа Бога нашего и причащаемся вопреки правилъ св. отецъ. Нѣтъ, мы благословлены и прощены отъ св. правилъ, а потомъ и отъ всего собора русской митрополіи.... И грамату благословенную отцу нашему Іосифу дали, а архіепископа Серапіона не благословили.... Да насъ тогда и въ монастырѣ давно уже не было. И если мы отлучены, то и всѣ преставльшіеся постриженники Іосифовы отлучены будутъ отъ милости Божіей. А еще говоришь, что слѣдуетъ намъ смириться и просить прощенія у архіепископа нашего Серапіона: иначе, говоришь, съ нами всѣмъ вамъ, православнымъ христіанамъ, не подобаетъ ни ѣсть ни пить, ни сообщаться. Но ты прежде разсуди, что отецъ, нашъ Іосифъ совершилъ дѣло это не въ углу какомъ-либо, а въ столицѣ-матери городовъ, многолюдномъ городѣ Москвѣ, предъ патріаршескимъ престоломъ всей русской митрополіи. И получившему прощеніе и разрѣшеніе отъ главы всѣхъ человѣковъ, т. е., отъ митрополита и всего собора, ты повелѣваешь требовать прощенія у сего неблагословеннаго?... Если ты говоришь, что патріархъ и весь соборъ побоялись царя, допустили слабость и неправо судили: ты пойди и обличи царя и весь соборъ.... Видимъ и знаемъ, что ты истязуешь и отца Геннадія, нашего духовника, и говоришь ему: причастіе твое имъ не причастіе и дора твоя имъ не дора. Но, господине, какой огонь ты возгнѣтаешь на главѣ своей, когда судишь священниковъ и учишь ихъ въ такихъ вещахъ, о которыхъ намъ и говорить не подобаетъ.... Когда идетъ рѣчь о врагахъ Христовыхъ и отступникахъ отъ православной вѣры христіанской, о идолопоклонникахъ, — ты говоришь: намъ не должно судить никого, ни вѣрнаго, ни невѣрнаго, а должно молиться за нихъ, и въ заточеніе не посылать. А нынѣ ты судишь ми-

трополита и епископовъ и игуменовъ, хотя ты—простой чернецъ, какъ и всѣ мы—иноки». Во второмъ своемъ письмѣ къ Герману о томъ же предметѣ Нилъ, между прочимъ, объяснилъ: «я потому пишу къ тебѣ «жестоко», что воспоминаю твоего духовнаго отца и моего нелестнаго наставника, его житіе и подвиги, его правую и истинную вѣру къ Богу и не могу терпѣть ни отъ тебя, ни отъ твоихъ совѣтниковъ, такого шипѣнія» ([235]).

Подъ именемъ князя-инока Вассіана Косаго извѣстно нынѣ одно небольшое полемическое сочиненіе противъ препод. Іосифа волоколамскаго, не имѣющее общаго названія и состоящее изъ предисловія и трехъ словъ ([236]). Въ предисловіи весьма краткомъ, подъ заглавіемъ: «Предисловіе на Іосифа Волоцкаго игумена собрано, во еже разумѣти и внимати Богови и молитвѣ». Вассіанъ говоритъ о благоговѣйной молитвѣ въ келліи и въ церкви и вооружается противъ тѣхъ, которые чтутъ Бога только устами, а не сердцемъ, изучаютъ церковное пѣніе, гласы, тропари для тщеславія и съ цѣлію достигнуть игуменства, и переходятъ изъ обители въ обитель, тогда какъ истинные иноки съ благоговѣніемъ, молитвою и постомъ читаютъ и изучаютъ божественныя книги, чтобы творить волю Божію. Въ *словѣ первомъ*, подъ заглавіемъ: «Слово отвѣтно противу клевещущихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи и устроеніи церковнѣмъ», обращаясь уже прямо къ Іосифу, хотя и не называя его по имени, Вассіанъ причисляетъ его къ людямъ, противящимся правдѣ Божіей; спрашиваетъ его, гдѣ въ свящ. книгахъ велѣно инокамъ держать села; укоряетъ его

([235]) Приб. Твор. Св. Отц. X, 522—526.
([236]) Напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1863, III, 95—180.

за клеветы противъ него—Вассіана, праведно ревнующаго о истинѣ иноческаго житія; порицаетъ Іосифа и его учениковъ за сребролюбіе и славолюбіе и выражаетъ рѣшимость обличить его неправды. Послѣ такого вступленія Вассіанъ излагаетъ понятіе объ иноческомъ житіи, какъ подражаніи ангельскому, и, относя къ инокамъ слова Спасителя: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и гряди вслѣдъ Мене* (Матѳ. 19, 21), говоритъ, что наши иноки, напротивъ, стараются еще пріобрѣтать чужія имѣнія, ходятъ изъ города въ городъ и разными ласкательствами, раболѣпно вымаливаютъ у богачей села, деревни, или даже покупаютъ; что наши иноки не только не пособляютъ нищимъ, но всячески притѣсняютъ убогихъ братій своихъ, живущихъ въ ихъ селахъ, обременяютъ ихъ лихвами, отнимаютъ у нихъ имущество, истязуютъ ихъ и нерѣдко совершенно разоряютъ; что наши иноки за пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги достигаютъ иногда высшаго сана, покупая себѣ, подобно Симону волхву, благодать Св. Духа, а нѣкоторые изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы подвизаться въ обители, вращаются въ мірскихъ судилищахъ и ведутъ постоянныя тяжбы съ мірянами и проч. Въ *словѣ второмъ*, болѣе другихъ обширномъ, подъ заглавіемъ: «Собраніе на Іосифа Волоцкаго отъ правилъ святыхъ Никанскихъ, отъ многихъ главъ», Вассіанъ сначала продолжаетъ свои общія обличенія противъ иноковъ, и разсуждаетъ, что если и міряне, имѣя пищу и одѣяніе, должны довольствоваться тѣмъ, а не заботиться о богатствѣ, чуждаться сребролюбія (1 Тим. 6, 8 — 10), если и міряне должны *горняя мудрствовать, а не земная* (Кол. 3, 1—3), должны умерщвлять свои страсти и, въ частности, *лихоиманіе, еже есть идолослуженіе* (—5. 6), тѣмъ болѣе ко всему этому обязаны

иноки, давшіе обѣтъ нестяжательности; при чемъ не разъ выражается, что иноки «лгутъ на св. писанія», будто они попущаютъ инокамъ имѣть стяжанія. Затѣмъ Вассіанъ старается, въ частности, опровергнуть возраженія своихъ противниковъ. И, во-первыхъ, на возраженіе, что имѣнія монастырямъ пожертвовали благовѣрные князья на помииъ своихъ родителей и для спасенія своихъ душъ, почему имѣнія эти и не должны быть отнимаемы у монастырей, отвѣчаетъ, что князья давали монастырямъ села, конечно, не для того, чтобы монахи только богатѣли и всячески тѣснили и мучили своихъ крестьянъ, а чтобы раздавали свои избытки нищимъ и странникамъ. Во-вторыхъ, противъ возраженія, что монастыри и церкви запустѣютъ, если отнять у нихъ имѣнія, говоритъ, что напротивъ, по писанію, *взыскующіи Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. 33, 11), что древніе знаменитые подвижники — Пахомій, Евѳимій, Ѳеодосій и другіе вовсе не имѣли селъ и стяжаній, трудились своими руками, а между тѣмъ монастыри ихъ не только не оскудѣвали, но процвѣтали, и соглашается, что если не монастырямъ, то архіереямъ св. правила дозволяютъ держать нѣкоторыя движимыя и недвижимыя имѣнія, только бы архіереи устрояли эти имѣнія чрезъ своихъ экономовъ и употребляли на нищихъ, вдовъ, сиротъ, странниковъ, а не походили на тогдашнихъ нашихъ архіереевъ, окруженныхъ множествомъ прислуги, отличавшихся богатыми пиршествами и безчисленными одеждами и угнетавшихъ своихъ крестьянъ. Наконецъ, Вассіанъ, отклоняя отъ себя укоры своихъ противниковъ, будто онъ одинъ заступается за еретиковъ, объясняетъ, что не «за еретическую злобу» онъ заступается, а ревнуетъ о правилахъ, которыя хотя повелѣваютъ казнить

еретиковъ, но не во главу, по смыслу евангельской притчи, запрещающей восторгать и плевелы до жатвы, — вслѣдствіе чего и древніе св. отцы и благочестивые цари, хотя наказывали еретиковъ, но не предавали ихъ смерти, а только отсылали ихъ на заточеніе. Наконецъ, *третье слово*, подъ заглавіемъ: «На Іосифа, игумена Волоцкаго, собраніе отъ св. правилъ и отъ многихъ книгъ собрано и на его ученики, и различныя межъ собя отвѣты отъ книгъ»,—почти все подраздѣлено на нѣсколько мелкихъ главъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ краткаго возраженія препод. Іосифа и краткаго отвѣта Вассіанова. Въ этихъ отвѣтахъ Вассіанъ высказываетъ мысли, а) что нераскаянныхъ еретиковъ святители должны проклинать, а князья наказывать и заточать, а кающихся еретиковъ должно съ любовію принимать въ церковь и что такіе еретики, если они казнены, суть мученики; б) что изъ ветхаго завѣта надобно принимать только тѣ мѣста, которыя были приведены въ новомъ завѣтѣ самимъ Спасителемъ, апостолами и въ правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а всѣ прочія мѣста для христіанъ не имѣютъ силы; в) что онъ,—Вассіанъ и старецъ его Нилъ (сорскій) отнюдь не хулятъ чудотворцевъ кіевскихъ и всея Россіи, напротивъ ублажаютъ и призываютъ въ своихъ молитвахъ; г) что церквамъ соборнымъ и мірскимъ св. правила повелѣваютъ держать земли, съ тѣмъ однакожъ, чтобы ими завѣдывалъ экономъ и, съ вѣдома епископа и священниковъ, раздавалъ доходы на потребу церковнымъ причтамъ, а также нищимъ, бѣднымъ и на выкупъ плѣнныхъ; инокамъ же держать земель не подобаетъ; д) что не должно украшать церкви золотомъ, серебромъ, а лучше раздавать богатство нищимъ, и особенно въ монастыряхъ не должно укра-

шать церквей, но ограничиваться только потребнымъ и проч. ([237]). Вообще сочиненіе князя-старца Вассіана далеко ниже, во всѣхъ отношеніяхъ, сочиненій его знаменитаго противника. Князь не обладалъ ни такою начитанностію, ни такимъ свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, ни такимъ краснорѣчіемъ, какъ преп. Іосифъ. Главнымъ и почти единственнымъ источникомъ, которымъ пользовался Вассіанъ, была книга Никона Черногорца Пандекты, изъ которой онъ дѣлаетъ выписки и на которую прямо ссылается. Изложеніе мыслей у князя—мало-связное и, большею частію, растянутое; слогъ—крайне необработанный и по мѣстамъ дотого темный, что трудно угадать мысль; тонъ рѣчи—гордый, презрительный и въ высшей степени бранчивый, особенно по отношенію къ лицу препод. Іосифа, котораго называетъ князь не только законопреступникомъ, учителемъ беззаконія, человѣконенавистникомъ, но и антихристомъ ([238]).

([237]) Въ отвѣтахъ своихъ, изложенныхъ въ третьемъ словѣ, Вассіанъ часто ссылается на другія свои слова. Но эти ссылки отнюдь не указываютъ на какое-либо особое сочиненіе Вассіана или «цѣлую книгу, состоящую болѣе, чѣмъ изъ 10 словъ», какъ заключили издатели подлинныхъ сочиненій Вассіановыхъ (Прав. Собесѣдн. 1863, III, 97), а ясно относятся къ тѣмъ же тремъ словамъ Вассіана, которыя мы разсматриваемъ. Такъ, въ отвѣтахъ 4-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ Вассіанъ, говоря о наказаніи еретиковъ, замѣчаетъ: «яко же писано или изъявлено *въ сихъ тетратехъ напреди*, во 2-мъ словѣ», или: «зри о семъ во 2-мъ словѣ сихъ тетратей», или: «о семъ писано... во второмъ *словѣ отвѣтномъ*, въ сихъ *тетратехъ*», — о чемъ въ словѣ второмъ дѣйствительно и писано (см. стр. 198. 199). Въ 10-мъ отвѣтѣ, укоряя Іосифа, Вассіанъ выражается: «яко же въ *Предисловіи* о тебѣ и о твоихъ ученицѣхъ писано сихъ *тетратей*». Подобныя же ссылки на слова и главы *сихъ тетратей* сдѣланы въ отвѣтахъ 11. 12 и 13, и дѣйствительно оправдываются указываемыми словами или главами настоящаго сочиненія (*Невоструев*. Разсмотр. книги И. Хрущова о соч. преп. Іосифа, стр. 60—63, Спб. 1870).

([238]) Что касается до сочиненія: «Бесѣда и видѣніе преподобныхъ отецъ нашихъ игуменовъ Сергія и Германа, Валаамскаго монастыря начальниковъ, инокомъ о Бозѣ на большее спасеніе», изданнаго въ Чтен. М. Истор. Обще-

Ростовскій священникъ Георгій Скрипица написалъ посланіе противъ одного изъ постановленій московскаго собора 1503 — 1504 года, которое особенно отстаивалъ на соборѣ препод. Іосифъ, именно противъ постановленія о запрещеніи священнослуженія вдовымъ священникамъ и діаконамъ. Въ этомъ «Написаніи» своемъ къ собору Скрипица высказываетъ, что отцы собора несправедливо осудили и отлучили отъ священства всѣхъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ безъ разбора, чистыхъ и нечистыхъ, потому только, что они вдовы: что такимъ постановленіемъ, произвольнымъ и несогласнымъ ни съ писаніемъ, ни съ священными правилами, святители положили въ церкви вражду между собою и священниками навѣки; что слѣдовало бы запрещать и наказывать вдовыхъ священниковъ и діаконовъ только виновныхъ, живущихъ нечисто и съ наложницами: что и зло-то это сталося въ Русской землѣ нерадѣніемъ самихъ же святителей, которые не дозираютъ за духовенствомъ въ своихъ паствахъ ни сами, ни чрезъ избранныхъ священниковъ, а только, по обычаю царей, чрезъ бояръ своихъ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ и доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ; что такое несправедливое постановленіе, какъ узнаютъ о немъ, возбудитъ противъ нашихъ святителей въ чужихъ странахъ посмѣяніе, а въ странахъ православныхъ—поношенія и укоризны. Въ заключеніе же Скрипица убѣждалъ святителей, чтобы они, обыскавъ по

ства (1859, III) безъ начала и конца, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе инока-князя Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами», — то хотя нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что названное сочиненіе дѣйствительно написано Вассіаномъ, но, судя по содержанію и изложенію, оно съ вѣроятностію можетъ быть усвояемо этому иноку - князю (*Невоструев.*, тамъ же, 64—66).

правиламъ св. отецъ, о всѣхъ вдовыхъ іереяхъ и діаконахъ, живущихъ чисто помиловали и благословили священнодѣйствовать, а нечистыхъ и законопреступныхъ отлучали отъ священства. Это посланіе, выписки изъ котораго мы представили въ иномъ мѣстѣ, основательное по мыслямъ, написано съ смѣлостію и одушевленіемъ и изложено языкомъ довольно правильнымъ и удобопонятнымъ, гораздо лучшимъ того, какимъ излагалъ свои мысли князь-инокъ Вассіанъ ([239]).

Новгородскій архіепископъ Серапіонъ написалъ свое посланіе къ митрополиту Симону, когда былъ уже въ заточеніи, и въ этомъ посланіи продолжаетъ обвинять Іосифа, что онъ самовольно, безъ благословенія владыки, перешелъ въ иной предѣлъ съ своимъ монастыремъ и чрезъ то уподобился Іудѣ, отдѣлившемуся изъ лика апостоловъ, Григорію Самвлаку, произведшему расколъ и смуты въ митрополіи, и проч.; жалуется на великаго князя, что онъ не позволилъ и даже насильно воспрепятствовалъ ему—Серапіону своевременно пріѣхать въ Москву для необходимыхъ объясненій; жалуется на самого митрополита съ святителями за то, что они, будто бы вопреки каноновъ церкви, дали разрѣшительную грамоту Іосифу, тогда какъ его могъ разрѣшить только тотъ, кто его связалъ, т. е., одинъ Серапіонъ, и за то, что его, грѣшнаго Серапіона, будто бы «прежде суда отъ церкви отлучили, и санъ сняли, и заточенію предали» (несправедливо: судъ, какъ мы видѣли, былъ, и судъ соборный). Слогъ посланія довольно свободный и легкій ([240]).

([239]) Напеч. въ Чтен. М. Ист. Общ. 1848, VI, отд. IV, 45; нашей Истор. VI, 123 (изд. 1), 125 (изд. 2).

([240]) Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 210.

Обращаясь къ другимъ писателямъ, современнымъ препод. Іосифу, которые не были ни сторонниками, ни противниками его въ своихъ сочиненіяхъ, мы находимъ у этихъ писателей то посланія, то жизнеописанія святыхъ.

Посланія *митрополита Симона*. два въ Пермь къ духовенству и народу и одно во Псковъ о вдовыхъ священникахъ, нами уже разсмотрѣны прежде (т. VI, (изд. 1),121—123, 320—321, (изд. 2), 122—123, 325—326). Посланіе игумена псковскаго Елеазарова монастыря *Памфила* (1505 г.) рѣзко порицаетъ языческіе обычаи псковитянъ въ ночь подъ рождество св. Іоанна Предтечи, когда всѣ жители города, мужи и жены, отроки и дѣвицы, съ бубнами, пѣснями, криками предавались плయскамъ, разнымъ игрищамъ и гнусному распутству, а нѣкоторые по лугамъ, лѣсамъ и болотамъ отыскивали смертельныя травы, зелья и коренья на пагубу людямъ и скотамъ, и оканчивается убѣжденіями къ гражданскимъ властямъ Пскова, чтобы они уняли православный народъ отъ такого идольскаго служенія ([241]). Посланія *препод. Нила сорскаго* имѣютъ предметомъ внутреннюю подвижническую жизнь, о которой съ подробностію онъ изложилъ свои мысли въ извѣстномъ уже намъ «Уставѣ скитскаго житія». Два посланія написалъ Нилъ къ постриженнику своему Кассіану, бывшему князю Мавнукскому, который пришелъ въ Россію съ греческою царевною Софіею, служилъ нѣсколько бояриномъ у ростовскаго архіепископа Іоасафа и въ 1504 году скончался инокомъ въ Угличской обители. Въ одномъ изъ посланій старецъ учитъ Кассіана, какъ бороться съ помыслами, совѣтуя для того молитву Іисусову, занятіе рукодѣліемъ, изученіе св.

([241]) Дополн. Акт. Ист. I, № 22.

писаній, охраненіе себя отъ внѣшнихъ соблазновъ, и излагаетъ нѣкоторыя общія наставленіи о послушаніи наставнику и прочимъ во Христѣ братіямъ, о смиреніи, терпѣніи въ скорбяхъ, молитвѣ за самихъ враговъ и подобн. Во второмъ посланіи, воспоминая кратко о бѣдствіяхъ и скорбяхъ, претерпѣнныхъ Кассіаномъ отъ юности, о его знатныхъ родителяхъ, его плѣненіи, переселеніи въ чужую землю, и желая его утѣшить, преподобный раскрываетъ ему изъ св. писанія, что скорби часто наводитъ Господь на любящихъ Его, что всѣ святые, пророки, апостолы, мученики достигли спасенія путемъ страданій; указываетъ, въ частности на Іова, Іеремію, Моусея, Исаію, Іоанна крестителя и другихъ, и выводитъ заключеніе, что если святые столько терпѣли, то тѣмъ болѣе должны потерпѣть на землѣ мы—грѣшники, что мы должны воспользоваться этими бѣдствіями и скорбями для очищенія себя отъ грѣховъ и своего спасенія. Въ посланіи къ другому ученику своему и сподвижнику Иннокентію, основавшему уже тогда особую обитель, препод. Нилъ кратко говоритъ о самомъ себѣ, о своей жизни, вмѣстѣ съ нимъ, въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, о своемъ поселеніи, по окончаніи путешествія на востокъ, внѣ монастыря, объ основаніи своего скита, о своихъ постоянныхъ занятіяхъ св. писаніемъ, житіями св. отецъ и ихъ преданіями, а потомъ наставляетъ Иннокентія исполнять заповѣди Господни, подражать житію святыхъ, хранить ихъ преданія и учить тому же всю свою братію. Еще два посланія написаны Ниломъ къ неизвѣстнымъ инокамъ. Въ одномъ, весьма краткомъ, онъ заповѣдуетъ иноку памятованіе смерти, скорбь о грѣхахъ, неисходное пребываніе въ келліи, смиреніе, молитву. Въ другомъ, довольно обширномъ, даетъ отвѣты на слѣдующіе четыре вопроса, предложенные какимъ-то старцемъ: какъ противиться

блуднымъ помысламъ, какъ побѣждать помыслъ хульный, какъ отступить отъ міра и какъ не заблудить отъ истиннаго пути. Отвѣты эти, особенно два первые, преподобный почти буквально заимствовалъ изъ своего Устава скитскаго житія ([242]).

Изъ житій, составленныхъ въ то время, болѣе замѣчательныя: житіе *препод. Пафнутія боровскаго* и житіе *препод. Зосимы и Савватія соловецкихъ.* Первое написано Вассіаномъ, архіепископомъ ростовскимъ (1506—1515 г.), который былъ роднымъ братомъ препод. Іосифа волоколамскаго, подобно ему, принялъ постриженіе отъ самого препод. Пафнутія и долго находился подъ его руководствомъ. Въ этомъ житіи Вассіанъ помѣстилъ только то, по его собственнымъ словамъ, что повѣдалъ ему братъ — Іосифъ, что слышалъ отъ другихъ, старѣйшихъ учениковъ Пафнутіевыхъ — Иннокентія и Исаіи и что видѣлъ своими очами. Житіе отличается полнотою и подробностями. Кромѣ обычныхъ свѣдѣній о происхожденіи и постриженіи святаго, объ основаніи и устроеніи имъ обители, здѣсь излагаются нѣкоторыя отличительныя свойства его характера и дѣятельности, разсказываются многіе случаи его прозорливости и предвѣдѣнія и всѣ частнѣйшія обстоятельства его кончины и погребенія ([243]). Житіе препод. Зосимы и Савватія соловецкихъ основано также на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Первыя свѣдѣнія объ этихъ св. старцахъ изложены были соловецкими клириками, по порученію препод.

([242]) Препод. Нилъ Сорскій, 161. 169—178. 184. 196. Спб. 1864. Прочія сочиненія, тамъ же напечатанныя (стр. 197—206), неосновательно приписываются преп. Нилу.

([243]) Есть въ Сборн. нашей библ. № 100. Объ авторѣ этого житія — *Хрущов.* О сочин. преп. Іосифа Вол., вступл. XXV — XXVIII; *Ключевск.* Древне-Русск. жит., 201—206.

Германа соловецкаго, который былъ сподвижникомъ Зосимы и Савватія и, не умѣя писать самъ, велѣлъ клирикамъ записать со словъ его то, что онъ передавалъ. Этими свѣдѣніями воспользовался соловецкій игуменъ Досиоей, и дополнивъ ихъ тѣмъ, что лично слышалъ отъ препод. Зосимы, котораго еще засталъ въ живыхъ, и отъ препод. Германа, съ которымъ жилъ въ одной келліи, начерталъ, по просьбѣ новгородскаго архіепископа Геннадія, болѣе подробныя записки о преп. Зосимѣ и Савватіи. Не довольствуясь этими безъискуственными записками, Досиоей, когда ему случилось быть на Бѣлоозерѣ въ Ферапонтовѣ монастырѣ, упросилъ находившагося тамъ на покоѣ или въ заточеніи митрополита Спиридона «изложити стройно житіе начальниковъ Соловецкихъ» и передалъ ему словесно все, что зналъ объ нихъ, а также и свои записки. Спиридонъ дѣйствительно написалъ житіе препод. Зосимы и Савватія, и оно, почти безъ измѣненій, вошло въ составъ нашей печатной Четии-минеи ([244]).

III.

Спустя два съ половиною года по смерти преп. Іосифа волоколамскаго, прибылъ въ Москву аоонскій инокъ Максимъ Грекъ и внесъ въ нашу духовную литературу новый элементъ, прежде въ ней неизвѣстный, элементъ научнаго и многосторонняго образованія. Доселѣ всѣ наши писатели, самые даровитые и просвѣщенные, были не болѣе, какъ люди грамотные и начитанные, но вовсе незнакомые съ наукою, и если обладали иногда даже обширными свѣдѣніями, то почти исключительно богословскими. И это должно сказать не объ одныхъ

---

(244) Напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1859, II, 28 и дал.

тѣхъ нашихъ писателяхъ, которые родились и воспитались въ Россіи, но равно и о тѣхъ, которые происходили изъ Греціи, Болгаріи и Сербіи. Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ свѣдѣній не только въ богословскихъ, но и свѣтскихъ науках, какія тогда существовали. Послѣ первоначальнаго обученія на своей родинѣ, онъ получилъ дальнѣйшее воспитаніе въ Италіи, бывшей тогда главнымъ мѣстомъ пробудившагося на западѣ Европы умственнаго движенія и дѣятельности; долго жилъ тамъ въ своей ранней юности, «у мужей, премудростію многою украшенныхъ», слушалъ въ разныхъ школахъ «нарочитыхъ учителей», основательно изучилъ языки греческій и латинскій, науки—грамматику, піитику, риторику, діалектику, древнія классическія литературы — греческую и римскую, системы древнихъ философовъ, особенно Платона и Аристотеля, и довершилъ свое богословское образованіе на Аѳонѣ, пользуясь въ продолженіе многихъ лѣтъ богатою Ватопедскою библіотекою. Можно сказать, что въ лицѣ Максима Грека въ первый разъ проникло-было къ намъ европейское просвѣщеніе, тогда уже зачинавшееся, и бросило, хотя еще слабые, лучи свои на густой мракъ невѣжества и суевѣрій, облегавшій Россію ([245]). Очень естественно, если Максима у насъ скоро поняли, какъ человѣка умнаго и ученаго; если къ нему собирались люди книжные, чтобы побесѣдовать съ нимъ «о книжномъ», къ нему обращались за совѣтами и разрѣшеніемъ недоумѣній; если сами іерархи, самъ царь требовали иногда мнѣнія Максима по тѣмъ или другимъ церковнымъ вопросамъ. Не удивительно, если нѣкоторые даже преувеличивали значеніе Максима и считали

([245]) *Макс. Грека*, Сочин. II, 312; III, 178, Казан. 1859—1862.

его человѣкомъ выше своего вѣка по уму и образованію, а другіе, водясь иногда духомъ партіи, только одного Максима и признавали человѣкомъ умнымъ и просвѣщеннымъ и безъ мѣры превозносили его переводы и исправленіе книгъ и его сочиненія ([246]). Не говоримъ уже, какъ высоко цѣнилъ и самъ Максимъ свои сочиненія ([247]). Но то, что было естественно въ свое время, неестественно теперь. Нынѣ мы можемъ относиться къ Максиму Греку съ полнымъ безпристрастіемъ и справедливостію и судить о немъ, какъ о человѣкѣ и какъ о писателѣ, безъ всякихъ увлеченій, не умаляя, но и не преувеличивая его заслугъ и достоинствъ ([248]).

Первыми литературными трудами у насъ Максима были труды переводные: нѣкоторыя книги онъ перевелъ вновь съ

([246]) Нашей Истор. Русск. Церк. VI, 156. 163 — 165. 177. 179. 188. 190. 253 (изд. 1); 158. 165—167. 179. 181. 191. 192. 254 (изд. 2). Одинъ изъ сотрудниковъ Максима, инокъ Троицко-Сергіева монастыря, Силуанъ, восхвалялъ Максима между прочимъ, какъ «въ всѣхъ благоискусна суща и *много отъ человѣкъ нынѣшняго времени отстоеща мудростію и разумомъ и остроуміемъ*» (Отчетъ Император. Публич. библ. за 1868 годъ, стр. 66 — 67). Отзывъ о сочиненіяхъ Максима другаго его современника напечатанъ въ предисловіи къ изданію этихъ сочиненій (стр. 7—10, Казань 1859) и въ Опис. Славян. рукоп. Москов. Синод. библ. (отд. II, 2, стр. 520—521).

([247]) Напримѣръ, посылая къ митрополиту Макарію и къ извѣстному Алексѣю Адашеву для прочтенія десять тетрадокъ своихъ сочиненій, Максимъ писалъ послѣднему: «посылаю къ государю нашему преосвященному митрополиту и къ тебѣ вещи, по моему суду, не худи, ученіе о правѣхъ и вооруженіе *сильно* на латинскія ереси, и злочестивое упрямство еврейско, и на еллинскую прелесть и звѣздочетіе, *премудрости довольныя и разума духовнаго и силы исполнь* прочитающимъ я...» И далѣе: «а тетрадка, въ ней же главы 27, та мною списана *мудро добрѣ* къ самому великому властелю» (*Максим.* Сочин. II, 383).

([248]) Разсмотрѣніе литературныхъ трудовъ Максима Грека, болѣе или менѣе подробное, можно найти: въ статьѣ *преосвящен. Филарета* — «Максимъ грекъ» (Москвитянин. 1842, XI), въ Исторіяхъ Русск. Словесности г. *Галахова* (I, 129—135) и г. *Порфирьева* (I, 391—416) и въ особомъ сочиненіи г. *Иконникова*—«Максимъ грекъ», Кіев. 1866.

греческаго языка на славянскій и далъ для употребленія русскимъ, а другія, прежде переведенныя и употреблявшіяся въ Россіи, только исправлялъ. Но что это были за переводы? Максимъ, когда принимался за нихъ, еще не зналъ русскаго или славянскаго языка, а зналъ только языки греческій и латинскій. Онъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а съ латинскаго на русскій переводили уже данные ему помощники изъ русскихъ, знавшіе латинскій языкъ. Значитъ, Максиму здѣсь принадлежала одна половина труда—первая, а вторая половина всецѣло принадлежала его помощникамъ; Максиму принадлежалъ собственно переводъ латинскій, намъ неизвѣстный, а славянскій переводъ, сдѣланный съ этого латинскаго и оттолѣ употреблявшійся въ Россіи въ продолженіе вѣковъ, вовсе не есть переводъ самого Максима, но исключительно переводъ его сотрудниковъ, хотя безъ Максима и не могъ бы появиться. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно сказать о большей части переводовъ, приписываемыхъ Максиму. Самый первый по времени, самый обширный и важнѣйшій трудъ, для котораго собственно Максимъ и вызванъ былъ въ Россію и надъ которымъ онъ провелъ годъ и пять мѣсяцевъ (съ марта 1518-го по августъ 1519), есть переводъ, по порученію великаго князя Василія Іоанновича, толковой Псалтыри, заключавшей въ себѣ толкованія многихъ древнихъ св. отцевъ и учителей церкви. Процессъ этого перевода кратко объяснилъ одинъ изъ сотрудниковъ Максима, Димитрій Герасимовъ, писавшій о немъ въ то время своему знакомому: «а нынѣ, господине, переводитъ Максимъ Псалтырь съ греческаго толковую великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ, перемѣняяся; онъ сказываетъ по-латыньски, а мы сказываемъ по-

русски писаремъ» ([249]). Вотъ кто были настоящіе переводчики этой Псалтыри на нашъ языкъ! Въ то же время, по порученію митрополита Варлаама, переведены Максимомъ толкованія на послѣднія главы книги Дѣяній апостольскихъ (оконч. въ мартѣ 1519 г.): этотъ переводъ со словъ Максима совершенъ на русскій языкъ однимъ Власіемъ. Въ 1521 г. явился переводъ Максимовъ Метафрастова житія пресвятой Богорѣдицы: тутъ славянскимъ переводчикомъ при Максимѣ былъ старецъ Троицко-Сергіева монастыря Силуанъ. Черезъ три года, по порученію митрополита Даніила, совершенъ еще весьма важный и обширный литературный трудъ—переводъ Бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на Евангелія отъ Матѳея и отъ Іоанна; но совершенъ, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же старецъ Силуанъ, только «разумомъ и наказаніемъ» Максима, а «трудомъ и потомъ» его самого, «многогрѣшнаго инока Селивана» ([250]). Неизвѣстно, когда переведены Максимомъ—похвальное слово св. Василія Великаго мученику Варлааму и три небольшія статьи Симеона Метафраста: о св. апостолѣ Ѳомѣ, о чудѣ св. архистратига Михаила въ Хонѣхъ и о мученичествѣ св. Діонисія Ареопагита; но если послѣ 1524 года, то переводъ могъ быть сдѣланъ и однимъ Максимомъ безъ участія помощниковъ: такъ какъ въ это время онъ уже хорошо зналъ русскій языкъ, по свидѣтельству старца Силуана ([251]). Равнымъ образомъ

([249]) Нашей Истор. Русск. Церкв. VI, 161 (изд. 1), 163 (изд. 2). Объ этихъ сотрудникахъ своихъ при переводѣ Толковой Псалтыри, равно какъ и о трудившихся при этомъ двухъ писаряхъ—Михаилѣ Медоварцевѣ и старцѣ Силуанѣ, говоритъ и самъ Максимъ (—Сочин. II, 316).

([250]) Нашей Истор. Р. Ц. VI. 164. 187. 188 (изд. 1). 166—167. 189—191 (изд. 2). Отчетъ Императ. публ. библ. за 1868 г., 66. 69.

([251]) Опис. рукоп. Хлудова. стр. 190. М. 1872; Опис. 24-хъ рукоп. Сборн. XVI в. новгород. соф. библ., въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комм., вып. III.

и переводъ слова св. Кирилла александрійскаго объ исходѣ души и о второмъ пришествіи могъ принадлежать исключительно Максиму, если вѣрить помѣткѣ, находящейся въ одной рукописи XVI вѣка, что слово это перевелъ Максимъ въ 1542 году (252). Съ полною же достовѣрностію исключительно Максиму можно усвоять только одинъ переводъ—буквальный переводъ Псалтыри, совершенный имъ уже въ 1552 г. въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, по просьбѣ черноризца Нила Курлятева: послѣдній сначала переписалъ, по наставленію Максима, на своихъ тетрадяхъ всѣ псалмы по-гречески, а потомъ написалъ противъ греческаго текста на тѣхъ же тетрадяхъ и славянскій переводъ псалмовъ, который «сказывалъ» ему Максимъ по порядку (253). Но этотъ-то, быть можетъ, единственный переводъ самого Максима былъ сдѣланъ имъ только для частнаго лица и навсегда остался въ рукописи, тогда какъ другіе переводы, сдѣланные со словъ Максима его русскими сотрудниками, находились въ общемъ употребленіи и впослѣдствіи почти всѣ были даже изданы въ печати. Нельзя не удивляться, какъ рѣшился Максимъ, при его умѣ, на такого рода переводы, не изучивъ предварительно русскаго языка, и не предвидѣлъ, что переводы эти не будутъ отличаться ни правильностію, ни особенно точностію. Самъ Максимъ могъ ручаться только за себя, что онъ вѣрно передаетъ по-латыни смыслъ

отд. III, стр. 92; *Макар.* Чети-Минеи, изд. Археогр. Комм., сент. 6-го, стр. 299, и окт. 3-го, стр. 251; Отч. Импер. Публ. библ. за 1868 г., 66.

(252) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 1, 77; II, 2, 574.

(253) Рукоп. Слав. и Росс. Царскаго, стр. 323 — 321. Не говоримъ здѣсь ни о переводѣ Максимомъ двухъ - трехъ отрывковъ изъ ветхаго завѣта, по самой ихъ незначительности, ни о переводѣ имъ будто бы цѣлой книги — *Кормчей* (*Евген.* Слов. о Дух. Писат. II. 37, изд. 8),—о чемъ будетъ сказано нами въ своемъ мѣстѣ.

греческаго текста, но не могъ ручаться за своихъ сотрудниковъ, что и они также вѣрно передаютъ по-русски его латинскій переводъ. Равно и сотрудники Максима могли ручаться только за соотвѣтствіе своего перевода его латинскимъ рѣчамъ, но не могли знать, насколько эти рѣчи отвѣчаютъ подлиннику. Недоразумѣнія и погрѣшности, болѣе или менѣе важныя, были неизбѣжны, и одна изъ такихъ погрѣшностей, даже очень важная, дѣйствительно и оказалась, какъ извѣстно, въ переводѣ житія пресв. Богородицы и поставлена была въ ряду другихъ обвиненій противъ Максима (254).

Еще удивительнѣе то, что Максимъ, почти не зная русскаго языка, осмѣлился приступить къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ. Если въ переводахъ иногда и не требуется большой точности и строгой соотвѣтственности тексту подлинника, лишь бы они правильно передавали мысли подлинника: то при исправленіи перевода въ такихъ книгахъ, каковы богослужебныя, гдѣ каждая фраза дорога для вѣрующихъ, необходимо было соблюденіе самой полной, даже буквальной точности. Максимъ, безъ сомнѣнія, не могъ еще тогда самъ видѣть и понимать разныя погрѣшности въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ; объ этихъ погрѣшностяхъ ему передавали по-латыни его русскіе сотрудники. Онъ обращался къ греческому тексту и по-латыни же передавалъ своимъ сотрудникамъ, какъ надобно исправить указанныя погрѣшности: сотрудники, на основаніи словъ Максима, и дѣлали исправленія. Но кто могъ провѣрить и засвидѣтельствовать правильность и точность такихъ исправленій? Предпріятіе Максима было, очевидно, недовольно обдумано и, что весьма естественно, не

(254) Нашей Ист. Р. Церкви VI, 187—189 (изд. 1), 189—192 (изд. 2).

имѣло успѣха. Максимъ несомнѣнно исправлялъ съ своими сотрудниками книгу *Тріодь*, какъ самъ свидѣтельствуетъ, и послѣ нея, вѣроятно, исправлялъ или, по крайней мѣрѣ, пересматривалъ *Часословъ*, *толковое Евангеліе*, *Апостолъ* и *Минею праздничную*: такъ какъ въ своемъ Исповѣданіи указываетъ на неисправности, находившіяся въ этихъ книгахъ, и былъ судимъ за нѣкоторыя измѣненія, допущенныя имъ въ двухъ послѣднихъ ([255]). А затѣмъ работа Максима должна была прекратиться. Въ исправленіяхъ его начали примѣчать неточности или ошибки; между вѣрующими поднялся ропотъ, что книги не правятъ, а портятъ; Максима, при другихъ, неблагопріятныхъ для него, обстоятельствахъ, потребовали на судъ, и на судѣ открылось то, чего надлежало ожидать: Максимъ, не зная достаточно русскаго языка, или не понималъ и не хотѣлъ признать указываемыхъ ему въ его переводахъ неправильностей, или слагалъ вину на своихъ сотрудниковъ, даже переписчиковъ, а послѣдніе слагали вину на самого Максима и говорили, что онъ такъ приказывалъ имъ писать, хотя они не хотѣли. Послѣдствія суда извѣстны ([256]).

Впрочемъ, хотя Максиму и не удалось самому исправить наши церковныя книги, онъ заботился, насколько могъ, содѣйствовать ихъ будущему исправленію. Чрезъ нѣсколько времени, когда онъ писалъ въ защиту себя отъ взведенныхъ на него обвиненій, достаточно уже познакомившись съ русскимъ языкомъ, онъ показалъ русскимъ, что ихъ богослужебныя книги содержатъ въ себѣ много не только неточностей въ переводѣ, но и весьма грубыхъ ошибокъ, и слѣд. настоятельно

([255]) *Максим.* Сочин. I, 29—37. Нашей Истор. Р. Церкви VI, 190. 191 (изд. 1), 192. 193 (изд. 2).

([256]) Нашей Истор. Р. Церкви VI, 183—192 (изд. 1), 185—195 (изд. 2).

требуютъ исправленія, хотя въ нѣкоторой степени это уже сознавалось тогда въ Россіи: иначе Максиму и не поручали бы приступать къ исправленію названныхъ книгъ. Показалъ, что недостатки въ этихъ книгахъ зависѣли не отъ одинхъ только невѣжественныхъ переписчиковъ, но отчасти и отъ древнихъ достопамятныхъ переводчиковъ, и что потому книги должны быть исправляемы не чрезъ сличеніе только ихъ съ древними славянскими списками, а и чрезъ снесеніе съ греческимъ текстомъ. Максимъ старался объяснить русскимъ, что лица, которыя пожелали бы приняться за такое исправленіе книгъ, должны имѣть познанія не только въ грамматикѣ, но и въ піитикѣ, риторикѣ и самой философіи, а переписчики книгъ должны знать, по крайней мѣрѣ, грамматику,—для чего и написалъ двѣ особыя статьи: «о грамматикѣ» и «о пользѣ грамматики» ([257]). Онъ желалъ дать русскимъ самое руководство, какъ узнавать хорошихъ переводчиковъ и исправителей книгъ съ греческаго языка: написалъ по-гречески 16 стиховъ героическаго и элегическаго размѣра, перевелъ эти стихи на славянскій языкъ и заповѣдалъ, что если кто придетъ въ Россію и предложитъ свои услуги заняться переводомъ и исправленіемъ церковныхъ книгъ, то ему дали бы прежде всего перевесть тѣ греческіе стихи, и если онъ переведетъ ихъ на славянскій языкъ согласно съ переводомъ Максимовымъ и скажетъ, что стихи эти героическаго и элегическаго размѣра, и первые — шестистопные, а послѣдніе — пятистопные, — тогда смѣло можно принимать такого переводчика и поручать ему исправленіе книгъ ([258]). Не знаемъ, воспользовались ли рус-

---

([257]) *Максим.* Сочин. I. 29 — 34; III. 62. 75 — 92; Опис. Румянц. Муз. стр. 370.

([258]) *Макс.* Сочин. III. 286—289.

скіе впослѣдствіи этими наставленіями Максима; но не можемъ не выразить сожалѣнія, что самъ онъ, первый, не подвергся въ свое время подобному испытанію въ знаніи русскаго языка, когда приступалъ къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ: въ такомъ случаѣ, быть можетъ, онъ отложилъ бы это важное дѣло, позаботился бы предварительно изучить русскій языкъ и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ бы то, что ему поручали.

Но если въ своихъ переводахъ и исправленіи книгъ Максимъ неизбѣжно долженъ былъ чувствовать себя какъ бы связаннымъ и стѣсненнымъ, частію свойствомъ этихъ занятій, а особенно своимъ незнаніемъ русскаго языка, зато въ своихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ развѣ только немногія написалъ по-латыни, пока не освоился съ русскимъ языкомъ, а всѣ прочія писалъ по-русски, онъ имѣлъ возможность проявить себя во всей полнотѣ своихъ умственныхъ силъ и образованія. Сочиненія эти недавно изданы въ свѣтъ и сдѣлались всякому доступными: они весьма многочисленны (насчитываютъ до 134) и разнообразны, но вообще не велики по объему, такъ что едва составили въ печати три небольшія книжки. Это не какіе-либо ученые трактаты и изслѣдованія, а рядъ статей, болѣе или менѣе легкихъ, иногда довольно пространныхъ, но чаще краткихъ, даже весьма краткихъ. Изложены они то въ формѣ размышленій и разсужденій, то въ формѣ церковныхъ словъ и бесѣдъ, то въ видѣ посланій, разговоровъ, историческихъ разсказовъ, молитвъ и священныхъ пѣснопѣній, отрывковъ, афоризмовъ, замѣтокъ, иногда въ нѣсколько строкъ. Самое видное мѣсто въ ряду всѣхъ этихъ сочиненій занимаютъ сочиненія *догматико-полемическія*, написанныя въ защиту вѣры христіанской православной противъ иновѣрцевъ и не-

православныхъ: іудеевъ, язычниковъ, магометанъ, армянъ и латинянъ, а также противъ суевѣрій и апокрифовъ, извѣстныхъ тогда въ Россіи.

Противъ *іудеевъ* и іудействовавшихъ или новгородскихъ еретиковъ, которые хотя были уже осуждены соборомъ 1504 года, но тайно продолжали держаться своихъ мнѣній, Максимъ написалъ пять небольшихъ статей. Въ первой, подъ заглавіемъ: «Слово о рождествѣ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въ томъ же и на іудея», Максимъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ есть Богъ и истинный Мессія, на которомъ исполнились всѣ ветхозавѣтныя пророчества, и что потому іудеи должны или вѣровать въ Него вмѣстѣ съ нами, или не вѣрить своимъ пророкамъ, какъ «солгавшимъ на Христа», и не должны ожидать болѣе Мессіи, — такъ такъ время пришествія Его, опредѣленное въ седминахъ Даніиловыхъ, трижды уже прошло; что въ воплощеніи Бога нѣтъ ничего несообразнаго, подобно тому, какъ не было несообразнаго въ разныхъ чувственныхъ явленіяхъ Его въ ветхомъ завѣтѣ; что Христосъ потерпѣлъ страданіе и смерть плотію, а не божествомъ, и потерпѣлъ единственно изъ любви къ своему образу—человѣку; а вслѣдъ за тѣмъ указываетъ іудеямъ на ихъ разсѣяніе по землѣ и разрушеніе ихъ втораго храма за убіеніе Мессіи, на чудное распространеніе христіанства двѣнадцатью рыбарями, дѣйствовавшими только словомъ и чудесами, на чудный героизмъ христіанскихъ мучениковъ, подкрѣплявшихся силою Христовою, на чудеса, совершаемыя силою самаго креста Христова: все это изложено въ самыхъ общихъ чертахъ и весьма кратко (*Максим.* Сочин. I, 39—51). Во второй статьѣ или «Словѣ о поклоненіи св. иконъ», которая равно могла относиться и къ іудеямъ и къ лютеранамъ, Максимъ доказываетъ, что это

поклоненіе нимало непротивно второй заповѣди десятословія, напротивъ согласно съ другими повелѣніями самого Бога въ ветхомъ завѣтѣ, и объясняетъ правильный смыслъ христіанскаго иконопочитанія (— I, 485). Въ третьей статьѣ, — въ «Словѣ на хульникы пречистыя Божія Матери», которая была какъ бы продолженіемъ второй (такъ какъ начинается словами, что мы должны не только поклоняться св. иконамъ Христа Бога, Его пречистой Матери и прочихъ угодниковъ, но и чтить церковные сосуды и все, что въ церкви освящено Христу), Максимъ опровергаетъ ту ложную мысль, будто Пресв. Дѣва только была свята и преславна, когда носила во утробѣ своей Еммануила, а по рожденіи Его сдѣлалась, какъ одна изъ прочихъ женъ. Мысль эта, которую Максимъ въ концѣ статьи называетъ «умышленіемъ іудейскимъ», судя по содержанію ея, могла принадлежать, безъ сомнѣнія, не самимъ іудеямъ, а развѣ только нашимъ іудействовавшимъ еретикамъ, тѣмъ болѣе, что и въ опроверженіе ея Максимъ приводитъ не одни ветхозавѣтныя пророчества и прообразованія, относящіяся къ пресв. Дѣвѣ, но и наши церковныя пѣсни и наконецъ говоритъ: «тѣмъже и азъ совѣтую вамъ, братіе, отступити... отъ таковыя хулы на пречистую Божію Матерь, да и та приблизится вамъ» и проч. (— I. 495). Двѣ остальныя статьи противъ іудеевъ имѣютъ частный характеръ. Въ «Совѣтѣ къ собору православному на Исака жидовина» Максимъ убѣждаетъ пастырей, по примѣру древнихъ ревнителей, возревновать о православіи и «предать еретика вышней власти на казнь», въ урокъ другимъ (—I. 51). А статья: «Словеса супротивна противу главъ Самуила Евреина»—содержитъ въ себѣ нѣсколько краткихъ замѣтокъ и опроверженій Максима на книгу названнаго Еврея (живш. въ XI вѣкѣ), которая была

переведена тогда съ латинскаго на русскій языкъ Николаемъ-нѣмчиномъ и, вѣроятно, употреблялась между нашими жидовствующими (—I. 55).

«Слово обличительно на еллинскую прелесть», т. е., противъ *язычниковъ*, Максимъ начинаетъ такъ: «понеже убо, божественною помощію, обличихомъ уже, еже на Спаса Христа, іудейское бѣснованіе, пріиди прочее, о душе, обратимъ себе противу еллинскому зломудрію и дерзноглаголанію: не меньше бо іудеевъ стрѣляютъ хуленіи велію нашу христіанскую вѣру»,—хотя собственно въ Россіи едва ли можно было слышать тогда такія хуленія. Въ этомъ словѣ Максимъ доказываетъ превосходство христіанской вѣры предъ язычествомъ — 1) чудеснымъ распространеніемъ ея и чудными дѣйствіями ея въ людяхъ: она распространилась не силою оружія, а только кроткими словами и поученіями, не обѣщая людямъ никакихъ благъ на землѣ, напротивъ предрекая имъ одни бѣдствія и скорби, распространилась по всей землѣ людьми неучеными, несмотря на жесточайшія гоненія, и дѣйствуетъ такъ, что безчисленное множество людей отрекаются отъ міра и проводятъ суровую жизнь въ пустыняхъ, а другіе претерпѣваютъ за нее всякаго рода мученія,—чего не могли производить въ язычникахъ никакой ихъ богъ, ни царь, ни риторъ, ни мудрый законодатель: 2) превосходствомъ христіанскаго ученія предъ языческимъ: въ книгахъ христіанскаго откровенія нѣтъ ничего хульнаго и нечистаго, ничего подобнаго сказаніямъ о похожденіяхъ языческихъ боговъ — Зевса, Паллады, Семелы, Феба, Афродиты, Марса, напротивъ содержится самое возвышенное ученіе о Богѣ единомъ въ трехъ упостасяхъ, о Сынѣ Божіемъ, который изъ любви къ образу своему—человѣку воплотился и потерпѣлъ страданіе и смерть, о жизни загробной, о прав-

ственности,—тогда какъ не только въ языческихъ миѳологіяхъ о богахъ, но и въ книгахъ самихъ языческихъ мудрецовъ — Хризиппа, Епикура и прочихъ проповѣдуется всякое студодѣяніе (—I, 62—77).

Послѣ обличенія язычниковъ, Максимъ направилъ свою полемику противъ *латинянъ*. Когда онъ прибылъ въ Россію въ 1518 г., онъ уже нашелъ здѣсь «нѣкоего хульника латыномудренна, нѣмчина родомъ, пишуща развращенаа на православную вѣру нашу». Это былъ Николай Булевъ или Люевъ, главный врачъ великаго князя Василія Іоанновича, пользовавшійся особеннымъ его благоволеніемъ и, по свидѣтельству одного современника, «ученѣйшій профессоръ медицины, астрологіи и всякой науки». Онъ много лѣтъ жилъ въ Россіи, изучилъ русскій языкъ и писалъ на немъ сочиненія въ пользу латинства, распространялъ между русскими астрологическое ученіе и, вѣроятно, перевелъ на русскій языкъ книгу Самуила-евреина, о которой мы уже упоминали: переписывался съ нашими боярами (наприм. съ Ѳедоромъ Карповымъ), а впослѣдствіи и съ самимъ Максимомъ Грекомъ ([259]). Максимъ называетъ его въ своихъ сочиненіяхъ Николаемъ-нѣмчиномъ и сви-

---

([259]) *Максим*. Посл. къ Собору, въ Москвит. 1842, № 11, 85. Объ этомъ ***Николаѣ Булевѣ*** **или** ***Люевѣ***, какъ любимомъ врачѣ в. к. Василія Ивановича, говорятъ наши Лѣтописи (—VI, 271), какъ знатокѣ медицины и астрологіи, упоминаетъ современникъ Фр. Да-Колло (*Карамз.* VII, примѣч. 258), а какъ о ***Николаѣ нѣмчинѣ***, жившемъ у насъ много лѣтъ и писавшемъ въ защиту латинской вѣры, противъ котораго вооружился Максимъ Грекъ, свидѣтельствуютъ почти современные собиратели сочиненій Максима и отчасти самъ Максимъ (—I, 213. 214. Снес. Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, 537). Посему несправедливо смѣшиваютъ этого Николая-нѣмчина съ папскимъ посломъ Николаемъ Шомбергомъ, который былъ у насъ въ 1518 г., а въ 1520 г. уже возвратился въ Римъ (*Руднев.* О ерес. и раск. въ Русск. Церкв. 285—287, М. 1838; *Филар.* Ист. Р. Церкв. III, 103—104, изд. 2).

дѣтельствуетъ, что его считали «мудрымъ и словеснаго художества искуснымъ» и что мудрости его многіе удивлялись (—I, 214. 236. 271. 455). Противъ этого-то Николая-нѣмчина и по поводу его сочиненій Максимъ и написалъ почти всѣ свои сочиненія на латинянъ: одно въ видѣ обличительнаго слова на писаніе Николая о соединеніи православныхъ и латинянъ, два въ видѣ посланій къ боярину Θедору Карпову и три въ видѣ посланій къ самому Николаю-нѣмчину.

Въ словѣ на писаніе Николая-нѣмчина о соединеніи православныхъ и латинянъ Максимъ доказываетъ,—1) что Николай неправъ, утверждая, будто римская церковь неизмѣнно сохраняетъ православную вѣру отъ временъ св. апостоловъ и св. отцевъ,—такъ какъ она измѣнила членъ вѣры о Св. Духѣ въ самомъ символѣ вѣры, вопреки ученію Спасителя и вселенскихъ соборовъ, — и что потому латиняне «достойни нарицатися не точію раскольникы, но отчасти еретики»: 2) что хотя крещеніе у православныхъ и латинянъ дѣйствительно одно, но отступленія латинянъ отъ вѣры, каковы — ученіе о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына, ученіе о чистилищѣ и употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи, дѣлаютъ для православныхъ невозможнымъ общеніе съ латинянами, а потому послѣдніе должны прежде устранить эти препятствія, отречься отъ своихъ заблужденій, если искренно желаютъ соединиться съ православными (—I, 213—234).

Въ посланіяхъ къ боярину Θедору Карпову Максимъ, по его просьбѣ, разбираетъ какое-то слово Николая-нѣмчина, присланное послѣднимъ Θедору въ отвѣтъ на письменные его вопросы. И именно въ первомъ посланіи Максимъ подробно доказываетъ ту мысль, что въ исповѣданіи христіанской вѣры непозволительно ничего измѣнять, ни прибавлять, ни уба-

влять, — для чего и приводитъ слова Спасителя и апостола Павла, потомъ изреченія и постановленія св. отцевъ и соборовъ: Діонисія ареопагита, папы Келестина, Кирилла александрійскаго, третьяго и четвертаго вселенскихъ соборовъ, папы Льва Великаго, Іоанна Дамаскина, собора, бывшаго при патріархѣ Фотіи, и папы Льва IX (—I, 235—266). Во второмъ посланіи опровергаетъ одно за другимъ доказательства Николая-нѣмчина въ подтвержденіе римскаго лжедогмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына,—доказательства, заимствованныя какъ изъ разныхъ мѣстъ св. Писанія, такъ и изъ соображеній разума,—при чемъ также пользуется свидѣтельствами многихъ св. отцевъ (—I, 267—322). Надобно замѣтить, что эти два посланія Максима — самыя основательныя изъ всѣхъ его сочиненій противъ латинянъ. Достойно также замѣчанія, что посланія эти Максимъ писалъ еще въ то время, когда былъ занятъ переводомъ толковой Псалтыри, какъ самъ свидѣтельствуетъ (—I, 237), слѣд. въ самый первый годъ своего пребыванія въ Россіи. А какъ, по собственному же свидѣтельству Максима, онъ началъ писать противъ латинянъ уже послѣ обличенія имъ «іудейскаго зловѣрія и еллинскаго нечестія» (—I, 62. 77): то слѣдуетъ допустить, что полемическія сочиненія Максима, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, противъ іудеевъ, язычниковъ и затѣмъ латинянъ—едва ли не первыя его у насъ сочиненія по времени, и что они, вѣроятно, были имъ писаны по-латыни, а на русскій языкъ переведены его извѣстными помощниками.

Всѣ три посланія Максимовы къ Николаю-нѣмчину написаны по вызову со стороны послѣдняго. Въ одномъ посланіи Максимъ даетъ отвѣтъ на два, бывшія къ нему, посланія Николая и довольно подробно опровергаетъ его доказательства

объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, а подъ конецъ умоляетъ Николая оставить это заблужденіе и стать на твердомъ камени православія (—I, 323 — 340). Въ другомъ посланіи, исполняя просьбу Николая объяснить ему, когда и какъ отлучились латиняне отъ грековъ и отъ св. Божіей церкви, Максимъ кратко обличаетъ четыре отступленія или лжеученія латинянъ: объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о постѣ въ субботу, о безбрачіи духовенства и объ опрѣснокахъ, и совѣтуетъ Николаю обратиться съ своими вопросами къ митрополиту Даніилу, который способенъ показать ему всю истину (—I, 509 — 532). Въ третьемъ посланіи, по поводу просьбы Николая-нѣмчина, чтобы Максимъ молился о немъ, Максимъ убѣждаетъ его отложить всякое латинское словопреніе, не перетолковывать текстовъ Писанія о Св. Духѣ, не ссылаться на одного блажен. Августина, какъ-будто онъ одинъ лучше всѣхъ соборовъ разумѣлъ догматы вѣры, не говорить, что римская церковь дѣлаетъ только изъясненіе, а не прибавленіе въ ученіи о Св. Духѣ, но съ дѣтскою покорностію принять и непреложно содержать исповѣданіе православія, какъ предано оно семью св. вселенскими соборами (—I, 341—346).

Единственное сочиненіе Максима противъ латинянъ, не обращенное къ Николаю-нѣмчину и вовсе о немъ не упоминающее, есть «Слово похвальное къ св. апостоломъ Петру и Павлу, въ томъже обличенія и на латынскія три большія ереси». Обличаются здѣсь, довольно впрочемъ поверхностно, именно лжеученія латинянъ: о чистилищѣ, объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и объ употребленіи опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи. Слово это—одно изъ наименѣе удачныхъ сочиненій Максима Грека (—I, 180—212).

Обличивъ іудейство, язычество, латинство, Максимъ счелъ

недостойнымъ своей ревности оставить безъ обличенія магометанство, и написалъ противъ *магометанъ* три сочиненія (—I, 77—78). Въ «Словѣ обличительномъ на агарянскую прелесть» онъ говоритъ, что есть три главныхъ признака истинности какой-либо вѣры или ученія: если оно дано отъ самого Бога, если внесено въ міръ чрезъ мужа праведнаго и благочестиваго и если оно согласно съ догматами и преданіями св. пророковъ, апостоловъ и отцевъ церкви,—и потомъ доказываетъ, что, напротивъ, Магометъ былъ человѣкъ нечестивый и обманщикъ, что ученіе его совершенно несогласно съ догматами св. пророковъ, апостоловъ и отцевъ церкви, и что онъ посланъ не отъ Бога, а отъ антихриста и былъ его предтечею: слово растянутое, въ высшей степени бранчивое, непрямо направленное къ своей цѣли и имѣющее мало силы и доказательности (— I, 77 — 130). Въ «Словѣ второмъ о томъ же къ благовѣрнымъ на богоборца пса Моамеоа» Максимъ разсуждаетъ, что близко уже время пришествія антихриста, близка кончина міра, «якоже божественная писанія учатъ насъ, явьственнѣ глаголюща: на осмомъ вѣцѣ быти хотящу всѣхъ устроенію»,—и въ подтвержденіе своихъ мыслей представляетъ яркую картину быстрыхъ успѣховъ магометанства въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ прежде процвѣтало христіанство, и указываетъ на отпаденіе многихъ христіанъ отъ вѣры, на умноженіе ересей въ церкви Христовой, на оскудѣніе въ мірѣ вѣры и любви, на войны и кровопролитія во всей Европѣ, а подъ конецъ убѣждаетъ христіанъ отложить дѣла тьмы и облечься въ оружія свѣта, не скорбѣть посреди бѣдствій и притѣсненій отъ магометанъ, но радоваться и благодарить Христа за нисносылаемыя страданія, и прославлять Его благочестивою жизнію (— I, 131 — 150). Въ третьей статьѣ: «Отвѣты христіа-

номъ противъ агарянъ, хулящихъ нашу православную вѣру христіанскую»—Максимъ хотѣлъ дать православнымъ руководство, какъ состязаться съ магометанами о вѣрѣ, и въ частности даетъ наставленія: а) какъ доказывать магометанамъ, что Іисусъ Христосъ есть Богъ, на основаніи Евангелія, которое самъ ихъ коранъ называетъ святымъ, ниспосланнымъ съ неба; б) какъ опровергать ложное мнѣніе магометанъ, будто христіане вѣруютъ въ трехъ боговъ, и в) что̀ отвѣчать на возраженіе магометанъ: если бы Іисусъ Христосъ былъ Богъ, то іудеи не могли бы предать Его смерти (—I, 151—169).

Полемику свою противъ иновѣрцевъ и неправославныхъ Максимъ заключилъ «Словомъ *на Арменское зловѣріе*». Сказавъ въ началѣ слова, что армянское зловѣріе, слагающееся изъ разныхъ ересей, заключаетъ въ себѣ три наибольшія заблужденія, состоящія въ томъ: а) будто Іисусъ Христосъ пострадалъ и умеръ на крестѣ не только человѣчествомъ своимъ, но и божествомъ; б) будто Онъ, по вознесеніи на небо, совлекся человѣческой плоти, и в) будто въ Немъ одно естество, а не два,—Максимъ останавливается на одномъ первомъ заблужденіи и опровергаетъ его частію текстами св. Писанія и соображеніями разума о невозможности для Бога умереть, а частію историческими сказаніями, напримѣръ, о томъ, что во дни св. Прокла какой-то отрокъ былъ восхищенъ на небо и слышалъ тамъ пѣніе трисвятой пѣсни безъ прибавленія: *распныйся за ны*, которое дѣлаютъ армяне, и подоби. Слово это адресовано Максимомъ какому-то «другу вѣрну и брату возлюбленну», которому и совѣтуетъ онъ отказаться отъ дружбы и общенія съ армянами и облечься во всеоружіе богословія премудраго Іоанна Дамаскина для отраженія всякаго рода ересей (—I, 169—180).

Изъ сочиненій, написанныхъ Максимомъ противъ *суевѣрій разнаго рода и апокрифовъ*, наибольшая часть относится къ астрологіи. Въ числѣ апокрифовъ или лживыхъ книгъ, которыя издавна проникали въ Россію и которыя запрещалось русскимъ читать, находилось и «звѣздосказаніе». Но во дни Максима Грека распространенію астрологическаго ученія въ Россіи особенно содѣйствовалъ извѣстный Николай-нѣмчинъ. Онъ увлекъ боярина Өедора Карпова, еще какого-то инока, бывшаго игуменомъ, и около 1524 г. написалъ въ астрологическомъ духѣ посланіе къ дьяку Мунехину ([260]). Максимъ, видѣвшій на опытѣ въ Италіи, гдѣ астрологія тогда господствовала, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводила она, вооружился противъ нея со всею ревностію. Онъ написалъ противъ астрологіи четыре посланія: къ самому Николаю-нѣмчину весьма краткое (—I, 455), къ боярину Өедору Карпову въ 1524 г. (—I, 347; снес. Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, 540), къ бывшему игумену, увлеченному Николаемъ-нѣмчиномъ (— I, 446), и къ какому-то неизвѣстному князю, находившемуся въ несчастіи (— I, 435); три особыя статьи или слова, изъ которыхъ въ двухъ опровергаетъ вообще астрологическія заблужденія, а въ третьей—преимущественно астрологическое предсказаніе о приближавшемся будто бы всемірномъ потопѣ (— I, 377. 399. 457) и, наконецъ, нарочито касался того же самаго предмета въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ (—II, 52. 154; III, 205). Въ подтвержденіе своихъ мыслей Максимъ приводилъ изреченія св. писанія и св. отцевъ, мнѣнія древнихъ философовъ и поэтовъ, примѣры изъ священной и гражданской исторіи, и доказывалъ, что астро-

---

([260]) Опис. Рум. Муз. 716; Правосл. Собесѣдн. 1861, II, 80—81.

логическія суевѣрія и заблужденія ниспровергаютъ ученіе о промыслѣ Божіемъ, подрываютъ свободу и нравственность человѣка, ведутъ къ нечестію и отчаянію и заставляютъ признавать самого Бога, творца міра, виновникомъ зла (—II, 59—79). Кромѣ того, Максимъ критически разобралъ, въ особыхъ статьяхъ, еще слѣдующіе апокрифы и книги съ апокрифическими мыслями и вѣрованіями: а) баснословное сказаніе Афродитіана персіанина объ обстоятельствахъ рожденія Іисуса Христа и поклоненія волхвовъ (—III, 125); б) сказаніе объ Іудѣ предателѣ, будто онъ не удавился по возвращеніи тридцати сребренниковъ, а жилъ еще нѣсколько лѣтъ (— III, 150); в) сказаніе о томъ, будто по воскресеніи Спасителя солнце не заходило цѣлую недѣлю и былъ во всю недѣлю одинъ свѣтлый день (—III, 164); г) книгу «Люцидаріусъ», переведенную съ латинскаго и излагающую въ формѣ разговора между учителемъ и ученикомъ разныя апокрифическія мнѣнія и суевѣрія по вопросамъ о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и животныхъ (—III, 226); д) книгу толкованій Іоанна Людовика Вивеса на блажен. Августина, также, вѣроятно, переведенную на русскій языкъ и содержавшую въ себѣ, кромѣ астрологическихъ бредней, ложныя мнѣнія о раѣ, адѣ, воскресеніи мертвыхъ и др. (—III, 205). При разборѣ всѣхъ этихъ лжеученій Максимъ старался показать, что они несогласны съ ученіемъ св. писанія и отцевъ церкви, а иногда, что они заключаютъ въ себѣ и внутреннее противорѣчіе. Опровергая заблужденія, изложенныя въ апокрифическихъ писаніяхъ, Максимъ не оставлялъ безъ вниманія и тѣхъ суевѣрій и предразсудковъ, какіе встрѣчалъ въ устахъ и жизни русскаго народа. И одни изъ нихъ, каковы—вѣрованія въ волшебство, чародѣйство, оклики, встрѣчи, обличалъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, гдѣ находилъ

болѣе удобнымъ; а противъ другихъ написалъ даже особыя статьи, напримѣръ, противъ ложныхъ мнѣній: а) будто ради погребенія утопленниковъ и убитыхъ бываютъ стужи, гибельныя для земныхъ прозябеній (— III, 170); б) будто Адамъ далъ прельстившему его діаволу рукописаніе на вѣчное рабство (—I, 533); в) будто кто не поспѣетъ къ чтенію Евангелія на литургіи, тому и вовсе не слѣдуетъ быть при совершеніи ея (— III, 98).

Второй отдѣлъ сочиненій Максима Грека составляютъ сочиненія *нравоучительныя*. Одни изъ этихъ сочиненій относятся ко всѣмъ христіанамъ и касаются, болѣе или менѣе, или нравственности христіанской вообще, или частныхъ ея предметовъ, а другія относятся только къ нѣкоторымъ классамъ христіанъ, и именно къ властямъ предержащимъ и инокамъ, или даже къ отдѣльнымъ лицамъ.

Изъ сочиненій, касающихся христіанской нравственности вообще, четыре изложены въ формѣ собесѣдованій Максима съ собственною душою и три въ формѣ поучительныхъ и обличительныхъ словъ. Въ первомъ собесѣдованіи Максимъ напоминаетъ своей душѣ объ образѣ Божіемъ, которымъ она украшена, о горнемъ ея отечествѣ, о вѣнцахъ небесныхъ, ей уготованныхъ, и затѣмъ обличаетъ ее въ ея привязанности къ землѣ, въ покорности страстямъ—сладострастію, суетной славѣ, лихоимству, фарисейству и другимъ; угрожаетъ ей вѣчными муками, заповѣдуя не прельщаться «ересію», будто по смерти въ огнѣ чистилищномъ очищаются грѣховныя скверны; убѣждаетъ свою душу познать себя, блюстися отъ всѣхъ козней діавола, бѣгать всего грѣховнаго и всячески заботиться о стяжаніи христіанскихъ добродѣтелей, которыми благоугождается Богъ (—II, 5). Во второмъ собесѣдованіи онъ гово-

ритъ душѣ, что вотъ приблизилась св. четыредесятница, время самое благопріятное для покаянія и исправленія себя, и призываетъ свою душу возстать отъ грѣховнаго сна, уподобиться мудрымъ дѣвамъ, ожидающимъ жениха, взять крестъ свой и слѣдовать за Христомъ; разсматриваетъ свою жизнь при свѣтѣ евангельскаго ученія о блаженствахъ и находитъ въ себѣ одни только грѣхи и недостатки, и снова возбуждаетъ свою душу возстать отъ сна, убояться суднаго дня и украшать себя всякими добрыми и богоугодными дѣлами (—II, 119). Въ третьемъ собесѣдованіи Максимъ объясняетъ душѣ своей, что не удаленіемъ изъ міра, не черными одеждами, не иноческими обѣтами, данными, но неисполняемыми, благоугождается Богъ, но чистою вѣрою, честнымъ житіемъ и добродѣтелями, и что потому надобно трезвиться и блюстися козней діавола, преодолѣвать свои похоти, и стяжать страхъ Божій и божественную любовь, которая есть исполненіе всего закона (—II. 148). Въ четвертомъ собесѣдованіи, которое состоитъ все изъ десяти-двѣнадцати строкъ, Максимъ, сказавъ душѣ своей, что ее ожидаетъ вѣчный огнь за ея нечестіе, убѣждаетъ ее, чтобы она убоялась, восплакала, удалилась отъ своей злобы и показала дѣла истиннаго покаянія, доколѣ есть время, всегда омывая себя теплыми слезами и не надѣясь на огненное очищеніе по смерти (—II, 247).

Что касается до словъ: то въ одномъ изъ нихъ Максимъ сначала изображаетъ безконечную любовь Божію, какъ она явилась въ сотвореніи человѣка, въ промышленіи о немъ и особенно въ его искупленіи, а потомъ рѣзко обличаетъ людей въ неблагодарности Богу, непокорности, противленіи Ему, въ нечестіи, и въ частности укоряетъ властителей и судей за ихъ неправосудіе, сребролюбіе и мздоимство, также пастырей

церкви за ихъ пристрастіе къ стяжаніямъ и недостатокъ любви къ бѣднымъ и несчастнымъ, и всѣхъ убѣждаетъ исправиться и жить праведно и благочестиво (—II, 185). Во второмъ словѣ, написанномъ по случаю побѣды великаго князя надъ крымскимъ ханомъ (въ 1541 г.), Максимъ, сказавъ также о безконечной любви Божіей, явленной въ искупленіи человѣка и въ дарованной князю побѣдѣ, призываетъ сыновъ Россіи быть благодарными къ Господу, жить въ единомысліи и взаимной христіанской любви, повиноваться великому князю, митрополиту и епископамъ и прославлять имя Божіе добрыми дѣлами (—II, 277). Въ третьемъ словѣ, которое написалъ Максимъ по случаю страшнаго пожара, истребившаго городъ Тверь и соборный храмъ, богато украшенный мѣстнымъ епископомъ Акакіемъ, сначала обращается съ краткою молитвою къ Богу этотъ епископъ и проситъ открыть, чѣмъ согрѣшили предъ Нимъ тверитяне и заслужили Его гнѣвъ, а потомъ пространно отвѣчаетъ самъ Богъ, что они прогнѣвляютъ Его наиболѣе своимъ фарисействомъ, заботясь только о доброгласномъ пѣніи, шумѣ колоколовъ, многоцѣнномъ украшеніи иконъ, а не о честномъ житіи, своимъ лихоимствомъ, хищеніями, притѣсненіемъ вдовъ и сиротъ, своими вѣрованіями въ звѣзды, своими языческими обычаями, гуслями, тимпанами, играми, плесканіями, своимъ пьянствомъ и студодѣйствомъ, что самые ихъ пастыри являются, по своей жизни, наставниками всякаго безчинія, невоздержанія, винопитія и взаимной вражды; наконецъ, призываетъ грѣшниковъ покаяться и сотворить плоды достойные покаянія (—II, 260).

Къ сочиненіямъ Максима, касающимся частныхъ предметовъ христіанской нравственности, частныхъ добродѣтелей и пороковъ, можно отнести—а) Разговоръ души съ умомъ о

страстяхъ: здѣсь рѣшаются вопросы, откуда въ насъ страсти и какъ укрощать ихъ, въ частности—откуда страсть или пристрастіе къ звѣздословію и какъ оно пагубно (—II, 52); б) Двѣ краткія статьи объ обѣтахъ: въ одной доказывается, что данные обѣты надобно исполнять на дѣлѣ, а во второй объясняется, когда можно разрѣшить обѣтъ поста и въ чемъ состоитъ истинный постъ (—II, 214. 245); в) Двѣ краткія статьи о значеніи нашихъ молитвъ: въ одной говорится, какая главная цѣль нашихъ молитвъ и что «всѣ наши молитвы и тропари, и кондаки, и молебные каноны, глаголемыя по вся дни и часы», не принесутъ намъ никакой пользы, пока мы будемъ пребывать во грѣхахъ: во второй статейкѣ дается наставленіе христіанину отъ лица Богородицы, что тогда только благопріятно Ей часто пѣваемое имъ—*радуйся*, когда онъ на дѣлѣ исполняетъ заповѣди Рожденнаго Ею и удаляется отъ всякой злобы, блуда, лжи, гордости, лихоимства и неправды: а если онъ предается нечестію, хищничеству, студодѣяніямъ, то всѣ его молитвы, съ множествомъ каноновъ и стихиръ, имъ громко распѣваемыхъ, не спасутъ его отъ вѣчныхъ мукъ (—II, 213. 241); г) Слово на предающихся содомскому грѣху: оно показываетъ и тяжесть этого грѣха и страшную за него отвѣтственность и возбуждаетъ виновныхъ къ покаянію (—II, 251).

Сочиненія Максима, обращенныя къ предержащимъ властямъ, имѣютъ преимущественно учительный характеръ. Въ такомъ родѣ написаны три посланія къ великимъ князьямъ нашимъ. Въ посланіи къ великому князю, вѣроятно, Василію Ивановичу (—II, 346), Максимъ раскрываетъ мысли, что всякую земную державу украшаютъ и дѣлаютъ уважаемою отъ сосѣдей мудрость царя, срастворяемая всякою правдою, кротостію и заботливостію о подданныхъ, а вмѣстѣ правда и пра-

вость соправящихъ царю князей и бояръ, ихъ прилежаніе и еще болѣе ихъ единомысліе и другολюбіе, но что преимущественно благоденствіе и процвѣтаніе царствъ зависятъ отъ Бога, который, какъ показываетъ свящ. исторія, то милуетъ и возвышаетъ ихъ за ихъ благочестіе и покорность Ему, то наказываетъ и уничижаетъ за ихъ нечестіе; а потому крѣпчайшее утвержденіе для земныхъ царей составляютъ вѣра, надежда и любовь христіанская, выражающіяся въ исполненіи заповѣдей Божіихъ (—II, 338). Въ посланіи къ великому князю Ивану Васильевичу Максимъ говоритъ, что благовѣрный царь долженъ постоянно взирать на образъ Царя небеснаго—Христа Бога и подражать Ему въ правосудіи, кротости и милосердіи, на Него одного уповать и прославлять Его своими дѣлами; совѣтуетъ царю читать, въ руководство себѣ, посланіе блаж. Фотія, цареградскаго патріарха, къ болгарскому царю Михаилу; сознается, что послѣдніе греческіе цари уничижены Богомъ и лишились своего царства не за что другое, какъ за великую гордость, іудейское сребролюбіе и лихоимство, за то, что отнимали имѣнія у своихъ подручниковъ, оставляли въ презрѣніи и скудости своихъ бояръ, не защищали обидимыхъ вдовицъ и сиротъ, и убѣждаетъ великаго князя не слѣдовать такому примѣру греческихъ государей, а устроять правдою и благостію потребное и полезное для своихъ подручниковъ, сподоблять чести митрополита и епископовъ, беречь и награждать князей, бояръ, воеводъ и воиновъ, ограждать и призрѣвать убогихъ, сирыхъ и вдовицъ (—II, 346). Въ посланіи къ «благовѣрному царю», не названному по имени, но, по всей вѣроятности, Іоанну Васильевичу ([261]),

---

([261]) Это посланіе озаглавлено: «Главы поучительны начальствующимъ

Максимъ учитъ, что истинный царь и самодержецъ—тотъ, который не только правдою и благозаконіемъ управляетъ своими подданными, но и старается господствовать надъ безсловесными страстями и похотями собственной души, и что потому царь долженъ избѣгать сребролюбія, славолюбія, сластолюбія, ярости, гнѣва, пьянства и подобн., а украшать себя всякою правдою, кротостію, чистотою, милосердіемъ и благотворительностію. Между прочимъ здѣсь заповѣдуется царю, чтобы онъ считалъ своимъ лучшимъ совѣтникомъ не того, который вопреки правдѣ возбуждаетъ его на рати и войну, а того, который совѣтуетъ любить миръ и примиреніе съ сосѣдними народами, и чтобы царь старался исправлять «священническія недостатки», и именно духовныхъ пастырей, которые вклады царей и князей, данные церквамъ на прокормленіе нищихъ и сиротъ, употребляютъ только на самихъ себя, да на своихъ племянниковъ и сродниковъ (—II, 157).

Извѣстно одно только обличительное сочиненіе Максима, «излагающее, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія». Здѣсь Максимъ разсказываетъ, что однажды онъ, путешествуя, увидѣлъ жену, сидѣвшую при пути въ черной одеждѣ, какъ бы вдовицу, и горько плакавшую, а вокругъ были звѣри: львы, медвѣди, волки, лисицы. Жена эта открыла Максиму, по его просьбѣ, что она — одна изъ благородныхъ и славныхъ дщерей Царя небеснаго, что имя ей *Василіа* — царство. Сѣтуетъ же она и неутѣшно плачетъ

правовѣрно» и содержитъ въ себѣ именно 27 главъ (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, 531). А самъ Максимъ, посылая десять своихъ тетрадокъ для прочтенія Адашеву и митрополиту Макарію, замѣтилъ, что «тетрадка, въ ней же 27 главъ», списана имъ къ самому великому властелю, конечно, царствовавшему въ то время, т. е., къ Іоанну Васильевичу (—II, 383).

оттого, что владѣющіе ею, т. е., царствомъ, въ настоящія времена, большею частію, славолюбцы и властолюбцы, которые притомъ, будучи одолѣваемы сребролюбіемъ и лихоимствомъ, морятъ своихъ подданныхъ всякими лютѣйшими истязаніями, тогда какъ древніе ея рачители и обручники, каковы были Давидъ, Мелхиседекъ, любили правду, кротость, миръ; что нынѣ облеченные властію беззаконно и богопротивно пируютъ, съ гуслями, сурнами и тимпанами, со всякими смѣхотвореніями, сквернословіемъ и буесловіемъ, не пріемлютъ ни духовнаго наставленія священниковъ, ни сѣтованія многоискусныхъ старцевъ, не внимаютъ прещенію самихъ богодухновенныхъ писаній; что вообще нѣтъ нынѣ «царей благовѣрномудренныхъ»,—всѣ заботятся только о себѣ, какъ бы расширить предѣлы державъ своихъ, ополчаются другъ на друга, терзаютъ другъ друга, какъ дикіе звѣри, а о церкви Христовой, люто терзаемой отъ измаильтянъ, не имѣютъ никакого попеченія (—II, 319). Хотя эта сѣтующая жена — Василіа, какъ очевидно, представляла собою не Россію одну, а скорѣе Европу или вообще земное царство, и устами ея Максимъ хотѣлъ выразить собственную жалобу на современныхъ властителей, которые, предаваясь только порокамъ и заботясь о расширеніи своихъ государствъ, не хотѣли подать руку помощи родной ему Греціи, терзаемой турками; но естественно, что, при изображеніи разныхъ недостатковъ предержащихъ властей, онъ всего ближе могъ имѣть въ виду власти земли русской.

Относительно иноческой жизни три нравоучительныя сочиненія Максимомъ написаны въ учительномъ родѣ и одно въ обличительномъ. Въ «Словѣ къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя и ити во иноческое житіе» онъ учитъ: ни о чемъ столько не печется Богъ, какъ о нашемъ

вѣчномъ спасеніи; а достигнуть спасенія возможно только чрезъ вѣру, чрезъ удаленіе отъ грѣховъ и исполненіе заповѣдей Божіихъ. Такъ и спасались еще ветхозавѣтные праведники, хотя они жили съ женами и были обременены житейскими попеченіями. Такъ же могутъ спасаться и христіане, законно живущіе съ своими женами и *неищущіе*, по заповѣди апостола, *разрѣшенія* съ ними (1 Кор. 7, 27). Если же кто, по легкости ума, помыслитъ вступить въ иноческое житіе, расторгнувъ, вопреки заповѣди апостола, союзъ съ своею женою: такой пусть прежде искуситъ себя въ мірскомъ житіи, не въ состояніи ли онъ и тамъ исполнять заповѣдей Божіихъ. Если увидитъ, что въ состояніи: то пусть не разлучается съ своею женою и да пребываетъ въ исправленіи добрыхъ дѣлъ. Пусть онъ знаетъ, что иноческое житіе, котораго желаетъ, ничто иное есть, какъ прилежное исполненіе спасительныхъ заповѣдей: кто исполняетъ заповѣди Христа съ прилежаніемъ, съ несомнѣнною вѣрою и съ теплѣйшимъ желаніемъ угодить Богу, тотъ будетъ вмѣненъ отъ Него и наречется инокъ, хотя бы и въ «бѣльческомъ чинѣ» отошелъ изъ міра (—II, 231). Въ «Поученіи къ инокамъ о исправленіи иноческаго житія» Максимъ говоритъ, что они избрали для себя путь ко спасенію узкій и прискорбный, который состоитъ въ самоотверженіи и послѣдованіи за Христомъ, а потому должны обуздывать всѣ свои внѣшнія чувства—очи, уши, языкъ и прочія, умерщвлять свои страсти и удаляться всякаго злаго обычая; должны украшать не внѣшній свой куколь много-пестрыми шелковыми тканями, а мысленный куколь своего внутренняго человѣка, т. е., свой умъ, частыми поученіями въ Словѣ Божіемъ, трезвенными молитвами и богоугодными бдѣніями; должны ходить достойно своихъ обѣтовъ со всякою чистотою, смиренномудріемъ и бра-

толюбіемъ нелицемѣрнымъ (—II, 220). Въ «Посланіи къ нѣкоимъ инокинямъ» Максимъ объясняетъ имъ, что начало премудрости, т. е., спасенія души, есть страхъ Божій, т. е., исполненіе заповѣдей Божіихъ, а потому напрасно трудятся тѣ, которые думаютъ спастись только воздержаніемъ отъ брашенъ, долгими молитвами и бдѣніями; что если и нужно снисходить человѣческой немощи, то снисходить лишь тогда, когда снисхожденіе непротивно заповѣдямъ Божіимъ и не разоряетъ отеческихъ иноческихъ уставовъ, каковы: нестяжательность, безмолвіе, несребролюбіе, нелихоимство, смиренномудріе, кротость, любовь нелицемѣрная, и что болѣе всего надобно заботиться о нестяжательности и милосердіи къ бѣднымъ и несчастнымъ для стяжанія себѣ сокровища на небеси (—II, 394). Наконецъ, въ «Стязаніи о иноческомъ жительствѣ между Филоктимономъ — любостяжательнымъ и Актимономъ — нестяжательнымъ» — первый спрашиваетъ: что лучше, имѣть ли довольно стяжаній и всегда жить въ обители и пребывать въ пѣніяхъ и молитвахъ, или ради снисканія пищи всегда скитаться внѣ своей обители, обходить грады и страны и, если что дадутъ, радоваться и хвалить давшаго, а если не дадутъ, сѣтовать и злословить не давшаго? Актимонъ отвѣчаетъ: важно то, что стяжательность иноковъ и обителей противна свящ. Писанію и весьма гибельна для нихъ самихъ. Филоктимонъ, не соглашаясь съ этимъ, сначала приводитъ слова Спасителя: *всякъ, иже оставитъ домъ или братію, или сестры, или отца, или матерь, или чада, или села, имене моего ради, сторицею пріиметъ* (Матѳ. 19, 29), потомъ указываетъ на примѣръ Авраама и другихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, владѣвшихъ богатствами и угодившихъ Богу, и на примѣръ ветхозавѣтныхъ священниковъ и левитовъ, которымъ даны были

грады и села и еще десятина, а наконецъ замѣчаетъ, что никто изъ иноковъ въ монастыряхъ, владѣющихъ землями и селами, не имѣетъ своихъ собственныхъ стяжаній, что монастырскія стяжанія общи для всего братства и ни одинъ инокъ не можетъ по своей волѣ взять себѣ что-либо изъ общаго монастырскаго достоянія. Актимонъ по порядку разсматриваетъ и опровергаетъ всѣ эти возраженія своего собесѣдника, основательно развиваетъ и доказываетъ свою мысль и при этомъ нѣсколько разъ повторяетъ рѣзкія обличенія противъ иноковъ и монастырей за то, что они всякими неправдами и лихоимствомъ стараются скопить себѣ злато и сребро, морятъ крестьянъ своихъ тяжкими и непрестанными работами, отдаютъ свои деньги въ ростъ бѣднымъ и своимъ крестьянамъ, и когда росты умножатся, истязуютъ этихъ бѣдняковъ, отнимаютъ у нихъ имущество, выгоняютъ ихъ съ семействами изъ ихъ домовъ и даже изъ селеній, а иногда навсегда себѣ порабощаютъ, ведутъ изъ-за имѣній безпрестанныя тяжбы и вообще увлекаются молвами и печалями житейскими (—II, 89).

Къ сочиненіямъ нравственнаго содержанія, которыя Максимъ написалъ къ частнымъ лицамъ, относятся: а) посланіе къ нѣкоему другу о томъ, какъ бороться съ блуднымъ помысломъ и малодушіемъ (—II, 248); б) посланіе къ Григорію діакону, убѣждающее его исправить свою жизнь и удержаться отъ пьянства (—II, 386); в) посланіе къ князю Димитрію о терпѣніи въ скорбяхъ (—II, 388), и г) посланіе къ нѣкоей инокинѣ, поучающее ее не скорбѣть объ умершихъ (—II, 425).

Прочіе отдѣлы сочиненій Максима очень незначительны, одни только по малочисленности входящихъ въ составъ ихъ сочиненій, а другіе и по мелкости этихъ сочиненій. Таковы:

Отдѣлъ сочиненій *апологетическихъ*, которыя написалъ Максимъ въ защиту себя и совершеннаго имъ исправленія церковныхъ книгъ. Въ этомъ родѣ извѣстны — «Исповѣданіе православной вѣры», обращенное Максимомъ къ русскому духовенству, князьямъ и боярамъ, и посланія: къ великому князю Ивану Васильевичу, къ митрополитамъ Даніилу и Макарію, къ боярамъ, къ князю Петру Шуйскому, къ Алексѣю Адашеву и др.,—всего до десяти. Названныя сочиненія, какъ неразрывно связанныя съ жизнію и судьбою Максима, уже разсмотрѣны нами при обозрѣніи этой судьбы ([262]).

Отдѣлъ сочиненій *истолковательныхъ*. Максимъ написалъ— 1) шесть небольшихъ статей съ толкованіями на священное Писаніе: въ одной объяснилъ семь стиховъ изъ Псалтыри, въ другой—шесть выраженій или мѣстъ изъ разныхъ свящ. книгъ, въ третьей — часть 18-го псалма, а въ остальныхъ трехъ — только по одному свящ. стиху (—III, 5—41. 49); 2) статью съ толкованіями на нѣкоторыя непонятныя «рѣченія» въ словѣ св. Григорія богослова (—III, 42), и 3) восемь мелкихъ статей съ толкованіями на нѣкоторыя молитвы, священнодѣйствія и предметы, относящіеся къ церковному богослуженію и обрядности, и именно статьи: о значеніи словъ въ ектеніи *«о свышнемъ мирѣ...* Господу помолимся» (—III, 92), о воздвиженіи хлѣба пресвятой Богородицы (—104), о значеніи греческихъ надписей на иконѣ Спасителя и на иконѣ Богородицы (—115), о свадебныхъ вѣнцахъ (—117), объ освященіи воды въ заутріи Богоявленія (—118), объ образѣ Спасителя, называемомъ *Уныніе* (—122), о значеніи того, что на нѣкоторыхъ

([262]) Нашей Ист. Русск. Церкв. VI, 277—283 (изд. 1), 282—287 (изд. 2).

церквахъ бываютъ водружены кресты какъ бы на лунѣ (—124).

Отдѣлъ сочиненій *историческихъ* и повѣствовательныхъ— самый скудный изъ всѣхъ. Къ этому отдѣлу можно отнести— а) предисловіе къ житію соловецкихъ чудотворцевъ (—III, 263); б) краткую повѣсть объ одномъ новоявленномъ мученикѣ въ греческой землѣ (—240); в) краткій разсказъ объ одномъ случаѣ изъ жизни св. Пафнутія (—259); г) такой же разсказъ объ одномъ случаѣ изъ жизни св. Спиридона (—269); д) краткое сказаніе о Сивиллахъ (—281); е) четыре весьма краткихъ сказанія: о препод. Іоаннѣ, называемомъ тревелиқимъ (—II, 447), о блаженной Ѳомаидѣ (—448), о мученицѣ Потаміи (—449) и о нѣкоемъ безъименномъ мученикѣ — съ похвалами имъ (—450); ж) краткое сказаніе о бывшемъ въ Твери пожарѣ и о возобновленіи послѣ пожара соборнаго храма епископомъ Акакіемъ — съ похвалою ему (—290); з) краткое посланіе къ старцу Вассіану о жительствѣ на св. горѣ Аѳонской (—III, 243), и—и) статью: «Повѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ». Эта статья—наиболѣе замѣчательная изъ всѣхъ историческихъ статей Максима. Разсказавъ въ ней сначала о внезапной кончинѣ одного знаменитаго парижскаго ученаго, преподававшаго богословскія науки, который, при отпѣваніи его въ церкви, три раза оживалъ, и въ первый разъ изрекъ: «я поставленъ предъ Судіею», въ другой: «я испытанъ», въ третій: «я осужденъ», послѣ чего умеръ уже навсегда, Максимъ продолжаетъ, что, пораженные такимъ чудомъ многочисленные ученики покойнаго, юноши богатые и знатные, отрекшись отъ всего, удалились въ пустыню, построили тамъ монастырь и вели въ немъ самую строгую жизнь, и при описаніи этой жизни дѣлаетъ замѣчаніе, что нѣтъ у нихъ

стяжанія злата и сребра, нѣтъ празднословія, сквернословія, безвременнаго и безчиннаго смѣха, нѣтъ пьянства, лихоимства, ростовъ, лжи и ослушанія, нѣтъ обычая часто переходить изъ обители въ обитель, какъ переходимъ мы безчинно и вопреки нашимъ обѣтамъ. Затѣмъ Максимъ разсказываетъ вообще о западныхъ или латинскихъ монастыряхъ, хвалитъ ихъ внутреннее управленіе, ихъ нестяжательность, братолюбіе, благопокорство, и выборъ въ нихъ игуменовъ, и прибавляетъ: «такъ бы слѣдовало и у насъ выбирать игуменовъ соборомъ; а у насъ желающіе пріобрѣтають себѣ игуменскую власть приношеніями злата и сребра народнымъ писарямъ, и весьма многіе игумены вовсе не научены божественному писанію, безчинны по жизни, постоянно упражняются въ пьянствѣ, подчиненные же имъ братія, оставленные безъ всякаго попеченія и призора, скитаются по распутіямъ, какъ овцы, не имѣющія пастыря». Далѣе, какъ бы въ примѣръ нашимъ игуменамъ, Максимъ разсказываетъ объ игуменѣ одного флорентійскаго монастыря Іеронимѣ Саванаролѣ, который такъ часто и съ такою ревностію поучалъ во храмѣ своихъ развращенныхъ согражданъ, что половину города обратилъ на путь благочестія, хотя впослѣдствіи, по проискамъ враговъ, былъ осужденъ папою и сожженъ (—III, 178).

Наконецъ, отдѣлъ *смѣси*, къ которому мы относимъ какъ сочиненія Максимовы смѣшаннаго содержанія, такъ и тѣ, которыя, не принадлежа ни къ одному изъ отдѣловъ, доселѣ нами разсмотрѣнныхъ, сами собою, по своей единичности или малочисленности, не могутъ составить особыхъ отдѣловъ. Таковы—а) двѣ молитвы: одна Пресвятой Троицѣ, другая пресвятой Богородицѣ (—II, 432—445); б) краткія обращенія

Максима: къ самому себѣ (—452), къ чреву (—II, 153), къ діаволу (—154); в) краткія замѣтки, напримѣръ о томъ, что грамота никому и никогда не была сослана съ неба (—III, 286), что св. мѣста не оскверняются, если и долго остаются во власти невѣрныхъ (—156), что русскіе епископы несправедливо даютъ предъ своимъ рукоположеніемъ обѣтъ—не принимать митрополита отъ цареградскаго патріарха (—154); г) краткія размышленія и изреченія: о правдѣ и милости (—236), о великодушіи и совѣтѣ (—237), о храненіи ума (—271), о птицѣ Неясыти (—272), о птицѣ голубѣ и незлобіи души (—273). о седми степеняхъ человѣческаго житія и подоби. (—281): д) краткія рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, напримѣръ о томъ. какой грѣхъ первый въ человѣческомъ родѣ (—I, 546), о Левіаѳанѣ (—III, 274), о проскурницѣ (—239) и друг. (—245); е) нѣкоторыя письма Максима: къ попу Сильвестру (—II, 379), къ Алексѣю Адашеву о тафіяхъ (—382), къ князю Петру Шуйскому (—415), къ брату Георгію и проч. (—420. 421. 424. 386).

Сочиненія Максима представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ до нѣкоторой степени отразились и современная ему Россія, съ нравственной стороны, и его собственная судьба. Максимъ по своей природѣ и убѣжденіямъ сердца дотого былъ воспріимчивъ, что не могъ не отзываться на происходившія вокругъ него крупныя явленія. А обстоятельства жизни его были таковы, что невольно заставляли его вооружаться перомъ въ защиту себя и своего дѣла. Въ Россіи жива еще была ересь жидовствующихъ, хотя уже осужденная и подвергшаяся жестокому преслѣдованію: Максимъ подалъ свой голосъ противъ этой ереси и ея проповѣдниковъ. Русскихъ сильно безпокоили тогда происки придворнаго врача Николая-

нѣмчина, старавшагося распространять между ними и латинство и астрологію: въ обличеніе его Максимъ написалъ нѣсколько сочиненій. Между грамотеями русскими были тогда въ большомъ ходу разные апокрифы, и число ихъ еще увеличивалось переводомъ новыхъ подобныхъ книгъ съ латинскаго языка: Максимъ, разбирая эти апокрифы, показывалъ ихъ нелѣпость, несостоятельность. Въ народѣ русскомъ господствовали суевѣрія, лицемѣріе, грубые пороки, между властями крайняя несправедливость, мздоимство, жестокосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ, въ духовенствѣ—небрежность къ своему долгу, попеченіе о мірскомъ, соблазнительный образъ жизни: Максимъ смѣло обличалъ всѣ эти недостатки и училъ всѣхъ, какъ жить и дѣйствовать по-христіански. Однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ времени былъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ: Максимъ прямо и твердо высказался и по этому вопросу. Максима судили, осудили, томили въ заточеніи, какъ будто еретика, когда онъ считалъ себя совершенно невиннымъ: и вопль страдальца выразился въ цѣломъ рядѣ оправдательныхъ его посланій. Максимъ не оставлялъ безъ отвѣта и частныхъ вопросовъ, предлагавшихся ему тѣмъ или другимъ лицемъ: пользовался и частными случаями (каковы — пожаръ въ Твери, побѣда надъ татарами), чтобы обличать, вразумлять, наставлять.

По внутреннему своему достоинству сочиненія Максима далеко неравны между собою. Есть между ними очень удовлетворительныя, по единству содержанія, по основательности мыслей, по стройности и послѣдовательности изложенія, по силѣ убѣжденія или назидательности: но такихъ сочиненій немного. Между догматико-полемическими такихъ можно ука-

зать не болѣе трехъ ([263]), между нравоучительными—пять, шесть ([264]), между апологетическими—два, три ([265]), а въ остальныхъ отдѣлахъ нельзя указать и по одному. Наибольшая часть сочиненій Максима, болѣе или менѣе, неудовлетворительны и слабы: одни слишкомъ растянуты и многословны, другія безсвязны и малопослѣдовательны, третьи разсматриваютъ предметъ односторонне или поверхностно: многія, по краткости своей, едва касаются своего предмета и почти безсодержательны. Нѣкоторыя же можно назвать вовсе неудовлетворительными, каковы, напримѣръ, слово обличительное на агарянскую прелесть и слово на арменское зловѣріе. Въ первомъ Максимъ доказываетъ ложность магометанской религіи, къ изумленію, тѣмъ, между прочимъ, что догматы ея несогласны съ ученіемъ пророковъ и апостоловъ, съ догматами и преданіями христіанства; а все послѣднее слово, направленное противъ армянъ, состоитъ въ опроверженіи одной еретической мысли, будто Богъ пострадалъ на крестѣ, тогда какъ армяне отнюдь не держатся этой ереси и обвиняются въ ней несправедливо. Причину слабости и неудовлетворительности многихъ сочиненій Максима мы полагаемъ въ томъ, прежде всего, что онъ писалъ сочиненія эти почти всегда наскоро, въ видѣ писемъ къ знакомымъ и краткихъ отвѣтовъ на предложенные ему вопросы, иногда же не имѣлъ времени, какъ самъ сознается, за другими занятіями, написать о чемъ-либо обстоятельно и подробно, а съ другой стороны—и въ степени тогдашняго обра-

---

(263) И именно статьи, помѣщенныя въ первой части его сочиненій подъ №№ XII, XIII и XVIII.

(264) Статьи во второй части подъ №№ I, III, IV, VIII, XX, XXVI.

(265) Статьи въ первой части подъ № I и во второй подъ №№ XXIX и XXX.

зованія русскихъ, для которыхъ Максимъ могъ считать достаточнымъ и того немногаго, что онъ говорилъ имъ, не вдаваясь въ болѣе обширныя разсужденія или изслѣдованія. Впрочемъ, надобно сознаться, что нѣкоторыя, даже слабыя, сочиненія Максима, напримѣръ, изъ числа написанныхъ имъ противъ латинянъ, гораздо выше и основательнѣе тѣхъ, какія писались у насъ прежде для той же цѣли; а къ апокрифамъ или лживымъ книгамъ, которыя прежде у насъ только перечисляли въ индексахъ и запрещали читать, Максимъ первый отнесся критически и разбиралъ самое содержаніе ихъ, какъ человѣкъ мыслящій и ученый. Направленіе въ сочиненіяхъ Максима догматико-полемическихъ, какъ и естественно,—полемическое и обличительное, нерѣдко отзывающееся самою крайнею рѣзкостію и бранчивостію, особенно противъ Магомета и его послѣдователей. А въ нравственныхъ сочиненіяхъ преобладающее направленіе—учительное и руководственное: особыхъ статей въ нравственно-обличительномъ родѣ Максимъ написалъ до пяти; въ другихъ же нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ онъ касается нравственныхъ недостатковъ и обличаетъ ихъ только мимоходомъ. Слогъ въ сочиненіяхъ Максима нельзя назвать ни чистымъ, ни правильнымъ. Сначала, по пріѣздѣ къ намъ, Максимъ почти не зналъ русскаго языка; потомъ хотя изучилъ его и писалъ на немъ, но не владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Въ статьяхъ Максима встрѣчаются нерѣдко слова греческія, латинскія ([266]), гораздо чаще и русскія или славянскія, но имъ самимъ придуманныя неудачно, или искаженныя.

([266]) Напримѣръ: статіе (т. е., состояніе), Параклитъ, псевдопрофитъ, аделѳоѳей, стадія, лиханъ, епистолія, имармени, ливеллъ (I, 56. 136. 146. 150. 160. 161. 352. 410; III, 62).

или ложно понятыя и неразумительныя ([267]). Встрѣчаются также весьма часто не только выраженія, но и цѣлые обороты рѣчи—чисто греческіе и множество всякаго рода погрѣшностей противъ правилъ русскаго языка,—отчего иногда рѣчь писателя дотого темна, что ее почти невозможно постигнуть ([268]).

Богословскія свои познанія Максимъ показалъ преимущественно въ статьяхъ противъ латинянъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ правоучительныхъ; познанія изъ наукъ свѣтскихъ обнаружилъ наиболѣе въ сочиненіяхъ противъ астрологіи. Въ области богословія ближайшимъ своимъ руководителемъ онъ признавалъ св. Іоанна Дамаскина: богословскую систему его считалъ лучшею изъ книгъ и надежнѣйшимъ оружіемъ противъ всѣхъ ересей, а самого его называлъ «просвѣтителемъ вселенной, соловьемъ церковнымъ, сладкопѣснивымъ органомъ Св. Духа», и давалъ совѣтъ одному своему знакомому: «держися крѣпцѣ Дамаскиновы книги, и будеши великъ богословецъ и естествословецъ» (І. 179. 260; II, 62; III, 227. 232). Изъ свѣтскихъ, языческихъ писателей ссылался на

([267]) Напримѣръ: крестовный вмѣсто — *крестный*, плохо — *просто*, сладити—*услаждать*, творецъ — *поэтъ*, частость — *часто бывающее*, земскый—*земный*, сложимся имъ—*согласимся съ ними*, пирянe—*пирующіе*, различующій — *различный*, лакомую — *желаю*, двизается — *старается*, превзятый — *высшій*, тишинный — *тихій*, опасный — *осторожный*, возразаетъ — *разрушаетъ*, гнушствую—*гнушаюсь*, возвращаю—*низпровергаю*, искуствомъ—*опытомъ*, сѣчьцу — *ратника*, словество — *разумѣніе*, укончаное — *опредѣленное*, слученій—*случаевъ*, виновное — *причина*, изобразіе — *изображеніе*, чрезъ лѣпаго — *чрезъ мѣру*, гостящихся — *питающихся* (І, 66. 73. 89. 114. 116. 146. 169. 183. 184. 200. 271. 310. 321. 324. 354. 358. 359. 374. 391. 414. 423. 432. 436. 437. 462).

([268]) Для примѣра можно указать на начала статей, помѣщенныхъ въ первой части подъ №№ III, X и XII.

Гомера, Гезіода, Пиѳагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Діагора, Ѳукидида, Плутарха, Менандра и другихъ (—I, 299. 354. 417; II, 9. 14. 84); а кромѣ того по мѣстамъ высказывалъ и общія сужденія о значеніи свѣтскихъ писателей и наукъ. Философію называлъ священною потому, что она учитъ о Богѣ, и Его правдѣ, и Его промыслѣ, и хотя не во всемъ успѣваетъ, не имѣя божественнаго вдохновенія, какимъ обладали пророки, но показываетъ достоинство добродѣтели и устанавливаетъ гражданственность (—I, 356). Признавалъ нужнымъ и полезнымъ изученіе логики, наукъ словесныхъ, астрономіи, и вообще одобрялъ всякое «внѣшнее наказаніе» или науку (—I, 248. 351. 459. 462; II. 75). Но утверждалъ, что мы, при божественномъ откровеніи, должны пользоваться всѣми этими внѣшними знаніями только настолько, насколько они могутъ способствовать къ утвержденію христіанской вѣры и благочестія, возбуждать въ насъ любовь къ Богу, содѣйствовать Его славѣ, и что философія должна быть только рабынею Евангелія и богословія, — мысль, которую высказывали еще древніе учители церкви,—а какъ скоро внѣшнія писанія и знанія окажутся несогласными съ свящ. писаніемъ, противными божественному ученію, пагубными для христіанской вѣры и нравственности, мы должны чуждаться и «гнушаться» этихъ писаній и знаній (—I, 351. 357; III. 208. 232). Держась такихъ мыслей, Максимъ рѣзко порицалъ господство схоластическаго богословія въ тогдашнихъ италіанскихъ школахъ, гдѣ «Аристотель, Платонъ и другіе философы потопляли многихъ, подобно потокамъ, и никакой догматъ не считался вѣрнымъ, если не подтверждался силлогизмами Аристотеля» (—I, 247. 462).

Излишне было бы доказывать, что Максимъ Грекъ, который, какъ самъ о себѣ говоритъ, «многа и различна прочетъ писанія, христіанска же и сложена внѣшними мудрецы, и довольну душевную пользу оттуду пріобрѣтъ» (—I, 377), и какъ свидѣтельствуютъ его сочиненія, превосходилъ всѣхъ, современныхъ ему, русскихъ писателей и грамотеевъ, если не обширностію, то основательностію своихъ познаній, не только внѣшнихъ, но и богословскихъ: тѣ и другія онъ пріобрѣлъ чрезъ чтеніе самыхъ подлинниковъ во всей ихъ полнотѣ, а не какихъ-либо славянскихъ переводовъ, часто отрывочныхъ, иногда неполныхъ или неточныхъ и искаженныхъ, и пользовался этими познаніями при умѣ, развитомъ классическимъ образованіемъ, — преимущества, которыя недоступны были тогда писателямъ русскимъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, Іосифъ волоцкій, митрополитъ Даніилъ) собственно богословскою начитанностію едва ли не превосходили Максима. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что онъ по своему просвѣщенію не былъ выше своего вѣка, не возвышался даже надъ нѣкоторыми понятіями, воззрѣніями, погрѣшностями, какія господствовали тогда въ Россіи: напримѣръ, вѣрилъ въ близкую кончину міра съ наступленіемъ восьмаго вѣка или тысящелѣтія, признавалъ необходимость казни еретиковъ, и ношеніе русскими «таоій и сапоговъ туркообразныхъ» считалъ дотого важнымъ и противнымъ вѣрѣ, что давалъ совѣтъ не желавшихъ оставить употребленіе означенныхъ вещей отлучать отъ св. причастія и не пускать въ церковь, а купцовъ привозившихъ такой товаръ, подвергать битью кнутомъ и разграбленію (—I, 54. 132; II, 384).

Уваженіе къ сочиненіямъ Максима, начавшееся при его жизни, не прекращалось и послѣ его смерти. Еще съ XVI

столѣтія стали собирать ихъ въ сборники, болѣе или менѣе полные, и такіе сборники списывались и распространялись въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій и въ значительномъ числѣ сохранились доселѣ ([269]). На свидѣтельства Максима ссылались иногда на ряду съ свидѣтельствами св. отцевъ церкви ([270]). А нѣкоторыя статьи его даже цѣликомъ вносимы были въ другіе, вновь составлявшіеся, сборники, или печатались особо ([271]). Въ наши дни, конечно, сочиненія Максима не могутъ уже имѣть другаго значенія, кромѣ историческаго.

Въ заключеніе одного изъ посланій своихъ къ извѣстному Николаю-нѣмчину о заблужденіяхъ латинянъ Максимъ Грекъ, между прочимъ, написалъ: «когда ты будешь просвѣщенъ разумомъ, то вопроси о томъ господина и учителя Даніила, митрополита всей Россіи, и онъ научитъ тебя всей истинѣ: я написалъ неучено и неразсудно, словомъ варварскимъ и дебелымъ, а онъ просвѣтитъ своимъ ученіемъ и возвѣститъ тебѣ: тогда ты ясно увидишь, что насколько отстоитъ солнце отъ звѣзды по свѣтлости, настолько отстоитъ онъ отъ насъ благодатію и свѣтомъ разума, и ты отринешь луну и прилѣпишься солнцу.... Когда ты узришь изящный разумъ святаго митрополита, доктора закона Христова, украшенный многими знаніями и съ любовію будешь слушать его, — пощади, честный друже, малословію и трости моей буей, которою я начерталъ тебѣ немногое....» ([272]). Если бы подобный отзывъ о митрополитѣ

([269]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, 520—591. См. также Опис. рукоп. Румянц. Муз., графа Толстова, Царскаго и др.

([270]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, 605.

([271]) Тамъ же 548. 549; *Евген.* Слов. Дух. писат. II, 36, изд. 2.

([272]) *Максим.* Сочин. I, 530—531, Казан. 1859.

Даніилѣ Максимъ помѣстилъ въ посланіи къ нему самому или къ кому-либо изъ православныхъ, тогда можно было бы еще подумать, что это слова лести или одного приличія и уваженія къ сану; но помѣщенныя въ письмѣ къ иновѣрцу, латиннику, который дѣйствовалъ во вредъ православію, былъ однимъ изъ любимцевъ великаго князя, много лѣтъ вращался въ нашемъ высшемъ кругу и, безъ сомнѣнія, могъ получить о митрополитѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія, — они невольно заставляютъ предполагать, что Максимъ дѣйствительно высоко цѣнилъ умъ и познанія Даніила и считалъ его архипастыремъ просвѣщеннымъ. Такимъ и является предъ нами Даніилъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ. Онъ былъ достойный ученикъ препод. Іосифа волоцкаго и если уступалъ ему по талантамъ, то отнюдь не уступалъ по своей начитанности и обширности своихъ богословскихъ свѣдѣній. А въ ряду митрополитовъ собственно-московской митрополіи, отъ Іоны до Іова или до учрежденія патріаршества, Даніилъ можетъ быть названъ самымъ просвѣщеннымъ, за исключеніемъ одного Макарія, безъ сомнѣнія, не менѣе начитаннаго, но болѣе даровитаго и болѣе сдѣлавшаго для нашей духовной литературы, какъ и вообще для нашей церкви, хотя оставившаго и менѣе своихъ сочиненій. Не хвалясь собственною мудростію и называя себя «невѣждою и поселяниномъ», Даніилъ однакожъ самъ признавалъ свои книжныя и литературныя занятія лучшимъ дѣломъ своей жизни и говорилъ: «азъ жизнь свою въ лѣности изгубихъ, и не едино благо сотворихъ, точію мало нѣчто прочтохъ божественная писанія, и отъ сихъ себѣ и другимъ воспоминахъ и глаголахъ и писахъ» ([273]).

([273]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 151. 156.

Сочиненія Даніила раздѣляются на два класса: на слова или поученія и на посланія. Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ извѣстно нынѣ 35-ть, хотя есть основаніе думать, что ихъ было гораздо больше, что Даніилъ любилъ часто проповѣдывать слово Божіе своимъ духовнымъ чадамъ и часто писалъ пастырскія посланія разнымъ лицамъ ([274]. Изъ уцѣлѣвшихъ сочиненій Даніила два написаны имъ еще въ санѣ игумена, именно: поученіе къ братіи волоколамскаго монастыря и посланіе къ князю Юрію Ивановичу. Другія сочиненія не представляютъ указаній, когда они писаны, и могли быть написаны авторомъ и въ санѣ игумена и въ санѣ митрополита. Но большая часть сочиненій написана, несомнѣнно, уже митрополитомъ Даніиломъ. Первое собраніе своихъ сочиненій сдѣлалъ самъ Даніилъ подъ именемъ «Соборника», въ которомъ помѣстилъ 16-ть своихъ словъ ([275]). Вскорѣ затѣмъ собраны были неизвѣстнымъ

([274]) Въ одномъ изъ своихъ словъ онъ говоритъ: «слышасте прежде, егда къ вашей любве побесѣдовати сподобихомся, таже вчера и нынѣ глаголахомъ о любви, яже къ Богу и къ искреннимъ, и о прочихъ дѣланіихъ заповѣдей Господнихъ, — и паки бесѣдую любви вашей, елико возмогаю по худости своей». Другое слово начинаетъ: «паки имемся евангельскаго ученія, паки поучимся по Христовыхъ словесехъ, паки полюбомудрствуемъ въ заповѣдехъ Господнихъ....» (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 158. 159). Въ посланіи къ неизвѣстному, впавшему въ тяжкое беззаконіе, пишетъ: «о семъ *множицею писахъ* тебѣ, да престанеши отъ таковаго зла; ты же паки въ безстрашіи Божіи пребываеши и жируеши, яко скотъ». Въ посланіи къ другому неизвѣстному выражается: «тебѣ возлюбленному и духовному моему и *прежде сего множицею глаголахъ*, и паки *нынѣ таяжде глаголю*: отринь отъ себѣ лукавство и нечеловѣколюбіе» и проч. Въ посланіи къ третьему неизвѣстному: «аще *многажды бесѣдовахъ* любви твоей, аще и изъявляхъ вмалѣ нѣчто притчею, но ничтоже успѣхъ, самому ти не подщавшуся на се» (Рукоп. Сборн. моей библ. № 95, л. 44 об. 49. 51).

([275]) Списокъ этого Сборн. XVI-го в. находится въ библ. Моск. Д. Акад., № 197; списки XVIII-го в. — въ библ. Моск. Синод., № 237 (Опис. II, 3 147 и слѣд.) и въ бывшей библ. Царскаго, № 676 (Опис. 722 — 725). Съ перваго списка снятъ списокъ и нашей библ., № 94, которымъ мы пользовались.

двѣнадцать посланій Даніила вмѣстѣ съ поученіемъ его къ братіи волоколамскаго монастыря, и это собраніе сохранилось въ спискѣ XVI вѣка ([276]). Остальныя два слова и четыре посланія Даніила, не вошедшія въ составъ означенныхъ сборниковъ, встрѣчаются порознь въ разныхъ рукописяхъ.

«Сборникъ» митрополита Даніила представляетъ собою нѣчто цѣлое и составленъ, несомнѣнно, по образцу «Просвѣтителя» препод. Іосифа волоколамскаго ([277]). Какъ Іосифъ въ своемъ Просвѣтителѣ желалъ дать православнымъ руководство, направленное противъ господствовавшей тогда ереси жидовствующихъ и ихъ заблужденій, и въ предисловіи къ своей книгѣ написалъ: «аще кому что потребно будетъ противу еретическимъ рѣчемъ, и благодатію Божіею обрящетъ готово въ коемъждо словѣ»: такъ и Даніилъ желалъ дать въ своемъ Сборникѣ подобное же руководство своимъ духовнымъ чадамъ, направленное вообще противъ заблужденій и недостатковъ современнаго ему общества, и въ предисловіи къ своей книгѣ написалъ: «аще что кому ключаемо будетъ, или противу еретическихъ рѣчей, или межи православныхъ нѣкое стязаніе и рѣчи, и благодатію Божіею обрящетъ готово безъ труда въ коемъждо словѣ, противу бываемыхъ которыхъ винъ, къ благоугожденію Божію и пользѣ душамъ». Какъ Іосифъ въ

([276]) Списокъ XVI-го в. — въ Новгород. Соф. библ. (нынѣ С.-Петербургской Д. Акад.), № 1281; списокъ XVI — XVII-го в. — въ той же библ. № 1456. Съ перваго списка списаны — списокъ Румянц. Муз. № 89 (Опис. 158—159) и списокъ нашей библ. № 95.

([277]) Съ содержаніемъ и направленіемъ Даніилова Сборника можно познакомиться изъ статьи г. Бѣляева: «Даніилъ митрополитъ Московскій» (Извѣст. II-го отд. Академіи Наукъ, V, 192 — 207). Подробное же описаніе этого Сборника помѣщено въ Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 147—164.

своемъ Просвѣтителѣ, кромѣ словъ, вновь составленныхъ, помѣстилъ и нѣкоторыя слова, написанныя имъ прежде, и тѣ и другія соединилъ только общимъ предисловіемъ и подробнымъ оглавленіемъ: такъ и Даніилъ въ своемъ Сборникѣ помѣстилъ, вмѣстѣ съ словами, нарочито составленными для Сборника, и нѣкоторыя слова, произнесенныя имъ прежде, и соединилъ тѣ и другія только общимъ предисловіемъ и подробнымъ оглавленіемъ. Іосифъ помѣстилъ въ Просвѣтителѣ 16 словъ, и Даніилъ въ Сборникѣ—16, а кромѣ того, при составленіи своего седьмаго слова, Даніилъ несомнѣнно воспользовался четвертымъ словомъ Іосифа и привелъ изъ него буквальную выписку. Не говоримъ уже о томъ, что и Іосифъ и Даніилъ, какъ сами неоднократно повторяютъ, составили свои слова не отъ себя, не отъ своихъ мудрованій, а собрали преимущественно отъ божественныхъ писаній: это черта общая у писателей того времени, хотя высказывавшаяся и не въ одинаковой степени. Поводомъ къ составленію «Соборника» митрополитомъ Даніиломъ послужили просьбы какихъ-то «богомудрыхъ» христіанъ, которые обратились къ нему со многими вопросами: по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе этихъ именно просьбъ, написаны первое и нѣкоторыя другія слова «Соборника» ([278]).

Предисловіе къ «Соборнику» распадается на двѣ части. Въ первой, помѣщенной въ самомъ началѣ книги, Даніилъ говоритъ: «приключися мало нѣчто и намъ, Христовою благо-

---

([278]) Въ началѣ перваго слова Даніилъ говоритъ: «Преблагаго Бога благодатію..., пощахся, елико възмогохъ, прошенія ваша исполнити, богомудріи; мнози же образи въпрошенія вашего, азъ же къ отвѣту худъ есмь....» А въ концѣ слова: «о сихъ всѣхъ и другыхъ, исперва даже доздѣ, якожъ увѣща мя любовь ваша..., отъ божественныхъ писаній събравъ, написахъ любви вашей; о другыхъ же, яже въ инѣхъ, явлена будутъ напреди, Богу помогающу и Того рождьшія».

датію, духовнымъ чадомъ духовную трапезу въ напитаніе и въ наслажденіе предложити». И затѣмъ объясняетъ, что сдѣлалъ это «не дерзостнымъ умомъ» своимъ,—ибо знаетъ свою нищету,—а изъ боязни подпасть осужденію раба лукаваго и лѣниваго, которому надлежало вдать сребро свое купцамъ; по чистой любви, которой свойственно заботиться не о себѣ только, но и о ближнихъ, и не объ однихъ тѣлесныхъ, но и о духовныхъ ихъ потребностяхъ; наконецъ, по сознанію своего пастырскаго долга, обязывающаго пастырей прилежно питать своихъ пасомыхъ христіанскимъ ученіемъ, и что вслѣдствіе всего этого онъ потрудился собрать отъ божественныхъ писаній — отъ св. евангелія, отъ апостолъ и пророкъ, и отъ св. отецъ, и сочетать вмѣстѣ истинныя ученія, разумѣнія и преданія къ душевной пользѣ всѣхъ; а чтобы удобнѣе было отыскивать каждое изъ словъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, онъ и предлагаетъ подробное ихъ оглавленіе. Во второй части предисловія, слѣдующей за этимъ оглавленіемъ и начинающейся общимъ заглавіемъ книги: «Грѣшнаго и худаго инока Даніила митрополита всеа Русіи Съборникъ, събранъ отъ божественныхъ писаній, сказаніе извѣстно имѣа по главамъ коегождо слова», Даніилъ продолжаетъ, что цѣль его Сборника та, чтобы, во время споровъ съ еретиками и состязаній между самими православными, всякъ безъ труда могъ находить готовое въ каждомъ словѣ, въ чемъ будетъ нуждаться, къ благоугожденію Божію и пользѣ душамъ, и проситъ списывать его книгу, кто пожелаетъ со всею правильностію и точностію, не глумиться надъ содержаніемъ книги,—ибо онъ не отъ себя написалъ ее, а собралъ отъ божественныхъ писаній,—и простить его, если въ книгѣ обрящется, ради его «неразуміа и невѣжества», что-либо неугодное Богу и неполезное душѣ.

Между словами, помѣщенными въ Сборникѣ, незамѣтно никакой наружной связи. Но всѣ они связаны внутренно одною главною мыслію, однимъ преобладающимъ направленіемъ противъ современныхъ недостатковъ русскаго общества, хотя есть между ними въ этомъ отношеніи и нѣкоторая разность. Въ однихъ словахъ Даніилъ вооружается преимущественно противъ вольномыслія въ дѣлахъ вѣры и церкви, господствовавшаго тогда у насъ вслѣдствіе движенія, возбужденнаго ересію жидовствующихъ, и убѣждаетъ православныхъ блюстися отъ ложныхъ учителей, стоять твердо за истину, соблюдать всѣ церковныя преданія, писанныя и неписанныя, и разсматриваетъ нѣкоторыя частныя истины вѣры и преданія, вѣроятно, наиболѣе подвергавшіяся тогда пререканіямъ. Въ другихъ же словахъ ратуетъ преимущественно противъ современнаго развращенія нравовъ, противъ пороковъ, усилившихся въ разныхъ сословіяхъ, и рѣшаетъ нѣкоторые практическіе вопросы, занимавшіе тогда наше общество. Говоримъ: *преимущественно* — потому, что въ словахъ Даніила нѣтъ строгаго единства и, излагая въ каждомъ словѣ одинъ или два главныхъ предмета, онъ нерѣдко касается и другихъ предметовъ, или вдается въ общія соображенія и обличенія относительно вѣры и нравственности. Планъ во всѣхъ словахъ Сборника одинъ и тотъ же. Каждое слово состоитъ изъ трехъ частей: въ первой излагается не вступленіе только къ слову, но и самое содержаніе его, или излагается кратко все слово; во второй приводятся относящіяся къ слову мѣста изъ св. писанія вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ, мѣста изъ твореній св. отцевъ, изъ правилъ соборныхъ, богослужебныхъ книгъ, житій святыхъ, патериковъ и разныхъ другихъ сочиненій и сборниковъ, употреблявшихся у насъ; въ третьей, которая въ каждомъ словѣ надписана:

наказаніе, преподаются нравственные уроки, наставленія, обличенія, убѣжденія. Въ первой и третьей части каждаго слова Даніилъ говоритъ самъ, выражаетъ собственныя мысли, хотя и пользуется по мѣстамъ текстами библіи и изреченіями отцевъ; во второй онъ только представляетъ чужія свидѣтельства, располагаетъ ихъ по своему усмотрѣнію безъ всякой между ними связи и отъ себя не прибавляетъ и не говоритъ ничего. Въ этомъ отношеніи Даніилъ несомнѣнно подражалъ пользовавшемуся тогда у насъ великимъ уваженіемъ Никону Черногорцу, который въ своихъ *Пандектахъ* приводитъ точно такъ же, безъ связи, цѣлые ряды чужихъ свидѣтельствъ, относящихся къ тому или другому избранному имъ предмету, и исключительно этими свидѣтельствами наполняетъ свои слова, не дѣлая отъ себя никакихъ прибавленій или поясненій. Свидѣтельства, приводимыя Даніиломъ, по большей части, кратки, но нерѣдко обширны, даже очень обширны, а иногда между ними встрѣчаются цѣлыя посланія какого-либо собора или учителя церкви и цѣлыя историческія повѣствованія. Можно по справедливости сказать, что вторая часть въ словахъ Сборника Даніилова, самая обширная, есть не болѣе, какъ рядъ документовъ, которые собралъ и привелъ авторъ въ подтвержденіе или поясненіе своихъ мыслей безъ всякой перемѣны, и которые удобно могутъ быть выдѣлены цѣликомъ изъ каждаго слова и помѣщены особо, на концѣ слова въ качествѣ приложеній къ нему. А первая и третья части въ этихъ словахъ представляютъ собою рядъ собственныхъ сочиненій митрополита Даніила, болѣе или менѣе краткихъ, которыя могутъ быть разсматриваемы независимо отъ второй части каждаго слова и почти всѣ имѣютъ самостоятельное значеніе. Замѣчательно, что самъ авторъ во многихъ своихъ словахъ

первую часть (не говоримъ уже о послѣдней) заключаетъ нравственными убѣжденіями и словомъ *аминь*, какъ нѣчто цѣлое, какъ поученіе законченное,—и затѣмъ уже, безъ всякаго перехода и связи, начинаетъ приводить рядъ свидѣтельствъ, болѣе или менѣе относящихся къ этому поученію или къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мыслямъ, въ немъ изложеннымъ. Невольно рождается мысль, что поученія свои, помѣщенныя въ первой и послѣдней части словъ, Даніилъ могъ произносить, а нѣкоторыя, какъ увидимъ, несомнѣнно произносилъ въ церкви къ народу; свидѣтельства же, многочисленныя и разнообразныя, иногда крайне обширныя, помѣщенныя безъ всякой связи во второй части словъ, онъ собралъ уже въ то время, какъ составлялъ свой Соборникъ и назначалъ его собственно для назидательнаго чтенія православнымъ христіанамъ.

I. Въ первыхъ четырехъ словахъ Даніилъ старается раскрыть какъ бы самыя начала, которыхъ должны держаться православные, чтобы охранять себя отъ лжеученій и лжеучителей.

«Должно и учить, и вѣровать, и поступать по свидѣтельству божественныхъ писаній, а не по мудрованіямъ плотскимъ, человѣческимъ», — такова основная мысль *перваго* слова (279). Посему, продолжаетъ Даніилъ, молю всѣхъ, учащихъ и учимыхъ, бѣгать плотскихъ мудрованій и неразумныхъ состязаній.

---

(279) Заглавіе его: «Слово 1: отъ свидѣтельства божественныхъ писаній, яко внимати подобаетъ отъ ложныхъ пророкъ и отъ ложныхъ учителей, и яко отъ сего познавается ложный учитель и ложный пророкъ, отъ еже не учити отъ божественыхъ писаній, но отъ злобы своего сердца, по лукавству діаволю, на пагубу многимъ, и яко пребываетъ кто въ евангельскомъ поученіи, иже по немъ мудрствуяй и дѣйствуяй, уклоняетъ же себе отъ него, иже сопротивная мудрствуя и дѣйствуя, и яко послѣдующая божественымъ и законнымъ писаніемъ не достоитъ испытовати глаголющихъ, или пишущихъ, аще кто благословиѣ богодухновенная писанія сказуетъ, и ничтоже тому можетъ возбранити, зане слово Божіе не вяжется».

Если же случится имѣть изысканіе о чемъ-либо благословномъ, будемъ вести состязанія съ любовію и осторожно, не понося и не укоряя другъ друга; или если произойдетъ распря о предметахъ церковныхъ и о какихъ-либо догматахъ, то надобно тихо и кротко приводить для рѣшенія ея истинныя разсужденія по свидѣтельству божественныхъ писаній и отеческихъ преданій. А кто развращаетъ положенные отъ Святаго Духа законы, отвергаетъ древніе отеческіе благіе обычаи и вводитъ новыя узаконенія, подобно древнимъ еретикамъ, на погибель рода человѣческаго, съ такими лучше не имѣть мира, отлучающаго насъ отъ Бога. Такихъ нужно остерегаться, какъ ложныхъ пророковъ и ложныхъ учителей; они хотя и сладко бесѣдуютъ, но все это ложь, лесть, лицемѣріе, лукавство; они помышляютъ только о томъ, чтобы прельстить насъ, увлечь, погубить.... Слѣдуетъ намъ *ходить въ премудрости*, какъ повелѣваетъ апостолъ, и *искушать, что есть воля Божія, благая и совершенная* и *не мудрствовать паче, неже подобаетъ мудрствовати*, но мудрствовать въ цѣломудріи, какъ пріяла св. церковь отъ Бога и отъ св. апостоловъ и отъ преподобныхъ отцевъ. Надобно внимательно читать божественныя писанія, избирать изъ нихъ истинныя разумѣнія и разсужденія и быть готовыми къ отвѣту всякому, вопрошающему насъ о нашемъ упованіи..... «Не лѣнимся же, братіе мои,—такъ заключаетъ первую часть этого слова Даніилъ,—дѣлать и хранить заповѣди Христовы и соберемъ себѣ богатство отъ чтенія божественныхъ писаній: ибо великое богатство бываетъ отъ чтенія божественныхъ словъ, если мы творимъ то со смиреніемъ и кротостію, бѣгая плотскаго мудрованія и презорства». Приведши затѣмъ во второй части до семи текстовъ св. писанія съ толкованіями на нихъ, довольно обширными, изъ Злато-

уста, Өеофилакта болгарскаго и толковыхъ Евангелія и Апостола, также краткія изреченія св. отцевъ и учителей—Ефрема Сирина, Өеодора Студита, Василія Великаго, Никона Черногорца, Аөанасія Великаго и Дидима, Даніилъ въ послѣдней части слова убѣждаетъ православныхъ во всемъ, что мы ни говоримъ и ни дѣлаемъ, имѣть свидѣтельство отъ божественныхъ писаній и не прельщаться умышленіями человѣческими. «Ибо, говоритъ, божественныя писанія повсюду всѣмъ волю Божію возвѣщаютъ, а человѣческія, плотскія мудрованія ведутъ въ пропасть адову; благія бесѣды отъ св. писаній, какъ замѣчаетъ св. Исаакъ, возбуждаютъ душу къ животу, искореняютъ страсти, прогоняютъ скверные помыслы, а злыя бесѣды потемняютъ умъ и растлѣваютъ добрые обычаи... Постараемся же со страхомъ и любовію поучаться въ божественномъ писаніи, и не просто прочитывать божественныя писанія, но съ великимъ любомудріемъ упражняться въ нихъ. Ибо самъ Господь, божеств. апостолы и св. отцы принуждаютъ насъ съ любомудріемъ испытывать божественныя писанія, а св. Златоустъ изрекаетъ даже страшный глаголъ, что никто не можетъ спастися, если не часто наслаждается чтеніемъ духовнымъ.... Ничего да не творимъ и не говоримъ по человѣческимъ плотскимъ волямъ, но что ни творимъ или говоримъ, все да бываетъ по воли Божіей, по писанію святыхъ, по законоположенію блаженныхъ отцевъ и какъ имѣетъ уставъ и благой обычай св. соборная, апостольская церковь...».

«Должно подвизаться за истину, стоять за правду и божественныя заповѣди твердо и непоколебимо, даже до смерти», — такова главная мысль *втораго* слова ([280]). «Кто печется о

([280]) Заглавіе его: «Яко нелѣпо есть враждовати другу на друга, но и

истинѣ, — разсуждаетъ авторъ, — тотъ всячески законъ Божій исполняетъ. Если ты, увидѣвъ враждующихъ другъ на друга вопреки воли Божіей, примиришь ихъ и приведешь въ соединеніе, или увидѣвъ другихъ, любящихъ другъ друга къ нарушенію закона Божія, устроишь между ними ненависть, разорвешь ихъ грѣховное соединеніе: въ обоихъ этихъ случаяхъ ты совершаешь волю Божію. Если и поропщутъ и соблазнятся нѣкоторые, но ты не смущайся, не унывай и даже до смерти стой за божественныя заповѣди. Если же снизойдешь до угожденія людямъ, эти самые люди укорятъ тебя и посмѣются твоему неразумію... А если станешь за правду твердо и непоколебимо, то хотя сначала и не покорятся, но послѣ почудятся и похвалятъ непреложную крѣпость твоей ревности о Господѣ...». Надобно однакожъ сознаться, что вообще слово это составлено неудачно. Въ первой части его, довольно краткой, главная мысль раскрыта мало и перемѣшана съ другими мыслями, побочными и сторонними. Во второй части приведенныя свидѣтельства (а ихъ приведено здѣсь, кромѣ трехъ мѣстъ изъ Библіи съ толкованіями Златоуста и Өеофилакта, болѣе десяти, именно: собора пято-шестаго и учителей церкви — Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Нила, Василія Великаго, Исихія, Кирилла, Исидора и Аөанасія, нѣкоторыхъ по два и по три) относятся не столько къ главной мысли слова, сколько къ мыслямъ вносимымъ, стороннимъ. Наконецъ, послѣдняя часть

инѣхъ враждующихся смиревати, и яко не всюду есть миръ добро, *блажени* бо, рече, *изгнани правды ради*, и якоже иже за правду страдавй блаженъ есть, за самое же зло страдавй беззаконенъ есть: невозможно же благихъ дѣлъ прилѣжащому отъ всѣхъ слышати добро: также и о истинѣ стоящому не многи имѣти враги. Но аще о сихъ и соблажняются нѣцыи, не устрашатися подобаетъ, но тверду быти и непоколеблему. Слово 2».

слова, кажется, не имѣетъ никакой связи съ двумя предшествовавшими и начинается такъ: «се вмалѣ къ любви вашей потрудившеся събрахомъ отъ божественныхъ писаній; принесемъ же вмалѣ нѣчто глаголъ и о пастырехъ», — хотя, конечно, наставляя всѣхъ вѣрующихъ ревновать о истинѣ и правдѣ, авторъ естественно могъ вспомнить и о пастыряхъ, которые по преимуществу обязаны быть ревнителями вѣры и благочестія. Зато эта послѣдняя часть, по-видимому, только приставленная къ слову въ качествѣ заключенія, сама собою образуетъ особое, полное и обстоятельное слово, обращенное къ пастырямъ, и по самой обширности своей, вовсе не похожа на обычныя заключенія. Тутъ, пользуясь нерѣдко текстами Библіи и изреченіями св. отцевъ, митрополитъ говоритъ и объ обязанностяхъ пастырскаго служенія, и объ его страшной отвѣтственности, и о трудностяхъ его, и о высокихъ наградахъ, ожидающихъ добрыхъ пастырей,—опредѣляетъ характеръ ихъ дѣятельности, предметъ ихъ проповѣди, наставляетъ ихъ, обличаетъ, убѣждаетъ. «Пастырь поставляется для того,—учитъ архипастырь,—чтобы исправлять невѣдѣніе и нечувствіе другихъ, и заступать ихъ, и оберегать, и провозвѣщать имъ приближеніе бѣсовской рати. Онъ не можетъ оправдываться невѣдѣніемъ или прикрываться лицемѣрно чѣмъ-либо другимъ, не можетъ сказать: я не уразумѣлъ, даже не слышалъ трубы, не уразумѣлъ и не видѣлъ брани и козней лукаваго. Затѣмъ и взошелъ онъ на пастырскій степень и сѣлъ на святительскій престолъ, да не печется ни о чемъ иномъ, какъ только учить людей богопознанію и благочестію, незлобію и нелихоимству, и чтобы они не насильствовали, не грабили, не лукавили, не клеветали, не завидовали. Согрѣшающихъ, но кающихся, онъ долженъ прощать, а согрѣшающихъ непослушныхъ—запрещать

и обличать. Дѣло истинныхъ пастырей провозвѣщать могущія постигнуть насъ наказанія и до смерти и послѣ смерти...». Любопытны обличенія Даніила современнымъ пастырямъ: «Многіе прелестники вошли въ міръ, но истинные пастыри положили души свои за овецъ, не предавая ихъ на расхищеніе волкамъ. А худые и лѣнивые пастыри, каковъ, увы мнѣ, и я, упасли себя и расширили чрева свои брашнами и пьянствомъ. Заблудшихъ не направили на путь, погибшихъ не взыскали, прельщенныхъ не обратили, сокрушенныхъ не врачевали, недужныхъ не исцѣлили, строптивымъ не воспретили, безчинныхъ не обличили и нимало не попеклись объ исцѣленіи овецъ; но себя упасли, овецъ же не пасли и всѣ пастырскія дѣла презрѣли. Устремились только на славу, и честь, и упокоеніе, и чтобы ѣсть и пить сладкое, дорогое и лучшее, и на тщеславіе и презорство, и на восиріятіе мзды, а душеполезнаго ученія и врачеванія не сотворили овцамъ...». И въ другомъ мѣстѣ: «зачѣмъ, братіе, гордимся, и возносимся, и сами себя прельщаемъ, ища власти игуменства или епископства, будучи страстными и неспособными взойти на такую высоту? Для чего мы этого ищемъ? Для того ли, чтобы ѣсть и пить многоразличное, и дорогое, и самое сладкое; или чтобы собирать золото и серебро, богатство и имѣнія; или чтобы веселиться и прохлаждаться, и возноситься, составлять пиры и созывать на обѣдъ славныхъ и богатыхъ, и напрасно истощать на тунеядцевъ церковные доходы, которые нужны церкви и людямъ церковнымъ, и страннымъ и нищимъ? А мы презираемъ это, и церковные доходы изъѣдаемъ со славными, и богатыми, и тунеядцами, надмеваясь гордостію и тщеславіемъ и заботясь всею душею только о настоящемъ. И думаемъ, что мы пастыри и учители, что истинно правимъ слово Божіе и наста-

вляемъ родъ человѣческій ко спасенію. Нѣтъ, братіе, нѣтъ...». Еще любопытнѣе изображеніе того, какъ относились у насъ къ пастырямъ нѣкоторые изъ тогдашнихъ христіанъ: «вездѣ и всюду бѣды и скорби пріемлютъ отъ всѣхъ пастыри. Когда пастырь видитъ нѣкоторыхъ людей, говорящихъ неподобное или дѣлающихъ законопреступное, и если наставитъ ихъ и воспретитъ непослушнымъ, то многую ненависть воздвигнутъ на него, подымаются, хапаютъ, досаждаютъ, сшиваютъ ложныя *шеперанія* (?), клеветы, студъ, укоризны, и если бы имъ было возможно, то умертвили бы его: такъ прельщаетъ ихъ сатана своими лукавствами. Когда же пастырь снова начнетъ учить ихъ говоря: о чада, такъ и такъ творите, какъ повелѣваютъ намъ Христовы заповѣди и прочія божественныя писанія, — они отвѣчаютъ, говоря: прежде себя научи, ибо написано: *начатъ Іисусъ творити же, таже и учити.* Иногда же говорятъ: до чего ты доучишь насъ; а ты самъ по писанію ли хранишь житіе; а онъ, а сей по писанію ли живутъ? Только на насъ вооружился, а тѣхъ не видишь ли, а себя забылъ? О, отче, отче, какъ тебѣ не срамно? Учитель снова начнетъ учить отъ божественнаго писанія, а они говорятъ: о, учитель нашъ, какъ фарисей, тщеславится; видишь ли, какъ онъ думаетъ о себѣ; видишь ли, какъ презорствуетъ; видишь ли, какъ гордится. Это и подобное и иное тьмочисленное говорятъ, ничего не стыдясь: такъ обезсрамилъ ихъ сатана. Когда же пастырь, усмотрѣвъ время, строго воспретитъ нѣкоторымъ на спасеніе ихъ, они станутъ говорить: это не поотечески, не попастырски, не учительски; это обычай безчинныхъ, и развращенныхъ, и человѣконенавистныхъ, и мучительскій, а не отеческій и учительскій. Если же кто, сѣдя на пастырскомъ и учительскомъ сѣдалищѣ, будетъ простъ, тихъ, кротокъ, сми-

ренъ, то скажутъ: этотъ человѣкъ простой, келейный, а не властительскій; не его дѣло учить и запрещать. Если бы кто изъ любомудрыхъ захотѣлъ изчислить и предать писанію пастырскія страданія, и молвы, и смущенія, то для этого потребовалось бы цѣлаго года». Предметъ пастырской проповѣди Даніилъ обозначилъ общими чертами, повторяя свою любимую мысль: «будемъ стараться говорить не отъ себя, но отъ божественныхъ писаній, евангельскихъ заповѣдей и апостольскихъ, и отъ священныхъ правилъ вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ, и особо блаженныхъ мужей, и отъ преданій, и житія, и обычая богоносныхъ отцевъ. Ничего не будемъ говорить сторонняго и чужаго, но да любомудрствуемъ, и говоримъ, и весь свой разумъ да полагаемъ въ томъ, что приняла отъ Бога и отъ св. апостоловъ, и отъ препод. отцевъ, св. соборная, апостольская церковь и, принявъ, передала намъ». Очень могло быть, что это поученіе къ пастырямъ Даніилъ составилъ особо и, при случаѣ, произнесъ къ нимъ, но потомъ, съ какими-либо измѣненіями, внесъ въ свой Сборникъ въ видѣ заключенія ко второму слову.

Въ *третьемъ* словѣ Даніилъ раздѣльнѣе выражаетъ свои мысли, положенныя въ основу двухъ предшествовавшихъ словъ, какъ бы объясняя, что̂ разумѣть подъ тѣми божественными писаніями, которыхъ мы должны постоянно держаться, и подъ тою истиною и божественными заповѣдями, за которыя должны стоять твердо и непоколебимо. Онъ учитъ: «Христосъ, возносясь на небеса, оставилъ апостоламъ два завѣта—ветхій и новый, а апостолы и за ними св. отцы узаконили и передали церкви двоякаго рода преданія—писанныя и неписанныя; потому мы должны непреложно соблюдать всѣ церковныя преданія, писанныя и неписанныя, узаконенныя намъ отъ св. апосто-

ловъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ» ([281]). Въ самомъ словѣ, и именно въ первой части его, авторъ сначала перечисляетъ многія преданія, преимущественно неписанныя, или, по его выраженію, «различныя устроенія, чины и уставы, правила и законы», преданныя церкви апостолами и св. отцами и касающіяся то церковнаго управленія, то церковнаго богослуженія, въ частности — литургіи, таинствъ и разныхъ требъ, также праздниковъ, постовъ, монашества, почитанія св. иконъ и св. мощей. Потомъ кратко замѣчаетъ, что за эти, какъ и за другія свящ. преданія, относящіяся къ нашей божественной вѣрѣ, много потрудились и мужественно постояли предъ царями и мучителями сами св. апостолы, св. отцы и мученики, не щадя своей жизни, и многіе другіе благочестивые христіане, которые, презирая міръ съ его славою, честію и прочими благами, всѣ свои желанія и разумъ посвящали вѣрѣ во І. Христа, которую приняли отъ св. апостоловъ и св. отцевъ. Наконецъ, обращаясь къ современному христіанину, говоритъ: «а ты, видя и слыша говорящихъ неподобное и презирающихъ церковные законы и уставы, не воспрещаешь, не возбраняешь и не заграждаешь ихъ скверныя уста. И не только не воспрещаешь имъ, а услаждаешься тѣмъ и другихъ на то понуждаешь. Когда слышишь Слово Божіе читаемое или кого-либо говорящаго отъ божественныхъ писаній, то затыкаешь, какъ аспидъ, уши свои, будучи помраченъ прелестію са-

---

([281]) Заглавіе этого слова: «Яко, восходя Господь на небеса, вдаде апостоломъ два завѣта, ветхыи и новыи; сія пріемше святіи апостоли, таже по нихъ церковніи пастыріе и учители, иже вси духомъ божественымъ наставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконоположиша и предаша святѣй церкви; сія вся церковная преданія, писаная и неписаная, узаконеная намъ отъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, непреложно подобаетъ соблюдати. Слово 3».

таны. Когда слышишь, что собираются въ божественную церковь на молитвы и моленія, ты отбѣгаешь, какъ звѣрь, и пронырствуешь, какъ змій, и лаешь на братію, какъ песъ, и валяешься въ нечистотѣ, какъ свинья въ грязи. И блаженную совѣтницу твою, разумѣю совѣсть, совѣтующую и говорящую тебѣ благое, ты попралъ, и отринулъ, и испепелилъ. Объѣдаешься и пьянствуешь, какъ скотъ, и злопамятуешь на братію, какъ сатана. И когда срама ради войдешь въ божественную церковь, то не знаешь, зачѣмъ пришелъ, зѣваешь, потягиваешься, поставляешь ногу на ногу, выставляешь и потрясаешь бедра и кривляешься, какъ похабный. А объ умѣ твоемъ что и говорить? Ничего не найти въ тебѣ, ни памяти о грѣхахъ, ни памяти о смерти и о томъ, что̀ по смерти, ни памяти о страшномъ судѣ, ни памяти о нестерпимыхъ безконечныхъ мукахъ: а о царствіи небесномъ и о раѣ не только не вспоминаешь, но отступаешь и отъ тѣхъ, кто говоритъ о нихъ, и стоишь, какъ безчувственный, не слушая ни читающихъ, ни поющихъ. Считаешь лихвы и богатство, управляешь домами, говоришь о женѣ, о дѣтяхъ, о рабахъ и превозносишься, какъ другой сатана. Всѣхъ людей называешь безумными и грѣшными, только себя разумнымъ и премудрымъ являешь всѣмъ, и думаешь вѣчно жить въ прелестномъ семъ вѣкѣ, какъ безсмертный. Зломыслишь, ненавидишь, завидуешь, лукавнуешь на созданныхъ по образу Божію людей, и осуждаешь, и клевещешь, и многое другое злое совершаешь. Называешься христіаниномъ, но если не исправишься, то не знаю, какъ назовешься истиннымъ христіаниномъ...». Впрочемъ, желая какъ бы смягчить свои рѣзкія обличенія, проповѣдникъ присовокупляетъ: «я говорю это, не осуждая и не укоряя кого-либо, а возставляя свою лѣность и возбуждая себя и другихъ

къ исполненію заповѣдей Господнихъ, да, подвизавшись добрымъ подвигомъ и скончавши блаженное теченіе, получимъ всѣ вмѣстѣ тѣ блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его, Емуже слава во вѣки вѣковъ, аминь». Во второй части слова, кромѣ двухъ библейскихъ текстовъ съ толкованіями на нихъ, приведены правила седьмаго вселенскаго собора и выписки изъ отцевъ и учителей церковныхъ—Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Василія амассійскаго, Іоанна митрополита никейскаго, Никона черногорца, изъ толковаго Евангелія, изъ житія св. Иларіона меглицкаго, изъ многосложнаго Свитка, и изъ этихъ свидѣтельствъ одни выражаютъ мысль, что намъ даны два завѣта, ветхій и новый; другія, — что намъ даны двоякаго рода преданія, писанныя и неписанныя, которыя должно сохранять, а третьи перечисляютъ самыя преданія болѣе или менѣе подробно, или останавливаются на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ послѣдней части, весьма краткой, авторъ говоритъ только, что онъ собралъ эти свидѣтельства на пользу себѣ и ближнимъ, къ истинному извѣщенію правой вѣры, да постараемся соблюдать всѣ преданія, писанныя и неписанныя, съ правою вѣрою и чистымъ житіемъ, для полученія вѣчныхъ благъ.

Четвертое слово служитъ какъ бы продолженіемъ третьяго или прибавленіемъ къ нему ([282]). Здѣсь, въ первой части, Даніилъ повторяетъ прежнюю, общую мысль о преданіяхъ: «должно неуклонно сохранять всѣ преданія, писанныя и неписанныя». Съ этою цѣлію онъ въ началѣ учитъ, чтобы не

([282]) Заглавіе: «Яко пріяхомъ преданія писаная и неписаная, и да знаменуемъ лице свое крестообразно, и еже на востокъ обращатися въ молитвахъ, и зрѣти сице, и покланятися. Слово 4».

только пастыри и иноки, но и міряне, какъ можно, чаще читали божественныя книги: такъ какъ чрезъ чтеніе ихъ пріобрѣтается познаніе о Богѣ и о всемъ, чему учили пророки, апостолы и св. отцы, о всѣхъ преданіяхъ писанныхъ и неписанныхъ, которыя приняла св. церковь; кромѣ того чтеніе это прогоняетъ печаль, вселяетъ радость, убиваетъ злобу, потребляетъ страсть, возбуждаетъ къ добродѣтели, возноситъ отъ земнаго къ небесному и вообще умудряетъ во спасеніе. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ убѣждаетъ всѣхъ духовныхъ и мірянъ всякаго чина, возраста, пола и состоянія, ревностно соблюдать законы и уставы и всѣ преданія, писанныя и неписанныя, которыя приняла церковь, не принимать и чуждаться законовъ новыхъ и развращенныхъ, преданій хульныхъ и душепагубныхъ, и постоянно упражняться въ исполненіи заповѣдей Божіихъ и во взаимной христіанской любви, чтобы удостоиться вѣчныхъ благъ. Во второй части слова рѣчь идетъ, въ частности, только о двухъ преданіяхъ: о крестномъ знаменіи и о поклоненіи на востокъ. Для раскрытія ученія о крестномъ знаменіи, о его значеніи, употребленіи и спасительныхъ, иногда чудесныхъ, дѣйствіяхъ приведены мѣста—изъ сочиненій Василія Великаго, Аѳанасія, Петра Дамаскина, Оригена, Ѳеодорита, Ѳеодора, Евсевія, Златоуста, Ефрема Сирина, изъ толкованій на пророчество Іезекіиля и на Евангеліе отъ Марка, изъ житія Ѳеодора едесскаго, изъ сказаній Симеона Метафраста объ Іоаннѣ богословѣ, изъ канона на воздвиженіе честнаго креста и изъ какого-то неизвѣстнаго «слова, еже о крестящихся». Въ числѣ этихъ мѣстъ, къ сожалѣнію, приведено и такъ-называемое *Ѳеодоритово* свидѣтельство о двоеперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, внесенное потомъ въ Стоглавъ и служащее доселѣ однимъ изъ главныхъ основаній для упорства

нашихъ раскольниковъ: знакъ, что это подложное свидѣтельство тогда уже существовало и встрѣчалось подъ именемъ Ѳеодорита въ употреблявшихся у насъ рукописяхъ, и что самъ Даніилъ принялъ свидѣтельство за подлинное и держался изложеннаго въ немъ ученія. Для подтвержденія же и объясненія другаго преданія—о поклоненіи на востокъ—приведены мѣста изъ Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Аѳанасія Великаго и «отъ иныхъ книгъ», не сказано, какихъ. Наконецъ, въ третьей части слова, сказавъ, что церковь имѣетъ многія преданія и неписанныя, къ числу которыхъ принадлежатъ знаменіе крестное и поклоненіе на востокъ, проповѣдникъ присовокупляетъ, что древніе отцы и подвижники, особенно въ пустыняхъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ не было ни иконъ, ни храмовъ, молились всегда на востокъ, ожидая съ востока непрестанно втораго пришествія Господа Іисуса Христа и приготовляясь день и ночь къ срѣтенію Его; укоряетъ современныхъ христіанъ, что они помышляютъ только о земномъ и нимало не пекутся о небесномъ, и убѣждаетъ ихъ потрудиться въ настоящей жизни для жизни вѣчной, притекать во св. церковь, сокрушаться о грѣхахъ своихъ, упражняться въ чтеніи божественныхъ писаній и покланяться на востокъ, ибо отъ востока пріидетъ Христосъ, да и самъ Онъ называется востокомъ и на востокѣ былъ рай, древнее отечество наше... «Но ты, — замѣчаетъ при этомъ святитель,—свирѣпствуешь и скачешь, какъ будто хотя растерзать меня, и говоришь: знаю, знаю я это, еще и больше того знаю, и новое и ветхое. Благо тебѣ, любомудрый подвижниче, что ты знаешь многое, и ветхое и новое. Но для меня, худаго, не мало и то, чтобы отыскать что-либо для разрѣшенія недоумѣній. Нашедши это, я насыщаю себя и другимъ даю; а относительно тѣхъ, кто отметаетъ и попираетъ

это, я имѣю божественное слово: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Мато. 7, 6)». Затѣмъ снова укоряетъ христіанъ, что они мудрствуютъ и пекутся только о земномъ не памятуя ни о смерти, ни о судѣ, ни о вѣчномъ воздаяніи, упражняются въ сквернословіи и сатанинскихъ позорищахъ, враждуютъ, завидуютъ, лгутъ, нарушаютъ клятвы, любятъ слушать дьявольскія пѣсни и кощунства, и убѣждаетъ исполнять божественныя заповѣди для полученія вѣчныхъ благъ.

II. Раскрывъ въ первыхъ четырехъ словахъ тѣ общія начала, которыхъ должны держаться православные въ дѣлахъ своей вѣры и для охраненія себя отъ ересей и лжеученій, Даніилъ три послѣдующія слова посвящаетъ, въ частности, двумъ важнѣйшимъ догматамъ христіанства,—догмату о воплощеніи и догмату объ искупленіи или крестной смерти Спасителя: такъ какъ эти догматы наиболѣе подвергались тогда у насъ пререканіямъ со стороны жидовствовавшихъ еретиковъ и ихъ послѣдователей.

Въ первой части *пятаго* слова митрополитъ излагаетъ православное ученіе о таинствѣ воплощенія, и, нельзя не сознаться, къ чести автора, излагаетъ ясно и раздѣльно, языкомъ точнымъ и правильнымъ ([283]). Въ концѣ изложенія онъ прямо указываетъ на цѣль настоящаго своего слова: «да никтожъ будетъ еретикъ и да никтожъ пріиметъ злую и пагубную ересь *нетлѣнно-мнимую*, но да всякъ вѣруетъ и исповѣдуетъ совершенна Того (т. е., І. Христа) Бога и совершенна чело-

---

([283]) Заглавіе этого слова: «О воплощеніи Господа нашего Іисуса Христа, воистинну проповѣдаемъ Того совершена Бога и совершена человѣка, а не яко зліи еретици нечестивно глаголютъ, по воплощеніи, Господу нашему Іисусу Христу едино естество точію божества имѣти. Слово 5».

вѣка». Эту древнюю нетлѣнно-мнимую ересь, учившую, будто Сынъ Божій воспринялъ на Себя какую-то плоть, которая была нетлѣнна съ самаго Его воплощенія и только казалась подобною тлѣнной-человѣческой плоти, какъ извѣстно, проповѣдывалъ у насъ тогда князь-старецъ Вассіанъ Косой, покровитель жидовствовавшихъ. Онъ упорствовалъ въ ней даже на соборѣ, судившемъ его, такъ что, для вразумленія вольнодумца, приведенъ былъ, по приказанію Даніила, цѣлый рядъ древне-отеческихъ свидѣтельствъ ([264]). Не удивительно, если противъ этого лжеученія, можетъ быть, имѣвшаго у насъ немало и другихъ послѣдователей, кромѣ Вассіана Косаго, Даніилъ счелъ нужнымъ написать особое слово, и притомъ самое обширное изъ всѣхъ своихъ словъ. Во второй части этого слова, для доказательства и разъясненія ученія, что Іисусъ Христосъ, совершенный Богъ, есть вмѣстѣ совершенный человѣкъ и воспринялъ наше человѣческое естество со всѣми его свойствами, кромѣ грѣха, авторъ привелъ: а) до 18-ти текстовъ св. Писанія, преимущественно новаго завѣта съ толкованіями на нихъ; б) многіе отрывки изъ сочиненій св. отцевъ и учителей—Геннадія константинопольскаго, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія Великаго, Ѳеодорита, Тимоѳея пресвитера, Епифанія кипрскаго, Косьмы пресвитера, Симеона новаго богослова, Григорія неокесарійскаго, Григорія нисскаго, Кирилла александрійскаго, Іоанна Дамаскина, Григорія амиритскаго, Ефрема Сирина,—большею частію, по два, по три и по нѣскольку отрывковъ изъ каждаго; в) цѣлое обширное посланіе Льва, папы римскаго, къ Флавіану, константинопольскому патріарху, почти все обличительное слово на армянъ

([264]) Нашей Ист. Русск. Церк. VI, 201 (изд. 1), 204 (изд. 2).

Іоанна митрополита никейскаго; г) многія пѣсни изъ церковныхъ каноновъ и отрывки изъ требника, синаксарей, прологовъ и житій святыхъ; д) отрывки неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ авторовъ, какъ-то: отъ Свитка многосложнаго, отъ слова о чудесахъ пресв. Богородицы, отъ правильныхъ завѣщаній о четвертомъ соборѣ, отъ слова о четвертомъ соборѣ, отъ слова на рождество Христово, отъ Хрусовой повѣсти о обрѣтеніи честнаго креста, отъ книги Іакова жидовина. Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь свидѣтельствъ суть тѣ же самыя, которыя были прочитаны, по приказанію митрополита Даніила, на соборѣ для вразумленія князя-старца Вассіана Косаго ([285]), а въ числѣ вновь приведенныхъ находятся и два свидѣтельства собственно-русскія: отрывокъ изъ похвальнаго слова митрополита Иларіона св. в. к. Владиміру и одна пѣснь изъ канона святителю Петру, митрополиту московскому. Въ послѣдней части слова Даніилъ сначала снова объясняетъ, почему и для чего написано оно. «Все это, говоритъ онъ, я собралъ изъ божественныхъ писаній любви вашей, богомудрые! Не престанемъ же наставлять себя и другъ друга, и порознь и въ бесѣдахъ, какъ проповѣдали пророки, научили апостолы и предали богоносные отцы, относительно воплощенія Іисуса Христа, да, *отрѣвая и отсѣкая отъ себя еретическій недугъ*, соблюдемъ ученіе и преданіе неповрежденнымъ. Если мы и не возможемъ наставить всѣхъ, то, насколько возможно, утѣшимъ словомъ и постараемся воздвигнуть долу лежащія души. Это дѣло пастырь долженъ считать важнѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ дѣлъ, т. е., чтобы учить,

---

(285) «Преніе Данила съ старцемъ Васьяномъ», въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1847, IX, отд. IV, стр. 11—28.

и наставлять, и совѣтовать, и обращать на благое, и запрещать, и возбранять отъ злаго». Затѣмъ, обращаясь къ пасомымъ, продолжаетъ: «а пасомыхъ дѣло, чтобы повиноваться во всемъ пастырю о Господѣ. Ты же пастыря презираешь и ни во что полагаешь; но развѣ не знаешь великой власти пастырей, которую приняли они отъ владыки-Христа, вязать и рѣшить на земли и на небеси?...». Далѣе слѣдуютъ общія нравственныя наставленія и обличенія до самаго конца: «зачѣмъ не плачемъ о многихъ нашихъ грѣхахъ? Зачѣмъ небрежемъ о цѣломудріи и чистотѣ и о прочемъ благоразуміи нашихъ дѣтей, рабовъ и рабынь, и нимало не печемся и не скорбимъ о спасеніи братіи нашей?... Поскорбимъ добровольно во временнемъ семъ житіи, да возрадуемся вѣчно. Юнъ ли ты: тѣмъ прилежнѣе внимай, да, измлада научившись добродѣтельной жизни, съ дерзновеніемъ войдешь въ радость Господа своего. Старъ ли ты: еще болѣе внимай, ибо отшествіе близко и конецъ неизвѣстенъ. Земледѣлецъ ли ты: отъ сего наиболѣе внимай, ибо земное смертно и тлѣнно, а будущее безсмертно и безконечно... Но ты все сказанное считаешь за басни, ибо ты безчувственъ и похабенъ...; а помысли, сколько при твоей памяти отошло въ будущую жизнь, сколько до твоей памяти, и какъ скоро нынѣ текутъ другъ за другомъ въ вѣчное селеніе: безсмертнымъ ли себя считаешь?...».

Противъ таинства искупленія жидовствующіе еретики возражали: недостойно Бога такъ уничижаться, принять на себя человѣческую плоть и умереть на крестѣ; развѣ Богъ не могъ спасти человѣка иначе? На это возраженіе защитники православія, каковъ препод. Іосифъ волоколамскій, отвѣчали, что для Бога, безъ сомнѣнія, все возможно и что Онъ могъ бы спасти человѣка иначе, но Онъ благоволилъ избрать такое, а

не другое средство для нашего спасенія, чтобы показать свою безконечную благость и премудрость (Просвѣтител., Слово IV). Тѣ же мысли о благости и премудрости Божіей повторяетъ и Даніилъ: въ *шестомъ* словѣ онъ именно говоритъ о неизреченной благости или милости, которую показалъ Христосъ въ дѣлѣ нашего искупленія ([286]). И какъ истина эта для вѣрующаго сама собою ясна и не требуетъ многихъ доказательствъ, то естественно, что и слово вышло очень не велико. Въ первой части проповѣдникъ кратко объясняетъ, какъ выразилась безконечная любовь къ намъ нашего Спасителя, когда Онъ, будучи Сыномъ Божіимъ, благоволилъ облечься въ наше человѣческое естество и, будучи совершенно безгрѣшнымъ и невиннымъ даже по человѣчеству, волею принялъ на себя всѣ наши грѣхи и виновность, потерпѣлъ за насъ страданія и самую мучительную позорную смерть. Во второй части приводитъ только четыре текста, одинъ изъ Апостола и три изъ Псалмовъ, о страданіяхъ за насъ нашего Спасителя и нѣсколько краткихъ толкованій или замѣчаній на эти тексты — изъ Θеодора Студита, Исаака, Дидима, Исихія, Θеодорита, Евсевія, Аθанасія, Аполлинарія и Григорія богослова. Наконецъ, въ третьей части, указывая на это великое и неизреченное милосердіе владыки Христа, который понесъ на Себѣ наши грѣхи, потерпѣлъ за насъ всякое поношеніе, страданіе и смерть, омылъ насъ своею пречистою кровію, извелъ насъ отъ смерти въ животъ, отъ тьмы на свѣтъ, отъ рабства на свободу, далъ намъ власть быть чадами Божіими, обѣтовалъ намъ животъ вѣчный, проповѣдникъ спрашиваетъ: «чтожъ воз-

---

([286]) Заглавіе слова: «О неизреченнѣй милости владыки Христа: ибо не познавшаго грѣха насъ ради грѣхъ сотвори. Слово 6».

дадимъ владыкѣ Христу за все, что Онъ сотворилъ для насъ и даровалъ намъ вѣчный животъ? Возблагодаримъ владыку Христа, возлюбленные, возблагодаримъ и прославимъ милость Его неизреченную; возлюбимъ Возлюбившаго насъ, умремъ за Умершаго за насъ; возлюбимъ другъ друга; очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа. Принесемъ Христу Богу нашему дѣла благія со страхомъ и благоговѣніемъ: вѣру, любовь, братолюбіе, упованіе, терпѣніе, смиреніе, кротость, сокрушеніе сердца, умиленіе, слезы, совѣсть очищенную. Поработаемъ Господу, пока имѣемъ время.... Адамъ праведно умеръ, ибо согрѣшилъ; а Христосъ неправедно умеръ, ибо не согрѣшилъ, но ради насъ и нашего спасенія изволилъ претерпѣть всѣ страданія: претерпимъ же и мы ради Его всякую скорбь съ разумомъ, да наслѣдницы будемъ вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Емуже слава со Отцемъ и Св. Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь». Слово это, судя по краткости его, могло быть произнесено въ церкви все сполна.

Другую мысль—о безконечной премудрости Божіей, явленной въ дѣлѣ нашего искупленія, Даніилъ излагаетъ въ *седьмомъ* своемъ словѣ ([287]). Премудрость эта, какъ изъясняетъ онъ въ первой части, обнаружилась въ томъ, что Христосъ-Богъ «прехитри злаго хитреца діавола», облекшись человѣческою плотію: вслѣдствіе чего діаволъ, признавъ Его за человѣка, дерзнулъ искушать Его, но былъ посрамленъ и поруганъ; возбудилъ противъ Него враговъ, предавшихъ Его

([287]) Заглавіе: «О премудрости смотрѣнія Господня вочеловѣченія, яко премудростію прехитри злаго хитреца діавола, да вся вѣрующая въ Онь спасе и спасаетъ. Слово 7».

смерти, но Христосъ, низшедши по смерти душею своею во адъ, яко Богъ, связалъ діавола, разрушилъ адъ и извелъ изъ него всѣхъ вѣрующихъ. Послѣ этой мысли, которая гораздо съ большею подробностію была раскрыта препод. Іосифомъ волоцкимъ въ его четвертомъ словѣ противъ жидовствующихъ, Даніилъ обращается къ православнымъ съ своими любимыми убѣжденіями, какъ можно, чаще и усерднѣе читать божественныя писанія, «да отъ сихъ научаеми истинѣ не отведены будемъ лжею еретическою». Во второй части слова онъ приводитъ кромѣ двухъ-трехъ библейскихъ текстовъ, многія церковныя пѣсни и стихиры, выписки изъ толковаго Евангелія, изъ Синаксаря, изъ Временника, изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви—Златоуста, Максима, Кирилла, Аѳанасія, Григорія амиритскаго, Ефрема, Григорія богослова, Іуліана епископа тавійскаго, Сильвестра, Кирилла іерусалимскаго, Григорія папы римскаго и, въ числѣ другихъ, довольно большую выписку изъ четвертаго слова въ Просвѣтителѣ преп. Іосифа волоцкаго: во всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствахъ повторяется и выражается такъ или иначе, то кратко, то болѣе или менѣе подробно, одна и та же мысль, что Христосъ «прехитрилъ», посрамилъ и побѣдилъ діавола. Послѣдняя часть слова не имѣетъ внутренней связи съ двумя предшествующими и содержитъ въ себѣ общія нравственныя наставленія. «Убоимся, братіе,—такъ начинается она, — того страшнаго дня, когда придетъ Господь судить на землю и воздать каждому по дѣламъ его. Будемъ подвизаться, пока имѣемъ время, для очищенія грѣховъ и для жизни вѣчной: будемъ вѣровать въ смотрѣніе вочеловѣченія Господа, которое Онъ совершилъ для нашего спасенія, потомъ воскресъ, вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца, будемъ вѣровать вто-

рому Его пришествію...». И далѣе: «будемъ бояться Бога и для Него дѣлать все, что ни дѣлаемъ; да не мудрствуемъ о себѣ..., возненавидимъ славу и богатство, не пребывающія по смерти... Бѣгай блуда и блудныхъ вещей; бѣгай позорищъ и игранія бѣсовскаго; не украшай лица своего на прельщеніе человѣковъ, за которыхъ Сынъ Божій потерпѣлъ вольную страсть...».

III. *Восьмое* слово въ Сборникѣ Даніила служитъ какъ бы переходомъ отъ словъ догматическаго характера, доселѣ нами разсмотрѣнныхъ и направленныхъ противъ еретиковъ, лжеучителей и вообще вольнодумства въ дѣлахъ вѣры, къ словамъ нравственнаго содержанія, направленнымъ противъ современнаго развращенія нравовъ. Здѣсь Даніилъ трактуетъ уже о предметѣ нравственномъ, но не оставляетъ и того предмета, который доселѣ постоянно имѣлъ въ виду, т. е., лжеученія враговъ Божіихъ—еретиковъ ([288]). Въ первой части слова, которая представляетъ собою довольно обстоятельное и вполнѣ законченное поученіе, ходъ мыслей слѣдующій: Самъ Богъ, пекущійся о спасеніи человѣческомъ, установилъ между людьми власти, и установилъ *въ отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же благотворцамъ*. Отсюда двоякое слѣдствіе: должно повиноваться властямъ и воздавать всѣмъ имъ должное, но и власти, какъ слуги Божіи, должны имѣть попеченіе о соблюденіи людьми божественныхъ законовъ и соблюдать родъ человѣческій отъ душепагубныхъ волковъ, иначе—еретиковъ и лжеучителей. А потому, хотя много у насъ искушеній въ жизни, особенно отъ нашихъ страстей, но будемъ стараться испол-

---

([288]) Заглавіе слова: «Яко подобаетъ ко властемъ послушаніе имѣти и честь имъ воздаяти, и еже на враги Божія. Слово 8».

нять волю Божію, будемъ милостивы къ самимъ себѣ и другъ къ другу, поможемъ сущимъ въ бѣдѣ, наставимъ безчинныхъ, утѣшимъ скорбящихъ, взыщемъ заблудшихъ отъ истины, обратимъ прельщенныхъ. «Скажи мнѣ,—спрашиваетъ, между прочимъ, святитель,—почему ты сопротивляешься Божію повелѣнію, т. е., власти, установленной отъ Бога? Ты говоришь: я не сопротивляюсь. Но почему же ты преступаешь законы Духа Святаго, почему хулишь имя Божіе? Поступая такъ, ты долженъ принять отмщеніе отъ служителей Божіихъ. Ибо принявшимъ отъ Бога таковое служеніе, какъ слугамъ Божіимъ, подобаетъ имѣть многое попеченіе о божественныхъ законахъ и соблюдать родъ человѣческій невредимо отъ душепагубныхъ волковъ, и не давать воли зло творящимъ человѣкамъ, которыми безчестится имя Божіе. Осуждаемы бываютъ тати и разбойники и другіе люди, совершающіе зло; пріемлютъ казнь поправшіе и оплевавшіе образъ земнаго царя; но если эти и прочіе пріемлютъ казнь, тѣмъ болѣе—хулящіе и безчестящіе Сына Божія и Бога и пречистую Богородицу: они достойны совершенной ненависти». Во второй части слова сведено нѣсколько текстовъ изъ посланій къ римлянамъ, колоссаямъ, Титу, Тимоѳею и другихъ—о поставленіи властей отъ Бога, о повиновеніи имъ и объ обязанности ихъ быть въ отмщеніе злодѣямъ и въ похвалу благотворцамъ. Затѣмъ приведены мѣста изъ сочиненій—Василія Великаго, Златоустаго, Аѳанасія Великаго, Евѳимія патріарха терновскаго, Ѳеодорита, Евсевія емессійскаго, Іоанна Дамаскина, Іоанна митрополита никейскаго, Нила, Ѳеофилакта, также выписки изъ Изложенія бывшаго церковнаго соединенія, изъ многихъ житій святыхъ, изъ Временника, а изъ русскихъ сочиненій два отрывка изъ похвальнаго слова митрополита Иларіона св. Владиміру и

отрывокъ изъ Несторовой лѣтописи о томъ же князѣ. Въ однихъ изъ этихъ свидѣтельствъ говорится о значеніи предержащихъ властей и повиновеніи имъ; въ другихъ о томъ, какъ должны относиться и дѣйствительно нерѣдко относились эти власти къ еретикамъ и лжеучителямъ; въ третьихъ, какъ должны относиться къ еретикамъ и вообще православные христіане. Послѣдняя часть настоящаго слова, кромѣ того, что представляетъ собою, подобно первой части, довольно полное и законченное поученіе, содержитъ въ себѣ еще ясные намеки, что оно было произнесено предъ вѣрующими въ ряду другихъ поученій. «Вы *слышали* прежде,—такъ начинаетъ митрополитъ поученіе это,—когда мы сподобились побесѣдовать къ любви вашей, потомъ *говорили* вчера и нынѣ, о любви къ Богу и къ искреннимъ и о прочемъ исполненіи заповѣдей Божіихъ. И опять бесѣдую къ любви вашей, насколько возмогаю по худости моей: ибо знаю, что, по великой вашей духовной любви къ моей худости, вы и худыя и неразумныя мои немотствованія принимаете и не зазираете; если и скудно оно, и ненарочито, и нехитрословно, но духовно и полезно для хотящихъ спастися. Да о чемъ же другомъ и бесѣдовать намъ, отцы и братія, какъ не о божественныхъ повелѣніяхъ и прочемъ духовномъ, и полезномъ, и спасительномъ? Преблагій Богъ сотворилъ насъ отъ небытія въ бытіе и даровалъ намъ всѣ блага, обѣщалъ и будущая неизреченная блага, но только если мы соблюдемъ заповѣди Его и будемъ совершать угодная Ему». Вслѣдъ за этимъ проповѣдникъ призываетъ слушателей любить Бога и ближнихъ, показываетъ связь той и другой любви, объясняетъ, въ какихъ дѣйствіяхъ могутъ выражаться онѣ, даетъ нѣкоторыя частныя наставленія—любить бесѣды душеспасительныя, соблюдать мѣру во всемъ,

въ пищѣ, питіи, одѣяніи, снѣ, прилѣпляться къ мужамъ богобоязненнымъ, бѣгать бесѣдъ блудныхъ («бѣжи погибельнаго рова—блудныхъ бесѣдъ, бѣжи упестренія и ломленія женьскаго, не въсхощи зрѣти червленыхъ ея ланитъ, бѣлости же и мягкости тѣла, и тонкаго ея гласа, и сладости словесъ, яки удицею уловляющія человѣки»), не предаваться никогда праздности, научающей всякому злу, — и все это, можно сказать, составляетъ первую половину поученія. Всю вторую половину авторъ направляетъ исключительно противъ еретиковъ: «сотворимъ добрыя дѣла о Господѣ: какія? Покажемъ праведную ярость и божественную ревность, научимъ хулящихъ не хулить имени Господня. А непослушныхъ человѣколюбно врачуй, исцѣляй, исправляй, и если еще не исправляется, снова наставь любовію и мудростію, тихо и кротко; совратившихся съ праваго пути направь человѣколюбно и милостиво, да и самъ получишь милость отъ владыки Христа въ семъ вѣкѣ и будущемъ. А противъ не пріемлющихъ врачеванія, послѣ многаго наставленія, и не восхотѣвшихъ придти, наконецъ, къ лучшему, возревнуй ревностію божественною, чтобы и прочіе имѣли страхъ, отступили отъ сатаны и обратились къ Господу Богу... Будь ревнитель по Господѣ Богѣ, не попусти еретикамъ хулить имя Христа, Бога; вспомни человѣколюбіе владыки твоего Христа, сколько Онъ сотворилъ для тебя, небо, солнце, луну и звѣзды, землю, море....; и человѣкомъ содѣлался ради тебя, и вольную и безчестную страсть претерпѣлъ ради тебя.... А ты не хочешь злодѣйственнымъ еретикамъ, хулящимъ Его и пречистую Его Матерь, запретить, возбранить, пригрозить, но совокупляешься съ ними, и ѣшь, и пьешь, и покрываешь ихъ и заступаешь. И какъ наречешься христіаниномъ? Не прельщайся, не христіаниномъ наречешься

ты, но скорѣе лукавымъ бѣсомъ и самимъ сатаною. Ты говоришь: я обращаю и привожу къ покаянію. Хорошо, если такъ: обращай и приводи къ покаянію....; но блюдися отъ волковъ, блюдися отъ псовъ, блюдися отъ свиней, блюдися отъ злыхъ дѣлателей, блюдися отъ татей.... Если не принимаютъ наставленій, послѣ многаго врачеванія, если не обращаются и не приходятъ въ познаніе истины Христовой: зачѣмъ съ ними совокупляешься, зачѣмъ бываешь имъ другомъ, зачѣмъ не отдаляешься отъ нихъ и не бережешься?........ Будемъ съ опасеніемъ соблюдать знаменіе православной вѣры, сохранимъ ее твердою и непоколюбимою отъ всѣхъ душепагубныхъ еретическихъ ученій, не дадимъ волкамъ и разбойникамъ и татямъ ни входа, ни дверей въ стадо Христово, укрѣпимъ себя и другихъ быть доблестными и непоколебимыми въ православной вѣрѣ и во всемъ о Господѣ». Въ заключеніи кратко повторяются наставленія—любить другъ друга, помогать ближнимъ, чуждаться зависти, ненависти, гнѣва, мести, и показывать ревность и праведную ярость только на враговъ Бога, попирающихъ Его законы.

IV. Слѣдующія пять словъ (IX—XIII)—содержанія нравственнаго. Въ трехъ первыхъ изъ нихъ, какъ показываютъ самыя ихъ заглавія, авторъ имѣетъ въ виду преимущественно нѣкоторые частные предметы христіанской нравственности, но касается и общихъ ея основаній, общихъ заповѣдей и правилъ; а въ двухъ остальныхъ словахъ,—что также видно изъ ихъ заглавій,—хотя разсуждаетъ о нравственности христіанской вообще, о ея главныхъ заповѣдяхъ и правилахъ, но по мѣстамъ особенно останавливается на нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ, на частныхъ нравственныхъ недостаткахъ своихъ современниковъ.

«Опять примемся за Евангельское ученіе, опять поучимся въ словахъ Христовыхъ, опять полюбомудрствуемъ въ заповѣдяхъ Господнихъ»,—такъ начинается *девятое* слово, озаглавленное: «не судите, да не судимы будете». Не смотря однакожъ на такое заглавіе, авторъ, въ первой части слова, сначала призываетъ всѣхъ упражняться въ чтеніи божественныхъ писаній, объясняя, какъ оно душеспасительно, любить другъ друга, показывая значеніе и превосходство этой добродѣтели, удаляться неправды, ярости, гнѣва, тщеславія, сребролюбія, гордости, водиться всегда и во всемъ страхомъ Божіимъ, быть милостивыми, кроткими, незлобивыми и проч.... А затѣмъ уже начинаетъ учить, что не должно осуждать ближнихъ; что, осуждая другихъ и не оказывая имъ милости и снисхожденія, мы сами не получимъ милости отъ Бога; что если мы имѣемъ какія-либо добродѣтели, то совершили ихъ не сами собою, а только при помощи Божіей («наше есть, еже въсхотѣти и тщатися на лучьшее; Божіе же есть, еже на дѣло извести благое наше хотѣніе и усердіе»), что мы сами великіе грѣшники и должны испытывать и оплакивать свои грѣхи, а не разыскивать и разглашать и осуждать чужіе грѣхи и недостатки. Во второй части слова всѣ приведенныя свидѣтельства и изъ писанія, и изъ отцевъ церкви и подвижниковъ (именно: изъ Кирилла александрійскаго, Анастасія синайскаго,—аввы Исаіи, Ефрема Сирина, Петра Дамаскина, Никиты Стиѳата, Іоанна Лѣствичника, Никона черногорца, Златоуста, аввы Дороѳея, Максима), и изъ житій святыхъ, и особенно многія и весьма обширныя извлеченія изъ Старчества дѣйствительно направлены къ подтвержденію одной истины, что не должно осуждать ближнихъ. Наконецъ, третья часть заключаетъ въ себѣ общія наставленія о любви къ Богу и

ближнимъ и исполненіи заповѣдей Божіихъ; перечисляетъ разныя добродѣтели, которыя должны совершать христіане, и разные пороки (въ томъ числѣ стоитъ и осужденіе ближняго), которыхъ должны избѣгать; напоминаетъ о смерти, о судѣ, о вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ, о скоротечности жизни, и убѣждаетъ трезвиться, бодрствовать и со страхомъ и трепетомъ работать Господу. Оба поученія, содержащіяся въ первой и послѣдней части настоящаго слова, могли быть съ назиданіемъ произнесены въ церкви.

Въ *десятомъ* словѣ, носящемъ заглавіе: «аще нѣкая злая сотворимъ братіямъ нашимъ, или укоримъ, или оклеветаимъ, въ таяжде впадемъ», авторъ бесѣдуетъ почти о той же самой истинѣ, только выраженной въ болѣе общемъ видѣ, о которой бесѣдовалъ въ предыдущемъ словѣ; а потому неудивительно, если какъ бы повторяется здѣсь и только дополняетъ и поясняетъ то, что сказано тамъ. И здѣсь, въ первой части, онъ сначала убѣждаетъ заботиться о духовной пищѣ — о чтеніи божественныхъ писаній, потомъ преподаетъ нѣкоторыя общія нравственныя наставленія и наконецъ уже говоритъ объ избранномъ предметѣ, т. е., чтобы мы не творили никакого зла братіямъ нашимъ, не осуждали ихъ, не укоряли и не клеветали на нихъ. Начальная мысль, по способу изложенія ея, заслуживаетъ вниманія: «вчера и нынѣ, — выражается проповѣдникъ, — повара стекаются въ поварню, и украшаютъ ее, и свиты перемѣняютъ, и руки простираютъ, и листы укрѣпляютъ, и ножи острятъ, и дрова накладаютъ, и огонь возжигаютъ, и котлы наставляютъ, и сковороды и горнецы поставляютъ; они готовятъ пищу къ насыщенію чрева, и тѣло наслаждается этимъ и укрѣпляется, и потомъ сводится къ истлѣнію. Сколько тщанія и подвиговъ требуютъ пища и пи-

тіе, сколько золота и серебра на это исчезаетъ!.... Если же такое тщаніе и попеченіе мы имѣемъ о брашнахъ и питіяхъ, тѣмъ болѣе мы должны имѣть всякое тщаніе и великое попеченіе о духовномъ. Какъ тлѣнныя наши тѣла укрѣпляютъ, услаждаютъ и утучняютъ земные плоды и различныя питанія, такъ души напитываютъ, утучняютъ и исполняютъ веселія и благодати духовныя слова. Но земныя и тлѣнныя питанія оканчиваются, отходятъ въ землю и тлѣніе и бываютъ ни во что.... А брашна духовныя, т. е., поученія святыхъ писаній и наставленія, нескончаемо производятъ веселіе и радость и исходатайствуютъ намъ жизнь вѣчную». И здѣсь, какъ въ предыдущемъ словѣ, всѣ приведенныя во второй части свидѣтельства (ихъ впрочемъ приведено немного) изъ писанія, изъ отцевъ церкви (Нила, Златоуста, Кирилла, Θеодора, Іоанна Лѣствичника, Ефрема, Аθанасія Великаго) и отъ Старчества относятся только къ избранному предмету слова и служатъ дополненіемъ къ тѣмъ, какія приведены въ предыдущемъ словѣ. И здѣсь послѣдняя часть содержитъ въ себѣ одни общія нравственныя наставленія: «будемъ, братіе, внимать себѣ, очищать свою совѣсть и испытывать себя всякій часъ, каясь о грѣхахъ своихъ, не только о согрѣшеніяхъ дѣломъ и словомъ, но и о помыслахъ, если и помыслили что лукавое, покаемся, будемъ плакать и рыдать, пока имѣемъ время. Научимся кротости и смиренію и простотѣ, будемъ боголюбцы и человѣколюбцы.....». И далѣе подробно излагается ученіе о любви къ Богу и ближнимъ почти одними текстами изъ Евангелія и посланій Апостольскихъ.

Одиннадцатое слово, подъ заглавіемъ: «о Божіихъ судьбахъ, и о младенцахъ умирающихъ, и яко бѣдно есть не исповѣдати помыслы своя отцемъ духовнымъ», по содержанію сво-

ему действительно соотвѣтствуетъ этому заглавію, по крайней мѣрѣ, въ двухъ первыхъ своихъ частяхъ. Въ первой части Даніилъ преподаетъ, одинъ за другимъ, три урока. Урокъ первый: не должно испытывать какъ непостижимое существо Божіе, такъ и судьбы Божіи, и если мы видимъ что-либо совершаемое Промысломъ, для насъ недомыслимое, то должны дивиться тому, славить и благодарить Бога, а не судить о томъ, не укорять и не безчестить благодати Его; неразумны тѣ, которые любятъ прѣнія о неизреченныхъ судьбахъ Божіихъ и говорятъ: почему такой-то получилъ помощь, такой-то прощенъ и освободился отъ бѣдъ, а такой-то не получилъ помощи, ни прощенія, ни избавленія отъ бѣдствій? Урокъ второй: не должно сѣтовать и плакать объ умирающихъ младенцахъ, напротивъ должно радоваться, ибо они умираютъ, не научившись злобѣ и лукавству міра сего; если они еще не крещены, то хотя не удостоиваются по смерти царствія небеснаго, зато не отходятъ и въ муку, какъ не согрѣшившіе: а если крещены, то восходятъ прямо въ царствіе небесное. Урокъ третій: должно исповѣдывать отцамъ духовнымъ не только дѣянія, но и слова и помышленія; великое зло таить свои помыслы отъ духовныхъ отцевъ и не исповѣдывать предъ ними грѣховъ своихъ. Во второй части приведенныя свидѣтельства изъ Слова Божія, изъ отцевъ (Аѳанасія, Анастасія синайскаго, Златоуста, Григорія, Лѣствичника, Іоанна постника, Василія Великаго, Григорія нисскаго), изъ житій святыхъ и изъ Старчества—всѣ относятся то къ первому, то ко второму, то къ третьему уроку; чрезвычайно обширныя выписки представлены здѣсь изъ Старчества. Только въ послѣдней части слова авторъ отъ этихъ частныхъ уроковъ переходитъ къ общимъ наставленіямъ и учитъ хранить вѣру чистою и

непорочною, исполнять обѣты, данные при крещеніи, соблюдать всѣ преданія, принятыя церковію отъ Бога и отъ апостоловъ и отъ св. отцевъ, любить Бога и соблюдать Его заповѣди, каяться во грѣхахъ, посѣщать храмы Божіи и присутствовать въ нихъ со вниманіемъ и благоговѣніемъ; напоминаетъ о скоротечности жизни, о близости кончины, о судѣ, о воздаяніи за гробомъ, о суетности всѣхъ благъ земныхъ и проч.

Въ *двѣнадцатомъ* словѣ авторъ предположилъ изложить ученіе о томъ, что «вси человѣцы, маліи же и велиціи, и всякъ кождо насъ, пріемшеи божественное крещеніе и евангельскія заповѣди Господни, должны есмы всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею мыслію своею, обоя сія соблюдати, якоже обѣщаніе наше, еже въ святѣмъ крещеніи, такоже и евангельскія заповѣди Христовы». Но въ первой части своей слово имѣетъ характеръ не столько учительный, сколько обличительный. Сначала авторъ излагаетъ общія мысли объ обязанности нашей исполнять обѣты крещенія и евангельскія заповѣди, выражая эти мысли почти исключительно словами самого Спасителя и апостола Павла, и дѣлаетъ общее замѣчаніе: «всѣ эти Павловы, болѣе же Христовы, изреченія безпрестанно наставляютъ насъ на благое; а мы, будучи христіанами, породившись божественнымъ крещеніемъ, держимся обычаевъ поганыхъ язычниковъ, другъ друга кусая, другъ друга пожирая, какъ рыбы, другъ друга укоряя и поносяя». Затѣмъ приводитъ, одно за другимъ, нѣкоторыя частныя изреченія Спасителя и апостоловъ, или частныя заповѣди, и дѣлаетъ обличенія и укоризны за нарушеніе каждой изъ нихъ: «Господь сказалъ: *блажени есте, егда поносятъ васъ...*; а ты такое блаженство поставляешь ни во что, и такую благодать презираешь, и мало чѣмъ-нибудь укорившаго тебя или

досадившаго тебѣ хочешь ввергнуть въ великую напасть или даже предать смерти... Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши*, и Апостолъ: *не себе отмщающе, возлюбленніи;* а ты не только не повинуешься сему, но и слышать о семъ не хочешь, и, отмщая за себя, сваришься, творишь поединки, убиваешь. И какъ же называешься христіаниномъ, совершая противное обѣщанію твоему при св. крещеніи? Знаешь ли, кого ты отрекся и кому обѣщался? Что ты скрежещешь зубами и свирѣпѣешь на меня, какъ бы убить меня хочешь? Говори: кого ты отрекся и кому обѣщался? Я отрекся сатаны, говоришь ты, и всѣхъ дѣлъ его и обѣщался Христу, и вѣрую во единаго Бога Отца, вседержителя, творца и проч.... Но если ты такъ отвѣчаешь и такъ вѣруешь и исповѣдуешь, какъ христіанинъ, — то почему же, оставивъ Христа, течешь къ сатанѣ, т. е., презрѣвъ заповѣди Божія, течешь на ученія и дѣянія бѣсовская?... Господь сказалъ: *блажени плачущіи...*; а ты, будучи христіаниномъ, пляшешь, скачешь, говоришь блудныя слова и совершаешь многія другія глумленія и сквернословія, играешь въ гусли, въ смыки, въ сопѣли, въ свирѣли и многія служенія приносишь сатанѣ. Господь заповѣдалъ: *бдите и молитеся*, и Апостолъ: *непрестанно молитеся;* а ты непрестанно соблазняешь всѣхъ людей, какъ самъ сатана, баснословишь, приводишь смѣхотворныя притчи, хрохочешь, смѣешься.... Господь заповѣдалъ: *блюдите, да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піанствомъ;* а ты объѣдаешься, какъ скотъ, и пьянствуешь день и ночь, такъ что и болишь головою и мѣшаешься въ умѣ... Господь заповѣдалъ: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ;* а ты нимало не хочешь научиться сей заповѣди, но еще болѣе гордишься, и превозносишься, и ры-

каешь, какъ левъ, и лукавствуешь, какъ бѣсъ, и спѣшишь на діавольскія позорища, какъ свинопасъ». Особенно рѣзко и подробно обличаетъ проповѣдникъ современное распутство и заботливость о щегольствѣ, такъ что, опуская наиболѣе рѣзкія изображенія, мы представимъ только нѣкоторыя. «Великій подвигъ совершаешь ты, угождая блудницамъ; перемѣняешь одежды, надѣваешь сапоги весьма червленые и крайне тѣсные, такъ что ногамъ твоимъ приходится терпѣть великую нужду отъ тѣсноты ихъ и гнетенія... Волосы твои не только срѣзаешь бритвою и съ плотію, но и щипцами исторгаешь изъ корня и не стыдишься выщипывать; позавидовавъ женамъ, мужеское свое лице претворяешь на женское. Или весь хочешь быть женою?... Если не хочешь, то зачѣмъ волосы бороды твоей или и ланитъ твоихъ щиплешь и не стыдишься исторгать изъ корня, а лице твое много умываешь и натираешь и дѣлаешь ланиты твои червлеными, красными, свѣтлыми?.... Желая насытиться блудными сластями и весь умъ свой непрестанно о томъ имѣя, ты слугамъ своимъ на сіи блудныя бѣсовскія дѣянія много серебра и злата истощаешь. И что много исчислять?... Ты, всегда стремясь къ блудницамъ, и самъ себя для многихъ сотворилъ блудницею...». Наконецъ, проповѣдникъ убѣждаетъ христіанъ покаяться, исполнять заповѣди Христовы, мудрствовать горняя, а не земная, и, опровергая возраженіе, будто такъ можно жить только инокамъ, отрекшимся отъ міра, а не міряномъ, имѣющимъ жену, дѣтей, рабовъ и многія житейскія заботы, доказываетъ, что всѣ христіане, гдѣ бы они ни жили, и могутъ и должны исполнять обѣты крещенія и евангельскія заповѣди и отдадутъ въ томъ строгій отчетъ предъ Богомъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что эта первая часть слова очень обширна и сама по себѣ есть

цѣлое слово, вполнѣ пригодное для произнесенія въ церкви. Во второй чести приведенные тексты писанія и свидѣтельства отцевъ (Василія Великаго наиболѣе, Златоуста, Лѣствичника, Никона, Дидима, Аѳанасія), одни поясняютъ, другіе подкрѣпляютъ то общія, то частныя мысли, изложенныя въ первой. Въ третьей части, также довольно обширной и представляющей собою цѣлое поученіе, проповѣдникъ учитъ христіанъ внимать себѣ, показывая, какъ это полезно и какъ вредна невнимательность къ себѣ; подробно описываетъ характеръ христіанина («христіанинъ есть имѣяй умъ въ небесныхъ, христіанинъ есть достойная небеснаго званія мудрствуяй..., христіанинъ есть имѣяй истину и правду вс всемъ, христіанинъ есть имѣяй смиреніе и кротость и простоту въ разумѣ..., христіанинъ есть любяй Христа Бога паче отца своего и матери и жены и дѣтей, христіанинъ есть любяй Христа Бога паче души своеа и искренняго своего, яко самъ себе...»); убѣждаетъ всегда трезвиться, бодрствовать, бѣгать хищенія, пьянства и другихъ пороковъ, любить другъ друга; укоряетъ слушателя за то, что онъ лѣнится приходить въ церковь и презираетъ божественныя слова, въ ней читаемыя, а ходитъ на игрища и позорища бѣсовскія, смотритъ на блудницъ, слушаетъ говорящихъ скверныя слова, затѣмъ предается пьянству, воровству и подобн.; дѣлаетъ наставленія, какъ христіанинъ можетъ находить для себя тихія удовольствія и прохладу, разсматривая окружающую природу и свѣтила небесныя, занимаясь своимъ семействомъ и хозяйствомъ, посѣщая свои луга и поля, зеленѣющія травою и цвѣтами, усѣянныя пшеницею, ячменемъ и другими растеніями; наконецъ, снова убѣждаетъ покаяться и бѣгать отъ грѣха, какъ отъ змія, чтобы

и въ настоящей жизни исполниться радости и въ будущей получить вѣчныя блага.

Тринадцатое слово: «о еже, что міръ и яже въ мірѣ»— Даніилъ начинаетъ воззваніемъ: «возненавидимъ міръ и князя его и міродержательныя его вещи!». И вслѣдъ за тѣмъ объясняетъ, что міръ—это молва, лукавство, зависть, вражда, горесть, сокрытая въ сладости, пристрастіе къ мимотекущему, лицемѣріе, неправда, грѣхъ; а міродержательныя вещи діавола—это ненависть, неправда, желаніе славы, чести, гордость, татьба, разбойничество, пристрастіе къ вещамъ, любодѣяніе и прочія страсти, которыми діаволъ прельщаетъ и погубляетъ людей: потому-то мы и должны ненавидѣть міръ и его суету. Но ненависть эта не значитъ, будто не слѣдуетъ намъ трудиться, орать, покупать, продавать, управлять рабами, устроять домы; нѣтъ, мы можемъ всѣмъ этимъ заниматься, но не должны ни къ чему пристращаться, ни о чемъ пещися выше мѣры, возлагая надежду на Бога, который одинъ можетъ благословлять наши труды успѣхомъ и помогать намъ противъ всѣхъ враговъ. Воздѣлывая землю, должны помышлять и заботиться и о плодахъ духовныхъ; занимаясь куплею и продажею, должны руководствоваться правдою и истиною; рабами должны управлять со смиреніемъ и кротостію и миловать ихъ, какъ свои естественныя чада, на непослушныхъ же износить великій страхъ, но съ тайнымъ милованіемъ сердечнымъ; устроять домы и имущества должны съ тѣмъ, чтобы пособлять нищимъ. Начало для дѣтельности христіанина—правда и истина во всемъ. Приведши во второй части слова нѣсколько текстовъ библіи и нѣсколько отрывковъ изъ писаній отеческихъ (Симеона новаго богослова, Исаака Сирина, св. Дороѳея) и отъ Старчества въ подтвержденіе сво-

ихъ мыслей, авторъ продолжаетъ дальнѣйшее развитіе ихъ въ третьей части. «Мы собрали это, говоритъ онъ, и предложили любви вашей, да увѣдаемъ, что есть міръ и яже въ мірѣ, да не увлекаемся суетными желаніями, да не всю работу нашу будемъ отдавать чреву и да не все мудрованіе наше имѣемъ въ плотскихъ страстяхъ, но уставимъ мѣру во всемъ—въ пищѣ, питіи, въ одеждахъ и сапогахъ, въ бесѣдахъ и прочихъ вещахъ»,—и объясняетъ по порядку, какъ полагать мѣру въ пищи и питіи, въ одеждахъ и сапогахъ, въ бесѣдахъ и въ подаяніи милостыни: «подаяніе нищимъ и убогимъ совершай съ благословеніемъ, тихо и кротко, съ веселымъ сердцемъ и въ сладости словесъ....; будемъ творить милость по возможности....; дай уломокъ хлѣба, дай слово благое, дай умиленіе сердца твоего, воззри на нищаго сладко умиленными очами, поскорби о немъ въ умѣ своемъ....»: и наконецъ, выражается вообще: «все въ настоящей жизни должно устроять благоразсудно и благопотребно по волѣ Божіей, да не изгубимъ ничего на свои страсти, кромѣ того только, что нужно для потребностей нашего живота». Непосредственно за этимъ идутъ обличенія и укоризны: «какая жъ нужда имѣть многое, сладкое и раздражающее яство и питіе, выше мѣры? Не проторы ли и убытки приноситъ это многимъ? Какая нужда покупать многія вещи и давать имъ или сгнивать, или отъ огня погибать, или быть похищаемыми отъ татей? Какая тебѣ нужда во всѣ дни украшаться свѣтлыми одеждами, когда другіе и въ Господскіе дни не имѣютъ обычныхъ одѣяній?... Какая тебѣ нужда выше мѣры умываться и натираться, и почему ты не только волосы твои, но и плоть свою съ волосами остригаешь отъ бороды и ланитъ твоихъ, а часто и твою голову, и вѣшаешь подъ бородою твоею пу-

говицы, сіяющія и очень красныя, и украшаешься такъ, какъ и женамъ неприлично? Какая тебѣ нужда носить сапоги, шитые шелкомъ? Или какая тебѣ нужда не только сверхъ мѣры умывать руки, но и налагать на персты твои золотые и серебряные перстни? Какой прибытокъ тебѣ изнурять дни надъ птицами? Какая тебѣ нужда имѣть множество псовъ? Какая тебѣ похвала ходить на позорища?... Господь не повелѣлъ ученикамъ имѣть и худѣйшихъ сапоговъ, ни двухъ ризъ, а мы не только имѣемъ простыхъ сапоговъ сверхъ потребности, но имѣемъ сапоги и съ серебромъ, и съ золотомъ и бисеромъ, также и другія многоцѣнныя одѣянія, и сапоги красные, искусно шитые шелкомъ; и не только это, но и подъ сорочкою, куда никому не видно, нѣкоторые стараются имѣть дорогое препоясаніе, отдѣланное золотомъ и серебромъ. Ради всего этого мы ищемъ многихъ доходовъ, а если чего тебѣ не достаетъ, — такъ какъ ты, по безумію твоему, имѣешь многіе расходы,—ты крадешь, насилуешь, грабишь, ябедничаешь, занимаешь, и, не имѣя, чѣмъ отдать, бѣгаешь, запираешься, преступаешь клятву и совершаешь другія безчисленныя злодѣянія....». Отъ обличеній проповѣдникъ переходитъ къ увѣщаніямъ и къ убѣжденіямъ, съ которыми обращается то ко всѣмъ, то къ нѣкоторымъ: «будемъ же бодрствовать, трезвиться, внимать со страхомъ тому, чему научаютъ насъ священ. Евангеліе, и св. апостолы, и преподобные отцы. Не все намъ любомудрствовать о тлѣнномъ и мимотекущемъ и работать чреву, а нужно наиболѣе заботиться о духовномъ и подвизаться для будущаго.... О мужи! Учите женъ вашихъ бояться Бога и жить по закону Господню и подавать нищимъ. О господа! Милуйте рабовъ своихъ и имѣйте ихъ, какъ присныхъ своихъ дѣтей, ибо всѣ мы созданы рукою Божіею и

всѣ плоть едина..., всѣ мы единымъ божественнымъ крещеніемъ крестились, всѣ равно искуплены кровію Христовою, всѣ равно причащаемся божественнымъ причащеніемъ..., и если здѣсь на малое время Господь попустилъ одному господствовать, а другому работать, то въ будущемъ нѣтъ раба, ни свободна.... О отцы! Имѣйте попеченіе о вашихъ чадахъ, воспитывайте ихъ всегда въ наставленіи и ученіи Господнемъ—бояться Бога и въ законѣ Его поучаться день и ночь, не любить праздности, не творить кощунства, сквернословія и блуда, не красть, не лгать и бѣгать всякаго зла. О юноши! Къ вамъ мое слово: возлюбите Христа Бога, да наслѣдуете животъ вѣчный; возлюбите чистоту и не уподобляйтесь блуднымъ юношамъ, которые всегда велемудрствуютъ о красотѣ тѣлесной, всегда украшаются болѣе женъ умываніями различными и хитрыми натираніями, и которыхъ умъ всегда плаваетъ въ мечтахъ объ одеждахъ, объ ожерельяхъ, о пуговицахъ, о препоясаніи подъ сорочкою, о сапогахъ, объ остриженіи головы, о повѣшеніи космъ, о намизаніи ока, о киваніи главой, о уставленіи перстовъ, о выставленіи ногъ.... О отроки и дѣвицы! Возлюбите тихое и смиренное житіе въ цѣломудріи и чистотѣ...; любомудрствуйте, трудясь въ хитростяхъ, сколько по силѣ, или въ писательномъ художествѣ, или въ книжномъ ученіи, или въ какомъ рукодѣліи, если есть, или въ иномъ какомъ-либо художествѣ о Господѣ; только не будьте праздны....» и проч. Вообще эта заключительная часть разбираемаго слова очень обширна и назидательна и, по справедливости, можетъ быть названа однимъ изъ лучшихъ поученій автора.

V. Три остальныя слова въ Сборникѣ Даніиловомъ (XIV—XVI), судя по заглавію и второй части каждаго изъ нихъ,

имѣютъ предметомъ вопросы церковно-практическіе, и именно два первыя—вопросъ о нерасторжимости брака, а третье—вопросъ о бракѣ второмъ и третьемъ. Но судя по первой и заключительной части каждаго изъ этихъ словъ, всѣ они преимущественно содержанія нравственнаго и ничѣмъ не отличаются отъ предшествовавшихъ словъ, только что нами разсмотрѣнныхъ. Надобно также замѣтить, что всѣ эти три слова, по объему своему, самыя краткія изъ всѣхъ словъ помѣщенныхъ въ Сборникѣ.

Четырнадцатое слово ([289]) авторъ желалъ, по-видимому, поставить въ связи съ предыдущимъ и начинаетъ слѣдующими фразами, выражающими какъ бы выводъ изъ того, о чемъ онъ тамъ бесѣдовалъ: «возлюбленные о Христѣ братіе! Не все тщаніе и попеченіе прилично намъ, христіанамъ, имѣть о настоящей жизни; но подобаетъ стяжать все тщаніе и попеченіе о жизни будущей, и помышляемъ ли мы что̀ въ нашемъ умѣ, или говоримъ, или дѣлаемъ, все да бываетъ ради Бога, по волѣ Его, а не по нашимъ плотскимъ волямъ». Сказавъ послѣ этого очень коротко объ обязанности христіанина держаться заповѣдей Христовыхъ, преданій апостольскихъ и ученія отеческаго, любить Бога болѣе всего, даже собственной души, быть мудрымъ, тихимъ, кроткимъ, смиреннымъ, святитель продолжаетъ: «подобаетъ христіанину, по слову Господа, не разлучаться отъ жены своей, развѣ словеси прелюбодѣйнаго», и указываетъ на первозданную чету, которую Богъ сочеталъ, но не разлучилъ даже послѣ того, какъ жена соблазнила мужа и сотворила ему великую бѣду; на жену Іова, не оста-

([289]) Заглавіе его: «Не подобаетъ мужу отъ жены, ни женѣ отъ мужа разлучатися, развѣ блудныя вины. Слово 14».

вившую его, не смотря на его болѣзнь; на извѣстныя изреченія Спасителя и апостола Павла о нерасторжимости брака; наконецъ, заключаетъ первую часть слова общими замѣчаніями, что добро и великое добро — цѣломудріе и чистота, любовь и милость; добро—довольствоваться только необходимымъ въ жизни, а все попеченіе имѣть о небесномъ; добро—не преступать законныхъ уставовъ и соблюдать божественныя заповѣди. Во второй части приведено нѣсколько текстовъ изъ новаго завѣта, нѣсколько краткихъ изреченій Василія Великаго и Іоанна Златоустаго и нѣсколько правилъ Тимоѳея александрійскаго, Василія Великаго и соборовъ кароагенскаго и трульскаго—о нерасторжимости брака. Въ послѣдней части авторъ учитъ быть тихими, кроткими, смиренномудрыми, не испытывать судебъ Божіихъ, не судить и не роптать на Промыслъ, когда мы видимъ, какъ одни возвышаются, другіе нисспадаютъ, грѣшники благоденствуютъ, праведники страждутъ, одни умираютъ въ младенчествѣ, другіе живутъ долго; учитъ пребывать въ заповѣдяхъ Христовыхъ, въ преданіяхъ и ученіяхъ апостольскихъ и отеческихъ, чтить св. церковь и ея настоятелей, чтить царя, вельможъ и воеводъ, любить своихъ женъ и не обижать ихъ («ты же грызеши ея непрестанно, якоже и ума изступити ей отъ твоего свѣрѣпства; престани, тако творя, о человѣче!»), не позволять имъ излишнихъ украшеній для предотвращенія соблазна и большихъ расходовъ, наблюдать мѣру во всемъ, въ пищѣ, питіи, въ сапогахъ, одеждахъ и умовеніи.

Въ *пятнадцатомъ* словѣ (290) вся первая часть, впрочемъ

(290) Заглавіе его: «По евангельскому словеси не подобаетъ мужу отъ жены, и женѣ отъ мужа разлучатися, аще не блудныя вины, обычай же о сихъ иная удержа. Слово 15».

очень небольшая, наполнена афоризмами въ такомъ родѣ: «всякая вещь, и начинаніе, и дѣло, и слово, да бываетъ для Бога и о Богѣ....; все проходитъ, все мимотечетъ, душа же не мимошественна; блаженна слава не настоящая, но будущая; добро — отечество, рай; добро — вѣнцы терпѣнія; добро — въ благочестіи умереть, нежели предать благочестіе...; если не можешь жить безъ жены, вступи въ бракъ: жена не препятствуетъ благому житію....; иное обычай утвердилъ, и соблюдается даже непреданный въ писаніи церковный обычай, какъ законъ...; другъ вѣрный—помощь крѣпкая...; имѣющій печаль о будущемъ всегда радуется въ сердцѣ...; ты купецъ, подвизайся, пока не разошелся торгъ....». Во второй части приведены только два правила Василія Великаго и одно трульскаго собора съ толкованіями Аристина и Вальсамона, относящіяся къ тѣмъ случаямъ, когда мужъ или жена оставляютъ другъ друга не ради словеси прелюбодѣйнаго, и къ установившемуся, вслѣдствіе обычая, взгляду на такіе случаи. Въ послѣдней части сначала митрополитъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые, хотя мнятся быть вѣрными, поносятъ имѣющихъ вѣру и благочестіе, и одни осуждаютъ безмолвіе о Христѣ и удаленіе отъ людей плотское мудрствующихъ; другіе—тихость, кротость, смиреніе, простоту въ разумѣ; третьи, одержимые недугомъ зависти, подвергаютъ ближнихъ многимъ напастямъ и бѣдамъ; довольно подробно описываетъ гибельныя дѣйствія зависти и убѣждаетъ: «отсѣчемъ же, возлюбленные, многоглаваго звѣря—всепагубную зависть, покажемъ изящное житіе; разумѣю не жестоту, не поты чрезмѣрные, не низулеганіе, не посты и жажды, но не завидуй, не лукавствуй, не клевещи, не лжи, не лихоимствуй, не сквернословь, не обижай, будь кротокъ, смиренъ, любовенъ, милостивъ, удержи ярость, отринь свирѣпство, отгони тщесла-

віе.... Добро—постъ, но когда нѣтъ иныхъ добродѣтелей, онъ не имѣетъ силы.... Не должно безразсудно устроять себя въ скудости пищи и питія, и разслабляться, дѣлаться безчувственнымъ и немощнымъ для подвиговъ: но должно, по силѣ тѣлесной, умѣрять воздержаніе, воздерживаться не отъ пищи, а отъ объяденія, и не отъ вина, а отъ пьянства». За симъ слѣдуютъ новыя, болѣе рѣзкія обличенія: «откуда многогубительные расходы и долги? Не отъ гордости ли и безумныхъ проторовъ и на жену и на дѣтей? Откуда кабалы и поруки, и сиротство, и рыданіе, и мычаніе, и слезы? Всегда наслажденія и упитанія, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистые, всегда праздность и безумныя тасканія, какбы нѣкоихъ мошейниковъ и оманщиковъ, по демонскому наученію. Всякъ лѣнится учиться художеству, всѣ бѣгаютъ рукодѣлія, всѣ пренебрегаютъ торгованіемъ, всѣ поносятъ земледѣльцевъ. Всѣ уклоняются отъ душеполезныхъ притчей и повѣстей, всѣ бѣгаютъ духовныхъ бесѣдъ, всѣ любятъ плотское, всѣмъ радостно грѣховное и беззаконное, всѣ хотятъ жить на землѣ, всѣ не памятуютъ о жизни по смерти. Всѣ красятся и упестреваются, и въ томъ весь умъ свой изнурили, и уже и на небо, не знаю, какъ взираютъ; всѣ кощунники, всѣ смѣхотворцы, всѣ злоязычники и клеветники». Впрочемъ,—заключаетъ свою рѣчь авторъ, — «я говорю это, не другихъ осуждая и понося, но возбуждая свою лѣность; а васъ умоляю—ибо вы моя радость вы моя сладость, вы моя слава, вы моя честь, вы мое богатство, — обуздаемъ, возлюбленные, языкъ нашъ, удержимъ несмысленыя вѣщанія, будемъ бѣгать тучныхъ трапезъ и пьянствъ, бѣгать блудницъ и сіяющихъ лицъ и свѣтлости тѣла; поживемъ чистотою, кротостію, смиреніемъ и любовію, просвѣтимъ себя и другихъ милосты-

нею, да сподобимся и настоящаго житія во славу Божію и будущихъ благъ....».

Въ первой части *шестнадцатаго* слова ([291]) митрополитъ преподаетъ слѣдующее, весьма краткое, поученіе: «преблагій Богъ на двое раздѣлилъ человѣческое житіе, на дѣвственное и на брачное. Если кто изволитъ дѣвственное житіе, тотъ будетъ имѣть великое дарованіе, ибо оно приноситъ многосугубный плодъ, сторицею.... А кто не можетъ придти въ тризницу терпѣнія и страданій дѣвственнаго, ангельскаго, иноческаго житія, тотъ да пріобщится, по закону брачному, женѣ, что изначала повелѣлъ Богъ и похвалилъ апостолъ, сказавъ: *бракъ честенъ и ложе нескверно.....* Если же кто предается нечистотѣ блудниковъ и прелюбодѣевъ, тотъ пріиметъ вѣчное мученіе. Не стоитъ никому иждивать дни свои напрасно и всуе и прочить себѣ мимотекущее, ибо нѣтъ ничего на землѣ прочнаго и постояннаго, все превращается и проходитъ, какъ тѣнь. Посему, о возлюбленные, будемъ плакать и внимать себѣ всѣ, и оженившіеся, и неоженившіеся, да пріобрѣтаемъ все во славу Божію, и исполнимся духа радости, и получимъ и настоящая и будущая блага, благодатію Господа нашего Іисуса Христа». Во второй части приведены по три краткихъ изреченія Василія Великаго и Іоанна Златоустаго относительно втораго брака и правила—св. соборовъ, одно Лаодикійскаго и два Неокесарійскаго, и св. отцевъ, три Василія Великаго и одно Никифора, патріарха константинопольскаго, относительно втораго, третьяго и четвертаго браковъ. Въ послѣдней части ([292])

([291]) Заглавіе его: «О второмъ брацѣ совокупленія. Слово 16»

([292]) Въ древнѣйшемъ спискѣ Сборника Даніилова, принадлежащемъ Моск. Д. Академіи, недостаетъ всей этой послѣдней части 16-го слова, и она переписана для насъ съ списка этого Сборника Москов. Синод. библіотеки.

митрополитъ снова говоритъ, что все въ мірѣ быстротечно, что и сладость его, и величіе, и слава—все басни, все паутина, все дымъ, и трава, и цвѣтъ травный, и тѣнь, и сонъ. Вооружается противъ пристрастія къ пищѣ, противъ пьянства, роскоши, позорищъ: «какое божественное писаніе похваляетъ пищу и пьянство, какія Христовы заповѣди и апостольское преданіе предали толстыя и тучныя трапезы? Доколѣ питаніе, доколѣ играніе и роскошь, доколѣ надменіе и тунеядство, и отъ того займы и поруки и кабалы, а женѣ и дѣтямъ—вопли и слезы и тебѣ самому изчезновеніе и изступленіе ума? Что предпосылаешь на небеса? Величіе ли гордыни, объяденіе ли и пьянство?»... Убѣждаетъ всѣхъ пребывать и исполнять евангельскія заповѣди въ томъ званіи, въ какое кто званъ: «властелинъ ли ты, судія ли, воинъ, послушникъ, купецъ: рукодѣльникъ ли, земледѣлецъ ли, ловецъ, пчеловодъ, каменосѣчецъ, кузнецъ, швецъ, древодѣль; писецъ ли, зодчій ли, философъ ли, и всѣ, пріявшіе отъ Господа художество,—трудитесь, дѣлайте, работая со вниманіемъ, не ради рукодѣлія и мамоны, но какъ для Бога, и такимъ образомъ отъ труда своего, по силѣ, подавайте церкви Божіей, и нищимъ, и страннымъ, и употребляйте на свои потребы и проторы....». Даетъ частныя наставленія властямъ и судіямъ творить милость и правду всегда, воинамъ—никого не обижать и быть довольными своими оброками, послушникамъ—быть твердыми въ своемъ послушаніи; убѣждаетъ всѣхъ вообще подвизаться о Господѣ и бѣгать тунеядства и праздности, напоминая, что еще Адаму заповѣданъ былъ трудъ и дѣланіе, какъ до паденія, такъ и послѣ паденія, что самъ Христосъ потрудился на землѣ ради нашего спасенія и оставилъ намъ примѣръ для подражанія, сама Богородица постоянно пребывала въ постѣ и въ бдѣніи

и въ рукодѣліи, и апостолы дѣлали своими руками, и оканчиваетъ слово пожеланіемъ христіанамъ получить вѣчныя блага, благодатію Господа Іисуса Христа.

Въ Сборникѣ митрополита Даніила, нами разсмотрѣнномъ, содержатся слова его, обращенныя ко всѣмъ православнымъ христіанамъ; здѣсь онъ желалъ, какъ самъ выражается, предложить духовную трапезу всѣмъ вообще своимъ духовнымъ чадамъ. Въ другомъ Сборникѣ помѣщены только такія его сочиненія, которыя адресованы имъ отдѣльнымъ лицамъ или отдѣльнымъ монашескимъ общинамъ, именно двѣнадцать посланій его и одно поученіе, хотя, по содержанію своему, и эти сочиненія представляютъ немало поучительнаго и назидательнаго для всякаго благочестиваго читателя, — что̀ и могло послужить главнымъ побужденіемъ къ собранію ихъ и изданію въ особой книгѣ. Кѣмъ составленъ этотъ второй Сборникъ сочиненій Даніила, неизвѣстно; но онъ могъ быть составленъ самимъ Даніиломъ; по крайней мѣрѣ, онъ составленъ видимо по образцу перваго Сборника Даніилова: и здѣсь, какъ тамъ, всѣ помѣщенныя сочиненія названы словами (слово 1-е, слово 2-е и т. д.), и надъ каждымъ словомъ поставлено оглавленіе его или краткое его содержаніе ([293]). По внутреннему ха-

---

([293]) Въ упомянутомъ выше (примѣч. 276) рукописномъ Сборникѣ Новгор. Соф. библ., № 1281, вслѣдъ за этими тринадцатью сочиненіями Даніила, изъ которыхъ каждое названо въ заглавіи своемъ словомъ (слово 1, слово 2.. и, наконецъ, слово 13-е) и каждое прямо приписывается Даніилу, помѣщено посланіе къ царю Ивану Васильевичу IV, которое потому нѣкоторые усвояютъ также Даніилу (*Восток.* Опис. Рум. Муз. 158; *преосв. Филар.* Обз. Дух. Литер., въ статьѣ о Даніилѣ). Но несправедливо: ибо—1) посланіе это не названо въ заглавіи словомъ 14-мъ и не приписывается Даніилу, какъ слѣдовало бы ожидать, если бы собирателемъ или переписчикомъ оно было признаваемо за сочиненіе Даніила на ряду съ другими тринадцатью, помѣщенными прежде; 2) въ то время, когда Даніилъ уже оставлялъ свою

рактеру, статьи втораго Сборника совершенно однородны съ словами перваго Сборника: и въ этихъ статьяхъ Даніилъ старается учить и наставлять не столько отъ себя, сколько отъ божественныхъ писаній, приводитъ свидѣтельства отеческія, хотя не во всѣхъ статьяхъ и въ меньшемъ количествѣ, и излагаетъ приводимыя свидѣтельства, большею частію, не безсвязно и не въ особой части, какъ то сдѣлано въ словахъ перваго Сборника, а въ связи съ своими собственными мыслями. Изъ тринадцати сочиненій Даніила, находящихся во второмъ Сборникѣ, только о двухъ извѣстно, къ кому они адресованы: это поученіе къ братіи Іосифо-волоколамскаго монастыря и посланіе во владимірскій николаевскій Волосовъ монастырь. Два другія сочиненія или посланія написаны къ какому-то епископу, неизвѣстному по имени. Остальныя девять адресованы къ лицамъ совершенно неизвѣстнымъ.

Поученіе къ братіи Іосифова волоколамскаго монастыря Даніилъ написалъ еще въ то время, когда былъ настоятелемъ этой обители ([294]). А потому естественно, если онъ началъ

митрополитскую каѳедру, царю Іоанну было едва девять лѣтъ; а въ посланіи кто-то обращается къ царю какъ къ взрослому, изображаетъ предъ нимъ разныя беззаконія русской земли, вооружается противъ брадобритія и особенно подробно противъ содомскаго грѣха (чего девятилѣтній, конечно, не могъ бы и понять), и, убѣждая царя искоренить этотъ грѣхъ, въ двухъ мѣстахъ повторяетъ: «аще искорениши злое се беззаконіе....., безъ труда спасешися и *прежній свой грѣхъ* оцыстиши». Посланіе это могло быть написано къ Іоанну или митрополитомъ Макаріемъ, который, какъ извѣстно, въ своихъ посланіяхъ дѣйствительно возставалъ и противъ брадобритія и противъ содомскаго грѣха, или попомъ Сильвестромъ, два посланія котораго къ князю Шуйскому, казанскому намѣстнику, помѣщены непосредственно за этимъ самымъ посланіемъ къ царю Іоанну въ томъ же рукописномъ Сборникѣ.

([294]) Заглавіе поученія: «Тогоже (т. е., митрополита Даніила) о иноческомъ законѣ и правилѣ обьщаго житіа въ святей обители преславныя Богородица, во общемъ Иосифове монастыре, егда начальство игуменства

свое поученіе слѣдующими словами: «Братіе мои духовные и отцы! Я весьма удивляюсь, что вы вопрошаете меня, худаго и недостойнаго инока Даніила, что̀ есть уставъ общаго житія, и повелѣваете мнѣ писаніемъ о семъ засвидѣтельствовать небрегущимъ и невнимающимъ. Что это? Не понимаю: искушаете ли вы меня, или поступаете такъ отъ полноты вѣры и любви къ моей худости? Вы имѣете многія преданія препод. отца нашего, игумена Іосифа, объ иноческомъ и общежительномъ пребываніи. А я, грѣшный и худый, что̀ скажу или что̀ стану излагать, какъ не тѣ же божественныя писанія, которыя вы сами больше меня, непотребнаго, всегда знаете?». Затѣмъ непосредственно говоритъ, что, по уставу иноческаго общежитія, иноки должны имѣть все общимъ и никто не долженъ имѣть ничего своего; что они должны постоянно бодрствовать противъ духовнаго врага-діавола, — въ подтвержденіе чего приводитъ наставленія апостола Петра, Ефрема Сирина, Исихія іерусалимскаго и Екклесіаста,—и что иноки должны отличаться отреченіемъ отъ міра и совершенною нестяжательностію. Отъ этихъ общихъ мыслей обращаясь къ своимъ братіямъ, Даніилъ умоляетъ ихъ именемъ Господа позаботиться о своихъ душахъ и отвергнуть отъ себя всякое небреженіе и безчиніе; напоминаетъ имъ ихъ первые дни, когда они пришли въ тихое пристанище монастырское, оставивъ міръ, родныхъ, друзей, и изрекли обѣты совершенной нестяжательности и нищеты, глубочайшаго смиренія и послушанія, цѣломудрія и чистоты; указываетъ на то, что они въ своей обители могутъ жить во всякомъ покоѣ и безпечаліи.

съдержа и понудиша его старцы сия написати къ спасенію душамъ отъ свѣдетельства Божественныхъ писаній. Слово 7».

имѣютъ для себя все готовое, и пищу, и одежду, и обувь, и всѣ необходимыя вещи, въ казнѣ монастырской, и объясняетъ, что послѣ этого они должны отложить «всякія особьныя стяжанія и особьное рукодѣліе» и пещися только объ исполненіи заповѣдей Господнихъ и правилъ иноческаго житія; а если они, имѣя всего вдоволь въ общей казнѣ монастырской на всякія свои потребы, держатъ еще особьныя стяжанія и вещи, ради сребролюбія, продаютъ и покупаютъ, берутъ росты на росты и за свои рукодѣлія копятъ сребро и золото, то они должны подлежать строгому отвѣту предъ Богомъ и не избѣгутъ страшныхъ мукъ геенскихъ. Приведши затѣмъ изреченія св. отцевъ и учителей церкви — Василія Великаго, Аммона пресвитера, Іоанна Лѣствичника, Григорія богослова, Ефрема Сирина и Нила, одно правило константинопольскаго перво-втораго собора, два узаконенія царя Іустиніана и два отрывка изъ Старчества, проповѣдникъ заключаетъ свое поученіе такъ: «слышали ли вы, отцы мои и братіе возлюбленные, божественныя слова и наставленіе св. отцевъ нашихъ? Не всѣ ли они говорятъ одно, что не должны иноки имѣть стяжанія особьнаго, имѣя покой и все нужное въ казнѣ своего общаго монастыря? А что̀ еще страшнѣе, они говорятъ, что если инокъ преступаетъ законы Св. Духа и развращаетъ уставы св. отцевъ, то такой долженъ быть изгнанъ изъ обители, и когда изыдетъ въ другой монастырь, долженъ оставить свое особное стяжаніе въ первомъ монастырѣ, гдѣ былъ постриженъ, — какъ гласятъ и градскіе законы. Слыша такія наставленія отцевъ нашихъ, возлюбленные братіе, оставимъ всѣ наши особныя стяжанія Господа ради..., и съ радостію потечемъ на дѣланіе заповѣдей Его, пребывая въ молчаніи и нестяжаніи, послушаніи и смиреніи..., нося тяготы другъ

друга, не воздавая никому зломъ за зло и не возносясь своимъ благородствомъ. Пусть никто не говоритъ: я рода царскаго, и даже не помышляетъ: я изъ рода великихъ бояръ. Пусть никто не поднимаетъ вверхъ бровей своихъ, говоря: мы рождены и воспитаны отъ свѣтлыхъ и благородныхъ родителей, а сей—изъ рода убогихъ и нищихъ, воспитанъ отъ худыхъ родителей и былъ рабомъ такого-то. Нѣтъ, братіе, никто такъ да не помышляетъ и не говоритъ: это пагубная гордость.... А лучше будемъ въ смиреніи возносить другъ друга, покаряться другъ другу, а всего болѣе работать Господу..., да получимъ вѣчныя блага о Христѣ Іисусѣ....».

Посланіе во владимірскій николаевскій Волосовъ монастырь митрополитъ Даніилъ написалъ въ отвѣтъ на посланіе къ нему игумена и старцевъ этого монастыря, жаловавшихся, что у нихъ, вопреки общежительному уставу, пресвитеры и діаконы берутъ приносимое отъ христолюбцевъ по рукамъ, а не въ монастырскую казну, и вообще просившихъ архипастырскаго наставленія ([295]). Соотвѣтственно этому митрополитъ, прежде всего, заповѣдуетъ, чтобы не давали воли такимъ пресвитерамъ и діаконамъ, а собираніе подаяній и доходовъ въ монастырскую казну поручили добрымъ духовнымъ старцамъ; чтобы никто не смѣлъ, безъ благословенія игумена, провожать приходящихъ христолюбцевъ за монастырь и выпрашивать себѣ у нихъ милостыню деньгами или одеждою, и чтобы игуменъ, если кто изъ пресвитеровъ или изъ простыхъ иноковъ будетъ

([295]) Заглавіе этого посланія: «Посланіе грѣшнаго и худаго инока Даніила, милостію Божіею, митрополита всея Русіи, въ Володимерь, во обитель святаго чудотворца Николы на Волосово, во общій монастырь митрополіи всея Руси, игумену Пафнотію и з братею, о благочиненіи и крѣпости монастырскаго устава. Слово 1».

уличенъ въ лихоимствѣ, постепенно подвергалъ такого разнымъ взысканіямъ, а въ случаѣ неисправленія и совсѣмъ удалялъ изъ обители. Затѣмъ митрополитъ даетъ общія наставленія игумену и всей братіи, согласно съ правилами общежитія, касательно трапезы, келлій, церкви, управленія монастыремъ, монастырскаго суда, и убѣждаетъ игумена быть истиннымъ пастыремъ своихъ духовныхъ овецъ и отечески заботиться о всѣхъ ихъ нуждахъ, тѣлесныхъ и духовныхъ, а инокамъ внушаетъ, прежде другихъ добродѣтелей, стяжать смиреніе и не велемудрствовать, не превозноситься ни многолѣтнимъ иночествомъ, ни дѣлами художественными, ни словами сладкоглаголанными, ни изящнымъ благородіемъ или величествомъ сана, ни богатствомъ приношеній: смиреніе есть дверь въ царствіе небесное.

Два посланія къ какому-то епископу написаны, одно за другимъ, по поводу недобрыхъ извѣстій о немъ, о его сребролюбіи и небрежности къ своему долгу ([296]). «Такъ какъ до меня, недостойнаго инока Даніила,—говоритъ митрополитъ,—дошли многія и различныя слова о тебѣ, возлюбленный и духовный мой брате, епископе, то я и написалъ къ тебѣ это посланіе. Ибо хотя я и самъ окаяненъ, но тебѣ и другимъ я долженъ говорить и писать полезное, да и самъ, хоть мало воспрянувъ отъ лѣности и унынія, постараюсь творить благое. И какое зло злѣе всѣхъ? Всякая неправда, и хищеніе, и лихоимство — зло; но злѣйшее изъ всѣхъ золъ и достойное ненависти есть, о благолюбецъ, сребролюбіе: ибо сребролюбецъ

([296]) Первое изъ этихъ посланій озаглавлено: «Тогоже посланіе к нѣкоему епископу: понеже нѣции человѣцы пренесоша ему рѣчи на епископа, яко небрежено и лихоимствѣнно житие имать, и сего ради скора, вкратьцѣ изложивъ, посылаетъ. Слово 2».

бываетъ виною многихъ и великихъ золъ. Посему, о любимиче, утрезвимся, пока есть время... Будемъ соблюдать себя, чтобы не прельстило насъ житіе сіе суетное и скоро погибающее красотою, славою, богатствомъ, пищею и пьянствомъ.... Помыслимъ о себѣ, для чего мы поставлены: не для того ли, чтобы учить божественнымъ заповѣдямъ, наставлять и обращать заблудшихъ, утѣшать печальныхъ, врачевать недужныхъ и, если имѣемъ потребное, раздавать нищимъ и убогимъ, и ко всѣмъ людямъ быть милостивыми и кроткими?... О томъ мы безпрестанно должны помышлять, какъ бы заботиться о порученномъ намъ стадѣ, за которое должны будемъ воздать слово на страшномъ судѣ Христовомъ.... Не престанемъ же учить и наставлять порученныхъ намъ людей; если и ненавидятъ и озлобляютъ насъ, но мы не престанемъ творить сего божественнаго дѣла, не будемъ погребать таланта въ пищѣ и сокрывать бисера Господня въ пьянствѣ.... Уцѣломудримся, истрезвимся..., отвергнемъ отъ себя нечеловѣколюбіе и лихоимство и возлюбимъ людей, а не серебро и золото....». Посланіе это очень кратко.

«Прежде я написалъ къ тебѣ вкороткѣ спѣшное посланіе, любимиче мой; а нынѣ благодатію Христовою, я вновь пишу на пользу тебѣ и другимъ, наиболѣе же — возбуждая отъ зла свое окаянство»,—такъ начинаетъ Даніилъ второе, болѣе обширное посланіе свое къ тому же епископу ([297]). Въ самомъ посланіи онъ развиваетъ двѣ мысли: во-первыхъ ту, что истинный пастырь церкви болѣе всего заботится, чтобы учить

([297]) Заглавіе: «Тогоже посланіе къ томуже епископу: яко святительскый пріемлющимъ санъ много подобаетъ попѣченія имѣти о себѣ же и о пастырьствѣ и ни отъ себе учити или отъ своего разума составляти что, но отъ свѣдѣтельства Божественыхъ пісаній. Слово 3».

спасенію порученныхъ ему людей и чтобы еще прежде самому удаляться отъ всякаго зла — въ примѣръ своимъ пасомымъ; а во-вторыхъ—ту, что онъ долженъ учить не отъ себя, не отъ своего разума, но отъ божественнаго писанія, и не иначе, какъ согласно съ преданіями св. апостоловъ и св. отцевъ, — въ подтвержденіе чего приводитъ изреченія Θеодора Студита, Василія Великаго, Кирилла александрійскаго и 19-е правило шестаго вселенскаго собора, угрожая анаѳемою на нарушеніе и искаженіе этихъ свящ. преданій. Подъ конецъ же посланія, обращаясь къ епископу, говоритъ: «итакъ, умалимъ пищу и пьянство, угасимъ неправедную ярость, отложимъ злой недугъ сребролюбія.... и да не лѣнимся учить всѣхъ и свѣтомъ заповѣдей Господнихъ наставлять на истину и благочестіе. Если попечемся творить и учить, какъ угодно Христу Богу, то мы удостоимся получить блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его».

Посланія Даніила къ лицамъ неизвѣстнымъ могутъ быть различаемы по ихъ содержанію. Въ числѣ этихъ посланій два имѣютъ характеръ преимущественно учительный, три излагаютъ болѣе общія нравственныя размышленія и наставленія о благочестіи, о исправленіи жизни, о побужденіяхъ къ тому, и четыре касаются наиболѣе нѣкоторыхъ частныхъ добродѣтелей, каковы — цѣломудріе, чистота и проч.

Одно изъ учительныхъ посланій написано, какъ видно изъ содержанія его, къ какому-то міряннну, лицу благородному и облеченному властію ([298]). Въ началѣ посланія митрополитъ

([298]) Заглавіе: «О наказаніи, якоже пріяхомъ отъ Бога и отъ святыхъ Апостолъ и Богоносныхъ отецъ нашихъ церковная преданія и законъ, сице съдрѣжати и вѣровати и почитати подобаетъ, и како отъ Бога научени

какъ бы извиняется предъ этимъ лицемъ и выражается о себѣ съ своимъ обычнымъ смиреніемъ: «Я весьма удивился вѣрѣ и любви твоей, о благочестие, что ты не возгнушался грубаго, и несмысленнаго, и мірскаго наученія (наказанія) на пользу души. Тебѣ бы просить сего отъ людей, пребывающихъ въ добродѣтели и вникнувшихъ во глубину разума божественныхъ писаній, а не отъ меня, грѣшнаго и немысленнаго инока Даніила. Но какъ вѣра и любовь твоя не оставляютъ меня, — ибо много времени стужаешь мнѣ о семъ, — то, отрясши нелѣпое уныніе, и тяжкій сонъ, и проклятую лѣность, я постарался объ отвѣтѣ, сколько могъ по моей худости, твоему благому произволенію, да не оскорбится еще болѣе благородіе твое. Ибо знаю, знаю, о любезне, что и прежде ты не мало огорчился за непослушаніе моего недостоинства преподать тебѣ душеполезное наученіе. Но знай же, о благородне, что я и самъ весьма требую благаго наученія, и если бы могъ уединиться и укрыться отъ таковаго служенія, которое выше моей мѣры, то очень возлюбилъ бы быть научаемымъ, а не научать другихъ». Въ самомъ посланіи представляются три главныя части. Въ первой митрополитъ разсуждаетъ о наказаніи, т. е., наученіи, что оно и полезно, и свѣтозарно, и плодоносно, всѣхъ обогащаетъ, всѣхъ умудряетъ, всѣхъ насыщаетъ, всѣхъ цѣлитъ и живитъ; что оно всѣмъ прилично, и юнымъ и старцамъ, и простымъ и благороднымъ, и убогимъ

святіи апостоли человѣческое житие на двѣ жизни уставіша: на девьственое, сирѣчь на иноческое, и на супружное, и яко хотящему притещи во иноческое житие преже искушатися подобаетъ, и яко лѣпо есть пришедшему к законьному браку съхранити цѣломудрие и чистоту, сирѣчь кромѣ законьныя его жены не смѣситися любодѣйствомъ, понеже цѣломудріе и чистота многажды отъ смерти избавляетъ человѣка. Слово 6».

и богатымъ, и власть имѣющимъ и подчиненнымъ; что основаніемъ наученія должна быть вѣра въ Тріѵпостаснаго Бога и воплотившагося Сына Божія и вообще все исповѣданіе вѣры, которое приняла отъ Христа и апостоловъ и неизмѣнно содержитъ св. соборная церковь, отвергая ученія и преданія еретическія, и что мы должны непоколебимо соблюдать, какъ эту вѣру, такъ вмѣстѣ съ нею и данные нами обѣты при крещеніи и всѣ Христовы заповѣди. Во второй части раскрываетъ ученіе, что каждый христіанинъ долженъ избрать для себя одно изъ двухъ житій, дѣвственное и цѣломудренное, или брачное: такъ какъ то и другое равно установлены самими апостолами по повелѣнію Божію, — въ доказательство чего указываетъ на примѣръ апостоловъ Петра и Павла и приводитъ ученіе послѣдняго о дѣвствѣ и брачной жизни и свидѣтельства о томъ же Діонисія ареопагита, Евсевія, Аѳанасія и Василія Великихъ, а затѣмъ объясняетъ, что желающій избрать дѣвственное или иноческое житіе долженъ предварительно испытать, искусить себя, какъ заповѣдали отцы, чтобы быть достойнымъ инокомъ, а рѣшившійся вступить въ бракъ и жить въ мірѣ долженъ непремѣнно исполнять христіанскія заповѣди, не смотря на всѣ препятствія и искушенія. Въ третьей части излагаетъ мысли, что не одни иноки должны быть цѣломудренны, но и всякій, вступившій въ бракъ, долженъ сохранять чистоту и цѣломудріе, т. е., довольствоваться одною своею женою и удерживаться отъ всякаго любодѣянія и прелюбодѣянія: ибо оскверняющіеся блудомъ и прелюбодѣйствомъ поражаются гнѣвомъ Божіимъ и потребляются отъ земли живыхъ, а чистота о Христѣ избавляетъ человѣка отъ смерти, — въ подтвержденіе чего приводятся примѣры изъ свящ. ветхозавѣтной исторіи и разсказы изъ житій святыхъ — о Николаѣ-

воинѣ, о какомъ-то властелинѣ Михаилѣ и другихъ, равно и свидѣтельства нѣкоторыхъ отцевъ. Въ заключеніи посланія митрополитъ пишетъ: «все это я, по силѣ худости моей, подвигся собрать отъ божественныхъ писаній и послалъ благочестію твоему, хотя я недостоинъ и окаяненъ, ради твоего спасенія, и вѣры, и любви ко мнѣ, недостойному, отъ начала и донынѣ. Только имѣй любовь не ко мнѣ одному, а ко всѣмъ: не взирай на благородіе твое и не возносись, имѣя власть, но пребывай въ смиреніи: ибо смиренныхъ Богъ возноситъ, а гордымъ противится....» и проч.

Другое учительное посланіе написано къ какому-то иноку, который все искушалъ себя, думалъ удалиться въ пустыню изъ общежительнаго монастыря и все недоумѣвалъ, гдѣ удобнѣе спастися, въ пустынѣ ли или въ общежитіи ([299]). Митрополитъ строго начинаетъ рѣчь свою къ этому иноку: «я узнаю въ тебѣ болѣе мятежелюбца и суемудреннаго, нежели пустынолюбца и любителя молчанія. Діаволъ ловитъ тебя, послѣ многихъ его злыхъ коварствъ, извѣтомъ добраго, или ты самъ ввергаешь себя въ ровъ по неразумію. Ты говорилъ: хочу поискуситися, и еще поискуситися,—и твоимъ искусамъ я уже и числа не знаю, ибо искусъ искуснаго, т. е., внимающаго, научаетъ. Если такъ ты рѣшился провождать жизнь свою, то ты со мною, грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даніиломъ, совѣта о семъ не имѣй....». Вскорѣ, однакожъ, рѣчь митрополита смягчается, и онъ продолжаетъ: «ты писалъ къ моей худости о разныхъ иноческихъ житіяхъ, общемъ, особномъ и пустынномъ.

([299]) Заглавіе посланія: «О различии иноческаго жительства, и како вельми удобно къ спасенію общее житие, аще по Бозѣ имѣютъ разумъ свой, такожде и пустынное житие, и яко творяй волю Божію на всякомъ мѣсте спасеніе обрящетъ. Слово 5».

и спрашиваешь, которое изъ нихъ удобнѣе ко спасенію. Но ты, любимиче, самъ знаешь, что удобнѣе ко спасенію то, чтобы жить по волѣ Бога и творить Его заповѣди, и повсюду, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ иного пути, кромѣ этого, нѣтъ. Ибо сказалъ Христосъ: *не всякъ, глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, иже на небесѣхъ»*. Обращаясь затѣмъ собственно къ иноческому житію, митрополитъ сначала излагаетъ общее ученіе о трехъ видахъ этого житія: житіи особномъ, отшельническомъ— въ совершенномъ уединеніи или пустынѣ, житіи съ двумя или тремя братіями — въ скитѣ и житіи общежительномъ со многими братіями въ общихъ монастыряхъ, и кратко показываетъ удобства и неудобства того и другаго и третьяго житія. Потомъ, въ частности, говоритъ — а) о житіи особномъ, пустынномъ, о его высокихъ требованіяхъ и трудностяхъ и порицаетъ нѣкоторыхъ «неразумныхъ пустынниковъ» своего времени, которые служили соблазномъ для всѣхъ, носили только имя пустынниковъ, а не могли провести въ уединеніи и безмолвіи и одного дня, безпрестанно вели споры съ иноками общежительныхъ монастырей, навязывая имъ свои законы и переманивая ихъ къ себѣ, считали однихъ себя великими, святыми, угодившими Богу, а всѣхъ другихъ худѣйшими, всѣхъ учили, всѣхъ наставляли; б) о житіи съ двумя или тремя братіями, которое называетъ среднимъ или царскимъ путемъ, и в) о житіи общежительномъ, объясняетъ требованія того и другаго и также порицаетъ нѣкоторыхъ общежительныхъ иноковъ за ихъ своеволіе и безчинную жизнь. Наконецъ, выводитъ то общее заключеніе, что можно спастись во всѣхъ видахъ иноческаго житія, если только исполнять ихъ требованія: «можно спастись и въ общемъ житіи и въ пустынѣ, но только если

будемъ жить по волѣ Божіей и по свидѣтельству св. писаній, а не по нашимъ страстнымъ хотѣніямъ; вездѣ найдешь угодившихъ Богу, если поищешь: многіе спаслись и во градахъ, многіе спаслись и въ общихъ монастыряхъ, многіе спаслись и въ пустыняхъ, равно какъ и погибшихъ тамъ обрѣтаемъ». При раскрытіи этихъ своихъ мыслей митрополитъ пользовался свидѣтельствами Іоанна Лѣствичника, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Симеона-новаго богослова, Никиты Стиѳата, Сираха іерусалимскаго, Ефрема Сирина и Кирилла александрійскаго. Посланіе оканчивается совѣтами иноку—жить духовно, исполнять заповѣди Господни и преданія св. отцевъ, вмѣстѣ съ живущими съ нимъ братіями, любить во всемъ иноческое житіе, нестяжательность, убожество, удаленіе отъ мірскаго, чтеніе божественныхъ писаній, рукодѣліе и проч., а затѣмъ—слѣдующими словами: «живетъ ли кто среди града, или въ пустынѣ, или въ общемъ житіи, научимся прежде всего жить по волѣ Божіей, и мы сподобимся вѣчныхъ благъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа....».

Оба учительныя посланія, нами разсмотрѣнныя, довольно обширны. Не таковы три посланія, содержащія въ себѣ общенравственные наставленія и уроки. Одно изъ нихъ даже очень кратко ([300]). Здѣсь митрополитъ пишетъ къ какому-то мірянину: «хотя и многихъ золъ исполнилась душа моя, и я имѣю помраченную мысль внутренняго человѣка, и связанъ, окаянный, узами безчисленныхъ грѣховъ, но тебѣ, возлюбленному и духовному моему, и прежде многократно говорилъ и нынѣ вновь тоже говорю: отринь отъ себя лукавство и нечеловѣколюбіе и воспріими, безъ ухищренія, блаженную просто-

---

([300]) Озаглавлено: «Тогоже о наказаніи. Слово 9».

ту и кротостную премудрость и смиреніе ко всѣмъ и страхъ Божій..., а всего прежде любовь къ Богу и ближнимъ...». Замѣтивъ далѣе, что кротости и смиренію учитъ насъ не кто другой, какъ самъ Христосъ своимъ словомъ и примѣромъ, писатель останавливается на страхѣ Божіемъ, приводитъ о немъ тексты св. писанія, изреченіе Златоуста, церковныя пѣсни Іоанна Дамаскина и Θеодора Студита, и убѣждаетъ руководиться этимъ страхомъ всегда и вездѣ, говоря, что онъ есть начало нашего спасенія, источникъ живота, учитъ насъ удаляться отъ грѣховъ, побуждаетъ къ подвигамъ добродѣтели. Другое такое же посланіе нѣсколько обширнѣе перваго и, по началу своему, имѣетъ съ нимъ очевидное сходство ([301]). «Я, окаянный, — пишетъ митрополитъ, — есмь пучина безмѣрныхъ прегрѣшеній, и много безуменъ, и ни на что непотребенъ. Потому трепещу и ужасаюсь, какъ бы, по небреженію моему, церковныя вещи не пришли въ крайнее разстройство къ соблазну всѣхъ людей... Много нужно трезвенія моему окаянству... Но, хотя я непотребенъ и окаяненъ, тебѣ, возлюбленное и духовное мое чадо, я говорилъ и вновь говорю: люби Господа Бога І. Христа всею душею твоею и ближняго твоего, яко самъ себе. Вотъ тебѣ отъ меня, грѣшнаго и худаго инока Даніила, великій даръ!....». Затѣмъ совѣтуетъ этому духовному своему чаду, которое неразъ называетъ благородіемъ, имѣть въ себѣ непрестанно страхъ Божій и поучаться въ заповѣдяхъ Господнихъ день и ночь, быть кроткимъ и смиреннымъ, напоминая, что кротости и смиренію учитъ насъ не кто другой, какъ самъ Христосъ, хранить

([301]) Озаглавлено: «Тогоже посланіе наказательно и душеполезно, и яко житіе сіе прелестное, яко сонъ, мимо грядетъ. Слово 4».

цѣломудріе и чистоту, памятовать о царствѣ небесномъ и гееннѣ огненной, удаляться отъ худыхъ обществъ и бесѣдъ, испытывать свою совѣсть и помыслы, пещися о вѣчномъ житіи, а не о временномъ. «Ибо что есть житіе наше, о любезне, — продолжаетъ святитель, — не то же ли, что сонное видѣніе, цвѣтъ травный, пара восходящая и исчезающая, быстрина рѣки мимотекущія, или роса утренняя? Приблизимся, о любимиче, ко гробамъ, и посмотримъ: гдѣ многое имѣніе и безчисленное богатство того или другаго, гдѣ ихъ крѣпость тѣлесная, гдѣ ихъ мужество и храбрость..., гдѣ одры слоновые и златопряденныя постели..., гдѣ боярство и честь, гдѣ красота и слава, гдѣ множество рабовъ и отроки, гдѣ многоразличныя трапезы и сладкія снѣди и искусство поваровъ, гдѣ ристаніе коней? Все пепелъ, все персть, все прахъ, все тѣнь. Чтожъ напрасно мятемся?... Твори, о возлюбленне, угодное Богу, да наслѣдуешь животъ вѣчный. Какая тебѣ польза снѣдать себя печалями суетными и скоропреходящими?... Зачѣмъ день отъ дня отлагаешь свое исправленіе? Ты — человѣкъ смертный.... Примись за благое житіе....». Третье такого же рода посланіе нѣсколько обширнѣе и втораго ([302]). Здѣсь митрополитъ наставляетъ кого-то, дошедшаго до крайняго нечестія, и, чтобы сильнѣе подѣйствовать на грѣшника, подробно изображаетъ предъ нимъ картину страшнаго суда. «Возлюбленному, —такъ начинаетъ святитель,—и духовному моему брату миръ о Христѣ. Ты, возлюбленный, совѣтовалъ со мною, окаяннымъ инокомъ Даніиломъ, совѣтъ духовный, чтобы от-

---

([302]) Озаглавлено: «Тогоже посланіе къ нѣкоему, выпадшу въ глубочайши ровъ безаконія, собрано отъ Божественыхъ писаній о страшнѣмъ судѣ. Слово 8».

стать тебѣ отъ твоего злаго и нерадиваго житія и обратиться къ Господу Богу покаяніемъ и исправить себя и жить богоугодно... Но нынѣ я слышу отъ тебя, о любезне, что ты низшелъ до послѣднихъ беззаконій и безстрашно совершаешь пагубныя дѣла. Многократно я писалъ тебѣ, чтобы ты пересталъ отъ такого зла; но ты снова пребываешь въ безстрашіи предъ Богомъ и жируешь, какъ скотъ, и валяешься въ калѣ, какъ свинья....». Сказавъ затѣмъ, что если онъ не покается и не исправится, то его ожидаетъ только мука вѣчная, а еще прежде страшный день суда Господня, и что этого *лютаго дня* боялся самъ царепророкъ Давидъ (Пс. 48, 6), митрополитъ убѣждаетъ: «убоимся и мы, о любимиче мой, и возвратимся отъ беззаконія нашего, оставимъ нечестіе наше.... Доколѣ спать намъ тяжкимъ сномъ? Уже довольно для насъ многаго беззаконія, довольно для насъ многаго нечестія нашего, довольно для насъ скверныхъ словъ, довольно для насъ гнусныхъ дѣлъ.... Уже насытились мы злыми и скверными дѣлами и напитались безбожными словами.... Убоимся, пока есть время, и покаемся, пока не пришла смерть». Представивъ далѣе, какъ изображали страшный судъ и послѣдствія его пророки—Исаія, Михей, Моисей, Софонія, самъ Христосъ во Евангеліи и апостолы Петръ и Павелъ въ своихъ посланіяхъ, снова убѣждаетъ: «обратимся и возстанемъ, утрезвимся и восплачемъ предъ Господомъ, сотворившимъ насъ, обратимся отъ беззаконія нашего, оставимъ злобу». Не довольствуясь и этимъ, приводитъ еще мысли о страшномъ судѣ св. отцевъ—Аѳанасія Великаго и Іоанна Златоустаго и восклицаетъ: «увы мнѣ, грѣшному! Что сотворимъ тогда мы, о любезный, повинные многимъ грѣхамъ? Какъ убѣжимъ лютой муки?... Нѣтъ тамъ покаянія, ни исповѣданія; нѣтъ предстателя,

ни помощника.... О возлюбленный брате! Слыша все это, обратимся къ Господу Богу покаяніемъ и исповѣданіемъ...., потрудимся и восплачемъ въ маловременной сей жизни, чтобы тогда вѣчно намъ не плакать....». Вообще посланіе это одно изъ самыхъ назидательныхъ.

Изъ четырехъ посланій Даніила, касающихся наиболѣе частныхъ предметовъ христіанской нравственности, три весьма кратки. Въ одномъ ([303]) онъ излагаетъ нѣсколько совѣтовъ относительно иноческой жизни: заповѣдуетъ какому-то своему возлюбленному духовному брату—любить благоговѣніе, воздержаніе и пощеніе, не увлекаться тщеславіемъ и печалями житейскими, любить блѣдность лица и сухоту тѣла, имѣть очи и выю долу преклоненными, взоръ тихій, поступь кроткую, бесѣду душеполезную, любить безпрестанную молитву, нелѣностное чтеніе божеств. писаній, рукодѣліе, бдѣніе, безпостеліе, имѣть память смертную и худость ризную, а особенно отсѣкать начатки скверныхъ и лукавыхъ помысловъ, потому что съ отсѣченіемъ ихъ легче уже удерживаться отъ самаго видѣнія лицъ женскихъ и отрочатъ юныхъ и смѣшенія съ ними. Во второмъ посланіи ([304]) наставляетъ, какъ сохранять цѣломудріе и чистоту. Посланіе начинается словами: «ты просилъ меня, грѣшнаго и худаго инока Даніила, написать тебѣ о цѣломудріи и чистотѣ, и вотъ я столько времени отлагалъ, считая это дѣло выше моея мѣры. Ибо что̀ могу сказать я, не сотворивъ самъ ничего добраго? Но какъ ты многократно понуждалъ меня на сіе, то я, недостойный, прося помощи

([303]) Заглавіе его: «Тогоже посланіе о целомудренемъ и благоговѣйнѣмъ житіи. Слово 12».

([304]) Заглавіе его: «Тогоже посланіе о цѣломудріи и чистотѣ. Слово 11».

отъ Господа Бога и Его пречистой Матери, дерзнулъ послужить твоему произволенію, только не отъ себя, но отъ св. писаній и преданій богоносныхъ отцевъ». Затѣмъ слѣдуютъ самыя наставленія: если ты хочешь пожить цѣломудренно и чисто, то прежде всего старайся угождать Богу, а не людямъ, и исполняй заповѣди Господни; отсѣкай нечистые помыслы и начала ихъ — такъ-называемые прилоги; никогда не оставляй умъ свой празднымъ, а занимай его слушаніемъ или чтеніемъ Слова Божія, пѣніемъ, славословіемъ, молитвами, добрыми размышленіями; бѣгай худыхъ обществъ, удаляйся отъ скверныхъ бесѣдъ и блудныхъ рѣчей; блюди себя отъ зрѣнія лицъ женскихъ, доброзрачныхъ отроковъ и другихъ лицъ женовидныхъ и не помышляй объ нихъ, хотя бы они казались тебѣ и благочестивыми; болѣе же всего блюди умъ свой отъ суетнаго поученія, а пребывай въ поученіи заповѣдей Господнихъ и преданіи св. отцевъ. Въ третьемъ посланіи (305) митрополитъ убѣждаетъ какого-то человѣка, больнаго и скорбящаго, отстать отъ своей нечистой и позорной страсти. «Много разъ, любимиче мой, и отъ многихъ я слышалъ о твоей напасти и весьма горько плакалъ о бѣдѣ твоей, желая твоего спасенія, и весьма желалъ подать тебѣ руку помощи; но не находилъ приличнаго времени, какъ подступить къ тебѣ. Хотя я многократно бесѣдовалъ любви твоей и дѣлалъ намеки притчею, но ничего не успѣлъ, потому что ты самъ не заботился о томъ. Когда же Богъ, невѣдомыми судьбами, устранилъ жестокое

---

(305) Заглавіе его: «Тогоже посланіе, яко душевредно есть совокуплятися и бесѣдовати с женами и съ мужи женовидными, и аще отъ которыхъ человѣкъ приходитъ душевный вредъ, сихъ подобаетъ отъвращати и отъвращатися. Слово 10».

твое сердце и приклонилъ желѣзную твою выю, ты подробно разсказалъ всѣ твои напасти моему окаянству. Вспомни вопль твой, вспомни слезы твои; вспомни, какъ, плача, ты говорилъ ко мнѣ, грѣшному иноку Даніилу: ты долженъ научать и укрѣплять меня, — и весь свой недугъ открылъ моему недостоинству. Нынѣ же ты пишешь къ моей худости: я въ скорби великой отъ обдержащей меня болѣзни и отъ горечи сильныхъ страстей, немилосердо на меня воюющихъ, — но отъ чего тебѣ вредъ, это ты скрываешь отъ моего недостоинства. Вспомни, любимиче мой...., какъ я говорилъ тебѣ не только не совокупляться и не бесѣдовать съ женами и юными отроками, но даже не взирать безстудно на ихъ лица, ибо великая отъ сего бываетъ душѣ пагуба.... А о томъ человѣкѣ, на котораго восходитъ твоя душевредная любовь, я многократно говорилъ тебѣ, чтобы отсѣкъ себя отъ него и не совокуплялся, даже не бесѣдовалъ съ нимъ, особенно наединѣ... Отсѣки-жъ отъ себя этого человѣка, къ которому имѣешь великую любовь и повреждаешься душою. Если отженешь его отъ себя, ты успокоишься отъ обдержащей тебя скорби и залога злыхъ и нечистыхъ страстей. А если закоснишь отсѣчь его отъ себя, то страсть мало-по-малу возрастетъ и ты неволенъ будешь противиться ей. Уразумѣй же, о возлюбленный и духовный мой братъ, какая бѣда бываетъ отъ сего человѣку, въ какомъ унынiи, сѣтованiи и скорби бываетъ человѣкъ, впадающій въ эту напасть, и потомъ въ какое нисходитъ безнадежіе и отчаяніе. И какъ возведетъ онъ очи или воздѣетъ руки, живя въ нечистотѣ? Какой стыдъ, и срамъ, и поношеніе, и укоризны онъ долженъ терпѣть отъ людей!... Не лучше ли захочемъ умереть, нежели жить и находиться въ стыдѣ и поношенiи отъ всѣхъ людей?...».

Четвертое посланіе, однородное съ тремя, только-что разобранными, чрезвычайно обширно, такъ что оно одно почти равняется, по объему своему, всѣмъ вмѣстѣ двѣнадцати другимъ посланіямъ этого Сборника ([306]). По содержанію же своему оно сходно со вторымъ изъ только-что разобранныхъ посланій. И здѣсь, какъ тамъ, митрополитъ въ началѣ объясняетъ неизвѣстному, что долго не рѣшался, не смотря на его многократныя просьбы, написать ему что-либо душеполезное, считая себя неразумнымъ и грѣшнымъ, и что теперь рѣшается писать, съ Божіею помощію, только вынуждаемый его любовію и неотступностію. И здѣсь, какъ тамъ, предметомъ посланія служитъ рѣшеніе вопроса, предложеннаго неизвѣстнымъ, о цѣломудріи и чистотѣ и храненіи дѣвства. Только здѣсь авторъ излагаетъ свои мысли со всѣми подробностями, приводитъ множество изреченій св. отцевъ, особенно подвижниковъ, множество назидательныхъ разсказовъ, и часто вдается въ повторенія и отступленія. Къ сожалѣнію, изреченія отеческія излагаются здѣсь въ такой связи, какъ между собою, такъ и съ собственными мыслями автора, что нерѣдко трудно различить, гдѣ оканчиваются слова одного отца и начинаются слова другаго и гдѣ говоритъ самъ авторъ. Насколько можно подмѣтить порядокъ

([306]) Оно озаглавлено: «Тогоже о целомудріи и о чистотѣ и о храненіи девьства, и яко непрестаньно подобаетъ поминати намъ обѣщаніе наше, иже на крещеніи, и заповѣди Христовы и творити я, и яко многыми скорбьми подобаетъ намъ внити въ царьство небесное; яко истинніи пастыріе ни о чемъ же о иномъ печахуся, точію еже научати люди къ спасенію и уставы церковныя непоколеблемы соблюдати; и яко не подобаетъ намъ отчаятися отъ находящихъ ны страстей, но крецѣ терпѣти и молитися и бѣгати отъ вредящихъ ны и мѣстъ, и лицъ, и бесѣдъ, плотская мудрствующихъ, и желаніе имѣти о раи и о царствіи небеснемъ, и поминати смерть и страшный судъ Спасовъ и мученіе безконечное, и плакатися грѣхъ своихъ. Благослови отче. Слово 13».

въ этомъ обширномъ посланіи, въ немъ можно различать пять главныхъ отдѣленій или частей. Въ первой части митрополитъ учитъ, что для сохраненія цѣломудрія и чистоты мы должны тщательно соблюдать сердце свое отъ скверныхъ помысловъ и вообще исполнять данные нами при крещеніи обѣты—отречься отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его и сочетаться Христу и свято хранить всѣ Его заповѣди, и что эти обѣты и эти заповѣди обязательны не для однихъ только иноковъ, но и для всѣхъ мірянъ; затѣмъ предлагаетъ въ примѣръ строгаго исполненія Христовыхъ заповѣдей древнихъ мучениковъ, древнихъ пастырей и учителей и древнихъ отшельниковъ и подвижниковъ, изображая кратко самые подвиги тѣхъ, другихъ и третьихъ; наконецъ объясняетъ, вопреки ложныхъ мнѣній, что и въ нынѣшнія времена, какъ и древнія, христіане обязаны соблюдать *вся, елика заповѣдалъ* Христосъ, что если бы не всѣ заповѣди евангельскія нужны были для спасенія, то не всѣ бы Онъ и заповѣдалъ, и что недостаточно для спасенія только призывать имя Господа, а надобно и вѣровать въ Него, надобно и творить волю Отца небеснаго. Во второй части указываются болѣе частныя средства для сохраненія цѣломудрія и чистоты, съ объясненіемъ каждаго, каковы: постъ и бдѣніе, молитва и псалмопѣніе, прощеніе обидъ и смиреніе, удаленіе отъ лицъ женскаго пола и благообразныхъ отроковъ и вообще лицъ женовидныхъ. При разъясненіи этого послѣдняго средства, авторъ, пользуясь руководствомъ древнихъ подвижниковъ, входитъ въ большія подробности о страсти блудной, о ея различныхъ проявленіяхъ и степеняхъ грѣховности, излагаетъ аскетическое ученіе о духовной брани, о борьбѣ съ помыслами и лукавыми бѣсами, и дѣлаетъ замѣчаніе, что эта брань и борьба необходимы не только для иноковъ, но и для всѣхъ

мірянъ. Третья часть, самая обширная въ посланіи, есть часть историческая: тутъ представляется, особенно изъ Старчества и патериковъ, цѣлый и весьма длинный рядъ краткихъ разсказовъ о разныхъ инокахъ и подвижникахъ, какъ они боролись со страстію блуда, какъ обращались за совѣтами къ опытнымъ старцамъ и какія наставленія давали имъ эти старцы. Въ четвертой части митрополитъ снова обращаетъ вниманіе на болѣе общія средства для сохраненія цѣломудрія и чистоты и проповѣдуетъ, что христіане вообще обязаны *распинать свою плоть со страстьми и похотьми, умерщвлять своя уды, яже на земли*, строго соблюдать воздержаніе во всемъ и вести жизнь, исполненную самоотверженія и всякаго рода лишеній, страданій и скорбей, и въ примѣръ для подражанія указываетъ на нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, на самого Христа Спасителя, на св. апостоловъ и мучениковъ. А въ пятой послѣдней части снова предлагаетъ для той же цѣли нѣкоторыя болѣе частныя средства, именно: уединеніе и удаленіе отъ людей суетныхъ, мудрствующихъ о плотскомъ и грѣховномъ, размышленіе о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ, и собесѣдованія о разныхъ предметахъ вѣры и благочестія. Надобно замѣтить, что не въ нѣкоторыхъ только, а во всѣхъ частяхъ посланія, при раскрытіи своихъ мыслей, митрополитъ пользуется, кромѣ слова Божія, писаніями св. отцевъ, что чаще всего онъ приводитъ изреченія и свидѣтельства, иногда очень обширныя, Василія Великаго, Златоустаго, Ефрема Сирина и Лѣствичника, затѣмъ Аѳанасія Великаго, Нила подвижника, Петра Дамаскина, Максима, Исаакія, Макарія Великаго, Ѳеодора Студита и другихъ, и что въ каждой части излагаетъ, по мѣстамъ, то нравственныя размышленія, то обличенія, то убѣжденія къ покаянію и исправленію жизни.

Оканчивая это свое посланіе, требовавшее не малыхъ трудовъ, святитель обращается къ тому, для кого потрудился, съ слѣдующими словами: «все это, о любимиче, при помощи Господа Бога, воздвигшаго мое окаянство, я написалъ, ради закона любви и ради Самого рекшаго: *возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе*, и изложилъ какъ для тебя, такъ и для себя и для другихъ, хотящихъ спастися, да подвигнутся на путь истинный и избѣгнутъ належащаго гнѣва и бѣдъ, да и мене, недостойнаго, помилуетъ всеблагій и многомилостивый Богъ. Ты же, показавъ такую любовь по Богѣ, не облѣнись поминать наше окаянство на пользу душѣ и для благоугожденія Богу, да обрящемъ милость отъ Него въ сей вѣкъ и въ будущій молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ....».

Третій Сборникъ, хотя и небольшой, можно было бы составить изъ тѣхъ сочиненій Даніила, которыя не вошли въ составъ двухъ первыхъ его Сборниковъ и встрѣчаются порознь въ разныхъ рукописяхъ. Такихъ сочиненій, сколько доселѣ извѣстно, шесть: два слова и четыре посланія.

Въ концѣ одного изъ этихъ словъ есть помѣтка, что оно «писано на Москвѣ лѣта 7047 (1539) генваря мѣсяца», т. е., писано не болѣе, какъ за мѣсяцъ, до отреченія митрополита Даніила отъ каѳедры ([307]). И при чтеніи самаго слова нельзя не чувствовать, какъ оно соотвѣтствовало обстоятельствамъ времени. То былъ періодъ крайняго своеволія, раздоровъ и

([307]) Слово это находится въ Сборникѣ Москов. Дух. Академіи, писанномъ въ 1563 г., № $\frac{\text{514 Волокол.}}{\text{151 Акад.}}$, л. 413—425, подъ заглавіемъ: «Смиреннаго Данила, митрополита всеа Русіи, о смиреніи, и о съединеніи, и о согласіи, и о любви, и о съблюденіи православныя вѣры и закона, ученне и наказание всѣмъ купно. Слово 39». А напечатано въ Памятн. Старинн. Русск. Литер. IV, 194—199.

смутъ боярскихъ, въ малолѣтство Іоанна IV, гибельно отзывавшихся во всей Россіи и не встрѣчавшихъ себѣ никакого обузданія со стороны гражданской власти; а съ другой стороны, то было время дерзкаго вольномыслія о предметахъ вѣры, какъ мы могли уже убѣдиться и изъ разбираемыхъ нами сочиненій. Въ виду этихъ-то раздоровъ и нестроеній, царствовавшихъ въ отечествѣ, и смущавшихъ церковь, митрополитъ русскій обращается ко всѣмъ православнымъ: «мужи, братья и други любезные, вѣрные священноначальники, пастыри и сослужебники, и всѣ любезныя о Христѣ духовныя чада! Примите слово о смиреніи и о соединеніи и о согласіи и о любви и твердо соблюдайте православную вѣру и догматы благочестія. Такъ, ради Господа Іисуса Христа, и молю васъ, и говорю вашей любви я, рабъ вашъ и грубый архіерей вашъ, безумный Даніилъ, грѣшнѣйшій изъ грѣшныхъ.... Многою о Христѣ любовію къ вамъ и божественною ревностію возгараюсь я, ища и желая вашего спасенія, заботясь и трудясь, чтобы вы всегда праведно и истинно по Богѣ жили, и любомудрствовали въ согласіи о Господѣ, и твердо сохраняли совершенный разумъ христіанства въ соединеніи о Христѣ». Слово, соотвѣтственно ясно выраженной авторомъ темѣ, распадается на двѣ главныя части. Въ первой, наиболѣе обширной, онъ прежде всего призываетъ христіанъ пребывать въ смиренномудріи о Христѣ, очиститься отъ злаго недуга раздѣленія и разгласія и съ подробностію излагаетъ ученіе о любви къ ближнимъ, пользуясь почти исключительно текстами свящ. писанія: называетъ ее отличительнымъ признакомъ истинныхъ послѣдователей Христа, показываетъ ея неразрывную связь съ любовію къ Богу, изображаетъ ея свойства, дѣйствія, плоды, и дѣлаетъ выводъ, что «любовь есть и начало и конецъ всѣхъ добродѣтелей, а раз-

гласіе и нестроеніе—начало и конецъ всякаго зла». Затѣмъ убѣждаетъ своихъ духовныхъ чадъ бѣгать отъ творящихъ распри и раздѣленія, водиться духомъ кротости, смиренномудрія, долготерпѣнія и любви, не позволять себѣ никакого гнилаго слова, не лгать другъ на друга, прогонять шепотниковъ и клеветниковъ, такъ какъ они-то,—лжецы, шепотники и клеветники, — всему злу виною, возбуждаютъ между людьми ненависть, зависть, распри и раздѣленія, они-то суть братоубійцы. Наконецъ, заповѣдуетъ христіанамъ, во свидѣтельство своей взаимной любви и согласія, молиться другъ за друга и присовокупляетъ: «молитеся и о насъ, да слово Божіе течетъ и славится въ васъ, и да избавимся отъ безмѣстныхъ и лукавыхъ человѣковъ, а обидящій да воспріиметъ за обиду....». При этомъ старается оградить себя, чтобы кто-либо не принялъ словъ его на свой счетъ и прямо указываетъ на раздоры и нестроенія своего времени: «да не поречетъ кто-либо за насъ за такія слова: мы никого не имѣли въ виду, никого не назвали по имени, а сказали, уча только самихъ себя и наставляя послушающихъ насъ, и еще желая показать *вину лѣтъ сихъ..., несогласія же и пререканія, раздѣленія же и распрѣнія, яко да кождо по насъ въ себе зазритъ и поречетъ себѣ*». Во второй и послѣдней части святитель учитъ своихъ духовныхъ чадъ пребывать непоколебимыми въ православной вѣрѣ: «вы, возлюбленные Богу угодники и христолюбцы, возросшіе въ благочестивѣйшемъ вашемъ отечествѣ россійскомъ и въ честномъ православіи и въ великомъ благочестіи, крѣпко держите и соблюдайте великое, честное и святое православіе, и преданіе, и законы Божіи, которые приняла св. великая Божія, соборная и апостольская церковь отъ Господа Бога, и отъ св. Его учениковъ, и отъ вселенскихъ св. соборовъ и помѣстныхъ,

равно преданія и законы, уставленныя отъ прочихъ божественныхъ писаній, во славу Господа нашего Іисуса Христа и пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ». И вслѣдъ за тѣмъ преподаетъ наставленія, какъ относиться православнымъ къ уклонившимся отъ православія и лжеучителямъ, и именно заповѣдуетъ, во-первыхъ, уклоняться отъ содружества и общенія съ ними, отъ ихъ бесѣдъ и ученія, отъ ихъ мудрованій и преданій; во-вторыхъ—убѣждать, ради любви духовной, и умолять ихъ, чтобы они возвратились въ единство правовѣрія и исправились, и если они обратятся, считать ихъ друзьями и братіями, а если останутся упорными, отлучаться отъ таковыхъ; наконецъ, прилежно молиться о нихъ, соборнѣ и особнѣ, человѣколюбцу Богу, *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истинный пріити*, да премѣнитъ ихъ отъ злаго обычая, да избавитъ ихъ отъ сѣти діавола и да приведетъ ихъ въ свѣтъ истиннаго православія. Не можемъ оставить безъ вниманія, что настоящее слово, судя по сдѣланной въ концѣ его помѣткѣ: «писано на Москвѣ», было, вѣроятно, разослано по всей Россіи въ видѣ окружнаго посланія, и что это едва ли не было самое послѣднее слово митрополита Даніила, обращенное ко всей его духовной паствѣ: такъ какъ вскорѣ онъ самъ сдѣлался жертвою тѣхъ самыхъ разгласій, нестроеній и смутъ, противъ которыхъ здѣсь столько вооружался, и принужденъ былъ отказаться навсегда отъ своей святительской каѳедры.

Другое слово митрополита Даніила, хотя неизвѣстно, когда написано, но несомнѣнно было имъ произнесено въ церкви, и именно въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, и также направлено имъ противъ современныхъ недостатковъ ([308]). Въ этомъ

([308]) Напечатано въ Памятн. старинн. Русск. Литер. IV, 200—204.

словѣ митрополитъ учитъ своихъ чадъ внимать себѣ, трезвиться, бодрствовать и имѣть всякое попеченіе о своихъ душахъ, указывая на то, что дни наши быстро текутъ, что мы на землѣ только на время, странники и пришельцы, а отечество наше на небеси, что какъ гостей приняла она насъ и скоро какъ гостей отпуститъ насъ въ другую жизнь и ничего не дастъ намъ на путь, если сами не приготовимъ себѣ добрыхъ дѣлъ, что вдругъ по смерти всѣ люди, пастыри и пасомые, цари и князи, рабы и свободные и всѣ другіе должны будутъ отдать отчетъ Богу и ни откуду на судѣ не найдутъ себѣ помощи, кромѣ только отъ добрыхъ дѣлъ. Потому-то и должны всѣ, особенно же освященные Богу, незабытно и нелѣностно совершать свой настоящій подвигъ и всячески заботиться не только о внутреннемъ благочестіи души и сердца, которыя видитъ Богъ, но и о строгомъ соблюденіи благочестія и благочинія во внѣшнихъ дѣлахъ, которыя видятъ люди, чтобы никому не послужить въ соблазнъ и преткновеніе. А между тѣмъ, — продолжаетъ митрополитъ, — «есть нынѣ нѣкоторые изъ священныхъ лицъ, пресвитеры и діаконы, и иподіаконы, и чтецы, и пѣвцы, которые, глумясь, играютъ въ гусли, въ домбры, въ смыки, также въ зерна и шахматы и тавлеи, и проводятъ время въ пѣсняхъ бѣсовскихъ и премногомъ пьянствѣ, любя всякое плотское мудрованіе и наслажденіе болѣе духовнаго и такимъ образомъ служа въ великій вредъ себѣ и другимъ. И мы отнынѣ научаемъ и напоминаемъ святыми писаніями, чтобы не быть такому безчинному обычаю, исполненному всякаго студа и срама и зазрѣнія. А особенно въ *семъ* священномъ *домѣ пречистыя Богородицы*, великія и святѣйшія митрополіи всей Россіи, не глумиться и не играть ни пресвитерамъ, ни діаконамъ,

ни ѵподіаконамъ, ни чтецамъ, ни пѣвцамъ, ни свѣщеносцамъ, ни пономарямъ, ни сторожамъ, ни всѣмъ прочимъ людямъ, служащимъ въ *семъ* святомъ мѣстѣ пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя. Ибо живущимъ въ *семъ* священномъ домѣ подобаетъ быть благимъ образомъ для всѣхъ людей. Св. апостолы и богоносные отцы заповѣдали всѣмъ имѣть незазорное и добродѣтельное житіе, и епископамъ, и пресвитерамъ, и прочему свящ. чину, также и мірскимъ людямъ». Вслѣдъ за тѣмъ святитель приводитъ правила — апостольскія (два), соборовъ трульскаго (шесть), лаодикійскаго (два) и карѳагенскаго (одно), возбраняющія христіанамъ и особенно пастырямъ церкви разныя неблагопристойныя игры, пѣсни, пляски, посѣшеніе корчемницъ, позорищъ, ристалищъ, гаданія, волхвованія и под. Послѣ правилъ приводитъ такого же содержанія отрывки изъ сочиненій св. Ефрема и св. Златоуста, и въ заключеніе говоритъ: «посему молю васъ, не любите сквернословія, и игранія, и глумленія, удаляйтесь отъ душетлѣнныхъ бесѣдъ и всякимъ храненіемъ соблюдайте свои сердца отъ нечистыхъ и скверныхъ помысловъ, а свои очи сохраняйте отъ зрѣнія не полезнаго и отъ слышанія душевреднаго, и бѣгайте, какъ отъ змія, отъ роскоши и гордости, зависти и пьянства... Внимайте и трезвитесь и никогда не отступайте отъ ученія божественнаго писанія, но всегда поучайтесь въ немъ, читайте, пойте, внимайте прилежно молитвѣ..., не отлучайтесь отъ церковнаго собранія, подавайте нищимъ, бесѣдуйте о раѣ и царствѣ небесномъ, воспоминайте смерть, всекрасную же и премудрую простоту, и кротость, и смиреніе болѣе всего соблюдайте, да избавитъ насъ Господь отъ сѣтей вражіихъ и отъ всякаго плотскаго мудрованія, и отъ всѣхъ злокознен-

ныхъ людей, и да помилуетъ и спасетъ насъ....». Повторяемъ: слово это несомнѣнно было произнесено въ церкви.

Изъ четырехъ посланій Даніила одно написано имъ еще въ санѣ игумена. Это посланіе къ князю Юрію Іоанновичу Дмитровскому, брату вел. князя Василія Іоанновича. Оно весьма кратко и содержитъ отвѣтъ на вопросъ, переданный игумену Даніилу словесно келаремъ того же монастыря Саввою, по порученію князя Юрія: не слѣдуетъ ли держать постъ на праздникъ Успенія пресв. Богородицы, который случился тогда въ понедѣльникъ? Даніилъ увѣдомляетъ князя, что о постѣ въ понедѣльникъ писано въ правилахъ Іоанна постника и въ уставѣ іерусалимскомъ; но постъ этотъ налагается только въ видѣ епитиміи отцами духовными за нѣкоторыя дѣла, и притомъ налагается, если въ понедѣльникъ не бываютъ праздники. А потому нынѣ, когда въ понедѣльникъ случился праздникъ Успенія пресв. Богородицы, не должно быть поста не только для всѣхъ не находящихся, но и для находящихся подъ епитиміею, и разрѣшается и на мясо, и на вино, и на сыръ, и на яйца, во славу Божію и пречистой Богородицы ([309]).

На другомъ посланіи Даніила сохранилась помѣтка, что оно написано въ октябрѣ 1528 г., и слѣд. еще въ первой половинѣ его архипастырскаго служенія. Посланіе адресовано къ старцу Діонисію звенигородскому ([310]). Этотъ Діонисій былъ изъ рода князей звенигородскихъ, принялъ постриженіе отъ самого преп. Іосифа волоцкаго, какъ и митрополитъ Даніилъ,

---

([309]) Помѣщено въ Сборн. Импер. публ. библ., изъ Собранія графа Ѳ. А. Толстова, Отд. II, № 68, л. 282 обор., подъ заглавіемъ: «Посланіе Даниила игумена».

([310]) Акт. Истор. I, № 293.

съ которымъ, вѣроятно, и познакомился еще въ Іосифовой обители. Любя уединеніе, Діонисій, вмѣстѣ съ другимъ старцемъ княжескаго же рода—Ниломъ Полевымъ, удалился-было изъ Іосифовой обители на Бѣлоозеро, гдѣ оба и устроили для себя пустыньки близъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря. Но, по поводу сдѣланнаго ими донесенія препод. Іосифу о замѣченныхъ ими между нѣкоторыми пустынниками слѣдахъ жидовской ереси, оба подверглись гнѣву вел. князя, который приказалъ пустыньки ихъ сжечь, а самихъ взять въ Кирилловъ монастырь. Въ этомъ ли монастырѣ, гдѣ оба они «въ велицѣй нуждѣ многи скорби претерпѣша», или уже въ монастырѣ Іосифовомъ, куда они вскорѣ, по повелѣнію вел. князя, переселились, Діонисій подвергся разнымъ напастямъ, притѣсненіямъ и гоненіямъ, и въ своей скорби обратился съ письмомъ къ митрополиту Даніилу, прося его наставленія ([311]). Въ отвѣтномъ посланіи Даніила къ Діонисію можно различать двѣ главныя части. Въ первой, напомнивъ старцу, что онъ монахъ, отрекся отъ міра и далъ обѣтъ Христу терпѣть всякую скорбь и тѣсноту ради царствія небеснаго, святитель объясняетъ, что бѣдствія и скорби могутъ быть благотворны для насъ въ нравственномъ отношеніи, что посреди нихъ человѣкъ очищается отъ грѣховъ, какъ серебро и золото очищаются въ огнѣ, и въ подтвержденіе этой мысли указываетъ на пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, подвизавшихся въ общежитіяхъ, отшельниковъ и пустынниковъ, которые всѣ терпѣли многоразличныя бѣды и скорби, озлобленія и гоненія, и ими очищались отъ всякаго грѣха. Но бѣдствія и скорби могутъ быть для насъ благодѣтельными только тогда, когда мы

([311]) Нашей Истор. Русск. Церкви VI, 153 (изд. 1). 155 (изд. 2).

будемъ переносить ихъ безъ ропота, съ смиреніемъ и терпѣніемъ, съ благодарностію къ Богу и духовною радостію. «*Его же любитъ Господь, наказуетъ* и попущаетъ на него всякія скорби, чтобы онъ исправилъ себя и смирился, и пожилъ въ тихости и покоѣ, со смиреніемъ и умиленіемъ, безмолвно, безъ роптанія и зазрѣнія, никого не судя и не укоряя, а судя и укоряя только себя и оплакивая грѣхи свои». Во второй части приводитъ рядъ наставленій древнихъ подвижниковъ о необходимости повиноваться настоятелю: въ общежительномъ монастырѣ инокъ долженъ отсѣкать свою волю и безпрекословно повиноваться настоятелю; долженъ повиноваться настоятелю, и не осуждать, не укорять его, хотя бы всѣ его ненавидѣли и укоряли; долженъ повиноваться настоятелю безропотно, хотя бы самъ видѣлъ его небрежное и зазорное житіе. Отсюда можемъ заключать, что Діонисій, вѣроятно, терпѣлъ напасти и скорби и отъ настоятеля своего и жаловался на него Даніилу. Въ заключеніе митрополитъ совѣтуетъ старцу примириться со врагами, а если они не укротятся, то молиться за нихъ Богу и заботиться о спасеніи собственной души, любомудренно терпѣть находящія скорби и призывать на помощь Господа Бога и пречистую Богородицу.

Когда и къ кому написано третье посланіе Даніила, неизвѣстно ([312]). Митрополитъ обращается здѣсь къ какому-то иноку или міряннну: «ты писалъ мнѣ, какъ быть моей головѣ, ибо я сильно объятъ отъ блудныхъ помысловъ. Но о семъ не тебѣ только одному забота и подвигъ, а всѣмъ, подвизающимся

([312]) Находится въ Сборн. Моск. Дух. Акад., XVI в., въ 8-ю долю листа, № $\frac{\text{535 Волокол.}}{\text{166 Академ.}}$, л. 45—51. подъ заглавіемъ: «Посланіе Даніила митрополита».

Бога ради. Это борьба великая и предъ нами двоякая рать— въ душѣ и въ тѣлѣ». Затѣмъ предлагаетъ неизвѣстному наставленія — трезвенно и бодренно соблюдать сердце свое отъ блудныхъ помысловъ, всегда имѣть предъ очами страхъ Божій и помнить обѣты, данные при крещеніи: «отрицаюся сатаны, и всѣхъ дѣлъ его, и всея службы его, и всего студа его», т. е., обѣты *отложить* всего *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облечься* въ человѣка *новаго* и сохранять всѣ заповѣди Христовы. Далѣе учитъ во время борьбы съ помыслами прилежно молиться Богу и призывать на помощь угодниковъ Божіихъ, подвизавшихся о цѣломудріи и чистотѣ; а когда брань начнетъ подавлять тебя, тогда скорѣе встань, простри очи и руки на небо и молись такъ: «Ты силенъ еси, Господи, и Твой есть подвигъ: Ты ратуй и побѣди въ томъ, Господи, о насъ». А также возопій со смиреніемъ: «помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь; исцѣли мя, Господи, яко смутишася кости моя, и душа моя смутися зѣло...; изми душу мою, спаси мя ради милости Твоея». Если такъ будешь поступать въ борьбѣ съ помыслами, то опытно познаешь, что благодатію Божіею они сильно побѣждаются. Наконецъ, совѣтуетъ отвергать отъ себя даже друзей, если они соблазняютъ насъ, оберегать себя отъ видѣнія молодыхъ и красивыхъ лицъ и отъ слышанія бесѣдъ, возбуждающихъ страсти, никогда не празднословить и не говорить смѣхотворныхъ словъ, воздвигающихъ нечистые помыслы, а любить бесѣду духовную съ людьми добродѣтельными, украшенными сѣдиною въ старости маститой: «и Богъ соблюдетъ тя»,—заключаетъ свое посланіе святитель. Очевидно, что наставленія, кратко изложенныя Даніиломъ въ этомъ посланіи, суть тѣ же самыя, какія мы уже видѣли въ другихъ его посланіяхъ о цѣломудріи и чистотѣ.

Четвертое посланіе Даніила — одно изъ всѣхъ его посланій — имѣетъ характеръ не пастырскаго посланія, а частнаго письма, и содержитъ отвѣтъ какому-то знакомому митрополита, вопросившему его о состояніи его здоровья ([313]). Посланіе это такъ кратко и вмѣстѣ такъ любопытно по содержанію и своеобразности нѣкоторыхъ выраженій, что мы рѣшаемся представить его цѣликомъ и въ подлинномъ текстѣ. «Боголюбивыя твоея души нравъ, — пишетъ Даніилъ, — любомудрствуетъ и содѣваетъ вся о Бозѣ, о христолюбче и человѣколюбче, якоже бо любовь твоя о Христѣ всѣмъ явлена есть. Всю убо Господню евангельскую заповѣдь исполняя, въпрошаеши о здравіи смиренія моего, како пребываю и яко свободенъ ли есмь отъ немощей, или еще съдержимъ ими, яко отъ многихъ лѣтъ и временъ извѣстна тебѣ немощь моя и знаема тебѣ худость моя, боголюбче! Нынѣ же наипаче пребываю убо немощенъ трегубо: главою, нутремъ, ногами. И отъ сихъ много сугубо — и печаль, и утѣсненіе, и оскудѣніе смысла, и зубомъ болѣзни, и изнуреніе, и свѣта очію умаленіе, и крѣпости и силы изнеможеніе, и врачевъ, иже по Бозѣ, любомудрыхъ и еже о Христѣ духовныхъ философовъ пустость, и утѣшающихъ неполученіе, и друговъ вѣрныхъ оскудѣніе, и удаленіе духовныхъ сыновъ и добрыхъ пріятелей. Крѣпость вѣры изнеможе. Свойственницы же отчуждишася, домашнихъ же различныя клеветы и вражды умножишася, враждотворцы же радостнѣ прескакаютъ сѣмо и овамо, вражды творяще, рати воздвизающе. Врази не смиряются, бѣсовѣ радуются, человѣцы смущаются, варвары луки

([313]) Находится въ упомянутомъ выше (примѣч. 307) Сборн. Моск. Д. Ак., л. 425, подъ заглавіемъ: «Тогоже смиренаго Данила, митрополита всеа Руси, отвѣтъ к нѣкоему христолюбцу, въпрошьшу его о здравіи».

спѣютъ, іюдеи и еллини мечи острятъ, еретицы преграды и стѣны прелазятъ, копія уготовляютъ. Богу и Отцу, архіерею великому, пастырю и наставнику, и учителю, и начальнику спасенія нашего, Господу нашему Іисусу Христу купно вси обще молитву сотворимъ, и прилежно помолимъ сохранитися и спастися всѣмъ намъ. Аминь». Нельзя не чувствовать, какъ тяжело и печально было тогда положеніе митрополита Даніила, а отчасти и самой церкви. Посланіе написано святителемъ, вѣроятно, уже подъ конецъ его пастырскаго служенія.

Какъ бы кто ни судилъ о митрополитѣ Даніилѣ на основаніи тѣхъ свидѣтельствъ, какія оставили о немъ современники,—свидѣтельствъ, далеко не безпристрастныхъ ([314]),—собственныя сочиненія Даніила даютъ о немъ весьма выгодное понятіе. Это былъ, прежде всего, любитель просвѣщенія. Едва ли какую мысль онъ повторялъ такъ часто и съ такою настойчивостію, какъ мысль о необходимости читать «божественныя писанія», подъ именемъ которыхъ разумѣли тогда, въ обширномъ смыслѣ, не однѣ книги ветхаго и новаго завѣта, но и книги отеческія и церковныя, книги вообще благочестивыя и назидательныя или, общѣе, всю духовную письменность, за исключеніемъ только апокрифовъ, книгъ отреченныхъ, лживыхъ. Онъ убѣждалъ, чтобы не только пастыри и иноки, но и міряне, какъ можно, чаще читали божественныя писанія, и не просто читали, но испытывали ихъ, упражнялись въ нихъ съ великимъ любомудріемъ. Объяснялъ, что чтеніе божественныхъ писаній не только доставляетъ намъ познаніе о всемъ, относящемся къ нашей вѣрѣ и благочестію, но и вообще просвѣщаетъ умъ, направляетъ волю, успокои-

([314]) Нашей Ист. Русск. Церкви VI, 167 (изд. 1), 169 (изд. 2) и слѣд.

ваетъ и веселитъ сердце, укрощаетъ страсти, возбуждаетъ къ добродѣтели, и что все зло между нами, всѣ заблужденія, всѣ суевѣрія и пороки зависятъ, главнымъ образомъ, отъ незнанія нами божественныхъ писаній. И мало того, что Даніилъ призываетъ другихъ заниматься чтеніемъ и изученіемъ книгъ, онъ самъ любилъ читать ихъ, признавалъ это занятіе лучшимъ занятіемъ своей жизни и принадлежалъ къ числу самыхъ начитанныхъ и просвѣщенныхъ людей своего времени. Уже въ своемъ поученіи братіи, онъ, будучи игуменомъ, показалъ немалое знакомство съ твореніями отцевъ, особенно подвижниковъ, и съ правилами церкви; а въ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ обнаружилъ это знакомство и начитанность еще несравненно болѣе. Если въ главномъ литературномъ трудѣ преп. Іосифа волоколамскаго, «Просвѣтителѣ», насчитываютъ до сорока писателей, свидѣтельства которыхъ онъ приводитъ; то въ одномъ «Соборникѣ» митрополита Даніила можно насчитать почти до пятидесяти такихъ писателей. Не говоримъ уже о множествѣ свидѣтельствъ или отрывковъ, приводимыхъ имъ изъ богослужебныхъ книгъ, кормчей, житій святыхъ, прологовъ, синаксарей, патериковъ и разныхъ сборниковъ. Не напрасно Даніилъ, первый изъ русскихъ, удостоился получить имя «*доктора* Христова закона» или христіанскаго *Богословія* изъ устъ Максима Грека, который, какъ бывшій питомецъ западныхъ училищъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что разумѣлось тогда подъ этимъ именемъ. Даніилъ дѣйствительно обладалъ богословскою ученостію, какая была у насъ тогда возможна, и въ сочиненіяхъ своихъ болѣе всего поражаетъ массою самыхъ разнородныхъ познаній въ области духовной литературы. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы умственныя способности Даніила соотвѣтствовали его познаніямъ. Въ немъ виденъ умъ

здравый, но недовольно сильный отъ природы и недостаточно развитый; умъ, мало пріученный къ самодѣятельности и непривыкшій къ строгой, отчетливой, логической мыслительности. Это не господинъ, а какъ бы рабъ своихъ познаній; онъ не владычествуетъ надъ ними, а почти подавляется ими, и не умѣетъ распоряжаться ими, какъ бы слѣдовало. Понятія и сужденія его почти всегда вѣрны, но часто въ нихъ недостаетъ ясности и раздѣльности и еще чаще—связанности и основательности. Даніилъ изложилъ въ своихъ словахъ ученіе о свящ. преданіяхъ, писанныхъ и неписанныхъ, равно ученіе о таинствѣ воплощенія, съ такою обширностію и подробностію, съ какимъ доселѣ ни то ни другое ученіе у насъ не были изложены никѣмъ. Но онъ вовсе не различаетъ преданій догматическихъ отъ обрядовыхъ и приписываетъ послѣднимъ совершенно такую же важность, какъ и первымъ: а при раскрытіи догмата о воплощеніи, выразивъ кратко собственное исповѣданіе вѣры, довольствуется исключительно чужими мнѣніями и свидѣтельствами, которыя приводитъ въ громадномъ количествѣ. Онъ здраво разсуждаетъ о разныхъ обязанностяхъ христіанина, обязанностяхъ пастырей церкви и, въ частности, епископовъ, обязанностяхъ господъ къ рабамъ; правильно опредѣляетъ значеніе жизни мірской и брачной, по отношенію къ вѣчному спасенію, и жизни монашеской, значеніе и относительное достоинство разныхъ видовъ монашеской жизни, значеніе поста и внѣшнихъ подвиговъ; преподаетъ полезныя наставленія относительно жизни внутренней, духовной брани, борьбы съ грѣховными помыслами; вѣрно учитъ о дѣйствіяхъ Промысла Божія въ мірѣ, о постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, о смерти младенцевъ и о многомъ другомъ. Но почти всегда и во всемъ ограничивается только

общими понятіями и поверхностными замѣчаніями, а не углубляется въ истины, не раскрываетъ ихъ въ подробностяхъ и съ ихъ основаніями; рѣдко сосредоточивается на одномъ какомъ-либо предметѣ, большею частію перебѣгаетъ съ предмета на предметъ, повторяетъ одно и то же, уклоняется въ сторону, и вообще излагаетъ свои мысли безъ надлежащей отчетливости и послѣдовательности. Въ этомъ отношеніи Даніилъ много уступаетъ своему знаменитому наставнику преп. Іосифу волоколамскому, который, при богатствѣ свѣдѣній, обладалъ также сильнымъ и свѣтлымъ умомъ и глубоко развитою мыслительностію.

Еще на одну высокую черту въ характерѣ Даніила указываютъ намъ его сочиненія,—на его пламенную ревность о вѣрѣ и благочестіи, ревность о своемъ пастырскомъ долгѣ, о своемъ духовномъ стадѣ. Онъ смѣло боролся съ духомъ вольномыслія и противленія уставамъ церкви, господствовавшимъ тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, и училъ, наставлялъ, убѣждалъ православныхъ пребывать твердыми и непоколебимыми въ православіи, хранить неизмѣнно всѣ преданія церкви, писанныя и неписанныя, всячески оберегаться отъ лжеучителей и еретиковъ и стоять за истину Христову даже до смерти. Онъ зорко слѣдилъ и за нравственными недостатками и слабостями своихъ пасомыхъ и въ своихъ обличеніяхъ не щадилъ никого, ни богатыхъ и знатныхъ, ни пастырей и самихъ архипастырей, ни простыхъ иноковъ, ни ихъ властей, стараясь въ то же время дѣйствовать на обличаемыхъ словомъ кротости, любви и трогательными вразумленіями, увѣщаніями, даже мольбою.... Почти всѣ сочиненія Даніила направлены, болѣе или менѣе, противъ заблужденій и пороковъ его времени, и лучшія мѣста въ его сочиненіяхъ тѣ, гдѣ

онъ начинаетъ изображать эти заблужденія и пороки. Тутъ онъ оставляетъ свой спокойный, холодный тонъ и замѣтно одушевляется; слово его становится живѣе, образнѣе, краснорѣчивѣе; чувствуешь, что онъ проникнутъ тѣмъ, о чемъ говоритъ, и свои краски и образы беретъ прямо изъ жизни. Въ этомъ отношеніи сочиненія Даніила можно сравнить съ сочиненіями Максима Грека: въ тѣхъ и другихъ ярко отражаются современные недостатки русскаго народа.

Замѣчательно, что въ то время, именно въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія, когда наша духовная литература обогащалась трудами Максима Грека и митрополита Даніила, въ ней почти не явилось никакихъ другихъ новыхъ произведеній. Можно указать только на *житіе ярославскихъ князей Василія и Константина*, составленное, по порученію мѣстнаго архіепископа Кирилла, между 1526 и 1533 г., монахомъ *Пахоміемъ*, который, впрочемъ, весьма неискусно воспользовался разными заимствованіями изъ житія ярославскаго же князя Θеодора Чернаго, написаннаго прежде іеромонахомъ Антоніемъ ([315]), да на *посланія старца* псковскаго Елеазарова монастыря *Филоѳея*, два къ государеву дьяку Михаилу Мунехину, служившему во Псковѣ, и одно къ самому государю вел. князю Василію Іоанновичу. Въ посланіи къ Мунехину, написанномъ по случаю свирѣпствовавшей (1522 г.) во Псковѣ моровой язвы, Филоѳей укоряетъ мѣстныя власти за то, что они, принимая мѣры противъ язвы, запрещали священникамъ приходить къ больнымъ для исповѣданія ихъ и причащенія св. тайнамъ, и говоритъ, что душа каждаго человѣка

([315]) Есть въ Сборн. нашей библ. № 22, л. 19 — 50. Спес. *Ключевск.* Древне-русск. житія Святыхъ 175.

дороже всего міра и для спасенія ея сходилъ на землю самъ Сынъ Божій, — что казнямъ Божіимъ противиться не должно и суетно, что, и наказывая насъ, Господь заботится о насъ и даетъ заболѣвающимъ возможность покаяться предъ смертію и сподобиться св. таинъ; что и другія царства и города подвергались казнямъ Божіимъ, каковы наводненія, землетрясенія, нашествія варваровъ, и что посреди такихъ посѣщеній Божіихъ мы не должны роптать, напротивъ должны переносить ихъ съ терпѣніемъ и благодарностію, должны придти въ себя, покаяться и обратиться къ Богу всѣмъ сердцемъ ([316]). Другое посланіе къ Мунехину написано Филоѳеемъ по вызову самого Мунехина. Извѣстный Николай-нѣмчинъ, съ которымъ столько боролся Максимъ Грекъ, написалъ Мунехину, что въ 1524 г., по астрономическимъ наблюденіямъ, долженъ совершиться великій переворотъ или «премѣненіе» не только на землѣ, но и на солнцѣ и на лунѣ и во всемъ мірѣ. И вотъ, по поводу этого-то предсказанія, Мунехинъ и просилъ себѣ вразумленія у Филоѳея. Старецъ отвѣчалъ: всякая тварь, какъ учитъ божественное писаніе, обновляется и обращается, откуда произошла, Духомъ Святымъ, а не отъ звѣздъ это бываетъ. Звѣзды и планеты не имѣютъ ни чувства, ни жизни, даже движутся не сами собою, а переносятся съ мѣста на мѣсто невидимыми ангельскими силами, которыя потому и называются служебными духами. Толки о вліяніи звѣздъ и планетъ на жизнь, дѣйствія и судьбу человѣка, о злыхъ дняхъ и часахъ суть «кощуны и басни», ведущія свое начало отъ халдеевъ. Если бы Богъ сотворилъ злые дни и часы, за что сталъ бы Онъ и мучить грѣшныхъ? Онъ самъ былъ бы виновенъ въ томъ, что

([316]) Дополн. Акт. Ист. I, № 23.

народилъ человѣка злаго. Равно не отъ звѣздъ происходятъ перемѣны въ странахъ и царствахъ, а отъ вседающаго Бога, который за благочестіе возвышаетъ ихъ и утверждаетъ, а за грѣхи предаетъ на разореніе, какъ и предалъ, девяносто лѣтъ назадъ, царство греческое за то, что греки «предали православную вѣру въ латинство» (на флорентійскомъ соборѣ). Не должно однакожъ удивляться и вѣрить латинянамъ, когда они говорятъ: «наше царство римское неподвижно пребываетъ; еслибы мы неправо вѣровали, Господь не благоволилъ бы къ намъ». Они воистину суть еретики, своею волею отпавшіе отъ православной вѣры, особенно чрезъ опрѣсночное служеніе. Если стѣны ихъ великаго Рима не плѣнены, зато души ихъ плѣнены отъ діавола «опресноковъ ради». А греческое царство хотя взяли агаряне, но они вѣры не повредили и не принуждаютъ грековъ отступать отъ вѣры. При этомъ авторъ довольно подробно опровергаетъ ученіе латинянъ объ опрѣснокахъ и подтверждаетъ православное ученіе объ употребленіи кваснаго хлѣба въ таинствѣ евхаристіи. Наконецъ, обращаясь къ своему отечеству, старецъ говоритъ: теперь во всей поднебесной одинъ православный христіанскій царь — государь русскій, и св. вселенская церковь, вмѣсто Рима и Константинополя, сіяетъ свѣтлѣе солнца въ Москвѣ. Два Рима пали, третій — Москва стоитъ, а четвертому не быть. Всѣ христіанскія царства пришли въ конецъ и сошлись въ одно царство нашего государя; всѣ христіанскія царства «потопишася отъ невѣрныхъ», только царство одного нашего государя, благодатію Христовою, стоитъ. Подобаетъ царствующему вел. князю держать это съ великимъ опасеніемъ и обращеніемъ къ Богу и уповать не на золото и богатство исчезающее, но на дающаго все Бога. А звѣзды не могутъ ничего ни прибавить, ни

отнять ([317]). Всѣ эти мысли о паденіи перваго и втораго Рима и всѣхъ христіанскихъ царствъ и о высокомъ значеніи Москвы и царства русскаго, равно и самое наставленіе вел. князю бояться Бога и уповать не на золото и богатство, а на Бога, Филоѳей повторяетъ, почти тѣми же словами, и въ началѣ своего посланія къ вел. князю Василію Іоанновичу. И затѣмъ убѣждаетъ князя исполнить, въ частности, еще три заповѣди: а) позаботиться, чтобы всѣ въ Россіи право возлагали на себѣ крестное знаменіе; б) наполнить соборныя церкви епископами, да не вдовствуетъ св. Божія церковь, и не обижать, какъ завѣщали прежніе князья, церквей и монастырей относительно ихъ имущества, и в) искоренить въ православномъ царствѣ русскомъ «горькій плевелъ»—содомскій грѣхъ, который умножился не только между мірскими людьми, но и другими. Въ заключеніи старецъ умоляетъ князя щедротами Божіими перемѣнить скупость на щедрость, немилосердіе на милость, утѣшить плачущихъ и вопіющихъ день и ночь, избавить обидимыхъ изъ руки обидящихъ, и, повторивъ мысль, что всѣ царства христіанскія сошлись въ одно царство русское, что два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть, снова умоляетъ вел. князя внимать себѣ Господа ради и съ помощію Его устроять благочестиво свое царство ([318]).

Можно упомянуть здѣсь еще объ одномъ писателѣ, правда, не русскомъ, а сербѣ, но написавшемъ для Россіи три похвальныхъ слова: одно въ честь черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора и два въ честь соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія: имя писателя — *Левъ Филологъ чер-*

([317]) Правосл. Собесѣдн. 1861. II, 78—96.
([318]) Правосл. Собесѣдн. 1863, I, 337.

норизецъ. Когда и по какому поводу написано имъ первое слово, неизвѣстно; но изъ содержанія слова видно, что авторъ имѣлъ свѣдѣнія въ русской исторіи, зналъ недостатки русскаго народа и обращается къ своимъ слушателямъ, какъ бы находящійся и проповѣдующій среди нихъ лично: можетъ быть, онъ и дѣйствительно временно жилъ въ Россіи ([319]). Къ написанію же двухъ остальныхъ словъ Филологъ вызванъ былъ самою братіею Соловецкаго монастыря, которая нарочно посылала къ нему въ Сербію своего инока Богдана съ просьбою о написаніи этихъ словъ. Богданъ сообщилъ ему извѣстныя житія соловецкихъ чудотворцевъ, Доспоеево и Спиридоново, и передалъ еще устно нѣкоторыя другія свѣдѣнія. На основаніи всего этого Филологъ и написалъ похвальныя слова: въ одномъ изъ нихъ онъ упоминаетъ о вел. князѣ Василіи Ивановичѣ, какъ уже умершемъ († 1533), и о правительницѣ Еленѣ, какъ еще живущей († 1538); слѣд. слова написаны между двумя этими годами ([320]). Всѣ три сочиненія Филолога показываютъ въ немъ человѣка довольно образованнаго и знакомаго съ твореніями св. отцевъ, особенно проповѣдниковъ, которымъ онъ и старался подражать, но крайне преданнаго правиламъ риторики. Онъ любитъ тропы, метафоры, аллегоріи; употребляетъ сравненія, противуположенія, повторенія одного и того же въ разныхъ формахъ. Выражаетъ мысли свои растянуто, велерѣчиво, напыщенно. Слогъ его искусственный, туманный.

([319]) Слово напечатано въ *Макар.* Чети-мин., сент. 20, изд. Археогр. Коммис. О самомъ Филологѣ — въ Прибавл. къ Твор. св. Отц. XVIII, 522 и слѣд.

([320]) Оба слова напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1859, II и III, подъ именемъ *Зиновія.* А что они принадлежатъ не Зиновію, а Филологу—см. Приб. Твор. св. От. XVIII, 522 и слѣд.

чуждый простоты и естественности. Похвальныя слова этого писателя серба заслуживаютъ нашего вниманія только потому, что они для нашихъ тогдашнихъ малограмотныхъ книжниковъ казались образцами краснорѣчія, нашли себѣ между ними усердныхъ подражателей и немало способствовали къ усиленію и безъ того уже господствовавшаго у насъ многословія и риторизма.

Но если въ періодъ литературныхъ трудовъ Максима Грека и митрополита Даніила такъ мало явилось въ Россіи другихъ писателей и ихъ произведеній, зато въ этотъ самый періодъ началась уже обширная и плодотворная литературная дѣятельность Макарія, сперва только новгородскаго архіепископа, а потомъ всероссійскаго митрополита.

IV.

Макарію, по праву, должно принадлежать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей древней духовной словесности. Это право онъ пріобрѣлъ не столько своими сочиненіями, и не многочисленными, и не представляющими ничего особеннаго въ ряду другихъ тогдашнихъ сочиненій, сколько тѣмъ, что потрудился собрать воедино, по возможности, всѣ памятники нашей прежней письменности, переводной и оригинальной, какими пользовались предки наши въ продолженіе вѣковъ отъ начала у насъ христіанства; а съ другой стороны— тѣмъ, что сумѣлъ возбудить вокругъ себя сильное литературное движеніе и чрезъ то способствовалъ къ обогащенію нашей словесности множествомъ новыхъ произведеній.

Подъ именемъ Макарія мы знаемъ нѣсколько граметъ, одно

поученіе, три рѣчи и три посланія ([321]). Но первыя, т. е., грамоты, нельзя, съ непререкаемостію, называть сочиненіями самого Макарія и относить къ произведеніямъ, въ строгомъ смыслѣ, литературнымъ. Всѣ онѣ содержатъ въ себѣ собственно церковно-правительственныя постановленія и распоряженія и могли быть составлены не лично Макаріемъ, а кѣмъ-либо изъ дьяковъ и подобныхъ лицъ, по его приказанію, какъ обыкновенно составляются такія бумаги. Притомъ, однѣ изъ этихъ грамотъ заключаютъ въ себѣ рѣшенія и распоряженія самого Макарія, то какъ архіепископа новгородскаго, то какъ митрополита, а другія представляютъ постановленія и распоряженія цѣлыхъ соборовъ, и слѣд. тѣмъ менѣе могутъ быть признаны за его сочиненія ([322]). Коснувшись всѣхъ этихъ грамотъ, а

([321]) Къ сочиненіямъ Макарія, и именно къ учительнымъ его посланіямъ, Обзоръ Русской дух. литературы (§ 132) относитъ еще — 1) *Дѣянія собора противъ Башкина*, которыя будто бы писалъ Макарій даже своею рукою, и въ доказательство указываетъ на то, что въ описи тогдашняго царскаго архива упоминаются «дѣла соборные подлинные, въ листехъ, за митрополичьею рукою, на Матѳея Башкина.... и иныхъ» (Акт. Эксп. I, стр. 349). Но выраженіе: «дѣла за митрополичьею рукою», значитъ только: «дѣла за подписью митрополита», или: «дѣла, подписанныя, скрѣпленныя рукою митрополита», а отнюдь не дѣла, писанныя и сочиненныя самимъ митрополитомъ. Да и достаточно взглянуть на содержаніе этихъ дѣлъ (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, III, отд. II), чтобы понять, что это—не сочиненіе митрополита. Тотъ же Обзоръ къ назидательнымъ писаніямъ Макарія относитъ—2) *Поученіе о молитвѣ* и ссылается на Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 626. Но, по справкѣ съ самою рукописью (XVII — XVIII в.), въ которой помѣщено это весьма краткое поученіе или, вѣрнѣе, отрывокъ, оказывается, что оно цѣликомъ и дословно выписано изъ 16-й главы Стоглава (стр. 105—107, по изд. Казан.), съ которымъ обыкновенно соединяли впослѣдствіи имя Макарія. Въ чинѣ вѣнчанія на царство царя Ивана Васильевича находится поученіе, которое сказалъ ему, послѣ коронованія, митрополитъ Макарій, но самимъ ли Макаріемъ составлено вновь это поученіе, не сказано (Дополн. къ Акт. Ист. I, № 39, стр. 48).

([322]) Грамоты Макарія, новгород. архіепископа: а) въ Вотскую пятину объ искорененіи языческихъ требищъ (Доп. Акт. Ист. I, № 28); б) уставная—

нѣкоторыя и изложивъ довольно подробно, въ другихъ мѣстахъ, соотвѣтственно ихъ содержанію, мы займемся здѣсь разсмотрѣніемъ только дѣйствительныхъ сочиненій митрополита Макарія.

Единственное, дошедшее до насъ, поученіе Макарія онъ произнесъ въ церкви къ царю Ивану Васильевичу и царицѣ Анастасіи, по совершеніи надъ ними таинства брака. Въ этомъ поученіи двѣ главныя части. Въ первой святитель преподаетъ царственнымъ супругамъ общія наставленія объ обязанностяхъ христіанскихъ и царскихъ. «Нынѣ,—говоритъ онъ,—вы сочетались отъ Бога законнымъ бракомъ, какъ и прочіе св. цари и св. царицы, и почтены и вѣнчаны царскимъ вѣнцомъ великаго царства россійскаго. Постарайтесь же и вы, благочестивый царь и царица, воздать за то славу всесильному Богу, въ Троицѣ поклоняемому, сколько у васъ есть силы; заповѣди Его творите, по волѣ Божіей живите и любите судъ и правду и милость ко всѣмъ». Затѣмъ перечисляетъ, въ частности, нѣкоторыя *обязанности христіанскія*: «къ церквамъ Божіимъ приходите со страхомъ и трепетомъ и съ сердечною любовію; воздавайте честь Господу Богу нашему Іисусу Христу и Его пречистой Матери, заступницѣ всего міра, сущей Богородицѣ,

---

Духовскому монастырю объ общежительствѣ (Акт. Ист. I, № 292). Грамоты Макарія - митрополита: а) объ отправленіи молебствій по случаю голода (Дополн. Акт. Ист. I, № 221); б) съ разрѣшеніемъ двухъ случаевъ—о священникѣ, служившемъ литургію безъ епитрахили, и другомъ, не окончившемъ литургіи (Акт. Эксп. I, № 253). Грамоты Макарія, содержащія соборныя опредѣленія: а) окружная—послѣ собора 1547 г. объ установленіи празднованія новымъ русскимъ святымъ (Акт. Эксп. I, № 213); б) двѣ наказныя послѣ Стоглаваго собора (нашей Истор. VI, примѣч. 292); в) уставная съ постановленіемъ того же собора (Времен. Моск. Ист. Общ. XIV, отд. 3); г) соборная—о виновности игумена Артемія и заточеніи его въ Соловецкій монастырь (Акт. Эксп. I, № 239).

покрову и прибѣжищу въ бѣдахъ и скорбяхъ, всѣмъ намъ христіанамъ помощницѣ и заступницѣ, а также и великимъ чудотворцамъ. Къ честнымъ монастырямъ держите великую царскую вѣру и любовь, нищимъ творите милостыню, вдовицъ и сиротъ и обидимыхъ заступайте, въ темницахъ заточенныхъ посѣщайте: все это жертвы, угодныя и пріятныя Богу. Святителей и священниковъ вашего царства не стыдитеся, минишескій чинъ наиболѣе почитайте: ибо честь, оказываемая святителямъ и священникамъ, восходитъ на Бога, а безчестіе имъ въ высшей степени прогнѣвляетъ Бога». Далѣе—*обязанности царскія*: «языка льстиваго и слуха суетнаго не принимайте, оболгателя не слушайте, злымъ людямъ не вѣрьте, но все это творите со испытаніемъ по Богѣ. Братію свою и сродниковъ по плоти, о благочестивый царь и царица, любите и почитайте по царскому своему духовному союзу и по божественному Апостолу; бояръ своихъ и боярынь и всѣхъ вельможъ жалуйте и берегите по ихъ отечеству; ко всѣмъ же князьямъ и княжатамъ, и къ дѣтямъ боярскимъ, и ко всему христіанскому воинству, и ко всѣмъ своимъ доброхотамъ, будьте доступны и милостивы по царскому своему сану и чину. Всѣхъ же православныхъ христіанъ жалуйте и попеченіе о нихъ имѣйте отъ всего сердца; за обидимыхъ стойте царски и мужески, и не попущайте, не давайте обижать не по суду и не по правдѣ: ибо вы пріяли, царь и царица, царство отъ Бога, чтобы судить людей по правдѣ, и вы должны охранять его бодрственно отъ дикихъ волковъ, да не растлятъ Христова стада словесныхъ овецъ, отъ Бога вамъ врученнаго. И если сохраните это, блаженны будете и Богъ мира будетъ съ вами». Во второй части архипастырь поучаетъ царственную чету исключительно обязанностямъ супружескимъ: «особенно тебѣ

говорю, о благочестивый царь, люби супругу свою царицу Анастасію, Богомъ тебѣ данную, и живи съ нею благочестно, и жалуй ее, и почитай ее. А тебѣ, о благочестивая госпожа и христолюбивая царица, говорю: слушай и почитай отъ Бога даннаго тебѣ царя и мужа, великаго князя Ивана Васильевича, самодержца всей Россіи, и бойся его, и покоряйся ему во всемъ, и имѣй его честнымъ и похвальнымъ и главою во всемъ; ибо какъ крестъ глава церкви, такъ и царь глава царицѣ и прочимъ всѣмъ». Въ подтвержденіе и поясненіе своихъ мыслей святитель приводитъ затѣмъ слова книги Бытія объ установленіи брака, изреченія Спасителя о важности и нерасторжимости брака, ученіе апостола Павла о взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ, и указываетъ на примѣры ветхозавѣтныхъ праведниковъ Сифа, Ноя, Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Аарона, также новозавѣтныхъ — апостола Петра, св. царя Константина и другихъ, которые, живя съ женами, угодили Богу. Въ заключеніе, преподавъ еще нѣсколько краткихъ уроковъ объ обязанностяхъ, какъ обще-христіанскихъ, такъ и супружескихъ, проповѣдникъ выражаетъ царственнымъ супругамъ благожеланія: «ревнуйте же, благочестивый царь и царица, добрымъ дѣламъ; ходите тѣмъ путемъ, которымъ ходили святые и праведные цари; отвращайтесь отъ зла и бойтесь Бога; Воскресеніе Господне и праздники Господскіе и Богородичные и великихъ святыхъ имѣйте честно; въ среду и пятокъ и въ великую четыредесятницу пребывайте въ постѣ и молитвахъ и въ чистотѣ тѣлесной; на покаяніе къ отцамъ духовнымъ приходите, отъ божественныхъ и пречистыхъ таинъ не удаляйтесь; святую и свѣтлую недѣлю и прежде названные праздники торжественно празднуйте, духовно, а не тѣлесно церквамъ Божіимъ и убогимъ, по силѣ своей, подавайте мило-

стыню и совокупляйтесь о Богѣ въ благополучное время. Если такъ поживете, то узрите благая Іерусалима, и во всѣ дни жизни своей увидите сыновъ своихъ и внуковъ на своемъ христолюбивомъ царствѣ. И умножитъ Господь лѣта живота вашего, и устроитъ Господь царство ваше мирно и вѣчно въ родъ и родъ и на вѣки, и въ многіе роды и лѣта. И вы не только получите здѣсь желаемое, но и будете наслѣдниками царства небеснаго, со всѣми православными св. царями, которое да удостоимся получить и мы съ вами благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа....» ([323]).

Всѣ рѣчи и посланія митрополита Макарія, какія дошли до насъ, относятся къ одному и тому же великому событію царствованія Іоаннова—покоренію царства казанскаго, и всѣ занесены въ современную лѣтопись или описаніе этого событія. Когда Іоаннъ въ первый разъ двинулся съ полками своими къ Казани и прибылъ во Владиміръ, онъ вызвалъ туда митрополита, чтобы принять отъ него благословеніе. Макарій, благословивъ царя и потомъ его бояръ, воеводъ, князей и прочихъ, сказалъ имъ слѣдующую, весьма простую и краткую рѣчь: «господа и чада! Послушайте, Бога ради, нашего смиренія. Царь и великій князь, призвавъ на помощь Бога и пречистую Богородицу и св. великихъ чудотворцевъ, идетъ на свое дѣло земское къ Казани беречь свое земское дѣло, сколько ему милосердый Богъ поможетъ и Пречистая. А вы бы, господа и чада, царю государю послужили веледушно, сердечнымъ хотѣніемъ, и за святыя церкви, и за православное христіанство. Не гордитесь другъ предъ другомъ, но соединитесь

([323]) Древн. Росс. Вивл. XIV, 227; Дополн. Акт. Ист. I, № 40.

Христовою любовію на подвигъ ради стада Христова, чтобы увѣнчаться отъ мздораздаятеля Бога, а отъ земнаго царя получить честь; гордый же удаляетъ себя отъ Бога и отъ людей. Государь хочетъ васъ за службу жаловать и за отечество беречь: и вы бы служили, сколько вамъ Богъ поможетъ, а розни бы и мѣстъ между вами никакой не было, но соединитесь любовію нелицемѣрною, чтобы стать противъ враговъ мужественно. Если случится, что кому съ кѣмъ неприхоже, ради отчества, быть на брани противъ враговъ, вы бы предали то забвенію, а государево дѣло земское дѣлали и не яростною мыслію взирали другъ на друга, но любовію. А какъ съ государева дѣла земскаго придете, то кто захочетъ посчитаться съ кѣмъ объ отчествѣ, государь дастъ счетъ. Да будетъ на васъ благословеніе нашего смиренія». Такою же простотою отличается и другая, еще болѣе краткая, рѣчь Макарія, обращенная къ самому государю, когда послѣдній просилъ его благословенія, рѣшившись построить въ землѣ казанской городъ Свіяжскъ, чтобы удобнѣе дѣйствовать противъ казанцевъ. «Тебѣ, царю,—сказалъ митрополитъ, — подобаетъ, возложивъ упованіе на Бога и на пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцевъ, подвизаться за благочестіе и за порученную тебѣ отъ Бога паству, какъ Духъ Святый тебя наставитъ, да не расхитятъ безбожные волки порученныхъ тебѣ овецъ, и Владыка, видя твою неизмѣнную вѣру и что ты преданное тебѣ мужественно пасешь, да соберетъ воедино расхищенныхъ. Богъ тебя, государя, благословитъ: о Богѣ начинать—дѣло великое; но только начинать принадлежитъ человѣку, а совершать—Богу. Мы же, твои богомольцы, должны молить Бога и пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцевъ, да пошлетъ

тебѣ Богъ помощь и утвержденіе» ([324]). Очень вѣроятно, что обѣ эти рѣчи не были предварительно написаны, а произнесены митрополитомъ безъ приготовленія: такъ онѣ безъискуственны и кратки.

Не таковы посланія Макарія, слѣдовавшія скоро одно за другимъ: это сочиненія довольно пространныя, изложенныя по-книжному, витіеватыя и многорѣчивыя, хотя и не въ одинакой степени. Первое написано отъ 25 мая 1552 г. въ городъ Свіяжскъ къ царскому войску и жителямъ, по случаю свирѣпствовавшей между ними страшной цынги и недобрыхъ слуховъ о ихъ поведеніи. Преподавъ въ самомъ началѣ посланія благословеніе князьямъ, боярамъ, воеводамъ, дѣтямъ боярскимъ и всѣмъ воинскимъ людямъ и всему христоименитому народу, архипастырь изображаетъ предъ ними недавнія благодѣянія Божіи: «Божіею волею и великою Его милостію и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ Святыхъ, отъ вѣка Богу угодившихъ, и вѣрою несомнѣнною и моленіемъ прилежнымъ, и подвигомъ крѣпкимъ, и упованіемъ неуклоннымъ ко всемогущему Богу благочестиваго и христолюбиваго царя нашего Ивана, боголюбиваго и человѣколюбиваго, и по благословенію нашего смиренія, и моленіемъ всего святительскаго и священнаго чина и всего православнаго христіанства, благоволилъ Богъ, чтобы создался градъ сей и въ немъ св. Божіи церкви въ честь, похвалу и славу пречистаго и превеликаго имени Его, въ Троицѣ славимаго, и пренепорочной и пречистой Его Матери, Богородицы, и всѣхъ Святыхъ. И устроился градъ сей, и наполнился множествомъ народа людскаго, и исполнился всякаго блага. И

([324]) Ник. Лѣт. VII, 67—68. 73—74.

даровалъ Господь Богъ благочестивому царю нашему и всему его христолюбивому воинству свѣтлую, безъ крови, побѣду на всѣхъ сопротивныхъ. Казанское царство покорилось и отдалось во всю волю благочестиваго государя, царя нашего, а казанскій царь и царица предались въ руки его, и крѣпкая держава ихъ — крымскіе князья и уланы и мурзы плѣнены воинствомъ православнаго царя нашего. Благочестивый царь нашъ и государь вручилъ городъ Казань своему царю Шигъ-Алею со всѣми казанскими улусами, а горная Черемиса вся приложилась къ новому городу Свіяжску подъ власть нашего государя—царя и великаго князя. И тьмочисленное множество христіанскихъ плѣнниковъ, мужескаго пола и женскаго, юношей, дѣвицъ и младенцевъ съ радостію возвращаются изъ рукъ поганыхъ во-свояси, безъ всякихъ препятствій, Божіею милостію и государскою свободою и вашимъ мужествомъ и храбростію. Крымскій царь, ногайскіе князья, многія орды, литовскій и нѣмецкіе короли присылали къ нашему царю и государю своихъ посланниковъ съ мировыми граматами и честными дарами ради мира и любви, и всѣ концы земли устрашились, и изъ многихъ странъ цари и царевичи приходили къ нашему царю своею волею служить за его ласку и великое жалованье. Города наши и страны были мирны и пребывали безъ мятежа. А казанскіе урожденные князья, мурзы, сеиты, уланы и всѣ чиновные люди сами, по своей волѣ, пришли служить къ нашему благочестивому царю, промысломъ Божіимъ и изъ страха предъ православнымъ царемъ нашимъ....». Представивъ такую картину милостей Божіихъ, митрополитъ спрашиваетъ: «чтожъ воздадимъ Господу Богу нашему за всѣ эти неизреченныя блага, или какое принесемъ Ему благодареніе и похвалу?» И отвѣчаетъ: «внимайте, чада,

чего за то отъ насъ требуетъ Богъ: Онъ требуетъ только, чтобы мы соблюдали Его заповѣди (а заповѣди Его не тяжки), чтобы мы только имѣли истинную правду, непорочную и теплую вѣру ко всемогущему Богу, милость, миръ, нелицемѣрную любовь ко всѣмъ, судили праведно, заступались за бѣдныхъ, освобождали плѣнныхъ и хранили душевную и тѣлесную чистоту, всегда воспоминали смертный часъ, страшный судъ и Христово пришествіе. Особенно надобно воздерживаться отъ объяденія и пьянства и отъ всякаго непотребнаго глумленія и смѣха и не дѣлать другимъ того, что себѣ нелюбо. Еще молю васъ, чада, никакъ не презирайте церковнаго пѣнія, но всегда приходите въ церкви Божіи со страхомъ Божіимъ и чистою совѣстію, не имѣя ни гнѣва, ни вражды ни на кого, слушайте божественное пѣніе со всякимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ, отложивъ всякое мірское попеченіе и представляя себя какъ бы на небеси стоящими, и отъ своихъ праведныхъ трудовъ приносите молостыню церковнымъ служителямъ и нищимъ, да пріимите сугубо отъ мздовоздаятеля Бога... И не только вы сами должны исполнять евангельскія заповѣди и апостольское и отеческое преданіе, но должны и подвластныхъ вамъ учить и направлять во благо, — ибо вы есте глава,—и не попущайте и другимъ заблуждать отъ пути Божія». Отъ этихъ наставленій духовнымъ чадамъ, какъ бы имъ надлежало жить и поступать, чтобы быть благодарными предъ Богомъ, святитель переходитъ къ обличеніямъ ихъ дѣйствительной жизни и поступковъ и продолжаетъ: «недобрый слухъ носится нынѣ и дошелъ до благочестиваго царя, и до нашего смиренія, и до многихъ людей, что нѣкоторые изъ васъ, отвергши страхъ Божій, уклонились въ страсти безчестія, — и оттого, востязуя васъ, пишу сіе. О чада! Откуда посрами-

лась мудрость разума вашего..., и вы, содержа православную вѣру, побѣждены злострастіемъ скверныя похоти. О, злое произволеніе! Сотворилъ насъ Богъ по своему образу и подобію; и явились неблагодарные, стали ходить по плоти, а не по духу, забывъ, что плотская мудрость — вражда на Бога и закону Божію не повинуется; накладаютъ бритву на брады свои, творя угодіе женамъ, увы, забывъ страхъ Божій, и царскую заповѣдь презрѣвши, и свою совѣсть поправши. Не подобаетъ такъ поступать находящимся въ православной вѣрѣ: ибо это дѣло латинской ереси и чуждо христіанскому обычаю, и творящій это поругается образу Бога, создавшаго его по своему образу, и такимъ образомъ, по своему безумію и законопреступленію, безъ срама и стыда, совершаетъ блудъ съ молодыми юношами,—содомское, злое, скаредное и богомерзкое дѣло. Особенно же не могу умолчать о томъ безуміи, что, не переставая досаждать Богу, оскверняютъ и растлѣваютъ освобожденныхъ Богомъ изъ поганыхъ рукъ плѣнниковъ, благообразныхъ женъ и добрыхъ дѣвицъ. Слыша отъ многихъ, что столько зла совершается въ васъ, мы глубоко оскорбились, и великая печаль и болѣзнь объяли мое сердце, и я горько возстеналъ: о горе и увы,—мы превратили Божію милость на гнѣвъ, а кротость на ярость! Посмотрите и уразумѣйте мечъ и ярость гнѣва Божія: какое множество людей погибаютъ между вами въ нынѣшнее время отъ различныхъ казней, отъ смертоносія и потопленія!». За обличеніями слѣдуютъ увѣщанія и угрозы: «молю всѣхъ васъ отъ всей души со слезами, престаньте отъ такого злаго обычая. Или не знаете, не ради ли этой блудной страсти и многаго нечестія и законопреступленія навелъ Богъ потопъ на вселенную, попалилъ огнемъ землю содомскую и гоморскую и истребилъ великій городъ

Ниневію?... Если слово Божіе вмѣщается въ васъ, чада мои, и вы примите наше смиренное и умиленное моленіе и божественное поученіе и престаните отъ вашихъ злыхъ дѣлъ, и съ истиннымъ покаяніемъ прибѣгните къ Богу, съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ, отложивъ всякую гордость и неправду, исполняя наложенныя отъ духовныхъ отцевъ епитиміи и очищая себя слезами и милостынею, то вы получите отпущеніе грѣховъ и Бога найдете милостивымъ: ибо самъ Онъ сказалъ: *обратитеся, ко мнѣ и обращуся къ вамъ*. Если, чада, истинно покаетесь (а истинное покаяніе — престатіе отъ грѣха), то сотворите радость не только благочестивому царю и нашему смиренію и всѣмъ, работающимъ на земли Господу въ заповѣдяхъ Его, но и всѣмъ небеснымъ силамъ, какъ писано..., а наиболѣе самому Богу. Если же нѣкоторые изъ васъ, забывъ страхъ Божій, и заповѣдь царскую, и наше духовное наставленіе, не станутъ каяться въ своихъ согрѣшеніяхъ и впредь начнутъ брить или обсѣкать бороду, или подстригать усы, или впадать въ скверные, содомскіе грѣхи съ отроками, или начнутъ впадать въ прелюбодѣйство и блудъ съ плѣнными женами и дѣвицами, и потомъ будутъ обличены: то всѣмъ такимъ быть отъ благочестиваго царя въ великой опалѣ, а отъ нашего смиренія и отъ всего священнаго собора — въ отлученіи, по свящ. правиламъ, отъ св. церкви и всякой святыни.... А милость Божія и пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе, да и нашего смиренія соборное благословеніе, да будутъ съ вашимъ благородствомъ во вѣки» ([325]). Легко примѣтить, что порядокъ и теченіе мыслей въ этомъ посланіи самые естественные, а витіеватость и многорѣчіе довольно умѣренныя.

([325]) Ник. Лѣт. VII, 108; Акт. Ист. I, № 159.

Другое посланіе Макарій написалъ спустя полтора мѣсяца (отъ 13 іюля 1552 г.) въ городъ Муромъ къ самому царю Ивану Васильевичу, когда онъ снова выступилъ въ походъ на Казань. Въ этомъ посланіи можно различать четыре части. Въ первой, вступительной, митрополитъ прежде всего благословляетъ царя не самъ только, но и отъ лица своихъ сослужителей—архіепископовъ и епископовъ съ архимандритами, игуменами и со всѣми свящ. соборами русской митрополіи, а затѣмъ говоритъ, что всѣ они вмѣстѣ молятъ всемилостиваго Бога и Его пречистую Матерь о своемъ благочестивомъ государѣ, съ его семействомъ, о всѣхъ его князьяхъ, боярахъ, воеводахъ и всемъ христолюбивомъ воинствѣ, да даруетъ имъ Господь постоять твердо противъ супостатовъ — безбожныхъ татаръ казанскихъ, за св. Божія церкви, и за всѣхъ православныхъ христіанъ, неповинно взятыхъ въ плѣнъ, и за чистую христіанскую вѣру греческаго закона, подобно солнцу, сіяющую въ Россіи; да пошлетъ Господь ему—благочестивому царю и его воинству на помощь противъ враговъ воеводу небесныхъ силъ—архистратига Михаила, какъ посылалъ древле (при чемъ разсказываются случаи чудесной помощи архистратига Аврааму, Іисусу Навину, Гедеону, царю Іезекіи, во время борьбы ихъ со врагами); да покоритъ Господь благочестивому царю всѣхъ враговъ его, видимыхъ и невидимыхъ, и да исполнитъ его царское желаніе, по молитвамъ св. Іоанна предтечи, св. апостоловъ и всѣхъ святыхъ (при чемъ перечисляются по̀ именамъ многіе святые, въ особенности русскіе, изъ рода князей—сродниковъ царя). Всѣ эти мысли о молитвѣ изложены крайне растянуто и съ неоднократными повтореніями одного и того же. Во второй части митрополитъ преподаетъ государю и его воинамъ нравственныя наставленія: «молимъ тебя, бла-

гочестиваго царя, и брата твоего князя Владиміра Андреевича, и всѣхъ твоихъ вельможъ, князей, бояръ, и все твое христолюбивое воинство, да пребудете въ чистотѣ, смиреніи, мудрости, цѣломудріи, покаяніи и въ прочихъ добродѣтеляхъ. Особенно же молимъ и благословляемъ, да пребудутъ у тебя, благочестиваго царя, всѣ твои вельможи и все твое христолюбивое воинство въ любви, и въ послушаніи, и въ страхѣ, и въ мирѣ, и въ соединеніи, и въ союзѣ на враговъ, во всемъ по волѣ Божіей. Если *сердце царево въ руцѣ Божіей*, то всѣмъ подобаетъ ходить и повиноваться по волѣ Божіей и по царскому велѣнію.... И потомъ молимъ и благословляемъ ваше боголюбство отнынѣ и впредь, да сохраните себя всѣ отъ гордости, и пьянства, и паденія, душевнаго и тѣлеснаго, и да не считаетъ никто за малый грѣхъ гордость, паденіе и пьянство, напротивъ это грѣхи великіе....». Затѣмъ митрополитъ приводитъ слова апостола, что эти грѣхи лишаютъ человѣка царства небеснаго; указываетъ на примѣры, какъ чрезъ эти грѣхи падали великіе праведники—Ной, Лотъ, Сампсонъ, Давидъ, Соломонъ, и какъ напротивъ другіе, сохранявшіе смиренную мудрость и чистоту въ самомъ бракѣ, побѣждали враговъ своихъ и пріобрѣтали славу, каковы были греческіе цари Константинъ Великій и Өеодосій и русскіе князья—равноапостольный Владиміръ, Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій и другіе; напоминаетъ царю, что теперь время благопріятное для него и его воиновъ потрудиться подвигомъ добрымъ за истину и, если случится, потерпѣть ради Христа скорби и болѣзни, и снова убѣждаетъ всѣхъ пребывать въ чистотѣ, и покаяніи, и прочихъ добродѣтеляхъ, особенно же въ смиреніи, ради котораго Богъ покоритъ царю всѣхъ его враговъ, и пошлетъ ему на помощь ангеловъ своихъ и всѣхъ св.

мучениковъ. Въ третьей части митрополитъ изрекаетъ царю и его воинамъ обѣтованія: «если, о благочестивый царь, случится кому изъ православныхъ христіанъ на той брани пострадать до крови за св. церкви и за св. вѣру христіанскую и за множество народа людей православныхъ, и потомъ остаться живымъ,—такіе пролитіемъ своей крови, поистинѣ, очистятъ свои прежніе грѣхи, которыми согрѣшили и осквернили себя послѣ крещенія, и не только получатъ прощеніе грѣховъ отъ Бога за пролитіе своей крови, но воспріимутъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ приложеніе лѣтъ и здравіе животу, а въ будущемъ вѣкѣ воспріимутъ сугубую мзду за пролитіе своей крови. Если же случится нынѣ кому изъ православныхъ христіанъ въ томъ вашемъ царскомъ ополченіи не только кровь свою пролить, но и до смерти пострадать за св. церкви, и за православную вѣру христіанскую и за множество народа людей православныхъ, которыхъ Христосъ искупилъ отъ мучительства своею честною кровію, и исполнить Его слово: *больше сея любве никтоже имать, да кто положитъ душу за други своя*,— такіе воспріимутъ второе, мученическое крещеніе, и пролитіемъ своей крови очистятся, и омыютъ съ души скверну своихъ согрѣшеній, и воспріимутъ отъ Господа Бога, вмѣсто тлѣннаго, нетлѣнное и небесное и, вмѣсто труда, наслѣдіе вышняго Іерусалима, а за оружіе и благостраданіе тѣлесное— вѣчныя блага, за усѣченіе мечемъ и прободеніе копьемъ—радость неизреченную съ мучениками и ангелами....». Въ послѣдней, заключительной, части митрополитъ благодаритъ царя и хвалитъ его великое остроуміе и храбрость и мудрую рѣшимость постоять за св. церкви, за православную вѣру, за отечество и за свою царскую обиду; совѣтуетъ ему сохранять

четыре евангельскія заповѣди: храбрость, мудрость, правду цѣломудріе, а затѣмъ судъ праведный и милость къ согрѣшающимъ, и, посылая къ царю свое великое челобитье, благословеніе и молитвы, выражаетъ благожеланіе, да умножитъ Господь лѣта живота его, да возвыситъ его царскую десницу надъ всѣми недругами и врагами и да устроитъ царство его мирнымъ и вѣчнымъ въ роды родовъ. Это посланіе Макарія, которое, по свидѣтельству лѣтописи, молодой государь принялъ съ благодарностію, менѣе однакожъ стройно и послѣдовательно, чѣмъ посланіе того же святителя, прежде нами разсмотрѣнное, и гораздо болѣе растянуто и изукрашено витіеватостію и многорѣчіемъ ([326]).

Третье и послѣднее посланіе митрополита Іоаннъ получилъ уже къ концу сентября, когда находился у самой Казани и когда воины его, овладѣвъ стѣнами города, готовились къ рѣшительной битвѣ. «Благословенъ Богъ нашъ,— такъ начинаетъ святитель,—творяй чудеса нами, по молитвамъ пречистой Матери Его.... и св. чудотворцевъ русскихъ Петра и Алексія и прочихъ русскія области чудотворцевъ!». Затѣмъ, преподавъ благословеніе государю и испросивъ у него прощенія, что самъ, первый, дерзнулъ писать къ нему, какъ только услышалъ о походѣ его изъ Свіяжска къ Казани, митрополитъ увѣдомляетъ Іоанна о здоровьѣ его супруги—Анастасіи и выражаетъ ему свои наставленія и благожеланія: «мужайся и крѣпись, какъ истинный воинъ и добрый пастырь, и призвавъ Бога на помощь, вооружись крѣпко и иди противъ бусурмановъ, окаянныхъ казанцевъ, за св. церкви, и за православную вѣру, и за кровь христіанскую. А мы, богомольцы

([326]) Ник. Лѣт. VII, 130; Акт. Ист. I, № 160.

твоего благородства, всегда, во всей вашей православной отчинѣ, по всѣмъ церквамъ, со всѣми христіанами, совершаемъ моленія и св. службы, чтобы даровалъ тебѣ Господь, нашему государю, покорить враговъ твоихъ къ подножію ногъ твоихъ, и надѣемся получить отъ Него милость». Далѣе, напомнивъ Іоанну, сколько зла причинили казанцы русской землѣ во дни его малолѣтства, какъ они сами испросили себѣ у него царя и хотѣли его умертвить, и самовольно избрали себѣ новаго царя—разбойника,—напомнивъ, съ другой стороны, что воины русскіе, стражаясь съ казанцами за св. вѣру, уподобляются древнимъ мученикамъ и своею кровію омываютъ свои грѣхи, какъ бы вторымъ крещеніемъ, митрополитъ съ настойчивостію убѣждаетъ: «иди же, государь, иди скорѣе на супостатовъ; Богъ тебѣ помощникъ, да покорятся враги твои подъ ноги твои и да разсыплются поганыя страны, хотящія съ тобою брани....». Въ заключеніе, святитель желаетъ милости отъ Бога и преподаетъ свое благословеніе какъ государю, такъ и всѣмъ его боярамъ и воеводамъ и всему христолюбивому воинству ([327]).

Когда война противъ казанцевъ окончилась счастливо, и торжествующій Іоаннъ, будучи встрѣченъ передъ Москвою духовенствомъ и народомъ, произнесъ рѣчь, въ которой, упомянувъ о своей недавней побѣдѣ надъ крымскимъ ханомъ и о покореніи Казани, весь успѣхъ свой приписалъ Богу и молитвамъ митрополита и всего духовенства къ Богу и поклонился имъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, до лица земли, Макарій счелъ долгомъ отвѣчать царю также рѣчью, въ которой, прославляя Бога, прославлялъ вмѣстѣ и государя. «О царь, вѣн-

([327]) П. Собр. Русск. Лѣт. VI, 308—309.

чанный Богомъ, и благочестивый государь, великій князь Иванъ Васильевичъ,—сказалъ митрополитъ,—и мы, твои богомольцы съ освященнымъ соборомъ, молимъ Бога, и воздаемъ хвалу Его великой благодати, и что можемъ возглаголать, какъ только не воскликнуть: *дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, творяй чудеса!* Онъ показалъ на тебѣ, царѣ благочестивомъ, славу свою, даровалъ тебѣ свѣтлыя побѣды надъ врагами, надъ крымскимъ царемъ нечестивымъ Девлетгиреемъ, и нынѣ тобою, государемъ нашимъ, сохранилъ насъ — свое христоименитое стадо отъ нахожденія иноплеменнаго агарянина. А ты, государь нашъ, при такой Божіей благодати, при твоихъ великихъ трудахъ, съ братомъ твоимъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и со всѣми твоими христолюбивыми воинствами, съ Божіею помощію, мужественно поборавшими за благочестіе, ты, царю, царски и добрѣ подвизался противъ супостатовъ — нечестивыхъ царей и клятвопреступниковъ, татаръ казанскихъ, которые всегда неповинно проливаютъ кровь христіанскую, оскверняютъ и разоряютъ св. Божіи церкви, расхищаютъ въ плѣнъ и разсѣеваютъ по лицу всей земли православныхъ христіанъ,— ты, благочестивый царь, крѣпкій во браняхъ, возложилъ неуклонную надежду и вѣру на вседержителя Бога, показалъ великіе подвиги и труды, постарался умножить данный тебѣ талантъ и освободить отъ работы расхищенное стадо паствы твоей. И видѣлъ Владыка твою неотложную вѣру, чистоту, любовь нелицемѣрную, разсужденіе благоразсудное, храбрость, мужество, цѣломудріе, и какъ ты не усомнился пострадать до крови, скажу болѣе, предать душу свою и тѣло за святую, чистую и пречестнѣйшую нашу вѣру христіанскую, и за св. церкви, и за порученную тебѣ паству православныхъ христіанъ, расхищаемыхъ въ плѣнъ и томимыхъ всякими бѣдами,—

и, по вѣрѣ твоей и великимъ неизреченнымъ трудамъ, даровалъ тебѣ Богъ милосердіе свое, предалъ въ руки твои царство казанское, и возсіяла на тебѣ благодать Его, какъ на прежнихъ благочестивыхъ царяхъ, творившихъ волю Его....». Указавъ за тѣмъ на равноапостольныхъ Константина и Владиміра, на Димитрія Донскаго и св. Александра Невскаго, святитель продолжалъ: «на тебѣ жъ, благочестивомъ царѣ, благодать Божія явилась еще болѣе. Богъ даровалъ тебѣ царствующій градъ казанскій со всѣми окрестными мѣстами и силою крестною сокрушилъ змія, тамъ гнѣздившагося и поядавшаго насъ, и тобою, благочестивымъ царемъ, исторгъ это нечестіе, насадилъ благодать, водрузилъ крестъ, воздвигъ св. церкви, и твоею царскою рукою освободилъ изъ плѣна многихъ христіанъ....». Повторивъ далѣе, только въ другихъ выраженіяхъ, тѣ же самыя мысли, митрополитъ присовокупилъ: «еще же даровалъ тебѣ Богъ изъ чреслъ твоихъ перворожденнаго сына, отъ твоей царицы, вел. княгини Анастасіи, царевича Димитрія Ивановича», — и такъ окончилъ свою рѣчь: «чтожъ изречемъ мы предъ Богомъ, богомольцы твои, за Его великія милости и дарованія къ тебѣ, царю благочестивому, вѣрному рабу Его, кромѣ словъ: *велій еси, Господи, и чудна дѣла твоя, ни едино же слово довольно къ похваленію чудесъ Твоихъ?* А тебѣ, царю, какъ возможемъ бить челомъ и какія принесемъ похвалы? Ты, съ Божіею помощію, избавилъ насъ отъ нахожденія варваровъ, и жилища ихъ до основанія разорилъ, и нашихъ плѣнныхъ братьевъ освободилъ изъ работы, — и мы, вмѣстѣ съ ними, взываемъ къ тебѣ: радуйся, благочестивый царь, и веселися...; здравствуй, государь благочестивый, и съ твоею царицею Анастасіею, и съ твоимъ богодарованнымъ сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, и съ твоими братіями..., и

съ твоими боярами, и со всѣмъ христіанскимъ воинствомъ, въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, и на всѣхъ твоихъ царствахъ, и на богодарованномъ тебѣ царствѣ казанскомъ, въ сей годъ и послѣдующіе, въ родъ и родъ, на многія лѣта! И тебѣ, царю — государю благочестивому, за твои труды, съ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами, челомъ бьемъ» ([328]). Нельзя не сознаться, что эта рѣчь вполнѣ соотвѣтствовала тому высокому торжеству, среди котораго произнесена, и могла произвесть на слушателей самое отрадное впечатлѣніе.

Если мы упомянемъ еще о «Духовной граматѣ» или завѣщаніи митрополита Макарія (Акт. Истор. I, № 172), въ которой онъ, послѣ нѣсколькихъ словъ о своемъ исповѣданіи вѣры, о своемъ служеніи въ санѣ архіепископа и потомъ митрополита и о приближающемся концѣ своей жизни, излагаетъ обычныя въ подобныхъ святительскихъ завѣщаніяхъ мысли, т. е., преподаетъ самъ всѣмъ своимъ духовнымъ чадамъ, перечисляя ихъ по классамъ, свое благословеніе и прощеніе, и проситъ себѣ отъ нихъ прощенія и благословенія: то предъ нами будетъ все, что только доселѣ извѣстно собственно-литературнаго, исключительно принадлежащаго знаменитому іерарху. Впрочемъ, и въ этомъ немногомъ довольно ясно отразились и его умъ и его слово: умъ свѣтлый, здравый, умѣвшій владѣть своими мыслями и выражать ихъ связно и послѣдовательно; слово легкое, свободное, неизчерпаемое, изливавшее, по выраженію одного современника, рѣки медоточнаго ученія, когда святитель проповѣдывалъ народу въ церкви ([329]).

([328]) Ник. Лѣт. VII, 193.

([329]) Дополн. Акт. Ист. I, стр. 31. А современная лѣтопись, изображая вступленіе Макарія на новгородскую каѳедру, свидѣтельствуетъ, что когда

отразились вмѣстѣ и недостатки нашего автора: иногда онъ излагалъ свои мысли растянуто, даже слишкомъ растянуто; иногда повторялъ и неразъ повторялъ одно и то же, только въ разныхъ видахъ и формахъ. А его слогъ нерѣдко грѣшитъ противъ грамматики и еще чаще грѣшитъ многословіемъ, витіеватостію, риторизмомъ, хотя въ этомъ-то многословіи и витіеватости, въ этомъ-то наборѣ и сочетанія синонимовъ, епитетовъ, разныхъ подобозначущихъ выраженій и оборотовъ и полагалось тогда достоинство рѣчи, ея красота и изящество, по господствовавшимъ понятіямъ. Къ чести, однакожъ, Макарія слѣдуетъ замѣтить, что при всей широковѣщательности и витіеватости, которыми онъ любилъ увлекаться, у него всегда ясна мысль и легко схватывается читателемъ, тогда какъ у другихъ тогдашнихъ писателей, напримѣръ, хоть у Даніила и самого Максима Грека за наборомъ словъ и пышныхъ фразъ ее иногда трудно и угадать. Не показалъ Макарій въ немногихъ, уцѣлѣвшихъ отъ него, сочиненіяхъ своей богословской учености, своей начитанности, не украсилъ ихъ разными свидѣтельствами св. отцевъ и учителей церкви, какъ велось тогда; но не украсилъ, всего вѣроятнѣе, по самому роду и назначенію этихъ сочиненій: такое украшеніе было бы въ нихъ неумѣстно и излишне. Зато онъ достаточно обнаружилъ свои познанія въ книгахъ свящ. писанія и особенно въ свящ. исторіи.

А что Макарій обладалъ обширною начитанностію, что онъ могъ познакомиться, болѣе или менѣе, со всею книжною му-

---

«введоша его въ церковь св. Софіи Премудрости Божія», то онъ, «просвѣтився силою Божіею, нача бесѣдовати къ народу повѣстми многими, и *вси чудишася*, яко отъ Бога дана ему бысть мудрость въ Божественномъ писаніи, *просто всъмъ разумъти*» (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 296).

дростію, какая тогда была доступна русскимъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его *Минеи-четіи.* Это громадный литературный сборникъ, въ которомъ святитель старался собрать и, какъ самъ говоритъ, дѣйствительно собралъ «всѣ святыя книги, которыя въ русской землѣ обрѣтаются» (т. е., тогда обрѣтались). Сборникъ раздѣленъ на двѣнадцать большихъ книгъ по числу двѣнадцати мѣсяцевъ года, и въ каждой книгѣ на каждый день *мѣсяца* (по-гречески — μήν) предлагаетъ приличныя дню *чтенія* для православныхъ (оттуда и названіе — *минеи четіи*). Сообразно съ этою цѣлію въ Макарьевскія Чети-минеи, естественно, прежде всего должно было войти все то, что издревле предлагалось у насъ для той же цѣли, только въ разныхъ книгахъ, и именно вошли: краткія житія святыхъ, краткія сказанія объ открытіи мощей ихъ, объ установленіи въ честь ихъ праздниковъ, краткія поученія, назидательныя повѣсти, изреченія подвижниковъ, предлагавшіяся въ прологахъ: житія болѣе или менѣе подробныя, иногда обширныя, и такія же повѣствованія объ открытіи мощей, предлагавшіяся въ сборникахъ житій и переписывавшіяся отдѣльно: похвальныя слова святымъ, слова учительныя, торжественныя на разные праздники господскіе, богородичные и святыхъ, предлагавшіяся въ Торжественникахъ, въ сборникахъ поученій и другихъ подобныхъ книгахъ. Однихъ этихъ статей было совершенно достаточно, чтобы Чети-минеи Макарія вполнѣ соотвѣтствовали своему названію и своей цѣли. Но Макарію хотѣлось бо́льшаго: вмѣстѣ съ житіями святыхъ онъ желалъ соединить и ихъ писанія или сочиненія, какія только употреблялись въ Россіи, были ли то сочиненія краткія, или обширныя, или даже цѣлыя книги, и онъ помѣстилъ эти писанія каждаго изъ св. писателей, большею частію, подъ тѣми самыми числами

мѣсяцевъ, когда совершается ихъ память. Такъ въ день пророка Іереміи (мая 1) помѣстилъ книгу его пророчества, въ день праведнаго Іова (мая 6)—книгу Іова, въ день пророка Исаіи (мая 9)—книгу его пророчества, въ день св. Іоанна богослова (сентября 26)—его Евангеліе и Апокалипсисъ, въ день двѣнадцати апостоловъ (іюня 30) — толковый Апостолъ, въ день св. Кирилла іерусалимскаго (март. 18)—его катихизическія поученія, въ день успенія св. Іоанна Златоуста (сент. 14) — его Маргаритъ, въ день св. Василія Великаго (генв. 1) — его книгу о постничествѣ, въ день св. Діонисія ареопагита (окт. 3)—его книгу о небесной іерархіи, въ день св. Григорія богослова (генв. 25)—книгу его словъ, въ день св. Ефрема Сирина (генв. 28) — его Патерикъ, въ день св. св. Григорія, папы римскаго (март. 11) — его толкованія на Евангелія и сказанія о житіи св. отцевъ, въ день св. Іоанна Дамаскина (дек. 4) — его книгу — *Небеса* и книгу объ осми частяхъ рѣчи, въ день преп. Іосифа волоколамскаго (сент. 9)—его духовную грамату или Уставъ, и проч. Макарьевскія Четиминеи, чрезъ такое внесеніе въ нихъ книгъ свящ. писанія и твореній отеческихъ, увеличились едва ли не вдвое, если не болѣе. Но Макарій не удовольствовался и этимъ. Онъ зналъ, что есть древнія, благочестивыя и уважаемыя сочиненія и цѣлыя книги неизвѣстныхъ авторовъ или, по крайней мѣрѣ, не принадлежащія одному какому-либо св. писателю, которыя потому нельзя было пріурочить въ Четиминеяхъ къ какому-либо опредѣленному дню; зналъ также, что есть многія достойныя сочиненія и извѣстныхъ писателей, но не причисленныхъ къ лику святыхъ, которыя тѣмъ менѣе имѣли права занять мѣсто въ Четиминеяхъ подъ опредѣленными числами мѣсяцевъ. Что тутъ было дѣлать? Макарій не поколебался внести въ свои

Чети-минеи и такого рода сочиненія, но придумалъ помѣстить ихъ, большею частію, въ видѣ приложеній къ своимъ мѣсячнымъ книгамъ, подъ послѣднимъ числомъ то одного, то другаго мѣсяца. И, напримѣръ, въ концѣ декабрьской книги помѣстилъ три древнихъ патерика, въ концѣ февральской—книгу *Іосифа Евреина* и двѣ статьи объ отпаденіи латинянъ отъ церкви, въ концѣ апрѣльской—огромную книгу Никона черногорца, въ концѣ іюньской—еще два древнихъ патерика—синайскій и египетскій и книгу *Странникъ* русскаго игумена Даніила, въ концѣ іюльской—книгу Іоанна, экзарха болгарскаго, книгу *Пчелу*, книгу проповѣдей митрополита Григорія Самвлака, а всего болѣе въ концѣ послѣдней книги, августовской—книгу *Косьма Индикопловъ*, толкованіе о церковныхъ вещехъ и толковую службу, главизны Василія царя греческаго, къ сыну, посланіе Фотія патріарха, слова Косьмы пресвитера, разныя посланія русскихъ князей, митрополитовъ и епископовъ и проч. Такимъ образомъ Чети-минеи Макарія, разростаясь болѣе и болѣе, обратились, наконецъ, въ цѣлую библіотеку, въ которой просвѣщенный архипастырь старался собрать и сохранить для потомства всѣ книжныя сокровища своего времени, всѣ памятники литературы и письменности, какія тогда у насъ существовали. Этому великому дѣлу Макарій посвятилъ, по его собственному свидѣтельству, двѣнадцать лѣтъ своей жизни, когда былъ еще святителемъ новгородскимъ. Онъ имѣлъ различныхъ помощниковъ и писцовъ, не щадилъ для нихъ ни сребра своего, ни почестей, и лично самъ «многи труды и подвиги подъятъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ пословицъ, преводя на русскую рѣчь». Въ 1541 г., слѣд. незадолго до своего поступленія на каѳедру московской митрополіи, онъ уже положилъ всѣ двѣнадцать

книгъ своихъ Четы-миней вкладомъ въ новгородскій Софійскій соборъ, на поминъ своихъ родителей. Но и теперь святитель не признавалъ еще своей работы вполнѣ оконченною, а продолжалъ заниматься ею и въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ, хотя, быть можетъ, не съ такимъ постоянствомъ, какъ прежде. Объ этомъ не говоритъ онъ самъ, но непререкаемо говорятъ два новые списка его Четы-миней, изъ которыхъ одинъ въ 1552 г. онъ пожертвовалъ въ московскій Успенскій соборъ, а другой, какъ догадываются, поднесъ тогда же царю Іоанну Васильевичу. Оба списка, сходные между собою, не мало различаются отъ новгородскаго: кромѣ того, что въ нихъ, по мѣстамъ, статьи расположены въ другомъ порядкѣ и нѣкоторыя статьи изъ однихъ мѣсяцевъ перенесены въ другіе, въ этихъ спискахъ оказывается много книгъ и сочиненій, которыхъ нѣтъ въ новгородскомъ (каковы: Евангеліе отъ Луки съ толкованіемъ Θеофилакта, Апостолъ толковый, книга Меθодія, епископа патарскаго, о вещи и самовластвѣ, книга Измарагдъ, книга Григорія Самвлака, книга Іосифа волоколамскаго, книга Златая Цѣпь, книга Пчела и др.), и помѣщены нѣкоторыя новыя житія русскихъ святыхъ, составленныя уже по окончаніи новгородскаго списка (житія—Александра свирскаго, Іосифа волоколамскаго, Павла обнорскаго, Евфросина псковскаго, Александра Невскаго, митрополита Іоны). Выходитъ, что надъ составленіемъ своихъ *великихъ Четы-миней* Макарій трудился не двѣнадцать только, а около двадцати лѣтъ ([330]).

([330]) См. — 1) Велик. Минеи-четіи м. *Макарія*, изд. Археогр. Коммис., сент. 1 — 13, предисловіе издателей и затѣмъ Лѣтопис. или вкладн. самого Макарія; 2) Оглавленіе Четій-миней м. Макарія, Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IV, отд. IV, 1 — 78; 3) наши Замѣтки о новгород. Макарьевскихъ Четіихъ-минеяхъ. Лѣтоп. Русск. Литерат. и древн., изд. *Тихонрав.* 1859, кн. I, отд.

При полномъ однакожъ уваженіи къ великому труду, мы не можемъ не сказать, что Макарій не исполнилъ всего, что предпринималъ исполнить и что, какъ казалось ему, онъ будто бы исполнилъ: онъ собралъ въ своихъ Чети-минеяхъ многія, весьма многія, но отнюдь не «всѣ святыя книги», какія обрѣтались тогда въ русской землѣ. Для примѣра посмотримъ только въ этомъ сборникѣ на книги св. писанія и сочиненія русскія, какъ наиболѣе къ намъ близкія. Изъ книгъ библейскихъ новозавѣтныя, дѣйствительно, помѣщены здѣсь всѣ: всѣ четыре евангелія съ толкованіями, всѣ посланія и дѣянія апостольскія съ толкованіями, апокалипсисъ съ толкованіями. Но книги ветхозавѣтныя — далеко не всѣ: Моусеевыхъ пяти нѣтъ ни одной (за исключеніемъ того, что въ обширномъ житіи Моусея (сент. 4) приведены нѣкоторыя главы и отрывки изъ Исхода, Числъ и Второзаконія, но не въ буквальномъ текстѣ, а съ измѣненіями, сокращеніями и пропусками, по усмотрѣнію составителя житія); слѣдующихъ затѣмъ историческихъ книгъ находится только семь — Іисуса Навина, Судей, Руѳи, первая и вторая царствъ, первая и вторая Маккавейскія, а остальныхъ двѣнадцати нѣтъ; книгъ учительныхъ только четыре—Іова, Псалтирь (въ трояковъ видѣ: съ толкованіемъ Аѳанасія, съ толкованіемъ Брунона, съ толкованіемъ Ѳеодорита), Екклесіастъ съ толкованіемъ и Премудрость сына Сирахова, а остальныхъ трехъ нѣтъ: книги

III, 68—73. Справедливѣе, кажется, думать, что Макарій не подносилъ другаго экземпляра своихъ Чети-миней царю, а что, по повелѣнію самого царя, этотъ другой экземпляръ списанъ былъ съ Макарьевскаго, вмѣстѣ съ его вкладною, около 1553 г. въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами, — на что ясно указываетъ замѣтка одного изъ писцовъ этого экземпляра (*Савв.* Указат. Моск. Синод. библ., стр. 210, изд. 2).

пророческія есть всѣ—четыре большихъ пророковъ: Исаіи съ толкованіями, Іереміи, Іезекіиля и Даніила, и двѣнадцать малыхъ пророковъ. То есть, въ Чети-минеяхъ Макарія недостаетъ цѣлыхъ двадцати книгъ свящ. писанія. А сказать, чтобы книги эти не обрѣтались тогда въ русской землѣ, нельзя, когда извѣстно, что еще Геннадій, архіепископъ новгородскій, собралъ всю славянскую библію въ одинъ составъ, и списки ея того времени сохранились доселѣ. Изъ русскихъ сочиненій въ Чети-минеяхъ Макарія можно насчитать — до 35-ти житій святыхъ, до 25-ти похвальныхъ словъ имъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ словъ можно назвать и житіями; такое же число сказаній о святыхъ, о ихъ мученіяхъ, кончинѣ, объ открытіи и перенесеніи мощей ихъ, о явленіи чудотворныхъ иконъ ихъ, о построеніи въ честь ихъ храмовъ и под.; а кромѣ того, то по одному, то по два и по три, или вообще по нѣскольку словесныхъ произведеній другаго рода — грамотъ, посланій, словъ, монашескихъ уставовъ, путешествій, полемическихъ книгъ, принадлежащихъ слишкомъ двадцати разнымъ авторамъ. Но все это отнюдь не исчерпываетъ вполнѣ нашей древней литературы до половины XVI в., если даже имѣть въ виду однихъ нашихъ извѣстныхъ писателей. Такъ препод. Ѳеодосія печерскаго здѣсь помѣщено только одно посланіе къ князю Изяславу о латинской вѣрѣ, Кирилла Туровскаго — только одно слово на соборъ 318 отцевъ, митрополита Кипріана находятся только три посланія, митрополита Фотія—только девять, митрополита Іоны—только три, препод. Іосифа волоколамскаго—только два сочиненія, правда, самыя важныя и обширныя,—Просвѣтитель и монашескій уставъ,—но посланій нѣтъ ни одного, и изъ многочисленныхъ сочиненій Максима Грека—только одно слово противъ латинянъ.

А словъ Серапіона, епископа владимірскаго, вовсе нѣтъ; посланій и поученій святителей московскихъ Петра, Алексія и Филиппа и преп. Кирилла бѣлозерскаго — нѣтъ; нѣтъ также и путешествій Стефана новгородца, іеродіакона Игнатія, дьяка Александра, іеродіакона Зосимы; нѣтъ ни устава, ни посланій преп. Нила сорскаго; нѣтъ ни одного изъ словъ и посланій митрополита Даніила. Впрочемъ, мы отнюдь не думаемъ ставить въ укоръ Макарію, что онъ не помѣстилъ въ своихъ Чети-минеяхъ нѣкоторыхъ сочиненій какъ названныхъ нами, такъ и другихъ русскихъ писателей. Однихъ изъ этихъ сочиненій онъ могъ совершенно не знать, другихъ могъ не отыскать, а сочиненія своихъ современниковъ—митрополита Даніила и Максима Грека, который былъ еще тогда живъ и находился подъ епитиміею, могъ не помѣстить потому, что признавалъ это, по какимъ-либо соображеніямъ и отношеніямъ, неудобнымъ и неблаговременнымъ. Не надобно также забывать, что Макарій имѣлъ въ виду не научную цѣль, а чисто-нравственную — дать православнымъ на каждый день года такое чтеніе, которое бы служило только, какъ онъ выражается, «въ великую душевную пользу» читателямъ и слушателямъ. Потому, при собраніи сочиненій русскихъ и другихъ, онъ вовсе не задавался мыслію отыскивать, напримѣръ, болѣе древніе ихъ списки, или выбирать лучшія ихъ редакціи, или собрать всѣ сочиненія какого-либо автора, отдѣлить подлинныя сочиненія отъ подложныхъ, достовѣрныя отъ сомнительныхъ, испорченныхъ, и проч. Такая работа была не по силамъ собирателя, и онъ самъ проситъ прощенія, если «отъ своего неразумія» гдѣ-либо погрѣшилъ и допустилъ въ своихъ Чети-минеяхъ посреди св. книгъ какое-либо «ложное и отреченное слово». Вся его забота была устремлена на то,

чтобы сочиненія были назидательны и удобопонятны читателямъ и слушателямъ, и онъ естественно предпочиталъ тѣ, которыя казались ему болѣе назидательными и могли болѣе возбуждать и поддерживать вниманіе. Вслѣдствіе этого онъ и старался, сколько могъ, исправлять по мѣстамъ слогъ и замѣнять въ статьяхъ переводныхъ иностранныя и устарѣлыя слова и выраженія новыми русскими, а при выборѣ, напримѣръ, житій русскихъ святыхъ отдавалъ предпочтеніе не древнимъ и краткимъ, но позднѣйшимъ, отличавшимся занимательными подробностями, не обращая вниманія, насколько достовѣрны эти подробности, и написаннымъ витіевато и многорѣчиво или, по понятіямъ времени, краснорѣчиво. Впрочемъ, и наука не можетъ безъ благодарности отнестись къ великимъ Четп-минеямъ Макарія. Многія русскія сочиненія, въ особенности житія, здѣсь помѣщенныя, не сохранились въ болѣе древнихъ спискахъ; а всѣ вообще собранныя здѣсь произведенія русской литературы представляютъ богатое и драгоцѣнное пособіе при изученіи этихъ произведеній, при сличеніи и оцѣнкѣ ихъ редакцій и разныхъ списковъ, болѣе древнихъ и позднѣйшихъ, сохранившихся въ другихъ памятникахъ нашей письменности.

Занимаясь составленіемъ своихъ Четп-миней, Макарій уже тѣмъ самымъ возбуждалъ вокругъ себя нѣкоторое литературное движеніе. Онъ трудился не одинъ, а вызывалъ на трудъ и другихъ грамотеевъ, которыхъ содержалъ при себѣ. Они копались въ рукописяхъ, отыскивали житія святыхъ и вообще потребныя статьи, выбирали изъ нихъ лучшія, переписывали ихъ и располагали по числамъ мѣсяцевъ,—и эти книжныя занятія длились въ одномъ Новгородѣ двѣнадцать лѣтъ. Но Макарій имѣлъ и другое, болѣе положительное и суще-

ственное вліяніе на нашу литературу, на ея дальнѣйшее развитіе и обогащеніе новыми произведеніями, хотя въ одномъ лишь родѣ. То была исключительно литература житій, которыхъ явилось теперь, во дни Макарія, столько, сколько не являлось ихъ у насъ ни прежде, ни послѣ него, въ подобный непродолжительный періодъ. Такое направленіе и оживленіе нашей литературы обусловливались цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ времени.

Въ своихъ Чети-минеяхъ Макарій желалъ совмѣстить житія не только святыхъ древней церкви, но и отечественныхъ и вообще славянскихъ. А между тѣмъ открылось, что житія нѣкоторыхъ изъ этихъ святыхъ еще вовсе не были написаны, а другихъ, если и были написаны, то неудовлетворительно. И вотъ первое обстоятельство, потребовавшее составленія новыхъ житій святыхъ или, по крайней мѣрѣ, новыхъ редакцій житій. Въ 1537 г., когда, по волѣ государя, въ Новгородъ прибылъ для собиранія ратныхъ людей боярскій сынъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, издѣтства наученный книжной мудрости, Макарій упросилъ его написать вновь и «распространить житіе и чудеса» *Михаила Клопскаго*, и вручилъ ему прежнее житіе преподобнаго, которое считалъ написаннымъ «вельми просто» и неполнымъ. Тучковъ, дѣйствительно, распространилъ это житіе и украсилъ его цвѣтами своего книжнаго краснорѣчія; но распространилъ только тѣмъ, что прибавилъ въ началѣ—витіеватое и многоглаголивое предисловіе, въ концѣ — такое же послѣсловіе и затѣмъ описаніе четырехъ новыхъ чудесъ, съ витіеватыми же, хотя болѣе краткими, предисловіемъ и послѣсловіемъ. А самаго житія нимало не распространилъ и не дополнилъ, напротивъ еще сократилъ содержащіяся въ немъ сказанія о пророчествахъ святаго и о его

кончинѣ, и отчасти исказилъ нѣкоторыми измѣненіями и историческими погрѣшностями. Потому-то, можетъ быть, Макарій и внесъ въ свои Чети-минеи не одно новое житіе Михаила Клопскаго, составленное Тучковымъ, но вмѣстѣ и прежнее, которымъ Тучковъ пользовался, да не сумѣлъ воспользоваться ([331]). Вскорѣ Макарію представился другой подобный случай. Въ Новгородъ пришли два монаха съ Аѳона. Передавая архипастырю, по его желанію, о положеніи православія и православныхъ въ тѣхъ странахъ и о разныхъ притѣсненіяхъ со стороны турокъ, иноки разсказали, между прочимъ, какъ недавно потерпѣлъ мученіе одинъ молодой болгаринъ, по имени Георгій. Разсказъ дотого подѣйствовалъ на святителя, что онъ немедленно приказалъ описать жизнь и подвиги новаго мученика іеромонаху своей домовой церкви Иліи, вѣроятно, тому самому, котораго посылалъ (въ 1534 и 1535 г.) для утвержденія христіанства между корелами и другими финскими племенами ([332]). Илія исполнилъ волю владыки и написалъ въ 1539 г. житіе *св. великомученика Георгія болгарскаго*, единственно на основаніи устнаго сказанія двухъ иноковъ, которые сами знали о мученикѣ только по слухамъ. А потому неудивительно, если это житіе, тогда же занесенное въ Макарьевскія Чети-минеи, оказывается несогласнымъ во многомъ съ другимъ, достовѣрнѣйшимъ сказаніемъ о томъ же Георгіи, которое написано очевидцемъ его мученичества и

([331]) Оба помѣщены подъ 11-мъ числомъ генваря, сперва прежнее (по успенск. списк. стр. 917), потомъ составленное Тучковымъ (—стр. 941). Послѣднее напечатано въ Памяти. старинн. Русск. Литер. IV, 36 — 52. О составленіи этого житія разсказываютъ самъ авторъ (тамъ же 50—51) и лѣтописецъ (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 301).

([332]) Опис. Румянц. Муз. стр. 526—527. Опис. нашей Ист. Русск. Церкви VI, 331 (изд. 1), 336 (изд. 2).

бывшимъ духовникомъ его Средецкимъ священникомъ ([333]). Когда Макарій переселился въ Москву и занимался дополненіемъ своихъ Четии-миней, составлены еще два новыя житія, которыя и занесъ онъ въ этотъ свой сборникъ, — житія *преп. Александра свирскаго* († 1533) и *преп. Іосифа волоколамскаго* († 1515). Первое написано въ двѣнадцатое лѣто по преставленіи святаго, слѣд. въ 1545 г., «повелѣніемъ» новгородскаго архіепископа Ѳеодосія. Авторомъ житія былъ постриженникъ, ученикъ и непосредственный преемникъ Александра въ обители, игуменъ Иларіонъ. Онъ передаетъ только то, что слышалъ отъ самого Александра, отъ старшихъ его учениковъ, бывшихъ съ нимъ отъ начала, и что видѣлъ своими очами. Повѣствуетъ, по порядку, о родителяхъ, рожденіи и отрочествѣ святаго, о тайномъ удаленіи его изъ дома родительскаго въ обитель Валаамскую, постриженіи тамъ и разныхъ послушаніяхъ; объ основаніи имъ своей обители, собираніи иноковъ и построеніи въ ней церквей: о его образѣ жизни, подвигахъ и поученіяхъ братіи; о его кончинѣ и шестнадцати чудесахъ, изъ которыхъ первыя пять совершены имъ еще при жизни, а остальныя по смерти. И все это излагается просто, понятно, безъ книжнаго витійства и высоко-

([333]) Послѣднее сказаніе напечатано въ Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис., выпуск. II. А житіе, составленное Иліею, помѣщено въ Макар. Чети-мин. подъ 26-мъ числ. мая; находится и въ Сборн. нашей библ. № 7, л. 65. Достойно замѣчанія, какъ выражается Илія объ архіеп. Макаріи, рѣшившись описать, по его повелѣнію, мученіе св. муч. Георгія: «надѣюся на св. мученика Георгія молитвы и *мученикол*ю*бца* святителя Макарія, иже и во иныхъ добродѣтелехъ многихъ мужа совершена и въ мѣру возраста исполненія Христова пришедша. Изрядно же дѣло его *день и нощь*, яко пчелѣ сладость отвсюду приносити, *поискати святыхъ житія*.... Многи отъ святыхъ забвенію предани быша...., сихъ убо святитель подъ спудомъ не скрываетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ».

парности, хотя и не довольно искусно. Житіе преп. Александра можно отнести къ числу наиболѣе достовѣрныхъ и удачныхъ ([334]). Еще съ большею справедливостію должно повторить то же о житіи преп. Іосифа волоколамскаго, которое написано, спустя тридцать лѣтъ по смерти преподобнаго (слѣд. въ 1546 г.), также постриженникомъ и ученикомъ его, Саввою, епископомъ крутицкимъ, по приказанію и благословенію самого митрополита Макарія. Это житіе, кромѣ своей правдивости и безъискуственности въ слогѣ, отличающееся полнотою, порядкомъ и отчетливостію въ изложеніи, достопримѣчательно особенно потому, что, изображая жизнь человѣка, который принималъ такое живое и обширное участіе въ дѣлахъ нашей церкви и отечества къ концу XV и въ началѣ XVI вѣка, сообщаетъ важныя свѣдѣнія для нашей церковной и гражданской исторіи. И Макарій не поколебался занести это житіе, — надо прибавить, — проникнутое глубокимъ чувствомъ благочестія и назидательности, въ свои Четии-минеи, не смотря на то, что Іосифъ тогда еще не былъ причтенъ къ лику святыхъ ([335]). Вѣроятно, около этого же времени составлены, по порученію Макарія, новыя редакціи двухъ

([334]) Помѣщено въ Макар. Чети-мин. подъ 30 числ. августа (по успен. списк. стр. 2267). Есть и въ Сборн. нашей библ. № 2, л. 224 об. — 296. О самомъ себѣ и написаніи этого житія авторъ говоритъ въ послѣсловіи, гдѣ, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе: «списано же бысть житіе се у живоначальней Троицы въ обители преподобнаго отца Александра... въ лѣто 7053, въ второе надесять лѣто по преставленіи св. отца Александра..., повелѣніемъ господина Θеодосія, архіепископа великаго Новагорода и Пьскова» (л. 293). Житіе это напечатано (Спб. 1830 г.), но съ немалыми измѣненіями въ слогѣ и дополненіями.

([335]) Помѣщено въ Макар. Чети-мин. подъ 9-мъ числ. сент. (стр. 453, по изд. Археогр. Комм.), и напечатано въ особой книгѣ г. *Невоструевымъ*, Москв. 1865.

прежнихъ житій: краткаго житія святителя московскаго Алексія и житія Димитрія прилуцкаго, вмѣстѣ съ похвальнымъ словомъ преподобному: по крайней мѣрѣ, обѣ эти редакціи житій занесены Макаріемъ въ его Четп-минеи и прежде не встрѣчаются (336).

Собирая для своихъ Четп-миней житія и отечественныхъ святыхъ, Макарій не могъ не встрѣтиться съ мыслію, что многіе изъ нихъ, хотя чтутся православными, доселѣ еще не канонизованы или не причтены церковію къ лику прославляемыхъ угодниковъ Божіихъ. И вотъ въ 1547 г., подъ председательствомъ Макарія, состоялся соборъ, который опредѣлилъ праздновать двѣнадцати святымъ по всей Россіи, а девяти— мѣстно, гдѣ они покоятся: новое обстоятельство, потребовавшее составленія еще нѣсколькихъ житій, такъ какъ для празднованія въ честь святыхъ, по уставу, кромѣ службъ имъ, необходимы вмѣстѣ ихъ жизнеописанія или похвальныя слова, которыя и читаются, въ дни ихъ памяти, въ церквахъ и обителяхъ. Житія нѣкоторыхъ изъ вновь канонизованныхъ угодниковъ, именно: Іоанна архіепископа новгородскаго, Зосимы и Савватія соловецкихъ, Діонисія глушицкаго, Михаила клопскаго, Пафнутія боровскаго и Александра свирскаго, уже существовали и, должно быть, признаны соотвѣтствующими своей цѣли; по крайней мѣрѣ, оставлены безъ передѣлки и, кромѣ одного, занесены въ Четп-минеи Макарія (337). Но житія дру-

(336) Обѣ помѣщены въ феврал. книгѣ Макар. Четп-мин., первая подъ 12 числ. (успен. списк. стр. 824), а послѣдняя подъ 11 числ. (—стр. 214).

(337) Житія: св. Іоанна архіеп. новгородскаго — подъ 7 числ. сентября: Зосимы соловецкаго подъ 17 числ. апрѣля; Діонисія глушицкаго подъ 1 ч. іюня; Михаила клопскаго подъ 11 ч. генваря; Пафнутія боровскаго подъ 1 ч. мая; Александра свирскаго подъ 30 ч. августа. Не занесено только, не-

гихъ святыхъ, хотя также существовали, показались недостаточными и подверглись теперь новой редакціи или только дополнены. Наконецъ, житія еще нѣкоторыхъ составлены совершенно вновь ([338]). Къ числу житій, явившихся теперь въ новой редакціи или съ дополненіями, относятся житія — *св. Александра Невскаго, преп. Никона, игумена Сергіевой лавры, и преп. Павла Обнорскаго.* Сочинитель перваго житія, вѣроятно, инокъ владимірскаго рождественскаго монастыря, гдѣ покоились мощи св. Александра, Михаилъ, такъ какъ онъ же написалъ тогда и канонъ св. князю, — самъ свидѣтельствуетъ, что принялся за свой трудъ по порученію митрополита Макарія, вслѣдствіе постановленія собора. Сочиненіе это написано въ формѣ похвальнаго слова святому, и потому витіевато и многословно, по правиламъ современнаго краснорѣчія. Къ самому содержанію житія авторъ не прибавилъ ничего и лишь повторилъ, частію дословно, частію съ риторическими распространеніями, древнее, лѣтописное житіе князя. А прибавилъ только, кромѣ предисловія и послѣсловія, описаніе тринадцати чудесъ св. Александра. Житіе преп. Никона, въ новой редакціи, принадлежащей перу неизвѣстнаго, представляется также въ видѣ похвальнаго и вмѣстѣ поучительнаго слова, особенно судя по началу. При сравненіи этой редакціи съ

извѣстно почему, одно житіе Савватія соловецкаго, существовавшее уже въ двухъ редакціяхъ, Спиридоновой и Филологовой.

([338]) То несомнѣнно, что на соборы, разсуждавшіе о канонизаціи святыхъ, представляемы были уже готовыя житія ихъ или, по крайней мѣрѣ, какія-либо свѣдѣнія о нихъ, и что, на основаніи этихъ-то данныхъ, и происходила самая канонизація (Стоглав., гл. 4, стр. 43 — 45, Казан. 1862). Но какъ не всѣ эти житія и свѣдѣнія оказывались удовлетворительными, то, по канонизаціи святыхъ, и поручали нѣкоторыя житія ихъ только передѣлывать, а другія составлять вновь. О Москов. соборахъ 1547 — 1549 г. — нашей Ист. Р. церкви, VI, 215—218 (изд. 1), 217—222 (изд. 2).

прежнею, составленною сербомъ Пахоміемъ, обнаруживается, что въ новой прибавлено одно извѣстіе объ оставленіи Никономъ должности игумена на цѣлыя шесть лѣтъ и о принятіи ея вновь, по просьбамъ братіи; сдѣлана одна поправка, состоящая въ томъ, что послѣднею церковію, которую расписали незадолго предъ своею кончиною наши знаменитые иконописцы—Андрей Рублевъ и спостникъ его Даніилъ, была не Троицкая въ Сергіевой лаврѣ, а Спасская въ Андрониковомъ монастырѣ; кое-гдѣ вложены въ уста Никона рѣчи и бесѣды съ братіею и другими лицами, не бывшія въ прежней редакціи, и все вообще житіе начертано болѣе растянуто, болѣе витіевато и многорѣчиво. Наконецъ, житіе преп. Павла Обнорскаго, которое встрѣчается въ спискѣ еще 1536 г., дополнено теперь описаніемъ девятнадцати посмертныхъ чудесъ старца. Всѣ три названныя житія, въ новомъ ихъ видѣ, не только начаты, но и окончены прежде 1552 года: такъ какъ всѣ попали въ Макарьевскія Чети-минеи ([339]). Вновь составлены теперь житія *святителя Іоны, митрополита московскаго, и преп. Макарія колязинскаго.* Житіе или, точнѣе, «похвальное слово» святителю Іонѣ написано въ 1547 году «повелѣніемъ» самого государя и «благословеніемъ» митрополита Макарія, какъ гласитъ заглавіе. Послѣ пышнаго и витіеватаго приступа, ясно указывающаго, что слово написано въ Москвѣ и произносилось въ Успенскомъ соборѣ на праздникъ святителя, неизвѣстный авторъ кратко повѣствуетъ объ извѣстномъ пред-

---

([339]) Первое помѣщено подъ 23 ч. ноября, второе — подъ 17 ч. ноября, третье—подъ 10 ч. генваря. Списокъ втораго житія есть и въ Сборн. нашей библ. № 42, л. 316. А списокъ третьяго—въ Сборн. нашей библ. № 64, л. 25. О Михаилѣ, какъ авторѣ службы св. Александру Невскому—Опис. Румянц. Муз. 593; Славяно-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № 101 (Опис. стр. 114).

сказаніи митрополита Фотія относительно Іоны, когда послѣдній былъ еще простымъ инокомъ въ Симоновой обители, о возведеніи Іоны на каѳедру рязанской епархіи и служеніи тамъ, объ избраніи его на митрополитскую каѳедру, неожиданномъ прибытіи къ намъ митрополита Исидора, его измѣнѣ православію и поставленіи Іоны въ митрополита; потомъ подробнѣе—о разныхъ чудесахъ Іоны, совершенныхъ имъ, какъ прежде кончины, которая описывается весьма кратко, такъ и послѣ нея, и все это заключаетъ молитвою къ святителю у самой раки его и многократными восклицаніями: «радуйся» (340). Житіе преп. Макарія колязинскаго († 1483) написано въ 64-е лѣто послѣ его смерти, слѣд. также въ 1547 году, какимъ-то инокомъ Колязинской обители. Объ источникахъ, которыми пользовался, онъ замѣтилъ: «не бо своима очима видѣхъ что таково бываемо, но отъ многыхъ и достовѣрныхъ мужъ слышахъ, яже глаголютъ о святѣмъ, повѣдающе исправленіа его; иніи же своима очима самаго святаго видѣша, и не зѣло бо предъ многыми лѣты бѣяше: последи же и самъ азъ своима очима видѣхъ отъ честныя раки богоноснаго оного отца многа и различна исцѣленіа бывающа». Разсказъ въ житіи простъ, незатѣйливъ, безъ витійства, и кратко передаетъ, отъ кого и гдѣ родился святый, какъ возрасталъ, вступилъ въ бракъ и чрезъ три года лишился жены; какъ потомъ постриженъ въ Клобуковомъ монастырѣ и подвизался; какъ основалъ свой монастырь, собралъ братію, получилъ санъ священства, привлекалъ своимъ «учительнымъ даромъ» слова даже живущихъ далеко отъ обители и многихъ вельможъ, совершилъ два чуда,

(340) Помѣщено въ *Макар.* Чети-мин. подъ 31 ч. марта. Есть и въ Сборн. нашей библ. № 3, л. 260.

и, наконецъ, какъ и когда скончался. Вслѣдъ за житіемъ преп. Макарія, спустя мало времени, тотъ же авторъ составилъ еще особую повѣсть объ обрѣтеніи мощей его, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ повѣсти, и описалъ въ ней, кромѣ обрѣтенія мощей (въ 1521 г.), шестнадцать чудесъ преподобнаго, совершившихся въ послѣдующее время ([341]). Такимъ образомъ житія всѣхъ двѣнадцати святыхъ, которымъ соборъ 1547 г. постановилъ праздновать во всей русской церкви, были уже готовы, семь — составленныя еще прежде, пять—явившіяся теперь вновь или въ новомъ видѣ, и всѣ эти житія были разсмотрѣны самимъ митрополитомъ, всѣ занесены имъ въ его Чети-минеи и, безъ сомнѣнія, тогда же начали входить во всеобщее употребленіе. Что же касается девяти святыхъ, которымъ соборъ 1547 г. положилъ праздновать лишь мѣстно, то составленіе или только пересмотръ житій ихъ, равно какъ и службъ имъ, по всей вѣроятности, были предоставлены самимъ мѣстнымъ церквамъ и обителямъ. гдѣ почили святые. По крайней мѣрѣ, ни одно изъ этихъ житій не занесено митрополитомъ въ его Чети-минеи, слѣд. не было имъ разсмотрѣно или одобрено, хотя два изъ нихъ—житіе *св. Арсенія, епископа тверскаго*, и житіе *св. Максима юродиваго*, тогда, какъ можно догадываться, уже существовали ([342]). Два другія

([341]) И житіе и повѣсть помѣщены въ *Макар.* Чети-мин. подъ 17 ч. марта. Житіе есть и въ Сборн. нашей библ. № 3, л. 240; а повѣсть — въ Сборн. нашей библ. № 4, л. 102. Здѣсь, между прочимъ, авторъ говоритъ: «азъ, убогій, мало прежде сихъ понужахся написати о роженіи и въспитаніи и о равноангельномъ житіи его; елико изъобрѣтохъ, толика вашей любви написахъ. Нынѣ же простроxъ недостойную мою десницу въеже мало что явити о проявленіи мощей его, како и кацѣмъ образомъ, ли коими дѣтельми и въ кая времена обрѣтены быша....».

([342]) *Ключевск.* Древне-русск. житія, стр. 181. 246.

житія, именно *святыхъ устюжскихъ—Прокопія юродиваго и Іоанна юродиваго*, дѣйствительно, составлены по мѣстному распоряженію мѣстнымъ грамотеемъ. Въ житіи послѣдняго авторъ говоритъ, что онъ — сынъ бывшаго священника при устюжскомъ соборѣ и потомъ игумена Борисоглѣбской сольвычегодской обители Діонисія и, по его-то благословенію, на основаніи его разсказовъ, написалъ въ 1554 году житіе св. Іоанна, котораго отецъ зналъ лично, и выражаетъ мысль, что еще прежде написалъ и житіе св. Прокопія, во имя котораго отецъ построилъ храмъ въ своей обители. Оба житія составлены малотолково и малограмотно. Но первое, т. е., Іоанново, по крайней мѣрѣ, основано на словахъ свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія; а второе представляетъ собою не болѣе, какъ сборъ, безъ разбора и повѣрки, разныхъ сказаній о св. юродивомъ XIII вѣка, письменныхъ и устныхъ, носившихся въ народѣ въ теченіе столь долгаго времени, - сказаній отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ между собою, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ заимствованій изъ другихъ житій и повѣстей ([343]). Подобнымъ же образомъ составлены и житія пятерыхъ святыхъ *муромскихъ*: житіе *св. князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора* и житіе *св. князя Петра и супруги его Февроніи*. Авторъ перваго житія изложилъ въ немъ преимущественно мѣстныя преданія о состояніи Мурома и утвержденіи въ немъ христіанства княземъ Константиномъ въ XII или XIII вѣкѣ,—преданія, конечно, имѣвшія фактическую основу, но въ подробностяхъ неизбѣжно повредившіяся

([343]) Опис. Румянц. Муз. стр. 518; Библіотека М. Историч. Общ. № 304 (Опис. стр. 132 — 133); Славяно-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № 320 (Опис. стр. 234).

въ продолженіе вѣковъ въ устахъ народа, и потому заключающія въ себѣ разныя историческія несообразности и противорѣчія; прибавилъ кое-что изъ лѣтописи съ своими искаженіями и, наконецъ, помѣстилъ разсказъ объ открытіи мощей благовѣрныхъ князей въ 1553 году ([344]). А составитель житія св. князя Петра и княгини Февроніи, какой-то «господинъ смиренный мнихъ Іеразмъ» собралъ въ своей повѣсти, съ удивительною простотою и довѣрчивостію, не столько извѣстія о христіанскихъ или княжескихъ дѣяніяхъ князя, сколько старинныя легенды, съ незапамятныхъ временъ созданныя фантазіею народа, по его древнимъ вѣрованіямъ и преданіямъ, и только мѣстно-примѣненныя къ благовѣрному князю и его супругѣ ([345]). Повторяемъ: всѣ эти, такъ неудачно составленныя, житія мѣстно-чтимыхъ святыхъ имѣли только мѣстное значеніе и въ свое время не были разсмотрѣны высшею церковною властію, не были даны для общаго употребленія въ церкви.

Когда соборъ 1547 г. окончился, то, по благословенію его и, безъ сомнѣнія, по мысли митрополита Макарія, юный государь отнесся ко всѣмъ епархіальнымъ владыкамъ съ просьбою, чтобы они собрали свѣдѣнія и о другихъ святыхъ, каждый въ своемъ предѣлѣ, и представили на новый предполагавшійся соборъ. Соборъ этотъ, дѣйствительно, и состоялся въ 1549 г. подъ предсѣдательствомъ того же митрополита Макарія. Святители представили собранныя ими свѣдѣнія о святыхъ,

---

([344]) Напеч. въ Памятн. старинн. Русск. Литер. I, 229—239.

([345]) Есть въ Сборн. нашей библ. № 39, л. 191. Напечат. въ Памятн. старин. Русск. Литер. I, 29—48. Имя автора—*мниха Іеразма* — названо въ спискѣ этого житія, помѣщенномъ въ Сборникѣ Москов. Дух. Акад. XVI в., № 224, л. 215—230.

«каноны, житія и чудеса», по разсмотрѣніи которыхъ соборъ и положилъ праздновать еще пятнадцати русскимъ святымъ, да кромѣ того тремъ литовскимъ—св. мученикамъ Антонію, Іоанну и Евстафію, и двумъ сербскимъ—архіепископу Арсенію и св. мученику Іоанну Сочавскому, пострадавшему въ Бѣлѣ-градѣ ([346]). Въ числѣ представленныхъ на соборъ житій нѣкоторыя, именно: архіепископовъ новгородскихъ Евѳимія и Іоны, епископа пермскаго Стефана, тверскаго князя Михаила, преподобныхъ — Авраамія смоленскаго, Саввы вишерскаго, Григорія пельшемскаго, трехъ мучениковъ литовскихъ и св. мученика Іоанна Сочавскаго, оказались составленными еще въ прежнія времена, и теперь приняты и всѣ занесены въ Макарьевскія Чети-минеи ([347]). Но житія другихъ святыхъ, теперь канонизованныхъ, написаны вновь, вслѣдствіе означенныхъ нами обстоятельствъ. Таково, прежде всего, извѣстное, обширное житіе *преп. Евфросина псковскаго*, составленное пресвитеромъ Василіемъ, въ монашествѣ Варлаамомъ,—едва ли не самымъ многоглаголивымъ писателемъ своего времени, когда многоглаголаніе такъ цѣнилось, и однимъ изъ самыхъ

([346]) Недавно въ одной изъ редакцій житія св. митрополита Іоны, составленныхъ при митр. Макаріи, найденъ, вмѣстѣ съ разсказомъ о соборахъ 1547—1549 г., и общій перечень святыхъ, которымъ эти соборы установили церковное празднованіе, и напечатанъ г. *Ключевскимъ* (Древне-русск. жит. 225. 462). А какъ имена святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 г., извѣстны изъ оффиціальнаго документа, то имена другихъ святыхъ, которымъ установлено праздновать соборомъ 1549 г., легко уже опредѣляются на основаніи упомянутаго перечня.

([347]) Житія: Евѳимія новгородскаго подъ 11 ч. марта, Іоны новгородскаго подъ 5 ч. ноября, Стефана пермскаго подъ 26 ч. апрѣля, Михаила тверскаго подъ 22 ч. ноября, Авраамія смоленскаго подъ 21 ч. августа, Саввы вишерскаго подъ 1 ч. октября, Григорія пельшемскаго подъ 30 ч. сентября, трехъ литовскихъ мучениковъ подъ 14 ч. апрѣля, Іоанна Сочавскаго подъ 2 ч. іюня.

легковѣрныхъ, неразсудительныхъ и неразборчивыхъ при составленіи своихъ сказаній. Житіе Евфросина онъ написалъ еще въ 1547 г., слѣд. до собора, и воспользовался, какъ самъ говоритъ, прежнею повѣстью о преподобномъ, по догадкамъ, конца XV или начала XVI вѣка. Авторъ этой повѣсти былъ какой-то фанатическій приверженецъ сугубой аллилуіи, приписывавшій ей чрезвычайную важность, и потому изложилъ въ повѣсти крайне растянуто и многорѣчиво, съ мельчайшими подробностями и обстоятельствами, происходившіе во Псковѣ, при живѣйшемъ будто бы участіи преп. Евфросина, споры о двоеніи или троеніи аллилуіи, а равно и то, какъ ему самому, т. е., автору, являлись въ сонныхъ видѣніяхъ сперва преп. Евфросинъ и Серапіонъ, и затѣмъ даже пресв. Богородица, подробно объяснившая ему великую тайну божественной сугубой аллилуіи и повелѣвшая ему, чрезъ ангела, записать Ея слова. Всю эту повѣсть почти цѣликомъ и, большею частію, дословно повторилъ въ своемъ житіи преп. Евфросина и Василій, изложивъ только въ порядкѣ другія извѣстія о преподобномъ, разбросанныя въ повѣсти по разнымъ мѣстамъ, гдѣ случайно приходилось. А отъ себя прибавилъ лишь въ началѣ новое вступленіе и немногія извѣстія о происхожденіи, постриженіи и поселеніи преп. Евфросина на рѣкѣ Толвѣ, а въ концѣ описаніе нѣсколькихъ позднѣйшихъ чудесъ преподобнаго, не описанныхъ въ прежней повѣсти. Нельзя отрицать того историческаго факта, что во Псковѣ происходили, во дни преп. Евфросина, жаркіе споры объ аллилуіи; но невозможно принять нѣкоторыя неправдоподобныя подробности въ разсказѣ объ этихъ спорахъ, изложенныя въ житіи преп. Евфросина, и особенно тѣ «сонныя мечтанія» разсказчика, тѣ нелѣпыя и недостойныя объясненія о сугубой и трегубой аллилуіи,

какія влагаетъ онъ въ уста самой пресв. Богородицы и которыя московскій соборъ 1666 г. справедливо назвалъ «лживыми». Къ сожалѣнію, эти лживыя мечтанія нашли въ свое время вѣру, и самъ стоглавый соборъ ссылался въ своей главѣ объ аллилуіи на житіе преп. Евфросина, а митрополитъ Макарій внесъ житіе это въ свои Четп-минеи (348). Равнымъ образомъ онъ внесъ туда житія еще двухъ новоканонизованныхъ святыхъ — *Всеволода, князя псковскаго*, написанное тѣмъ же пресвитеромъ Василіемъ, и житіе *препод. Саввы сторожевскаго*, составленное инокомъ Маркелломъ. Оба житія скудны содержаніемъ. Въ первомъ кое-какъ сведены немногія извѣстія лѣтописей о князѣ Всеволодѣ, котораго авторъ, по невѣжеству, относитъ ко временамъ Ливонскаго ордена, и затѣмъ, на основаніи какого-то «малаго писанія» и устныхъ преданій, изложенъ разсказъ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей святаго въ 1192 г. и о многихъ чудесахъ его, совершившихся уже въ позднѣйшее время, въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI столѣтій. А житіе Саввы, составленное по повелѣнію м. Макарія, вслѣдствіе ходатайства братіи Сторожевскаго монастыря, излагаетъ также немногія свѣдѣнія только объ иноческой жизни преподобнаго, заимствованныя изъ житій препод. Сергія радонежскаго и ученика его Никона, и затѣмъ распространяется въ описаніи многочисленныхъ чудесъ св. старца (349). Житія еще нѣкоторыхъ вновь-канонизован-

---

(348) Подъ 15 числ. мая. Житіе это напечатано въ Памятн. стар. Русск. Литер. IV, 67.

(349) Житіе Всеволода псковскаго помѣщено въ *Макар.* Четп-мин. подъ 11 ч. февраля, а Саввы сторожевскаго подъ 3 ч. декабря. См. также Опис. Румянц. Муз. стр. 602; Опис. рукоп. Царскаго стр. 68; Опис. 24-хъ рукоп. Сборн. XVI в. Новгород. Соф. библ., въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. вып. III, отд. III, стр. 90.

ныхъ теперь святыхъ написаны уже послѣ 1552 г., какъ можно заключать, съ вѣроятностію, и изъ того, что они не попали въ Макарьевскія Чети-минеи. Разумѣемъ — а) житіе *препод. Евѳимія суздальскаго*, съ описаніемъ открытія его мощей въ 1507 г. и четырнадцати посмертныхъ его чудесъ, вышедшее изъ-подъ пера инока суздальской Спасоевѳиміевской обители Григорія, время жизни котораго, относящееся къ XVI в., доселѣ съ точностію неопредѣлено ([350]); б) житіе *препод. Ефрема перекомскаго*, крайне неудачное, составленное неизвѣстнымъ, который почти все содержаніе позаимствовалъ изъ житія препод. Александра свирскаго, сдѣлавъ только небольшія перемѣны и приспособленія къ своему преподобному, и потому неизбѣжно впалъ въ разныя противорѣчія и хронологическія несообразности ([351]); в) житіе *св. Нифонта, епископа новгородскаго*, — твореніе извѣстнаго пресвитера Василія, бѣдное содержаніемъ и переполненное многословіемъ, относящееся уже къ 1558 г., когда онъ былъ священноинокомъ Варлаамомъ: тутъ почти цѣликомъ повторено сказаніе о Нифонтѣ Кіево-печерскаго патерика, Кассіановской редакціи, съ прибавленіемъ только пышнаго предисловія, нѣсколькихъ новыхъ извѣстій о святителѣ, неизвѣстно откуда заимствованныхъ, и похвалы ему ([352]); г) наконецъ, житіе *св. Никиты, епископа новгородскаго*, явившееся почти одновременно въ четырехъ редакціяхъ. Первая принадлежитъ иноку Маркеллу, который въ 1555 г. былъ игуменомъ хутынскаго монастыря, но чрезъ два года

([350]) *Ключевск.* Древне-русск. житія, стр. 283—284.

([351]) Тамъ же стр. 263—264.

([352]) Напечатано въ Памятн. стар. Русск. Литер. IV, 1. Въ концѣ житія авторъ подтверждаетъ, что празднованіе въ честь св. Нифонта установлено именно при митр. Макаріи (стр. 8—9).

удалился съ игуменства въ Антоніевъ монастырь и тамъ «сотворилъ житіе Никитѣ, епископу новгородскому» незадолго до открытія мощей его: авторъ довольно подробно излагаетъ извѣстное сказаніе Поликарпа или Кіево-печерскаго патерика о бывшемъ затворникѣ Никитѣ, о его искушеніяхъ, о его избраніи во епископа новгородскаго, его чудесахъ еще при жизни, о его кончинѣ, и присовокупляетъ краткое похвальное ему слово, но вовсе не упоминаетъ объ открытіи мощей святителя ([353]). Вторая редакція — игумена Данилова монастыря Іоасафа: онъ принялся за это дѣло по порученію новгородскаго владыки Пимена, вслѣдствіе открытія мощей св. Никиты въ 1558 г., и послѣ весьма обширнаго и напыщеннаго приступа, повторивъ Поликарпово сказаніе объ угодникѣ, обстоятельно описалъ открытіе мощей его и послѣдовавшія чудеса ([354]). Третья редакція написана тѣмъ своеобразнымъ языкомъ и въ томъ полемическомъ направленіи, какія замѣчаются въ сочиненіяхъ извѣстнаго тогдашняго полемиста, инока Отней пустыни Зиновія: авторъ довольно критически отнесся къ Поликарпову сказанію о Никитѣ и объ открытіи мощей его разсказываетъ гораздо подробнѣе Іоасафа, но чудеса описываетъ только нѣкоторыя, замѣтивъ, что бо́льшая часть ихъ описаны «во иномъ», т. е., Іоасафовомъ сочиненіи ([355]). Послѣдняя.

([353]) Объ авторѣ—П. Собр. Р. Лѣт. III, 157 — 158; Ник. Лѣт. VII, 232. Списокъ житія и похв. слова есть въ Сборн. нашей библ. № 14, л. 165 — 173. Какъ житіе, такъ и похвальное слово начинаются одними и тѣми же словами: «въ память вѣчную будетъ праведникъ....», и въ обоихъ авторъ сознается, что о родителяхъ и мѣстѣ рожденія святаго онъ ничего не могъ найти.

([354]) Есть въ Сборн. нашей библ. № 64, л. 1. Имя автора названо въ самомъ заглавіи житія.

([355]) Есть въ Румянц. Муз. № 154 (Опис. этого Муз. стр. 205—206) и въ Сборн. нашей библ. № 14, л. 173.

четвертая редакція — трудъ неразъ уже упомянутаго нами пресвитера Василія, въ монашествѣ Варлаама, который, при составленіи ея, усердно воспользовался третьею редакціею житія св. Никиты, хотя писалъ, какъ говоритъ, по порученію самого митрополита Макарія ([356]). Нельзя здѣсь умолчать еще о двухъ житіяхъ, неразрывно связанныхъ между собою и составленныхъ однимъ и тѣмъ же лицемъ въ Ѳерапонтовомъ бѣлозерскомъ монастырѣ: это житія *преп. Ѳерапонта бѣлозерскаго и Мартиніана*. Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣдняго житія встрѣчается разсказъ, что послѣ собора 1547 г. игуменъ ѳерапонтовскій отвезъ въ Москву оба житія названныхъ преподобныхъ и представилъ митрополиту Макарію, который на новомъ соборѣ и установилъ праздновать память Ѳерапонта и Мартиніана. Къ сожалѣнію, разсказа этого нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ Мартиніанова житія и, что̀ еще важнѣе, имена обоихъ преподобныхъ не находятся въ извѣстномъ спискѣ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года ([357]). Развѣ предположить, что или списокъ не полонъ или оба преподобные канонизованы не на этомъ, а на одномъ изъ послѣдующихъ соборовъ, бывшихъ при Макаріи.

Окончились соборы 1547 — 1549 годовъ, установившіе праздновать столькимъ русскимъ святымъ и вызвавшіе появленіе столькихъ житій ихъ; но не окончилась любовь митрополита Макарія къ житіямъ, и онъ продолжалъ поручать и благословлять составленіе новыхъ житій, можетъ быть, съ цѣлію — подготовить матеріалы для канонизаціи еще нѣкоторыхъ отечественныхъ подвижниковъ благочестія. Такъ, въ 1553 г., по

([356]) Опис. рукоп. Царск., стр. 61.
([357]) *Ключев.* Древне-русск. жит. 272—273. Снес. 462.

порученію Макарія и самого государя, написано житіе *преп. Даніила переяславскаго* однимъ изъ учениковъ его. Ученикъ писалъ со всею искренностію и простотою, безъ риторическихъ прикрасъ и тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя такъ часто встрѣчаются во многихъ житіяхъ, и повѣствуетъ только о томъ, что самъ видѣлъ и слышалъ или непосредственно отъ своего учителя, или отъ другихъ его учениковъ, или вообще отъ его современниковъ, такъ какъ со смерти преподобнаго (7 апр. 1540 г.) едва протекло тринадцать лѣтъ. И вышло житіе, по изложенію, равно по обилію и достовѣрности содержанія, однимъ изъ лучшихъ ([358]). Вскорѣ послѣ 1560 г. составлено житіе *преп. Григорія и Кассіана авженскихъ*, или, точнѣе, сказаніе о явленіи мощей и чудесахъ ихъ, игуменомъ Даніилова монастыря Іоасафомъ. Онъ разсказываетъ, что въ 1560 г., по порученію митроп. Макарія, игуменъ Махрицкаго монастыря Варлаамъ собиралъ на мѣстѣ свѣдѣнія о чудесахъ этихъ преподобныхъ и для той же цѣли пріѣзжалъ въ Авженскій монастырь вологодскій епископъ Іоасафъ. Когда собранныя свѣдѣнія были представлены митрополиту, соборъ, на основаніи ихъ, установилъ праздновать обоимъ новымъ чудотворцамъ и повелѣлъ составить сказаніе о нихъ (— доказательство, что и послѣ соборовъ 1547 и 1549 г., еще при Макаріи причислялись нѣкоторые подвижники къ лику святыхъ). Это повелѣніе собора и исполнилъ игуменъ Іоасафъ, воспользовавшись переданными ему свѣдѣніями о новыхъ чудотворцахъ. Вслѣдъ за тѣмъ ему же поручено было царемъ и митрополитомъ Ма-

---

([358]) Опис. рукоп. гр Толстова, стр. 453. Надобно припомнить, что Даніилъ переяславскій былъ воспріемникомъ отъ купели царя Ивана Васильевича IV и что предстательству этого св. старца приписывали тогда успѣхи наши при взятіи Казани (Степ. кн. II, 207. 233—235).

каріемъ написать житіе *преп. Стефана махрицкаго*, бывшаго учителя преп. Григорія и Кассіана авженскихъ. Поводъ къ этому подалъ, какъ разсказываетъ авторъ въ концѣ житія, тотъ же махрицкій игуменъ Варлаамъ. Онъ нашелъ въ кладовой своей обители краткія харатейныя записки о Стефанѣ современника его, прадѣда своего священноинока Серапіона: припомнилъ, что слышалъ изъ устъ его о преподобномъ своими ушами во дни своей юности, и, будучи самъ свидѣтелемъ чудесъ, совершавшихся у гроба преп. Стефана, написалъ, какъ могъ, сказаніе о немъ и представилъ царю и митрополиту. Они помыслили, что «не подобаетъ оставити безъ написанія житіе и чудеса» такого великаго и святаго мужа и повелѣли написать житіе его, «да на память его прочитается». Іоасафъ нарочно отправлялся въ Махрицкій монастырь, разспрашивалъ игумена Варлаама и братію о преп. Стефанѣ, прочиталъ харатейныя записки о немъ священноинока Серапіона, и составилъ довольно подробное описаніе какъ житія, такъ и посмертныхъ чудесъ св. старца ([359]).

Трудясь надъ собираніемъ своихъ Четп-миней при помощи другихъ лицъ, которыя то отыскивали и переписывали разныя статьи и житія святыхъ, то составляли новыя житія, митрополитъ Макарій такимъ же образомъ трудился надъ продолженіемъ и дополненіемъ Степенной книги. По крайней мѣрѣ, со-

---

([359]) *Ключев.* Древне-русск. жит., 279. Списокъ житія св. Стефана махрицкаго есть и въ Сборн. нашей библ. № 51, л. 184. Авторъ, между прочимъ, говоритъ: «мнѣ же, смиренному, написавшу о явленіи мощей и о чудесѣхъ преп. Григорія и Касіяна, иже на Авнезѣ, бывшихъ ученицѣхъ св. Стефана, прилучися написати еже и о житіи св. Стефана и о чудесѣхъ его, и не яко премудръ и художества исполнену ми сущу..., но повелѣнъ быхъ отъ украшающаго престолъ матери церквамъ пречистыя Богородица Русскія митрополія, святѣйшаго, глаголю, господина митрополита Макарія» (—л. 187).

хранился списокъ Степенной, писанный въ его время и продолженный до самой его кончины, не далѣе, слѣд. продолженный въ его же время, и въ этомъ спискѣ есть мѣста, которыя не могъ написать о себѣ самъ Макарій, и есть статьи, составленныя по его благословенію и тогда же, а не послѣ, занесенныя въ Степенную книгу ([360]). Впрочемъ, въ чемъ бы ни состояло участіе Макарія въ продолженіи и дополненіи Степенной книги, — самъ ли онъ написалъ нѣкоторыя статьи въ ней, или поручалъ все дѣло другимъ, а самъ лишь руководилъ ими и пересматривалъ сдѣланное, — только это участіе послужило поводомъ къ составленію новыхъ житій, или новыхъ редакцій житій, которыя и занесены тогда же въ Степенную книгу. Такъ, въ самомъ началѣ Степенной книги, еще прежде оглавленія ея, помѣщено обширное *житіе св. благовѣрной княгини Ольги*, которое въ одномъ спискѣ прямо усвояется современнику Макарія, извѣстному попу Сильвестру, и, во всякомъ случаѣ, написано во дни царя Ивана Васильевича и митрополита Макарія: ибо въ одномъ мѣстѣ авторъ молитъ св. Ольгу и св. Владиміра и св. муч. Бориса и Глѣба, чтобы они сохраняли державу сродника своего «благочестиваго самодержца, царя и великаго князя», а въ другомъ выражаетъ мысль о происхожденіи русскихъ князей отъ рода римскаго кесаря Августа,—мысль, которая, если не придумана, то наи-

---

([360]) По этому-то списку и издана или напечатана Степенная книга. Свѣдѣнія о немъ — въ предисловіи къ изданію (VII — VIII). Последнее событіе, упоминаемое въ этомъ спискѣ, относится къ 1563 г. (—II, 214), т. е., къ году кончины митр. Макарія, о которой въ спискѣ не упоминается. Самъ Макарій не могъ, напримѣръ, выразиться о себѣ такъ: «и бысть (по изгнаніи митроп. Іоасафа) престолу Русскія митрополія преемникъ *дивный въ святителѣхъ Макарій*, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова» (— II, 241). Статьи, писанныя по благословенію Макарія — I, 76. 178 и др.

болѣе повторялась во дни Іоанна IV ([361]). Въ составъ этого житія авторъ внесъ все, что только находится о св. Ольгѣ въ нашихъ лѣтописяхъ, въ похвальномъ словѣ митрополита Иларіона св. Владиміру, въ похвалѣ св. Владиміру и Ольгѣ мниха Іакова и въ двухъ извѣстныхъ проложныхъ житіяхъ ея, и все это изложилъ до крайности растянуто и многословно со всѣми риторическими прикрасами, прибавилъ въ началѣ краткое извѣстіе о посѣщеніи и благословеніи св. апостоломъ Андреемъ русской земли и о первыхъ князьяхъ русскихъ Рюрикѣ, Олегѣ и Игорѣ, а въ концѣ — подробное и витіеватое сказаніе о перенесеніи мощей св. Ольги и еще болѣе витіеватое и высокопарное похвальное ей слово. И житіе и слово, какъ видно изъ многихъ оборотовъ рѣчи, предназначались для чтенія предъ народомъ въ день памяти св. Ольги, 11-го іюля ([362]). Затѣмъ, послѣ оглавленія Степенной книги, слѣдуетъ другое, еще гораздо обширнѣйшее и столько же растянутое и многословесное *житіе св. князя Владиміра*, также назначавшееся для чтенія въ день его памяти, 15 іюля. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что хотя и прежде обрѣтались многія повѣсти о равноапостольномъ, устныя и письменныя, но онѣ не были соединены вмѣстѣ, а существовали порознь, однѣ въ лѣтописяхъ, другія индѣ, третьи въ краткомъ житіи его, многія же въ похвалахъ ему, и что теперь изъ всѣхъ этихъ повѣстей собрана и составлена одна повѣсть «благословеніемъ и повелѣніемъ господина преосвящен-

---

([361]) Степ. кн. I, 43. 52. Въ одной рукописи житіе это озаглавлено: «Житіе великія княгини Ольги, списано любомудрецомъ *пресвитеромъ Сильвестромъ* царствующаго града Москвы» (*Погодин.* Изслѣд., замѣч. и лекціи IV, 40).

([362]) Степ. кн. I, 5. 35. 41. 44. 54.

наго митрополита Макарія всея Русіи». Повѣсть эта обнимаетъ не одну жизнь Владиміра, но вкороткѣ и всю нашу исторію, гражданскую и церковную, отъ начала Руси до его кончины, и раздѣлена на 72 главы. Начинаясь замѣткою о сродствѣ Владиміра съ римскимъ кесаремъ Августомъ, она ведетъ рѣчь о Рюрикѣ и послѣдующихъ князьяхъ нашихъ, объ обращеніи Руси къ христіанству еще при патріархѣ Фотіи, о крещеніи болгаръ, изобрѣтеніи русской граматы и переводѣ свящ. книгъ на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ; затѣмъ, переходя къ самому Владиміру, въ подробности излагаетъ обстоятельства его обращенія къ христіанству и крещенія всей земли русской, говоритъ о первыхъ нашихъ митрополитахъ, епископахъ, епархіяхъ, построеніи церквей, учрежденіи школъ, о разныхъ дѣяніяхъ князя, воинскихъ и гражданскихъ, о его смерти, и оканчивается похвалою ему и его благочестивымъ сродникамъ. Здѣсь, между прочимъ, авторъ, упомянувъ о св. Ольгѣ, замѣчаетъ: «о ней же довольно есть особное сказаніе», имѣя въ виду, вѣроятно, житіе ея, помѣщенное въ началѣ Степенной книги; а далѣе, упомянувъ о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ, выражается: «о нихъ же въ древнихъ повѣстѣхъ изрядная списанія довольно изложены быша, отъ нихъ же нѣчто отчасти собравше здѣ предлагахуся (т. е., предлагаются)....». ([363]). И дѣйствительно, тотчасъ за повѣстію о св. Владимірѣ и какъ бы продолженіе ея предлагается въ Степенной книгѣ, подъ заглавіемъ: глава 73, *повѣсть о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ*, составленная, какъ можно догадываться изъ приведенныхъ словъ, или тѣмъ же авторомъ или, по крайней мѣрѣ, въ его время. Тутъ авторъ

([363]) Степ. кн. I, 76. 180. 181.

исключительно воспользовался древними извѣстными повѣстями о св. мученикахъ мниха Іакова и преп. Нестора и, большею частію, дословно переписалъ то изъ одной, то изъ другой, особенно изъ первой, извѣстія какъ о страданіяхъ св. братьевъ, такъ и о чудесахъ ихъ и о перенесеніи мощей ихъ. Нельзя не замѣтить, что житія св. Владиміра и св. Бориса и Глѣба помѣщены въ Степенной книгѣ, не какъ вносныя статьи, которыя можно и исключить, а составляютъ собою почти всю ея «первую степень и первую грань», обширнѣйшій изъ всѣхъ ея отдѣловъ, и слѣд. вытѣснили и замѣнили собою прежнее содержаніе этого отдѣла или степени, можетъ быть, такое же тощее, какое видимъ въ послѣдующихъ ея степеняхъ и граняхъ. Изъ другихъ житій, помѣщенныхъ въ Степенной книгѣ, какъ на составленныя при митр. Макаріи, можемъ указать на житія: двухъ князей — *Александра Невскаго и Всеволода псковскаго*, двухъ *святителей московскихъ* — *Алексія и Іоны* и одного *преподобнаго*—*Даніила переяславльскаго*. Въ похвальномъ словѣ св. Александру Невскому, которое написано послѣ собора 1547 г., по порученію м. Макарія, и которое, излагая немногія черты жизни св. князя по древнему сказанію, подробно описываетъ его чудеса, авторъ выразился въ одномъ мѣстѣ: «о нихъ же (т. е., о новопрославленныхъ святыхъ русскихъ) послѣдь скажемъ», или, какъ въ другомъ спискѣ, «о нихъ же послѣди рѣчется въ Степенной книзѣ» (364). Изъ этого выраженія можно заключать, что авторъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ участниковъ въ

---

(364) Первое выраженіе находится въ спискѣ житія св. Александра, помѣщенномъ въ Макарьевской Чети-минеи подъ 23 ч. ноября, а послѣднее выраженіе—въ спискѣ того же житія, находящемся въ библіотекѣ Спб. Дух. Академіи, № 273.

составленіи Степенной книги, во дни Макарія, и именно помѣщалъ въ ней сказанія о святыхъ русскихъ или житія ихъ. Обращаясь, въ частности, къ помѣщенному здѣсь житію св. Александра Невскаго, и сравнивая это житіе съ означеннымъ похвальнымъ словомъ, находимъ, что житіе, повторивъ кратко сказанное о дѣяніяхъ князя въ словѣ, прибавляетъ нѣкоторыя новыя черты, тамъ не упомянутыя, и вообще гораздо обстоятельнѣе изображаетъ жизнь и дѣянія князя, сводя извѣстія лѣтописей, а о чудесахъ его говоритъ только о двухъ и при описаніи послѣдняго, совершившагося уже въ 1541 г., дѣлаетъ замѣчаніе: «сія же различная чудеса довольно писана быша въ торжественнѣмъ (т. е., похвальномъ) словеси его, въ сей же повѣсти сокращено прочихъ ради дѣяній». Такимъ образомъ оказывается, что слово и житіе служатъ какъ бы дополненіями одно другому, что житіе написано уже послѣ слова, т. е., послѣ 1547 г., и если не тѣмъ же авторомъ, то его современникомъ: ибо оно находится уже въ спискѣ Степенной книги, писанномъ въ то время (365). Подобное же отношеніе замѣчаемъ между житіемъ св. князя Всеволода псковскаго, которое составлено пресвитеромъ Василіемъ послѣ собора 1549 г. и занесено въ Макарьевскія Четіи-минеи, и житіемъ того же князя, помѣщеннымъ въ Степенной: первое, кратко описавъ жизнь князя, подробно излагаетъ его многочисленныя чудеса, послѣднее, напротивъ, гораздо обстоятельнѣе изображаетъ жизнь князя, а изъ чудесъ упоминаетъ только объ одномъ и оканчивается такъ: «многая же его неизчетная чудеса кто можетъ сказати или исписати? Елика же нѣцыи потщашася отчасти снискати и писанію

(365) Степ. кн. I, 355—375.

предати, и сія *во иной книзѣ, въ житіи его*, обрящеши». Замѣчательно, что какъ авторъ перваго житія св. князя Всеволода сознался въ предисловіи: «а еже отъ младыхъ ногтей житіе его не свѣмъ и не обрѣтохъ нигдѣ же», такъ и авторъ втораго житія повторяетъ то же съ небольшими измѣненіями рѣчи, ясно указывая, что имѣлъ уже подъ руками первое житіе ([366]). Житіе святителя московскаго Алексія, помѣщенное въ Степенной книгѣ, представляетъ собою самую обширную редакцію этого житія и, какъ само свидѣтельствуетъ, написано «по благословенію преосвященнаго Макарія, митрополита всеа Русіи, въ лѣто благочестивыя державы самодержца.... Ивана Васильевича.... и при благородномъ сынѣ его царевичи Иванѣ», слѣд. не прежде 1554 г., когда царевичъ родился ([367]). Житіе это замѣнило собою въ Степенной книгѣ другое житіе св. Алексія, вѣроятно, болѣе краткое, но несомнѣнно въ ней находившееся и прежде: такъ какъ на него ссылался еще въ 1537 г. Василій Тучковъ въ своей повѣсти о Михаилѣ клопскомъ ([368]). Житіе другаго святителя московскаго—Іоны, помѣщенное въ той же книгѣ, написано послѣ 1547 г., когда появилось извѣстное похвальное слово Іонѣ: потому что повторяетъ, за исключеніемъ предисловія, все содержаніе этого слова по порядку, иногда дословно, а вообще болѣе растянуто и витіевато, повторяетъ и всѣ разсказы слова о чудесахъ, съ прибавленіемъ новыхъ. Написано даже послѣ 1555 года, когда приносима была въ Москву изъ Вятки чудотворная икона Николы великорѣцкаго: потому

([366]) Степ. кн. I, 254. 265.

([367]) Степ. кн. I, 444. 478.

([368]) Памятн. старин. Русск. литер. IV, 48. Тучковъ выражается: «якоже въ житіи чудотворца святителя Алексія *въ Степеннѣ* сказаетъ....».

что, начиная разсказъ о новыхъ чудесахъ, упоминаетъ объ этомъ событіи. Написано, однакожъ, еще при жизни Макарія: потому что въ заключительной молитвѣ къ святителю Іонѣ, между прочимъ, молитъ его: «преосвященнаго же господина нашего архіепископа Макарія, митрополита всея Росіи, правящаго престолъ твой, въ мирѣ житіе исправити... поспѣши ему» ([369]). Наконецъ, сказаніе о Даніилѣ переяславскомъ, находящееся въ Степенной, есть не что иное, какъ сокращеніе обширнаго житія того же преподобнаго, которое, по волѣ царя и митрополита, написано въ 1553 г., — сокращеніе, сдѣланное не раньше 1555 года: потому что упоминаетъ въ концѣ о поставленіи архіепископа въ Казань, совершившемся въ этомъ году ([370]). Такимъ образомъ бо́льшая часть житій, занесенныхъ при Макаріи въ Степенную книгу, если не всѣ, явились уже послѣ соборовъ 1547 — 1549 г. и послѣ того, какъ онъ успѣлъ совершенно закончить свои великія Чети-минеи.

Доселѣ мы указали рядъ житій, которыя составляемы были подъ бо́льшимъ или меньшимъ вліяніемъ митрополита Макарія, то по его вызову и порученію, то по его благословенію, то по требованію обстоятельствъ, преимущественно отъ него же зависѣвшихъ. Но въ то же время писались или дополнялись у насъ и другія, правда, немногія житія, по-видимому совершенно независимо отъ вліянія Макарія, а только по силѣ господствовавшаго направленія въ нашей литературѣ и господствовавшей страсти къ составленію житій, которая однакожъ и возбуждена была и поддерживалась все тѣмъ же святите-

---

([369]) Степ. кн. II, 69. 93. 97.
([370]) Степ. кн. II, 218, 231.

телемъ. Такъ, хотя въ 1546 г., по благословенію Макарія, уже написано было житіе *преп. Іосифа волоколамскаго* епископомъ Саввою, вскорѣ затѣмъ составлены были еще два житія того же преподобнаго: одно краткое, въ видѣ надгробнаго слова, племянникомъ Іосифа инокомъ Досиѳеемъ, другое обширное — неизвѣстнымъ, но близко знавшимъ преп. Іосифа. Первое передаетъ любопытныя извѣстія о родителяхъ Іосифа и его дѣтствѣ, хотя не отличается точностію; въ послѣднемъ находимъ новыя свѣдѣнія объ Іосифѣ, которыхъ нѣтъ ни у Саввы, ни у Досиѳея, и нѣкоторыя важныя извѣстія для исторіи вообще нашей церкви (371). Равнымъ образомъ, хотя послѣ собора 1547 г. описаны были и житіе и чудеса *св. Александра Невскаго*, по порученію Макарія, чрезъ нѣсколько времени псковскій пресвитеръ Василій составилъ новое житіе этого князя безъ чудесъ, крайне неудачное, исказивъ здѣсь древнюю извѣстную повѣсть о немъ своимъ многословіемъ и особенно своими заимствованіями то изъ Пахоміева сказанія о князѣ Михаилѣ черниговскомъ, то изъ Антоніева житія князя Ѳеодора ярославскаго, вовсе не относящимися къ св. Александру (372). Въ 1555 г. тотъ же пресвитеръ Василій, по просьбѣ братіи Крыпецкаго монастыря, описалъ жизнь *преп. Саввы крыпецкаго*, а также открытіе его мощей, бывшее въ предшествовавшемъ году, и многія чудеса его, на основаніи разсказовъ свидѣтелей-очевидцевъ (373). Около того же времени, или

---

(371) То и другое житіе напечатаны г. *Невоструевымъ*. Москв. 1865 г.

(372) Рукоп. Царскаго № 378 (Опис. стр. 414).

(373) *Ключев.* Древне-русск. жит. 251. 258. Объ открытіи мощей св. Саввы есть и въ Сборникѣ нашей библ. № 66, л. 233. Здѣсь авторъ говоритъ о себѣ, между прочимъ, слѣдующее: «и понудиша мя (братія) писанію предати..., и призвахъ въ помощь св. отца Савы молитвы, и дерзнухъ писати

немного прежде, игуменъ Покровскаго чухломскаго монастыря Протасій (упоминается въ одной грамотѣ 1551 г.), будучи самъ свидѣтелемъ чудесъ, совершавшихся отъ мощей *преп. Авраамія чухломскаго*, составилъ житіе этого преподобнаго, воспользовавшись какими-то «ветхими и издранными» записками о немъ, отыскавшимися въ обители. Въ 1548 г. житіе соловецкихъ чудотворцевъ дополнено, при игуменѣ Филиппѣ, описаніемъ цѣлаго ряда новыхъ чудесъ, совершенныхъ ими; а чрезъ десять лѣтъ (1558 г.) точно такъ же дополнено Пахоміево житіе преп. Сергія радонежскаго описаніемъ новыхъ его чудесъ. При такомъ общемъ настроеніи къ жизнеописаніямъ святыхъ, при множествѣ появлявшихся частныхъ біографій угодниковъ Божіихъ, были попытки и болѣе общаго характера. Племянникъ преп. Іосифа волоколамскаго, написавшій ему надгробное слово, инокъ Досиоей составилъ около половины XVI вѣка опытъ *патерика*, какъ самъ называетъ свое сочиненіе, въ которомъ соединилъ повѣсти, разсказы, изреченія и бесѣды Пафнутія боровскаго, Іосифа волоколамскаго и ихъ учениковъ, или вообще то, что слышалъ отъ нихъ и самъ видѣлъ въ ихъ обителяхъ. А инокъ суздальскаго Спасо-евоиміева монастыря Григорій написалъ похвальное слово «на память *всѣхъ святыхъ русскихъ новыхъ чудотворцевъ*»,—попытка, очевидно, вызванная соборами 1547—1549 г. ([374]).

Литературное движеніе и направленіе, возбужденныя митрополитомъ Макаріемъ, продолжались и послѣ его смерти до

житіе и чудодѣйствіе его, и яже о немъ многая исправленія слышахъ отъ неложныхъ свидѣтелей, и написахъ азъ, многогрѣшный презвитеръ Василей житіе св. отца, елико могохъ, и канонъ въ славу Христу Богу нашему и въ похвалу св. чудотворцу Савѣ» (—л. 237 об.).

([374]) *Ключевск.* Древне-русск. житія, 247. 270. 276. 285. 294. 295.

самаго конца настоящаго періода. Главнымъ, любимымъ, почти исключительнымъ родомъ сочиненій оставались у насъ житія святыхъ вмѣстѣ съ похвальными имъ словами. Но прежде, нежели скажемъ объ этихъ житіяхъ послѣдующаго времени, обратимся къ сочиненіямъ другихъ родовъ, появившимся еще во дни Макарія, или вскорѣ послѣ его смерти, и заслуживающимъ наше вниманіе.

Таково, прежде всего, сочиненіе, точнѣе, Сборникъ, извѣстный подъ именемъ *Домостроя*, который, не безъ основанія, нѣкоторые приписывали современнику Макарія, благовѣщенскому попу Сильвестру (375). Нынѣ оказывается, что Домострой, въ полномъ своемъ составѣ, существовалъ еще до Сильвестра, а Сильвестръ только нѣсколько измѣнилъ его и въ концѣ дополнилъ собственнымъ сочиненіемъ — посланіемъ къ своему сыну Анѳиму (376). Древнѣйшій списокъ Домостроя въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до Сильвестра, по палеографическимъ особенностямъ, относится, если не къ первой четверти, то къ первой половинѣ XVI вѣка. О составителѣ этого Сборника, неизвѣстномъ по имени, можно сказать только, что онъ былъ отецъ семейства и хотѣлъ дать своему сыну руководство для жизни, — такъ какъ первую главу своего Сборника начинаетъ слѣдующими словами: «благословляю азъ, грѣшный (имярекъ), и поучаю, и наказую, и вразумляю единочадаго сына

---

(375) Домострой изданъ былъ два раза: во Временникѣ Московъ. Истор. Общ. (кн. I, отд. II; кн. VI, отд. II, Москв. 1849—1850) на основаніи пяти списковъ, и г. *Кожанчиковымъ* — на основаніи другихъ четырехъ списковъ (Спб. 1867). О Домостроѣ писали: *Аѳанасьевъ.* Отеч. Записки 1850, № 7; *Соловьевъ.* Истор. Россіи VII, 223 и дал.; *Галахъ.* Истор. Русск. Слов. I, 141; *Порфир.* Прав. Собесѣдн. 1860, III, 279; Истор. Русск. Литер. I, 420, и другіе.

(376) *Некрасовъ.* Опытъ историко-литер. изслѣдованія о происх. древнерусск. Домостроя, въ Чтен. Московъ. Истор. Общ. 1872, кн. III, отд. I, 1—184.

своего (имярекъ), и его жену, и ихъ домочадцевъ, быти во всякомъ христіанскомъ законѣ....». и проч. Въ предисловіи своемъ составитель ясно выражаетъ, что Домострой содержитъ въ себѣ три отдѣльныя, самостоятельныя части неодновременнаго происхожденія и раздѣленъ на 63 главы. Первая часть (— «поученіе и наказаніе отъ отецъ духовныхъ ко всѣмъ православнымъ христіаномъ, како вѣровати....» и проч. —) обнимаетъ первыя 15 главъ Домостроя и кратко излагаетъ наставленія собственно о религіозныхъ обязанностяхъ христіанина по отношенію къ Богу и ближнимъ, въ частности ко властямъ гражданскимъ и духовнымъ. Эта часть, дѣйствительно заимствованная изъ Отцевъ (четыре первыя главы почти дословно взяты изъ «Стослова» Геннадія, архіепископа цареградскаго, слѣдующія главы—съ нѣкоторыми измѣненіями то изъ «Златоуста», то изъ «Измарагда», то изъ «Златой Чепи»), принадлежитъ самому составителю Домостроя и явилась, вѣроятно, въ Москвѣ, отнюдь не прежде конца XV или первой половины XVI столѣтія: такъ какъ составитель оказывается, во-первыхъ, сторонникомъ усиленія царской власти московскаго князя, очень часто говоритъ о царѣ, о почитаніи царской власти и заповѣдуетъ молиться не только въ церкви, но и дома «за царя и великаго князя, имярекъ, всея Руси самодержца, и за его царицю, имярекъ, и за ихъ благородная чада, и за братью его, и за бояре», а во-вторыхъ—сторонникомъ и ревнителемъ двуперстнаго перстосложенія для крестнаго знаменія и приводитъ такъ-называемое Ѳеодоритово слово, которое, сколько доселѣ извѣстно, въ первый разъ встрѣчается у насъ въ двухъ Соловецкихъ Сборникахъ конца XV вѣка. Вторая часть (о которой составитель Домостроя выражается въ предисловіи: «и еще въ сей книгѣ изнайдени *наказъ отъ нѣкоего о мірскомъ строеніи*,

како жити православнымъ христіаномъ въ миру съ женами, и дѣтми, и домочадци, и ихъ наказывати и учити»)—обнимаетъ послѣдующія 14 главъ и излагаетъ правила объ отношеніяхъ главы семейства къ женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ. Эта часть, очевидно, старѣе первой, и составитель Домостроя взялъ ее, какъ уже готовое, прежде существовавшее сочиненіе «нѣкоего» и внесъ въ свой Сборникъ. Написано сочиненіе это, судя по внутреннимъ признакамъ, въ Новгородѣ, изображаетъ бытъ богатаго новгородскаго боярина и въ нѣкоторыхъ своихъ главахъ заимствовано, какъ и первая часть, изъ книгъ «Измарагда», «Златоуста» и под., а въ другихъ, наприм. въ главѣ о воспитаніи дочери и о приготовленіи ей приданаго, взято прямо изъ сложившагося строя мѣстной жизни. Наконецъ, третья, самая обширная часть Домостроя, написанная также въ Новгородѣ (о которой въ предисловіи сказано: «и еще въ сей книгѣ изнайдеши *о домовномъ строеніи*, какъ наказъ имѣти къ женѣ и дѣтемъ и къ слугамъ, и какъ запасъ имѣти всякой хлѣбной и мясной, и рыбной, и овощной, и о дворовой подрядиѣ, паче же въ недоумѣваемыхъ»), обнимаетъ остальныя 34 главы и заключаетъ въ себѣ множество самыхъ разнородныхъ и подробныхъ замѣтокъ, наставленій, правилъ относительно экономіи и хозяйства, какъ, напримѣръ, кроить, шить и носить платья, какъ дѣлать годовые запасы всякой провизіи и хлѣба; какъ водить садъ, огородъ, варить пиво, сытить медъ; какъ строить дворъ, лавку, амбаръ, какъ вести счеты съ торговыми и лавочными людьми; какъ приготовлять обѣды и пиры для гостей, варить кушанья, постныя и скоромныя, когда что̀ подавать на столъ и под. Такого рода замѣтки, наставленія и правила, чисто-практическія, и притомъ столько разнородныя и многочисленныя, не могли быть сочинены кѣмъ-либо или соста-

влены въ короткое время, а могли составляться и накопляться только мало-по-малу, постепенно, въ теченіе многихъ лѣтъ, вслѣдствіе долговременныхъ наблюденій и опытовъ; въ Домострой эти правила могли быть заимствованы изъ тѣхъ домашнихъ записей или памятей, которыя издревле велись разумными домохозяевами и передавались отъ отцевъ къ дѣтямъ въ руководство для жизни. Потому очень вѣроятно, что третья часть Домостроя, кѣмъ бы она ни была составлена, самимъ ли авторомъ Домостроя или кѣмъ-либо другимъ прежде, авторомъ же Домостроя только внесена съ нѣкоторыми измѣненіями въ этотъ Сборникъ, по содержанію своему еще старѣе второй части ([377]). Древнѣйшій списокъ Домостроя въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ попа Сильвестра, относится ко второй половинѣ или даже къ концу XVI вѣка и представляетъ слѣдующія перемѣны: здѣсь опущено предисловіе къ Домострою; переставлены нѣкоторыя главы и изъ второй части перенесены въ первую, а изъ первой и третьей во вторую; многія главы сокращены и только одна (10-я) нѣсколько удлинена, впрочемъ прибавкою, взятою изъ другой (15-й) главы того же Домостроя; сглажены нѣкоторыя особенности, указывавшія на быть Новгорода и непримѣнимыя къ Москвѣ, гдѣ трудился Сильвестръ надъ Домостроемъ; наконецъ, прибавлена новая, обширная (64-я) глава, содержащая посланіе Сильвестра къ его сыну ([378]). Это посланіе не есть сочиненіе, совершенно

([377]) Свѣдѣнія объ этомъ древнѣйшемъ спискѣ Домостроя, принадлежащемъ нынѣ Обществу Исторіи и древн. Росс. въ Москвѣ, равно какъ и о другихъ спискахъ, для которыхъ онъ послужилъ какъ бы прототипомъ, изложены въ томъ же Изслѣдованіи *г. Некрасова*, стр. 55—91. 102—175.

([378]) И объ этомъ спискѣ Домостроя, принадлежавшемъ *Коншину* и изданномъ во Временникѣ (книг. 1) М. Истор. Общ., равно какъ и о другихъ, позднѣйшихъ спискахъ Сильвестровской редакціи, см. тамъ же стр. 91—102.

независимое отъ Домостроя и только приложенное къ нему, а находится съ нимъ въ тѣсной связи, есть извлеченіе изъ него и представляетъ собою какъ бы малый Домострой; оно кратко повторяетъ тѣ же самыя мысли и наставленія, которыя подробнѣе изложены въ большомъ Домостроѣ, съ прибавленіемъ двухъ-трехъ новыхъ, и, что̀ особенно замѣчательно, повторяетъ нерѣдко почти дословно, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и оборотахъ рѣчи: дотого освоился Сильвестръ съ Домостроемъ, трудясь надъ сокращеніемъ его для своего сына (379).

Имѣя въ виду, что правила, изложенныя въ Домостроѣ, были господствующими у насъ въ XVI вѣкѣ и представляли собою какъ бы идеалъ, которому старались слѣдовать тогда лучшіе люди, а нѣкоторыя цѣликомъ взяты изъ тогдашняго строя русской жизни, и что въ Домостроѣ столько участія принималъ знаменитый Сильвестръ, приведемъ изъ этого Сборника нѣсколько болѣе замѣчательныхъ мыслей. Вотъ какъ, напримѣръ, излагаются въ Домостроѣ *общія религіозныя обязанности всѣхъ членовъ семейства:* домъ всякаго христіанина дол-

---

175—184. Замѣчательно, что въ одномъ изъ нихъ, нач. XVII в., первая глава Домостроя начинается такъ: «Благословляю *я, грѣшный Селивестръ*, и поучаю, и наказую, и вразумляю, единочадаго сына своего *Анфима* и его жену *Пелагею*, и ихъ домочадцовъ быти во всякомъ хрестьянномъ законѣ....» и проч. (—стр. 94). Не самъ ли Сильвестръ внесъ эти имена въ тотъ списокъ Домостроя, который онъ написалъ для своего сына и который послужилъ прототипомъ для послѣдующихъ списковъ той же редакціи?

(379) Чтобы убѣдиться въ этихъ почти дословныхъ заимствованіяхъ и повтореніяхъ, достаточно сравнить сказанное въ 64-й главѣ, т. е., въ посланіи Сильвестра къ сыну, о домашнемъ богослуженіи, о почитаніи священническаго и монашескаго чина, объ освященіи воды, о милосердіи къ бѣднымъ, о соблюденіи епитимій, объ обязанностяхъ жены—домохозяйки, о наказаніи ея и проч. (Домостр. стр. 145 — 148, по изд. *Кожанчик.*), съ тѣмъ, что о тѣхъ же предметахъ говорится въ предшествовавшихъ главахъ Домостроя (стр. 12. 14. 15. 25. 26. 28. 29. 30. 35. 36. 69. 78. 92. 90), а также снести стр. 7—8 съ стр. 154—155.

женъ быть какъ бы малою церковію; въ немъ по стѣнамъ, на благолѣпно устроенномъ мѣстѣ, должны быть поставлены св. иконы со всякимъ украшеніемъ; предъ ними во время молитвы и св. пѣнія должно возжигать свѣчи и кадить благовоннымъ ладономъ и ѳиміамомъ (гл. 8). Каждый день вечеромъ мужъ и жена, съ дѣтьми и домочадцами, если умѣютъ грамотѣ, должны отпѣть вечерню и навечерницу, съ молитвою и поклонами, внятно и единогласно; послѣ правила отнюдь не пить и не ѣсть и не разговаривать; ложась спать, всякій христіанинъ долженъ положить три поклона въ землю предъ Богомъ, а въ полночь всегда, тайно вставъ, помолиться о своемъ согрѣшеніи, сколько можетъ; утромъ послѣ сна отпѣть заутреню, часы, а въ недѣлю и праздникъ—и молебенъ. Гдѣ же некому пѣть, тамъ утромъ и вечеромъ молиться довольно, и мужья отнюдь не должны пропускать церковнаго пѣнія вечерни, утрени и обѣдни, а жены и домочадцы, по крайней мѣрѣ, въ недѣли, праздники и святые дни (гл. 12). Въ недѣли и праздники Господни, въ среды и пятки, во св. великій постъ и въ богородичный пребывать въ чистотѣ и беречься отъ объяденія и пьянства, отъ пустошныхъ бесѣдъ и смѣхотворства, отъ татьбы, блуда и вообще отъ всякаго беззаконія. Всякому христіанину въ рукахъ всегда держать четки, а въ устахъ непрестанно имѣть молитву Іисусову, и въ церкви, и въ домѣ, и на торгу, и на всякомъ мѣстѣ (гл. 13). Въ праздники, по обѣщанію своему или ради немощи, да призываютъ священическій чинъ въ домъ свой совершать молебствія о всякомъ прошеніи и, если пожелаютъ, святить воду животворящимъ крестомъ, и чрезъ чудотворныя иконы и св. мощи, и освящать масло за болящаго, во здравіе и исцѣленіе. А по родителямъ преставльшимся творить память въ церк-

вахъ и монастыряхъ, пѣть соборныя панихиды, служить литургіи и въ трапезѣ кормить братію за здравіе и за упокой, и призывать въ домъ свой, и кормить, и поить, и милостыни творить (гл. 10). Вотъ какъ изображается *значеніе мужа и жены въ семействѣ и домѣ:* мужъ — глава семейства, господинъ дома; онъ долженъ учить жену и дѣтей и домочадцевъ не красть, не лгать, не обижать и вообще не творить никакого грѣха; долженъ учить ихъ страху Божію и всякой добродѣтели и самъ творить то же (гл. 21). Жена вопрошаетъ мужа о всякомъ благочиніи, какъ спасти душу и угодить Богу, какъ устроять домъ и во всемъ покоряться мужу, и что онъ накажетъ, должна принимать и творить со страхомъ и любовію (гл. 29). Каждый день она должна спрашиваться мужа и совѣтоваться съ нимъ, о чемъ нужно; а въ гости ходить, и къ себѣ звать, съ кѣмъ мужъ велитъ, и къ церкви Божіей ходить, по совѣту съ мужемъ (гл. 13 и 34). Жена—хозяйка дома и распорядительница: вставъ отъ сна, она должна указать слугамъ, всякому свое рукодѣліе, свою работу на весь день, кому печь и варить, кому шить и прясть, кому вышивать золотомъ или шелкомъ, кому ткать, кому бѣлье мыть и проч., и сама должна знать и умѣть всѣ эти рукодѣлія и работы, чтобы научать слугъ, назирать за ними, руководить ихъ: сама отнюдь не должна оставаться безъ дѣла, чтобы служить имъ примѣромъ; мужъ ли придетъ или гостья обычная, а она бъ всегда сидѣла за рукодѣліемъ (гл. 29). Съ гостями она должна бесѣдовать о рукодѣліи и домашнемъ строеніи, и чего не знаетъ, о томъ спрашивать у добрыхъ женъ вѣжливо и ласково и за всякое указаніе челомъ бить (гл. 34). Если жена внимательна и все творитъ, какъ должна, мужъ любитъ ее и жалуетъ. А если жена не живетъ и не творитъ такъ, какъ

«въ сей книгѣ (Домостроѣ) написано», и слугъ не учитъ: то мужу слѣдуетъ наказывать свою жену наединѣ и пользовать страхомъ, да, по наказаніи, пожаловать и примолвить; а гнѣваться другъ на друга они не должны, но всегда жить въ любви и чистосердечіи. Равно слугъ и дѣтей, смотря по винѣ и дѣлу, учить, наказывать и раны возлагать. Если же жены, или сына, или дочери слово и наказаніе неймѣтъ, и они не слушаютъ и не творятъ, какъ учитъ мужъ, или отецъ: тогда, смотря по винѣ, постегать плетью наединѣ, а не предъ людьми, и, поучивъ, примолвить и пожаловать, безъ гнѣва. А про всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить, желѣзнымъ и деревяннымъ. Когда жъ великая вина, то и рубашку снять и плетію вѣжливенько побить, держа за руки, да за тѣмъ примолвить безъ гнѣва (гл. 38). Вотъ—*отношеніе родителей къ дѣтямъ и господъ къ слугамъ:* отецъ и мать должны имѣть попеченіе о дѣтяхъ, снабдѣвать ихъ и воспитывать въ добромъ наказаніи, учить ихъ страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію, а въ свое время, смотря по возрасту, учить и рукодѣлію, кто къ чему способенъ, кому какой далъ Богъ смыслъ; любить ихъ, и беречь, и спасать страхомъ, и возлагать на нихъ раны: наказывай сына въ юности его, да возрадуешься о немъ въ мужествѣ его; если бьешь его лозою, онъ не умретъ, а будетъ здоровѣе (гл. 15. 17). А у кого родится дочь, то разсудительные люди заблаговременно исподоволь припасаютъ, что понадобится для нея впослѣдствіи, каждый годъ откладываютъ въ особый сундукъ полотна, посуду, платья, прибавляя понемногу, а не вдругъ. Дочь растетъ, учится страху Божію и всякому вѣжеству и рукодѣлію, а съ нею и приданое прибываетъ: а какъ замужъ

сговорятъ, то уже все для нея готово (гл. 16). Господинъ или госпожа должны всегда дозирать слугъ и спрашивать ихъ о всякой нуждѣ, о пищѣ, питіи, одеждѣ, о всякой потребѣ, скудости, обидѣ и болѣзни, и Бога ради промышлять и имѣть попеченіе о нихъ отъ всей души, какъ о своихъ и о присныхъ своихъ. Кто нерадитъ и не болѣзнуетъ о нихъ, дастъ Богу отвѣтъ, а кто съ любовію бережетъ и хранитъ ихъ, великую милость получитъ отъ Бога: ибо рабы и рабыни Богомъ созданы и намъ поручены отъ Бога на послугу, да печемся о нихъ. А держать у себя людей по силѣ, чтобы можно было удоволить ихъ пищею и одеждою; если же держать людей не по силѣ и не удовлетворять ихъ пищею и одеждою, то тѣмъ слугамъ, которые нерукодѣльны и не умѣютъ сами себѣ что промыслить, по неволѣ придется плакать, красть, лгать, пьянствовать и чинить всякое зло. Надобно людей не только кормить и одѣвать, но и въ страхѣ Божіемъ имѣть и въ добромъ наказаніи, чтобы спасти ихъ души. А въ работу ихъ не продавать, но добровольно ихъ отпущать и надѣлить, сколько можно. Старыхъ слугъ, которые не могутъ работать, также кормить и одѣвать за старую ихъ послугу (гл. 51. 27). Въ наставленіяхъ Домостроя, какъ жить и вести себя въ обществѣ, чтобы всѣхъ расположить къ себѣ, ни въ комъ не возбудить къ себѣ неприязни и вражды, замѣтно иногда даже преобладаніе житейскаго направленія надъ требованіями истины и правды. Такъ, онъ совѣтуетъ въ гостяхъ за столомъ говорить ложь и притворяться, именно похвалять всѣ кушанья, хотя бы иное было гнило, или кисло, или прѣсно, или солоно, или горько, или затхлося, и всѣ вкушать съ благодареніемъ (гл. 11).

Обращаясь, въ частности, къ посланію Сильвестра, помѣ-

щенному въ послѣдней главѣ Домостроя, не можемъ не остановиться на томъ прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ достойный отецъ, въ подкрѣпленіе своихъ наставленій сыну, указываетъ на примѣръ собственной жизни и говоритъ: «сынъ мой, ты видѣлъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ: какъ, Божіею милостію я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ стучаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностію, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился: приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями. Если какою виною, душевною или тѣлесною, согрѣшалъ предъ Богомъ и предъ людьми, скоро о томъ плакался къ Богу и каялся предъ отцемъ духовнымъ со слезами, умильно прося прощенія, и съ любовію хранилъ его духовныя заповѣди. Если кто обличалъ меня въ моемъ прегрѣшеніи или какомъ невѣжествѣ, или духовно наставлялъ, или въ посмѣхъ поносилъ меня и укорялъ, все это я принималъ и внималъ себѣ; если то было по-дѣломъ, я каялся и отъ такихъ дѣлъ удалялся съ Божіею помощію; а если неповинно и не по дѣлу была молва, или поношеніе, или посмѣхъ, или укоризна, или ударъ, во всемъ томъ я винился и не оправдывалъ себя предъ людьми: Богъ исправитъ это праведнымъ своимъ милосердіемъ..... Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи; никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ,

плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ, по силѣ, кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога, и всегда доброхотствуютъ намъ; а кто изъ нихъ забылъ насъ, да проститъ его Богъ. Нынѣ домочадцы наши всѣ свободные, живутъ у насъ по своей волѣ. Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возвраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлію, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, замужъ повыдавала, а мужчинъ мы поженили у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, Богъ далъ, люди свободные, домами своими живутъ; многіе въ священническомъ и діаконскомъ чинѣ, въ дьякахъ, подьячихъ и во всякихъ чинахъ, кто чего дородился и въ чемъ кому Богъ благословилъ быть; одни рукодѣльничаютъ всякими промыслами, многіе торгуютъ въ лавкахъ, многіе ведутъ всякую торговлю въ различныхъ странахъ. И, Божіею милостію, во всѣхъ тѣхъ нашихъ вскормленникахъ и послуживцахъ ни сраму, ни убытка и никакой продажи отъ людей не бывало, ни людямъ отъ насъ никакой тяжбы не бывало; а отъ кого намъ изъ нашихъ вскормленниковъ досада и великіе убытки бывали, то все мы на себѣ понесли, никто того не слыхалъ, а намъ то Богъ пополнилъ. Не познаъ я другой жены, кромѣ матери твоей, и данный ей обѣтъ не-

полнилъ..... Вспоминай, сынъ мой, великое Божіе милосердіе къ намъ и заступленіе: отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня не давалъ никто; на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ, не бывалъ ни истцомъ, ни отвѣтчикомъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много,—иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, плотники, каменщики и всякіе рукодѣльники; деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ, по рублю, по два, по три, по пяти, по десяти и больше; многіе изъ нихъ были своевольны и бражники, и со всѣми тѣми мастерами, въ сорокъ лѣтъ, далъ Богъ, я раздѣлался безъ остуды, и безъ пристава, и безъ всякой кручины; все то мирилъ я хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею и всякою добродѣтелью, да своимъ терпѣньемъ. Самъ у кого что покупалъ, тому отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ-соль. За то дружба во вѣкъ: мимо меня не продастъ и во всемъ сдѣлаетъ уступку. А кому что продавалъ, все въ любовь, а не въ обманъ; нелюбъ кому мой товаръ, я назадъ возьму, а деньги отдамъ; о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало, оттого добрые люди во всемъ вѣрили, и здѣшніе и иноземцы. Никому ни въ чемъ не лгалъ, не просрочивалъ, ни въ рукодѣліи, ни въ торговлѣ; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давалъ. А видѣлъ ты самъ, какія великія сплетки со многими людьми были, и все то, далъ Богъ, безъ вражды кончилось. Самъ знаешь, что не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою, да ласкою, да любовію, а не гордостію, и безъ всякой лжи. Чадо мое любимое, Анеимъ! Я поучалъ тебя и всячески наказывалъ о всякомъ добродѣтельномъ житіи и предалъ тебѣ грубое сіе писаніе худаго моего ученія: молюжъ тебя, Господа ради и пресв. Богородицы

и великихъ чудотворцевъ, прочитывай это съ любовію и со вниманіемъ и напиши на сердцѣ своемъ и, прося помощи у Бога, и разума, и крѣпости, все прежде сказанное съ любовію дѣломъ твори; такъ же по сему писанію поучай и наставляй жену и дѣтей своихъ и домочадцевъ; всѣхъ учи страху Божію и добродѣтельному житію....» и проч. (гл. 64). Такимъ-то образомъ почтенный о. Сильвестръ завѣщалъ своему сыну какъ бы два Домостроя вмѣстѣ: одинъ писанный — въ своемъ сочиненіи, другой не писанный—въ своей жизни.

Кромѣ Домостроя и житія св. княгини Ольги, о которомъ мы сказали прежде, о. Сильвестру принадлежатъ еще два посланія, писанныя къ одному и тому же лицу — князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатому, но при двухъ, совершенно различныхъ, обстоятельствахъ его жизни ([380]). Первое написано тогда, когда Шуйскій находился въ чести и славѣ, былъ намѣстникомъ царя и воеводою въ Казани (съ 6 окт. 1552 г.), облеченнымъ властію устроять все въ только что покоренномъ царствѣ. Съ величайшимъ смиреніемъ Сильвестръ начинаетъ это посланіе, творитъ «многое метаніе до лица земли» предъ намѣстникомъ царскимъ, удивляется, какъ такой великій и славный господинъ не возгнушался посѣтить его—убогаго своимъ честнымъ писаніемъ и даже просить его отвѣтнаго писанія на пользу души, и намекаетъ князю, что самое отрадное впечатлѣніе произвели въ Москвѣ присланныя имъ извѣстія о его трудахъ и подвигахъ въ Казани. Послѣ такого приступа Сильвестръ въ первой части посланія восхва-

---

([380]) Оба посланія напечатаны въ Христ. Чтен. 1871, за мартъ, въ особомъ Приложеніи. Извѣстна еще *Челобитная* попа Сильвестра (А. Э. I, № 238, стр. 246). Но ее нельзя относить къ произведеніямъ литературнымъ.

ляетъ царя Ивана Васильевича по случаю покоренія царства казанскаго, а во второй преподаетъ наставленія какъ намѣстнику царя, такъ и всѣмъ, находящимся въ Казани. Въ похвалѣ государю авторъ уподобляетъ его царю Константину Великому и царю Давиду. Благочестивый царь Константинъ побѣждалъ враговъ силою креста Христова и полагалъ свою славу не въ томъ, что покорялъ себѣ города, а наиболѣе въ томъ, что живущихъ въ нихъ просвѣщалъ св. крещеніемъ: такъ и христолюбецъ— царь Иванъ Васильевичъ божественною силою животворящаго креста побѣдилъ безчисленныя полчища варваровъ и покорилъ городъ Казань, и обновилъ его христіанскою вѣрою, и соградилъ въ немъ св. церкви, и украсилъ ихъ св. иконами и св. книгами, и устроилъ въ немъ священническій чинъ славить единаго въ Троицѣ Бога. Св. царь Давидъ, хотя много пострадалъ отъ Саула, но, по смерти его, не только не мстилъ его родственникамъ, напротивъ, оказывалъ имъ всякое милосердіе, а внука его, хромаго, взялъ даже въ домъ свой, удостоилъ великой чести, приглашалъ къ своей трапезѣ: такъ и благочестивый царь Иванъ Васильевичъ, сколько ни перенесъ скорбей отъ врага своего царя казанскаго, но, по смерти его, покоривъ Казань, взялъ малолѣтняго сына его Утемишь-Гирея къ себѣ, ввелъ въ свою палату, удостоилъ своей царской трапезы и, что всего важнѣе, просвѣтилъ св. крещеніемъ, назвавъ царевича Александромъ; равно и многихъ другихъ своихъ враговъ— царя казанскаго Едигера, въ крещеніи Симеона, князей и мурзъ казанскихъ, крымскихъ, ногайскихъ и дѣтей ихъ, плѣненныхъ, освятилъ св. крещеніемъ и присоединилъ къ Христову стаду. Въ своихъ наставленіяхъ Сильвестръ, прежде всего, обращается къ намѣстнику царскому и, указывая, какъ много ему поручено, учитъ его просить помощи и разума отъ Бога

и не гордиться, не величаться, не возноситься мыслію, напротивъ быть и при славѣ смиреннымъ; искать мудрости и цѣнить ее въ другихъ, украшать себя добродѣтелями, а не богатствомъ и другими скоропреходящими благами; быть милостивымъ ко всѣмъ, соблюдать чистоту тѣлесную и душевную, быть примѣромъ для подчиненныхъ и, наконецъ, напоминаетъ князю, что какъ государь, поручая ему новопокоренную страну, поручилъ вмѣстѣ заботиться объ утвержденіи въ ней св. вѣры, то ему «достоитъ священническому чину возвѣщати, чтобы у нихъ было церковное благочиненіе по уставу», чтобы пастыри духовные совершали вообще дѣло по божественному писанію, по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ и «по соборному уложенію» ([381]). Затѣмъ авторъ подробнѣе излагаетъ обязанности пастырей церкви, приводя множество текстовъ изъ св. писанія: пастыри должны показывать собою образъ во всякомъ благочиніи и прежде исправлять себя, сами творить законъ, а потомъ учить тому же и другихъ: должны проповѣдывать слово Божіе благовременно и безвременно, обличать, запрещать, умолять со всякимъ долготерпѣніемъ и беззлобіемъ; должны быть милосерды, братолюбивы, милостивы ко всѣмъ, особенно къ странникамъ, нищимъ, вдовицамъ, сирымъ, и уклоняться отъ всякаго гнѣва и лицемѣрія, неправды и сребролюбія, и «якоже священницы имѣютъ дерзновеніе къ Богу молити за согрѣшеніе людско, также имъ достоитъ печаловати, молити и всячески увѣщати земныхъ властей о побѣдныхъ и о повинныхъ и о обидимыхъ». Послѣ священниковъ о. Силь-

([381]) Сказавъ: «и по соборному уложенію», Сильвестръ присовокупляетъ: «а та книжка соборная есть списана въ новомъ городѣ Свіяжскомъ у протопопа» (Хр. Чт. 1871, март., Прилож., стр. 19). Здѣсь разумѣется книга Стоглавъ (Снес. нашей Истор. Русск. церкви VI (изд. 1), 240, (изд. 2), 243).

вестръ учитъ князей и властелей казанскихъ являть милость и правду порученнымъ имъ людямъ, отъ сердца работать по волѣ государя для общей пользы, какъ предъ Господомъ, и съ любовію заботиться о градахъ и весяхъ и о всемъ народѣ новаго края; учитъ воиновъ трудиться нелѣностно, никого не обижать, довольствоваться царскими оброками и тѣмъ, что промыслятъ себѣ своими праведными трудами, и сохранять чистоту тѣлесную: учитъ судей просить мудрости и разума отъ Бога, удерживаться отъ пьянства и всегда творить судъ праведный и безпристрастный; учитъ всѣхъ жителей города, простыхъ людей, исполнять свой долгъ свято и благочинно, повиноваться властямъ, отъ царя поставленнымъ, слушаться пастырей церкви, оказывать милосердіе къ нищимъ, не оскверняться содомскимъ грѣхомъ и всякимъ блудодѣяніемъ и прелюбодѣяніемъ и честный бракъ соблюдать чистымъ безъ зазора, не отлучаться церковнаго собранія, не обижать другъ друга, не красть, и вообще жить праведно и благочестиво. Въ заключеніе своего посланія о. Сильвестръ заповѣдуетъ князю-намѣстнику и всему священническому чину и всѣмъ христіанамъ единодушно молиться къ Богу о соединеніи св. Божіей церкви, о спасеніи своемъ, о дарованіи побѣды надъ врагами и всѣми иноплеменниками, а особенно молиться о всѣхъ заблуждающихъ агарянахъ и черемисахъ, преданныхъ намъ отъ Бога, чтобы они просвѣтились св. крещеніемъ и были вмѣстѣ съ нами единымъ стадомъ, единою паствою Христа Бога нашего.

Другое посланіе написалъ о. Сильвестръ къ князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатому, когда послѣдній находился въ великомъ бѣдствіи и скорби, подвергся страшному гнѣву царскому, лишенъ былъ всего своего имущества.

удаленъ изъ своего дома и многократно уже обращался къ Сильвестру «со многимъ моленіемъ и умиленіемъ», прося его помощи. Отвѣчая несчастному, о. Сильвестръ сначала напоминаетъ ему, что уже не разъ и не дважды онъ испытывалъ на себѣ такой же гнѣвъ царскій, лишался имущества, ссылался въ дальнія страны, находился даже у казни, а потомъ снова являлся въ чести и славѣ; указываетъ на древнихъ царей Манассію, Навуходоносора и Тиридата, которые, хотя потерпѣли за свои грѣхи тягчайшія наказанія отъ Бога, но когда покаялись и возопили къ Нему, были помилованы, и потому совѣтуетъ не отчаиваться, не терять надежды, а со слезами каяться въ своихъ грѣхахъ и просить милости у Бога. Затѣмъ говоритъ, что не можетъ своимъ ходатайствомъ ничего сдѣлать для опальнаго князя, а будетъ только молиться о немъ и желаетъ сотворить ему «нѣкое воспоминаніе» отъ божественнаго писанія. Въ этомъ воспоминаніи авторъ довольно подробно раскрываетъ мысли, что всѣ бѣдствія и скорби постигаютъ насъ или по правдѣ Божіей — за наши грѣхи и особенно въ отмщеніе за то зло, какое мы сдѣлали другимъ, или по попущенію Божію — для явленія нашей праведности, для умноженія нашихъ будущихъ наградъ. Посему, подвергшись какому-либо бѣдствію, мы должны испытывать самихъ себя и перебирать свои согрѣшенія, ради которыхъ постигли насъ или гнѣвъ властителя, или притѣсненіе отъ сильныхъ и враговъ, или навѣты и клевета отъ друзей, или безчестіе отъ низшихъ, и другія скорби, и отнюдь не злословить причиняющихъ намъ зло, не враждовать на нихъ, но молиться за нихъ и съ благодарностію переносить постигшія насъ бѣдствія, пользоваться ими, какъ врачевствами, посылаемыми намъ отъ Бога для нашего исцѣленія отъ грѣховъ. А если ты, возлюбленный, —

продолжаетъ о. Сильвестръ, — чувствуешь, что не сдѣлалъ никакого зла людямъ и ни въ чемъ не согрѣшилъ предъ Богомъ, и что скорбь пришла на тебя безъ правды: то знай, что это благодать Божія и Господь, любя тебя, послалъ тебѣ скорбь, дабы, если съ благоразуміемъ претерпишь ее, получить тебѣ блаженство отъ Бога, какъ и всѣ святые претерпѣли многія бѣды, да явятся ихъ правда и крѣпость и да прославятся отъ Бога. Радуйся въ своихъ скорбяхъ, ибо ты пріобщаешься страстямъ Христовымъ, да съ Нимъ и прославишься. Подражай праведному Іову, который, будучи лишенъ богатства, имѣнія и чадъ, никогда не роптал и не злословилъ, напротивъ благословлялъ имя Господне, и за то еще больше прежняго былъ прославленъ отъ Бога. Такъ вотъ «и твои уже Господь увидѣлъ слезы и истинное покаяніе, и умилостивилась душа царя, и помѣстьицемъ тебя устроилъ ради нужды, и вотчинку отдалъ, да и впредь не оставитъ Богъ слезъ твоихъ». Только больше и больше прибѣгай къ Господу Богу съ истиннымъ покаяніемъ и молитвами, дай предъ Нимъ обѣтъ хранить заповѣди Его во всемъ, а государю служить вѣрою и правдою, и Господь услышитъ молитву боящихся Его и спасетъ ихъ. А мы, хотя и грѣшны, но за твою нелицемѣрную любовь къ намъ, будетъ молить Бога, да сотворитъ на тебѣ милость свою да и вложитъ государю добрая о тебѣ....

Какъ въ Домостроѣ, такъ и въ обоихъ посланіяхъ своихъ, о. Сильвестръ является однимъ и тѣмъ же. Это былъ человѣкъ здраваго ума, многоначитанный, ревностный и — главное — практическій, человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, съ даромъ слова и даромъ учительства, — одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей нашей церковной исторіи.

Отъ пріемника Макаріева на новгородской каѳедрѣ Ѳеодо-

сія дошло до насъ болѣе десяти посланій. Но всѣ эти посланія—или частныя письма, или оффиціальныя, дѣловыя бумаги и въ содержаніи своемъ представляютъ весьма мало учительнаго и литературнаго; не говоримъ уже о двухъ грамотахъ Θеодосія: повольной на избраніе ростовскаго архіепископа и жалованной одной сельской церкви ([382]).

Два посланія написаны Θеодосіемъ еще въ бытность его игуменомъ Хутынскаго монастыря: одно къ государеву дворецкому Шигонѣ, другое къ архіепископу Макарію. Въ первомъ посланіи (1533 г.), выражая скорбь о кончинѣ великаго князя Василія Ивановича, Θеодосій проситъ дворецкаго извѣстить, велитъ ли новый государь Иванъ Васильевичъ быть у себя властямъ Хутынской обители и въ какое время, а еще болѣе проситъ о томъ, чтобы государь велѣлъ имъ быть у себя. Въ посланіи (1535 г.) къ Макарію, находившемуся тогда въ Москвѣ, проситъ его извѣстить, какъ онъ совершилъ свой путь, какъ представился государю, и умоляетъ скорѣе возвратиться въ Новгородъ къ своей паствѣ и здѣсь утолить распри между старшими городскими властями ([383]).

Четыре посланія Θеодосія содержатъ его архипастырскія распоряженія. Въ посланіи (1543 г.) въ городъ Корѣлу, укоряя мѣстныхъ игуменовъ и священниковъ за то, что они не совершаютъ крестныхъ ходовъ и молебновъ, какъ бываетъ въ другихъ православныхъ городахъ, владыка повелѣваетъ впредь непремѣнно совершать эти ходы и молебны и перечисляетъ самые дни, въ которые ходы должны быть совершаемы ([384]).

([382]) Дополн. Акт. И. I, № 34; А. И. I, № 150.
([383]) А. И. I, № 294; Д. А. И. I, № 30.
([384]) Д. А. И. I, № 32.

Въ посланіи (1543 г.) въ псковскій печерскій монастырь о старцѣ Савватіи, который впалъ въ тяжкіе грѣхи и котораго игуменъ Корнилій не принялъ-было на покаяніе и удалилъ изъ обители, Өеодосій повелѣваетъ игумену принять согрѣшившаго, положить на него епитимію, отдать его подъ начало: «а ты бъ его наставлялъ, — присовокупляетъ архипастырь, — и поучалъ по божественнымъ правиламъ, ибо самъ ты, сынъ мой, божественное писаніе знаешь въ-конецъ: аще который епископъ и игуменъ или пресвитеръ обращающагося отъ грѣхъ на покаяніе не пріемлетъ, да извержется. Изъ писанія же мы знаемъ, что Петръ отвергся Христа, но когда, *изшедъ вонъ, плакася горько*, то Богъ принялъ покаяніе его и сдѣлалъ его наслѣдникомъ ключей царствія своего: Павелъ былъ гонителемъ на церковь Божію и на христіанъ много вооружался, но когда, подвергшись слѣпотѣ, принесъ покаяніе, то Христосъ устроилъ его верховнымъ апостоломъ; Давидъ совершилъ прелюбодѣяніе, впалъ въ убійство, но затѣмъ омочалъ постель свою слезами, и Богъ принялъ покаяніе его и спасъ его... И что много говорю? Если покаяніе грѣшниковъ не будетъ во спасеніе, то кто изъ людей можетъ спастись? Божественное писаніе свидѣтельствуетъ, что если и одинъ день будетъ житія человѣческаго, то и тутъ будетъ не безъ грѣха...» ([385]). Въ посланіи (1545 г.) въ Устюжну Желѣзопольскую къ духовенству Өеодосій сначала напоминаетъ пастырямъ о ихъ высокомъ призваніи, повторяя почти дословно извѣстное «поученіе къ попомъ» митрополита Кирилла съ немногими прибавленіями въ родѣ слѣдующихъ: «св. вселенскіе соборы и помѣстные постановили законныя правила св. церкви на утвер-

([385]) Д. А. И. I, № 35.

жденіе, оградивши вѣрныхъ ея какъ бы стѣнами нѣкоторыми чудновидными, такъ что хотящимъ совершать свои похоти, непокорнымъ крамольникамъ, не очень это удобно... Надлежитъ и православнымъ царямъ, и архіереямъ, и священникамъ исполнять божественныя преданія безъ соблазна: ибо ничто столько не способствуетъ величію вѣрныхъ, какъ крѣпкое храненіе церковныхъ правилъ. Когда св. церкви пребываютъ въ мирѣ, безмятежны, безъ притѣсненій, тогда подается намъ отъ Бога все благое, миръ, обиліе плодовъ, одолѣніе враговъ.... Дѣло истиннаго пастыря полагать душу свою за людей, такъ что когда придетъ Господь, Онъ возрадуется и о пастырѣ и объ овцахъ; возрадуется, если всѣ окажутся здравыми и не будетъ отпадшихъ; а если обрящетъ отпадшихъ изъ овецъ, горе пастырямъ тѣмъ будетъ...». Послѣ такого рода наставленій Θеодосій укоряетъ священниковъ Устюжны, что они небрегутъ о церкви Божіей, совершаютъ браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства, вѣнчаютъ не только третьимъ, но и четвертымъ и пятымъ бракомъ, не платятъ пошлинъ, дозволяютъ у себя священнодѣйствовать священникамъ другихъ епархій и вообще не покоряются ему, своему владыкѣ, хотя онъ многократно писалъ къ нимъ, и требуетъ отъ нихъ отвѣта, станутъ ли они впредь повиноваться ему ([386]). Наконецъ, въ посланіи или окружной грамотѣ (1548 г.) къ духовенству Вотской пятины, почти дословно сходной съ тою, какую посылалъ (1534 г.) въ ту же пятину архіепископъ Макарій, владыка Θеодосій дѣлаетъ распоряженія объ искорененіи языческихъ мольбищъ и обрядовъ ([387]).

([386]) А. И. I, № 298.
([387]) Д. А. И. I, № 43.

Четыре посланія Өеодосія адресованы къ царю Ивану Васильевичу. Въ двухъ (1545—1546 г.) архіепископъ отвѣчаетъ государю, извѣстившему его о своемъ намѣреніи идти на Казань, что всѣ его богомольцы въ Новгородѣ, все духовенство день и ночь молятъ Бога о его-государевомъ многолѣтнемъ здравіи и спасеніи и о дарованіи ему побѣды и одолѣнія надъ супостатами; преподаетъ государю прощеніе и разрѣшеніе во всѣхъ его грѣхахъ и призываетъ на него милость Господа Бога, по молитвамъ Богородицы и всѣхъ святыхъ ([388]). Въ третьемъ посланіи (1547) Өеодосій, до котораго дошли слухи о намѣреніи Ивана Васильевича вѣнчаться на царство и вступить въ бракъ, спрашиваетъ государя, не будетъ ли отъ него по этому случаю какихъ-либо приказаній ([389]). Въ четвертомъ посланіи (1547—1551) Өеодосій умоляетъ царя Ивана Васильевича позаботиться о великомъ Новгородѣ и о прекращеніи въ немъ умножавшихся корчемства, грабежей и убійствъ. «Объ этомъ пишу къ тебѣ, богоутвержденный владыко,—объясняетъ святитель,—не какъ учащій и наставляющій твое остроуміе и благородную премудрость, ибо неприлично намъ забывать своей мѣры и позволять себѣ такую дерзость,—но какъ ученикъ учителю, какъ рабъ государю, воспоминаю тебѣ и молю тебя. Тебѣ, государю, по подобію небесной власти, небесный Царь далъ скипетръ земнаго царства, чтобы ты училъ людей хранить правду... Какъ кормчій бдитъ всегда, такъ и царскій твой многоочитый умъ твердо держитъ правило добраго закона, изсушая потоки беззаконія, да не погрязнетъ корабль всемірной

([388]) Д. А. И. I, № 37.
([389]) Д. А. И. I, № 38.

жизни въ волнахъ смущенія. Отверзи, государь, царскія своя уши къ нуждамъ страждущихъ... Какъ страшное всевидящее око небеснаго Царя зритъ сердца и вѣдаетъ помышленія всѣхъ людей: такъ и твое царское остроуміе больше всѣхъ имѣетъ силу изрядно управить благое твое царство, и страшенъ будешь ради сана и власти царской для обращающихся на злобу, а не на благочестіе. Солнцу свое дѣло — освѣщать лучами всю тварь, а добродѣтель царя — миловать нищихъ и обидимыхъ...; насколько ты превыше всѣхъ силою, настолько подобаетъ тебѣ и дѣлами свѣтить. За то и отъ Бога похваленъ и прославленъ будешь... Твой долгъ, благочестивый царь, имѣть всякое тщаніе о благочестіи и о томъ, чтобы сущихъ подъ тобою спасать отъ треволненія, душевнаго и тѣлеснаго....» ([390]).

Два посланія Ѳеодосія написаны къ какому-то неизвѣстному боярину, или, можетъ быть, къ двумъ боярамъ, и оба благодарственныя. Въ одномъ владыка благодаритъ своего духовнаго сына за любовь, за присланное письмо и особенно за извѣстіе о томъ, что государь освободилъ боярскихъ дѣтей новгородскаго владыки отъ участія въ походѣ на Казань ([391]). Въ другомъ также благодаритъ неизвѣстнаго боярина и духовнаго своего сына за любовь и за письмо, о которомъ отзывается, что оно «Омеровымъ именемъ подкрѣплено и аѳинейскимъ мудрованіемъ украшено», желаетъ боярину всѣхъ благъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, а по смерти — вѣчно блаженной жизни. «Да благословляю тебя, — прибавляетъ архипастырь, — великаго господина и сына своего, что къ нашему смиренью о Христѣ свою безмѣрную любовь имѣешь и поминки вели-

([390]) Д. А. И. I, № 41.
([391]) Д. А. И. I, № 42.

кіе посылаешь таковы, якожъ и въ странахъ нашихъ не обрѣтается» ([392]).

Извѣстно, что и нѣкоторыя посланія самого царя Ивана Васильевича, по содержанію своему и характеру, относятся къ духовной литературѣ. Таковы особенно: посланіе къ Максиму Греку о ереси Матоея Башкина и посланіе въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь къ игумену Козьмѣ съ братіею. Но съ обоими этими посланіями мы имѣли уже случай познакомиться прежде ([393]). А здѣсь замѣтимъ только, что царь грозный, судя по его сочиненіямъ, не менѣе другихъ книжниковъ своего времени былъ начитанъ и въ Словѣ Божіемъ, и въ писаніяхъ отеческихъ, особенно аскетическихъ, и въ житіяхъ святыхъ, и что по своему краснорѣчію и витіеватости слога онъ не уступалъ никому изъ тогдашнихъ представителей краснорѣчія.

Лучшими сочиненіями, какія только появились у насъ во второй половинѣ XVI вѣка, должно признать два сочиненія инока Отней новгородской пустыни Зиновія, въ полемическомъ родѣ, направленныя противъ ереси Ѳеодосія Косаго. Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», написано авторомъ въ 1566 г., слѣдовательно незадолго до его кончины († 1568), и представляетъ собою цѣлую огромную книгу, какой, по объему, у насъ не писывалъ еще никто до того времени ([394]). Книга содержитъ рядъ собесѣдованій Зиновія съ тремя послѣдователями Косаго

([392]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV. 240.

([393]) А. И. I, №№ 161, 204. Срав. нашей Ист. Русск. Церкви VI, (изд. 1) 253. (изд. 2) 257.

([394]) Книга: «Истины показаніе» издана въ Правосл. Собесѣдникѣ. Казан. 1863 г., и заключаетъ въ себѣ до 1000 печатныхъ страницъ. На время составленія ея указываетъ самъ авторъ на стр. 56. 57.

и расположена въ томъ самомъ порядкѣ, какъ происходили собесѣдованія. Всѣхъ собесѣдованій, на которыя приходили къ Зиновію эти послѣдователи Косаго, было двѣнадцать. И хотя авторъ раздѣлилъ свою книгу на 56 главъ, но мы признаемъ болѣе удобнымъ разсмотрѣть ее по числу и въ порядкѣ помѣщенныхъ въ ней собесѣдованій ([395]).

Въ *предисловіи* къ своему сочиненію Зиновій разсказываетъ, что однажды, когда онъ находился въ своей монастырской церкви, къ нему подошли, по окончаніи службы, три человѣка, крылошане Спасскаго старорусскаго монастыря, два монаха — Герасимъ и Аѳанасій, и одинъ міряниінъ — Ѳеодоръ, художествомъ иконописецъ, и съ заклинаніями умоляли его — Зиновія сказать имъ, какъ спастись. Когда Зиновій замѣтилъ имъ, что путь ко спасенію указанъ всѣмъ въ свящ. Писаніи, они отвѣчали, что просвѣщеннымъ писаніе открыто (понятно), непросвѣщеннымъ же даже очень закрыто, а вотъ явилось нынѣ ученіе, которое похваляютъ многіе, потому что оно открыто для всѣхъ, и затѣмъ еще настойчивѣе умоляли Зиновія сказать имъ истину, божественно ли и отъ Бога ли это нынѣшнее ученіе. Зиновій, хотя сказалъ, что это дѣло — дѣло пастырей церкви, архіереевъ и іереевъ, а не его — простаго инока, но, ради имени Божія, которымъ неотступно продолжали умолять его пришедшіе, не могъ отказать имъ и обѣщался сойтись съ ними послѣ обѣда для обсужденія ихъ вопроса. Послѣ обѣда всѣ они дѣйствительно сошлись на внѣшнемъ дворѣ монастыря, и тамъ произошла ихъ первая бесѣда.

([395]) Кто-то, еще прежде насъ, раздѣлилъ ее, для удобства, на девять, а въ другихъ спискахъ, на десять *пришествій* или собесѣдованій (снес. стр. 5. 6. 9. 199. 357), но не совсѣмъ вѣрно: такъ какъ собесѣдованій было двѣнадцать.

Въ *первомъ собесѣдованіи* (гл. 1 — 4) рѣшался вопросъ: отъ Бога ли и божественно ли то ученіе, о которомъ говорили пришедшіе крылошане? Для рѣшенія этого общаго вопроса Зиновій предлагалъ имъ, одинъ за другимъ, три частныхъ вопроса, и, на основаніи ихъ отвѣтовъ, объяснялъ и доказывалъ, что ученіе это не отъ Бога и не божественно. *Первый вопросъ*: какъ зовется это ученіе? Оно зовется новымъ, отвѣчали крылошане, потому что никто изъ прежнихъ учителей такъ не позналъ истину, и прежде не было такого ученія, какъ новое, явившееся нынѣ, въ лѣто 7060 (1552). Тогда Зиновій подробно раскрылъ, что новое ученіе не отъ Бога и не божественно, во-первыхъ, потому уже, что оно ново: новаго ученія отъ Бога послѣ принесеннаго на землю самимъ Сыномъ Божіимъ, быть не можетъ, и апостолъ сказалъ: *аще мы или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8. 9); а во-вторыхъ—потому, что всякое ученіе, которое дается людямъ отъ Бога, непремѣнно свидѣтельствуется силами, знаменіями, чудесами, какъ было и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ, а нынѣшнее новое ученіе не засвидѣтельствовано никакими чудесами. *Второй вопросъ*: кто учитель нынѣ явившагося новаго ученія? Ѳеодосій Косой, отвѣчали крылошане, и затѣмъ излагали, одно за другимъ, разныя свѣдѣнія о его жизни, а Зиновій останавливался на каждомъ изъ этихъ свѣдѣній и доказывалъ, что Ѳеодосій съ своимъ ученіемъ не заслуживаетъ никакой вѣры: онъ косой, а кривизна глазъ заставляетъ предполагать кривизну ума и развращенную душу; онъ бывшій рабъ, а свидѣтельство раба, по закону, и на судѣ не принимается; онъ убѣжалъ отъ своего господина — тяжкій грѣхъ; обокралъ своего господина — новый грѣхъ; обманулъ игумена монастыря,

въ которомъ постриженъ, — еще грѣхъ: обольстилъ стражей въ другомъ монастырѣ, въ который сосланъ былъ на время, пока производилось о немъ дѣло на соборѣ въ Москвѣ,—еще и еще грѣхъ; потомъ Косой измѣнилъ своему отечеству и убѣжалъ въ чужую землю — Литву; измѣнилъ закону христіанскому, нарушивъ монашескіе обѣты; отвергся чернечества, женившись на вдовѣ — жидовкѣ; отвергся постничества, нарушая церковные посты и проч. *Третій вопросъ:* чему учитъ Косой и въ чемъ его законоположеніе? Крылошане отвѣчали, что Косой учитъ: «не называть себѣ отца на землѣ, но называть себѣ отца на небеси Бога; сокрушать кресты и иконы, не призывать святыхъ на помощь, не ходить въ церковь, не поклоняться и не молиться, церкви называть кумирницами, а иконы въ нихъ и кресты — идолами; книгъ церковныхъ учителей и житій святыхъ не читать, къ попамъ не приходить, молитвъ ихъ не требовать, молебновъ не пѣть, не каяться, не причащаться; отъ епископовъ и поповъ на погребеніи не отпѣваться и по смерти не поминаться, потому что епископы и попы — ложные учители, идольскіе жрецы, велятъ приносить ладонъ, просфоры, канунъ и свѣчи на жертву идоламъ; должно поклоняться Отцу духомъ, а поклоновъ не творить, и просфоръ, кануновъ и свѣчей не приносить». Въ доказательство же того, что Косой есть истинный учитель, крылошане сказали, что онъ, когда учитъ, всегда держитъ въ рукахъ книги и, разгибая ихъ, даетъ каждому самому прочитать написанное и затѣмъ толкуетъ, напримѣръ, разгибая книгу Дѣяній апостольскихъ, или посланій, или книгу Бытія, указываетъ на мѣста, гдѣ говорится, что *Христа сотворилъ есть Богъ* (Дѣян. 2, 36), что Христосъ — *человѣкъ* (1 Тим. 2, 5), что Господь Богъ *единъ есть* (Втор. 6. 4) и проч. Услышавъ о такомъ

ученіи Косаго, Зиновій, какъ самъ выражается, вострепеталъ весь отъ ужаса, ибо никогда не слышалъ прежде такихъ рѣчей, такой хулы на христіанство, хотя и зналъ болѣе ста восьмидесяти ересей, дотолѣ бывшихъ. А потому объявилъ крылошанамъ, что Косой, очевидно, не вѣруетъ въ Бога, работаетъ діаволу и есть предтеча антихриста, уча людей отступать отъ Христа. Но какъ въ это время день уже склонился къ вечеру, то Зиновій предложилъ собесѣдникамъ разойтись до слѣдующаго утра. Недостатокъ перваго собесѣдованія тотъ, что оно слишкомъ растянуто и многократно повторяетъ однѣ и тѣ же мысли.

Во *второмъ собесѣдованіи*, едва ли не самомъ обширномъ изъ всѣхъ (гл. 5—20), раскрываются двѣ истины: истина бытія Божія и истина троичности Лицъ въ Богѣ. Зиновій началъ: Косой, по вашимъ словамъ, не повелѣваетъ молиться Богу, слѣд. онъ не вѣруетъ, что Богъ существуетъ: а если бы вѣровалъ, то не возбранялъ бы ученикамъ своимъ молиться Богу. Потому намъ нужно, прежде всего, повести рѣчь противъ безвѣрія или безбожія, изъ котораго и возникло все мудрованіе Косаго. Вслѣдъ за тѣмъ *истину бытія Божія* Зиновій подтверждаетъ слѣдующими соображеніями: 1) Мы видимъ, что всѣ роды животныхъ, птицы, рыбы, звѣри, скоты и люди происходятъ отъ своихъ родителей, а тѣ отъ своихъ родителей, и такимъ образомъ чрезъ рядъ рожденій мы постепенно восходимъ мыслію до самыхъ первыхъ родоначальниковъ всѣхъ животныхъ. Откуда жъ эти родоначальники? Сами собою, изъ воздуха или изъ чего другаго, они произойти не могли: ибо если бы какое-либо животное произошло такъ вначалѣ, то и впослѣдствіи могло бы повторяться то же самое: а между тѣмъ вотъ уже прошло 7074 (1566) года, и ничего

подобнаго никогда не случалось. Остается допустить, что они получили бытіе и сотворены отъ Бога. 2) Душа человѣческая, по естеству, влечется къ Богу, ищетъ Его, старается служить Ему, и всѣ народы земли приносятъ Ему службу, кто право, кто неправо, всѣ вѣруютъ и исповѣдуютъ, что Богъ есть, хотя одни служатъ Богу истинному, а другіе богамъ ложнымъ; даже грубые дикари, какъ наши лопь и вогуличи, и тѣ имѣютъ свое служеніе Богу. Значитъ, есть Богъ и душа такъ и создана Имъ, чтобы къ Нему стремиться. 3) Самое небо и звѣзды, самыя стихіи, земля, вода, воздухъ, огонь не самобытны, не безначальны, не вѣчны: потому что всѣ подлежатъ перемѣнамъ, всѣ имѣютъ движеніе, которое нѣкогда должно было начаться, а стихіи еще враждебны между собою и дѣйствуютъ одна на другую разрушительно. Необходимо признать, что есть Богъ, который всему далъ бытіе и содержитъ стихіи въ порядкѣ, чтобы онѣ не погубили одна другую и не разрушили міра. Отъ истины бытія Божія Зиновій дѣлаетъ переходъ къ *истинѣ троичности Лицъ въ Богѣ* и разсуждаетъ: если есть Богъ, творецъ и правитель міра, то Онъ — Богъ живой; а если живой, то имѣетъ и Слово и Духъ; иначе пришлось бы признать живаго Бога безсловеснымъ и бездушнымъ. И какъ истинный Богъ присносущенъ, безначаленъ, безконеченъ, всесиленъ, такъ и Его Слово и Его Духъ присносущны, безначальны, безконечны, всесильны. Изложивъ, какъ умѣлъ, эти мысли, Зиновій взялъ книги Моусеевы, разогнулъ ихъ и сталъ читать и объяснять крылошанамъ одно за другимъ, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ находилъ указаніе на троичность Лицъ въ Богѣ. Прочелъ, прежде всего, первую главу книги Бытія и, остановившись на словахъ Бога: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (ст. 26), старался

разъяснить – а) что человѣкъ есть превосходнѣйшее изъ всѣхъ созданій Божіихъ; б) что предъ сотвореніемъ его Богъ совѣщался съ подобными и сообразными Ему, съ равночестными и равномощными и единославными, а не съ ангелами или херувимами, Его слугами и Ему неподобными, и—в) что образъ Божій находится не въ тѣлѣ человѣка, а въ душѣ, которая имѣетъ троицу—умъ, слово и духъ или дыханіе жизни: въ душѣ умъ раждаетъ слово, являемое духомъ или дыханіемъ, исходящимъ изъ устъ человѣка, подобно тому, какъ живый Богъ имѣетъ Слово рожденное и Св. Духа исходящаго: въ душѣ умъ, слово и дыханіе не раздѣляются и не сливаются, какъ нераздѣльны и неслитны три ѵпостаси въ Богѣ....., и такъ далѣе. Тутъ Зиновія прервали крылошане и заставили его обратить вниманіе на другое мѣсто библіи, именно на заповѣдь: *слыши, Израилю, Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Втор. 6, 4). Зиновій растолковалъ, что и эта заповѣдь указываетъ на три Лица въ Богѣ при единствѣ существа, потому что три раза повторяетъ имя Божіе: *Господь, Богъ, Господь*, – и снова продолжалъ свои прерванныя соображенія о троицѣ въ Божествѣ на основаніи образа ея въ душѣ человѣка. Послѣ того Зиновій пространно объяснялъ слѣдующія мѣста изъ книгъ Моисеевыхъ: 1) какъ указанія на троичность лицъ въ Богѣ: а) слова Божіи предъ смѣшеніемъ языковъ (Быт. 11, 6. 7), б) сказаніе о явленіи Бога Аврааму у дуба Мамврійскаго (—18, 1—5), в) слова, которыя произнесъ Іаковъ при благословеніи внуковъ своихъ (— 48, 15. 16); 2) какъ указанія на два Божескія Лица, именно на Бога Отца и Бога Сына: сказанія—а) о явленіи двухъ ангеловъ Лоту (—19, 1—22), б) о жертвоприношеніи Исаака (—22, 1—3. 9—13), в) о видѣніи Іаковомъ во снѣ лѣстницы (—28, 10—15), г) о

борьбѣ его съ Богомъ (—32, 24—30), д) наконецъ о явленіи Бога Моусею въ купинѣ (Исх. 3, 2—12). Вся эта продолжительная бесѣда крайне утомила Зиновія, и онъ дотого изнемогъ, что просилъ крылошанъ уйти. И, надо прибавить, что бесѣда эта, утомившая автора, утомительна и для читателя, не столько своею продолжительностію, сколько растянутостію при раскрытіи мыслей и постоянными повтореніями одного и того же. Доказательства бытія Божія, изложенныя Зиновіемъ съ ясностію сознанія и разсудительностію, изложены напрасно: Косой вовсе не отвергалъ бытія Божія, и изъ того, что онъ считалъ молитвы къ Богу излишними, не слѣдуетъ, будто онъ не вѣровалъ въ Бога. Попытки и усилія Зиновія доказать троичность Лицъ въ Богѣ соображеніями собственнаго ума и разъяснить отношеніе Лицъ Божеской Троицы на основаніи той троицы, какую онъ находилъ въ душѣ человѣка, какъ образѣ Божіемъ, — эти попытки и усилія, которымъ Зиновій удѣлилъ столько мѣста и которыя, вѣроятно, считалъ убѣдительными, не удачны и не удовлетворительны. Изъясненія текстовъ, расмотрѣнныхъ Зиновіемъ, вообще согласны съ изъясненіями отцевъ и учителей церкви, но много теряютъ силы и ясности отъ длиннотъ и повтореній, а нѣкоторыя не чужды натянутости и произвола.

Третье собесѣдованіе (гл. 21) было очень непродолжительное. Тутъ только Зиновій рѣшилъ три вопроса въ защиту себя противъ Өеодосія Косаго. Крылошане спросили: «зачѣмъ ты укоряешь Косаго, когда Христосъ заповѣдалъ благословлять клянущихъ?» Я не укоряю Косаго, отвѣчалъ Зиновій, а говорю правду и съ вашихъ же словъ, что онъ косъ, рабъ, тать бѣглецъ, прельститель, лживъ, клятвопреступникъ. А такъ укоряли, т. е., говорили правду, и Моусей, повѣствуя

о Каинѣ, и самъ Христосъ, называя іудеевъ лицемѣрами, родомъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и апостолы, нерѣдко порицая поведеніе христіанъ. Лично же я вовсе не знаю Косаго, никогда его не видѣлъ и не имѣю побужденій ни завидовать ему, ни его ненавидѣть, развѣ только за его безбожіе. Но зачѣмъ, спросили крылошане, ты называешь Косаго безбожнымъ, когда онъ не говоритъ, что нѣтъ Бога, а только, на основаніи столповыхъ книгъ, которыя даетъ читать каждому, учитъ, что Богъ единъ? Потому, отвѣчалъ Зиновій, что онъ отвергаетъ молитвы къ Богу, а молитвы заповѣдалъ чрезъ Моусея самъ Богъ; молились въ ветхомъ завѣтѣ и праведники и пророки, а въ новомъ самъ Христосъ и апостолы, какъ говорится въ ихъ Дѣяніяхъ. Но Косой,—прервали Зиновія крылошане,—признаетъ истинными только столповыя книги, а иныхъ книгъ не велитъ читать; столповыми же книгами онъ называетъ книги Моусеевы, которыя есть въ здѣшнихъ монастыряхъ, да лежатъ запечатанными и таятся отъ людей. Зиновій продолжалъ: если бы Косой вѣровалъ, что Богъ есть, то вѣровалъ бы и въ Сына Божія І. Христа, во плоти пришедша: *всякъ отметаяйся Сына, ни Отца имать* (1 Іоан. 2, 23); Косой, отвергаясь Христа, проповѣдуетъ ветхій законъ, но самъ преступаетъ законъ: ибо законъ пѣстунъ ко Христу, ведетъ къ Нему; въ самыхъ столповыхъ книгахъ обличается лукавство Косаго: тамъ заповѣдуются молитвы и жертвы, а онъ не велитъ молиться. Въ томъ же Косой солгалъ на нашу землю, будто книги Моусеевы у насъ таятся и лежатъ запечатанными: онѣ читаются православному народу впродолженіе великаго поста въ пареміяхъ на вечерняхъ и преждеосвященныхъ литургіяхъ. Наконецъ, крылошане спросили: зачѣмъ ты говоришь, что Косой не исповѣдуетъ І. Христа, во

плоти пришедша, когда онъ исповѣдуетъ? Зиновій отвѣчалъ: если бы Косой вѣровалъ во Христа и исповѣдывалъ Его, во плоти пришедша, то вѣровалъ бы и въ то, что Господь, пришедши въ міръ, положилъ конецъ закону и ввелъ благодать, а не носилъ бы съ собою ветхозавѣтныхъ книгъ, не старался бы утвердить между людьми Моисеевъ законъ, когда законъ перестлалъ уже дѣйствовать и упраздненъ съ пришествіемъ благодати Христовой. По окончаніи этой бесѣды крылошане просили Зиновія сойтись съ ними еще, и онъ обѣщался.

Непродолжительно было и *четвертое собесѣдованіе* (гл. 22). Зиновій спросилъ: какъ Косой исповѣдуетъ Христа? Крылошане отвѣчали: мы уже говорили, что онъ разгибаетъ книги и даетъ читать слова апостола Петра: *да разумѣетъ домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа его Богъ сотворилъ есть сего Іисуса, егоже вы распясте* (Дѣян. 2, 36), и слова апостола Павла: *единъ ходатай Бога и человѣковъ человѣкъ Христосъ Іисусъ* (1 Тим. 2, 5), т. е., Косой признаетъ Христа простымъ человѣкомъ, сотвореннымъ отъ Бога. Для правильнаго пониманія этихъ текстовъ и въ опроверженіе лжеученія Косаго, Зиновій раскрываетъ догматъ о божествѣ І. Христа. И, во-первыхъ, доказываетъ, что апостолы называютъ Христа не человѣкомъ только, но вмѣстѣ и Богомъ, и если св. Павелъ сказалъ: *единъ ходатай Бога и человѣковъ человѣкъ Христосъ Іисусъ*, то вслѣдъ за тѣмъ присовокупилъ: *давый себе избавленіе за всѣхъ*. А дать себя избавленіе за всѣхъ, т. е., потерпѣть за всѣхъ людей страданія и смерть и избавить всѣхъ отъ грѣха и смерти невозможно простому человѣку: потому что каждый человѣкъ и самъ подъ грѣхомъ и повиненъ смерти. Это возможно только единому безгрѣшному и безсмертному Богу, который, однакожъ, не иначе могъ по-

страдать за насъ, какъ принявши на Себя нашу плоть и сдѣлавшись человѣкомъ (Фил. 2, 5—8). Затѣмъ Зиновій приводитъ другіе апостольскіе тексты, въ которыхъ говорится, что Богъ *Сына своего единороднаго послалъ есть въ міръ, да живи будемъ имъ* (1 Іоан. 4, 9). что мы *примирихомся Богу смертію Сына Его* (Рим. 5, 10), что отъ Іудеевъ *Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. 9, 5), что Іудеи *Господа славы распяли* (1 Кор. 2. 8) и проч. Во-вторыхъ, Зиновій объясняетъ, что если св. Петръ въ рѣчи къ іудеямъ выразился: *Богъ сотворилъ есть сего Іисуса, егоже вы распясте*, то разумѣлъ только человѣчество І. Христа, которое дѣйствительно сотворено Богомъ во чревѣ Пресв. Дѣвы, и въ которомъ Христосъ распятъ; но говоря прежде въ той же своей рѣчи о воскресеніи Христа и вознесеніи Его на небеса, св. Петръ называетъ Христа *Господомъ*, равночестнымъ Богу Отцу, сѣдящимъ одесную Его (Дѣян. 2, 31 — 34). Далѣе приводитъ Зиновій еще нѣсколько изреченій апостоловъ о Христѣ. что *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1. 3), *что Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3. 16), что мы ждемъ *явленія славы великаго Бога и Спаса нашего І. Христа* (Тит. 2, 13), что Онъ есть *единородный Сынъ Божій, сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18), есть *образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари* (Кол. 1, 15) и др. Приводя всѣ эти тексты, Зиновій старался показывать ихъ смыслъ и силу. направляя свою рѣчь противъ лжеученія Косаго.

На *пятомъ собесѣдованіи* (гл. 23—27) крылошане, съ самаго начала, предложили вопросъ: «гдѣ въ законѣ Моусеевомъ проповѣдано, что Сынъ Божій воплотится, и какъ за-

конъ былъ пѣстуномъ во Христа и сѣнію Христовой благодати?» Въ отвѣтъ Зиновій представилъ рядъ прообразованій и обѣтованій о Христѣ или намековъ на таинство воплощенія, какія находилъ въ книгахъ Моисеевыхъ. Какъ на первый такой намекъ, онъ указалъ на извѣстный совѣтъ Пресв. Троицы предъ созданіемъ человѣка и разсуждалъ, что Богу еще отъ вѣка было извѣстно будущее паденіе человѣка, и потому когда Отецъ говорилъ Сыну и Св. Духу: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*, то какъ бы выражалъ уже, что нѣкогда для обновленія или возсозданія этого образа въ человѣкѣ Сыну Божію нужно будетъ воплотиться во чревѣ Пресв. Дѣвы, а Св. Духу найти на Нее и силѣ Вышняго, т. е., Отца, осѣнить Ее. Тутъ Зиновій вдавался въ далекія соображенія и отступленія и, между прочимъ, объяснилъ, вопреки мнѣнію, заявленному крылошанами, что Богъ не могъ обновить своего образа въ человѣкѣ, т. е., избавить человѣка отъ грѣха и его послѣдствій, своими руками, какъ создалъ человѣка, или однимъ своимъ словомъ, и что нѣтъ ничего нечистаго и недостойнаго для Бога въ томъ, чтобы воплотиться во утробѣ Дѣвы и родиться отъ Нея. Послѣ того Зиновій указывалъ: а) на явленіе Бога въ раю по паденіи нашихъ прародителей, на сошествіе Его на землю предъ смѣшеніемъ языковъ, на сошествіе и пришествіе Его въ Содомъ, на сошествіе Его въ купину огненную и явленіе Моисею, какъ на прообразованія сошествія Сына Божія на землю и Его явленія людямъ во плоти; б) на разрѣшеніе неплодія старицы Сарры и рожденіе ею сына, какъ на прообразъ безсѣменнаго зачатія и рожденія Пресв. Дѣвою Сына Божія; в) на завѣтъ, который завѣщалъ Богъ Моисею и израильтянамъ, какъ на прообразъ новаго завѣта — Христова; г) на

обѣтованія Божіи Аврааму и Іакову, что о сѣмени ихъ благословятся всѣ племена земная, и на пророчество Іакова о Іудѣ, что *не оскудѣетъ князь* отъ него, *дондеже пріидетъ* Примиритель—*чаяніе языковъ*, и проч. Толкованія Зиновія были очень многословны и утомительны, а нѣкоторыя не совсѣмъ удачны и не безъ натяжекъ. И крылошане замѣтили ему: «ты дерзко прилагаешь писаніе: ни Василій Великій, ни Григорій богословъ, ни Златоустый не писали того, что ты говоришь». Зиновій отвѣчалъ: изъ книгъ Василія Великаго въ нашей странѣ извѣстна только одна—Постническая, а всѣ прочія находятся ли гдѣ, не знаю; и изъ книгъ Григорія богослова извѣстны 18-ть его торжественныхъ словъ, да и Златоустовы книги не всѣ обрѣтаются у насъ. Впрочемъ, если кто прочтетъ и эти немногія, находящіяся у насъ, книги трехъ вселенскихъ учителей, то убѣдится, что все, сказанное мною, согласно съ ихъ ученіемъ. Да прочтите также книгу св. Кирилла іерусалимскаго, въ которой объясняется, что архіерейство и жертвы, бывшія въ законѣ, служили прообразами архіерейства Христова и Его жертвы, принесенной за насъ на крестѣ. Я же говорить объ этомъ считаю излишнимъ: потому что объ этомъ ясно написалъ ап. Павелъ въ посланіи къ евреямъ. «Но Косой не велитъ, сказали крылошане, читать посланія къ евреямъ, потому что оно посланіе не апостола Павла, а какого-то другаго Павла». Очень естественно Косой избѣгаетъ посланія къ евреямъ, когда оно ясно проповѣдуетъ, что законъ прообразовалъ Христа и называетъ Его Богомъ и Сыномъ Божіимъ,—отвѣчалъ Зиновій, и привелъ доказательства подлинности этого посланія апост. Павла. Затѣмъ предложилъ крылошанамъ уйти, потому что утрудился до изнеможенія.

Шестое собесѣдованіе (гл. 28. 29) посвящено опроверженію мысли Косаго, будто иконы суть идолы и все, что говорится въ ветхомъ завѣтѣ противъ идоловъ и кумировъ, относится къ иконамъ. Зиновій сначала излагаетъ понятіе, что̀ — идолъ и что̀ — икона, и показываетъ ихъ различіе: потомъ объясняетъ, что Давидъ, Соломонъ и Іеремія, писавшіе противъ идоловъ, также различали отъ нихъ иконы; далѣе раскрываетъ смыслъ второй заповѣди десятословія: *не сотвори себѣ кумира...*, какъ вовсе не касающійся иконъ; наконецъ, изъ исторіи построенія скиніи показываетъ, что Богъ въ ветхомъ законѣ не только не запрещалъ иконъ, напротивъ ясно ихъ заповѣдалъ.

Седьмое собесѣдованіе (гл. 30—35) крылошане начали словами отъ имени Косаго: «Русскіе называютъ себя православными, а они больше человѣкослужители и идолослужители, потому что чтутъ мертвыхъ людей и молятся имъ, называя ихъ святыми и праведными, кланяются ихъ мертвымъ тѣламъ или мощамъ, служатъ ихъ иконамъ». Вслѣдствіе этого Зиновій раскрылъ православное ученіе о почитаніи и призываніи святыхъ, о почитаніи ихъ св. мощей и иконъ, указывая основанія этого ученія, какъ въ новомъ, такъ и въ ветхомъ завѣтѣ и опровергая нѣкоторые частные вопросы и возраженія, какіе во время бесѣды предлагали крылошане.

Въ *восьмомъ собесѣдованіи*, весьма краткомъ (гл. 36), крылошане сказали, что, по мнѣнію Косаго, русскіе покланяются дереву вмѣсто Бога, почитая крестъ, который ненавистенъ Богу, какъ орудіе смерти Его сына. Зиновій объяснилъ, на основаніи слова Божія, истинное значеніе креста Христова и чрезъ то показалъ, что крестъ и любезенъ Богу и достоинъ почитанія и поклоненія вѣрующихъ христіанъ.

Въ началѣ *девятаго собесѣдованія* (гл. 37 и первая часть гл. 38) крылошане заявили: «Косой говорить, что преданіе церковное несогласно съ Василіемъ Великимъ, который написалъ: «прельстилъ насъ злѣйшій обычай и виною великихъ золъ было развращенное человѣческое преданіе». Здѣсь подъ человѣческимъ преданіемъ Косой разумѣетъ церковный уставъ и правила, пѣніе, тропари, постъ, поклоны, молитвы и проч.». Зиновій отвѣчалъ: «Косой изрекаетъ хулы на всѣ эти божественныя установленія въ церкви, и слѣдовало бы обличить подробно каждую его хулу; но какъ онъ думаетъ находить для себя основаніе въ приведенныхъ словахъ Василія Великаго, то, оставляя въ сторонѣ частныя хулы Косаго, обратимъ все наше вниманіе лишь на одно, о какомъ преданіи человѣческомъ говоритъ св. Василій». И вслѣдъ за тѣмъ Зиновій сначала представляетъ цѣликомъ все первое, весьма обширное слово Василія Великаго изъ его Постнической книги, содержащее въ себѣ вышеприведенное изреченіе о преданіи человѣческомъ, а потомъ дѣлаетъ обширнѣйшее, подробнѣйшее и утомительнѣйшее толкованіе на все это слово, отъ начала до конца, перебирая постепенно, одну за другою, всѣ заключающіяся въ словѣ мысли (306). И все это для того только, чтобы показать, что подъ многолѣтнимъ злѣйшимъ обычаемъ Василій разумѣлъ еллинское, т. е., языческое, служеніе, а подъ развращеннымъ преданіемъ человѣческимъ — градскіе языческіе законы, которые, преслѣдуя одни грѣхи—убійство, поджоги, поддѣлку монеты, не преслѣдовали другихъ, каковы — гнѣвъ, укоризна,

(306) На русскомъ языкѣ это слово Василія Вел., подъ заглавіемъ: «о судѣ Божіемъ» напечатано въ Твор. св. Отцевъ, IX. 7—26. А *Постническая* книга Василія здѣсь названа книгою *о подвижничествѣ*.

пьянство, столько противные христіанству; но вовсе не разумѣлъ церковнаго устава и правилъ, молитвъ, поста, пѣнія и проч.,—хотя для такой цѣли достаточно было взять и разъяснить одинъ ближайшій контекстъ рѣчи. Зиновій однакожъ не удовольствовался тѣмъ, что привелъ и подробно растолковалъ все первое слово Василіево изъ Постнической книги, онъ привелъ еще непосредственно за тѣмъ и все второе слово изъ той же книги—о правой вѣрѣ ([397]). Но прочитавши это слово, Зиновій почувствовалъ нужду въ отдохновеніи и предложилъ оставить его на нѣсколько дней, чтобы онъ могъ предаться посту и молитвѣ и испросить себѣ свыше духа премудрости для правильнаго истолкованія только-что прочитаннаго слова.

Бо̀льшую половину *десятаго собесѣдованія* (послѣдняя часть гл. 38—42, стр. 728—868) Зиновій дѣйствительно употребилъ на истолкованіе означеннаго слова Василіева о правой вѣрѣ, весьма подробное и обширное, и все для того только, чтобы сказать въ заключеніе: «вотъ мы прочли и вторые слово—о здравой вѣрѣ, и нигдѣ не нашли, чтобы Василій называлъ развращеннымъ человѣческимъ преданіемъ уставъ, правила, молитвы, постъ, покаяніе и проч.; напротивъ, въ концѣ слова онъ говоритъ, что постарался собрать вмѣстѣ, какія только могъ найти въ новомъ завѣтѣ, заповѣди и уставы и изложить по главамъ въ Постнической книгѣ. Разгнемъ же эту святую книгу и будемъ читать собранныя въ ней заповѣди и уставы» (стр. 814 — 815). При чтеніи этихъ уставовъ Зиновій дѣлалъ свои толкованія и останавливался только на главахъ—о покаяніи и нѣкоторыхъ другихъ.

([397]) Въ русскомъ переводѣ напечатано тамъ же 26—39.

въ которыхъ находилъ обличеніе противъ Косаго ([398]). Затѣмъ отъ уставовъ св. Василія переходилъ къ его правиламъ, изложеннымъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, и также истолковывалъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ видѣлъ обличеніе противъ Косаго, каковы правила о молитвѣ, о постѣ, о причащеніи св. таинамъ, о церквахъ и под. ([399]). Тутъ крылошане остановили Зиновія и сказали: «Косой говоритъ, что 70 правилъ Василія Великаго ложны, а не Василіевы, потому что они несогласны съ Постническою книгою Василія». Зиновій, напротивъ, показалъ, что правила эти согласны съ означенною книгою и принадлежатъ св. Василію Великому.

Въ *одиннадцатомъ собесѣдованіи* (гл. 43—46) крылошане, послѣ перваго своего замѣчанія, будто Василій Великій и самъ не принималъ всѣхъ правилъ, которое тотчасъ же было опровергнуто Зиновіемъ, всѣ свои возраженія направляли противъ епископовъ и противъ монастырей, ссылаясь постоянно на Постническую книгу Василія. *Крылошане*: «Правила суть человѣческое преданіе, о которомъ говоритъ Василій Великій: ихъ нѣтъ въ Евангеліи и Апостолѣ, а выдумали епископы». *Зиновій*: я уже объяснилъ прежде, что подъ человѣческимъ преданіемъ Василій разумѣлъ вовсе не церковныя правила, и что правила эти онъ собралъ изъ книгъ новаго завѣта и изложилъ въ своей Постнической книгѣ. *Крылошане*: «Василій порицаетъ епископовъ за то, что они требуютъ отъ людей послушанія, повелѣваютъ своею властію». *Зиновій*: Василій порицаетъ епископовъ кривовѣрныхъ, отторгающихъ во слѣдъ

([398]) Уставы эти, подъ названіемъ «Нравственныя Правила», напеч. въ Твор. св. Отц. VII, 359 и дал.

([399]) Напеч. въ Твор. св Отц. IX, 97. 213.

себя учениковъ и называющихъ себя учителями, а къ православнымъ епископамъ и ихъ власти повелѣваетъ имѣть послушаніе и покорность. *Крылошане*: «Василій говоритъ, что между епископами нѣтъ ни единомыслія, ни союза мира, ни кротости. Таковы русскіе игумены и епископы съ митрополитомъ: нѣтъ между ними ни союза мира, ни кротости, ибо гонятъ насъ и затворяютъ въ тюрьмы, не даютъ намъ учить истинѣ по Евангелію, а утверждаютъ свои человѣческія преданія....; схватили Косаго и Вассіана, и Игнатія, и Порфирія, и еще прежде Артемія, и отлучаютъ ихъ, не сохраняя любви». *Зиновій*: Василій говоритъ о епископахъ кривовѣрныхъ; а наши епископы и митрополиты правовѣрные и, благодатію Божіею, право и единомысленно правятъ слово истины и въ духѣ кротости и съ любовію принимаютъ всѣхъ приходящихъ къ церкви и обращающихся отъ грѣховъ съ покаяніемъ; но, какъ пастыри Христовыхъ овецъ, стараются охранять ихъ отъ волковъ и губителей, прогоняютъ волковъ камнями, стрѣлами и другимъ оружіемъ, и, когда бываетъ нужно, отсѣкаютъ руку или ногу, творящія соблазнъ, да не заразится и не погибнетъ все тѣло церковное. *Крылошане*: «епископы не принимаютъ на покаяніе такъ называемыхъ ими еретиковъ и не удостоиваютъ ихъ причастія, вопреки ихъ же правилъ». *Зиновій*: епископы, напротивъ, поступаютъ совершенно по правиламъ и принимаютъ всѣхъ кающихся, но сначала испытываютъ, истинно ли ихъ покаяніе, и уже потомъ удостоиваютъ ихъ св. причастія, а нѣкоторыхъ, бывшихъ отступниковъ, удостоиваютъ только подъ конецъ ихъ жизни. *Крылошане*: «Косой говоритъ: монастыри— преданіе человѣческое и уставы свои они составили по своей волѣ и обычаю; а Василій заповѣдуетъ отступать отъ своихъ

волей и обычаевъ и отъ преданія человѣческаго». *Зиновій:* да самъ Василій для кого же изложилъ въ Постнической книгѣ правила и уставъ, какъ не для монастырей и монаховъ? И всѣ эти правила и уставъ изложены по Евангелію, а не суть преданіе человѣческое. *Крылошане:* «но монастыри преступаютъ заповѣдь о нестяжаніи, имѣютъ села, и хорошо о томъ писали князь-инокъ Вассіанъ и Максимъ Грекъ, который указывалъ имъ и примѣръ нестяжательности въ одномъ латинскомъ монастырѣ». *Зиновій:* заповѣдь о нестяжательности, какъ и всѣ другія, дана не однимъ инокамъ, а всѣмъ христіанамъ, живущимъ какъ въ монастыряхъ, такъ и въ городахъ и селахъ: зачѣмъ же Вассіанъ и Максимъ укоряютъ только монастыри въ нарушеніи ея, а не монастырямъ дѣлаютъ всякую ослабу? Максимъ рѣшился осудить русскіе монастыри, какъ любостяжательные, а самъ не возмогъ отказаться отъ трапезы великаго князя: не избралъ себѣ въ пищу земныя сѣмена, вмѣсто того, чтобы питаться многоразличными яствами отъ великокняжеской трапезы; мнихъ онъ и проповѣдникъ нестяжательности для русскихъ монастырей, но самъ былъ одинъ изъ любостяжательныхъ. Предложилъ онъ въ укоръ русскимъ монастырямъ латинскій, монахи котораго два раза каждую недѣлю обходятъ съ мѣшками городъ, собираютъ брашно и питіе, и этимъ даяніемъ и милостынею питаются: но и русскіе монастыри развѣ не подобною же милостынею питаются? Разность въ томъ, что тѣ монахи дважды каждую недѣлю обходятъ городъ и села для собиранія милостыни, а наши только однажды въ годъ исходятъ въ свои деревни, пожалованныя имъ въ милостыню, чтобы собрать созрѣвшіе плоды, а потомъ весь годъ безмолвствуютъ въ монастыряхъ, въ постѣ и молитвахъ. И если бы Максимъ не въ укореніе писалъ нашимъ монастырямъ, онъ

указалъ бы для примѣра имъ не латинскій монастырь, а какой-либо изъ славныхъ монастырей египетскихъ или аѳонскихъ или греческихъ, откуда мы и православіе приняли.... Добрый Максимъ укорилъ русскіе монастыри въ стяжательности за то, что они принимаютъ въ милостыню деревни; а у меня выступаютъ слезы отъ жалости сердца, когда я припоминаю видѣнныхъ мною миниховъ нѣкоторыхъ монастырей, осуждаемыхъ ради деревень Максимомъ, какую грубую и скудную пищу вкушаютъ они, въ какой находятся бѣдности, какія переносятъ нужды и страданія.... Да и Вассіанъ, когда жилъ въ Симоновѣ монастырѣ, не хотѣлъ вкушать съ монахами ржанаго хлѣба, варенья изъ капусты и свеклы, каши и пива, какія монастырь имѣетъ изъ своихъ деревень, но получалъ роскошныя и разнообразныя яства и вина со стола великаго князя, между тѣмъ какъ иноки мнимаго стяжательнаго монастыря ѣдятъ не то, чего хотятъ, а что имъ дадутъ, въ постъ же довольствуются и однимъ убогимъ брашномъ.... *Крылошане:* «Максимъ сильно побуждаетъ хранить заповѣдь нестяжанія, и Косой, послѣдуя Максиму, говоритъ, что прельстились назвавшіе преподобными Кирилла, Пафнутія, Никона и прочихъ, имѣвшихъ села; по Максиму, они чужды спасенія». *Зиновій:* Максимъ писалъ въ досадѣ и раздраженіи, вслѣдствіе его заточенія, и не различалъ чистаго отъ нечистаго.... Св. отцы Ѳеодосій печерскій, Сергій, Кириллъ и всѣ прочіе, хотя имѣли села, но умѣли угодить Богу и быть великими подвижниками. Они принимали села, какъ милостыню для содержанія братіи, для поддержанія монастырскихъ церквей и келлій, но сохранили себя отъ стяжательности, побѣдили свои страсти и уже прославлены Богомъ знаменіями и чудесами. Замѣтимъ, что мы опустили въ этомъ собесѣдованіи нѣкоторые мелкіе вопросы

крылошанъ съ отвѣтами на нихъ Зиновія, а представленные отвѣты его изложили, по возможности, въ сокращеніи.

Въ самомъ началѣ *двѣнадцатаго* и послѣдняго *собесѣдованія* (гл. 47 — 56) крылошане сказали отъ имени Косаго: «нынѣ не должно писать книгъ, потому что седьмой соборъ, подъ проклятіемъ, запретилъ прилагать, послѣ седьмаго собора, писанія: а Іосифъ волоцкій написалъ свою книгу на еретиковъ послѣ седьмаго собора, законопреступно,—не слѣдуетъ ее читать». Зиновій отвѣчалъ: Іосифъ написалъ свою книгу на еретиковъ не отъ себя, а на основаніи писаній св. отцевъ. Косой укоряетъ эту книгу потому, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, обличается его ересь. Косой лжетъ на седьмой соборъ, который вовсе не запрещалъ писать послѣ него книги, и онѣ и писались послѣ него и доселѣ пишутся многими православными, но запретилъ только прилагать что-либо къ символу вѣры или писать новый символъ, какъ запрещали и предшествовавшіе вселенскіе соборы. Въ это время присоединился къ собесѣдникамъ одинъ мужъ изъ города, по имени *Захарія* Щечкинъ, который, ходя по внѣшнему двору монастыря, увидѣлъ ихъ и захотѣлъ послушать ихъ бесѣды. Узнавъ, о чемъ у нихъ рѣчь, онъ выразилъ сильное порицаніе къ лжеученію Косаго и его послѣдователей и полное сочувствіе къ Зиновію и началъ предлагать послѣднему рядъ своихъ недоумѣній и вопросовъ, къ которымъ только изрѣдка присоединяли свои вопросы крылошане. *Захарія:* «нѣмцы свейскіе поносятъ насъ—православныхъ за то, что мы кланяемся Богу на оба колѣна; они кланяются на одно и говорятъ, что такъ должно». *Зиновій:* должно кланяться на оба колѣна, по примѣру Господа (Матѳ. 15, 14) и апост. Павла (Дѣян. 20, 36). *Захарія:* «поносятъ насъ московскіе крылошане за то, что мы поемъ на

литургіи: «поемъ *тя*, благословимъ тя...»; они велятъ пѣть и **сами поютъ: «поемъ** *ти*, благословимъ тя...». *Зиновій*: дерзающій измѣнять и колебать что-либо въ свящ. пѣсняхъ, завѣщанныхъ апостолами и св. отцами, недалекъ отъ анаөемы. Надобно пѣть, какъ поетъ церковь: «поемъ *тя*», хотя въ св. Писаніи встрѣчаются выраженія—и пѣть *Богу* или *Господу* (Пс. 46, 7; 100, 1) и пѣть *Бога* или *Господа* (Пс. 21, 23; Дѣян. 16, 25); нужно вездѣ выражаться такъ, какъ положено. *Захарія*: «трисвятую пѣснь одни поютъ: «святъ, святъ, святъ... славы *твоея*», а другіе: «святъ... славы *его*». Какъ же должно пѣть?» *Зиновій*: этого вопроса я разрѣшить не въ состояніи. Серафимы на небеси взываютъ: «святъ... славы *его*» (Пс. 6, 3), и Златоустъ въ Маргаритѣ приводитъ эту пѣснь такъ же. Думаю, что изъ Маргарита взялъ ее и Варлаамъ Лопухинъ съ своими клевретами и началъ первый пѣть въ Сергіевѣ монастырѣ: «исполнь небо и земля славы *его*», и такъ теперь поютъ едва не повсюду. А прежде, отъ лѣтъ древнихъ, при нашихъ древнихъ митрополитахъ, у насъ всѣ пѣвали: «славы твоея». По высотѣ этой пѣсни и не постигая таинства, какъ пѣть ее, я сказать не смѣю и не могу. *Захарія*: «я слышалъ отъ Іосифа, рождественскаго игумена, что христіанамъ не будетъ вѣчной муки». *Зиновій*: истиннымъ христіанамъ, какъ чадамъ Божіимъ и святымъ, дѣйствительно не будетъ вѣчной муки; но утверждать, что не будетъ ея и для христіанъ — грѣшниковъ, не покаявшихся, это ересь и хула на Христа, который сказалъ, что грѣшники пойдутъ *во огнь вѣчный, въ муки вѣчныя* (Мат. 25, 41, 46). *Захарія*: «въ символѣ вѣры одни говорятъ: «сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята *и Марія Дѣвы*», а другіе: «отъ Духа Свята *изъ Марія Дѣвы*». Одно ли это и то же?»

Зиновій: объ этомъ писалъ Максимъ Грекъ и училъ, что должно употреблять первое выраженіе, а послѣднее возбранялъ. А мнѣ кажется, что если кто, православно вѣруя въ сердцѣ, и выражается, по неискусству рѣчи нашего языка: «отъ Духа Свята *изъ Марія Дѣвы*», то не будетъ осужденъ, хотя выраженіе: «отъ Духа Свята и Марія Дѣвы», по моему мнѣнію, чище и правильнѣе. *Захарія*: «въ томъ же символѣ вѣры одни говорятъ: «и въ Духа Святаго *Господа*», а другіе: «и въ Духа Святаго Господа *истиннаго*». Есть ли тутъ разность?» *Зиновій*: если кто говоритъ съ правою вѣрою и нелицемѣрно, то, думаю, здѣсь разности немного, хотя и не одно и то же. Однакожъ опасно не говорить: «и въ Духа Святаго *Господа*»: я видѣлъ, что такъ читается въ правилахъ древняго перевода, переписанныхъ при Ярославѣ князѣ, Владиміровѣ сынѣ, и епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей земли. Да такъ именно изложили символъ о Св. Духѣ и отцы перваго вселенскаго собора, а всѣ послѣдующіе вселенскіе соборы заповѣдали неизмѣнно содержать символъ и ничего не прибавлять и не убавлять въ немъ. *Захарія*: «говорятъ, что въ символѣ вѣры слова: «и въ Духа Святаго» — приложилъ, послѣ перваго собора, второй соборъ, какъ и помѣчено на сторонѣ въ нѣкоторыхъ переводахъ». *Зиновій* тутъ очень ошибся и утверждалъ, что это ложь и соблазнъ, что вторый соборъ не дѣлалъ этого приложенія, а такъ изложилъ о Духѣ Святомъ именно первый соборъ, и въ доказательство ссылался опять на правила древняго перевода, писанныя при Ярославѣ, и на то, что Кириллъ іерусалимскій и Василій Великій, писавшіе прежде втораго вселенскаго собора, приводили уже и изъясняли эти слова символа о Св. Духѣ, будто бы по изложенію перваго вселенскаго собора. *Захарія*: «отчего нѣкоторые

въ концѣ символа не хотятъ говорить: «*чаю* воскресенія мертвыхъ», а говорятъ: «*жду* воскресенія мертвыхъ»? *Зиновій*: думаю, или оттого, что не разумѣютъ силы слова — *чаю*, или отъ самомнѣнія. Люди, уже умершіе, *ждутъ* воскресенія; а намъ, еще живущимъ, приличнѣе выражаться: *чаю* воскресенія мертвыхъ. *Крылошане*: «Максимъ повелѣлъ говорить: «жду воскресенія мертвыхъ», потому что слово *чаю*—рѣчь не твердая, и будетъ ли или не будетъ то, чего мы чаемъ, неизвѣстно, а слово *жду* — твердая рѣчь и выражаетъ то, что будетъ». *Зиновій*: Максимъ мало зналъ русскій языкъ, когда пришелъ къ намъ; а какъ въ то время многіе наши вельможи, держась въ сердцѣ жидовской ереси, старались по наружности казаться православными, *чая* чрезъ это избѣгнуть казней, и стали употреблять слово — *чаяніе* въ смыслѣ неизвѣстности, сбудется ли или не сбудется чаемое ими, то отъ нихъ-то Максимъ и позаимствовалъ это слово въ такомъ смыслѣ. Но прежде той ереси всѣ русскіе люди, какъ простой народъ, такъ и вельможи, употребляли слово — *чаю* въ смыслѣ твердой рѣчи и непреложной; да и въ писаніи говорится о Христѣ: *той чаяніе языковъ* (Быт. 49, 10). *Захарія*: «въ Псковѣ поютъ на литургіи: «Отче нашъ», и думаютъ пѣть: «вѣрую во единаго». Какъ же въ нашемъ городѣ не поютъ молитвы Господней?» *Зиновій*: пѣть «Отче нашъ»—есть великая дерзость, это не пѣснь, а молитва, и Господь не сказалъ ученикамъ, сице *пойте*, а заповѣдалъ: сице *молитеся*. Равно и «вѣрую во единаго» — не есть пѣснь или тропарь, а исповѣданіе вѣры. Много согрѣшаютъ поющіе «Отче нашъ» и «вѣрую во единаго»: они колеблютъ уставъ святыхъ и недалеки отъ еретиковъ. *Захарія*: «повѣдай мнѣ объ иконѣ Богоотца Саваоѳа: нѣкоторые не принимаютъ этой иконы, другіе чудятся ей и

хвалять ее, какъ мудро составленную; есть и сказаніе объ этой иконѣ». Зиновій, выслушавъ сначала сказаніе объ иконѣ, отвѣчалъ, что и икона и сказаніе далеки отъ ученія православной церкви и вовсе чужды благочестивой вѣры и мысли. Изображать Бога Отца въ образѣ Давида — великая дерзость: Богъ Отецъ присносущъ, безначаленъ, безконеченъ, а Давидъ человѣкъ, рабъ Божій.... Кромѣ того, здѣсь на главѣ Бога Отца изображена схима, а на плечахъ омофоръ, въ знаменіе будто бы того, что Онъ царь и святитель, какъ объясняетъ сказаніе. Но схима показываетъ не царя, а раба покорнаго — инока; царя же показываютъ діадима и порфира. И Богъ Отецъ нигдѣ въ Писаніи не именуется святителемъ или архіереемъ, какъ именуется только Сынъ Божій І. Христосъ.... и проч. *Крылошане*: «но ты прежде укорялъ Косаго за хуленіе иконъ, а нынѣ самъ не похваляешь иконы Саваоѳа въ образѣ Давидовѣ». *Зиновій*: я укорялъ Косаго за то, что онъ вообще хулитъ иконы и отвергаетъ почитаніе ихъ, а я отнюдь не хулю иконъ, а не одобряю только неразумнаго и чуждаго православной мысли изображенія на иконѣ Бога Отца. *Крылошане*: «въ ростовскихъ книгахъ есть правило шестаго вселенскаго собора, гдѣ говорится, что отцы неокесарійскаго собора не хорошо поняли написанное въ Дѣяніяхъ о седьми діаконахъ и неправильно постановили, что должно имѣть только семь діаконовъ. Здѣсь есть похуленіе на неокесарійскій соборъ». *Зиновій*: въ ростовскихъ правилахъ, которыя писаны недавно, на бумагѣ, а не на кожѣ, вѣроятно, кто-либо изъ не боящихся Бога исказилъ истину. Но вотъ въ книгѣ правилъ, писанной на кожѣ при Изяславѣ, сынѣ Ярослава, внукѣ Владиміра, крестившаго землю русскую, сказано, что отцы шестаго вселенскаго собора, разсмотрѣвъ правило неокесарійскаго

собора о седьми діаконахъ, объяснили, что соборъ этотъ повелѣлъ быть седьми діаконамъ на служеніе трапезамъ, а не на служеніе алтарю. И такимъ образомъ тотъ и другой соборъ оказываются въ согласіи, какъ руководившіеся однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ. *Крылошане*: «нѣкоторые говорятъ, что шестой соборъ повелѣлъ писать иконы, а до шестаго собора иконы не были писаны». *Зиновій*: это ложь. Шестой соборъ запретилъ только писать на иконахъ Христа въ видѣ агнца, прообразовавшаго Его въ ветхомъ завѣтѣ, а повелѣлъ изображать Христа, какъ Онъ явился въ новой благодати. Иконы же писались и прежде шестаго собора, еще въ ветхомъ завѣтѣ, при Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ, и въ новомъ отъ дней апостоловъ, изъ числа которыхъ Лука написалъ икону Богородицы. Тотъ же шестой соборъ запретилъ изображать крестъ на землѣ, чтобы онъ не былъ попираемъ, но вообще подтвердилъ древнее чествованіе св. креста Христова.

Ересь Ѳеодосія Косаго въ существѣ была совершенно сходна съ ересію жидовствующихъ, отвергая въ христіанствѣ все, собственно христіанское, и опираясь на ветхій завѣтъ, но имѣла и свои особенности. Жидовствующіе держались всѣхъ вообще книгъ ветхаго завѣта, хотя въ своихъ возраженіяхъ противъ христіанъ не отказывались пользоваться и свящ. книгами новаго завѣта и даже писаніями отцевъ. Косой признавалъ истинными только пять книгъ ветхозавѣтныхъ — Моисеевыхъ, называя ихъ столповыми, хотя не отказывался пользоваться противъ христіанъ и прочими книгами ветхаго и новаго завѣта и даже писаніями Отцевъ. Да и самыя возраженія жидовствующихъ и Косаго противъ христіанъ не всегда были одинаковы. Отсюда объясняются какъ сходство, такъ и различіе между сочиненіемъ Зиновія противъ Косаго и «Просвѣтителемъ»

преп. Іосифа волоцкаго противъ жидовствующихъ. Оба опп. Іосифъ и Зиновій, защищали и раскрывали догматъ о Пресв. Троицѣ; но первый на основаніи всѣхъ книгъ ветхозавѣтныхъ, а послѣдній только на основаніи пятокнижія. Оба доказывали догматъ о божествѣ І. Христа, но одинъ текстами изъ ветхаго завѣта, а другой—свидѣтельствами новаго завѣта, соотвѣтственно возраженіямъ. Оба касались догмата о воплощеніи; но Іосифъ доказывалъ, пользуясь—вообще ветхозавѣтными книгами, что І. Христосъ, воплотившійся Сынъ Божій, есть истинный Мессія, и старался объяснить собственными соображеніями, что воплощеніе достойно Бога и сообразно съ Его совершенствами, а Зиновій указывалъ и раскрывалъ только прообразованія воплощенія и обѣтованія о Мессіи, изложенныя въ одномъ пятокнижіи. Оба защищали употребленіе и почитаніе св. иконъ на основаніи ветхаго завѣта; но Іосифъ привелъ также и новозавѣтныя свидѣтельства о поклоненіи иконамъ и подробно объяснилъ разные виды поклоненія и особенно поклоненія Богу. Оба защищали монашество; но Зиновій только опровергалъ возраженія противъ любостяжательности монастырей, а Іосифъ раскрывалъ самое происхожденіе монашества, его существо и характеръ. Такимъ образомъ нѣкоторыя истины, именно о Пресв. Троицѣ, о воплощеніи, о почитаніи иконъ, о монашествѣ, изложены у Іосифа гораздо подробнѣе или многостороннѣе; но зато въ сочиненіи Зиновія, можно сказать вообще, раскрытіе истинъ и изложеніе мыслей отчетливѣе и основательнѣе. Какъ тотъ, такъ и другой обладали обширными познаніями въ свящ. писаніи; но Іосифъ часто приводилъ тексты, для подтвержденія какой-либо истины, безъ всякаго съ своей стороны объясненія, а Зиновій, приводя тексты, всегда истолковывалъ ихъ смыслъ и силу доказательности. Іосифъ поражаетъ

своею начитанностію въ писаніяхъ св. отцевъ и множествомъ отеческихъ свидѣтельствъ, имъ приводимыхъ. Зиновій не показалъ такой начитанности и даже почти не приводитъ отеческихъ свидѣтельствъ, а все объясняетъ или доказываетъ самъ, и въ этомъ главное его отличіе отъ Іосифа и отъ всѣхъ современныхъ писателей, по крайней мѣрѣ, судя по настоящему сочиненію Зиновія. Но ненапрасно, еще предъ началомъ своихъ собесѣдованій съ крылошанами, Зиновій сказалъ: «отеческое ученіе вѣмъ добрѣ», и потомъ, когда они однажды укорили его, будто онъ толкуетъ писаніе дерзко, сослался на согласіе своихъ толкованій съ ученіемъ трехъ вселенскихъ учителей: толкованія Зиновія, хотя онъ выражалъ ихъ своими словами, дѣйствительно согласны съ писаніями отцевъ и нерѣдко заимствованы изъ нихъ ([400]). Любилъ и Іосифъ обращаться иногда къ соображеніямъ разума: но Зиновій пользовался ими гораздо чаще, хотя соображенія его не всегда были удачны, а тѣ, которыя онъ употреблялъ для изъясненія таинства Пресв. Троицы, даже весьма неудачны. Есть и въ сочиненіи Іосифа мысли и цѣлые отдѣлы, излишніе для его цѣли; но у Зиновія такихъ излишествъ больше и нѣкоторыя изъ нихъ гораздо обширнѣе и рѣзче, каковы доказательства бытія Божія и особенно обширныя толкованія на цѣлыя два слова св. Василія Великаго. Слогъ у Зиновія, по складу и многимъ словамъ и выраженіямъ, своеобразный, не похожій на слогъ другихъ писателей того времени, имѣющій мало естественности и правильности и очень трудный для пониманія, пока къ нему не привыкнешь. Впрочемъ, несмотря на всѣ недостатки, замѣчаемые въ сочиненіи Зиновія, о немъ болѣе, нежели о комъ-

---

([400]) Истин. Показ. стр. 13.

либо другомъ изъ его современниковъ, справедливо можно сказать: это былъ богословъ мыслящій и дававшій себѣ отчетъ во всемъ, о чемъ онъ говорилъ или писалъ, а не довольствовавшійся готовыми мыслями и свидѣтельствами «отъ божественныхъ писаній», какъ большею частію поступали тогда другіе. Остается замѣтить, что въ концѣ своего сочиненія, въ послѣднемъ собесѣдованіи, Зиновій познакомилъ насъ съ нѣкоторыми, весьма любопытными, религіозными вопросами своего времени и съ своимъ взглядомъ на эти вопросы.

Другое полемическое сочиненіе Зиновія, подъ заглавіемъ: «черноризца посланіе многословное къ вопросившимъ о извѣстіи благочестія на зломудріе Косаго и иже съ нимъ», сохранилось въ спискѣ конца XVI в. и хотя не надписано именемъ Зиновія, но усвояется ему съ полною достовѣрностію ([401]). Въ этомъ «посланіи» отобразился тотъ же самый авторъ, котораго мы видѣли въ «Показаніи истины». Онъ современникъ Косаго и писалъ противъ него еще при его жизни: простой инокъ, не облеченный ни въ какой священный санъ, и, при всемъ томъ, пользовавшійся, по своей учености, такою извѣстностію, что къ нему, какъ къ авторитету, обращались въ вопросахъ вѣры. Въ «посланіи» тотъ же самый слогъ, своеобразный, что и въ «Показаніи истины»: повто-

---

([401]) Списокъ этотъ, въ 4°, на 276 листахъ, принадлежавшій библіотекѣ Кирилло-бѣлозер. монастыря, находится нынѣ въ библіотекѣ Спб. Дух. Академіи за № 1108. Здѣсь въ заглавіи посланія, съ самаго начала, оставлено мѣсто для написанія имени автора, но имя не написано. А въ другомъ спискѣ этого самаго посланія, который въ 1836 г. списанъ былъ въ библіотекѣ Кирилло-бѣлозер. монастыря юрьевскимъ монахомъ Павломъ и находится нынѣ также въ библіотекѣ Спб. Дух. Академіи, бывшой Софійской, за № 1241, на первой страницѣ, рукою неизвѣстнаго, сдѣлана слѣдующая надпись: «Многословное посланіе *Зиновія*, монаха Отенской пустыни, о ереси Косаго», хотя далѣе въ самомъ заглавіи посланія имя это не прибавлено.

ряются тѣ же мысли, приводятся тѣ же доказательства мыслей и даже выражаются иногда тѣми же словами. Другаго писателя, столько похожаго на Зиновія, во второй половинѣ XVI в., мы не знаемъ. Обстоятельства, вызвавшія появленіе многословнаго посланія объяснены въ особой статьѣ, помѣщенной въ рукописи предъ самымъ посланіемъ и озаглавленной: «Сказаніе многословному посланію». Сказаніе это сначала сообщаетъ свѣдѣнія о Косомъ и его товарищахъ, о ихъ бѣгствѣ въ Литву и успѣхахъ ихъ проповѣди между тамошними православными; потомъ излагаетъ главнѣйшія черты лжеученія еретиковъ: далѣе повѣствуетъ, что, для удостовѣренія сомнѣвавшихся, лжеучители указывали на какого-то «калугера», который будто-бы тоже зналъ истину,—какъ называли они свое лжеученіе,—но только таилъ ее и молчалъ, и что по этому-то колебавшіеся христіане и написали къ калугеру грамоту, умоляя его сказать имъ истину благочестія и объяснить, «аще полезно учатъ ихъ Косого чадь»; наконецъ, свидѣтельствуетъ, что калугеръ «абіе написа посланіе сіе многословное, въскорѣ и неукрашено, токмо православно, къ колеблемымъ людемъ о благочестіи отъ еретикъ», и затѣмъ по порядку, довольно подробно передаетъ все содержаніе посланія. Это сказаніе, по всей вѣроятности, написано не самимъ авторомъ посланія — Зиновіемъ, о которомъ постоянно говоритъ въ третьемъ лицѣ, а какимъ-нибудь переписчикомъ посланія, и во всякомъ случаѣ написано послѣ посланія, отдѣльно отъ него, и не было послано, вмѣстѣ съ нимъ, къ православнымъ литовцамъ.

Многословное посланіе, кромѣ предисловія и послѣсловія, заключаетъ въ себѣ восемь отдѣленій. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ вопроса и отвѣта: вопросомъ служатъ слова изъ письма литовцевъ къ Зиновію, выражающія тѣ или другія части лжеученія Ѳеодосія Косаго: отвѣтъ составляютъ опро-

верженія Зиновія на это лжеученіе. Отдѣленія слѣдуютъ одно за другимъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ изложены въ письмѣ части разсматриваемаго лжеученія, и не имѣютъ между собою внутренней связи и логической послѣдовательности.

Въ *предисловіи* Зиновій пишетъ къ вопросившимъ его, — а) что прочелъ ихъ грамоту, достойную рыданія и слезъ, но исполнить ихъ просьбу — выше его мѣры, — ибо онъ худый христіанинъ и, главное, не имѣетъ рукоположенія отъ архіерея, не имѣетъ права учительства; б) что лжеучители клевещутъ на него, называя его знающимъ ихъ истину и единомудрствующимъ съ ними, тогда какъ онъ остается вѣренъ обѣтамъ, которые далъ при крещеніи, и если молчитъ, то потому только, что его никто не спрашивалъ, и особенно потому, что не имѣетъ рукоположенія; в) что и теперь онъ рѣшается говорить единственно ради великаго имени Божія, которымъ они заклинали его и умоляли сказать имъ истину благочестія, и отнюдь не берется учить ихъ, а хочетъ только объяснить имъ то, чему научился самъ отъ богоносныхъ мужей — св. апостоловъ и ихъ преемниковъ (эти же мысли, только покороче, какъ мы видѣли, Зиновій выражалъ и крылошанамъ въ «Показаніи истины» предъ началомъ своихъ собесѣдованій съ ними). Въ *первомъ отдѣленіи* приводится начало письма литовскихъ христіанъ, гдѣ говорятъ они, что крестились во имя Пресв. Троицы и доселѣ исповѣдуютъ ту св. вѣру, какую отцы ихъ приняли еще при Владимірѣ, но вотъ нынѣ пришли въ страну ихъ «стери, мнящеся чернеческая посяще», и учатъ, что вѣра ихъ не права, такъ какъ они ходятъ въ церкви, чего въ евангеліи и въ апостолѣ не писано; что при апостолахъ церквей не было, что, по разрушеніи іудейскаго храма, церквей и не

должно быть, и нынѣшнія христіанскія церкви не суть церкви, а «кумирницы и златокузницы». Отвѣчая на это, Зиновій прежде всего убѣждаетъ литовцевъ оставаться вѣрными православію, держаться твердо ученія св. апостоловъ, св. отцевъ и учителей церкви, такъ что если бы и *ангелъ благовѣстилъ имъ паче* или иначе, *анаѳема да будетъ*, и потому отнюдь не слушать и не принимать *новыхъ* учителей и *новаго* ученія (мысль, которая гораздо подробнѣе развита Зиновіемъ въ первомъ его собесѣдованіи съ крылошанами). Потомъ, въ опроверженіе лжеученія этихъ новыхъ учителей относительно христіанскихъ храмовъ, приводитъ и изъясняетъ изреченія Спасителя, особенно слова: *храмъ мой храмъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ* (Марк. 11, 17), какъ законоположенія о созиданіи христіанскихъ храмовъ, и разныя мѣста изъ Дѣяній и Посланій апостольскихъ, какъ указанія на дѣйствительное существованіе храмовъ во дни апостоловъ. Далѣе, переходя къ преемникамъ апостоловъ, дѣлаетъ замѣчаніе: «такъ какъ писанія первыхъ великихъ учителей — Іероѳея и Діонисія, аѳинскихъ епископовъ, Климента, Иринея и другихъ не всѣмъ можно находить, когда понадобится, то мы разгнемъ книги намѣстниковъ ихъ и послѣдующихъ учителей, особенно же Василія Великаго, Григорія богослова и Іоанна Златоустаго», какъ болѣе доступныя всякому, и дѣйствительно приводитъ многія, и иногда весьма обширныя, выписки относительно храмовъ сперва изъ Григорія богослова, потомъ изъ Златоуста, наконецъ изъ Василія Великаго. Во *второмъ отдѣленіи*, представивъ изъ письма литовцевъ возраженія Косаго противъ почитанія иконъ, Зиновій опровергаетъ эти возраженія и повторяетъ, большею частію, тѣ же самыя мысли и доказательства, только гораздо короче, какія подробнѣе изложилъ въ Показаніи

истины, въ шестомъ собесѣдованіи съ крылошанами, объясняя, что еретики не различаютъ чистаго отъ нечистаго, что иное— идолъ или кумиръ и иное—икона, образъ, что Богъ запретилъ почитаніе идоловъ и кумировъ, но самъ заповѣдалъ Моусею поставить въ скиніи изображенія серафимовъ и другія иконы и проч. *Третье отдѣленіе* направлено противъ лжеученія еретиковъ, будто не должно молиться и творить поклоны, не должно употреблять пѣсней церковныхъ и псалмопѣній, не должно поститься христіанамъ. Тутъ Зиновій приводитъ: а) весьма многія мѣста изъ евангелія, которыя показываютъ, что Христосъ заповѣдалъ молиться, далъ образецъ молитвы, самъ молился и преклонялся, принималъ поклоненія отъ другихъ, самъ постился и заповѣдалъ поститься; б) столько же многочисленныя мѣста изъ Дѣяній и Посланій апостольскихъ, свидѣтельствующія, что и апостолы, какъ сами молились и постились и воспѣвали Господу, такъ и заповѣдали молиться и поститься и воспѣвать *во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ;* в) наконецъ, весьма многія, а иногда и весьма обширныя, выписки изъ Постнической книги Василія Великаго и изъ Маргарита св. Іоанна Златоуста, относящіяся къ тѣмъ же самымъ предметамъ. Въ *четвертомъ отдѣленіи* разсматриваются, по письму литовцевъ, нѣсколько разнородныхъ лжеученій Косаго и, во-первыхъ, то, будто всѣ вѣры равны предъ Богомъ, по слову апостола Петра: *во всякомъ языцѣ бояйся Его и дѣлаяй правду пріятенъ Ему есть* (Дѣян. 10, 35), и потому не нужны людямъ ни крещеніе, ни причащеніе. Въ опроверженіе этого лжеученія Зиновій, съ одной стороны, объясняетъ, что св. Петръ сказалъ означенныя слова въ то время, когда, по повелѣнію Божію, позванъ былъ къ язычнику Корнилію, мужу благоговѣйному и богобоязненному,

чтобы возвѣстить ему слово спасенія и крестить язычника, и слѣд. выразилъ вовсе не ту мысль, будто крещеніе не нужно людямъ, а только ту, что спасеніе о Христѣ предназначено не для однихъ іудеевъ, какъ прежде думалъ и самъ Петръ, но и для язычниковъ, и что и всякій богобоязненный язычникъ, можетъ, подобно Корнилію, привлечь на себя благоволеніе Божіе и удостоиться спасительнаго крещенія. Съ другой же стороны—прямо доказываетъ необходимость крещенія и причащенія для спасенія людей, какъ текстами свящ. писанія, такъ особенно обширнѣйшими выписками изъ Постнической книги Василія Великаго и изъ твореній Григорія богослова и Іоанна Златоустаго. Затѣмъ опровергаетъ Зиновій: а) лжеученіе еретиковъ, будто не должно дѣлать никакихъ приношеній въ церковь,—текстами свящ. писанія, а преимущественно обширными выписками изъ Григорія богослова и Златоуста; б) лжеученіе, будто монашество не имѣетъ основанія ни въ евангеліи, ни въ апостолѣ и противно имъ,— также разъясненіемъ извѣстныхъ текстовъ писанія и примѣрами древнихъ великихъ учителей и подвижниковъ; в) лжеученія, будто не должно подавать милостыни нищимъ, потому что они — псы; будто не должно почитать родителей и именовать себѣ на земли отцевъ; будто не должно повиноваться ни духовнымъ наставникамъ, ни гражданскимъ властямъ и давать имъ дани: противъ всего этого приведены не многія, но весьма ясныя свидѣтельства свящ. писанія. Въ *пятомъ отдѣленіи* Зиновій доказываетъ, вопреки лжеученію еретиковъ, что должно почитать святыхъ и призывать ихъ въ молитвахъ, должно почитать самыя ихъ мощи, читать ихъ мученія и житія, вѣрить ихъ чудесамъ, и при этомъ пользуется текстами писанія, соображеніями разума и обширными

выписками изъ Василія Великаго, Григорія богослова и Іоанна Златоустаго. Въ *шестомъ отдѣленіи* точно такъ же доказываетъ и объясняетъ частію текстами писанія, частію свидѣтельствами отцевъ — Діонисія ареопагита и Златоуста, что должно почитать Пресв. Богородицу и св. крестъ Христовъ и что вообще почитаніе святыхъ есть вмѣстѣ почитаніе самого Бога и совершенно съ нимъ согласно. Въ *седьмомъ отдѣленіи* Зиновій, опровергая еретиковъ, говорившихъ, будто попы суть ложные учители и къ нимъ-то относится: *горе вамъ, книжницы, фарисеи, лицемѣры*,—сначала замѣчаетъ, что по-истинѣ лицемѣры суть только тѣ попы, которые измѣнили православію и приняли лжеученіе Косаго: потому что они, хотя вмѣстѣ съ еретиками называютъ церкви кумирницами, иконы — идолами, отвергаютъ почитаніе святыхъ и креста, отвергаютъ таинства, молитвы, пѣснопѣнія, церковныя приношенія, сами однакожъ ходятъ въ тѣ же самыя церкви и совершаютъ въ нихъ всѣ таинства и прочія священнодѣйствія, обманывая и себя и народъ и посмѣваясь надъ святынею. А затѣмъ кратко объясняетъ, что православные священники суть истинные учители и что должно слушать ихъ, хотя они и не всегда творятъ сами то, чему учатъ другихъ. Въ *осьмомъ и послѣднемъ отдѣленіи* на жалобу еретиковъ, что ихъ гонятъ, какъ гнали апостоловъ, за истину и не даютъ имъ проповѣдывать слово Божіе, Зиновій наставляетъ православныхъ литовцевъ отвѣчать еретикамъ такъ: скажите намъ, какое слово Божіе вы проповѣдуете? Апостолы отъ самого Бога приняли слово Божіе и проповѣдали во всемъ мірѣ, и оно доселѣ сохраняется и проповѣдуется въ церкви; а вы откуда взяли новое слово Божіе, несогласное съ апостольскимъ, когда если *и ангелъ благовѣститъ паче* и иначе, нежели благовѣстили апостолы

анаѳема да будетъ? Скажите еще, кто далъ вамъ право учительства? Апостолы получили это право отъ Бога и передали своимъ преемникамъ чрезъ таинственное рукоположеніе, а васъ кто послалъ на проповѣдь? Не уподобляйте себя апостоламъ: апостоловъ гнали, какъ учениковъ Христовыхъ, за христіанское благочестіе; а вы ученики антихристовы и васъ гонять за нечестіе. Если бы вы, по слову Господа, были нищи духомъ, милостивы, кротки, чисты сердцемъ, тогда вы могли бы говорить, что терпите гоненіе, какъ ученики Христовы. Но вы не нищи духомъ, а превозноситесь надъ всѣми властями, поставленными самимъ Богомъ, и не хотите покоряться ни духовнымъ, ни гражданскимъ начальствамъ; вы не милостивы, напротивъ учите не подавать нищимъ и бѣднымъ никакой милостыни и называете ихъ псами, и проч... Вы не ученики, а враги Христовы, исчадія Іуды предателя, истинные Христоубійцы, попирающіе кровь Христову въ таинствахъ, и потому блаженны и преблаженны гонящіе васъ и убивающіе васъ многими муками. Вы не только еретики, но вѣроотступники, измѣнники, мятежники, законопреступники, и васъ, по закону градскому и царскому, должно преслѣдовать и умерщвлять наряду съ разбойниками, измѣнниками, законопреступниками... и т. далѣе. Всѣ эти наставленія литовцамъ изложены весьма подробно и обширно. Въ *послѣсловіи* Зиновій убѣждаетъ православныхъ помнить то, что онъ написалъ имъ, и для этого кратко повторяетъ, по порядку, содержаніе всѣхъ восьми отдѣленій своего посланія, а наконецъ даетъ заповѣдь молиться за еретиковъ, да пошлетъ имъ Господь покаяніе и да обратятся на истинный путь евангелія Христова.

Если сравнимъ «Многословное посланіе» съ «Показаніемъ истины» Зиновія, то увидимъ, что эти сочиненія, при всемъ

сходствѣ, какъ по содержанію, такъ и по слогу, имѣютъ между собою немало и различія. Въ «Показаніи истины» Зиновій излагаетъ свои устныя собесѣдованія и при томъ съ такими лицами, которыя были уже послѣдователями Косаго, отстаивали его лжеученіе и открыто нападали на православное христіанство. А при устныхъ собесѣдованіяхъ выборъ предметовъ и направленіе бесѣды могли отчасти зависѣть отъ самого Зиновія, и очень естественно, если, пользуясь этою возможностію и имѣя въ виду, кто его противники, онъ старался прежде всего ниспровергнуть самое основаніе ихъ ереси и показать, что новое ученіе, проповѣдуемое Косымъ, не отъ Бога, и вслѣдъ за тѣмъ защитить самые основные догматы христіанства, — о бытіи Божіемъ, о Пресв. Троицѣ и о божествѣ Іисуса Христа, — хотя другіе предметы для бесѣдъ указывали уже противники Зиновія, и онъ долженъ былъ только отвѣчать на ихъ вопросы, опровергать ихъ возраженія. Естественно и то, что онъ свои доказательства, опроверженія, отвѣты при этихъ собесѣдованіяхъ заимствовалъ преимущественно изъ пяти книгъ Моусеевыхъ, уважаемыхъ его противниками, и изъ соображеній разума, и почти не пользовался другими свящ. книгами, почти не приводилъ свидѣтельствъ отеческихъ, или если и пользовался, въ немногихъ случаяхъ, текстами изъ книгъ новаго завѣта, если разбиралъ извѣстныя сочиненія Василія Великаго, то потому только, что изъ этихъ книгъ и сочиненій сами противники заимствовали нѣкоторыя свои возраженія. Совсѣмъ иное—въ «Многословномъ посланіи». Здѣсь Зиновій не устно бесѣдуетъ, а пишетъ отвѣты на присланные ему вопросы, и имѣетъ дѣло не съ послѣдователями еретика, а съ православными христіанами, которые хотя ко-

леблются ересію, но остаются еще вѣрующими и ищутъ себѣ подкрѣпленія въ вѣрѣ. Здѣсь Зиновій не могъ выбирать самъ, о чемъ писать, а долженъ былъ говорить лишь о томъ, о чемъ его спрашивали; не могъ или не имѣлъ побужденій защищать тѣ основные догматы христіанства, которые защищалъ въ другомъ своемъ сочиненіи: такъ какъ объ этихъ догматахъ его не спрашивали христіане, потому ли, что не сомнѣвались въ нихъ, или потому, что не слышали еше возраженій противъ нихъ отъ лжеучителей. Зато здѣсь разбираетъ Зиновій, по запросу христіанъ, нѣкоторыя новыя части лжеученія Косаго, которыхъ вовсе не касался въ «Показаніи истины», каковы: о непочитаніи родителей, о неповиновеніи властямъ, о немилосердіи къ нищимъ, и довольно подробно защищаетъ нѣкоторыя истины православія, которыхъ въ «Показаніи истины» едва касался мимоходомъ, каковы: о христіанскихъ храмахъ, о почитаніи Богородицы, о необходимости крещенія и причащенія для спасенія человѣка. Здѣсь, наконецъ, Зиновій, ведя рѣчь съ вѣрующими христіанами, не чувствовалъ себя вынужденнымъ ограничиваться въ своихъ доказательствахъ и опроверженіяхъ только текстами изъ пятокнижія и соображеніями разума, а свободно пользовался всѣми священными книгами и преимущественно новозавѣтными, смѣло приводилъ свидѣтельства, даже обширнѣйшія выписки изъ твореній св. отцевъ, хотя и немногихъ, а почти исключительно трехъ: Василія Великаго, Григорія и Іоанна Златоуста. Такимъ образомъ оба сочиненія Зиновія какъ бы восполняютъ одно другое и, только взятыя вмѣстѣ, даютъ полное понятіе какъ о лжеученіи Косаго, такъ и объ умственныхъ качествахъ Зиновія.

Остальная духовная литература настоящаго періода пред-

ставляетъ одни почти житія святыхъ и подобныя сочиненія. Таковы:—а) *слово о св. мученикахъ черниговскихъ, князь Михаилъ и бояринъ Феодоръ* — черноризца Зиновія, о которомъ мы только что говорили, и б) сказаніе *объ обрѣтеніи мощей св. Іоны, архіепископа новгородскаго,* усвояемое ему же—Зиновію на основаніи того, что въ Сказаніи замѣчаютъ и слогъ Зиновія и прямыя заимствованія изъ его «Показанія истины» ([402]). Таковы же—в) *житіе преп. Александра Ошевенскаго,* обширное и богатое по содержанію, составленное въ 1567 г. іеромонахомъ того же монастыря Феодосіемъ по устнымъ преданіямъ и въ особенности по разсказамъ родственниковъ преподобнаго и глубокихъ старцевъ обители ([403]): г) *житія преп. Антонія Сійскаго, Сергія Нуромскаго и Варлаама Пінежскаго или Важскаго,* написанныя священноинокомъ Сійскаго монастыря Іоною, бывшимъ нѣсколько времени игуменомъ въ Глушицкомъ монастырѣ: первое онъ написалъ въ 1578 г., по просьбѣ сійскаго игумена Питирима; второе — въ 1584 г., по просьбѣ братіи Нуромской обители третье — въ 1589 г., по просьбѣ братіи Важскаго монастыря ([404]); д) другая редакція *житія преп. Антонія Сійскаго,* написанная въ 1579 г. царевичемъ Иваномъ, сыномъ царя Грознаго, по просьбѣ того же сійскаго игумена Питирима и новгородскаго архіепископа Александра, и по благословенію митрополита Антонія: царевичъ воспользовался тру-

---

([402]) Прибавл. къ Тв. св. Отц. VIII, 522. 525 — 526; *Ключевск.* Древнерусск. житія, 267.

([403]) Опис. рукоп. *Царск.*, № 125, стр. 56; Опис. рукоп. *Толст.*, стр. 216.

([404]) Опис. рукоп. *Царск.*, стр. 43. 44. 64; Опис. 24-хъ рукоп. Сборн. XVI в. Новг. Соф. библ., въ Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис., вып. III отд. 3, стр. 66. Списокъ житія преп. Варлаама Пѣнежскаго есть и въ Сборн. нашей библ. № 8, л. 213.

домъ Іоны, одно въ немъ сократилъ, другое изложилъ болѣе витіевато, а самъ сочинилъ только новое предисловіе къ житію и потомъ еще особое похвальное слово преп. Антонію ([405]); е) *житіе преп. Герасима Болдинскаго*, составленное, по просьбѣ иноковъ—учениковъ преподобнаго, игуменомъ Болдинской обители Антоніемъ, который въ 1586 г. возведенъ въ санъ вологодскаго епископа: авторъ внесъ въ житіе автобіографію Герасима, продиктованную имъ предъ смертію ученикамъ, и дополнилъ эту біографію разсказами самихъ учениковъ; ж) *житіе преп. Геннадія Костромскаго*, написанное, между 1584—1587 г., ученикомъ его и игуменомъ основаннаго имъ монастыря Алексѣемъ, который также внесъ въ житіе преподобнаго духовное завѣщаніе его, продиктованное имъ предъ смертію; з) *житіе преп. Корнилія Комельскаго*, написанное въ 1589 г. постриженникомъ и ученикомъ его Наѳанаиломъ, который нѣкоторые разсказы передаетъ со словъ самого своего учителя; и) *житіе преп. Александра Куштскаго*, составленное, какъ можно догадываться, во дни царя Ивана Васильевича Грознаго, хотя ни имя автора, ни годъ составленія житія неизвѣстны ([406]).

Изъ другихъ сочиненій того времени, впрочемъ крайне немногихъ, стоитъ упомянуть развѣ только объ одномъ — о *Путешествіи московскихъ купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова* съ товарищами во Іерусалимъ, Египетъ и на Синайскую гору. Они ходили туда въ 1583 г., по волѣ

([405]) *Карамз.* IX, примѣч. 612; Опис. рукоп. *Царск.* стр. 43; Славяно-русскія рукоп. *Ундольскаго*, №№ 284. 285 (Опис. стр. 217).

([406]) Библіот. М. Истор. Общ. № 42; Славяно-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № 301, л. 126, № 329 (Опис. стр. 227. 238); *Ключев.* Древне-русск. житія. 300. 303. 304.

грознаго царя, для раздачи милостыни на поминовеніе убитаго имъ царевича Ивана, и въ своихъ запискахъ, со всѣмъ простодушіемъ и легковѣріемъ, разсказываютъ о видѣнномъ и слышанномъ ими въ разныхъ мѣстахъ востока. По справедливости, и это сочиненіе заслуживаетъ вниманія не столько само по себѣ, сколько потому, что составляло одно изъ любимыхъ чтеній для нашихъ предковъ, судя по многочисленности его списковъ ([407]).

([407]) Напечатано *Сахаровымъ* во II томѣ Сказаній Русскаго народа. Снес. П. Собр. Русск. Лѣт. III, 263.